А. Ѳ. КОНИ.

ОТЦЫ и ДѢТИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ.

(Къ пятидесятилѣтію Судебныхъ Уставовъ).

1864 20 ноября 1914.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.
1914.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1914.

Посвящается

молодымъ

судебнымъ дѣятелямъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

20 ноября настоящаго года исполняется пятидесятилѣтіе со дня обнародованія Судебныхъ Уставовъ. Эти Уставы были плодомъ возвышеннаго труда, проникнутаго сознаніемъ отвѣтственности составителей ихъ предъ Россіей, жаждавшей правосудія въ его дѣйствительномъ значеніи и проявленіи. Это былъ трудъ сложный, самостоятельный и многосторонній, въ одно и то же время критическій и созидательный,—трудъ, исполненный довѣрія къ духовнымъ силамъ русскаго народа и его способности пріять новыя учрежденія съ живымъ сочувствіемъ и непосредственнымъ въ нихъ участіемъ. Въ этомъ смыслѣ работа *отцовъ* Судебныхъ Уставовъ — настоящій памятникъ ихъ любви къ родинѣ.

За знаменательнымъ днемъ появленія Судебныхъ Уставовъ послѣдовала усиленная подготовка ко введенію судебной реформы, возвѣщенной ими и непосредственно съ ними связанной. Чрезъ полтора года были открыты новыя судебныя установленія въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ, постепенно, обновленіе и преобразованіе стараго суда, — не удовлетворявшаго ни потребностямъ общественной жизни, ни нравственному чувству, — распространились на всю Россію. Этотъ старый судъ, рѣшительная отмѣна котораго была возвѣщена Судебными Уставами представлялъ въ законодательномъ своемъ начертаніи и въ практическомъ осуществленіи безотрадную картину, оправдывавшую негодующія слова Хомякова о томъ, что наша жизнь «въ судахъ черна неправдой черной». Законной опорой его дѣйствій являлись вторыя части X и XV томовъ Свода Законовъ, въ значительной части, особенно по отношенію къ уголовному процессу, представлявшія лишенное внутренней связи собраніе самыхъ разнородныхъ и разновременныхъ постановленій, механически сливавшихъ воедино статьи Уложенія царя Алексѣя Михаиловича, указы Петра и, какъ выразился въ 1837 году Государственный Совѣтъ, «виды правительства», обнародованные въ различныхъ распоряженіяхъ. Этотъ судъ существовалъ для немногихъ и за немногое. Цѣлая масса населенія была неподсудна общему для всѣхъ разбирательству; претензіи и проступки его подлежали разсмотрѣнію спеціальныхъ сословныхъ и вѣдомственныхъ судовъ (числомъ до двадцати) съ неясными границами подсудности. Въ особенности широкое примѣненіе имѣло разбирательство чи-

новъ полиціи и вотчинныхъ владѣльцевъ, при которомъ понятіе о судебномъ разсмотрѣніи неизбѣжно переходило въ понятіе о безконтрольномъ отношеніи къ имущественнымъ правамъ и къ произвольной расправѣ. Суды общіе находились въ сильной зависимости отъ административной власти, вмѣшательство которой въ приговоры и рѣшенія не сопровождалось ни служебной, ни нравственной отвѣтственностью и пріучало общество не питать уваженія къ незыблемости закона и утѣшать себя увѣренностью, что «на милость суда нѣтъ». Подъ предлогомъ стремленія къ торжеству болѣе чѣмъ сомнительной справедливости, не стѣсняющейся пустыми формальностями, простыми распоряженіями «начальства», уничтожались или существенно измѣнялись долговыя обязательства, отмѣнялись судебныя рѣшенія, назначались слѣдствія по дѣламъ, не заключавшимъ въ себѣ признаковъ преступленія, а иногда налагалась печать молчанія и умышленнаго забвенія о мрачныхъ и преступныхъ дѣлахъ, о которыхъ предоставлялось вопіять къ небу, но не къ земному правосудію. Дѣйствовавшіе подъ покровомъ безгласности и канцелярской тайны общіе суды считались коллегіальными, но самъ законъ допускалъ такой составъ присутствія (напримѣръ, въ магистратахъ и ратушахъ), въ которомъ всѣ судьи были неграмотные, и возлагалъ на секретаря изложеніе рѣшеній такихъ судей. Даже Сенатъ былъ небогатъ людьми просвѣщенными и, въ особенности, получившими юридическое образованіе. Въ общихъ судахъ господствовала канцелярія, вслѣдствіе чего отсутствіе при судебномъ разбирательствѣ «корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ» составляло скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило. Дѣятели этой канцеляріи цѣнились по своей практической опытности, которая, въ сущности, состояла изъ рутинной и въ то же время изворотливой техники, облеченной въ отяготительное многословіе, замѣнявшее собою правильныя понятія о духѣ и цѣляхъ закона. Отсюда безчисленныя отписки, допускаемыя самимъ закономъ и поощряемыя дѣльцами судебныхъ канцелярій, и плодовитость въ возбужденіи частныхъ производствъ, возвращавшихъ дѣло почти-что къ его первоисточнику и влекшихъ за собою сугубую медленность поразительныхъ размѣровъ.

Однимъ словомъ — въ старомъ судѣ торжествовало въ рукахъ приказныхъ людей своеобразное правосудіе, среди органовъ котораго нерѣдко *власть безъ образованія* заливала собою небольшіе островки *образованія безъ власти*, и въ дѣятельности котораго здравыя правовыя понятія иногда «и не ночевали». Поэтому многозначительныя слова коронаціонной ектеніи «яко суды Его не мздоимны и не лицепріятны сохрани!» являлись не мольбою объ устраненіи возможности, а воплемъ предъ подавляющею дѣйствительностью. Перо художника и юморъ бытописателя оставили незабываемые образы суда и типическихъ судей дореформеннаго времени. Гоголь и Иванъ Аксаковъ, Салтыковъ-Щедринъ и Горбуновъ нарисовали картины отправленія правосудія, правдивость которыхъ подтверждается серьезными изслѣдователями и очевидцами, каковы, напримѣръ, Ровинскій, Стояновскій и др.

Великія реформы Александра II не могли не коснуться этого—такъ называемаго суда — печальнаго памятника безсудія и безправія. Недаромъ Пушкинъ, въ провидѣніи будущаго, еще въ тридцатыхъ годахъ говорилъ Соболевскому, что «послѣ освобожденія крестьянъ у насъ явятся

гласные процессы, присяжные и пр.». Судебная реформа призвана была нанести ударъ худшему изъ видовъ произвола, произволу судебному, прикрывающемуся маской формальной справедливости. Она имѣла своимъ послѣдствіемъ оживленіе въ обществѣ умственныхъ интересовъ и научныхъ трудовъ. Со старой судебной практикой наукѣ было нечего дѣлать. Представители послѣдней или брезгливо отворачивались отъ безгласнаго суда съ его «волокитой» по гражданскимъ дѣламъ и съ примѣненіемъ стараго Уложенія, отъ обильно расточаемыхъ по которому плетей и клеймъ вѣяло Средними вѣками, — или же пѣли этому суду раболѣпные дифирамбы. Въ первомъ случаѣ наука уходила въ даль и глубину вѣковъ, изощряясь въ изслѣдованіяхъ о давно умершихъ институтахъ, о кунахъ, вирахъ и т. п. — во второмъ она, устами извѣстнаго профессора-криминалиста, ставила себѣ въ заслугу утвержденіе въ слушателяхъ *глубокаго уваженія* къ отечественнымъ постановленіямъ по преподаваемому имъ предмету. Вслѣдствіе отчужденности или угодливости науки вліяніе ея на законодательство и судебную практику было совершенно ничтожнымъ. Да и самое законодательство въ значительной мѣрѣ оправдывало изреченіе Виндшейда о томъ, что юриспруденція есть лишь служанка законодательства, но служанка въ терновомъ вѣнцѣ. Только съ изданіемъ Судебныхъ Уставовъ—судебная практика и наука пошли рука объ руку, въ гармоническомъ взаимодѣйствіи.

Первые дѣятели новаго суда «со страхомъ Божіимъ и вѣрою» смотрѣли на свое служеніе Судебнымъ Уставамъ,—видѣли въ нихъ своего рода «скинію завѣта» и съ благоговѣйнымъ одушевленіемъ стремились примѣнить ихъ къ жизни. Между ними и творцами этихъ Уставовъ была живая связь,—они старались вникнуть въ мысль и глубину намѣреній послѣднихъ и своимъ *поведеніемъ* при отправленіи правосудія осуществить тѣ этическія требованія, которыя слышались и чувствовались за статьями новаго закона. Какъ нельзя отдѣлить, поэтому, обнародованія Судебныхъ Уставовъ отъ введенія ихъ въ дѣйствіе и первыхъ шаговъ тѣхъ, кто имѣлъ счастіе быть призваннымъ къ осуществленію высокихъ началъ, которыми они были проникнуты, — такъ, вспоминая это время, нельзя отдѣлить работу *отцовъ* судебной реформы отъ дѣятельности *дѣтей*, т.-е. ихъ ближайшихъ учениковъ и практическихъ приложителей этой реформы къ жизни...

Автору настоящаго сборника выпалъ завидный жребій знать лично и по службѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ *отцовъ* и многихъ изъ *дѣтей*—и посвятить имъ въ разное время приводимыя здѣсь воспоминанія. Не всѣ изъ этихъ «поминокъ» относятся къ дѣятелямъ первыхъ шаговъ судебной реформы, во введеніи которой въ Петербургскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ судебныхъ округахъ ему пришлось участвовать въ 1866, 1867 и 1870 годахъ, но ему казалось умѣстнымъ помѣстить очерки, относящіеся къ нѣкоторымъ судебнымъ дѣятелямъ позднѣйшаго времени, на служеніи которыхъ Судебнымъ Уставамъ явно отразились завѣты и направленіе творцовъ судебной реформы. Цѣль предлагаемаго сборника — посильное оживленіе представленія о времени введенія судебной реформы и о ея піонерахъ. «Пока живо *преданіе*—подъ знаменемъ его можетъ работать рядъ послѣдующихъ поколѣній,—говоритъ Кантъ,—но разъ оно умерло,

первыми бѣгутъ молодые, потомъ средніе, а на стариковъ сыплются насмѣшки». Авторъ не опасается упрека въ томъ, что онъ, будто бы, обращаетъ вниманіе исключительно на свѣтлую сторону въ описываемыхъ имъ лицахъ, не рисуя тѣневой, ибо такой упрекъ былъ бы несправедливъ по существу, и, при томъ, истинная справедливость требуетъ судить людей не по временнымъ ихъ заблужденіямъ и уступкамъ подъ давленіемъ непосильныхъ обстоятельствъ, а по лучшимъ, возвышеннымъ свойствамъ ихъ личности и дѣятельности. Въ силу этого въ очерки, посвященные *судебнымъ* дѣятелямъ, внесены указанія (по отношенію къ нѣкоторымъ довольно подробныя) на ихъ труды въ *ученой*, *литературной* и *художественной* области, дающія болѣе цѣльное понятіе о многосторонности ихъ образа.

Книга посвящается *молодымъ судебнымъ дѣятелямъ*, съ горячимъ желаніемъ, чтобы они, въ своемъ служеніи родному правосудію на почвѣ Судебныхъ Уставовъ, умѣли проникнуться идеями *отцовъ* и примѣромъ *дѣтей*. Эти Уставы были выработаны не для пустого пространства. Будучи вызваны требованіями самой жизни, къ ея потребностямъ они и должны примѣняться. Въ основу многаго въ нихъ были вложены широкія и твердыя упованія, но не предшествующій опытъ, за невозможностью его полученія и провѣрки. Поэтому обнаруженіе и исправленіе нѣкоторыхъ частичныхъ въ нихъ недостатковъ не только возможно, но было и неизбѣжно. Добросовѣстная критика *частностей* можетъ только содѣйствовать внѣдренію въ общественный и государственный укладъ тѣхъ *общихъ* началъ, которыя были, съ глубокимъ сознаніемъ ихъ важности, заложены въ фундаментъ Уставовъ. Но это допустимо лишь при соблюденіи вниманія и уваженія къ трудамъ и завѣтамъ *отцовъ* Судебныхъ Уставовъ, съ безусловнымъ сохраненіемъ во всемъ новомъ или измѣняемомъ основъ истиннаго правосудія и возвышающей ихъ человѣчности. Этого требуютъ память о лучшихъ дняхъ нашего общественнаго прошлаго и вѣра въ дальнѣйшее духовное и гражданское развитіе родины.

Пусть будетъ дано немногимъ, еще оставшимся въ живыхъ, съ благоговѣйнымъ упованіемъ привѣтствовавшимъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ появленіе Судебныхъ Уставовъ и радостно шедшимъ имъ на служеніе— получить возможность, глядя на образъ дѣйствій и трудъ *молодыхъ* судебныхъ дѣятелей, повторить имъ историческія слова: «въ новизнѣ вашей намъ старина наша слышится!»....

Отъ издателя.

Настоящій сборникъ образовался изъ тѣхъ очерковъ А. Ѳ. Кони о составителяхъ Судебныхъ Уставовъ и дѣятеляхъ судебной реформы, которые были помѣщены, между прочими статьями, въ его книгахъ: „Очерки и воспоминанія", „За послѣдніе годы" и „На жизненномъ пути" и нынѣ дополнены предисловіемъ и послѣсловіемъ. Портреты и группы, приложенные къ сборнику, относятся по большей части ко второй половинѣ шестидесятыхъ и первой половинѣ семидесятыхъ годовъ; — лишь нѣкоторые (Шамшина, Бобрищева-Пушкина, Случевскаго и Морошкина) сняты въ позднѣйшее время. Изъ семидесяти лицъ, изображенныхъ на нихъ, осталось въ живыхъ лишь двѣнадцать. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и авторъ, современный портретъ котораго издатель призналъ умѣстнымъ также помѣстить въ предлагаемой книгѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дмитрій Александровичъ Ровинскій.

(1824—1895 г.)

I.

Наше время упрекаютъ—и не безъ основанія—въ измельчаніи личности и въ господствѣ чрезмѣрной спеціализаціи. Оба эти явленія въ тѣсной связи между собою—и оба печально отражаются на духовномъ складѣ общественной жизни. Личность все болѣе и болѣе умаляется, стушевывается, изъ сознательнаго и нравственно отвѣтственнаго *«я»* стремясь укрыться подъ безличное *«мы»*. Слабѣетъ воля, тускнѣютъ идеалы, и все рѣже встрѣчаются такъ называемые характеры. Современный образованный человѣкъ можетъ, если хочетъ, обладать гораздо большимъ богатствомъ по части знанія, чѣмъ его отцы и дѣды; онъ окруженъ и несравненно болѣе удобною внѣшнею обстановкою: масса техническихъ открытій облегчаетъ ему пользованіе матеріальной стороною жизни. Но, на ряду съ этою возможностью широкаго знанія и съ этими удобствами, въ немъ самомъ нерѣдко замѣчается недостатокъ нравственной силы и дѣятельнаго отношенія къ жизни во всемъ, что не касается узко-личныхъ, по большей части мелкихъ, интересовъ. Слова графа Уварова: «les circonstances sont infiniment grandes et les hommes infiniment petits»—звучатъ подчасъ горькою правдою. Ученіе о душевныхъ болѣзняхъ указываетъ на особое состояніе, называемое «равновѣсіемъ уменьшенныхъ силъ», при которомъ ни одна изъ способностей организма не уничтожена, но всѣ онѣ равномѣрно ослаблены и, такъ сказать, укорочены. Господство такого же равновѣсія уменьшенныхъ силъ въ области труда, энергіи, отзывчивости, дѣятельной любви замѣчается и во многихъ областяхъ нашей государственной и общественной жизни. Къ этому присоединяется замыканіе себя людьми въ узкую спеціальность, которая сторонится отъ живого и многоструйнаго теченія жизни — и вырабатываетъ въ своемъ обладателѣ равнодушное и даже презрительное отношеніе ко всему, что лежитъ внѣ ея области. Подъ вліяніемъ всего этого часто утрачивается интересъ къ прошлому и вѣра въ будущее. Вчерашній день ничего не говоритъ забывчивому, одностороннему и лѣнивому мышленію, а день грядущій представляется лишь какъ повтореніе мелкихъ и личныхъ житейскихъ приспособленій.

Тѣмъ болѣе цѣнны люди съ опредѣленнымъ нравственнымъ обликомъ, чей многосторонній и безкорыстный трудъ не можетъ проходить безслѣдно

для общества, служенію интересамъ и развитію самосознанія котораго онъ былъ всецѣло отданъ. Чѣмъ шире и разнороднѣе дѣятельность такихъ людей, тѣмъ интереснѣе ихъ личность, чѣмъ богаче духовными дарами эта личность, тѣмъ глубже и плодотворнѣе результаты ея дѣятельности.

Къ такимъ людямъ принадлежалъ почившій лѣтомъ 1895 года Дмитрій Александровичъ Ровинскій.

Ученый, глубокій знатокъ и работникъ въ области искусства, опытный законовѣдъ и судебный практикъ, писатель и блестяще образованный человѣкъ, почетный членъ Академіи Художествъ и Академіи Наукъ и заслуженный членъ высшаго кассаціоннаго суда.—Ровинскій былъ не только во всѣхъ отношеніяхъ выдающимся, но и въ высшей степени своеобразнымъ, цѣльнымъ и интереснымъ человѣкомъ. Въ немъ жила неутолимая жажда дѣятельности и живого труда, и онъ не зарылъ въ землю, какъ «рабъ лѣнивый и лукавый», талантъ своихъ обширныхъ знаній, проницательность ума и теплоту добраго сердца. Всю жизнь служа родинѣ и искусству, онъ сложилъ свои трудовыя руки лишь лицомъ къ лицу со смертью...

Государственная служба Ровинскаго началась, когда ему еще не было полныхъ двадцати лѣтъ. Родившійся 16-го августа 1824 года, онъ былъ опредѣленъ на службу въ седьмой департаментъ Сената 13-го іюня 1844 г., тотчасъ по окончаніи курса однимъ изъ первыхъ въ Училищѣ правовѣдѣнія. Седьмой департаментъ, гдѣ уже въ декабрѣ 1844 года Ровинскій занялъ должность помощника секретаря, находился въ Москвѣ. Въ «бѣлокаменную» влекли молодого юриста воспоминанія дѣтства и родственныя отношенія. Тамъ прожилъ онъ до самой своей смерти, въ 1838 г., его отецъ, женатый на дочери лейбъ-медика Екатерины II—Мессинга, участникъ войнъ съ Наполеономъ и командиръ нижегородскаго ополченія въ 1812 году, бывшій затѣмъ, до 1830 года, вторымъ полиціймейстеромъ Москвы и дѣятельнымъ сотрудникомъ старшаго полиціймейстера генерала Шульгина по устройству городской пожарной команды. Къ изображенію Шульгина въ «Русскихъ гравированныхъ портретахъ» Ровинскаго приложенъ слѣдующій характерный отзывъ объ этомъ оригиналѣ графа Н. Н. Муравьева-Карскаго: «человѣкъ простой и грубый, но исправный и проворный, хотя безъ дальнихъ соображеній, постоянно былъ употребляемъ въ должности полиціймейстера. къ ней имѣлъ особое призваніе,—большой крикунъ, хлопотунъ, любившій разсказывать о своихъ подвигахъ, тушить пожары и иногда своеручно поколотить...» Эта любовь его къ тушенію пожаровъ, искусно направляемая отцомъ Д. А. Ровинскаго, имѣла своимъ послѣдствіемъ образцовую по тому времени организацію пожарной команды, которою москвичи гордились предъ иностранными гостями, а рѣзецъ народныхъ художниковъ запечатлѣлъ въ лубочныхъ листахъ подъ названіемъ: «Действіе московской Пожарной Команды во время Пожара», при чемъ Шульгинъ нарисованъ мчащимся, парою, стоя на «калиберѣ», въ сопровожденіи казака и жандарма.

Съ начала 1848 г. Ровинскій, оставивъ Сенатъ, исполнялъ обязанности московскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго; съ лѣта 1850 г., въ теченіе почти трехъ лѣтъ, обязанности товарища предсѣдателя Московской Уголовной Палаты, а въ августѣ 1853 г. былъ назначенъ на особо важный, трудный и отвѣтственный постъ московскаго губернскаго прокурора. Должность эта, составляя наслѣдіе Петровскихъ временъ и одно изъ лучшихъ

украшеній Екатерининскихъ учрежденій, имѣла огромное значеніе въ нашемъ дореформенномъ строѣ. Упраздненіе связанныхъ съ нею правъ и обязанностей по надзору за ходомъ не судебныхъ дѣлъ слѣдуетъ признать большою ошибкою составителей Судебныхъ Уставовъ. Совершенное измѣненіе въ характерѣ дѣятельности прокурора, придавая ему «обвинительную обособленность», быть-можетъ, и выходило красивымъ съ теоретической точки зрѣнія, но противорѣчило условіямъ нашей административной жизни и шло въ разрѣзъ съ внутренними потребностями нашего губернскаго строя. Въ торопливомъ осуществленіи страстнаго желанія поскорѣе расчистить для новыхъ насажденій мѣсто, поросшее бурьяномъ и полусгнившими деревьями, былъ срубленъ дубъ, стоявшій на-стражѣ лѣса...

Губернскій прокуроръ съ губернскими стряпчими составлялъ особое, во многихъ отношеніяхъ совершенно независимое отъ мѣстной администраціи учрежденіе, такъ называемую «прокурорскую камеру». Оно имѣло надзоръ за всѣми мѣстными присутственными мѣстами, опредѣленія которыхъ только тогда признавались соотвѣтствующими закону и приводились въ исполненіе, когда на нихъ была извѣстная прокурорская помѣта: *читалъ*. Имѣя право безпрепятственнаго входа во всѣ губернскія мѣста и занимая мѣсто въ присутствіи при докладѣ дѣлъ, губернскій прокуроръ и стряпчіе въ уѣздахъ были живымъ напоминаніемъ закона и, во многихъ случаяхъ, его обязательными истолкователями. Въ дѣлахъ судебныхъ губернскій прокуроръ былъ всегдашнимъ ходатаемъ по искамъ казны, обществъ и установленій. На обязанности его лежало возбужденіе *безгласныхъ* дѣлъ. Онъ охранялъ—интересы казны, участвуя въ пріемѣ казеннаго имущества и въ производствѣ торговъ на казенные подряды и поставки,—интересы и права частныхъ лицъ, свидѣтельствуя, въ составѣ особаго присутствія губернскаго правленія, людей, подлежавшихъ опекѣ по безумію или сумасшествію, и требуя учрежденія слѣдственныхъ комиссій по дѣламъ особой важности. Наконецъ, онъ охранялъ права арестантовъ, будучи главнымъ блюстителемъ ихъ содержанія «безъ употребленія орудій, закономъ запрещенныхъ» и ходатаемъ по ихъ дѣламъ. Имѣя обязанность увѣдомлять губернское начальство о всѣхъ замѣченныхъ имъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, губернскій прокуроръ сносился въ то же время непосредственно съ министромъ юстиціи, свободный отъ какихъ-либо аттестацій со стороны начальника губерніи. Будучи, по существу своихъ правъ и обязанностей, делегатомъ центральной правительственной власти, вдвинутымъ въ среду мѣстнаго управленія, онъ, при добромъ желаніи и сознаніи долга, могъ не безъ основанія считать себя «окомъ царевымъ».

Исторія министерства юстиціи съ тридцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ представляетъ не мало примѣровъ энергической борьбы губернскихъ прокуроровъ съ мѣстными злоупотребленіями. Борьба эта не всегда была успѣшна, но уже самое возникновеніе ея, основанное на *предписаніи* закона, опредѣлявшаго обязанности губернскаго прокурора, дѣйствовало благотворно, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда послѣдствіемъ ея являлись сенаторскія ревизіи, несшіяся, какъ грозовыя тучи, на мѣстность, пораженную правовою засухою... Богъ знаетъ, сколько тягостныхъ пререканій, гдѣ голосъ оскорбленныхъ самолюбій и властолюбій заглушаетъ ропотъ искажаемой истины, было бы устранено, сколько окольныхъ путей для жалобъ и взаимныхъ об-

виненій «поросло бы травой забвенія», если бы въ широкія рамки обязанностей губернскаго прокурора была въ 1864 г. влита энергія тѣхъ молодыхъ и полныхъ любви къ дѣлу силъ, которыя обречены были упражнять свое стремленіе къ законности и талантливое трудолюбіе исключительно на обвинительномъ поприщѣ.

Сдѣлавшись губернскимъ прокуроромъ, Ровинскій принесъ на эту должность всю свою молодую — ему было еще только 29 лѣтъ — жизненность и отзывчивость. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принесъ и большой опытъ. Служба товарищемъ предсѣдателя Палаты и, главное, губернскимъ стряпчимъ дала ему богатый матеріалъ для обращенія вниманія на наиболѣе больныя мѣста судебной и, въ особенности, административной дѣятельности. Онъ горячо принялся за работу, настойчиво во все вникая и зорко ко всему приглядываясь. Задача московскаго губернскаго прокурора — именно московскаго—за его время была очень нелегкая. Не говоря уже о массѣ дѣла, требовавшей внимательнаго труда, въ виду особаго значенія, которое могло имѣть прокурорское «читалъ» для жителей столицы и одной изъ населеннѣйшихъ губерній, — область дѣятельности этого прокурора находилась въ совершенно особомъ положеніи. Въ Москвѣ былъ, кромѣ губернатора, еще и графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, снабженный особыми полномочіями, легендарный генералъ-губернаторъ, всевластно правившій въ Москвѣ съ 1848 г. въ теченіе десяти лѣтъ и назначенный туда послѣ 17-лѣтней опалы, какъ—по его собственнымъ словамъ — надежный оплотъ противъ разрушительныхъ идей, грозившихъ притти съ Запада. Безукоризненно честный въ матеріальныхъ отношеніяхъ, большой хлѣбосолъ и нѣжный, слабый отецъ, — этотъ осанистый, полный старикъ, совершенно лысый, съ маленькими хитрыми глазками на кругломъ лицѣ («Русскіе гравированные портреты»), съ выдвинутою впередъ нижнею губою, творилъ судъ и быструю расправу посвоему, не стѣсняясь закономъ и своеобразно возстановляя порядокъ повсюду, даже и въ чужихъ семьяхъ, разными необычайными средствами, въ родѣ, напримѣръ, арестованія жены и родственниковъ неисправнаго подрядчика, забравшаго впередъ деньги, и т. п. Вторженіе Закревскаго во всякія дѣла и въ томъ числѣ въ судебныя, особливо гражданскія, было явленіемъ частымъ и, безъ сомнѣнія, составляло соблазнительный примѣръ и для ближайшихъ его подчиненныхъ, такъ что губернскому прокурору нужно было много такта и умной настойчивости, чтобы охранять законъ и исполнять свои обязанности, «не взирая на лица». Неслышное и, по большей части, незамѣтное для окружающаго общества, прямое и косвенное отстаиваніе закона отнимало много времени у Ровинскаго и дѣлало его положеніе, какъ онъ самъ впослѣдствіи сознавался, подчасъ болѣе чѣмъ затруднительнымъ. Не даромъ онъ обращался, при своихъ работахъ по судебному преобразованію, съ суровыми укоризнами къ генералъ-губернаторской власти въ томъ видѣ, какъ ее понималъ и практиковалъ въ свое время графъ Закревскій.

Тяжела была и дѣятельность по чисто-судебной части. Права губернскаго прокурора были большія, и онъ могъ (съ 1846 года) останавливать своими протестами исполненіе приговоровъ уголовныхъ Палатъ, но не слѣдуетъ забывать, что надъ судомъ и надъ прокуроромъ стояла теорія формальныхъ, предустановленныхъ доказательствъ, которая связывала и угнетала свободное приложеніе судейскаго разумѣнія къ даннымъ дѣла. Какое бы

вниманіе, какую бы серьезность ни вносилъ прокуроръ въ оцѣнку опредѣленія уголовной Палаты, онъ былъ безсиленъ отвратить эту Палату отъ того уклончиваго и ложнаго пути, который кончался знаменитымъ «оставленіемъ въ подозрѣніи», никого не удовлетворявшимъ, но прописываемымъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ; указанныхъ въ судебной фармакопеѣ и рецептурѣ, носившихъ названіе второй части XV тома Свода Законовъ. Громкія уголовныя дѣла, волновавшія Москву въ пятидесятыхъ годахъ, нерѣдко оканчивались приговоромъ, въ которомъ, изъ-за формальной правильности и полнаго соотвѣтствія дѣйствовавшимъ правиламъ о доказательствахъ, ярко сквозило матеріальное неправосудіе, при чемъ во всей красѣ сказывались и молчаніе связанной по рукамъ и ногамъ судейской совѣсти и апатичная работа притупившагося на механическомъ примѣненіи Уложенія о наказаніяхъ ума.

Много огорченій, волненій и горькихъ минутъ сознанія своего безсилія предъ буквальнымъ приложеніемъ безжизненнаго закона къ вопіющимъ явленіямъ жизни пережилъ Ровинскій въ бытность свою губернскимъ прокуроромъ... Дѣла о возмутительныхъ преступленіяхъ надъ личностью и о надругательствахъ сильнаго надъ слабымъ, полныя краснорѣчивыхъ косвенныхъ уликъ, попавъ въ русло, вырытое *присяжными* свидѣтелями, достовѣрность показаній которыхъ обусловливалась ихъ *общественнымъ положеніемъ* и другими *совершенными* и *несовершенными* доказательствами — быстро и почти безповоротно выцвѣтали, обрастая тиною разныхъ крючкотворныхъ подходовъ и подьяческихъ подвоховъ, затемнявшихъ истину. Стоитъ припомнить хотя бы, напримѣръ, дѣло объ услышавшей только отъ высшихъ судебныхъ учрежденій должную оцѣнку своей виновности вдовѣ гвардіи капитана, судившейся за чудовищное обращеніе съ десятилѣтнимъ сыномъ, проводившимъ дни и ночи въ запертомъ шкапу — голоднымъ до-полусмерти, избитымъ, истерзаннымъ и завязаннымъ, со скрученными назадъ руками, въ чехолъ отъ дивана, при чемъ, подъ предлогомъ отученія его отъ дурной привычки, обвиняемая, оставленная первоначально лишь *въ подозрѣніи* и уже однажды судившаяся безплодно за безчеловѣчное обращеніе съ крестьянами, предавалась по отношенію къ сыну манипуляціямъ, въ которыхъ жестокость переплеталась съ извращеннымъ сладострастіемъ... Сюда надо отнести такія дѣла, какъ, напримѣръ, дѣло помѣщика, нанесшаго своему больному, *девяностолѣтнему* слугѣ,—вымогая для себя у него его скудныя сбереженія—28 рубленыхъ сабельныхъ ранъ, отъ которыхъ тотъ на другой день умеръ,—и не признаннаго виновнымъ въ убійствѣ; или дѣло надворнаго совѣтника, наглымъ образомъ надругавшагося надъ невинною и беззащитною дѣвушкою, въ обстановкѣ, чрезвычайно напоминающей сцену покушенія Свидригайлова на честь Дуни Раскольниковой въ «Преступленіи и Наказаніи»—и оставленнаго въ сильномъ подозрѣніи; или дѣло о покушеніи на жизнь калужскаго помѣщика посредствомъ адской машины, по которому Надворный Судъ призналъ возможнымъ оставить человѣка, принесшаго потерпѣвшему ящикъ, *зная*, что въ немъ заключена такая машина, въ сильномъ подозрѣніи, выславъ его въ то же время изъ Москвы; или, наконецъ, ужасное дѣло о семнадцатилѣтней фигуранткѣ, проданной своимъ отцомъ, театральнымъ музыкантомъ, знатному молодому человѣку, который напоилъ ее возбуждающимъ растворомъ и привелъ тѣмъ въ состояніе полового бѣ-

шенства, коимъ воспользовались, кромѣ него, и другіе негодяи, окружавшіе его. Несчастная дѣвушка была возвращена домой лишь на третій день, въ состояніи полнаго сумасшествія, изъ котораго не выходила до самой своей страдальческой кончины. Московскіе судьи того времени нашли справедливымъ ограничиться отдачею главнаго виновника въ солдаты или военные писцы съ выслугою и безъ потери правъ,—и присужденіемъ отца жертвы за потворство *разврату дочери* къ трехмѣсячному лишенію свободы... А сколько, подъ прикрытіемъ строгаго соблюденія теоріи формальныхъ доказательствъ, разрѣшалось такимъ образомъ дѣлъ негромкихъ! Губернскій прокуроръ, обремененный массою другихъ обязанностей, долженъ былъ вчитываться и вдумываться въ каждое рѣшеніе, чтобы не покрыть иногда своимъ «читалъ» вопіющую, но правильно и искусно оформленную неправду.

Не меньше вниманія надо было отдавать и слѣдствію. Оно было въ грубыхъ и часто нечистыхъ рукахъ, а между тѣмъ составляло не только фундаментъ, но, въ сущности, единственный матеріалъ для сужденія о дѣлѣ. Изъ рѣчи, сказанной Ровинскимъ въ 1860 г. («Вѣкъ», 1860 г., № 16) молодымъ людямъ, вновь назначеннымъ на должность слѣдователя, переходную уже къ новому порядку, видно, *что* такое были въ его время, въ Москвѣ, нѣкоторые производители слѣдствій и *какъ* они дѣйствовали. Безотчетный произволъ, легкомысленное лишеніе свободы, напрасное производство обысковъ, отсутствіе всякой системы и раздуваніе дѣлъ были характерными признаками производства слѣдствій чинами наружной полиціи. Въ подтвержденіе этого Ровинскій приводилъ примѣры: а) отобранные у сознавшагося вора тулупъ и поддевка возвращены хозяевамъ безъ оцѣнки—*чрѣзъ годъ*; частный приставъ, замѣтивъ свое упущеніе, требуетъ хозяевъ изъ Рязанской губерніи въ Москву *по этапу* и обязываетъ ихъ подпискою представить тулупъ и поддевку; б) трое крестьянъ жалуются на кражу у нихъ четырехъ боченковъ сельдей, и послѣ года производства слѣдствія объ этомъ, приставъ начинаетъ слѣдствіе о томъ, *откуда* они взяли сельдей и имѣли ли право торговать ими; в) мѣщанинъ Овечкинъ и извозчикъ, съ которымъ онъ ѣздилъ, сидятъ *мѣсяцъ* подъ стражею по обвиненію въ *праздной* ѣздѣ по улицамъ; г) производя у нѣсколькихъ лицъ обыскъ по жалобѣ солдатки о кражѣ у нея бѣлья, приставъ обыскиваетъ кстати и *ее*; найдя «кусокъ металлическаго свойства», заводитъ особое дѣло и вызываетъ эксперта для опредѣленія, какой это металлъ, и т. д., и т. д. «Главная причина всего этого,—говорилъ Ровинскій молодымъ слѣдователямъ,— кроется сколько въ неспособности полицейскихъ слѣдователей, столько и въ томъ, что многіе изъ нихъ, при ничтожномъ содержаніи и ежедневно возрастающихъ потребностяхъ, привыкли по необходимости смотрѣть на взятіе подъ стражу, освобожденіе арестанта, вызовъ, высылку, вообще на все слѣдствіе, какъ на средство къ своему существованію. Вотъ почему полицейскіе слѣдователи тянутъ свои слѣдствія цѣлые годы, оправдываясь медленностью высшихъ инстанцій и разсчитывая на полную безнаказанность со стороны своего начальства. Вотъ почему трактиръ, полпивная и всякое заведеніе, при самомалѣйшей возможности притянуть ихъ, непремѣнно перебываютъ у слѣдователя со своимъ хозяиномъ, прислугою, чуть не со всею своею посудою». Но не одна неумѣлость, а иногда желаніе «покормиться» искажали производство слѣдствія. Это искаженіе шло гораздо дальше тамъ, гдѣ нужно было выслужиться или отличиться.

Ровинскій приводилъ слѣдователямъ «всплывшіе изъ глубины канцелярской тайны» случаи—доведенія мѣщанина вывернутіемъ руки до «чистосердечнаго сознанія» въ убійствѣ, совершонномъ совсѣмъ другимъ лицомъ, и сѣченія обвиняемой въ кражѣ дѣвочки 16 лѣтъ *плетью по животу*, для полученія такого же сознанія... Въ объясненіяхъ къ «Народнымъ картинкамъ» онъ указываетъ на обычный даже въ его время въ глухихъ мѣстностяхъ пріемъ полицейскаго слѣдствія, состоявшій въ недаваніи пить заподозрѣнному, накормленному соленымъ сельдемъ и посаженному въ жаркоистопленную баню—и ссылается на производившееся еще во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ Сената дѣло частнаго пристава Стерлигова, вѣшавшаго обвиняемаго со связанными назадъ и затѣмъ навсегда отнявшимися руками на перекосякъ, «исправлявшій должность *дыбы*»...

Губернскій прокуроръ могъ быть, если хотѣлъ, вліятельнымъ лицомъ и въ тюремномъ управленіи. Ровинскій предавался этой сторонѣ своей служебной дѣятельности съ горячимъ усердіемъ и любовью. Примѣръ трогательнаго человѣколюбца, тюремнаго доктора Ѳедора Петровича Гааза, отдавшагося всецѣло дѣлу помощи заключеннымъ, утѣшенію ихъ и заботѣ о нихъ, вызывалъ въ Ровинскомъ глубоко-сочувственное къ себѣ отношеніе и въ словѣ, и въ дѣлѣ. Впослѣдствіи, въ офиціальныхъ запискахъ по поводу тюремной реформы и судебнаго преобразованія, онъ не разъ съ особымъ уваженіемъ указывалъ на дѣятельность Гааза, девизомъ котораго были удивительныя по своей простотѣ и глубинѣ слова: «спѣшите дѣлать добро!» Еще будучи губернскимъ стряпчимъ, Ровинскій, постоянно посѣщая засѣданія тюремнаго комитета, былъ очевидцемъ замѣчательнаго и памятнаго ему столкновенія Гааза съ предсѣдателемъ комитета, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, изъ-за арестантовъ. Филарету наскучили постоянныя и, быть-можетъ, не всегда строго провѣренныя, но вполнѣ понятныя при старомъ строѣ суда, ходатайства Гааза о предстательствѣ комитета за «невинно осужденныхъ» арестантовъ.—«Вы все говорите, Ѳедоръ Петровичъ,—сказалъ Филаретъ,—о невинно осужденныхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ—значитъ есть за нимъ вина»... Вспыльчивый и сангвиническій Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста... «Да вы о Христѣ позабыли, владыка!»—вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря и на евангельское событіе—осужденіе невиннаго... Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить въ глаза! Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ: «нѣтъ, Ѳедоръ Петровичъ! когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ,—Христосъ меня позабылъ!..»—благословилъ всѣхъ и вышелъ.

Каждую субботу и праздникъ объѣзжалъ Ровинскій разнообразныя московскія тюремныя помѣщенія и тщательно обходилъ пересыльную тюрьму и губернскій замокъ въ сопровожденіи стряпчихъ и секретарей мѣстныхъ —уголовной Палаты, Магистрата и Надворнаго Суда, разрѣшая жалобы арестантовъ, пробуя ихъ пищу и тутъ же, на мѣстѣ, наводя справки по дѣ-

ламъ и ускоряя послѣднія. Простота въ обращеніи привязывала къ нему всѣхъ, а по отношенію къ должностнымъ лицамъ его настойчивыя просьбы («батюшка! ну, сдѣлайте это для меня,—двиньте вы это дѣло въ личное для меня одолженіе», говаривалъ вліятельный прокуроръ секретарямъ судовъ) пріобрѣтали характеръ требованій, которыхъ нельзя было не исполнить. Въ эпоху взяточничества и всякаго темнаго своекорыстія, личность московскаго губернскаго прокурора, всегда скромно и почти бѣдно одѣтаго, вѣчно занятаго живымъ дѣломъ, а не отписками у себя въ камерѣ, все знающаго и «видящаго насквозь», производила глубокое нравственное впечатлѣніе на окружающихъ. Ему было трудно отказать въ его просьбахъ, его было совѣстно не слушаться, да и «втереть ему очки» нечего было и думать... Вѣрный завѣтамъ Гааза, Ровинскій съ успѣхомъ продолжалъ хлопоты о сокращеніи числа лицъ, подвергаемыхъ тягостному бритью половины головы въ предупрежденіе побѣговъ; изъ его записки о тюремныхъ помѣщеніяхъ Московской губерніи, проникнутой человѣчностью, сквозитъ, несмотря на крайнюю скромность автора, рядъ облегчительныхъ мѣръ, предпринятыхъ по его распоряженію съ цѣлью улучшить бытъ арестантовъ, выведя ихъ изъ пагубной праздности и вооруживъ ихъ для послѣдующей жизни хоть какимъ-нибудь практическимъ знаніемъ... Особенное вниманіе обращалъ онъ на «частные дома» съ ихъ такъ называемыми «съѣзжими». Тамъ почти постоянно можно было найти арестованныхъ безъ всякаго законнаго основанія; тамъ было мѣсто примѣненія личной расправы съ людьми, отпускаемыми затѣмъ безъ всякаго суда,—тамъ, наконецъ, производилась знаменитая, глубоко вошедшая въ тогдашніе нравы «сѣкуція». «Въ доброе старое время,—вспоминаетъ Ровинскій въ «Русскихъ народныхъ картинкахъ», — «сѣкуція» производилась въ частныхъ домахъ по утрамъ; части Городская и Тверская, въ Москвѣ, славились своими исполнителями; пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею за то, что не накормилъ во-время барынину собачку, всыплютъ сотню, и расфранченной барышниной камердинершѣ за то, что баринъ дѣлаетъ ей глазки—и той всыплютъ сотню:—барыня де особенно попросила частнаго; никому не было спуска, да и не спрашивали даже, въ чемъ кто виноватъ,—присланъ поучить, значитъ и виноватъ—ну и дери кожу. Хорошее было время: стонъ и крики стояли въ воздухѣ кругомъ часто цѣлое утро; своего рода хижина дяди Тома,—да не одна, а цѣлые десятки».—Если Городская и Тверская части пріобрѣли себѣ особенную славу по части тѣлесныхъ наказаній, то Басманный частный домъ отличился въ другомъ отношеніи. Тамъ негодующій Ровинскій нашелъ семь, немедленно имъ уничтоженныхъ, подвальныхъ темницъ, куда никогда не проникалъ лучъ свѣта. Онѣ назывались «могилами», и въ нихъ разстраивали себѣ зрѣніе и даже слѣпли (между прочими почетный гражданинъ Соповъ) люди, числившіеся «за приставомъ». Въ другой изъ московскихъ частей непрошенная любознательность губернскаго прокурора открыла спеціальный «клоповникъ» для арестованныхъ со всѣми его необходимыми принадлежностями.

Не мало тревожныхъ заботъ доставляли Ровинскому и дѣла о крестьянахъ и дворовыхъ. Иго крѣпостного рабства, которымъ, по выраженію Хомякова, была клеймена Россія, давило въ началѣ пятидесятыхъ годовъ всей своею тяжестью и оказывало свое растлѣвающее вліяніе на все общественное зданіе. Въ Московской губерніи постоянно возникали дѣла о

злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, и хотя Закревскій сурово относился въ этихъ случаяхъ къ виновнымъ, но въ то же время былъ, по замѣчанію Ровинскаго, ярымъ защитникомъ крѣпостного права, не допускавшимъ и мысли о ненормальности создаваемыхъ этимъ правомъ отношеній. Кромѣ всесильнаго генералъ-губернатора, на безпощадной стражѣ этого права стоялъ и уголовный законъ, подвергавшій, на основаніи ст. 1983 тома IX Св. Зак. крестьянъ, непокорныхъ не только своимъ господамъ, но даже и тѣмъ, кому послѣдніе передали, вполнѣ или съ ограниченіями, свою власть—наказанію, установленному за возстаніе противъ властей, т.-е. каторжной работѣ на очень длинные сроки и плетямъ. Понятно, какъ легко, при такихъ условіяхъ, могли быть возбуждаемы, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, въ сущности сводившимся лишь къ недоразумѣніямъ, дѣла о возстаніяхъ крестьянъ, и какому одностороннему разрѣшенію они подвергались, особенно если имѣть въ виду, что по ст. 221 второй части XV т. крѣпостные люди подсудимыхъ могли быть допрашиваемы при слѣдствіи лишь за недостаткомъ другихъ свидѣтелей. Ровинскому приходилось часто и горячо отстаивать и предъ Закревскимъ, и въ уголовной Палатѣ, спокойный и трезвый взглядъ на дѣла о «возстаніяхъ» крѣпостныхъ и, лавируя въ узкомъ проливѣ между формальными доказательствами, отыскивать въ дѣлѣ трудно и неохотно добытыя данныя, правдиво рисующія житейскую его сторону. А это было необходимо, чтобы убѣдить графа Закревскаго въ томъ, что тамъ, гдѣ предполагалось «дерзкое колебаніе коренныхъ основъ общества», было подчасъ вопіющее злоупотребленіе власти надъ ближнимъ, и что обиженная въ своихъ правахъ и безмятежности «жертва» была иногда сама злобною и изобрѣтательною мучительницею,—и тѣмъ обратить его гнѣвъ на дѣйствительно виновную сторону. Нужно было много выдержки, спокойствія, знанія и безупречной чистоты въ дѣйствіяхъ, чтобы выходить побѣдителемъ при разрѣшеніи подобныхъ задачъ. Хотя это и удавалось Ровинскому, но оставило горькій осадокъ въ его душѣ, отразившійся впослѣдствіи, между прочимъ, и на его представленныхъ въ Государственную Канцелярію, въ 1860 г., разсужденіяхъ о необходимости «различать безсвязныя волненія отъ того, что еще такъ недавно возводилось на степень государственнаго преступленія...»

Когда, въ 1856 г., по выраженію А. П. Ермолова, «зардѣлась заря освобожденія крестьянъ», и Ровинскому, какъ вліятельному губернскому прокурору, представилась возможность проводить въ жизнь свои взгляды на крѣпостное право, онъ неожиданно чуть не былъ лишенъ всякой дѣятельной роли. По причинамъ, которыхъ теперь доискаться невозможно, министръ юстиціи, графъ В. Н. Панинъ, рѣшилъ зачислить его за оберъ-прокурорскій столъ въ Сенатъ. Для кипучей, полной страсти къ живому труду натуры Ровинскаго это было тяжкимъ ударомъ. Жестокое по отношенію къ такому человѣку, какъ онъ, новое назначеніе—своего рода «сдача въ архивъ»—являлось лишеннымъ смысла и по отношенію къ дѣлу, которое въ умѣлыхъ рукахъ Ровинскаго наладилось и шло хорошо. Графъ Панинъ, своеобразная личность котораго еще ждетъ своего историка, любилъ поражать неожиданными назначеніями, о способѣ производства которыхъ въ министерствѣ юстиціи ходили цѣлыя легенды. Вообще на странность и бездушную иронію нѣкоторыхъ изъ распоряженій по личному составу въ министерствѣ юстиціи до судебной реформы можетъ указывать и приводимый Н. П. Собко

въ прекрасной біографіи художника Перова, изданной Ровинскимъ, фактъ перевода въ *Архангельскъ* отца Перова, губернскаго прокурора въ *Тобольскѣ*, просившагося въ болѣе умѣренный климатъ, потому что здоровье его не выносило суровой зимы... Но генералъ-губернаторъ, цѣнившій, несмотря на разногласія, личность и дѣятельность Ровинскаго, вступился за «своего прокурора» и благодаря его письму отъ 19-го апрѣля 1857 г., послѣдній остался на мѣстѣ.

Впрочемъ, служебные дни самого гр. Закревскаго уже близились къ концу. Вокругъ него кипѣла новая, необычная для него жизнь; съ высоты престола, какъ святой благовѣстъ, неслись призывы къ усовершенствованіямъ, къ подъему человѣческаго достоинства, къ правдѣ и милости, а онъ продолжалъ глядѣть на Москву, какъ смотритъ рачительный, но суровый хозяинъ на свою вотчину. Еще въ 1858 г. онъ представлялъ шефу жандармовъ «списокъ подозрительныхъ лицъ въ Москвѣ», въ которомъ, кромѣ Аксаковыхъ и Хомяковыхъ, вина которыхъ обозначалась словомъ «славянофилъ», значились, между прочимъ, М. Н. Катковъ, откупщикъ В. А. Кокоревъ («западникъ, демократъ и возмутитель, желающій безпорядковъ»), К. Т. Солдатенковъ («раскольникъ и западникъ, желающій безпорядковъ и возмущеній»), академикъ М. П. Погодинъ («литераторъ, стремящійся къ возмущенію»), знаменитый артистъ Щепкинъ («желаетъ переворотовъ и на все готовый») Юрій Самаринъ («славянофилъ, желающій безпорядковъ и на все готовый») и др. Не допуская и мысли о возможности отмѣны крѣпостного права, онъ уже послѣ извѣстнаго Высочайшаго рескрипта на имя Назимова преслѣдовалъ въ Москвѣ всякіе знаки сочувствія къ предпринятому государемъ великому дѣлу,—повелительно указалъ Кокореву на дверь, когда тотъ позволилъ себѣ «заявить себя на сторонѣ петербургскихъ глупостей»—и утверждалъ громогласно, что «въ Петербургѣ *одумаются*, и все пойдетъ постарому».

Отношенія Ровинскаго съ замѣстителемъ Закревскаго были вполнѣ спокойныя, а въ ближайшіе затѣмъ годы онъ сразу испыталъ двѣ радости общественнаго характера. Избраніе въ депутаты звенигородскаго дворянства въ московскомъ комитетѣ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ—дало ему возможность поработать по давно наболѣвшему у него вопросу и образовать вокругъ себя крупное меньшинство, которое, по его предложенію, высказалось за уничтоженіе въ будущемъ строѣ крестьянскаго дѣла тѣлесныхъ наказаній, какъ «безполезнаго само по себѣ орудія возмутительнаго произвола». Замѣчательно, что, почти одновременно съ этимъ, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ писалъ императору Александру II изъ Карлсруэ, 9-го сентября 1857 г.: «главную осмотрительность слѣдуетъ соблюсти въ постановленіяхъ для мірской общины и въ опредѣленіи рода наказаній по приговору міра; и то, и другое каждая община опредѣлитъ сама лучше всякихъ законодательныхъ теорій;—о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать,—это будетъ пятно для освобожденія, да и есть мѣста въ Россіи, гдѣ оныя, къ счастію, не употребляются...»

Изданіе давно и страстно ожидаемаго Ровинскимъ положенія объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей, *исключительно предназначенныхъ* для исполненія слѣдственныхъ обязанностей, и обнародованіе «Наказа судебнымъ слѣдователямъ» было важнымъ шагомъ къ возможному, при существованіи

старыхъ судовъ, упорядоченію этой части. Являлась возможность сдѣлать призывъ къ молодымъ еще, не испорченнымъ рутиною и соблазнами жизни, людямъ, въ способность которыхъ къ горячему и безкорыстному труду въ то время такъ охотно, такъ любовно вѣрилось... Рѣчь Ровинскаго, сказанная созваннымъ имъ къ себѣ вновь назначеннымъ слѣдователямъ, полна практическихъ замѣчаній и смѣлой критики недавняго еще отношенія законодательства къ обществу, порождавшаго въ послѣднемъ сначала недовѣріе, а потомъ полное равнодушіе,—была своего рода расчетомъ съ начинающими разлагаться судебными порядками и завѣтомъ для будущаго. Указывая, что общество только тогда повѣритъ, что подъ вновь придуманными формами не скрываются недостатки прежняго слѣдствія, когда почувствуетъ исключительную пользу отъ новаго учрежденія, Ровинскій сказалъ своимъ слушателямъ: «Большая часть изъ васъ, господа, только что окончила образованіе. Вы еще не опытны въ дѣлѣ. Но намъ дорога ваша неопытность. Вы не привыкли еще видѣть въ арестантѣ нѣмую цифру, которую чиновники съ такимъ стараніемъ сбываютъ другъ другу. Для васъ всякое дѣло еще такъ ново и полно жизни. Опытности вамъ научиться недолго, если вы рѣшитесь вполнѣ отдаться вашему дѣлу. Съ вами подѣлятся ею тѣ изъ вашихъ товарищей, которые уже знакомы со службой. Вы же, въ свою очередь, подѣлитесь съ ними тѣмъ первымъ и дорогимъ жаромъ молодости, съ которымъ такъ спорится всякая работа. Помогайте другъ другу, господа, наблюдайте другъ за другомъ, не дайте упасть только что начатому дѣлу, *будьте людьми*, господа, *а не чиновниками!* Опирайтесь на законъ, но объясняйте его разумно, съ цѣлью сдѣлать добро и принести пользу. Домогайтесь *одной награды:* добраго мнѣнія общества, которое всегда отличитъ и оцѣнитъ трудъ и способности. Можетъ-быть, черезъ нѣсколько лѣтъ служба еще разъ соберетъ насъ вмѣстѣ, — дай Богъ, чтобы тогда вы могли сказать всѣмъ и каждому:

«Что вы служили дѣлу, а не лицамъ.

«Что вы старались дѣлать правду и приносить пользу.

«Что вы были прежде всего людьми, господа, а уже потомъ чиновниками»...

Какъ въ краткую лѣтнюю сѣверную ночь одна заря спѣшитъ смѣнить другую, такъ въ незабвенные годы, ознаменованные новымъ царствованіемъ, зарю отмѣны рабства смѣняла заря настоящаго, правдиваго и вмѣстѣ милосерднаго суда. Ее привѣтствовалъ Ровинскій въ своей рѣчи... Эта рѣчь была и лучшимъ, послѣдовательнымъ заключеніемъ его служенія старому суду...

II.

Положеніе вещей при судебной реформѣ складывалось иначе, чѣмъ при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Если послѣдняя реформа вырабатывалась «горестно и трудно», горестно - для любившихъ исключительно себя, трудно—для любившихъ русскій народъ, то, наоборотъ, пересозданіе всего судебнаго строя совершалось легко и безъ серьезныхъ противодѣйствій. Негодность существующихъ судебныхъ порядковъ въ ихъ главныхъ чертахъ и житейскихъ проявленіяхъ была признана всѣми. Могущественное

слово осужденія этихъ порядковъ слышалось и въ неоднократныхъ Высочайшихъ резолюціяхъ. Отмѣтка императора Николая I на меморіи Государственнаго Совѣта по дѣлу Баташева, отъ 16-го ноября 1848 года, о непомѣрной медленности производства, «ясно выставляющей всѣ неудобства и недостатки нашего судопроизводства», по справедливости можетъ считаться первымъ лучемъ судебнаго преобразованія. Реформа судебной части не затрогивала ничьихъ личныхъ интересовъ. Поэтому на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы не могло найтись людей, которые посмѣли бы авторитетно рекомендовать старый порядокъ канцелярской, безгласной и бездушной расправы, какъ желательный и неприкосновенный, или, прикрываясь лукавою осторожностью, рисовать «пагубныя послѣдствія» предпринимаемаго государственнаго дѣла. За исключеніемъ темныхъ дѣльцовъ на низшихъ должностяхъ судебной службы—старый судъ не внушалъ привязанности никому,—отъ него сторонились почти всегда со страхомъ и нерѣдко съ отвращеніемъ, и слово поэта о томъ, что Русь «въ судахъ черна неправдой черной», было не празднымъ возгласомъ, а горькою, пережитою многимъ множествомъ русскихъ людей, истиною. Наконецъ, въ работахъ по судебному преобразованію не выдѣлялся особенно никто, всѣ трудились дружно, съ единомысліемъ о необходимости реформы, съ довѣріемъ къ близкому будущему и безъ затаенной и любовной оглядки на близкое прошлое, стараясь уврачевать въ своей родинѣ застарѣлый недугъ неправосудія. Поэтому не было среди этихъ работниковъ и людей, могущихъ служить, подобно Ростовцеву и Милютину, мишенью для недовольства, ненависти и клеветъ, плохо прикрываемыхъ умышленно близорукою и прозрачно-недобросовѣстною критикою порученнаго имъ дѣла. Печать и общество съ спокойной увѣренностью ожидали результатовъ судебнаго преобразованія.

Но сами работники въ дѣлѣ этого преобразованія не подходили, однако, подъ одинъ общій типъ и не представляли, въ своей совокупности, однороднаго цѣлаго. Они явились на широкій призывъ со всѣхъ концовъ Россіи, изъ разнородныхъ служебныхъ областей, съ разнообразнымъ опытомъ и практическими свѣдѣніями, невольно внося въ свои предложенія и свои личныя свойства. При разсмотрѣніи подготовительныхъ работъ по судебному преобразованію нельзя не замѣтить, что піонеры судебной реформы распадались на четыре главныя группы. Первую составляли чистые *теоретики*, вносившіе въ свои предложенія строго логическіе выводы, построенные на отвлеченныхъ политико-юридическихъ принципахъ; ко второй принадлежали *подражатели*, стремившіеся, безъ серьезной критики, перенести на нашу почву цѣликомъ западно-европейскіе порядки, предлагая преимущественно французскіе образцы съ большею или меньшею примѣсью англійскихъ судебныхъ обычаевъ. Представителями третьей группы были люди, не рѣшавшіеся сразу оторваться отъ существующихъ уже учрежденій и пріемовъ судопроизводства и желавшіе медленнаго, осторожнаго и постепеннаго перехода отъ стараго къ новому. Они находили себѣ сильную опору во вліятельныхъ мнѣніяхъ автора «Общей объяснительной записки къ проекту новаго устава судопроизводства» графа Д. Н. Блудова. Записка эта представляла, по богатству матеріала и своеобразному его освѣщенію одинъ изъ интереснѣйшихъ трудовъ подготовительно - законодательнаго характера. Исходя изъ мысли, что внезапное введеніе новаго судебнаго устрой-

ства, безъ предварительнаго къ тому приготовленія и въ народѣ и въ самихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, легко можетъ повести къ столкновеніямъ и запутанности и даже удалить отъ желаемой цѣли, графъ Блудовъ являлся поборникомъ *слѣдственнаго* начала и, относясь скептически къ началу *обвинительному*, предлагалъ улучшить существующее судопроизводство введеніемъ одиннадцати правилъ, «имѣющихъ цѣлью какъ огражденіе подсудимыхъ отъ напрасныхъ притѣсненій, такъ и доставленіе имъ дѣйствительныхъ и надежныхъ средствъ законной защиты». Правила эти сводились, главнымъ образомъ, къ улучшенію учрежденій «депутатовъ» при слѣдствіи; къ установленію права отвода слѣдователей; къ сообщенію обвиняемому матеріала, собраннаго противъ него по слѣдствію, съ окончательнымъ допросомъ его въ присутствіи родственниковъ, знакомыхъ, друзей или одного изъ состоящихъ при судѣ присяжныхъ повѣренныхъ; къ допущенію подсудимаго не только присутствовать при докладѣ дѣла, совершаемаго съ нѣкоторою публичностью, но и, защищаясь письменно чрезъ присяжныхъ повѣренныхъ, лично выслушивать объявленіе приговора съ правомъ подавать противъ него отзывы и дополнительныя объясненія. Наконецъ, четвертая группа заключала въ себѣ практическихъ судебныхъ дѣятелей, желавшихъ обновленія судебнаго строя, для полнаго разрыва съ которымъ они черпали основанія не изъ теоретическихъ соображеній или слѣпой подражательности, но изъ знанія русской жизни въ ея судебно-бытовыхъ проявленіяхъ и изъ довѣрія къ умственнымъ и нравственнымъ силамъ народа, способнаго къ воспріятію новыхъ началъ судопроизводства, довѣрія, чуждаго опасенію «запутанности». Къ этой группѣ принадлежало большинство «отцовъ Судебныхъ Уставовъ», т.-е. членовъ Высочайше учрежденной комиссіи, выработавшей основныя положенія преобразованія судебной части.

Ровинскій, по высказаннымъ имъ взглядамъ, примыкалъ всего болѣе къ послѣдней группѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стоялъ, по многимъ вопросамъ, и отдѣльно отъ нея. Глубокій знатокъ жизни и свойствъ, вкусовъ и идеаловъ русскаго народа въ ихъ историческомъ развитіи, онъ шелъ своею дорогою, богатый знаніемъ и наблюденіемъ. Его чисто русскому, проникнутому здравымъ смысломъ, уму были чужды отвлеченныя, теоретическія построенія, а любовь къ оригинальному и самобытному удерживала отъ слѣпой подражательности. Не могъ онъ, сердцемъ выстрадавшій всѣ недостатки старыхъ судебныхъ порядковъ, бывшій столь долго «за кулисами» отжившаго суда, примириться и съ мыслью о постепенномъ, медлительномъ переходѣ отъ стараго къ новому. Будущій строй судебныхъ учрежденій и ихъ дѣятельность, проникнутые началами, совершенно чуждыми слѣдственно-приказному отправленію правосудія, ясно рисовались его духовному взору. Отдаваясь съ горячностью и любовью призыву къ новому дѣлу, онъ не желалъ допускать, чтобы, по выраженію поэта, «заглушалъ плевелъ старинной—величья новаго посѣвъ».

Принадлежавшій Ровинскому и находящійся нынѣ у меня экземпляръ общей объяснительной записки Блудова весь испещренъ протестующими замѣчаніями. Общій ихъ смыслъ состоитъ въ томъ, что надо, чтобы предлагаемыя Блудовымъ мѣры, не улучшая ни въ чемъ существенномъ судопроизводства, не внесли бы въ него вмѣстѣ съ тѣмъ ничего такого, чего не всосали бы въ себя рутина и «приказное» отношеніе къ дѣлу. Не штопать надо было

изношенное и негодное, не приращать случайными и внѣшними прививками существовавшій судебный строй, не трогая его главнѣйшихъ внутреннихъ началъ. Слѣдовало, твердо опредѣливъ противоположный берегъ, смѣло причалить къ нему или, въ крайнемъ случаѣ, соорудивъ лишь временный, на очень короткій срокъ, мостъ, перейти по нему и тотчасъ же разобрать его... Въ «Русскихъ народныхъ картинкахъ» Ровинскій, со свойственною ему образностью, выражаетъ мысль о безполезности всякихъ частичныхъ реформъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, разсказывая о тщетной борьбѣ крутыхъ царей—Ивана Васильевича и Петра Алексѣевича съ чиновничьимъ взяточничествомъ въ судебныхъ Приказахъ, съ произволомъ и «кормленіемъ» воеводъ. Его не удовлетворяли и реформы Екатерины II по этой части, замѣнившія воеводу коллегіею, такъ какъ ими не измѣнялась сущность судебныхъ порядковъ и порочныя привычки судей. «Либеральныя декораціи,—говоритъ онъ,—не всегда сходились съ сѣрою дѣйствительностью, и народъ отблагодарилъ за новыя учрежденія (судебныя коллегіи) мѣткою пословицею: «прежде одну свинью кормили, а теперь и съ поросятками»... По этому же поводу онъ приводитъ остроумный отзывъ князя А. С. Меньшикова, назвавшаго нерѣшительныя, отрывочныя и частичныя мѣры, предпринятыя, вопреки проекту Киселева, въ 1838-39 гг. относительно государственныхъ крестьянъ, «улучшеннымъ бытомъ въ уменьшенномъ видѣ». Поэтому патетически-комическія выраженія «Общей объяснительной записки,» въ родѣ указанія на «естественную, драгоцѣнную для всякаго чувствительнаго человѣка, мысль о неотъемлемомъ правѣ каждаго, хотя и вполнѣ заслуживающаго всей строгости карающихъ постановленій, ходатайствовать объ облегченіи своей участи», не подкупали Ровинскаго и не прикрывали въ его глазахъ скудость предлагаемыхъ ею мѣръ. Врагъ условныхъ формъ, не соотвѣтствующихъ содержанію, поклонникъ простоты и искренности въ дѣловомъ языкѣ, онъ былъ глухъ къ тому, что самъ называлъ, въ различныхъ мѣстахъ «Народныхъ картинокъ», «трескучими фразами» и «уголовными прибаутками», относя къ нимъ и знаменитыя слова Екатерины II: «лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго наказать», сказанныя въ дѣйствительности впервые Петромъ Великимъ въ 1716 году, въ п. 9 главы V Устава воинскаго.

На приглашеніе о доставленіи соображеній о судебномъ преобразованіи, послѣдовавшее по почину Государственнаго Совѣта и обращенное государственною канцеляріею къ юристамъ-практикамъ, однимъ изъ первыхъ откликнулся Ровинскій рядомъ записокъ—объ устройствѣ гражданскаго суда, объ устройствѣ уголовнаго, о должностныхъ лицахъ судебнаго вѣдомства, о производствѣ слѣдствій, обвинительномъ началѣ и отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и, наконецъ,— о порядкѣ введенія новаго судоустройства вообще и въ Московской губерніи въ особенности.

Въ этихъ запискахъ, въ высшей степени цѣнныхъ по своему содержанію и по обилію собраннаго въ нихъ матеріала, Ровинскій прежде всего остановился на устройствѣ мѣстнаго суда. Русская жизнь, обновленная освобожденіемъ крестьянъ, давала готовое учрежденіе для мѣстнаго, ближайшаго къ населенію, легко доступнаго, простого и дѣйствительнаго суда. Это были мировые посредники. Отъ нихъ, по мнѣнію его, и надо было отправляться, строя новое судебное зданіе. Мировой посредникъ долженъ былъ, совершивъ

свое главное дѣло—введеніе уставныхъ грамотъ,—преобразиться въ «мирового судью—не юриста, судъ котораго не стѣсненъ никакими формальностями, а рѣшеніе говорится по совѣсти». Дѣятельный мировой судья въ томъ видѣ, въ какомъ онъ рисовался практическому уму Ровинскаго—защитникъ правъ, примиритель и довѣренное лицо для жителей своего околотка; онъ—первое звено между ними и правительствомъ. Не составляя инстанціи, онъ окончательно рѣшаетъ подсудныя ему дѣла — по гражданскимъ спорамъ до 30 рублей, а въ уголовномъ отношеніи о всѣхъ маловажныхъ проступкахъ; но по гражданскимъ дѣламъ, гдѣ вопросъ идетъ о завладѣніи или гдѣ замѣшаны *проѣзжіе*, онъ разбираетъ споры на всякую сумму съ правомъ переноса дѣла недовольною стороною въ судъ 1-й степени. Проектируя учрежденіе такого живого, отзывчиваго на нужды населенія, органически съ нимъ связаннаго, путемъ выборнаго начала, суда, Ровинскій, конечно, не могъ предвидѣть, что впослѣдствіи дѣятельность мирового судьи будетъ въ ея практическомъ осуществленіи, вслѣдствіе односторонняго направленія гражданскаго кассаціоннаго суда, обставлена рядомъ требованій формальнаго свойства и въ дѣлахъ гражданскихъ отчасти утратитъ тотъ живой и непосредственный характеръ, который онъ думалъ ей придать. Но его занималъ обычный и при всякой новой мѣрѣ роковымъ образомъ возникающій у насъ на Руси вопросъ:—гдѣ взять людей? Онъ отвѣчалъ, однако, на него успокоительно, указывая на то, что нашлись же дѣльные и способные люди, рѣшившіе почти безвыѣздно жить въ деревнѣ изъ любви къ дѣлу и желанія пользы и принявшіе на себя трудныя обязанности мировыхъ посредниковъ. «Конечно, — писалъ онъ, — дѣло освобожденія крестьянъ такъ громадно, что въ уровень съ нимъ не можетъ стать ни одно преобразованіе настоящаго времени, и что каждый считаетъ за особую честь такъ или иначе участвовать въ разрѣшеніи его; но можно надѣяться, что дѣльныя, а главное, живыя преобразованія по судебной части возбудятъ не менѣе сочувствія со стороны общества. Если мировому судьѣ будутъ сохранены — та независимость въ служебныхъ отношеніяхъ и то вліяніе на полицію, которыми пользуются мировые посредники, то можно ожидать, что должность мирового судьи сдѣлается еще выше и почетнѣе, а главное—еще полезнѣе должности мирового посредника». Теплое, можно сказать, благодарное воспоминаніе о мировыхъ посредникахъ сохранилъ Ровинскій до конца дней своихъ. Онъ любилъ перечислять пользующихся общественнымъ уваженіемъ или занимающихъ высокіе служебные посты людей, которые радостно и безрасчетно пошли на эту должность, когда «насталъ великій мигъ, въ скрижаляхъ царства незабвенный»; любилъ характеризовать посредниковъ перваго призыва по Московской губерніи. Его всегда очень интересовала дѣятельность выборныхъ мировыхъ судей, въ житейскомъ обликѣ которыхъ сквозили дорогія для него и уже далекія черты мировыхъ посредниковъ.

Устройство будущаго уголовнаго суда представляло, однако, гораздо болѣе сложную задачу. Для него не было уже готоваго матеріала, какъ для мировыхъ судей. Старыя учрежденія не представляли, да по мысли Ровинскаго и не должны были представлять, ничего пригоднаго для новой постройки. Задача созданія въ этой области новаго, не испытаннаго и при томъ въ связи съ новыми же началами судопроизводства стояла внѣ обычнаго канцелярско-бюрократическаго пути и неразлучнаго съ нимъ высоко-

мѣрнаго взгляда на потребности общества, противъ котораго впослѣдствіи горячо высказывался Ровинскій въ своихъ «Народныхъ картинкахъ» (томъ IV, стр. 318). Поэтому здѣсь предстояла особо трудная и особо интересная работа. Главный вопросъ, выдвигавшійся прежде всѣхъ другихъ и опредѣлявшій сущность многихъ изъ послѣдующихъ—былъ вопросъ объ *основаніяхъ опредѣленія виновности*. Такихъ основаній, въ ихъ коренныхъ чертахъ, въ сущности два. Или вопросъ о виновности разрѣшается по заранѣе опредѣленному рецепту, съ разъ навсегда обязательною оцѣнкою взаимной силы и значенія доказательствъ и точно установленнымъ ихъ удѣльнымъ вѣсомъ,—или же эта оцѣнка свободна, не стѣснена никакими предустановленными правилами и покоится исключительно на внутреннемъ убѣжденіи судьи. Въ первомъ случаѣ господствуютъ правила, подобныя тѣмъ, которыя были начертаны въ нашихъ законахъ о судопроизводствѣ во второй части XV тома. На основаніи ихъ виновность признается лишь при *совершенныхъ* доказательствахъ. Къ совершеннымъ доказательствамъ относится прежде всего собственное сознаніе, а потомъ свидѣтельскія показанія, но правдивость ихъ измѣряется внѣшними признаками. Не имѣло поэтому для стараго суда большой цѣны показаніе «явнаго прелюбодѣя», или «портившаго тайно межевые знаки», или «иностранца, поведеніе котораго неизвѣстно», да и въ присяжныхъ показаніяхъ отдавалось преимущество знатному предъ незнатнымъ, духовному передъ свѣтскимъ, мужчинѣ передъ женщиною и т. д.

Теорія формальныхъ доказательствъ властно и нераздѣльно господствовала въ старомъ судѣ. Подъ ея покровомъ вершились иногда уголовныя дѣла, содержаніе которыхъ и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, волнуетъ при знакомствѣ съ ними и оставляетъ трудно забываемыя чувства нравственной неудовлетворенности и оскорбленной справедливости. Выдвигаемое этою теоріею на первый планъ, какъ «лучшее доказательство всего свѣта» собственное признаніе обвиняемаго—имѣло очень часто пагубное вліяніе и на ходъ дѣла, и на его исходъ. На *ходъ* дѣла потому, что зачастую всѣ усилія слѣдователей направлялись къ тому, чтобы такъ или иначе, подчасъ самыми противозаконными способами и пріемами, добиться отъ обвиняемаго сознанія и тѣмъ «упростить» дѣло;—на *исходъ* потому, что при массѣ косвенныхъ уликъ, при вопіющей изъ дѣла житейской правдѣ, но при отсутствіи заранѣе предусмотрѣнныхъ, условныхъ, измѣренныхъ и взвѣшенныхъ формальныхъ доказательствъ, умѣвшій не сознаваться злодѣй выходилъ изъ суда обѣленнымъ или—въ лучшемъ случаѣ—оставленнымъ «въ подозрѣніи» и занималъ въ обществѣ, привыкшемъ быть «къ добру и злу постыдно равнодушнымъ», прежнее положеніе.

При томъ, теорія формальныхъ доказательствъ давала возможность постоянныхъ сдѣлокъ съ совѣстью, ставя многое въ зависимость отъ темперамента судьи. Молодой судья, съ желаніемъ по возможности добиться справедливости, чувствуя виновность подсудимаго, раскрывая ее въ рядѣ побочныхъ обстоятельствъ, но не имѣя предъ собою ни собственнаго его признанія, ни двухъ присяжныхъ свидѣтелей, старался найти нѣкоторое примиреніе съ совѣстью въ оставленіи виновнаго *въ сильномъ подозрѣніи*;—судья, «въ приказахъ посѣдѣлый», привыкшій со скучающимъ равнодушіемъ «спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ»—безъ смущенія подписывалъ подсовываемые секретаремъ приговоры объ освобожденіи отъ суда и слѣд-

ствія. Вслѣдствіе этого и въ то же время несмотря на это, не было никакой устойчивости въ уголовныхъ приговорахъ, и Ровинскій съ горечью указывалъ въ запискѣ объ устройствѣ уголовнаго суда на упомянутое уже дѣло фигурантки Аршининой, какъ на примѣръ вопіющей несправедливости и взаимнаго противорѣчія ряда предшествовавшихъ по одному и тому же дѣлу приговоровъ. Очевидно, что основанія опредѣленія виновности, связанныя съ теоріей формальныхъ доказательствъ, приходилось отвергнуть безусловно. Оставалась свобода внутренняго убѣжденія судьи, ничѣмъ, кромѣ чувства долга, не стѣсняемая въ оцѣнкѣ всѣхъ законнымъ способомъ добытыхъ уликъ и доказательствъ. Но лучшимъ средствомъ для выработки этого убѣжденія служитъ осуществленіе обвинительнаго начала; оно же связано съ судомъ присяжныхъ, который является наиболѣе яркимъ представителемъ суда по убѣжденію совѣсти.

Такимъ образомъ вопросъ о введеніи въ Россіи суда присяжныхъ невольно вырисовывался при устраненіи возможности продолжать отправленіе уголовнаго правосудія съ «лучшимъ доказательствомъ всего свѣта» въ рукахъ. Хотя въ литературѣ уже съ 1858 г. раздавались голоса о преимуществахъ суда присяжныхъ, но для многихъ представителей бюрократической Россіи, относившихся къ собственной правовой исторіи, какъ къ чему-то чуждому и имѣющему лишь археологическій интересъ, идея о судѣ присяжныхъ въ Россіи должна была представляться совершеннымъ и при томъ безпочвеннымъ новшествомъ. Учрежденіе, слѣдовъ котораго нельзя было найти ни въ Сводѣ, ни даже въ Полномъ собраніи законовъ, и введеніе котораго въ континентальной Европѣ совпадало съ временемъ большихъ политическихъ потрясеній,—едва ли могло разсчитывать на горячую рекомендацію и благосклонный пріемъ со стороны этихъ лицъ. Даже самое *возбужденіе вопроса* о возможности такого суда въ чистомъ видѣ и безъ всякихъ искаженій представлялось гадательнымъ.

Ровинскій смотрѣлъ, однако, иначе. Ему принадлежитъ огромная заслуга прямой и твердой постановки этого вопроса. Онъ первый изъ лицъ, призванныхъ высказаться относительно судебнаго преобразованія, раньше всѣхъ имѣлъ рѣшимость сказать, что если хотѣть имѣть не впадающій въ рутину судъ по совѣсти, то надо безъ колебаній обратиться къ *учрежденію суда присяжныхъ*. Его труды и заявленія въ этомъ отношеніи имѣютъ одну драгоцѣнную особенность. Возражая противникамъ суда присяжныхъ и развивая свои взгляды, онъ даетъ возможность прослѣдить самый *генезисъ* этихъ взглядовъ, чуждыхъ заимствованій и построенныхъ на знаніи прошлаго русскаго народа, на уваженіи къ его духовнымъ силамъ и довѣріи къ ихъ развитію.

Особенно сильнымъ противникомъ суда присяжныхъ былъ, въ своей объяснительной запискѣ, графъ Блудовъ. Онъ ясно сознавалъ неизбѣжную альтернативу между судомъ по предустановленнымъ доказательствамъ и судомъ присяжныхъ, но и обвинительное начало, и эта форма суда казались ему преждевременными. «Надлежитъ ли,—спрашивалъ гр. Блудовъ,—для отвращенія недостатковъ дѣйствующаго суда, прямо перейти къ принятой въ западныхъ государствахъ системѣ обвинительной или, по крайней мѣрѣ, слѣдственно-обвинительной? Сколь ни желательно было бы воспользоваться вдругъ всѣми усовершенствованіями, до которыхъ другіе дошли путемъ

долговременныхъ постепенныхъ преобразованій, однакожъ, прежде нежели рѣшиться на какое-либо коренное измѣненіе, должно тщательно обозрѣть и взвѣсить имѣющіяся къ тому средства, дабы, предпринявъ слишкомъ много, не повредить дѣлу. Несмотря на всѣ преимущества обвинительной системы,—она до такой степени различествуетъ отъ существующаго нынѣ порядка, что внезапное введеніе оной, безъ предварительнаго къ нему приготовленія—и въ народѣ, и въ самыхъ правительственныхъ установленіяхъ, легко можетъ, вмѣсто усовершенствованія сей части, повести къ столкновеніямъ, запутанности и удалить насъ отъ желанной цѣли». Изъ этихъ словъ самъ собою выясняется и взглядъ Блудова на судъ присяжныхъ. «Въ настоящее время,—писалъ онъ въ своей запискѣ,—едва ли полезно установлять у насъ судъ *чрезъ* присяжныхъ. Легко себѣ представить дѣйствіе такого суда, когда большая часть нашего народа не имѣетъ еще не только юридическаго, но даже самаго первоначальнаго образованія, когда понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ до того неразвиты и неясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, иныя преступленія удальствомъ, а преступники—только *несчастными*. Допущеніе такихъ людей къ рѣшенію важнаго, иногда чрезвычайно труднаго вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, угрожаетъ не одними неудобствами, но едва ли и не прямымъ беззаконіемъ. Конечно, могутъ сказать, что для полученія убѣжденія о винѣ или невинности подсудимаго, не нужно особаго образованія и достаточно одного здраваго смысла. Дѣйствительно здравый смыслъ иногда вѣрнѣе учености; но здравый смыслъ обыкновеннаго человѣка ограничивается тѣснымъ кругомъ его общественной жизни и ежедневнаго положенія: онъ рѣдко и съ трудомъ достигаетъ предметовъ, выходящихъ изъ его круга. Нетрудно заключить о винѣ или невинности подсудимаго, когда для сего есть въ виду положительныя, такъ сказать, осязаемыя доказательства и данныя; но въ большей части случаевъ, къ сему заключенію можетъ довести только внимательное соображеніе многихъ обстоятельствъ и высшая способность къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ: для сего уже одного здраваго смысла далеко не достаточно».

Высокое офиціальное положеніе графа Блудова, пріобрѣтенный имъ почти непререкаемый авторитетъ въ дѣлахъ законодательства и глубокое его образованіе придавали его мнѣнію особенный вѣсъ, дѣлая его серьезнымъ и опаснымъ противникомъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ его взгляды на неподготовленность русскаго народа въ воспринятію суда присяжныхъ оказались во многомъ сходными съ тѣмъ, что высказывалъ въ университетѣ на своихъ публичныхъ лекціяхъ о теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ молодой и глубоко-талантливый профессоръ уголовнаго права Спасовичъ.

Ровинскій пошелъ въ своихъ возраженіяхъ шагъ за шагомъ по пути, которымъ шелъ Блудовъ. Прежде всего онъ остановился на непризнаніи за русскимъ народомъ способности со справедливою строгостью смотрѣть на преступленіе.

«Чтобы нашъ народъ смотрѣлъ на преступленіе снисходительно и признавалъ преступника *только несчастнымъ*, то предположеніе это,—писалъ Ровинскій въ запискѣ объ устройствѣ уголовнаго суда,—противорѣчитъ

всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ; но и это будетъ несправедливо,—народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія, и потому единственно, что не имѣетъ никакого довѣрія *ни къ добросовѣстности полиціи*, которая можетъ замять дѣло, *ни къ правосудію* судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія.

«Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника уже наказаннаго плетьми и осужденнаго на каторгу и ссылку и, забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаянія вещами и деньгами—это правда.

«Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, просиживающихъ на основаніи теоріи уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія, въ явное разореніе своего семейства и государственной казны—и это правда.

«За это состраданіе слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ *глубокое нравственное достоинство,* нежели обвинять его въ недостаткѣ юридическаго развитія»...

Эти прекрасныя строки, проникнутыя искреннимъ чувствомъ, знаніемъ народа и любовью къ нему, полезно было бы вспоминать почаще и въ наше время, пятьдесятъ лѣтъ спустя, когда по поводу какого-нибудь дурно понятаго оправдательнаго приговора, съ легкомысленною поспѣшностью въ обобщеніяхъ, народу ставится кстати въ упрекъ и такое проявленіе его сострадательности, которое даетъ право гордиться за него.

Жизнь Ровинскаго, исполненная вдумчивой наблюдательности и изученія, давала ему фактическія основанія высказывать свой взглядъ на причины такого отношенія народа къ осужденному. Въ его «Русскихъ народныхъ картинкахъ» есть цѣлый рядъ интереснѣйшихъ замѣчаній, посвященныхъ тѣмъ причинамъ, по которымъ въ народѣ вѣками выработалось милосердное отношеніе къ наказанному преступнику и вообще «къ заключенному». Народу изъ массы повторяющихся примѣровъ было извѣстно, какъ тяжко продолжительное *тюремное сидѣніе*, въ которомъ даже и виновный,—а сидѣвшій далеко не всегда былъ таковымъ, — съ избыткомъ искупалъ свою вину еще до тяжкаго приговора, его постигшаго. Десятки лѣтъ пребыванія подъ стражей вовсе не были особо исключительнымъ явленіемъ. Напечатанная по повелѣнію императрицы Екатерины II лубочная картинка, изображающая обрядъ всенароднаго покаянія убійцъ Жуковыхъ, въ 1754 г., касается дѣла, по которому даже состоявшійся о пяти подсудимыхъ приговоръ (четверо остальныхъ умерли отъ пытки) не былъ приведенъ въ исполненіе въ теченіе *двѣнадцати* лѣтъ, при чемъ осужденные содержались въ тяжкомъ заточеніи въ ожиданіи смертной казни, замѣненной впослѣдствіи,— въ силу указа императрицы Елисаветы о непроизводствѣ *натуральной смертной казни* впредь до точнаго о томъ распоряженія,—ссылкою въ монастырь и на каторгу. Но и чрезъ сто лѣтъ Ровинскій въ «Свѣдѣніяхъ о положеніи дѣлъ судебнаго вѣдомства» указывалъ, по своей практикѣ губернскаго прокурора, на необходимость принятія самыхъ энергическихъ мѣръ къ уменьшенію *многолѣтняго* сидѣнія въ тюрьмахъ *подслѣдственныхъ* арестантовъ, приводя въ примѣръ участь нѣкоего Вокатріо, просидѣвшаго подъ слѣдствіемъ бо-

лѣе 4-хъ лѣтъ въ московскомъ губернскомъ замкѣ «за справками». Въ промежутокъ отъ Жуковыхъ до Вокатріо, Екатерина II написала, по словамъ Ровинскаго, энциклопедически-либеральный проектъ объ улучшеніи нашихъ темницъ и построила нѣсколько каменнымъ замковъ, но замки эти были каплею въ морѣ, и тюрьма попрежнему оставалась мѣстомъ, гдѣ потребности заключеннаго на долгіе годы—въ воздухѣ, свѣтѣ, а въ первое время и въ пищѣ—вовсе не принимались въ расчетъ. Народная картинка первой половины XVIII вѣка, находящаяся въ собраніи Ровинскаго, представляетъ типическую темницу того времени съ надписью: «въ темницѣ бѣхъ». Въ примѣчаніи по поводу этой картинки Ровинскій говоритъ: «какъ извѣстно, преступники, дожидаясь суда и наказанія, сидѣли въ темницахъ, часто подземныхъ, и тюрьмахъ (отъ слова: Thurm—башня), сибиркахъ, острогахъ, а равно и въ болѣе упрощенныхъ мѣстахъ заключенія, носившихъ названія порубовъ, погребовъ, ямъ и каменныхъ мѣшковъ, въ которыхъ нельзя ни стать, ни лечь; такіе мѣшки, по свидѣтельству Снегирева, можно было видѣть еще весьма недавно въ Спасо-Прилуцкомъ Вологодскомъ монастырѣ. Здѣсь заключенные, или колодники, сидѣли, смотря по важности обвиненія, или въ деревянныхъ колодкахъ, отъ которыхъ и назывались колодниками, или скованные желѣзами по рукамъ и ногамъ,—съ надѣтою имъ на шею рогаткою; особенно важные преступники приковывались цѣпью къ стулу, т.-е. къ деревянной колодѣ, пуда въ два вѣсомъ или же приковывались къ стѣнѣ; самоважнѣйшимъ вкладывали во рты деревянные кляпы (клинья), чтобы они не могли говорить. Древнія тюрьмы наши были тѣсны и грязны, накоплялось въ нихъ народу тьма тьмущая: одни ожидали суда, другіе наказанія»...

Но и въ первой четверти XIX столѣтія тюрьмы и вообще положеніе арестантовъ было не лучше. Знаменитая записка англійскаго филантропа Венинга, поданная императору Александру I,—данныя, относящіяся къ началу тюремной благотворительной дѣятельности въ Москвѣ доктора Гааза и нѣкоторые офиціальные памятники изъ дѣлъ того времени—рисуютъ самую безотрадную картину положенія тюремнаго дѣла предъ учрежденіемъ, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, попечительнаго о тюрьмахъ общества. Даже въ столицахъ полутемныя, сырыя, холодныя и невыразимо грязныя тюремныя помѣщенія были свыше всякой мѣры переполнены арестантами безъ различія возраста и рода преступленія. Отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ осуществлялось очень неудачно; дѣти и неисправныя должницы содержались вмѣстѣ съ проститутками и закоренѣлыми злодѣями. Все это тюремное населеніе было полуголодное, полунагое, лишенное почти всякой врачебной помощи. Въ этихъ школахъ взаимнаго обученія разврату и преступленію господствовали отчаяніе и озлобленіе, вызывавшія крутыя и жестокія мѣры обузданія; колодки, приковані къ тяжелымъ стульямъ, ошейники со спицами, мѣшавшими ложиться и т. п. Препровожденіе ссыльныхъ въ Сибирь совершалось на желѣзномъ прутѣ, продѣтомъ сквозь наручники скованныхъ попарно арестантовъ. Подобранные случайно, безъ соображенія съ ростомъ, силами, здоровьемъ и родомъ вины, ссыльные отъ 8 до 12 человѣкъ на каждомъ прутѣ, двигались между этапными пунктами, съ проклятіями таща за собой ослабѣвшихъ въ дорогѣ, больныхъ и даже умершихъ. Устройство пересыльныхъ тюремъ было еще хуже, чѣмъ устройство тюремъ срочныхъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что и въ 1863 году положеніе тюремъ въ районѣ будущаго Московскаго судебнаго округа было, по донесенію Ровинскаго, крайне неудовлетворительно и представляло многія «безобразія». Въ тогдашнемъ тюремномъ управленіи было огромное количество начальниковъ всякаго рода, сталкивавшихся у одного дѣла, почему совершенно отсутствовали настоящіе дѣятели, а управленіе путями сообщенія и публичными зданіями отняло у тюремныхъ комитетовъ право самимъ производить ремонтъ тюремъ, вслѣдствіе чего развелась многосложная переписка о каждой печкѣ, рамѣ и балкѣ, а зданія пришли въ упадокъ. Оканчивая свой отчетъ, Ровинскій говоритъ, что почти каждое слѣдствіе сопровождается предварительнымъ арестомъ обвиняемаго, а мѣсто, гдѣ онъ содержится, такъ душно, сыро и смрадно, что арестъ обращается во многихъ случаяхъ въ каторжное наказаніе, соединенное съ разслабленіемъ здоровья и умственныхъ способностей...

Такое устройство и содержаніе тюремъ было не единственнымъ зломъ,—другое, и при томъ, конечно, не меньшее, состояло въ господствѣ произвола при заключеніи въ тюрьму и необычайной медленности въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ. Ровинскій приводитъ выписку изъ указа Анны Іоанновны, изъ которой видно, что въ 1737 году было освобождено «по многомъ держаніи» 420 колодниковъ, которые были забраны не за какіе-либо проступки, но «ради взятокъ и бездѣльныхъ корыстей». Даже и во второй четверти нашего столѣтія, по свидѣтельству его же, въ виду чрезвычайнаго накопленія арестантовъ, производились періодическія очищенія тюремъ, назначеніемъ по 300 и болѣе человѣкъ въ солдаты и въ арестантскія роты—*безъ суда*, сокращеннымъ порядкомъ. По этому поводу онъ разсказываетъ, что при одномъ изъ такихъ очищеній въ роспись мужчинъ ошибкою попала баба-татарка съ мужскимъ именемъ, въ родѣ Гоголевской «Елисаветъ Воробей»,—и ее назначили въ арестантскія роты. При исполненіи, ошибка оказалась, но никто не смѣлъ доложить о ней, кому слѣдуетъ; такъ Елисаветъ Воробей и высидѣла свой срокъ, въ видѣ мужской персоны, «только за неспособностью ея къ арестантскимъ ротамъ», въ рабочемъ домѣ. Онъ прибавляетъ, что ему попадались тюрьмы, гдѣ гарнизонное начальство захватило въ свои руки всю власть и не пускало арестантовъ на дворъ освѣжиться воздухомъ. Въ одной изъ такихъ тюремъ содержались въ маленькихъ комнатахъ по 10—15 человѣкъ, а въ углу стоялъ ушатъ (параша) для испражненій,—воздухъ былъ зараженъ до послѣдней возможности; арестанты, истощенные и блѣдные—«а вѣдь все это люди только лишь обвиняемые и, быть-можетъ, вовсе и невиновные».

Представленіе объ арестантѣ, какъ о *несчастномъ*, слагалось у народа въ теченіе долгихъ лѣтъ и прочно укоренилось еще въ XVIII столѣтіи. Несомнѣнно, что въ связи съ мыслью о тяжести тюремнаго сидѣнія являлась у народа и мысль о пыткахъ, неразрывно связанныхъ съ нашимъ старымъ процессомъ; хотя онѣ и были уничтожены секретнымъ указомъ губернаторамъ въ 1767 г., но продолжали неофиціально существовать подъ именемъ допроса «съ пристрастіемъ» до царствованія Александра I, который уничтожилъ самое названіе пытки, «какъ стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее». Но народъ не могъ забывать о пыткахъ, которымъ подвергались обвиняемые, еще и потому, что почти до конца XVIII вѣка у насъ колодниковъ

посылали «на связкахъ» каждый день собирать подаяніе на пропитаніе по улицамъ и площадямъ, при чемъ пытанные, для возбужденія состраданія, ходили въ рубищахъ, пропитанныхъ запекшеюся кровью, и показывали народу свои раны. На народныхъ поговоркахъ сказалось это господство пытокъ въ нашемъ старомъ процессѣ—и выраженія «согнуть въ три погибели», «выпытать всю подноготную» и т. п. съ несомнѣнностью указываютъ на пыточные пріемы для полученія сознанія. Установители нашихъ старинныхъ пытокъ не отличались такою изобрѣтательностью и систематичностью, какъ наши западные сосѣди, — наши пытки были жестоки, но проще и менѣе утонченны, чѣмъ, напр., подробно описанныя, съ тщательными рисунками, въ австрійскомъ кодексѣ Маріи-Терезіи. Тѣмъ не менѣе нельзя безъ невольнаго содроганія читать приводимую Ровинскимъ въ «Народныхъ картинкахъ» справку изъ дѣлъ тайной канцеляріи (1735—1754 г.), составленную для императрицы Екатерины II, съ описаніемъ «обряда, како обвиненный пытается», и съ подробнымъ описаніемъ какъ пріемовъ мученія, отъ которыхъ «оный злодѣй весьма изумленнымъ бываетъ», такъ и способовъ усугубленія ихъ, «дабы оный болѣе истязанія чувствовалъ».

Можно ли послѣ всего этого не согласиться съ Ровинскимъ, когда онъ говоритъ, что народъ имѣлъ при такомъ положеніи вещей основаніе смотрѣть на колодниковъ какъ на *несчастныхъ*— и, не разбирая между ними виновныхъ и невинныхъ, щедро нести голоднымъ и холоднымъ своимъ братьямъ посильныя подаянія? Но не на одно долговременное и изнурительное тюремное сидѣніе, въ связи съ пытками, какъ на поводъ къ сострадательности народа къ *несчастнымъ*, указывалъ Ровинскій. Онъ говорилъ и о жестокихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, производившихся публично, и, конечно, пробуждавшихъ, на ряду съ проявленіями кровожаднаго любопытства, и чувство глубокой жалости къ наказываемымъ. Въ примѣчаніяхъ и объясненіяхъ къ «Народнымъ картинкамъ» Ровинскій, съ обычною своею обстоятельностью и подробностью въ ссылкахъ, приводитъ описаніе кнута, плетей, шпицрутеновъ—и способа наказанія ими. Не останавливаясь на отталкивающихъ частностяхъ этихъ описаній, нельзя не отмѣтить указываемой авторомъ своеобразной заботливости о техническомъ улучшеніи этой части. Такъ, старинный козелъ, на которомъ били кнутомъ «нещадно», въ XVIII вѣкѣ замѣненъ былъ помощникомъ палача, а въ 1788 г. человѣкъ былъ замѣнемъ станкомъ, называемымъ кобылою. Двухвостая до 1839 г. плеть была замѣнена въ 1840 г., по положенію комитета министровъ, трехвостою;—въ 1847 г. установлены по губернскимъ правленіямъ при особомъ циркулярѣ «образцовыя розги»; въ 1846 г. медицинскій совѣтъ преподалъ правила для изготовленія особаго состава на предметъ затиранія ранъ отъ наложенія клеймъ на лбу и щекахъ, для чего прежде употреблялся порохъ и т. д. Но и при этомъ обычномъ господствѣ тѣлесныхъ наказаній сказались особенности русскаго народа. «Со стороны» никто не шелъ въ исполнители торговой казни. Изъ приводимыхъ Ровинскимъ интересныхъ свѣдѣній о палачахъ, видно, что у насъ никогда не было профессіональныхъ палачей, и господинъ во фракѣ, носящій титулъ Monsieur de Paris, пріѣзжающій къ мѣсту исполненія казни въ собственномъ экипажѣ, слѣдящій свысока за «туалетомъ» осужденнаго и брезгливо трогающій рукою въ бѣлой перчаткѣ пружинку гильотины—у насъ немыслимъ. До *этой* стороны западной культуры мы совершенно не дорос-

ли,—да, вѣроятно, никогда и не дорастемъ... У насъ палачи набьиралис изъ тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ. Служба въ Москвѣ доставила Ровинскому возможность видѣть близко нѣсколькихъ типичныхъ палачей и, между прочимъ, знаменитаго семидесятилѣтняго «Алешку», разрѣзавшаго однимъ ударомъ плети толстый лубокъ пополамъ. Изъ времени этой службы, со словъ очевидцевъ, вынесъ онъ и картину наказанія плетьми, съ обычнымъ: «берегись, ожгу!» Свидѣтелемъ этой картины бывали и массы народа.

Бывалъ народъ свидѣтелемъ и другой страшной картины; въ живыхъ подробностяхъ ея описанія у Ровинскаго сквозитъ, что онъ и самъ имѣлъ несчастіе видѣть эту картину. Дѣло идетъ о проводкѣ сквозь строй, при чемъ уже 500 ударовъ шпицрутенами составляли, въ большей части случаевъ, замаскированную и вмѣстѣ съ тѣмъ квалифицированную смертную казнь. «Что сказать о шпицрутенахъ сквозь тысячу, двѣнадцать разъ, безъ медика!—восклицаетъ Ровинскій.—Надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы уже никогда не позабыть ея. Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому дается въ руки хлыстъ-шпицрутенъ; живая «зеленая улица», только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго по поясъ и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ, чтобы каждый шпицрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на «солдатской шкурѣ»; сзади вывозится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ; раздается зловѣщая трескотня барабановъ; разъ, два... и пошла хлестать зеленая улица, справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается, сзади и спереди, широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ; летятъ кровяныя брызги... «Братцы, пощадите!...» прорывается сквозь глухую трескотню барабана; но вѣдь щадить значитъ самому быть пороту,—и еще усерднѣе хлещетъ «зеленая улица». Скоро спина и бока представляютъ одну сплошную рану, мѣстами кожа сваливается клочьями—и медленно двигается на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянные глаза свои... вотъ онъ свалился, а бить еще осталось много, — живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ, взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеновъ и рубятъ кровавую кашу. Смолкли стоны, слышно только какое-то шлепаніе, точно кто по грязи палкой шалитъ, да трещатъ зловѣщіе барабаны...»

Въ то время, когда гр. Блудовъ находилъ возможнымъ отрицать за русскимъ народомъ способность добросовѣстно исполнять судейскія обязанности потому, что у него существуетъ представленіе о «несчастномъ»,—картины, въ родѣ нарисованной Ровинскимъ, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ были еще явленіемъ, которое считалось обыкновеннымъ и вполнѣ цѣлесообразнымъ,—были отправляемымъ съ полною публичностью проявленіемъ дѣятельности карательнаго механизма... Если все это могло лишь закрѣплять въ народѣ его трогательное отношеніе къ «несчастному», а нисколько не доказывать, что народу чужда идея справедливаго суда за преступленіе, то, съ другой стороны, господство въ нашей карательной системѣ тѣлесныхъ наказаній поселяло во многихъ мыслящихъ и сердечныхъ людяхъ отвращеніе къ этому способу возмездія и страстное желаніе поскорѣе увидѣть его уничтоженіе. Къ такимъ людямъ надо отнести, прежде всего, русскаго посланника въ Брюсселѣ,

князя Н. А. Орлова, которому принадлежитъ починъ возбужденія въ офиціальныхъ сферахъ, въ 1861 году, вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Его благородное имя не должно—не будетъ забыто русской исторіей! Къ такимъ же людямъ принадлежалъ и Ровинскій. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній сдѣлалась своего рода «caeterum censeo» всѣхъ его работъ по поводу судебнаго преобразованія. Въ запискѣ объ улучшеніяхъ по слѣдственной части онъ настаивалъ на необходимости вступленія суда на новой путь, свободный отъ необходимости подписывать приговоры о примѣненіи этого позорнаго наказанія; въ запискѣ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія онъ указывалъ практическіе способы замѣны этого наказанія другими, даже безъ ломки существовавшей лѣстницы наказаній. Онъ какъ бы впередъ отвѣчалъ тѣмъ робкимъ и бездушнымъ, кто, опираясь на черствый и безжизненный консерватизмъ въ законодательствѣ, сталъ бы говорить о невозможности уничтоженія тѣлеснаго наказанія безъ пересмотра всего Уложенія о наказаніяхъ, что̀ въ свою очередь не можетъ не представляться дѣломъ весьма сложнымъ и при томъ едва ли своевременнымъ и т. д. и т. д. Тюрьмы переполнены арестантами, сидящими по годамъ за справками о званіи:—«отмѣните тѣлесное наказаніе, и собраніе свѣдѣній о званіи будетъ излишне, ибо всѣмъ привилегированнымъ и непривилегированнымъ будетъ грозить одинаковое наказаніе»,—писалъ онъ за 35 лѣтъ до появленія проекта новаго уголовнаго Уложенія, который, наконецъ, уничтожаетъ это нелѣпое по отношенію къ преступленію и наказанію различіе. «Уничтожьте тѣлесныя наказанія, какъ прибавку къ нормальному наказанію, указанному въ 19, 21 и 22 ст. Уложенія 1857 г., пишетъ онъ далѣе,—упраздните арестантскія роты и рабочіе дома, этотъ разсадникъ тунеядцевъ, живущихъ на земскій счетъ и вырабатывающихъ отъ 4 до 5 р. въ годъ на человѣка,—организуйте переселенія нынѣ приговариваемыхъ къ содержанію въ нихъ прямо въ Сибирь и отдаленныя губерніи—и наказаніе сдѣлается средствомъ упрочить общественную безопасность и предупреждать преступленія, давая виновному возможность исправиться и сдѣлаться полезнымъ въ новой для него средѣ, а не обрекая его на вынужденное бездѣйствіе въ растлѣвающей и развращающей тюремной средѣ».

Отвращеніе Ровинскаго къ тѣлеснымъ наказаніямъ и къ орудіямъ ихъ производства выразилось, между прочимъ, слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ:—въ пріемной комнатѣ Губернскаго Тюремнаго Замка, на стѣнѣ, были вывѣшены «образцовыя» плети, розги, кандалы и т. п.; вступивъ въ должность прокурора, Ровинскій потребовалъ ихъ къ себѣ «для осмотра»—и, несмотря на напоминанія, никогда ихъ не возвратилъ назадъ. Онъ, такъ сказать, «зачиталъ» эти предметы, какъ зачитываютъ книги—и избавилъ, такимъ образомъ, приходящихъ въ Тюремный Замокъ отъ зрѣлища этого непристойнаго украшенія пріемной въ немъ комнаты.

Когда совершилась въ 1863 г. съ тревожною надеждою жданная имъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній, Ровинскій съ жаромъ привѣтствовалъ ее и до конца дней съ любовью вспоминалъ объ этомъ времени своей общественной жизни. Уже въ 1881 году, когда и другая его мечта—о судѣ присяжныхъ—была давно осуществлена, онъ, описавъ въ «Народныхъ картинкахъ» виды и способы выполненія наказаній «на тѣлѣ», говоритъ: «съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это кровавое время, ушедшее отъ насъ безвозвратно,

и говорить и о жестокихъ пыткахъ, и о татарскомъ кнутѣ, и о нѣмецкихъ шпицрутенахъ: народу данъ судъ присяжныхъ, при которомъ слѣдователю незачѣмъ добиваться отъ обвиняемаго «чистосердечнаго признанія»,—сознавайся не сознавайся, а если виноватъ, обвиненъ все-таки будешь,—а затѣмъ нѣтъ надобности прибѣгать ни къ пыткамъ, ни къ пристрастнымъ допросамъ. Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены, несмотря на то, что кнутофилы 1863 года, точно такъ же, какъ и собраты ихъ въ 1767 году, вопили нестройнымъ голосомъ прежнюю пѣсню, «что теперь де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли встанетъ поутру, и что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ», и что къ этимъ вопителямъ прибавились еще другіе, которымъ померещилось, что де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ рушится... «Всуе смятошася и вотще прорекоша!»—Миръ и тишина остались и въ домѣ и въ постели; спать даже стали больше и крѣпче прежняго; дисциплина тоже не пострадала. Кнутъ, шпицрутены и даже розги исчезли изъ военнаго и судебнаго міра, а съ ними и замаскированная смертная казнь, въ самомъ гнусномъ ея видѣ»... «И не забудетъ русскій народъ этого кровнаго дѣла, и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти *святое имя* его Дѣятеля!»—прибавляетъ онъ въ благодарномъ воспоминаніи о томъ, кого въ «Словарѣ гравированныхъ портретовъ» (I, 231, IV, 417) называетъ величайшимъ и человѣчнѣйшимъ изъ царей русскихъ.

Солидарный съ народомъ во взглядахъ, Ровинскій относился, подобно ему, скептически и къ содержанію въ тюрьмахъ, хотя бы и устроенныхъ съ разнообразными современными улучшеніями. Русская жизнь подтвердила его слова тридцать пять лѣтъ назадъ, подтверждаетъ ихъ, къ сожалѣнію, и теперь для всякаго, кто, минуя образцовыя тюрьмы столицъ, взглянетъ немного въ сторону отъ торнаго пути.

«Безпорядки въ нашихъ тюрьмахъ происходятъ, между прочимъ, отъ того,—писалъ онъ въ 1863 г.,—что всѣ ждутъ чего-то новаго, общихъ преобразованій по тюремной части, и въ ожиданіи ихъ не предпринимаютъ никакихъ улучшеній въ настоящемъ порядкѣ вещей, а составляютъ обширные планы на возведеніе новыхъ тюремъ въ цѣлые милліоны рублей. Отовсюду слышатся разнообразныя требованія: одни требуютъ и при нынѣшнихъ средствахъ европейской чистоты и воздушной вентиляціи, забывая, что народъ нашъ ѣстъ постоянно кислое, квасъ, хлѣбъ, капусту;—что у насъ почти восемь мѣсяцевъ зимы, въ продолженіе которыхъ заключенные прикрыты одними полушерстяными халатами,—и что при такихъ условіяхъ устройство усиленной вентиляціи въ ихъ камерахъ можетъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ для здоровья содержащихся; другіе весьма справедливо жалуются на то, что въ тюрьмахъ можно достать вино, но предлагаютъ для отвращенія этого зла усиленіе надзора и разныя стѣснительныя для арестантовъ мѣры, забывая, что именно лицами, приставленными для надзора, и приносится обыкновенно вино для продажи арестантамъ; третьи хотятъ заграничныхъ залъ и заведенія мастерскихъ въ большихъ размѣрахъ; четвертые требуютъ полнаго уединенія арестантовъ во время дня и ночи, забывая, что въ нашемъ суровомъ климатѣ содержаніе арестанта въ одиночной камерѣ обойдется не менѣе 300 рублей»... Въ 1881 году онъ возвращается въ «Народныхъ картинкахъ» къ вопросу о тюрьмахъ — и

о «несчастномъ». Весь Ровинскій съ его теплотою, оригинальностью и близостью къ простому русскому человѣку—на страницѣ 329-ой IV тома этого изданія. «Съ новымъ судопроизводствомъ дѣла пошли скорѣе, и сроки тюремнаго сидѣнія стали короче,—говоритъ онъ,—и, кажется, всѣ убѣдились, что тюрьма человѣка не правитъ, а портитъ, и что годится она только въ видѣ исправительно-устрашительной мѣры за мелкіе проступки. Важнаго преступника необходимо удалить изъ того общества, гдѣ онъ потерялъ довѣріе и гдѣ его всѣ боятся: ну, возьмете ли къ себѣ въ услуженіе человѣка съ волчьимъ паспортомъ? Только одно выселеніе въ новую среду можетъ поставить его на ноги; но не бросайте его тамъ на произволъ судьбы: дайте ему возможность трудиться на новомъ мѣстѣ, стать снова человѣкомъ и завестись семьей, безъ которой нельзя привязаться къ мѣсту; онъ сторицею заплатитъ вамъ за ваше добро. Въ проступкахъ средней важности лучшая исправительная школа—военная служба; такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ народъ. Помѣщеніе провинившагося собрата, на *особыхъ, конечно, условіяхъ*, въ среду общесословнаго воинства нисколько не уронитъ чести и достоинства сего послѣдняго,—спросите объ этомъ бравыхъ солдатъ нашихъ,—ни одинъ изъ нихъ не рѣшится бросить въ наказаннаго фарисейскій камень: вѣдь только человѣкъ, испорченный до мозга костей, видитъ въ каждомъ провинившемся опаснаго преступника и придумываетъ для него такія исправительныя мѣры, которыя не лучше смертной казни»... «А сколько здороваго, сильнаго и разумнаго матеріала, — продолжаетъ онъ, защищая свое оригинальное мнѣніе, въ которомъ, быть-можетъ, жизненная правда прозвучитъ въ ущербъ теоретической послѣдовательности, — матеріала, пропадающаго даромъ, прибавится къ арміи и пойдетъ въ дѣло. Дайте же провинившемуся собрату *настоящую возможность* исправиться, поставьте его въ новую среду, дайте ему трудомъ загладить прошедшее, а не стройте для него ваши грозныя тюрьмы, въ которыхъ, какъ вы сами увѣрены въ этомъ, *никто* еще не исправился и которыя лягутъ новымъ тяжелымъ гнетомъ на бѣдный народъ и въ денежномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Да еще въ иной тюрьмѣ, выстроенной съ новыми усовершенствованіями, говорятъ, умираетъ въ годъ отъ 27 до 30 процентовъ непривыкшаго къ этимъ усовершенствованіямъ народа»... «Много сдѣлано хорошаго въ судебномъ дѣлѣ,—заключилъ Ровинскій, какъ бы возобновляя старый споръ съ Блудовымъ, — но многое еще остается сдѣлать, чтобы народъ не въ правѣ былъ смотрѣть на заключеннаго, какъ на *несчастнаго!*»

Но не одно сострадательное отношеніе народа къ «несчастнымъ» приводилось Блудовымъ, какъ доводъ противъ введенія у насъ суда присяжныхъ. Указывалось на отсутствіе или полное неразвитіе въ народѣ чувства законности. Противъ этого было невозможно въ то время спорить; съ этимъ надо было серьезно считаться. Такъ и поступилъ Ровинскій, прямодушно признавъ важность и справедливость обвиненія народа въ томъ, что понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ въ немъ до того неразвиты и неясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, считается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Но онъ признавалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что такое печальное явленіе, выражающееся въ массѣ кражъ, многіе виды которой освящены обычаями или даже узаконились отъ давности, начиная отъ ежедневной порубки въ казенныхъ лѣсахъ

и кончая колоссальными хищеніями при подрядахъ на строительныя работы и всякія поставки,—зависитъ не отъ неразвитости народныхъ массъ, которыя ни въ одномъ государствѣ не могутъ еще похвалиться ни юридическимъ образованіемъ, ни высшею способностью къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ, о которыхъ говорилось въ «общей объяснительной запискѣ» Блудова. «Если юридическое образованіе и высшая способность къ тонкому анализу, и дѣйствительно, составляютъ удѣлъ однихъ инородцевъ—писалъ Ровинскій въ 1861 г.,—то почему эти господа, перебравшись на нашу почву, такъ скоро освоиваются съ нашими порядками, смѣтами, доходными статьями и экономіями... и такъ быстро теряютъ и юридическое образованіе и высшую способность къ тонкому анализу? Причина этой грязи коренится гораздо глубже; въ большинствѣ случаевъ человѣкъ остороженъ тогда, когда за поступками его слѣдитъ общество, у котораго есть возможность законнымъ путемъ порицать и наказывать его. Какой же осторожность можно ожидать отъ человѣка тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще совсѣмъ не сложилось, и гдѣ попытка надзора со стороны общества еще такъ недавно преслѣдовалась наравнѣ со скопомъ и заговоромъ? Правительство должно дать законный исходъ общественному мнѣнію, имъ самимъ затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество разбирать и осуждать поступки собственныхъ членовъ, оно должно посредствомъ такого суда слить свои интересы съ нуждами общества. Говорятъ, что введеніе такого суда присяжныхъ у насъ преждевременно, что народу и обществу предстоитъ, прежде всего, юридическое развитіе и т. д. Мы же, напротивъ, убѣждены, что такой судъ, строгій, гласный и всѣми уважаемый, долженъ предшествовать всякому юридическому развитію общества и самихъ судей; что только въ немъ народъ научится правдѣ и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ровинскій, еще не видя суда присяжныхъ въ дѣйствіи, съ такою вѣрою въ его пригодность для Россіи и въ его цѣлесообразность ратовалъ за него. Возникшее затѣмъ существованіе у насъ этой формы суда нельзя назвать спокойнымъ и безмятежнымъ. За сравнительно краткій періодъ наши присяжные подвергались самымъ разнообразнымъ нападкамъ, при чемъ призванные и непризванные витязи идеальнаго правосудія произносили надъ ними свой суровый приговоръ, не допуская даже никакихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе, русскій присяжный устоялъ на ногахъ, принявъ за время своей дѣятельности на свои плечи тяжкій и безвозмездный трудъ постановки свыше семи съ половиною милліоновъ уголовныхъ приговоровъ.

Наконецъ, изъ всѣхъ соображеній Блудова противъ защищаемыхъ Ровинскимъ началъ вытекало и опасеніе суда присяжныхъ, какъ *новшества*, совершенно чуждаго нашему строю, быту и направленію правительства, будто бы всегда чуждавшагося общественнаго суда и находившаго его неудобнымъ и беззаконнымъ. Въ запискѣ «Объ устройствѣ уголовнаго суда» эти опасенія были опровергнуты блистательно и съ глубокимъ знаніемъ дѣйствовавшаго законодательства. Анализомъ практическаго примѣненія Уложенія о наказ. 1845 г. съ его «178 ступеньками лѣстницы наказаній, по коимъ съ математическою точностью распредѣлены кары—отъ 3 розогъ до 100 плетей», въ связи съ результатами теоріи формальныхъ доказательствъ и ея «оставленій въ подозрѣ-

нiи»,—Ровинскiй доказывалъ, что правительство было *вынуждено* устроить рядомъ съ судомъ коронным судъ общественный. Такимъ образомъ мѣщанскимъ обществамъ было предоставлено удалять изъ своей среды по приговорамъ—т.-е. въ сущности ссылать въ Сибирь—мѣщанъ, оставленныхъ въ подозрѣнiи и опороченныхъ въ поведенiи при повальномъ обыскѣ,—возвращенныхъ въ общество для водворенiя послѣ арестантскихъ ротъ и, наконецъ, трижды подвергнутыхъ по суду исправительнымъ наказанiямъ. Кромѣ того, мѣщанское общество имѣло право отдавать своихъ сочленовъ по мiрскимъ приговорамъ въ казенныя и частныя работы на срокъ до шести мѣсяцевъ за порочное и развратное поведенiе. Такiя же права были предоставлены и другимъ подобнымъ сословiямъ. Рядомъ съ этимъ, на основанiи Устава о рекрутской повинности, прясяжное показанiе 12 человѣкъ изъ общества, къ которому принадлежитъ подозрѣваемый въ умышленномъ членовредительствѣ, о томъ, что увѣчье причинено имъ себѣ съ намѣренiемъ избѣжать рекрутства, безусловно влекло за собою установленное за это преступленiе наказанiе. Находя, что этотъ судъ *послѣ* суда и *безъ* суда есть тотъ же судъ присяжныхъ, но въ самой его безобразной формѣ, Ровинскiй указывалъ, что, не говоря уже о сельскихъ расправахъ, ремесленныхъ управахъ и въ особенности о только что учрежденномъ для временно-обязанныхъ крестьянъ волостномъ судѣ, гдѣ исключительно господствуетъ общественный элементъ,—и въ нашихъ коронныхъ судахъ того времени общественное, выборное начало было преобладающимъ. Всѣ пять членовъ уѣзднаго суда были выборные, точно такъ же, какъ шесть членовъ магистрата,—а изъ шести членовъ уголовной Палаты только товарищъ предсѣдателя назначался правительствомъ. За исключенiемъ послѣдняго и, иногда предсѣдателя Палаты всѣ эти члены разныхъ судовъ не имѣли обыкновенно никакого понятiя о теорiи формальныхъ доказательствъ и, становясь ширмами для дѣятельнаго и ловкаго секретаря, во власти котораго находился дѣйствительный судъ и расправа надъ преступникомъ, по привычкѣ, безъ яснаго сознанiя судейскаго долга, «прописывали» человѣку плети и каторгу. Но пусть—предлагалъ Ровинскiй—эти самые люди будутъ, безъ всякихъ сословныхъ различiй, назначаться на краткiй срокъ, дѣйствовать гласно и высказывать свое мнѣнiе о винѣ и невиновности по убѣжденiю совѣсти, предоставляя коронному судьѣ назначать наказанiе по Уложенiю, и тогда станетъ видно, можетъ ли *такой* судъ угрожать «бòльшимъ беззаконiемъ и бòльшими неудобствами», чѣмъ судъ, принятый подъ свою защиту гр. Блудовымъ. Правда, этотъ судъ долженъ быть связанъ съ обвинительнымъ началомъ, а введенiе его, по мнѣнiю автора «Общей объяснительной записки», тоже невозможно, ибо гдѣ взять достаточное число образованныхъ людей, способныхъ принять на себя званiе обвинителей, — а если они окажутся, то гдѣ взять надежныхъ защитниковъ, безъ которыхъ предлагаемое запискою устройство суда будетъ лишать подсудимаго и тѣхъ средствъ защиты (?), какiя доставляетъ ему существующее судопроизводство? Ровинскiй горячо возражалъ и противъ этого съ тѣмъ довѣрiемъ къ духовнымъ силамъ и способностямъ русскихъ людй, которое его всегда характеризовало. Будутъ и прокуроры, будутъ и защитники;—они явятся тотчасъ же, въ этомъ нельзя сомнѣваться, утверждалъ онъ, предсказывая, что на первое время уголовные суды не услышатъ отъ защитниковъ трескучихъ рѣчей, съ желанiемъ оправдать во что бы то ни стало явнаго преступника,—да и самые

прокуроры, вѣроятно, не будутъ поддерживать во что бы то ни стало обвиненіе. Его слова оказались пророческими. Какъ по мановенію волшебнаго жезла, выросли съ первыхъ же дней судебной реформы обвинители и защитники,—умѣлые, талантливые и проникнутые сознаніемъ важности и святости новаго дѣла. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что наша судебная трибуна въ первые годы существованія новыхъ судовъ стала въ уровень съ иностранною, не утративъ симпатичныхъ національныхъ особенностей. У многихъ представителей ея въ то время можно, а нерѣдкимъ изъ современныхъ судебныхъ бойцовъ даже весьма полезно и назидательно, поучиться *порядочности* въ пріемахъ борьбы, *добросовѣстному* изученію дѣла и *уваженію* къ своему и чужому человѣческому достоинству при отправленіи уголовнаго правосудія.

Не ограничиваясь критикою взглядовъ гр. Блудова, Ровинскій предлагалъ *свои* основанія, на которыхъ долженъ былъ быть построенъ будущій судъ присяжныхъ. Особенности его, отличныя отъ того, что было создано впослѣдствіи, состояли въ правѣ подсудимаго требовать, чтобы половина присяжныхъ принадлежала къ одному съ нимъ сословію; въ единогласіи, какъ условіи приговора; въ правѣ предсѣдательствующаго съ присяжными члена губернскаго суда ходатайствовать предъ верховною властью о помилованіи осужденнаго и въ обязанности его говорить присяжнымъ объ ожидающемъ обвиненнаго наказаніи. Въ этихъ особенностяхъ, хотя и трудно выполнимыхъ по условіямъ нашей мѣстной жизни, сказывалось весьма справедливое желаніе наилучшимъ образомъ оградить участь подсудимаго, создавъ для него судъ, по возможности одинаковый съ нимъ по степени своего развитія и по взглядамъ на житейскія отношенія, не скрывая отъ этого суда послѣдствій его единогласнаго приговора. Послѣднее требованіе, не принятое составителями Судебныхъ Уставовъ, долго вопіяло о своемъ осуществленіи. Отсутствіе предоставленія даже предсѣдателю суда права говорить о наказаніи составляло одну изъ рѣдкихъ, но крайне вредныхъ условностей нашего уголовнаго процесса—и можно только удивляться близорукому упорству, съ которымъ нѣкоторые юристы защищали въ теченіе многихъ лѣтъ запрещеніе, идущее въ разрѣзъ съ требованіями житейской логики, зачастую дѣлавшее присяжныхъ жертвою заблужденія и создававшее вредныя для правосудія неожиданности.

Горячій проповѣдникъ новыхъ формъ суда, Ровинскій предлагалъ организовать коронный элементъ суда такъ, чтобы въ каждомъ губернскомъ городѣ находился губернскій судья, стоящій во главѣ мѣстнаго суда и облеченный особою властью. Утверждаемый Высочайшею волею и предаваемый суду лишь по Высочайшему повелѣнію, онъ долженъ былъ представлять на утвержденіе Сената—мировыхъ судей (они же и слѣдователи по маловажнымъ дѣламъ) и членовъ суда, и самъ назначать, по соглашенію съ губернскимъ прокуроромъ, судебныхъ слѣдователей, которые производятъ слѣдствія лишь по важнымъ дѣламъ. Онъ получалъ право ревизовать всѣ судебныя и мировыя учрежденія и о найденныхъ безпорядкахъ доносить непосредственно Правительствующему Сенату и требовать, по каждому дѣлу, освобожденія обвиняемаго изъ-подъ стражи. Первоначальное назначеніе губернскаго судьи и членовъ суда должно было исходить отъ правительства, но затѣмъ Ровинскій проектировалъ самую широкую систему

самовосполненія коллегіи путемъ выборовъ, при чемъ и самый губернскій судья подлежалъ бы выбору изъ среды членовъ суда ими самими. Точно такъ же самими чинами судебныхъ канцелярій должны были избираться и замѣстители открывшихся вакансій. Особенно оригинально было проектированное имъ назначеніе мировыхъ судей. Составленный уѣзднымъ предводителемъ списокъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ желаніе и право быть мировыми судьями, долженъ былъ разсматриваться собраніемъ дворянства, собраніемъ городского общества и сельскимъ обществомъ, по волостямъ, при чемъ каждое изъ нихъ имѣло бы право большинствомъ голосовъ исключать, по уважительнымъ причинамъ, нѣкоторыхъ лицъ изъ списка, изъ котораго, затѣмъ, губернскій судья, по соглашенію съ прочими мировыми судьями уѣзда, назначалъ бы мировыхъ судей и кандидатовъ къ нимъ. Близкое вѣяніе будущихъ земскихъ учрежденій чувствуется въ этомъ проектѣ, замѣчательномъ особою, по самостоятельности и значенію, постановкою должности губернскаго судьи. Дальнѣйшая жизнь судебныхъ учрежденій показала, какъ трудно исполнимъ былъ бы въ своей этой части проектъ Ровинскаго во всѣхъ подробностяхъ, но онъ живо характеризуетъ взгляды составителя на необходимыя условія въ постановкѣ вновь учреждаемаго судейскаго званія въ судахъ «по внутреннему убѣжденію». Увѣренный, что сословія наши не видѣли особо цѣнной привилегіи въ правѣ выбора засѣдателей въ «суды не по внутренному убѣжденію», Ровинскій, заканчивая свою записку о судебной службѣ, заявлялъ, что дворянству легко будетъ разстаться съ правомъ выбирать чиновниковъ на всевозможныя должности, ибо онъ хорошо знаетъ, что истинное значеніе выборнаго начала зависитъ не отъ этого права. «Дворянству,—писалъ онъ,—какъ самому образованному сословію въ государствѣ, предстоитъ другая высокая обязанность: поддержать и развить *мировыя учрежденія*, сдѣлать изъ нихъ первую ступень для защиты дарованныхъ народу правъ и поддержанія общественной безопасности. Общія нужды и выгоды въ скоромъ времени сплотятъ его съ другими сословіями и свободнымъ путемъ отдадутъ въ его руки право общаго суда чрезъ присяжныхъ и мировыхъ судей, взамѣнъ тѣхъ непрочныхъ и непочтенныхъ правъ, которыми оно еще такъ недавно принуждено было пользоваться надъ половиною страны крѣпостнымъ порядкомъ».

Съ такими планами, взглядами и надеждами прибылъ Ровинскій въ началѣ 1863 г. въ Петербургъ для участія въ трудахъ комиссіи по составленію Судебныхъ Уставовъ, для чего былъ 8-го ноября 1862 г. прикомандированъ къ Государственной канцеляріи. Здѣсь въ комиссіи, среди людей, оживленныхъ сознаніемъ плодотворности предпринятаго труда и тѣмъ подъемомъ духа, который проникалъ слова и дѣйствія крупныхъ и мелкихъ работниковъ по преобразованіямъ, наполнившимъ первое десятилѣтіе царствованія императора Александра Николаевича, Ровинскій нашелъ и благодарную почву для своихъ мнѣній, и разнообразную, оживленную ихъ критику. Многое видоизмѣнилось въ его взглядахъ на способы практическаго осуществленія судебнаго преобразованія, но въ существенномъ и главномъ онъ пребылъ неизмѣненъ, оставаясь зачастую въ меньшинствѣ—вѣрнымъ тому, что подсказывали ему практическая складка ума и знаніе русской жизни, знаніе не книжное, а личное и непосредственное. Его мнѣнія, высказанныя въ комиссіи, очень цѣнны и въ настоящее время. Пятидесятилѣтняя пра-

ктика указала на нѣкоторыя слабыя или черезчуръ сложныя, безъ пользы для правосудія, стороны уголовнаго процесса по Судебнымъ Уставамъ 1864 г., и по ряду вопросовъ приходится, путемъ живого опыта, возвращаться почти къ тѣмъ же выводамъ, къ которымъ, создавая эти Уставы, приходили нѣкоторые изъ ихъ составителей. Такъ, въ области уголовнаго судопроизводства по вопросу о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ засѣдателей и вообще объ ихъ положеніи на судѣ, Ровинскій былъ за широкое довѣріе этому учрежденію, чуждое оговорокъ и ограниченій, которыя отчасти внесены въ нашъ процессъ, ставя присяжнаго засѣдателя одновременно и въ положеніе безконтрольнаго и безотвѣтственнаго рѣшителя дѣла, и въ положеніе недозрѣлаго человѣка, которому нельза *всего* сказать, котораго всегда можно подозрѣвать въ пристрастіи и легкомысліи, который требуетъ непрестаннаго огражденія отъ внѣшнихъ вліяній и воздѣйствій. Онъ горячо возставалъ противъ проектированной многими двойной системы отвода присяжныхъ и въ прекрасномъ, сильномъ и убѣдительномъ, но, къ сожалѣнію, одинокомъ мнѣніи совершенно отрицалъ за прокуроромъ право отвода присяжныхъ безъ объясненія причинъ, боясь, что прокуроръ, исключая изъ состава присяжныхъ мягкихъ и сердечныхъ людей и оставляя исключительно крутыхъ и строгихъ, нарушитъ внутреннее равновѣсіе въ отношеніи присяжныхъ къ дѣлу и исказить тотъ спокойный и правдивый характеръ, который необходимо придать званію прокурора въ противоположность его французскому собрату, обвинителю quand même. Въ своей всегдашней заботѣ объ уменьшеніи народныхъ тягостей, онъ доказывалъ, что лишеніе прокурора права отвода 6-ти присяжныхъ составитъ уменьшеніе для 44 губерній Россіи въ 11,000 человѣкъ присяжныхъ, избавленныхъ отъ безполезной траты времени и расходовъ. Мнѣніе Ровинскаго осталось vox clamantis in deserto, несмотря на свою глубокую этическую связь съ сущностью суда присяжныхъ, въ коемъ сама судьба, путемъ жребія, указываетъ обвиняемому его судей.

Но въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ это начало, по моему настоянію, тогдашняго прокурора, было примѣнено въ петербургскомъ Окружномъ Судѣ. Ни я, ни мои товарищи не вычеркивали присяжныхъ изъ списка, предоставляя суду по совѣсти сложиться безъ вмѣшательства личныхъ взглядовъ, симпатій и антипатій представителя закона, которому въ его почтенной роли «говорящаго судьи» надлежало дѣйствовать правдивостью и вѣскостью своихъ доводовъ, а не краснымъ или синимъ карандашомъ. Сколько извѣстно, уголовное правосудіе въ столицѣ въ эти годы не пострадало отъ фактическаго упраздненія прокурорскихъ отводовъ...

По мнѣнію Ровинскаго, присутствіе присяжныхъ должно быть выбираемо на рядъ дѣлъ, съ правомъ подсудимаго или требовать новаго избранія по жребію, или же отводить отдѣльныхъ присяжныхъ, дополняемыхъ въ такомъ случаѣ запасными. Мнѣніе это, опиравшееся, между прочимъ, на рядъ серьезныхъ практическихъ соображеній, было, однако, отвергнуто; но вотъ теперь мы имѣемъ предъ собой § 256 германскаго Устава угол. суд. 1877 г., устанавляющій именно такое присутствіе—и къ тому же стремился итальянскій проектъ Тавани-ди-Календа. Довѣріемъ къ присяжнымъ проникнуты и тѣ мнѣнія Ровинскаго, гдѣ онъ высказывается противъ злоупотребленія слишкомъ частою присягою, противъ подкрѣпленія ею же

обязанности не разглашать тайны совѣщаній и противъ введенія въ Уставы разнообразныхъ дидактическихъ пріемовъ предсѣдателя относительно присяжныхъ. Не эти пріемы, совѣты и наставленія, а принятая присяга и призывъ судить своего ближняго напрягутъ душевныя силы русскаго присяжнаго и усугубятъ его вниманіе,—думалось ему. Что же касается до присяги не открывать тайну совѣщенія, то онъ предостерегалъ противъ опасности вызвать напрасныя клятвопреступленія въ странѣ, гдѣ для простолюдина пребываніе въ судѣ въ качествѣ присяжнаго будетъ такимъ необыкновеннымъ событіемъ въ жизни, что едва ли можно надѣяться, чтобы онъ, по возвращеніи къ домашнему очагу, не проронилъ лишняго словечка на нескромные вопросы домашнихъ. Это послѣднее мнѣніе одержало верхъ, чего, однако, не случилось по отношенію къ единогласію присяжныхъ, какъ желательному для Ровинскаго началу, и къ воспрещенію передавать дѣла другому составу, если рѣшеніе присяжныхъ состоялось единогласно.

Затѣмъ Ровинскій настойчиво проводилъ свой старый взглядъ на предсѣдательство въ судѣ съ присяжными единоличнаго судьи. Двѣ коллегіи— коронная и выборная—на судѣ присяжныхъ всегда представлялись ему аномаліею. Его практическій умъ предвидѣлъ, что проблематическая польза участія членовъ коллегіи въ постановкѣ вопросовъ никогда не искупитъ расхода на этихъ членовъ, безплодный потери ими времени и вреднаго освобожденія, фактомъ ихъ присутствія, предсѣдателя отъ сознанія своей единоличной отвѣтственности и связанной съ тѣмъ бдительности и болѣе глубокой вдумчивости въ дѣло. Впослѣдствіи, будучи прокуроромъ московской Судебной Палаты, онъ не разъ указывалъ на безполезность коронной коллегіи при присяжныхъ, зло подсмѣиваясь надъ тѣми изъ своихъ старыхъ сослуживцевъ, которымъ приходилось проводить цѣлыя недѣли въ бездѣятельномъ сидѣніи на большихъ процессахъ, ведомыхъ энергическими и самодѣятельными предсѣдателями. Впадая въ тонъ здоровой шутки автора «Народныхъ картинокъ», онъ предлагалъ *«намалевать»* такихъ членовъ по бокамъ у предсѣдателя или сдѣлать ихъ *для прочности* изъ фарфора съ качающимися, въ знакъ согласія, головами.

Не мало сомнѣній и опасеній возбуждалъ въ членахъ комиссіи будущій *защитникъ* — невѣдомый дотолѣ и представлявшійся нуждающимся въ особой опекѣ и надзорѣ. И тутъ Ровинскій смотрѣлъ широко и безбоязненно. Въ комиссіи раздавались многочисленные голоса, предлагавшіе предоставить предсѣдателю устранять защитника, не имѣющаго надлежащихъ свѣдѣній для правильной защиты, — разрѣшать подсудимому, содержащемуся подъ стражею, свиданіе наединѣ съ защитникомъ лишь въ случаѣ *благонадежности* послѣдняго и отсутствія подозрѣнія, что онъ будетъ укрывать слѣды преступленія, — предлагавшіе, наконецъ, установить цѣлую нравственно-педагогическую программу дѣйствій защитника, при чемъ предсѣдатель долженъ былъ, между прочимъ, внушать ему, если онъ только не принадлежитъ къ присяжнымъ повѣреннымъ, что онъ не долженъ ни самъ отвѣчать на вопросы, обращенные къ подсудимому, ни подсказывать ему отвѣтовъ. Противникъ всего излишняго и всякой напрасной регламентаціи того, что само собою разумѣется, Ровинскій участвовалъ въ остроумныхъ возраженіяхъ на эти предположенія, то указывая на ихъ практическую несообразность, то обращая вниманіе комиссіи на

сущность задачи уголовной защиты, требующей довѣрчиваго обмѣна мыслей и признаній между адвокатомъ и подсудимымъ. Онъ высказался также противъ точнаго обозначенія правъ, коими пользуются стороны на судебномъ состязаніи, полагая достаточнымъ лишь указать на *одинаковость* этихъ правъ и боясь, что перечисленіе ихъ въ особой статьѣ на практикѣ повлечетъ за собой лишеніе подсудимыхъ другихъ, вытекающихъ изъ состязанія, правъ, коихъ законодатель не предвидѣлъ и потому не опредѣлилъ. Какъ извѣстно, мнѣніе это не было принято, и масса кассаціонныхъ толкованій, силящихся втиснуть въ узкія и вмѣстѣ неточно очерченныя рамки 630 статьи Уст. угол. суд. разнообразнѣйшія проявленія судебнаго состязанія, служитъ лучшимъ указаніемъ на правоту Ровинскаго и по этому вопросу.

Въ отдѣленіи комиссіи по судоустройству, Ровинскій принималъ менѣе участія, но и тутъ въ работахъ остался слѣдъ его мнѣній, клонившихся къ поднятію должности мирового судьи (которая въ столицахъ замѣщалась бы непремѣнно лицами, получившими высшее юридическое образованіе), придачею ей матеріальной (для чего предполагался довольно высокоподоходный цензъ) и нравственной независимости. Для достиженія послѣдней предполагалось поставить судью внѣ тѣхъ тревогъ, которыя неизбѣжно должны наставать для него каждые три года, при новыхъ выборахъ.—Люди, довольные дѣйствіями служащаго, у насъ рѣдко выступаютъ на его защиту; недовольные, напротивъ, составляютъ партіи, будутъ подбивать избирателей, — говорилось въ мнѣніи, подписанномъ, между прочимъ, Зарядным, Ковалевскимъ, и Ровинскимъ,—и хорошій человѣкъ, привыкшій къ мѣсту и дѣлу, благодаря двумъ-тремъ лишнимъ шарамъ, долженъ будетъ уступить мѣсто другому, что будетъ особенно вредно въ столицахъ, гдѣ большое содержаніе неминуемо поведетъ къ многочисленнымъ искательствамъ. Поэтому Ровинскій «со товарищи», оставляя свой старый планъ избранія мировыхъ судей, предлагалъ предоставить І-му Департаменту Сената въ концѣ каждаго трехлѣтія повѣрять первоначально утвержденный Государемъ Императоромъ списокъ выбранныхъ всѣми сословіями судей, и составлять, по тщательной провѣркѣ имѣющихся у него свѣдѣній, новый, съ тѣмъ, чтобы для замѣщенія оставленныхъ свободными вакансій производились установленнымъ порядкомъ новые выборы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ровинскій, Зарудный и Ковалевскій предлагали постановить, что почетными мировыми судьями считаются, во все время исправленія ими своихъ должностей: министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, члены Государственнаго Совѣта и сенаторы—по всему государству; члены Судебной Палаты—по округу Палаты; члены Суда, губернаторъ, губернскій предводитель и предсѣдатель губернскаго Земскаго Собранія (управы) — по губерніи... Въ мотивахъ къ этому предложенію говорилось:

«Званіе почетныхъ мировыхъ судей учреждается для облегченія многочисленныхъ обязанностей мирового судьи, и для того, чтобы лица, заслуживающія полнаго уваженія и довѣрія, не лишались возможности оказывать своимъ вліяніемъ содѣйствіе къ охраненію общественнаго порядка и спокойствія, къ развитію мѣстнаго благосостоянія и къ поддержанію достоинства мировыхъ учрежденій. Охраненіе общественнаго порядка и спокойствія въ государствѣ составляетъ первую обязанность министра внутреннихъ

дѣлъ; преслѣдованіе нарушителей этого порядка лежитъ на обязанности министра юстиціи; оба они должны внимательно слѣдить за ходомъ мировыхъ учрежденій въ государствѣ, руководить ими, и съ этою цѣлью имѣть возможность сноситься съ ними непосредственно, *не въ формѣ начальниковъ*, а въ качествѣ старшихъ мировыхъ судей, хранителей тишины и порядка во всемъ государствѣ. Съ этою же цѣлію званіе почетныхъ мировыхъ судей должно быть предоставлено всѣмъ членамъ Государственнаго Совѣта, какъ высшаго мѣста, устанавливающаго государственный порядокъ, и членамъ Сената, какъ главнаго судебнаго мѣста, наблюдающаго за отправленіемъ правосудія, поддерживающаго порядокъ въ государствѣ. Предоставленіе званія почетныхъ мировыхъ судей членамъ Судебной Палаты и Окружныхъ Судовъ должно ослабить разобщеніе судебнаго вѣдомства на коронное и мировое, возродивъ связь между коронными юристами и выборными судьями, постоянно обращающимися въ средѣ народа; участковые судьи будутъ имѣть въ лицѣ коронныхъ юристовъ товарищей по званію, готовыхъ и нравственно обязанныхъ толковать законъ и формы дѣлопроизводства, — что *облегчитъ исполненіе многочисленныхъ занятій участковыхъ судей*, а коронымъ судьямъ доставитъ лестную возможность участвовать въ *общемъ дѣлѣ*, содѣйствуя *достиженію высокой цѣли мировыхъ учрежденій*. На возраженія, высказываемыя противъ предоставленія званія почетнаго мирового судьи губернатору, надлежитъ замѣтить, что губернаторъ будетъ имѣть постоянныя отношенія къ мировымъ учрежденіямъ. Предоставленіемъ ему званія почетнаго мирового судьи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и члена мировыхъ съѣздовъ въ губерніи, нынѣшней дѣятельности его по отношенію къ судебнымъ мѣстамъ 1-й инстанціи дается *законное направленіе* и правильный выходъ. Такой выходъ составляетъ дѣйствительное средство поставить высшіе органы власти административной въ правильное отношеніе къ непосредственнымъ представителямъ судебной власти передъ большинствомъ народонаселенія, заставить обѣ власти итти рука объ руку, помогать другъ другу и не тратить большую часть времени на безплодную борьбу между собою и постоянныя пререканія о первенствѣ власти, что должно непремѣнно случиться, если власть губернаторская будетъ поставлена въ сторонѣ отъ мировыхъ учрежденій и безъ всякаго участія *въ общемъ мировомъ дѣлѣ*».

Этими соображеніями, такъ хорошо характеризующими широкій и предусмотрительный взглядъ Ровинскаго на постановку новаго судебнаго дѣла—и на его значеніе во внутреннемъ строѣ государства, приходится заключить обзоръ дѣятельности его по выработкѣ Судебныхъ Уставовъ.

Одновременно съ работами законодательнаго характера наступала пора приготовить себя и окружающую среду къ совлеченію съ себя «ветхаго Адама»—стараго судебнаго устройства, отъ порядковъ котораго такъ наболѣло сердце Ровинскаго. Еще 21-го ноября 1862 года ему было объявлено Высочайшее повелѣніе о собраніи всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній для разрѣшенія вопроса объ условіяхъ и способахъ введенія новыхъ судебныхъ учрежденій въ округѣ будущей московской Судебной Палаты. Окруживъ себя дѣятельными сотрудниками, строго опредѣливъ, до малѣйшихъ подробностей, планъ занятій, онъ собралъ къ концу 1863 года массу разнообразнѣйшихъ и въ высшей степени наглядныхъ и интересныхъ данныхъ по всѣмъ вопросамъ, возникавшимъ при переходѣ отъ стараго порядка къ новому.

Данныя эти и соотвѣтствующія имъ таблицы вошли въ составъ двухъ обширныхъ томовъ in quarto—въ 265 и 303 страницы, подъ названіемъ «Свѣдѣній о положеніи дѣлъ судебнаго вѣдомства въ губерніяхъ Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской и Калужской». Трудъ этотъ, при своей громадности, могъ бы быть сухимъ и безжизненнымъ. Но Ровинскій не умѣлъ работать, «какъ духомъ хладный скопецъ»: онъ вносилъ во все живую струю и, благодаря этому, «Свѣдѣнія» представляютъ яркую и весьма вразумительную картину всей настоятельности созидаемаго на новыхъ началахъ. Любимое «caeterum censeo» Ровинскаго нашло и здѣсь свое мѣсто. Его постоянная забота о народѣ выражается въ настояніи, чтобы новая постройка не обошлась ему дорого и принесла бы дѣйствительную пользу. Опредѣляя непремѣнныя условія хорошаго суда, въ которомъ каждый членъ вполнѣ способенъ предсѣдательствовать съ присяжными засѣдателями, онъ замѣчаетъ: «Только при такихъ условіяхъ справедливо будетъ дать судьямъ доброе содержаніе, только при нихъ народъ убѣдится, что деньги, собранныя съ его труда, употреблены расчетливо и сообразно съ дѣйствительными нуждами, а не съ отвлеченными принципами, и что деньги эти купили для него тѣхъ судей знающихъ и справедливыхъ, которые обѣщаны ему Основными Положеніями».

Освобожденіе крестьянъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній и учрежденіе новаго суда осуществили завѣтныя мечты Ровинскаго. Но говорить: «нынѣ отпущаеши раба Твоего съ миромъ»—было еще рано. Съ высоты трона былъ сдѣланъ смѣлый и великодушный посѣвъ. Надо было охранить и направить его всходы. Слѣдовало итти служить примѣненію новаго дѣла на практикѣ. Ровинскій такъ и сдѣлалъ.

III.

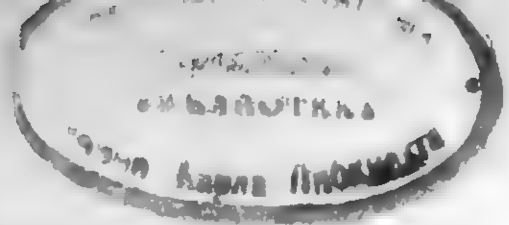
Подготовительныя работы по введенію въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, при единодушномъ содѣйствіи всѣхъ прикосновенныхъ къ этому вѣдомствъ, велись столь успѣшно, что на самомъ порогѣ 1866 года—31 декабря 1865 г.—министръ юстиціи Замятнинъ счелъ возможнымъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на открытіе въ Петербургской и Московской губерніяхъ Окружныхъ Судовъ и Палатъ—въ первой 17-го, а во второй 23-го апрѣля 1866 г. На докладѣ его объ этомъ императоромъ Александромъ II была положена слѣдущая резолюція: *Искренно благодарю за все, что уже исполнено. Да будетъ благословеніе Божіе и на всѣхъ будущихъ нашихъ начинаніяхъ для благоденствія и славы Россіи*». Эти знаменательныя слова опредѣляли взглядъ монарха на предстоящее новое дѣло и, будучи, по ходатайству министра Замятнина, объявлены по вѣдомству Министерства Юстиціи, призывали судебныхъ дѣятелей не къ одному только исполненію зауряднаго служебнаго долга, но и къ дружной, увѣренной и благотворной работѣ на пользу родины. Ими не только возлагались великія обязанности, но и ставились высокія задачи. Каждый, кто сознательно пережилъ это время, помнитъ то одушевленіе, иногда доходившее до жертвъ служебными выгодами и положеніемъ, которое охватило тогда всѣхъ, кто считалъ себя

пригоднымъ или полезнымъ именно для новой судебной дѣятельности. Въ другомъ мѣстѣ мною будетъ описано это горячее стремленіе получить дѣятельность въ преобразованныхъ судахъ и все общественное настроеніе того времени по отношенію къ судебной реформѣ. Но если въ этомъ отношеніи было много *званыхъ*, то на первое время число *избранныхъ* было весьма ограничено. Для того, чтобы попасть въ послѣдніе—нужно было проходить чрезъ серьезную и строгую провѣрку. Не даромъ имена первыхъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ и предсѣдателей столичныхъ Окружныхъ Судовъ,—носители которыхъ, уже давно сошли въ могилу,—пользуются заслуженнымъ уваженіемъ среди всѣхъ, кому пришлось хоть отчасти видѣть ихъ многотрудную созидательную дѣятельность.

Въ числѣ «избранныхъ» оказался и Ровинскій, назначенный, приказомъ отъ 4 февраля 1866 года, прокуроромъ вновь образуемой московской Судебной Палаты. Трудно было сдѣлать лучшій и болѣе подходящій выборъ. Вся его прежняя служба, вся его недавняя судебно-законодательная дѣятельность, наконецъ, самая личность бывшаго губернскаго прокурора — энергическая, близкая Москвѣ, исполненная пониманія народной жизни и общественныхъ потребностей—все говорило за это назначеніе, подсказывало, предписывало его.

Ровинскій бодро, горячо и съ видимымъ удовольствіемъ принялся за новую работу. Но онъ не скрывалъ отъ себя ея трудностей. Помимо организаціи прокурорскаго надзора на совершенно новыхъ началахъ въ семи центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ, помимо косвеннаго, но многосложнаго и разнороднаго участія въ устройствѣ общихъ судебныхъ установленій, помимо надзора за правильнымъ ходомъ практическаго осуществленія мировой выборной юстиціи, прокурору Палаты приходилось быть главнымъ посредникомъ между Министерствомъ Юстиціи и мѣстными административными мѣстами и лицами, устраняя и разъясняя многія недоразумѣнія и «недоумѣнія», принимавшія иногда очень острый характеръ.

Существуетъ великая разница между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ. Первое дается безъ труда и совершается съ *легкимъ* сердцемъ,—второе осуществляется съ болью, съ оглядкою назадъ, нерѣшительно и *скрѣпя* сердце. Теоретическое отрицаніе стараго, отжившаго суда находило себѣ вездѣ готовую почву. Но когда оно перешло въ жизнь, и на смѣну старыхъ судебныхъ порядковъ авторитетно и рѣшительно вдвинулся въ русскій общественный обиходъ новый судъ, образовавшій своего рода «insula in flumine nata», теоретическія симпатіи стали нерѣдко смѣняться практическимъ недовольствомъ. Новый судъ вышелъ изъ прежняго подчиненнаго и второстепеннаго положенія. Онъ сталъ вести свое дѣло самостоятельно и независимо отъ стороннихъ вліяній, повсюду внося начало равенства предъ закономъ и осуществляя его въ непривычныхъ формахъ одинаково вѣжливаго со всѣми предстоящими, «невзирая на лица», обращенія. Это шло въ разрѣзъ со старыми традиціями и многихъ смущало и возмущало. Для иныхъ всѣ эти новшества казались нарушеніемъ необходимаго общественнаго равновѣсія, для другихъ оскорбительнымъ отрицаніемъ ихъ личныхъ заслугъ, для третьихъ ограниченіемъ ихъ власти и, по ихъ мнѣнію, всегда доброжелательнаго усмотрѣнія. Приходилось вдумываться въ свои *дѣйствительныя* права,—изучать кругъ новыхъ обязанностей, указанныхъ Судебными



Уставами, требовать инструкцій для подчиненныхъ — и все это отъ новыхъ людей, говорившихъ необычнымъ языкомъ и державшихся дружною семьею, которую объединило нѣчто большее, чѣмъ обыденный служебный трудъ и полученіе жалованья. При томъ эти новые дѣятели, правда въ болѣе узкой сферѣ, чѣмъ старый губернскій прокуроръ, но зато болѣе настойчиво и безъ колебаній ссылались на законъ, написанный въ ихъ «слоеномъ пирогѣ» (какъ въ шутку были названы Судебные Уставы, обрѣзъ отдѣльныхъ частей которыхъ при переплетѣ окрашивался разною краскою). Это становилось подчасъ скучно, стѣсняло и раздражало, тѣмъ болѣе, что законъ для нѣкоторыхъ переставалъ уже быть молчаливымъ незнакомцемъ, дремавшимъ на страницахъ многотомнаго Свода и откликавшимся лишь, когда требовалась его услужливая помощь,—и начиналъ являться, какъ Пушкинскій «незваный гость, докучный собесѣдникъ». Отсюда рядъ разнообразнѣйшихъ нареканій и неудовольствій, которыми полны цѣлые томы архива Министерства Юстиціи за 1866—67 годы. Нужно было много ума, такта, выдержки и любви къ дѣлу, чтобы разъяснить и распутывать всѣ эти случаи, твердо охраняя начала новаго судебнаго устройства и въ то же время «не норовя своимъ», которые въ первое время впадали подчасъ въ крайности и дѣлали промахи, увлекаемые новизною своего положенія.

Вслѣдствіе этого и вопросъ о личномъ составѣ прокуратуры пріобрѣталъ особое значеніе. Надо было найти и направить людей, одинаково умѣющихъ внушить къ себѣ уваженіе въ судѣ и внѣ суда, стойкихъ безъ рѣзкости, умѣлыхъ безъ заносчивости. При этомъ найти ихъ нужно было въ большомъ количествѣ, ибо для московскаго округа требовалось 10 прокуроровъ и около 70 товарищей прокурора Окружного Суда, а направить ихъ приходилось на совершенно новое, неиспытанное еще занятіе, въ которомъ, вопреки всему складу прежней русской жизни, словесное и при томъ публичное состязаніе играло одну изъ главныхъ ролей. Приходилось — уча, учиться. Участіе въ судебномъ слѣдствіи, перекрестный допросъ свидѣтелей и, въ особенности, судебныя пренія представлялись весною 1866 года совершенно новымъ, одинаково необычнымъ дѣломъ какъ для молодого товарища прокурора, выступавшаго предъ уѣздными присяжными обвинителемъ по дѣлу о кражѣ со взломомъ, такъ и для главы прокуратуры всего судебнаго округа, прокурора Судебной Палаты, которому приходилось поддерживать обвиненіе противъ какого-нибудь чиновника V класса, судившагося въ Палатѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей за важное преступленіе по должности.

Ровинскій въ первый годъ существованія новыхъ судовъ постоянно участвовалъ не только въ засѣданіяхъ Палаты по обвинительной камерѣ, но и въ публичныхъ ея засѣданіяхъ, своимъ примѣромъ показывая, какъ надо вести дѣло,—являясь не только представителемъ обвинительной власти, но и толкователемъ процессуальныхъ законовъ, какъ одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ ихъ начертаніи. Это послѣднее обстоятельство придавало особую авторитетность его заключеніямъ и мнѣніямъ. Его рѣчь—живая и очень сжатая, безъ всякихъ цвѣтовъ краснорѣчія, содержательная по существу и простая по формѣ—выслушивалась съ особымъ вниманіемъ и всегда достигала своей цѣли. Онъ избѣгалъ всякихъ рѣзкостей и, никогда не впадая въ полемическій тонъ, старался не убѣдить *другихъ* во что бы то

ни стало, но ясно и точно изложить *свое* убѣжденіе. Когда однажды, въ характеристикѣ весьма непривлекательнаго образа дѣйствій одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, у него, на ряду съ описаніемъ фактической стороны дѣла, сорвался съ языка эпитетъ «безобразіе»—онъ былъ этимъ искренно огорченъ и чрезвычайно встревоженъ. Не будучи ораторомъ, онъ умѣлъ дѣйствовать на слушателей спокойнымъ достоинствомъ своей рѣчи. Онъ не принадлежалъ къ мастерамъ слова, но зато никогда не забывалъ на трибунѣ великій завѣтъ Гоголя «обращаться со словомъ честно».

Данное житейскимъ опытомъ знаніе людей и горячая любовь къ новому дѣлу руководили имъ въ выборѣ ближайшихъ сотрудниковъ. Онъ искалъ ихъ всюду, и имена многихъ изъ первыхъ прокуроровъ судовъ московскаго округа съ честью звучали затѣмъ въ рядахъ высшихъ судебныхъ дѣятелей до Сената включительно. Имъ былъ избранъ въ товарищи прокурора московскаго Суда и затѣмъ сдѣланъ калужскимъ прокуроромъ, блестящій, страстный и одаренный громадною энергіею Н. А. Манасеинъ,—онъ оцѣнилъ и быстро выдвинулъ приглашеннаго московскимъ прокуроромъ изъ воронежскихъ стряпчихъ М. Ѳ. Громницкаго, дѣятельность котораго неразрывно связана съ исторіею образованія и развитія русскаго судебнаго краснорѣчія.

Довольно равнодушный къ тому, что онъ называлъ на своемъ образномъ языкѣ «законодательнымъ зудомъ», и вслѣдствіе этого неохотно относившійся къ возбужденію разнаго рода *вопросовъ*, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чутко прислушивался ко всему, что могло бы поколебать довѣріе или уваженіе къ молодымъ судебнымъ учрежденіямъ. Онъ охранялъ ихъ зорко и любовно, журилъ сослуживцевъ, прямодушно выговаривалъ товарищамъ по воспитанію, если они упускали изъ виду «ne quid detrimenti forum capiat», и быстро являлся на помощь со словомъ разумнаго примиренія и дѣлового юмора. Спокойный—онъ былъ, пока не окрѣпли новыя учрежденія, «toujours en vedette»; добрый и невзыскательный—онъ непреклонно высадилъ на берегъ частной жизни двухъ-трехъ изъ своего прокурорскаго экипажа, которымъ вино новой власти слишкомъ сильно бросилось въ голову. Глава и руководитель московской прокуратуры и вмѣстѣ рядовой работникъ и *первый ученикъ* въ судебной практикѣ, Ровинскій несъ на себѣ первые годы реформы огромную, отвѣтственную и вліятельную работу.

Представленный Замятнинымъ 25-го декабря 1866 года императору Александру II отчетъ о дѣйствіяхъ новыхъ судовъ былъ по Высочайшему повелѣнію внесенъ въ комитетъ министровъ, который нашелъ, что «всѣ изложенныя въ немъ данныя и въ особенности выводы о ходѣ дѣлопроизводства во вновь открытыхъ судебныхъ мѣстахъ указываютъ на вполнѣ успѣшный ходъ судебнаго преобразованія» и, выразивъ пожеланіе, чтобы дѣло это и на будущее время велось съ тѣмъ же успѣхомъ, положилъ «напечатать изъ этого отчета все, что можетъ быть признано полезнымъ и любопытнымъ для всеобщаго свѣдѣнія». Существенныя части отчета были напечатаны въ № 64 «Судебнаго Вѣстника» за 1867 годъ. Въ нихъ говорилось, между прочимъ, о мировыхъ судьяхъ и о присяжныхъ засѣдателяхъ,—двухъ институтахъ, возбуждающихъ, въ особенности второй, во многихъ опасенія и тревоги, и на которые, какъ я уже говорилъ, еще въ подготовительныхъ работахъ въ комиссіи Ровинскій возлагалъ довѣрчивыя надежды. Онѣ его и не обманули! «Съ перваго же приступа мировыхъ судей къ новому дѣлу,—гово-

рилось въ отчетѣ,—простота мирового разбирательства, полная гласность и отсутствіе обременительныхъ формальностей вызвали всеобщее къ мировому институту довѣріе. Въ особенности простой народъ, найдя въ мировомъ судѣ судъ скорый и справедливый для мелкихъ обыденныхъ своихъ интересовъ, не перестаетъ благословлять Верховнаго Законодателя за дарованіе Россіи суда, столь близкаго народу и вполнѣ соотвѣтствующаго его потребностямъ. Довѣріе къ мировымъ судьямъ доказывается въ особенности тѣмъ, что со времени открытія дѣйствій мировыхъ судебныхъ установленій возбуждено громадное число такихъ гражданскихъ исковъ, которые или по своей малоцѣнности или по неимѣнію у истцовъ формальныхъ доказательствъ въ прежнихъ судахъ вовсе не возникали. Равнымъ образомъ, принесено мировымъ судьямъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а также на мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованія».

«Участіе присяжныхъ засѣдателей,—говорится далѣе въ томъ же отчетѣ,—вмѣстѣ съ судомъ въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ и сопряженная съ симъ торжественность отправленія правосудія возвысили общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣріемъ лицъ судебнаго вѣдомства со всѣми слоями общества. Присяжные засѣдатели, состоящіе иногда преимущественно изъ крестьянъ, вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды; имъ часто предлагались весьма трудные для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди, пріученные опытомъ къ правильному разрѣшенію уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря *поразительному* вниманію, съ которымъ присяжные засѣдатели вникаютъ въ дѣло, разрѣшались, въ наибольшей части случаевъ, правильно и удовлетворительно».

Теперь наступила для Ровинскаго пора сознанія, что первые всходы судебной реформы, въ которую онъ любовно вложилъ столько физическихъ и духовныхъ силъ, взошли благополучно... Наступало и право почувствовать, наконецъ, утомленіе и обратиться къ другимъ, менѣе тревожнымъ, занятіямъ. Это онъ и сдѣлалъ, проработавъ еще годъ въ прокуратурѣ и принявъ затѣмъ болѣе спокойное званіе судьи, будучи назначенъ съ 1-го марта 1868 года на должность предсѣдателя уголовнаго департамента московской Судебной Палаты. Немного болѣе двухъ лѣтъ пробылъ онъ судьею «по существу». Дѣятельность этого рода, особливо по обвинительный камерѣ, не видна и не замѣтна для публики. Апелляціонныя дѣла, подсудныя въ то время Судебнымъ Палатамъ, по свойству своему, тоже не могли останавливать на себѣ общественное вниманіе. Но трудъ, выполняемый въ этихъ, по большой части не публичныхъ, засѣданіяхъ, былъ большой и нравственно отвѣтственный. Для многихъ преданіе суду и привлеченіе на скамью подсудимыхъ бываетъ въ житейскомъ отношеніи равносильно осужденію, да и, наконецъ, душевныя волненія, стыдъ и опасеніе, сопряженные съ необходимостью являться въ роли подсудимаго при гласномъ разборѣ дѣла, очень часто не проходятъ безслѣдно для оправданнаго и оставляютъ глубокія и болѣзненныя борозды въ его душѣ, не говоря уже о физическомъ здоровьѣ, иногда, помимо всего остального, подтачиваемомъ предварительнымъ до суда лишеніемъ свободы. Будущій авторъ «Русскихъ народныхъ картинокъ» отлично сознавалъ все это, и его руководящая дѣятельность по

обвинительной камерѣ, его строгое, а подчасъ даже и придирчивое отношеніе къ оцѣнкѣ уликъ и доказательствъ по дѣламъ, гдѣ иногда приходилось предполагать возможность шантажа или корыстнаго преувеличенія обвиненія потерпѣвшими, служили здоровымъ противовѣсомъ тому, что Гёте называетъ въ «Фаустѣ»: die richtende gefühlose Menschheit.

2-го іюля 1870 года Ровинскій былъ назначенъ сенаторомъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента. Въ этомъ званіи онъ пробылъ четверть вѣка. Неизмѣнно трудолюбивый, онъ до самыхъ послѣднихъ дней своихъ не уклонялся отъ всей мелкой, кропотливой и подчасъ безжизненной въ своемъ отвлеченіи отъ «существа дѣла» кассаціонной работы, требующей и отъ престарѣлаго судьи не только разрѣшенія вопроса, но и скучной механической работы. Человѣкъ долга, онъ выполнялъ его свято, отрываясь, вѣроятно, не безъ сожалѣнія, отъ своихъ научныхъ и художественныхъ занятій, отъ созерцанія, изученія и толкованія произведеній великихъ мастеровъ или проявленій народнаго творчества, чтобы приняться за ислѣдованія—какіе формы и обряды нарушены при производствѣ дѣла о мѣщанинѣ М., обругавшемъ «публичными словами» крестьянку Н.; или правильно ли примѣненъ карательный законъ къ нарушенію статей какого-нибудь спеціальнаго — акцизнаго или таможеннаго устава. Служебный долгъ требовалъ этого перехода отъ «широкихъ горизонтовъ» и возвышающихъ душу проявленій человѣческаго генія къ мелкой лужѣ съ житейскою тиною, грязью и корыстью—и онъ выполнялъ его свято. Онъ высоко ставилъ значеніе Сената въ правовой жизни народа. Созданный мощною рукою Петра Великаго, Сенатъ быстро пріобрѣлъ высокое значеніе въ народномъ представленіи, являясь въ глазахъ народа хотя и отдаленнымъ, но зато недоступнымъ мѣстнымъ дрязгамъ, вліяніямъ и давленіямъ учрежденіемъ. «Правительствующему Сенату,—говоритъ законъ (т. I, ч. II, ст. 2),—принадлежитъ высшій надзоръ въ порядкѣ управленія. Поэтому онъ, какъ хранитель законовъ, печется о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія,—надзираетъ за собираніемъ податей и расходами штатными, печется о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, къ охраненію общаго спокойствія и тишины и къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ». Исторія Сената показываетъ, что онъ не разъ выполнялъ эту свою задачу и коллегіально, и въ лицѣ своихъ членовъ, производившихъ сенаторскія ревизіи, всегда оставлявшія сильное и благотворное впечатлѣніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, населеніе которыхъ, вслѣдствіе частыхъ злоупотребленій или общихъ безпорядковъ въ управленіи, «алкало и жаждало правды»... Поэтому «дойти до Сената» часто представлялось панацеею отъ всѣхъ золъ,— поэтому народъ слагалъ иногда совершенно неправдоподобныя легенды о характерѣ дѣятельности «сенаторовъ» и твердо вѣрилъ въ то, что законъ называетъ «безпристрастнымъ и нелицемѣрнымъ Сената правосудіемъ». Какъ бы кропотлива и мелка въ отдѣльности ни была кассаціонная работа сенаторовъ — въ общемъ ею поддерживается, въ сферѣ судебной, историческая связь Сената съ населеніемъ, среди котораго каждый знаетъ, что въ своихъ личныхъ обидахъ и убыткахъ онъ, не удовлетворяясь мѣстнымъ судомъ, можетъ, въ концѣ-концовъ, обратиться въ высшее, далекое судилище, въ безпристрастіи котораго нельзя — именно въ виду этого отдаленія и высоты его — сомнѣваться.

Поэтому, когда въ 1871 и 1883 годахъ возбуждался вопросъ объ освобожденіи сенаторовъ отъ массы мелкихъ дѣлъ, между прочимъ, путемъ передачи ихъ въ Судебныя Палаты, Ровинскій горячо возражалъ противъ этого. «Нельзя забывать,—писалъ онъ,—что при громадности нашего государства каждое центральное учрежденіе, если только въ немъ будетъ сосредоточенъ дѣйствительный и добросовѣстный надзоръ за какою-либо частью, должно готовиться къ сложной и тяжелой работѣ. Но необходимо ли сосредоточивать въ такомъ государствѣ дѣйствительный надзоръ за судебною частью въ одномъ центральномъ Верховномъ Судѣ и тѣмъ оградить правосудіе однимъ изъ самыхъ существенныхъ обезпеченій его—наблюденіемъ за точнымъ и единообразымъ исполненіемъ закона во всемъ государствѣ—вопросъ этотъ есть вопросъ первой государственной важности: онъ былъ уже обсужденъ въ свое время Государственнымъ Совѣтомъ и разрѣшенъ въ смыслѣ положительномъ. Отъ этого рѣшенія отступать невозможно».

Трудъ, который несъ Ровинскій въ Сенатѣ, былъ очень большой. Достаточно сказать, что имъ *лично* разсмотрѣно, доложено и изложено, въ формѣ рѣшеній и подробныхъ, мотивированныхъ резолюцій, всего 7,825 дѣлъ. Всякій, кому знакома кассаціонная работа и кто вѣдаетъ, сколько иногда усидчиваго труда по дѣлу и времени надо посвятить на то, чтобы, не жалѣя глазъ на разборъ небрежныхъ и неразборчивыхъ почерковъ, провѣрить и оцѣнить тотъ или другой кассаціонный поводъ—пойметъ, *что* значитъ эта почтенная цифра,—особливо, если онъ припомнитъ, что работу эту совершалъ въ послѣдніе годы человѣкъ съ надорванными силами, достигшій 70-ти лѣтъ и давно уже имѣвшій заслуженное право на полный отдыхъ... Въ разрѣшеніи дѣлъ Ровинскій постоянно оставался вѣренъ себѣ. Возможная теплота и человѣколюбіе въ существѣ рѣшенія, возможная краткость въ способѣ его изложенія—были его руководящими правилами. Мотивированныя резолюціи, имъ писанныя, носили шутливое названіе «коротышекъ», но въ направленіи, которое давалось этими «коротышками» дѣлу, слышалась чуткая вдумчивость сердечнаго человѣка, насколько ей позволяли проявиться узкія рамки кассаціоннаго производства. Дѣло для Ровинскаго никогда не представлялось одною цвѣтною обложкою, заключавшею въ себѣ матеріалъ для отвлеченнаго отъ живого содержанія сужденія о существенности указываемыхъ нарушеній и соотвѣтствій этихъ указаній тому или другому № рѣшеній Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента. Живой человѣкъ, со своими страданіями и паденіями, жалкій, хотя и преступный человѣкъ—глядѣлъ на Ровинскаго изъ-за цвѣтной обложки. Это часто тревожило и смущало его «кассаціонную безучастность» и заставляло его вспоминать, что qui n'est que juste—est cruel... «Плохой кассаторъ,—говорили про него жрецы отвлеченнаго правосудія,—все смотритъ въ существо...» «Ровинскій!»—многозначительно отвѣчали знавшіе его близко—и въ этомъ имени заключалось и оправданіе, и объясненіе взглядовъ «плохого кассатора». Было бы, однако, ошибочно думать, что онъ былъ поклонникомъ той жестокой чувствительности, благодаря которой у насъ нерѣдко совершенно исчезаютъ изъ виду обвиняемый и дурное дѣло, имъ содѣянное, а на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ отвлеченные виновные, не подлежащіе карѣ закона и называемые обыкновенно средою, порядкомъ вещей, темпераментомъ, страстью и т. п., такъ что подъ вліяніемъ увлеченія чувствительностью по отношенію къ виновному является своеобразная жестокость

къ пострадавшему, при чемъ у послѣдняго къ нравственному и матеріальному ущербу, причиненному преступленіемъ, присоединяется еще и обидное сознаніе, что *это* ничего не значитъ, что за это никакого судебнаго порицанія не слѣдуетъ, и что законъ, грозящій злому и корыстному, есть мертвая буква, лишенная практическаго значенія... Напротивъ, корыстныя и обдуманно злыя кровавыя преступленія находили въ Ровинскомъ строгаго судью. Стараясь по возможности вносить снисхожденіе въ разборъ дѣлъ о преступленіяхъ, вызванныхъ невѣжествомъ или тяжкими условіями матеріальнаго быта,—ограждая, по мѣрѣ силъ, свободу внутренняго міра человѣка, въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, покуда онъ не заявляетъ себя вредомъ или пагубнымъ соблазномъ для другихъ,—Ровинскій бывалъ даже суровъ по дѣламъ о жестокомъ обращеніи, преимущественно съ дѣтьми, по дѣламъ о злостныхъ банкротствахъ и т. п. Нужны были очень вѣскіе, неотразимые кассаціонные поводы, чтобы подвинуть его на отмѣну обвинительнаго приговора по такимъ дѣламъ. Такъ, въ написанныхъ имъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ по дѣламъ Нинбурговъ (1885 г.) и Звенигородскаго (1871 г)., вопросъ о злостной несостоятельности и о пособничествѣ къ ней—одномъ изъ вреднѣйшихъ явленій нашего торговаго быта—разработанъ самымъ обстоятельнымъ образомъ и такъ, «дабы на то глядючи и другимъ впредь то неповадно было дѣлать...» Высоко ставя званіе мирового судьи, Ровинскій всегда ратовалъ противъ раздвоенія личности судьи—на частнаго человѣка, который можетъ быть молчаливымъ свидѣтелемъ беззаконій, совершаемыхъ на его глазахъ, и на судью, остающагося такимъ только въ свои присутственные часы и у себя въ камерѣ. Когда среди общаго шума и насмѣшекъ по адресу мѣстнаго мирового судьи до Сената докатилось въ 1871 г. громкое дѣло шансонетныхъ пѣвицъ Бланшъ-Гандонъ и Филиппо̀, противъ которыхъ этимъ судьею, посѣтившимъ театръ «Буффъ», было возбуждено преслѣдованіе по 43 ст. Устава о наказ., налаг. миров. судьями, за безстыдныя во время представленія тѣлодвиженія и непристойный костюмъ или, вѣрнѣе, отсутствіе его,—Ровинскій принялъ докладъ дѣла на себя и настоялъ на томъ, что мировой судья дѣйствовалъ вполнѣ согласно со своей нравственною и общественною задачею, приступивъ къ исполненію судейскихъ обязанностей въ виду зрѣлища, «въ которомъ мужчина и женщина низводятся на степень животныхъ, публично проявляющихъ грубый инстинктъ половыхъ стремленій».

Наконецъ, онъ былъ всегдашнимъ противникомъ всего неопредѣленнаго и уклончиваго, вносимаго въ судебныя рѣшенія или узаконяемаго ими. Онъ одинъ изъ первыхъ сталъ настаивать на указаніяхъ судамъ, приговоры которыхъ отмѣнялись,—не только на то, что ими неправильно примѣнена та или другая статья карательнаго закона къ установленному преступному дѣянію, но и на то, какую именно статью надо примѣнить. Справедливое отвращеніе живого человѣка къ напраснымъ недоумѣніямъ и «волокитѣ» слышалось въ этомъ. Онъ же первый, въ одномъ изъ приговоровъ по дѣлу объ опозореніи въ печати твердо, и рѣшительно отнялъ у обвиняемаго обычное дотолѣ и коварное оружіе защиты, склонивъ Сенатъ признать что употребленіе словъ «говорятъ, что...» предшествующее иногда цѣлому потоку клеветы и злословія, не освобождаетъ ловкаго оскорбителя чужой чести отъ обязанности отвѣтить лично за несправедливость того, что, будто бы, «говорятъ...»

Добрый товарищъ, всегда готовый на услугу сотрудникъ, Ровинскій высказывалъ свои мнѣнія твердо и опредѣленно, не любя отступать отъ нихъ, оттѣняя ихъ житейскую сторону, но никогда ихъ не навязывая и не выступая для защиты ихъ въ горячіе и упорные споры. Онъ раздѣлялъ взглядъ, что убѣжденія похожи на гвозди:—чѣмъ болѣе по нимъ колотить, тѣмъ глубже они входятъ... Поэтому не громкой защитой правильности своего мнѣнія, а искренностью и безусловной независимостью, съ которою оно высказывалось, дѣйствовалъ онъ на слушателей и товарищей. И когда его безупречное, долгое служеніе въ Сенатѣ внезапно прервалось—лучшіе изъ его товарищей почувствовали себя осиротѣвшими, и къ скорби объ утратѣ у нихъ присоединилось сознаніе о ея незамѣнимости, объ оставленной ею нравственной пустотѣ...

IV.

Если сказать знатоку, любителю и изслѣдователю исторіи искусства, что Ровинскій былъ *выдающимся дѣятелемъ*—онъ, конечно, съ этимъ безусловно согласится. Но если ему объяснить, что право на такое названіе пріобрѣтено Ровинскимъ *общественными и служебными заслугами*—онъ будетъ, вѣроятно, не мало удивленъ. Люди близкіе къ исторіи графическихъ искусствъ, давно и безспорно считающіе Ровинскаго замѣчательнымъ человѣкомъ, оставившимъ по себѣ глубокій и свѣтлый слѣдъ, конечно, далеки отъ мысли, что онъ столь много значилъ и сдѣлалъ въ другой, совершенно чуждой искусству, области. Для нихъ болѣе чѣмъ достаточно его заслугъ именно въ этой области. И они, со своей точки зрѣнія, правы. Стоитъ припомнить, что Ровинскій одинъ, собственными трудами и путемъ большихъ матеріальныхъ жертвъ, собралъ и выпустилъ рядъ слѣдующихъ изданій: «Исторію русскихъ школъ иконописанія»; «Русскіе граверы и ихъ произведенія»; Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ»; «Русскій граверъ Чемесовъ», съ 17-ю портретами; «Русскія народныя картинки»; «Достовѣрные портреты московскихъ государей», съ 47-ю рисунками; «Н. Н. Уткинъ, его жизнь и произведенія», съ 34-мя портретами и рисунками; «Виды Соловецкаго монастыря», съ 51 рисункомъ; «Матеріалы для русской иконографіи», 12 выпусковъ съ 480-ю рисунками; «Одиннадцать гравюръ Берсенева»; «Ѳ. И. Іорданъ»; «В. Г. Перовъ, его жизнь и произведенія»; «Сборникъ сатирическихъ картинъ»; «Полное собраніе гравюръ Рембрандта», съ 1,000 фототипій; «Полное собраніе гравюръ учениковъ Рембрандта и мастеровъ, работавшихъ въ его манерѣ» съ 478-ю фототипіями и—«Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ...» Сверхъ того, имъ сдѣланъ рядъ небольшихъ изданій, каковы, напримѣръ, «Виды изъ привислинскихъ губерній»; «Сатирическія азбучныя картинки 1812 года»; «Посольство Сугорскаго» и т. п.

Всѣ эти труды его, своевременно оцѣненные и поставленные высоко компетентными лицами и учрежденіями, заслуживаютъ особаго разбора съ технической и образовательной стороны.

Уже одно изданіе гравюръ Рембрандта—монументальный, дорогой и ставшій уже рѣдкостью трудъ въ 4-хъ томахъ—могло бы составить задачу цѣлой жизни, посвященной исторіи искусства. Оно съ восторгомъ было встрѣчено за границею и можетъ составлять предметъ нашей національной гордости:

русскій человѣкъ, безъ чьей-либо поддержки, служившій государству вѣрой и правдою, нашелъ время и обрѣлъ въ себѣ силу и неизсякающую энергію, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ создать великому голландцу—«королю свѣто-тѣни»—памятникъ, котораго тотъ не дождался отъ преслѣдующихъ художественныя цѣли учрежденій своей родины!

Желая познакомить съ чертами духовной личности Ровинскаго, насколько онѣ выразились въ его общественной и научно-художественной дѣятельности, я укажу лишь съ этой точки зрѣнія на нѣкоторыя его произведенія.

Первое мѣсто между ними занимаетъ *«Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ»*.

Онъ состоитъ изъ IV томовъ in quarto и представляетъ собою драгоцѣнный памятникъ для ознакомленія съ искусствомъ гравированія вообще и въ Россіи въ особенности, давая описаніе портретовъ 2.000 лицъ, въ какомъ-либо отношеніи привлекшихъ къ себѣ вниманіе современниковъ и потомства и закрѣпленныхъ гравировальнымъ рѣзцомъ. Эти описанія, составляя отчетъ о каждомъ портретѣ съ массою точныхъ и мельчайшихъ техническихъ подробностей, потребовали, въ виду 1.000 снимковъ, упоминаемыхъ въ книгѣ, поразительнаго по своей настойчивости и усидчивости труда. Но не для однихъ любителей гравюръ или ученыхъ изслѣдователей исторіи искусства даютъ эти четыре тома богатѣйшій матеріалъ... На 3.086 столбцахъ этой книги, составленіе которой одно могло бы наполнить жизнь человѣка, рядомъ съ разнообразными, всегда вполнѣ отчетливыми, а иногда и прямо прекрасными фототипіями идутъ біографическія замѣтки, разсказы и указанія современниковъ. Въ нихъ содержится въ высшей степени интересный историческій и бытовой матеріалъ, рисующій и освѣщающій со многихъ сторонъ русскую жизнь и ея судьбы. Пестро собраніе людей, изображенія которыхъ пріютились на страницахъ «Словаря»! Ровинскій терпѣть не могъ офиціальныхъ классификацій. Его интересовалъ прежде всего человѣкъ, а не представляемая имъ *особа*, и онъ скептически посмѣивался надъ разными «Пантеонами» и «Румхаллями». Поэтому, какъ онъ самъ говоритъ, ему было все равно: «геній ты, или замѣчательный шутъ, великанъ или карликъ, разбойникъ, ученый, самодуръ-самоучка,—сдѣлалъ ты что замѣчательное въ жизни или просто промытарилъ ее, — но есть съ тебя гравированный портретъ, ну и ступай въ Словарь, и ложись тамъ подъ свою букву».

И лежатъ подъ этими буквами, какъ на обширномъ кладбищѣ, самые разнообразные люди, а вмѣстѣ съ ними предъ глазами читателя лежитъ и прошлая русская жизнь въ тѣхъ проявленіяхъ ея, которыя были такъ или иначе связаны съ ними. Замѣтки Ровинскаго не имѣютъ претензіи на полноту или на опредѣленную систему,—это, по большей части, краткія, живыя характеристики, блестящія умомъ, вооруженнымъ громадною начитанностью и знаніемъ. Сжатая форма ихъ придаетъ имъ особую силу и совершенно исключаетъ всякую условность и дѣланный паѳосъ. Вообще въ трудахъ Ровинскаго нѣтъ ни малѣйшаго слѣда историческаго прислужничества, и потому его отзывы и оцѣнки звучатъ полною искренностью, съ которою можно, пожалуй, подчасъ не соглашаться, но къ которой нельзя относиться иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ. Впрочемъ, не всѣ замѣтки кратки. Есть подъ этимъ флагомъ цѣлые біографическіе очерки, выдѣленіе которыхъ изъ

«Словаря» и собраніе вмѣстѣ могло бы составить полную интереса книгу. Таковы, напримѣръ, между прочимъ, очерки жизни и дѣятельности Александра I, Екатерины II, Дмитрія Самозванца и, въ особенности, Суворова. Этого рода очеркамъ можно, пожалуй, сдѣлать упрекъ въ излишней подробности, выходящей за предѣлы цѣлей «Словаря». Ровинскій предвидѣлъ возможность подобнаго упрека. Отвѣтъ на него содержится въ его указаніи на отношеніе иконографіи къ исторіи. «Для насъ, *иконографовъ*,—говоритъ онъ,—интересно имѣть не изображеніе Екатерины въ высокоторжественной позѣ, а настоящую, живую Екатерину, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Мы хотимъ знать всякую мелочь, которою была окружена эта великая женщина; хотимъ знать, въ которомъ часу она вставала, когда садилась работать, что пила и ѣла за обѣдомъ, что дѣлала вечеромъ; какъ одѣвалась и куда ѣздила. Намъ до всего дѣло, мы хотимъ знать ея частную жизнь, даже прочесть ея интимныя записочки, хотимъ видѣть ее у себя дома—живую, умную, хитрую... можетъ-быть, и черезчуръ страстную. Изъ короткаго знакомства со всѣми мелочами ея обихода—мы болѣе, чѣмъ изъ всякой другой *Исторіи*, вынесемъ увѣренность, что легкія стороны ея домашней жизни не имѣли разслабляющаго вліянія на царственныя ея задачи, и еще болѣе полюбимъ эту великую женщину за ея безграничную любовь къ ея новому, русскому отечеству».

Портреты расположены безъ подраздѣленій на разряды, въ простомъ алфавитномъ порядкѣ, но IV-й томъ, не считая двухъ подробныхъ алфавитовъ содержанія всего изданія, состоитъ, во-первыхъ, изъ восьми приложеній, заключающихъ въ себѣ исторію происхожденія гравированныхъ портретовъ и описаніе современнаго положенія этого дѣла у насъ, съ цѣлымъ рядомъ необходимыхъ для собирателей свѣдѣній и наставленій и, во-вторыхъ, изъ восьми главъ «Заключенія», въ которыхъ спеціальныя изслѣдованія, напр., о способахъ гравированія на мѣди и о механическихъ способахъ портретнаго производства и т. п., чередуются съ отдѣльными, полными живого интереса, монографіями. Такъ, напримѣръ, глава V содержитъ очеркъ нашей дипломатіи и военнаго дѣла въ ихъ «гравированныхъ» представителяхъ; глава VI говоритъ о русской женщинѣ; глава VII — о сатирическихъ картинкахъ... Богатое содержаніе «Словаря», по справедливости названнаго, въ одномъ изъ некрологовъ Ровинскаго, *настольною книгою* образованнаго русскаго человѣка, могло бы быть предметомъ особаго изслѣдованія. Но даже и упоминая о немъ мимоходомъ, нельзя не указать на оригинальные взгляды и поразительную массу свѣдѣній, щедрою рукою разсыпанные Ровинскимъ по столбцамъ его изданія и характеризующіе самого автора.

Онъ, этотъ авторъ, прежде всего горячій русскій патріотъ, которому дорого свое родное, и котораго волнуетъ и смущаетъ всякое принесеніе русскаго труда, интересовъ или крови въ жертву предметамъ или началамъ, ничего общаго съ благоденствіемъ Россіи не имѣющимъ. Вотъ почему въ замѣчаніяхъ къ многочисленнымъ портретамъ Александра I сказывается явное несочувствіе сентиментальной политикѣ и мистическому честолюбію «новаго Агамемнона»—и почему такъ много страницъ съ нескрываемою любовью посвящено портретамъ Екатерины II и описанію наружности и обихода государыни, «домашніе недостатки которой не могутъ умалить ея великихъ

заслугъ, ибо не мѣшали они ей держать высоко русское знамя и вѣрно, по-русски, понимать *кровные* интересы своей новой родины». Портреты Екатерины изслѣдованы и сравнены между сбою Ровинскимъ съ чрезвычайною подробностью, —однѣхъ фототипій съ нихъ приложено къ «Словарю» 49, и неизмѣнная нота прямодушной нѣжности звучитъ во всѣхъ къ нимъ объясненіяхъ. «Разложивъ *профильные* портреты рядомъ,—пишетъ онъ,—можно прослѣдить шагъ за шагомъ превращеніе граціознаго и полнаго огня и жизни Ротаріевскаго профиля, сперва въ роскошный профиль Девейда, потомъ въ профили, все еще оживленные, 1776 и 1782 годовъ и, наконецъ, въ профиль 1790 года, — профиль шестидесятилѣтней хорошо пожившей женщины, съ одутловатымъ и добродушнымъ лицомъ, съ двузначащею улыбкою на сжатыхъ губахъ, но въ которой, однакоже, не трудно узнать усталую, но все еще *великую* Екатерину».

Съ этой же точки зрѣнія говоритъ Ровинскій и объ Елисаветѣ Петровнѣ, представляя рядъ портретовъ граціозной, жизнерадостной и цвѣтущей здоровьемъ императрицы и замѣчая, что рядомъ съ танцами, которые она страстно любила, и французскими нарядами, которыхъ у нея было нѣсколько тысячъ, Елисавета «за стѣнами своего дворца вела настоящую русскую политику», результатомъ которой было обращеніе Кенигсберга въ русскій областной городъ, чеканка въ немъ русской монеты и даже учрежденіе духовной миссіи съ архимандритомъ изъ города Данкова, при чемъ въ 1760 г. былъ составленъ проектъ окончательнаго присоединенія восточной Пруссіи къ Россійской имперіи, на которомъ Елисавета написала 30 апрѣля того же года: «быть по сему», оставивъ за собою право «удобныя средства искать по соглашенію съ республикою Польскою, полюбовнымъ соглашеніемъ и ко взаимному обѣихъ сторонъ удовольствію, сдѣлать о семъ королевствѣ другое опредѣленіе». Смерть императрицы въ 1761 г. и вступленіе на престолъ Петра III, воспитаннаго въ презрѣніи ко всему русскому и въ слѣпомъ поклоненіи Фридриху II, измѣнили все это.

Еще больше собрано въ книгѣ портретовъ Петра Великаго и гравюръ, въ которыхъ, между другими, есть и его изображенія. Всѣхъ ихъ 52—и наружность величайшаго русскаго человѣка проходитъ въ нихъ отъ юныхъ лѣтъ до его кончины. Мы видимъ его сначала мальчикомъ и юношей въ московскомъ одѣяніи,—въ высокой бобровой шапкѣ,—какъ Magnus dux Moscoviae,—затѣмъ эти изображенія смѣняются окруженными аллегорическими картинками, портретами въ условномъ костюмѣ выдающихся людей начала XVIII вѣка, состоящемъ изъ латъ, порфиры и шлема и, наконецъ, идетъ въ рядѣ снимковъ могучій лучезарный ликъ Петра въ томъ видѣ, въ какомъ привыкло его представлять себѣ русское сознаніе,—съ вьющимися кудрями и коротко подбритыми усами,—«котскими», какъ съ негодованіемъ говорили его закоренѣлые враги раскольники. Это тотъ Петръ, голова котораго увѣковѣчена дѣвицею Калло на памятникѣ Фальконета,—тотъ, который восторженно воспѣтъ Пушкинымъ, тотъ, «чьи глаза сіяютъ», чей ликъ «ужасенъ» и «прекрасенъ», кто «весь какъ Божія гроза», кто «думъ великихъ полнъ»... Портретамъ Петра предшествуетъ сжатая, но весьма выразительная біографическая замѣтка, рисующая всю разностороннюю мощь его натуры, весь гигантскій трудъ, подъятый имъ—«только бы жила Россія». Въ живыхъ чертахъ, со словъ современниковъ, проходитъ наружность Петра, его манеры,

одежда, домашняя жизнь. Ровинскій описываетъ его трудовой день, его простоту, непритязательность,—приводитъ выписки то шутливыя, то озабоченныя изъ переписки съ «Катеринушкою, другомъ сердешненькимъ».

Въ этихъ разнообразныхъ описаніяхъ, рабросанныхъ въ качествѣ примѣчаній къ различнымъ гравированнымъ портретамъ Петра, иногда содержатся малоизвѣстные факты, въ которыхъ ярко сквозитъ все величіе простоты человѣка, кому, по словамъ Некрасова, «въ царяхъ никто не равенъ». Такъ, напр., по поводу рѣдкой французской гравюры 1712 года, изображающей свиданіе Екатерины съ ея братомъ Карломъ Скавронскимъ и русской копіи съ нея, подъ заглавіемъ: «Усердіе Петра Перваго къ родству», Ровинскій приводитъ разсказъ Левека о томъ, что, увидѣвъ внезапно въ домѣ гофмейстера Шепелева своего брата и въ немъ узрѣвъ снова воочію свое незначительное прошлое, Екатерина чуть не упала въ обморокъ, но Петръ сказалъ ей: «нечего краснѣть! я признаю его моимъ шуриномъ,—а ты цѣлуй руку императрицы, а потомъ обними свою сестру!» Теплому сердцу Ровинскаго и его гуманнымъ взглядамъ были, однако, тяжелы нѣкоторыя стороны въ жизни Петра. Онъ не скрываетъ этого и скорбитъ, что преобразователь подчасъ дѣйствовалъ на свой народъ, по выраженію Фридриха Великаго, «какъ крѣпкая водка на желѣзо»; но онъ умѣетъ стать на историческую точку зрѣнія, указывающую на необходимость въ извѣстные моменты народной жизни такой «крѣпкой водки», представляемой геніальнымъ дѣятелемъ—«первымъ человѣкомъ въ государствѣ и первымъ слугою всему народу». Ровинскій не умалчиваетъ о кровавомъ подавленіи бунта стрѣльцовъ, о процессѣ и смерти царевича Алексѣя Петровича,—но онъ напоминаетъ, что зло, представляемое постоянно бунтующимъ и дерзкимъ войскомъ, служащимъ орудіемъ домашнихъ и придворныхъ интригъ, надо было для общаго спокойствія подрубить въ самомъ корнѣ,—и что непрестанное тайное противодѣйствіе Алексѣя, опиравшагося на партію Лопухиныхъ, должно было возбуждать въ Петрѣ страхъ за будущность Россіи и всего, сдѣланнаго имъ съ такимъ крайнимъ напряженіемъ силъ. Поэтому, разсказывая *о всешутѣйшемъ и всепьянѣйшемъ соборѣ* и осуждая циническіе обряды и кощунственныя шутки, сопровождавшіе его собранія, Ровинскій находитъ для этого извиненіе именно въ напряженіи силъ Петра. «Шутовство,—говоритъ онъ,—составляло для Петра необходимый роздыхъ отъ тяжкихъ, почти нечеловѣческихъ трудовъ, и въ этой безшабашной веселости виденъ свѣтлый умъ его, ибо только ограниченный человѣкъ чуждается веселаго смѣха и въ каждой смѣшной фигурѣ и положеніи видитъ намекъ на собственныя свои дѣйствія».

Было бы невозможно здѣсь перечислить и малую долю очерковъ Ровинскаго, относящихся къ выдающимся личностямъ. Они разсыпаны щедрою рукою по всему изданію, очень часто давая возможность сравнить двѣ крайности, столкнувшіяся на жизненномъ пути, и тѣмъ поясняя одну историческую личность другою. Такъ, напримѣръ, рядомъ съ Петромъ невольно ставятся изображенія царевича Алексѣя. Стоитъ вглядѣться въ совершенно безхарактерныя черты Алексѣя въ юности, на медальонѣ Гуэна,—на его позднѣйшіе портреты съ глазами, въ которыхъ сковозитъ трусливое лукавство, съ острымъ подбородкомъ и тонкими, плотно сжатыми губами, обличающими упрямство безъ разумной твердости, —чтобы понять неизбѣжность роковой судьбы этого человѣка, ставшаго на дорогѣ Петру, и чтобы оцѣнить

скорбный и гнѣвный возгласъ послѣдняго: «ограбилъ меня Господь сыномъ!» Стоитъ сопоставить лицо Петра—все исполненное жизни и страстной энергіи—съ блѣднымъ, продолговатымъ, безцвѣтнымъ обликомъ царевича, отъ котораго Петръ «не трудовъ, но охоты желалъ»,—чтобы видѣть, съ какою болью измученнаго и тщетно надѣющагося сердца писалъ ему «на тронѣ вѣчный работникъ» свой послѣдній «тестаментъ»,—заключая его словами: «ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдству лишу, яко удъ гангренный, и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ, и что я сіе только въ устрастку пишу; воистину исполню, ибо если за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь *чужой* добрый, нежели *свой* негодный»...

Какъ, напримѣръ, характерны портреты Анны Іоанновны и правительницы Анны Леопольдовны и сами по себѣ, и по отношенію къ нимъ издателей. Авторъ диссертаціи «De morbis infantum», прилагая портретъ первой изъ нихъ (типа Эллигера), изображенной женщиною огромнаго роста, съ мрачнымъ выраженіемъ грубаго лица, въ великолѣпномъ одѣяніи, говоритъ: »въ образѣ семъ всѣ мнятъ Анну зрѣти, понеже зракъ весь женскій въ чертахъ разсуждаютъ, но вся дѣла слѣдуя по правдѣ имѣти Петра Перваго въ лицѣ тіи помышляютъ;—весьма мужескъ видъ отъ дѣлъ, хоть въ женской добротѣ; съ должнымъ рабу почтеньемъ приписалъ Панаіотъ Кондоиди»... Іоганъ Гафнеръ, отгравировавъ по передѣланному портрету Каравакка, миловидную фигуру и оживленное лицо Анны Леопольдовны, не успѣлъ выпустить въ свѣтъ свои двѣ гравюры, такъ какъ надъ несчастною правительницею и ея семействомъ разразилась гроза. Гафнеръ, не смущаясь, передѣлалъ подпись и, не измѣнивъ даже словъ: «Impery Gubernatrix», изобразилъ подъ гравюрами: «Elisabetha. D. G. Magna Dua omnium Russorum». Такимъ образомъ по ироніи судьбы, изображеніе бѣдной мимолетной властительницы «большей части свѣта» (Календарь 1741 г.), печально изнывшей «за крѣпкимъ карауломъ» въ Холмогорахъ, распространилась по Россіи, какъ портретъ «дщери Петра».

Давая рядъ портретовъ «Дмитрія Іоанновича, *прозваннаго* Гришкою Отрепьевымъ», Ровинскій предпосылаетъ имъ очень интересный очеркъ физическихъ и нравственныхъ свойствъ загадочнаго человѣка, раздѣлившаго историковъ въ вопросѣ о своемъ происхожденіи, при чемъ самъ авторъ склоняется путемъ остроумныхъ соображеній къ тому, что такъ называемый самозванецъ былъ въ дѣйствительности сыномъ Іоанна IV, но признавшіе его своимъ законнымъ владыкою бояре, почуявъ въ немъ нравъ и отцовскіе обычаи Грознаго, порѣшили *упразднить* его, какъ прежде пытались сдѣлать тоже съ самимъ Грознымъ. Разсмотрѣніе тѣхъ изображеній Дмитрія Іоанновича, за которыми Ровинскій признаетъ достовѣрность, не подтверждаетъ, однако, заключенія его о «подлинности» царя Дмитрія, и самъ Ровинскій, со свойственнымъ ему безпристрастіемъ, приводитъ мнѣніе знатока портретной живописи, князя М. А. Оболенскаго, о томъ, что «портретъ Киліана—есть вѣрный историческій фактъ: кто только на него ни взглянетъ, тотъ сейчасъ убѣдится, что лже-Димитрій былъ не русскій; черты лица его явно говорятъ, что онъ былъ литвинъ».

«Великолѣпный князь Тавриды» рисуется во всемъ блескѣ своей физической красоты, обширнаго образованія, свѣтлаго, полнаго широкихъ за-

мысловъ ума и глубокаго нравственнаго вліянія на Екатерину. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ровинскій въ сжатомъ, но содержательномъ очеркѣ указываетъ на рѣзкія противоположности въ его странномъ, то привлекательномъ, то непріятномъ характерѣ, и на неряшливость, безпорядочность и крайнюю лѣнь его въ частной жизни, дѣлавшія изъ него «настоящаго азіата въ европейскомъ костюмѣ». Историческіе рисунки, въ которыхъ фигурируетъ Потемкинъ, и между ними превосходная большая гравюра Скородумова и Иванова, изображающая его смерть въ бессарабскихъ степяхъ, а также произведенія народнаго наивнаго рѣзца, посвященныя «славному объѣдалѣ и веселому подпивалѣ», служатъ доказательствомъ того громаднаго во всѣхъ отношеніяхъ впечатлѣнія, которое производилъ на современниковъ этотъ замѣчательный, до сихъ поръ не разъясненный во всей своей полнотѣ, русскій историческій дѣятель.

Съ особымъ тщаніемъ собраны и описаны у Ровинскаго портреты дѣятелей Екатерининскаго времени вообще, но съ самою большою подробностью объясняетъ Ровинскій портреты одного изъ своихъ любимыхъ героевъ—Суворова. Изъ замѣтокъ передъ ними и подъ нѣкоторыми изъ нихъ составляется цѣлый яркій очеркъ удивительной и характерной жизни замѣчательнаго и своеобразнаго человѣка, всѣмъ обязаннаго самому себѣ, скромнаго въ успѣхѣ и трогательнаго въ опалѣ, связаннаго глубокою духовною связью съ народомъ, — то чудака, то героя, сказавшаго про себя придворному живописцу курфюрста саксонскаго Шмидту: «вы собираетесь писать мое лицо; оно открыто вамъ, но мысли мои для васъ тайна;—скажу вамъ, что я проливалъ кровь потоками, и прихожу въ ужасъ отъ этого; но я люблю моего ближняго и никого не сдѣлалъ несчастнымъ,—я не подписалъ ни одного смертнаго приговора, не задавилъ ни одной козявки; я былъ малъ и былъ великъ,—въ счастіи и несчастіи уповалъ на Бога и оставался непоколебимымъ; теперь призовите на помощь ваше искусство и начинайте!...» Поклонникъ Екатерины II за ея умѣнье служить кровнымъ русскимъ интересамъ, Ровинскій не могъ не сочувствовать горячо и одному изъ геніальныхъ въ военномъ дѣлѣ исполнителей ея плановъ; его влекли, кромѣ того, къ Суворову тѣ коренныя русскія черты въ личности и образѣ жизни, въ которыхъ много сходнаго съ такими же въ жизни Великаго Петра, но которыми Ровинскій могъ любоваться безъ щемящей его доброе сердце боли. Однако и тутъ, вѣрный себѣ, авторъ не скрываетъ недостатковъ и несимпатичныхъ сторонъ въ своемъ любимцѣ,—хотя даетъ имъ примирительное освѣщеніе. «Суворова обвиняютъ,—пишетъ онъ,—въ презрѣніи къ равнымъ и къ высшимъ, въ оскорбительномъ нахальствѣ, въ безмѣрномъ честолюбіи. Самъ Суворовъ сознавался, что скромность не входила въ число его добродѣтелей, но онъ хорошо понималъ, что со скромностью можетъ попасть лишь въ одни святые угодники, а ему нужно было попасть въ фельдмаршалы, чтобы разбивать непріятеля и вести русское войско къ побѣдамъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ *мощь* и *силу* и надѣялся пробиться на торную тропу. Онъ все употребилъ въ дѣло при этомъ: лесть, нахальство, чудачество, шутовство, но не сдѣлалъ ничего вреднаго или подлаго; достигнувъ цѣли, онъ весь отдался своему дѣлу, бѣгалъ отъ двора и, конечно, отъ него нельзя было требовать никакого уваженія къ тогдашнимъ придворнымъ, получавшимъ громадное содержаніе за красивую наружность и умѣнье вести пустопорожніе разговоры». Эти

господа платили Суворову соотвѣтственною монетою. Не даромъ же онъ говорилъ о себѣ: «у меня семь ранъ: двѣ изъ нихъ получены на войнѣ, а пять, самыхъ мучительныхъ,—при дворѣ». Не одни его портреты вошли въ описаніе Ровинскаго,—сюда же отнесены историческія гравированныя картинки, касающіяся Суворова, и каррикатуры на него. Всего описано 207 изображеній, относящихся къ Суворову,—и этотъ *«Рембрандтъ тактики»*, по выраженію лорда Кларендона, проходитъ, благодаря имъ, предъ глазами читателя, какъ живой.

«Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ» даетъ многія черты и для портрета самого Ровинскаго и съ этой даже стороны заслуживалъ бы внимательнаго и подробнаго спеціальнаго разбора. Здѣсь же достаточно указать на самое разностороннее его образованіе, выражающееся въ обиліи разнообразнѣйшихъ свѣдѣній, приводимыхъ по поводу того или другого портрета, иногда чрезвычайно рѣдкаго, и свѣдѣній не сухихъ, въ видѣ цифръ или хронологическихъ ссылокъ, а почерпнутыхъ прямо изъ жизни и освѣщающихъ разные ея моменты и закоулки. Таковы, напр., свѣдѣнія къ описанію портретовъ протоіерея Самборскаго, духовника великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны и законоучителя ихъ дѣтей, путешественника по славянскимъ землямъ и агронома, посланнаго Екатериною II въ Англію въ числѣ учениковъ кіевской духовной академіи для изученія агрикультуры и усовершенствованія ея, *по посвященіи своемъ въ духовный санъ*, между крестьянами. На рѣдкой гравюрѣ, сдѣланной во вкусѣ умной старины, Самборскій представленъ, согласно съ дѣйствительностью, пашущимъ на волахъ, при чемъ его ордена и наперсный крестъ повѣшены на вѣтви раскидистаго дерева. Таковъ же громадный богословскій тезисъ Кулябки, отпечатанный на атласѣ; такова обширная гравюра на деревѣ, на четырехъ листахъ, хранившаяся въ висбаденскомъ музеѣ, изображающая посольство князя Захара Ивановича Сугорскаго, посланнаго Грознымъ къ императору Максимиліану въ Регенсбургъ, въ 1576 г., при чемъ выгравированы не только костюмы посла и его многочисленной свиты, порядокъ шествія и подарки, посланные царемъ римскому императору, но и богослуженіе «московитовъ». По поводу послѣдняго пражскій издатель Петтерле, разсказавъ видѣнные художникомъ обряды предъ главнымъ образомъ «возлюбленнаго Господа нашего Іисуса Христа», въ молитвѣ, заканчивающей текстъ гравюры, проситъ Спасителя «обратить эти народы къ познанію Его имени и Святого Его слова», прибавляя, что искренно желаетъ этого московитамъ, очевидно, не считая ихъ все-таки за христіанъ.

Вообще не однѣ особенности нашихъ нравовъ и обстоятельствъ русской исторіи находятъ себѣ мѣсто въ объясненіяхъ и замѣткахъ Ровинскаго; нерѣдко приводятся имъ изображенія и свѣдѣнія, рисующія эпизоды изъ жизни и исторіи Запада, имѣющія связь съ политическими отношеніями его къ Россіи. Какъ на примѣръ можно указать на рѣдкія и очень характерныя, по откровенности содержанія и недвусмысленности подписей, многочисленныя каррикатуры, направленныя съ одной стороны на коалицію монарховъ противъ революціонной Франціи, а съ другой—на якобинцевъ, національное собраніе и конвентъ—и вообще указать на каррикатуры, касающіяся политическихъ событій въ Европѣ въ царствованія Екатерины II, Павла I и Александра I. Такихъ сатирическихъ картинокъ, имѣющихъ отношеніе

къ Екатеринѣ II, приведено у Ровинскаго семьдесятъ семь, къ Александру 124. Эти картинки помимо своего содержанія, исполненнаго политическаго озлобленія, не знающаго предѣловъ, иногда открываютъ интересныя черты общественной жизни Запада. Такъ, напримѣръ, къ каррикатурѣ, озаглавленной: «Ah! ça va mal! les puissances étrangeres faisant danser aux députés enragés et aux jacoquins (sic)—le même ballet que le sieur Nicolet faisait danser jadis à ses dindons»,—относится замѣчаніе Ровинскаго о томъ, что «во время появленія этой каррикатуры въ Парижѣ показывалъ балеты изъ индюшекъ нѣкій Nicolet; индюшки были заперты въ большую клѣтку съ металлическимъ поломъ, который накаливался снизу; впереди играла музыка; сперва индюшки мѣрно подпрыгивали по слегка нагрѣтому полу; потомъ полъ нагрѣвался все болѣе и болѣе, музыка шла crescendo, полъ накаливался, и несчастныя птицы съ крикомъ метались изъ стороны въ сторону, дѣлая отчаянные прыжки и приводя въ восторгъ парижскую публику».

Очень интересны, съ точки зрѣнія исторической превратности и психологіи народныхъ массъ, картины, изображающія, вмѣстѣ съ фигурою императора Александра I, въѣздъ союзниковъ въ Парижъ въ 1813 г., народныя ликованія и сверженіе статуи Наполеона съ Вандомской колонны,—а также портретъ донского казака Александра Землянухина, который привезъ въ апрѣлѣ 1813 г. въ Лондонъ извѣстіе о взятіи Гамбурга. Англичане, такъ усердно и настойчиво распространявшіе, до и послѣ войнъ съ Наполеономъ, всякія небылицы и ужасы про наше войско вообще и казаковъ въ особенности, встрѣтили тогда Землянухина съ восторгомъ, сдѣлали семь гравированныхъ портретовъ съ «the brave Russian Cossack of the Don regiment», сочинили въ честь его хвалебную пѣсню и угощали его за столомъ у лордъ-мэра, при чемъ, вѣроятно, немного подгулявшій объектъ ихъ лицемѣрнаго восторга на любознательные вопросы лордъ-мэра о томъ, сколькихъ онъ убилъ своею пикою, отвѣчалъ «офицеровъ—трехъ, а сволочи—нѣсколько четвериковъ...» Но, пріобрѣтая массу свѣдѣній, роясь въ архивной пыли и въ разныхъ коллекціяхъ, Ровинскій остается вѣренъ своему житейскому опыту и требованіямъ своей духовной природы. Ложный блескъ мимолетной славы не дѣйствуетъ на него,—ему гораздо дороже общечеловѣческое достоинство оригиналовъ собираемыхъ имъ «гравированныхъ портретовъ»; все дѣланное, лицемѣрное, напускное—ему противно, всякая своекорыстная жестокость его возмущаетъ. Вотъ почему Радищевъ со своимъ знаменитымъ «Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву», въ которомъ слышится громкій протестъ противъ крѣпостного права, не подкупаетъ его, ибо «въ имѣніи своемъ, подъ Малымъ Ярославцемъ, самъ Радищевъ былъ жестокимъ помѣщикомъ»; поэтому же, отмѣчая курьезный трудъ Ѳедора Ивановича Дмитріева-Мамонова, издавшаго въ 1779 году, какъ «плодъ уединенной жизни дворянина-философа», новую систему «Сложенія свѣта», въ противоположность «Птоломеевой, Коперниковой, Тихобраговой и Дескартовой» и вызвавшаго тѣмъ рядъ выспреннихъ прославленій подъ своими портретами, — Ровинскій не можетъ не отмѣтить, что дворянинъ-философъ былъ извѣстенъ жестокимъ обращеніемъ съ крѣпостными людьми. Зато онъ не упускаетъ случая указать на доброту и сердечную теплоту въ поступкахъ человѣка (напр., М. П. Погодина) или даже въ выраженіи его лица (напр., графа Платова); искренняя нѣжность проникаетъ его отзывы о людяхъ, оставившихъ

по себѣ благодарное воспоминаніе. «Намъ всѣмъ еще памятенъ, — говоритъ онъ, напримѣръ, о покойномъ принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ,— намъ всѣмъ еще памятенъ симпатичный образъ этого истинно-хорошаго человѣка. Средняго роста, нѣсколько сутуловатый, застѣнчивый, довольно некрасивый собою, онъ представлялъ рѣзкую противоположность величавой фигурѣ Николая I, котораго онъ такъ часто сопровождалъ въ поѣздкахъ по учебнымъ заведеніямъ. Зато взглядъ его, полный неизмѣримой доброты, и простое, сердечное обхожденіе со всѣми, раскрывали необычайную кротость души его; каждый шелъ къ нему безъ страха, разсчитывая на вѣрную помощь и сочувствіе. Для воспитанниковъ своихъ онъ былъ настоящимъ отцомъ, заботился объ удобствахъ ихъ жизни, даже объ ихъ удовольствіяхъ, безпрестанно посѣщалъ классы, а въ рекреаціонное время даже принималъ участіе въ ихъ играхъ. Безъ всякой лести можно сказать: много добра сдѣлалъ этотъ человѣкъ, а главное — дѣлалъ онъ добро съ разумною цѣлью и оставилъ глубокіе слѣды своей полезной благотворительности».

Кроткимъ свѣтомъ сочувствія несчастію ближняго—безразлично отъ мѣста, гдѣ оно свило себѣ гнѣздо—проникнуты и краткія свѣдѣнія о портретахъ людей, которымъ тяжело жилось иногда, несмотря на ихъ внѣшнюю блестящую обстановку. Вотъ что предпосылаетъ, напримѣръ, Ровинскій многочисленнымъ портретамъ супруги Александра I—Елисаветы Алексѣевны: «Извѣстная портретистка Виже-Лебренъ, увидѣвшая Елисавету Алексѣевну въ первый разъ въ 1795 году, въ Царскомъ Селѣ, отзывается о ней съ восторгомъ: «ей было въ то время 16 лѣтъ, цвѣтъ лица ея былъ блѣдный, черты тонкія, выраженіе лица чисто ангельское; волосы пепельно-русые падали въ безпорядкѣ на ея лобъ и шею; станъ гибкій, какъ у нимфы. Я вскричала: это — Психея! А это была Елисавета, жена Александра». Скорое охлажденіе супруга и мелкія семейныя непріятности заставили ее искать уединенія и полной замкнутости въ обществѣ немногихъ близкихъ людей. Она сдѣлалась мечтательною, много читала и занималась дѣлами благотворительности; на эти дѣла она отдавала все свое содержаніе изъ кабинета, оставляя на свои личные расходы не болѣе 15.000 р. въ годъ. Въ 45 лѣтъ она была средняго роста, хорошо сложена; въ лицѣ и станѣ ея видны были слѣды прежней красоты; голосъ у нея былъ мягкій, проникавшій въ душу, улыбка меланхолическая; взоръ полный ума и что-то ангельское во всей фигурѣ ея говорили, что она принадлежитъ не къ этому свѣту. Она отлично знала порусски и была другомъ Карамзина. То же самое чувство сквозитъ и въ очеркѣ, предшествующемъ перечисленію портретовъ сына Бориса Годунова, злополучнаго Ѳедора Борисовича, и даже въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о московскомъ юродивомъ и прорицателѣ 50-хъ годовъ, сидѣвшемъ въ сумасшедшемъ домѣ «студентѣ холодныхъ водъ»—Иванѣ Яковлевичѣ Корейшѣ.

Если прибавить ко всему сказанному массу историко-техническихъ замѣчаній Ровинскаго, среди которыхъ встрѣчаются, напримѣръ, интересныя подробности въ родѣ порученія выписаннымъ изъ-за границы граверамъ расписывать декораціи для фейерверковъ,—и частыя ссылки на личныя наблюденія и воспоминанія, то едва ли можно не признать за «Словаремъ» большаго значенія, какъ богатаго матеріала не для одной только исторіи искусства, но и какъ памятника громаднаго труда, исполненнаго *однимъ* человѣкомъ, вложившимъ въ него свою отзывчивую личность.

V.

«Словарь гравированныхъ портретовъ» изображалъ *русскихъ людей* на различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы и въ разныя историческія эпохи. Но для полноты картины нужно было изображеніе *русской жизни*,— нужно было собрать черты не *личныя*, а *бытовыя*, закрѣпленныя въ памяти народной тѣмъ или другимъ способомъ. Эту задачу выполнилъ Ровинскій въ другомъ своемъ классическомъ трудѣ, въ «*Русскихъ народныхъ картинкахъ*», изданныхъ въ 1881 г., въ девяти томахъ, изъ которыхъ четыре заключаютъ въ себѣ 1.780 картинокъ, а пять представляютъ объяснительный къ нимъ текстъ на 2.880 страницахъ большого in—8⁰. Въ этомъ изданіи, требовавшемъ для собиранія матеріаловъ необычайной любви къ дѣлу и настойчивости, а также знанія, сопряженныхъ съ большими матеріальными жертвами, Ровинскій собралъ всѣ тѣ народныя картинки, которыя выходили въ свѣтъ до 1839 г., т.-е. до того времени, когда свободное народное художественное творчество было вставлено въ рамки офиціальной цензуры.

Въ нихъ проходитъ самыми разнообразными сторонами бытовая и духовная жизнь народа съ начала XVII вѣка по средину XIX вѣка. Въ наивныхъ изображеніяхъ народнаго рѣзца мы видимъ русскаго человѣка въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и поэтическихъ представленіяхъ, въ его скорбяхъ, въ его отношеніяхъ къ семьѣ, къ окружающему міру, къ ученью, — въ его и радостяхъ, въ подвигахъ и паденіи, въ болѣзняхъ и развлеченіяхъ. Онъ предъ нами живой, говорящій о себѣ самъ, своимъ «краснымъ словомъ», сказкою и легендою,—своеобразный, мощный и простосердечный, терпѣливый и страшный въ гнѣвѣ, шутливый и въ то же время вдумчивый въ жизнь и ея сокровенный смыслъ, съ добродушною ироніей смотрящій на себя и на все окружающее и величаво-спокойный предъ лицомъ смерти. Это трудъ громадный, изъ каждой главы котораго свѣтится умъ, алчущій и жаждущій свѣдѣній о своемъ родномъ. По поводу тѣхъ или другихъ народныхъ картинъ приведены въ немъ цѣлыя подробныя, самостоятельныя изслѣдованія, обширныя извлеченія изъ памятниковъ народной литературы, стройныя, построенныя на богатыхъ источникахъ и личномъ опытѣ и изученіи, бытовыя и этнографическія картины. Кто прочелъ со вниманіемъ пять томовъ текста къ народнымъ картинкамъ, тотъ можетъ сказать, что предъ его глазами прошла не офиціальная, не внѣшняя, но внутренняя русская жизнь болѣе чѣмъ за два вѣка со всѣмъ тѣмъ, что побуждаетъ ее любить, что заставляетъ грустить по поводу горькихъ сторонъ ея прошлаго и настоящаго.

Народныя картинки, называемыя также *лубочными* отъ лубочныхъ (липовыхъ) досокъ, съ которыхъ онѣ печатались, и отъ лубочныхъ коробовъ, въ которыхъ ихъ разносили для продажи офени,—долго были въ пренебреженіи у нашихъ старыхъ писателей и ученыхъ. Онѣ считались принадлежностью «подлаго» народа, какъ именовался онъ въ документахъ XVIII вѣка. Кантемиръ и даже Барковъ (!) называли ихъ негодными и гнусными, подобно тому, какъ пѣсни народа признаны были Тредьяковскимъ и Сумароковымъ «подлыми». Сатирикъ Кантемиръ не безъ гордости замѣчалъ, что творенія его не будутъ «гнусно лежать въ одномъ сверткѣ съ Бовою или

Ершомъ!» «Эти чопорные господа,—говоритъ Ровинскій,—въ большинствѣ сами вышедшіе изъ «подлаго народа», никакъ не могли себѣ вообразить, что Ершъ, Бова и т. п. переживутъ ихъ *безсмертныя* творенія; но такимъ же фешенебельствомъ заражены были и болѣе развитые люди, члены ученыхъ Обществъ: такъ, напримѣръ, въ 1824 году, когда Снегиревъ представилъ въ Общество любителей россійской словесности свою статью о лубочныхъ картинкахъ, то нѣкоторые изъ членовъ даже сомнѣвались, можно ли и должно ли допустить разсужденіе въ ихъ Обществѣ о такомъ пошломъ, площадномъ предметѣ, какой предоставленъ въ удѣлъ черни? Впрочемъ, рѣшено было принять эту статью, только съ измѣненіемъ заглавія въ ней:—вмѣсто лубочныхъ картинокъ, сказать—простонародныя изображенія.

Не такъ смотрѣлъ на народныя картинки М. П. Погодинъ. Онъ, по словамъ академика К. О. Веселовскаго, указалъ молодому, полному силъ и любознательности Ровинскому, увлекавшемуся собираніемъ офортовъ, новое, почти непочатое поле для дѣятельности. «То, что вы собираете,—сказалъ онъ,—довольно собираютъ и другіе;—этимъ никого не удивишь, а вотъ собирайте-ка все русское, чего еще никто не собираетъ и что остается въ пренебреженіи и часто безслѣдно пропадаетъ, — такъ польза будетъ иная». Прошло много лѣтъ—и краснорѣчивымъ отвѣтомъ на совѣтъ Погодина служатъ «Русскія народныя картинки». Ими сохранены отъ забвенія, ограждены отъ истребленія и, такъ сказать, закрѣплены для будущаго всѣ виды этой отрасли народнаго творчества — начиная со сказокъ и забавныхъ листовъ, переходя къ историческимъ листамъ, букварямъ и календарямъ и кончая притчами и листами духовными. Все это сопровождается тремя томами объяснительнаго текста, томомъ примѣчаній и дополненій и томомъ, содержащемъ въ себѣ въ высшей степени интересное «заключеніе» и алфавитные указатели. Въ этомъ заключеніи помѣщены изслѣдованія о народныхъ картинкахъ, рѣзанныхъ на деревѣ, гравированныхъ на мѣди и такъ называемою «черною манерою»,—о западныхъ источникахъ русскихъ картинъ,—о ихъ пошибѣ, стилѣ и раскраскѣ,—о народныхъ картинкахъ въ западной Европѣ и на Востокѣ—въ Индіи, Японіи, Китаѣ и на Явѣ,—наконецъ, о способахъ гравированія и печатанія и о продажѣ картинокъ, о надзорѣ за ихъ производствомъ и о *цензурѣ* ихъ. Послѣдняя взяла подъ свой присмотръ народныя картинки, какъ уже сказано, лишь съ 1839 года. До тѣхъ же поръ высокомѣрное отношеніе образованнаго общества къ этимъ картинкамъ и непониманіе ихъ значенія предоставляли полный безцензурный просторъ ихъ издателямъ, благодаря чему могъ сохраниться своеобразный ихъ характеръ. Даже суровыя мѣры, предпринятыя Павломъ 18-го апрѣля 1800 года, когда было опредѣлено запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ безъ изъятія, а равномѣрно и *музыки*, такъ какъ «чрезъ ввозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благочестія»,—мѣры, отразившіяся и на внутренней цензурѣ,—не повліяли на народныя картинки. Не повліялъ на нихъ и цензурный уставъ Шишкова, изданный въ 1826 году. Поэтому въ тѣхъ собранныхъ Ровинскимъ народныхъ картинкахъ, которыя относятся ко времени до 1839 года, мы находимъ совершенно свободное выраженіе вкусовъ и мыслей какъ художника, такъ и окружавшей его среды—и уже въ одномъ сохраненіи ихъ для потомства большая заслуга Ровинскаго, тѣмъ болѣе, что распоряженія пятидесятыхъ годовъ, а также

взгляды и пріемы усердныхъ исполнителей этихъ распоряженій могли привести въ безслѣдной утратѣ «лубочной» литературы и художества. Ровинскій приводитъ постановленіе особаго комитета для провѣрки дѣйствій цензурныхъ комитетовъ, учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ Бутурлина въ 1850 году, объ обязаніи полиціи представить о тѣхъ изъ старыхъ картинокъ, изданныхъ безъ цензуры, которыя отличаются предосудительнымъ содержаніемъ, чрезъ губернаторовъ министру внутреннихъ дѣлъ, для принятія мѣръ къ ихъ уничтоженію. Получивъ это постановленіе въ апрѣлѣ 1851 года, московскій генералъ-губернаторъ графъ А. А. Закревскій привелъ его въ исполненіе быстро и рѣшительно. *Всѣ* старинныя мѣдныя доски, съ которыхъ печатались народныя картинки, были вытребованы въ полицію, изрублены въ куски и возвращены въ видѣ лома. Такимъ простымъ способомъ было въ Москвѣ уничтожено разъ навсегда воспроизведеніе старинныхъ безцензурныхъ картинокъ, совершенно независимо отъ ихъ содержанія. Впрочемъ, многія изъ такихъ картинокъ относились къ древнему русскому эпосу, а взглядъ на него былъ весьма неблагопріятный. Еще въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ князю Петру Андреевичу Вяземскому приходилось, по должности товарища министра народнаго просвѣщенія, съ трудомъ отстаивать статью Константина Аксакова: «Богатыри великаго князя Владимира по русскимъ пѣснямъ» противъ раздѣляемаго тогда многими мнѣнія генералъ-лейтенанта Дубельта, находившаго, что сочиненіе Аксакова—«рукопись безполезная и отчасти безсмысленная, при чемъ общее направленіе ея состоитъ въ томъ, чтобы высказать прелесть бывшей вольности»...

Нѣтъ никакой возможности въ очеркѣ, касающемся личности и дѣятельности Ровинскаго, передать хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ богатое, въ своемъ родѣ неисчерпаемое, содержаніе текста «Народныхъ картинокъ». Говоря о судебной службѣ Ровинскаго, я уже приводилъ выписки изъ этого текста, относившіяся къ судебнымъ порядкамъ старой Руси. Изъ нихъ видна уже въ достаточной мѣрѣ разносторонняя полнота этого текста. Поэтому постараюсь ограничиться лишь нѣсколькими бѣглыми замѣтками.

Основаніе всякаго общественнаго быта — *семья*. Она невозможна безъ *женщины*, и потому прежде всего идутъ у Ровинскаго картины и изслѣдованія о женщинѣ по понятіямъ XVII и XVIII вѣка. Если пришедшіе къ намъ съ Запада забавные разсказы и давали поводъ изображать женщину лишь въ юмористическомъ и откровенномъ, иногда слишкомъ откровенномъ, видѣ, то русскіе источники—«Пчела» и духовныя поученія—относятся къ ней съ упорнымъ и аскетическимъ озлобленіемъ, видя въ ней виновницу «злыхъ помысловъ» и зачастую прямое орудіе діавола. «Злая жена,— говоритъ авторъ «*Пчелы*»,—есть око дьявола, торгъ адовъ, воевода неправеднымъ, стрѣла сатанина и подобна есть перечесу: всюду болитъ и всюду свербитъ, уязвляя сердца юныхъ и старыхъ». Отецъ описываетъ сыну кокетку XVII вѣка, отправляющуюся «устрѣлять» человѣческія сердца. «Сперва она прехитро себя украшаетъ, пріятныя сандаліи обуваетъ, и лицо и выю себѣ вапами (бѣлилами) повапитъ, и черности себѣ въ очесѣхъ украситъ,—когда идетъ, ступаетъ тихо и шею слегка обращаетъ и зрѣніемъ умильно взираетъ, уста съ улыбкою отверзаетъ и всѣ составы въ прелести ухищряетъ» и т. д. Не лучше и жена лукавая и льстивая, обманывающая мужа ласками, которая въ то же время «въ оконце часто призираетъ, пляшетъ,

бедрами трясетъ, хребтомъ вихляетъ, головой киваетъ». Поэтому-то «Пчела» и заканчиваетъ свои поученія утвержденіемъ, что женщина вообще—ехидна, скорпія, левъ, аспидъ, василискъ, неправдамъ кузнецъ, грѣхамъ пастухъ и, въ заключеніе, «блудословія гостинница». Такіе отзывы находили себѣ сочувственный откликъ у нѣкоторыхъ, чья семейная жизнь сложилась не на радость—и Ровинскій указываетъ на рукопись, гдѣ противъ этихъ названій рукою удрученнаго супруга было отмѣчено: «подобное оной заповѣди моя жена Пелагея во всемъ сходство имѣетъ», а противъ слова «скорпія» особливо сказано: «и сія подобна во всемъ».

Но большинство не смотрѣло такъ мрачно на женщину и относилось къ ея «ехидству и уверткамъ» такъ же снисходительно, какъ и къ продѣлкамъ мужской братіи. Стоитъ припомнить похожденія богатырей нашихъ былинъ съ Апраксѣевной, Забавой Путятишной и другими. Кромѣ того, у народа были и другія изображенія женщинъ, рисовавшія ихъ въ образѣ великой нравственной чистоты, каково, напр., изображеніе XVII вѣка Юліаніи Лазаревской. Наконецъ, по замѣчанію Ровинскаго, «проповѣдное озлобленіе «Пчелы» и бесѣдъ противъ женщинъ не имѣло значенія въ народномъ быту; народъ глядитъ на женщину и на ея мѣсто въ домѣ гораздо проще и трезвѣе; по его *глупому разуму:* родился человѣкъ мужикомъ на свѣтъ, значитъ и слѣдуетъ ему семью завести, и работать да подати платить, пока смерть не приберетъ; складена у него въ домѣ печь, по двору хо̀дитъ корова, а въ полѣ ленъ поспѣлъ,—значитъ нужна хозяйка печь топить, корову доить и ленъ брать; да къ тому же онъ хорошо знаетъ, что и самое озлобленіе это не настоящее, а напускное, и что на дѣлѣ иной отшельникъ, пожалуй, далеко не прочь залучить въ свое уединеніе поваленнаго аспида въ пріятныхъ сандаліяхъ».

Съ реформою Петра Великаго женщина вышла изъ теремовъ и изъ-подъ постоянной опеки. Реакція была очень сильная, доходившая до крайностей въ поведеніи, въ питьѣ вина и т. п. Женщину стали учить танцамъ и «поступи нѣмецкихъ учтивствъ» (Семевскій) и ей подчасъ становилось тяжко отъ «куплиментовъ великихъ и отъ присѣданій хвоста» (Соловьевъ). Картинки отражаютъ на себѣ эту перемѣну, потомъ подпадаютъ вліянію французскихъ образцовъ—и затѣмъ надолго впадаютъ въ насмѣшливый тонъ относительно браковъ неравныхъ и по расчету, реестровъ приданому и обмановъ при бракосочетаніяхъ, практиковавшихся, главнымъ образомъ, впрочемъ, до Петра Великаго, приказавшаго женихамъ и невѣстамъ видѣться до свадьбы... Много ѣдкаго юмору слышится въ этого рода картинкахъ. Къ вопросу о женщинѣ Ровинскій обращался и въ «словарѣ гравированныхъ портретовъ». Тамъ, приведя свѣдѣнія о выдающихся русскихъ женщинахъ, указывая на тактичное и разумное президентство княгини Дашковой въ Академіи Наукъ, онъ замѣчаетъ: «какой разительный переходъ отъ домостройной женщины попа Сильвестра къ женщинѣ-президенту высшаго въ государствѣ ученаго мѣста!—и это въ то время, когда въ Европѣ начали пережовывать *праздный* вопросъ о томъ—слѣдуетъ ли допускать женщину къ высшему образованію, и можетъ ли она серьезно заниматься науками?..» По этому вопросу онъ вполнѣ присоединился къ приводимымъ имъ словамъ Каткова: «женщина по существу своему не умалена отъ мужчины; ей не отказано ни въ какихъ дарахъ человѣческой природы, и нѣтъ высоты, кото-

рая должна остаться для нея недоступною. Наука и искусство могутъ быть открыты для женщины въ той же силѣ, какъ и для мужчинъ. Свѣтъ науки черезъ женщину можетъ проникать въ сферы, менѣе доступныя для мужчины, и она можетъ своеобразно способствовать общему развитію народнаго образованія и человѣческому прогрессу. Но если мы хотимъ предоставить женщинѣ равный съ мужчиною удѣлъ въ наукѣ, то мы должны поставить и женское образованіе въ одинаковыя условія съ мужскимъ».

Плодомъ *семьи* являются *дѣти*, а ихъ надо учить. Отсюда вопросъ о взглядѣ на ученіе въ старые годы. Оно давалось не легко, и корень его, конечно, былъ «горекъ». По замѣчанію И. Е. Забѣлина, «старинная грамота являлась дѣтямъ не снисходительною и любящею нянею, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она суровымъ и сухимъ дидаскаломъ, съ книгою и указкою въ одной рукѣ и розгой въ другой. Первоначальные печатные буквари наши сопровождались изображеніемъ учителя съ розгою и увѣщаніями о пользѣ лозы». Ровинскій приводитъ картину, гдѣ прославленіе розги оканчивается воззваніемъ: «о, вразуми Боже учителемъ и родителемъ, дабы малыхъ дѣтей лозою били, благослови Боже оные лѣса и на долгія времена, гдѣ родится лоза,—малымъ дѣтямъ ко вразумленію, а старымъ мужемъ въ подкрѣпленіе». По поводу этого особеннаго лѣсохранительнаго усердія онъ замѣчаетъ, что при строгомъ господствѣ правила о томъ, что за битаго двухъ небитыхъ даютъ, въ языкѣ нашемъ даже выработалось особое свойство, по которому можно выдѣлать боевой глаголъ изъ каждаго существительнаго имени:

«Ты что тамъ уронилъ?»—спрашиваетъ буфетчикъ.

«Стаканъ»,—отвѣчаетъ половой мальчикъ.

«Ужъ я те отстаканю!»—грозитъ буфетчикъ.

«Наегорьте-ка Антошкѣ спину, мошеннику!» — приказываетъ артельный староста.

«Нутка, припонтійстимъ-ка его, братцы!»—и всѣмъ этотъ краткій, но энергическій, языкъ совершенно понятенъ.

Старинные буквари, и въ особенности посвященный «пречестнѣйшему господину Симеону Полоцкому», были весьма подробны и снабжены тщательно вырѣзанными картинками; позднѣйшіе были хуже и составлены менѣе рачительно, но зато къ нимъ прилагалось наставленіе о писаніи писемъ. Этого рода наставленія, называвшіяся *письмовниками* или *формулярниками*, были въ большомъ ходу въ XVII и XVIII вѣкѣ. Вотъ, напримѣръ, какіе образцы начала писемъ изъ формулярника начала XVIII вѣка сообщаетъ А. Ѳ. Бычковъ: а) *Отъ вдовой матери сыну:* «Отъ пустынныя горлицы вдовства смиреннаго, заклепныя голубицы, отъ смутныя утробы, отъ присныя твоея матери, отъ единородныя твоея родительницы, отъ тѣснаго ума и языка неутомительнаго, сыну моему—имрекъ». б) *Ко учителю:* «Крѣпкоумному смыслу и непоколебимому разуму, художествомъ отъ Бога почтенному, риторскаго и философскаго любомудрія до конца навыкшему, учителю моему—имрекъ». в) *Къ возлюбленной:* «Сладостной гортани словесемъ медоточнымъ, красотѣ безмѣрной, привѣту нелицемѣрному, улыбанію и смѣху полезному, взору веселому, лицу прекрасному, паче же въ православіи сіящей ластовицѣ моей златообразной—имрекъ». Въ «Народныхъ картинкахъ» помѣщенъ огромный листъ «Ариѳметики», сочиненный и выгравированный библіотекаремъ

Кипріяновымъ съ ученикомъ его Петровымъ въ 1703 году, посвященный Петру I и царевичу Алексѣю Петровичу, составляющій большую библіографическую рѣдкость. Извѣстно, что Петръ I очень хлопоталъ относительно обученія народа ариѳметикѣ, и съ этою цѣлью учредилъ въ маѣ 1714 г. ариѳметическія и геометрическія школы для дворянскихъ и приказныхъ дѣтей отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ; школы эти приказано было открывать въ архіерейскихъ домахъ и въ знатныхъ монастыряхъ, а обучающимся въ оныхъ давать, по окончаніи обученія, свидѣтельства, безъ чего, нетерпѣливый въ своемъ желаніи видѣть свой народъ знающимъ, Петръ I даже запрещалъ имъ вступать въ бракъ.

За букварями, какъ средство къ познанію окружающаго міра въ физическомъ и политическомъ отношеніи, слѣдовали различныя космографіи. Свѣдѣнія, собранныя въ этихъ сборникахъ, чрезвычайно рельефно рисуютъ наивность взглядовъ старыхъ русскихъ людей на все, что находится за рубежомъ русской земли. Въ «Народныхъ картинкахъ» содержится подробное описаніе лицевой космографіи, гдѣ, между прочимъ, *королевство французское* характеризуется тѣмъ, что «прежде крещены были отъ св. апостола Павла, нынѣ же заблудились,—люди въ немъ воинскіе храбрые, нанимаются биться по многимъ королевствамъ, зѣло невѣрны и въ обѣтахъ своихъ не крѣпки, а пьютъ много»;—про *королевство агленское* говорится, что англичане «нѣмцы купеческіе и богатые,—пьютъ же много», при чемъ, со словъ стараго нѣкоего мудреца, имъ приписываются совершенно немыслимые блудные обычаи гостепріимства, а въ *королевствѣ польскомъ* усматривается, что люди въ немъ «величавы, но всякимъ слабостямъ покорны, — вольность имѣютъ великую, паче всѣхъ земель, кралей же имѣютъ особно избранныхъ и сихъ мало слушаютъ, пьютъ же зѣло много»... Въ той же космографіи и въ различныхъ картинкахъ помѣщены извѣстія о внѣевропейскихъ государствахъ,—краткія и весьма своеобразныя, — напримѣръ: «Мазическое царство дѣвичье, а сходятся они съ Еѳіопами съ году на годъ; мужской полъ отдаютъ Еѳіопамъ въ ихъ землю, а женскій полъ оставляютъ». Далѣе, тамъ же поминаются три острова; на одномъ изъ нихъ живутъ «люди-великаны, главы у нихъ песьи»; на другомъ—«людіе, власы у нихъ видомъ львовы, велицы и страшны зѣло, въ удивленіе», а на третьемъ живутъ змѣи, «лице у нихъ дѣвическое; до пупа человѣкъ, а отъ пупа у нихъ хоботъ зміевъ, крылати, а зовомы василиски». Затѣмъ упоминаются стеклянныя горы, гдѣ живутъ «корбаты и зміи», до которыхъ доходилъ царь Александръ Македонскій и т. д. Есть и другая космографія, въ которой говорится «о людяхъ Астромовехъ, кои живутъ въ индѣйской землѣ, сами мохнаты, безъ обѣихъ губъ, а питаются отъ древа и коренія пахнучаго, и отъ яблокъ лѣсныхъ, а не ѣдятъ, не пьютъ, только нюхаютъ, и покамѣстъ у нихъ тѣ запахи есть, по та мѣста и живутъ»—и о людяхъ «Монокуляхъ объ одной ногѣ, а коли солнце печетъ, и они могутъ покрытися ногою какъ лапою» и т. д.

Свѣдѣнія о всеобщей исторіи, сообщаемыя при старыхъ картинкахъ, были въ томъ же родѣ, какъ и по космографіи, но родная исторія глубоко интересовала пріобрѣтателя картинокъ, вникавшаго сердцемъ въ значеніе изображенныхъ на нихъ событій. «Знаменитое Мамаево побоище,—говоритъ Ровинскій, на ряду съ погромомъ 1812 года,—глубоко врѣзалось въ народную память, было описано множество разъ, въ разныхъ редакціяхъ и никогда

не потеряетъ своего кровнаго интереса. Народъ хорошо понимаетъ, что это была не заурядная удѣльная рѣзня,—изъ-за добычи или оскорбленнаго самолюбія, а битва народная, на смерть,—за родную землю, за русскую свободу, за женъ и дѣтей, за все, что было русскому человѣку и свято, и дорого; вотъ почему слово о Мамаевомъ побоищѣ имѣетъ для него такой глубокій интересъ, и почему на это событіе сдѣлана и самая громадная изъ всѣхъ народныхъ картинокъ (почти трехъ-аршиннаго размѣра), въ четырехъ разныхъ видахъ, съ большимъ, пространнымъ текстомъ. Наши ученые обвиняютъ составителя слова о Мамаевомъ побоищѣ въ томъ, что онъ подражалъ въ описаніяхъ своихъ Слову о полку Игоревѣ и притомъ не всегда удачно; отчасти это и правда: нѣтъ сомнѣнія, что автору Мамаева сказанія было хорошо извѣстно Слово о полку Игоревѣ, и что это послѣднее въ литературномъ отношеніи несравненно выше сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, но для народа оно не представляетъ особаго интереса ни по описанному въ немъ событію, ни по обилію поэтическихъ хитросплетеній, не всегда понятныхъ для неграмотнаго люда. Мамаево побоище, напротивъ того, написано языкомъ простымъ и понятнымъ для народа; разсказъ о событіи въ немъ безхитростный, полный интереса и Верещагинской правды. Сколько разъ случалось мнѣ въ былое время слышать чтеніе этого *побоища* въ простонародьѣ; читаетъ полуграмотный парень чуть не по складамъ: братцы, по-сто-имъ за зем-лю рус-скую... ря-домъ ле-жатъ кня-зья Бѣ-ло-зер-скіе... у-битъ... у-битъ... — кажется, что тутъ за интересъ въ разсказѣ, а всѣ какъ одинъ, и старый и малый, навзрыдъ плачутъ...»

Послѣ «Мамаева побоища» картинки историческаго содержанія появляются при императрицѣ Елисаветѣ, побѣды которой надъ Пруссіей, очевидно, сильно заинтересовали народъ, инстинктивно понимавшій ихъ возможное для будущаго значеніе. Затѣмъ уже народный рѣзецъ въ большей или меньшей степени отзывался во всѣ историческія событія и далъ, наконецъ, богатѣйшее собраніе лубочныхъ каррикатуръ на Наполеона и на его походъ 1812 г. Подробному разбору и описанію этихъ каррикатуръ посвящена Ровинскимъ цѣлая глава въ пятомъ томѣ его текста, представляющая чрезвычайно интересный и богатый по своимъ даннымъ этюдъ объ отечественной войнѣ, о главныхъ ея дѣятеляхъ, запечатлѣвшихся въ народныхъ воспоминаніяхъ, о взятіи и сожженіи Москвы, о партизанахъ Фигнерѣ, Сеславинѣ и Денисѣ Давыдовѣ. Въ этомъ этюдѣ Ровинскій живыми красками изображаетъ взглядъ народа на нашествіе Наполеона и подвергаетъ тонкому психологическому разбору настроеніе и чувства простого русскаго человѣка при извѣстіи о гибели Москвы, о поруганіи ея храмовъ. Глубокая любовь къ родинѣ слышится въ горячихъ строкахъ его.

Историческія событія волновали народную жизнь лишь по временамъ; въ картинкахъ по поводу ихъ отражались его взгляды на цѣлость русской земли, на свойства и значеніе воинскихъ подвиговъ и успѣховъ, при чемъ эти картинки были подчасъ, такъ сказать, подсказываемы внѣшними обстоятельствами, громомъ побѣдъ или радостью отъ прошедшей опасности, грозившей тому, что дорого и свято. Но вкусы народа, но его идеалы, его мечты и размахъ его фантазіи, сказывались не въ историческихъ листахъ, а въ картинкахъ, иллюстрировавшихъ житія, легенды, сказки и былины. Ихъ значеніе огромно, ибо народъ надо судить и понимать по его вкусамъ

и идеаламъ, а не по измѣнчивымъ, часто созданнымъ независящими отъ него обстоятельствами, нравамъ его. Ровинскій собралъ и изучилъ множество картинокъ, относящихся именно къ этому предмету. Почти два огромныхъ тома и значительная часть «заключенія» въ пятомъ томѣ посвящены имъ этого рода картинкамъ. Опираясь на выводы А. Н. Пыпина и В. В. Стасова, онъ даетъ цѣлое историческое изслѣдованіе о происхожденіи, пріемахъ и образахъ произведеній русскаго эпоса въ сравненіи съ западнымъ и восточнымъ, характеризуетъ животный эпосъ и народный взглядъ на силы природы. Въ рядѣ картинъ и подробныхъ къ нимъ объясненій проходятъ русскіе богатыри, родные и заимствованные изъ иноземныхъ повѣстей герои сказокъ, но почти всѣ, однако, со своею повадкою и особенностями, въ которыхъ «русскій духъ» и «Русью пахнетъ»; проходитъ излюбленный русскими сказителями «Иванушка дурачокъ», который очень и очень «себѣ на умѣ»; пролетаютъ фантастическія птицы—гарпія, съ лицомъ человѣка и крыльями летучей мыши,—райская птица Сиринъ, коей «гласъ въ пѣніи зѣло силенъ», и Алконостъ, которая «егда въ пѣніи гласъ испущаетъ, тогда и самое себя не ощущаетъ, а кто по близости ея будетъ, тотъ все въ мірѣ семъ забудетъ...»;—проѣзжаетъ баба-яга на крокодилѣ, представленномъ наивнымъ художникомъ съ людскимъ лицомъ, обезьяньими лапами и пушистымъ хвостомъ.

На народныхъ картинкахъ всѣ твари и даже растенія разговариваютъ съ человѣкомъ, и Ровинскій дѣлаетъ любопытныя замѣчанія, возражая Аѳанасьеву и другимъ приверженцамъ миѳической теоріи, по которой разговоръ этотъ и самыя похожденія героевъ и богатырей имѣютъ иносказательное миѳическое значеніе. «Въ нашихъ лицевыхъ сказкахъ,—говоритъ онъ,—и въ забавныхъ листахъ не видно и тѣни миѳическихъ или стихійныхъ значеній; наши картинки—поздняго происхожденія, и герои, изображенные въ нихъ, вполнѣ реальны; ходитъ ли, напримѣръ, по ночамъ змѣй или звѣрь къ женщинѣ, уноситъ ли ее драконъ,—сказка такъ и разумѣетъ дѣйствительнаго змѣя или дракона, не предполагая при этомъ ни метафоры, ни олицетворенія какой-либо стихіи. Точно такъ служатъ богатырямъ Еруслану и Ильѣ Муромцу и разговариваютъ съ ними вѣрные ихъ кони, съ Иваномъ-царевичемъ сѣрый волкъ, а къ пьяницамъ держитъ рѣчь высокая голова хмель. У человѣка, постоянно обращающагося съ природой, все составляющее его обиходъ живетъ и разговариваетъ. Залаетъ собака, напримѣръ, и привычный хозяинъ понимаетъ, что̀ сказывается въ ея лаѣ; онъ хорошо знаетъ, чего добивается, мурлыча и бурча около него, Котофей Ивановичъ; зачѣмъ прилетѣли—сорока-воровка и воронъ-вороновичъ, и отчего реветъ лѣсной Михайло Ивановичъ и кричитъ домашняя коза Машка. Онъ олицетворяетъ ихъ какъ неизмѣнныхъ своихъ товарищей и переводитъ ихъ лай, ревъ и мурлыканье на свой человѣческій языкъ. Простой человѣкъ и видитъ, и думаетъ цѣлыми картинками; *гребнемъ* стоитъ передъ нимъ лѣсъ, *полотенцемъ* растянулась рѣка, громовыя тучи несутся въ видѣ какихъ-то невѣдомыхъ великановъ, и все это и вчера, и сегодня, помимо всякаго до-историческаго развитія, а потому естественно, что онъ чутьемъ чуетъ, что около него нѣтъ ничего мертваго. Прочтите у старика Аксакова дѣтскіе годы Багрова,—вѣдь у него лѣсъ какъ живой человѣкъ стонетъ, дерево подъ топоромъ плачетъ».

Сказки даютъ ему поводъ коснуться самихъ сказочниковъ и привести интересныя личныя наблюденія и воспоминанія. Такъ, говоря о такъ называемыхъ *понукалкахъ* при царскихъ сказочникахъ, онъ замѣчаетъ, что видѣлъ такихъ же понукалокъ не разъ при бродячихъ пѣвицахъ-импровизаторшахъ въ Андалузіи, Египтѣ и Индіи, помогающихъ имъ не остыть въ жару импровизаторства. Указывая на рѣдкость хорошихъ сказочниковъ, на необходимость для нихъ огромной памяти и искусства «крошить и перемѣшивать сказки, такъ чтобы слушателю было невдомекъ, новую ли онъ слышитъ сказку, или только старую погудку на новый ладъ»,—Ровинскій вспоминаетъ , что у его родителей въ домѣ была такая сказочница ·Марья Максимовна. «У нея въ памяти держался огромный запасъ отдѣльныхъ сказочныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ она выдѣлывала сотни сказокъ, измѣняя имена собственныя и вставляя по временамъ присказки и прибаутки». Такой же процессъ происходитъ, по мнѣнію Ровинскаго, и при передачѣ былины: опытные сказители включаютъ въ былины свои не только новые, слышанные ими, разсказы, но зачастую вставляютъ въ нихъ цѣлые эпизоды изъ книжной литературы, подвергая ихъ при этомъ полной переработкѣ на русскіе нравы. «Въ долгіе зимніе вечера наши,—прибавляетъ онъ,—на бойкомъ постояломъ дворѣ за свѣтлымъ чайкомъ, да и въ трактирчикѣ на торномъ мѣстѣ, за стаканчикомъ зеленаго винца, такихъ сказочниковъ и нынче еще найти можно». Этимъ-то сказочникамъ и обязаны мы сохраненіемъ большинства нашихъ русскихъ сказокъ, которыя долгое время переходили у нихъ изъ устъ въ уста; только въ концѣ XVII вѣка начали онѣ заноситься въ рукописные сборники, а съ половины XVIII вѣка стали переходить въ печать. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить на картинкахъ внѣшняго вліянія Запада въ изображеніи коренныхъ русскихъ богатырей, скопированныхъ прямо съ иностранныхъ и преимущественно французскихъ образцовъ. Такъ, напримѣръ, въ одной лицевой сказкѣ Илья Муромецъ представленъ въ видѣ западнаго рыцаря; на отдѣльной картинкѣ Илья изображенъ вмѣстѣ съ Соловьемъ-разбойникомъ: оба они на коняхъ въ французскихъ кафтанахъ XVIII вѣка, въ длинныхъ завитыхъ парикахъ и ботфортахъ. Но свое, родное, брало все-таки верхъ, и въ этомъ отношеніи гораздо замѣчательнѣе изображеніе Соловья-разбойника верхомъ на пряничномъ конькѣ, въ одеждѣ древняго русскаго воина, въ двубортномъ кафтанѣ съ нашивными петлями и въ круглой шапочкѣ (тафьѣ) съ перомъ.

Въ разнообразныхъ легендахъ особенно сильно выразилась добрая и склонная къ милосердію натура русскаго человѣка; въ нихъ отразилось ярко и образно также и его религіозное чувство. У Ровинскаго этотъ отдѣлъ чрезвычайно богатъ и такъ разносторонень, что можетъ быть предметомъ глубокаго изученія самъ по себѣ, независимо и отдѣльно отъ всего остальнаго въ книгѣ. Страшный судъ во всевозможныхъ видахъ, хожденіе св. Ѳеодоры по мытарствамъ, легенды о Георгіи Побѣдоносцѣ и Николаѣ Чудотворцѣ смѣняютъ другъ друга, раскрывая не только поэтическія и простодушныя религіозныя представленія народа о загробной жизни, но и его взгляды на правильныя стези жизни земной, въ которой онъ такъ часто окруженъ искушеніями и наущеніями бѣсовъ, между которыми есть даже спеціальный, носящій названіе «Замкни-Калита» и мѣшающій творить милостыню. Особенно трогательны легенды о заступничествѣ Богородицы предъ Сыномъ за грѣш-

ное человѣчество. Она всегда плачетъ о немъ и предстательствуетъ за него на страшномъ судѣ. На двухъ картинкахъ, между прочимъ, изображено и разсказано, какъ нѣкій разбойникъ, вздумавши помолиться предъ иконою Богородицы, вдругъ увидѣлъ, что икона движется, и что отъ рукъ и ногъ младенца Христа истекаетъ кровь; тогда онъ сталъ еще сильнѣе молиться Богородицѣ и просить ее, чтобы заступилась за него предъ своимъ Сыномъ. Богородица начала молить Спасителя помиловать грѣшника, сперва ради ея любви, потомъ ради болѣзней, которыя она претерпѣла, видя его страданія на крестѣ и т. д., но на всѣ эти просьбы Спаситель отвѣчалъ отказомъ. Тогда Богоматерь составила Спасителя съ рукъ своихъ на землю и хотѣла припасть къ ногамъ Его съ молитвой, но этого не допустилъ Христосъ и далъ свое прощеніе грѣшнику, который послѣ такого чуда «поживе богоугодно»...

Обширное собраніе изображеній грѣховнаго человѣка заключается картинками, названными «духовная аптека» и «быліе, врачующее отъ грѣховъ». Въ нихъ замысловато указывается, какъ излѣчить себя отъ скверны грѣха. «Старецъ нѣкій вниде во врачебницу,—гласитъ подпись подъ ними,—и рече ему врачъ: кую потребу, отче, имѣя вшелъ еси семо? Отвѣча старецъ: есть ли у тебя быліе, врачующее грѣхи? Глаголетъ ему врачъ: аще требуеши, покажу ти его: возьми корень нищеты духовныя, на немъ же вѣтви молитвенныя процвѣтаютъ цвѣтомъ смиренія, изсуши его постомъ воздержанія, изотри его терпѣливымъ безмолвіемъ, просѣй ситомъ чистой совѣсти, посыпь въ котелъ послушанія, налей водою слезною, накрой покровомъ любви и подпали теплотою сердечною, и разжегши огнь молитвы, подмѣшай капусты благодаренія, и упаривши довольнымъ смиреномудріемъ, влей на блюдо разсужденія, довольно простудивши братолюбіемъ, и часто прикладай на раны сердечныя и тако уврачуеши болѣзни душевныя отъ множества грѣховъ».

Гораздо менѣе разнообразенъ отдѣлъ *сатирическихъ* картинокъ. Замѣчательно, что къ нимъ прибѣгало иногда само правительство, съ цѣлью осмѣять упорство противъ какой-либо своей, уже принятой или только еще подготовлявшейся, мѣры. Такъ, Екатерина II приказала пустить въ народъ картинку, изображавшую «челобитную калязинскихъ монаховъ», съ цѣлью подготовить его къ знаменитому указу объ отобраніи монастырскихъ земель и имуществъ,—картинку, заимствованную изъ рукописи XVIII вѣка и представляющую ядовитую сатиру на несогласные съ монастырскою жизнью обычаи, которые хотѣла подчеркнуть императрица. Она, впрочемъ, прибѣгала къ народнымъ картинкамъ и не съ цѣлью сатиры. Такъ, по ея распоряженію изданъ рядъ такихъ картинокъ для объясненія значенія прививки коровьей оспы и для подготовленія народа къ этой санитарной мѣрѣ... Ко временамъ Петра Великаго относится сатирическая картинка: «цырюльникъ хочетъ раскольнику бороду стричь». Она являлась дополненіемъ къ тѣмъ рѣшительнымъ мѣрамъ крутого преобразователя, которыя вызывали въ раскольникахъ ожесточенное упорство, несмотря на трактатъ св. Димитрія Ростовскаго «объ образѣ и подобіи Божіемъ въ человѣцѣ» и рядъ указовъ о брадобритіи. Картинка эта, по замѣчанію Ровинскаго, въ ходъ не пошла, раскольники бородъ себѣ не брили, а съ радостію записывались въ двойной окладъ и покупали себѣ «антихристово клеймо», избавлявшее ихъ отъ дальнѣйшихъ притѣсненій. По этому поводу онъ, дѣлая обзоръ мѣръ, принятыхъ

противъ раскольниковъ въ борьбѣ съ ними Петра I, высказываетъ свой широкій и свѣтлый взглядъ на вѣротерпимость...

Сурово и страстно гонимые Петромъ I, несогласно съ нимъ мыслящіе въ народѣ мстили ему по-своему и въ области народныхъ картинокъ, пустивъ по лицу земли русской одну изъ популярнѣйшихъ и выдержавшихъ безчисленное множество изданій картинъ: «мыши кота погребаютъ», въ древнѣйшихъ экземплярахъ которой даже обозначенъ точно мѣсяцъ, день и часъ смерти великаго преобразователя и помѣщены прозрачные намеки на многія подробности изъ его домашней жизни.

Къ народнымъ сатирическимъ картинкамъ должны быть отнесены изображенія нашихъ старыхъ, неправыхъ и произвольныхъ судебныхъ порядковъ, краснорѣчиво описанныхъ въ Шемякиномъ судѣ и въ повѣсти о Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ. Объ этихъ порядкахъ я говорилъ подробно уже выше.

Веселье народа, его развлеченія и праздники составили въ собраніи Ровинскаго собый отдѣлъ, богатый замѣчаніями по личнымъ наблюденіямъ автора. За описаніемъ и изображеніемъ «широкой масленицы» и «семика» слѣдуетъ подробный разсказъ о кулачныхъ бояхъ, о ихъ пріемахъ и правилахъ («лежачаго не бьютъ»!) и объ уцѣлѣвшихъ въ народной памяти герояхъ этой почти уже исчезнувшей повсюду на Руси забавы. Точно такъ же остается лишь въ воспоминаніяхъ приходъ вожака съ медвѣдемъ, еще недавно составлявшій эпоху въ глухой деревенской жизни. «Все бѣжало къ нему навстрѣчу,—разсказываетъ Ровинскій списывая, какъ говорится въ выноскѣ, съ натуры,—и старый и малый; даже бабушка Онуфріевна, которая за немоготою уже пятый годъ съ печки не спускалась, и та бѣжитъ. «Ты куда это, старая хрычевка?» кричитъ ей вслѣдъ баринъ... «Ахъ батюшки,—прихлебываетъ старуха,—такъ ужъ медвѣдя-то я и не увижу?» и сѣменитъ далѣе». Разсказу о томъ, какъ «Михайло Ивановичъ», по образному описанію Пушкина, «и тяжко пляшетъ, и реветъ, и цѣпи ржавыя грызетъ», Ровинскимъ посвящено нѣсколько живыхъ страницъ, взятыхъ изъ личныхъ наблюденій и записей, при чемъ изъ исторіи этого народнаго развлеченія онъ приводитъ, между прочимъ, оригинальный фактъ, что для любительницы медвѣжьей пляски императрицы Елисаветы мохнатыхъ танцоровъ обучалъ въ Александро-Невской лаврѣ келейникъ Карповъ, доносившій въ 1754 г., что одного медвѣдя онъ выучилъ ходить на заднихъ лапахъ даже и въ платьѣ, а «другой медвѣденокъ къ наукѣ *непонятенъ* и весьма сердитъ». Много личныхъ наблюденій внесено и въ передачу присказокъ раешниковъ, живой и самородный юморъ которыхъ подвергся почти полному ограниченію «въ видахъ умягченія народныхъ сердецъ и дальнѣйшаго очищенія нравственности», какъ съ ироніей замѣчаетъ Ровинскій. Точно такъ же полно личныхъ наблюденій автора и живое описаніе знаменитаго «Петрушки» и послѣдовательнаго хода представляемой имъ своеобразной и столь любезной народу трагикомедіи.

Народное развлеченіе, въ большинствѣ случаевъ, неразлучно съ зеленымъ виномъ. Даже отплясавшему медвѣдю, а не только его поводырю, подносили чарочку. Но, разбирая упреки, щедро раздаваемые иностранцами русскому человѣку за пьянство, и показывая ихъ лицемѣрную сторону, Ровинскій, вѣрный своей сострадательной любви къ народу, говоритъ: «почему жъ бы русскому человѣку и не выпить? По словамъ космографіи, въ

странѣ, гдѣ онъ живетъ, «мразы бываютъ великіе и нестерпимые»; ну и «моменты» бываютъ въ его жизни тоже некрасивые: въ прежнее время, напримѣръ, въ безшабашную солдатчину отдадутъ на двадцать пять лѣтъ, до калѣчной старости; или пожаръ село вымететъ, самому ѣсть нечего, а подати круговой порукой выколачиваютъ; или самъ охотой отъ такой поруки въ бурлаки закабалится и т. п. Много духовной силы надо, чтобы устоять тутъ передъ могущественнымъ хмелемъ: «пей, забудешь горе», поетъ пѣсня. «Азъ есмь хмель высокая голова, болѣе всѣхъ плодовъ земныхъ»,—говоритъ о себѣ хмель въ народной картинкѣ,—«силенъ и богатъ, добра у себя никакого не имѣю, а имѣю ноги тонки и утробу прожорливую; а руки мои обдержатъ всю землю». По замѣчанію Ровинскаго, въ сущности русскій человѣкъ пьетъ меньше иностранца—да только пьетъ онъ рѣдко и на тощій желудокъ, потому и пьянѣетъ скорѣе и напивается чаще противъ иностраннаго. Притомъ отрезвляющій голосъ церковныхъ поученій противъ пьянства не могъ никогда получить настоящей силы, такъ какъ откупная система съ Ивана IV и Бориса Годунова вошла на долгіе годы въ дѣйствіе на Руси. Съ этого времени кабацкіе головы и цѣловальники выбирались особо для продажи вина и цѣловали крестъ «пріумножать кабацкіе доходы» и собирать за вино деньги «съ прибылью противъ прошлаго лѣта», при чемъ имъ было разрѣшено «дѣйствовать безстрашно, за прибыль ожидать милости и въ томъ приборѣ никакого себѣ опасенія не держать», а главное «питуховъ не отгонять»,—что они и исполняли въ точности...

Затѣмъ и народная музыка, и пляска, изображенныя на лубочныхъ картинкахъ, нашли себѣ въ Ровинскомъ подробнаго описателя,—такъ же, какъ и разные виды театральныхъ представленій, начиная съ комедій при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ родѣ: «малой прохладной комедіи о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ о Іосифѣ», и кончая *интерлюдіями* XVIII вѣка — съ ихъ сюжетами весьма нескромнаго свойства. При этомъ онъ останавливается съ особою подробностью на цыганскомъ пѣніи и пляскѣ, издавна представлявшихъ особую, притягательную прелесть для русскаго человѣка всѣхъ слоевъ общества. «Цыгане,—говоритъ онъ,—составляли необходимую принадлежность всякаго народнаго гулянья: въ Сокольникахъ, Марьиной рощѣ, подъ Новинскимъ—они пѣли и плясали публично на эстрадѣ, какъ для благородныхъ особъ, такъ и для «подлаго народа». Оригинальная манера ихъ пѣнія и пляски, необыкновенная вѣрность слуха, гармоническій строй голосовыхъ аккордовъ, мягкость и грація женскихъ одиночныхъ голосовъ, рядомъ съ неподдѣльнымъ ухарствомъ могучаго хора,—приводили въ безумный восторгъ не однихъ подпившихъ гулякъ: знаменитая Каталани восхищалась пѣніемъ цыганки Стеши; Листъ, а по его примѣру и другія музыкальныя свѣтила, посѣщали московскіе таборы и восхищались цыганскимъ пѣніемъ. Что увлекаетъ въ этомъ пѣніи и пляскѣ,—это рѣзкіе и неожиданные переходы отъ самаго нѣжнаго піаниссимо къ самому разгульному гвалту. Выйдетъ, напримѣръ, знаменитый Илья Соколовъ на середину съ гитарой въ рукахъ, мазнетъ раза-два по струнамъ, да запоетъ какая-нибудь Стеша или Саша, въ сущности, преглупѣйшій романсъ, но съ такою нѣгою, такимъ чистымъ груднымъ голосомъ,—такъ что всѣ жилки переберетъ въ васъ. Тихо, едва слышнымъ, томнымъ голосомъ замираетъ она на послѣдней нотѣ своего романса... и вдругъ, на

ту же ноту, разомъ обрывается весь таборъ, съ гикомъ, гамомъ, точно постройка надъ вами рушится: взвизгиваетъ бойкая Любашка, оретъ во всю глотку Терешка, гогочетъ безголосая старуха Фроська... Но поведетъ глазами по хору Илья, щипнетъ аккордъ по струнамъ,—въ одно мгновеніе настаетъ мертвая тишина, и снова начинаются замиранія Стеши...»

«Въ пляскѣ та же манера,—продолжаетъ онъ: если танцуютъ двое мужчинъ, то одинъ изъ нихъ, обыкновенно старый и толстый, стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ будто совсѣмъ не пляшетъ, а такъ просто пошевеливаетъ плечами, повертываетъ въ рукѣ шляпу, изрѣдка притоптывая одною ногою, какъ будто подзадориваетъ своего молодого товарища, который, съ крикомъ и гиканьемъ, носится около него метелицей и разсыпается мелкимъ бѣсомъ. Точно такъ и въ женской пляскѣ: если пойдетъ плясать, напримѣръ, граціозная и молоденькая цыганка, то вслѣдъ за ней выскакиваетъ, точно дикій звѣрь, старая растрепанная цыганка, съ судорожными подергиваніями носится она по эстрадѣ, вскрикиваетъ, взвизгиваетъ, срываетъ съ себя платокъ и останавливается, какъ вкопанная, на послѣднемъ взрывѣ табора».

Наконецъ, обширный отдѣлъ посвященъ у Ровинскаго — шутамъ, шутихамъ и юродивымъ, а въ заключеніе онъ, самъ горячій любитель странствовать, описываетъ народныя паломничества, дѣлая массу цѣнныхъ указаній изъ народнаго и церковнаго быта.

Таковы, въ самыхъ поверхностныхъ, отрывочныхъ и мимолетныхъ чертахъ «Русскія народныя картинки». Вглядываясь и вчитываясь въ нихъ, точно изслѣдуешь какую-то богатую руду, которая раскидывается все дальше и дальше вглубь и вширь, обнаруживая въ Ровинскомъ громадное богатство,—богатство всевозможнаго знанія, опыта и постоянной, стойкой и нѣжной любви къ родинѣ и своему народу. Въ одномъ изъ сочиненій историка Соловьева выражена прекрасная мысль, что народъ любитъ ставить памятники своимъ замѣчательнымъ людямъ,—но жизнь и дѣятельность выдающихся людей есть памятникъ, поставленный ими своему народу. Можно безъ преувеличенія сказать, что трудомъ, положеннымъ въ «Словарь» и «Народныя картинки», Ровинскій поставилъ памятникъ своему народу, вложивъ въ постройку его силу своего разносторонняго ума и теплоту своего, вѣрящаго въ народъ, сердца.

Личность Ровинскаго сказывается, наконецъ, и въ изданной имъ въ 1892 г. книгѣ—*«Василій Григорьевичъ Перовъ. Его жизнь и произведенія»*, состоящей изъ прекрасной біографіи художника, написанной Н. П. Собко, и изъ 60 фототипій съ картинъ Перова. Для изданія произведеній кого-либо изъ выдающихся русскихъ художниковъ Ровинскому представлялся большой выборъ. Такое изданіе могло бы подавлять изображеніемъ тяжкихъ сценъ изъ боевой жизни,—могло бы ласкать глазъ изящною правдивостью въ передачѣ полотну переливовъ свѣта на мѣхахъ, матеріяхъ и украшеніяхъ,—могло бы представлять тѣ жанровыя сцены, гдѣ «сквозь видимый смѣхъ слышатся незримыя слезы» и гдѣ глубоко-трагическое существо заключено въ рамки какого-нибудь оригинальнаго житейскаго явленія... Но онъ не останавливается на этихъ произведеніяхъ. Цѣнитель, знатокъ и изслѣдователь народной жизни, онъ не любилъ ничего кричащаго, бьющаго на эффектъ или исключительнаго. Простая русская жизнь, въ ея обычномъ

скромномъ теченіи, болѣе привлекала его, ибо болѣе просто и правдиво отражала собою натуру русскаго человѣка. Живописателемъ именно такой жизни былъ Перовъ. Его простая, безхитростная, полная стремленія къ самоусовершенствованію натура, его скромная жизнь должны были привлечь къ себѣ чуткое вниманіе и симпатіи Ровинскаго. Еще большее вліяніе должны были имѣть на послѣдняго художественныя произведенія Перова. Въ нихъ, какъ въ живописномъ калейдоскопѣ, проходитъ повседневная, небогатая красками и впечатлѣніями, но близкая русскому сердцу, родная жизнь съ ея семейными радостями и горестями, неизбѣжными драмами, особенностями и увлеченіями.

Наивное торжество всей семьи чиновника, получившаго *первый чинъ*, съ восхищеніемъ созерцающей самого виновника этого торжества въ моментъ примѣриванія впервые надѣваемаго вицмундира; — добродушное самодовольство художника-любителя изъ «бурбоновъ»; трогательная встрѣча слѣпымъ отцомъ вернувшейся домой дочери-институтки — смѣняются *проводами покойника*, кормильца семьи, при чемъ отъ перевязаннаго веревками гроба на розвальняхъ, отъ беззаботныхъ дѣтскихъ фигуръ, пріютившихся по сторонамъ его, отъ всей сгорбленной нуждою и горемъ фигуры вдовы и отъ мрачнаго, грозящаго снѣжною бурею, неба — вѣетъ настоящею, глубокою кручиною и сиротствомъ. Вотъ, затѣмъ, возвращеніе съ похоронъ цѣлой крестьянской семьи, по членамъ которой видно, что опустили въ землю молодую и надежную опору стариковъ;—вотъ пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ, гдѣ ее встрѣчаетъ *самъ*, облеченный въ халатъ, съ чадами и домочадцами,—и бѣдная дѣвушка стоитъ, вынимая дрожащими руками изъ ридикюля какое-то письмо, подъ перекрестнымъ огнемъ надменныхъ, черствыхъ, враждебныхъ и похотливыхъ взглядовъ, а гдѣ-то за предѣлами картины чуется безысходная нужда и бѣдная больная мать и братишка или сестренка, которыхъ надо воспитать... Вотъ, наконецъ, родители Базарова на могилѣ «страстнаго, бунтующаго сердца», пришедшіе, «поддерживая другъ друга, отяжелѣвшею походкой»—и затѣмъ они же, каждый въ отдѣльности, лицомъ къ зрителю, на колѣняхъ, полные «святой, преданной любви», «долго и горько плачущіе, долго и внимательно смотрящіе на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ»... Какъ выразительна затѣмъ обстановка двухъ арестантовъ въ «*Судѣ станового*» и въ «*Отпѣтомъ*»,—какъ много говоритъ и обѣщаетъ въ будущемъ лицо послѣдняго, напоминающаго ястреба съ перешибленнымъ крыломъ, — какой эпилогъ изъ неизвѣстной, таинственной повѣсти изображенъ въ фигурахъ вытащенной утопленницы и городового, покуривающаго надъ нею раннимъ осеннимъ утромъ, скрывающимъ въ клубахъ тумана башни и церковныя главы Кремля!..

И тѣсно переплетенный съ жизнью народа бытъ духовенства далъ краснорѣчивый матеріалъ Перову,—начиная съ деревенскаго крестнаго хода, монастырской трапезы, проповѣди въ сельской церкви, которую слушаютъ, плохо понимая, крестьяне, и не слушаютъ вовсе господа, отдаваясь сну или любовной болтовнѣ,—и кончая трогательною, несмотря на весь свой реализмъ, идилліею, названною имъ «Рыбаки», представляющею сельскаго священника и дьякона, по поясъ въ водѣ тянущихъ неводъ съ рыбою... Въ массѣ бытовыхъ картинокъ и чудесныхъ портретовъ изобразилъ Перовъ русскую жизнь и многихъ ея выдающихся людей,—а его знаменитые *Птице-*

ловъ, *Рыболовъ*, *Охотники на привалѣ*, вмѣстѣ съ *Голубятникомъ* и *Гитаристомъ*, представляютъ цѣлую серію страстныхъ увлеченій русскаго человѣка. Онъ далъ, наконецъ, въ трехъ различныхъ изображеніяхъ пугачевщины и картину русскаго бунта, «безсмысленнаго и безпощаднаго»... Истинный національный художникъ не только по своимъ сюжетамъ, но и по проникающему ихъ выполненіе чувству глубокой и нѣжной, хотя и чуждой всякой сентиментальности любви къ русскому человѣку, Перовъ имѣетъ душевное сродство съ Ровинскимъ. То, что именно Перова облюбовалъ Ровинскій для художественной пропаганды среди небогатой публики, даетъ возможность заглянуть и въ собственный внутренній міръ Ровинскаго, міръ его вкусовъ и привязанностей...

VI.

Отзывчивая и многосторонняя натура Ровинскаго всегда и всюду выдвинула бы его изъ среды людей «обще-утвержденнаго» образца и создала бы ему особое, своеобразное и замѣтное мѣсто. Его оригинальная личность не могла не оставлять своего слѣда на всемъ, къ чему она ни прикасалась. Онъ былъ и по физической, и по нравственной своей природѣ похожъ на кремень, который, при каждомъ сильномъ прикосновеніи къ нему, сыпалъ искры. Ихъ нельзя было бы не видѣть... Но, быть-можетъ, живыя проявленія этой натуры выразились бы и сложились въ значительной степени иначе, если бы судьба не заставила Ровинскаго провести всю молодость и зрѣлые годы въ Москвѣ, тогда еще не принявшей той практической окраски, въ которой такъ сильно чувствуется господство разбогатѣвшаго полуобразованія. Когда старая Москва сороковыхъ годовъ приняла его въ свои нѣдра и ввела въ свои кружки, русская исторія, въ живыхъ памятникахъ и воплощеніяхъ и народный бытъ со всѣми своими особенностями—охватили его со всѣхъ сторонъ. Онъ отдался имъ со всею своею страстностью и съ неутолимою жаждою знанія. Все свободное свое время сталъ онъ посвящать изученію народной жизни и искусства. Служба развертывала предъ нимъ уголовную лѣтопись этой жизни, съ ея мрачными, печальными или тревожными страницами;—арестантъ, съ которымъ онъ по должности былъ въ частомъ и не формальномъ только общеніи, представлялъ передъ нимъ многочисленныя разновидности русскаго человѣка, по собственной винѣ или по несчастно сложившимся обстоятельствамъ попавшаго въ бѣду, а разностороннія занятія стряпчаго и губернскаго прокурора дали ему возможность заглянуть въ тѣ стороны общественнаго быта, которыя слагались помимо, а иногда даже и вопреки бюрократическихъ схемъ и указокъ.

Много лѣтъ подъ рядъ онъ предпринималъ странствованія по городамъ, селамъ и проселочнымъ дорогамъ всей центральной и восточной Россіи, скромно одѣтый, непритязательный, съ самымъ лишь необходимымъ багажомъ. Чрезвычайная выносливость, крѣпкое здоровье и огромная физическая сила облегчали ему эти странствованія, давая возможность смѣло и беззаботно проникать во многіе интересные захолустные уголки, гдѣ еще била ключомъ настоящая, безъ всякой «городской» примѣси, и не развращенная фабрикою народная жизнь. Каждое такое путешествіе обогащало его свѣдѣніями и пополняло его собранія, такъ что онъ могъ, подобно нѣмецкому

писателю и этнографу Рилю, съ полнымъ правомъ сказать: «Ich habe meine Bücher erwandert»,—я «выходилъ» мои книги. Сохранилось много разсказовъ о тѣхъ странныхъ, а иногда и комическихъ положеніяхъ, въ которыхъ оказывался извѣстный далеко за предѣлами Москвы губернскій прокуроръ, заподозрѣнный по поводу своихъ хожденій и разспросовъ мѣстными властями или вынужденный прибѣгать къ заимообразной помощи у недоумѣвающаго губернскаго начальства. Онъ самъ, впослѣдствіи, съ любовью вспоминалъ эти странствія и воскресныя путешествія съ Сѣтуни въ Бутырки, гдѣ помѣщался тюремный замокъ, говоря шутливо: «и я, въ свое время, занимался *хожденіемъ въ народъ»*...

Благодаря этому хожденію, онъ проницательнымъ умомъ вникъ въ жизнь простого народа, чуткимъ сердцемъ понялъ его радости и перечувствовалъ его страданія, возлюбилъ его юморъ, его удаль, его доброту и простилъ ему его разгулъ. Онъ подмѣтилъ въ народѣ то, чего, по словамъ поэта, «не пойметъ и не оцѣнитъ гордый взоръ иноплеменный». Вращаясь среди народа, онъ отрѣшился отъ условности и изнѣженности свѣтской жизни — и «опростился» въ собственномъ образѣ жизни. Простая и даже бѣдная обстановка его жилища, скромная одежда, самая непритязательная пища,—стали обычною принадлежностью его домашняго быта. Только нездоровье или необходимость взять съ собою что-нибудь очень тяжелое заставляли его пользоваться услугами извозчика,—только очень длинное разстояніе за городомъ вынуждало его нанять простую крестьянскую телѣжку. Простота и веселая непринужденность его обращенія невольно привязывали къ нему всѣхъ, кто имѣлъ къ нему дѣло или былъ ему подчиненъ. Свой завѣтъ судебнымъ слѣдователямъ въ 1860 году: «будьте прежде всего людьми, а потомъ уже *чиновниками»*—онъ осуществлялъ вполнѣ наглядно на самомъ себѣ. Поэтому внѣшнія отличія, чины и ордена не только не волновали его завистливою радостью, но даже тревожили его своимъ вліяніемъ на молодежь. Онъ не разъ выражалъ горячее сочувствіе къ тѣмъ 25 членамъ комиссіи, которые, при начертаніи Судебныхъ Уставовъ, полагали уничтожить личныя представленія къ наградамъ чиновъ судебнаго вѣдомства, возражая защитникамъ этого рода отличій, грозившимъ оскудѣніемъ, при отсутствіи наградъ, судебнаго персонала, что «если люди слишкомъ честолюбивые, гоняющіеся за знаками отличія, не будутъ добиваться судебныхъ должностей, то судебное вѣдомство можетъ отъ этого только выиграть, а не проиграть»... Благодаря такому взгляду, онъ задалъ въ 1862 году немало хлопотъ своимъ домашнимъ, когда для одного изъ офиціальныхъ представленій его въ Петербургѣ необходимо понадобились ордена его—и ихъ пришлось, съ величайшимъ трудомъ, разыскивать по всей его квартирѣ въ Москвѣ и все-таки не найти нѣкоторыхъ. Поэтому же онъ былъ и самъ скупъ на награды. Когда московскій губернаторъ, желая за устройство школы въ губернскомъ тюремномъ замкѣ наградить одного изъ стряпчихъ орденомъ св. Станислава 3-й степени, написалъ о томъ Ровинскому, послѣдній позвалъ стряпчаго къ себѣ и сказалъ ему: «батюшка (это было его любимое обращеніе)! вы молодой еще человѣкъ и студентъ, — охота вамъ привыкать *обвѣшиваться;* съ этихъ лѣтъ пріохотитесь — человѣкъ-то и *выдохнется* изъ васъ. Ужъ вы не сѣтуйте, а я васъ вычеркну. Лучше просите денежное пособіе, — вѣдь у васъ семья».

Служебный карьеризмъ, стремленіе выслужиться и дѣловое верхоглядство—были ему всегда до крайности непріятны и встрѣчали въ немъ не только строгое, но иногда и ядовитое осужденіе. «Ну что, какъ поживаешь, какъ работаешь?»—сказалъ ему, уже предсѣдателю департамента Судебной Палаты, покровительственнымъ тономъ его бывшій сослуживецъ, сумѣвшій устроить такъ, чтобы почти въ одномъ и томъ же приказѣ получить сразу двѣ награды и два назначенія. Ровинскій улыбнулся. «Да вотъ все думаю,—отвѣчалъ онъ,—гдѣ бы поставить въ круглой Екатерининской залѣ (наполненной горельефами съ символическими надписями) горельефъ съ твоимъ изображеніемъ и надписью: «*малыми* средствами—*многаго* достигаетъ». Живой, подвижный, цвѣтущій здоровьемъ, онъ былъ быстръ и своеобразенъ во всей своей повадкѣ. Когда, въ 1866 году, я былъ назначенъ—по выбору товарищей, согласно съ заведеннымъ Ровинскимъ обычаемъ, о которомъ онъ писалъ еще въ запискѣ «о судебной службѣ»,—секретаремъ при прокурорѣ московской Судебной Палаты и, пріѣхавъ изъ Петербурга, пришелъ представляться новому начальнику, этотъ послѣдній былъ въ засѣданіи. Пришлось ждать его прихода. Вдругъ дверь въ канцелярію отворилась и не вошелъ, а вбѣжалъ человѣкъ, совершенно не похожій на петербургскихъ судебныхъ сановниковъ ни по костюму, ни по манерамъ. Коренастый, съ огромною лысиною, обрамленною длинными рыжеватыми кудрями, безъ усовъ, съ начинавшеюся у подбородка окладистою бородою, съ умными, улыбающимися глазами подъ густыми бровями, Ровинскій былъ одѣтъ въ старый, толстаго сукна, поношенный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, въ обносившіяся снизу брюки надъ простыми, очевидно «готовыми», сапогами; изъ-за воротника сюртука виднѣлся отложной, мягкій воротъ рубашки, повязанный какою-то черною тесемкою. Выслушавъ офиціальную формулу представленія, онъ ласково протянулъ руку и мягко сказалъ: «*меня* зовутъ *Дмитрій Александровичъ*,—а вотъ пойдемте-ка въ кабинетъ, да потолкуемъ». Въ кабинетѣ, вытащивъ, не изъ кармана истертаго и короткаго атласнаго жилета, а изъ кармана брюкъ, серебряную луковицу и посмотрѣвъ, который часъ, онъ усѣлся съ ногами, по-турецки (его любимая поза), въ кресло и, сказавъ: «ну, батюшка,—кто вы? да что вы? разсказывайте-ка!»—началъ одну изъ тѣхъ непринужденныхъ и откровенныхъ бесѣдъ, которыя чрезъ тридцать лѣтъ заставляютъ вспоминать о службѣ съ нимъ, какъ о свѣтломъ и дорогомъ времени...

Въ свой служебный кабинетъ, обставленный до крайности просто, безъ обычной канцелярской роскоши, приходилъ или, вѣрнѣе, прибѣгалъ онъ не регулярно, а по мѣрѣ надобности. «Ну-ка! давайте-ка, господа, что у васъ есть»,—говорилъ онъ еще на ходу и, усѣвшись въ свою любимую позу, немедленно приступалъ къ слушанію докладовъ, дѣлая, на слозахъ, краткія, рѣшительныя и всегда «смотрѣвшія въ корень» резолюціи. Врагъ пустой переписки и всякаго формализма, онъ многія бумаги оставлялъ вовсе безъ отвѣта, кладя ихъ, въ буквальномъ смыслѣ, подъ зеленое сукно своего стола и говоря: «пусть полежитъ: пусть они тамъ своимъ умомъ дойдутъ, что надо дѣлать; нечего ублажать этихъ «приказныхъ», имъ надо самимъ думать и учиться, а не ждать указки сверху»... Иногда, если бумага настоятельно взывала объ отвѣтѣ, онъ на поляхъ ея писалъ резолюцію въ два-три слова и посылалъ ее въ такомъ видѣ обратно. Не одна нелюбовь къ безплодной канцелярщинѣ руководила имъ при этомъ. Онъ боялся, чтобы

въ новое, живое дѣло не закрались на первыхъ же порахъ порядки ненавистнаго ему приказнаго строя,—чтобы не ослабѣла необходимая самодѣятельность органовъ преобразованной прокуратуры. При томъ опытъ жизни научилъ его, что обиліе такъ называемыхъ «вопросовъ» обыкновенно обусловливается лѣнью ума и стремленіемъ ничего не принимать на свою сознательную отвѣтственность со стороны возбуждающихъ эти вопросы. Поэтому, когда кто-либо изъ мѣстныхъ дѣятелей возбуждалъ,—въ обширномъ и красиво переписанномъ представленіи—какой-либо «важный и настоятельный» вопросъ, въ сущности разрѣшаемый Судебными Уставами, въ которые лишь надлежало внимательно вдуматься, Ровинскій умышленно не отвѣчалъ на такое представленіе—или не давалъ ему хода, нисколько не смущаясь тревогою и нетерпѣніемъ писавшаго и напоминаніями своихъ секретарей, твердо увѣренный, подобно Матвѣю въ «Аннѣ Карениной», что все *«образуется»*. И дѣйствительно—смотришь, все образовалось, и при томъ не бюрократическимъ путемъ, а жизненнымъ.

Въ направленіи имъ дѣлъ, въ замѣчаніяхъ на обвинительные акты, во взглядахъ на взаимныя отношенія различныхъ судебныхъ органовъ между собою сказывались у него глубокое знаніе и людей вообще, и истинныхъ общественныхъ потребностей, а также необыкновенная быстрота соображенія, всегда направленнаго на отысканіе живой, а не формальной только правды... Его трезвый, слегка скептическій умъ нельзя было отуманить ни громкими словами, ни трагическими картинами, ни напускнымъ негодованіемъ оскорбленнаго мелочнаго самолюбія. Ухватывая каждый вопросъ, по его собственному выраженію, «за пупъ», онъ быстро шелъ къ правдѣ, нерѣдко скрытой подъ обманчивою скорлупою, и добирался до ядра, при чемъ все хитро задуманное представлялось иногда въ совершенно новомъ и неожиданномъ свѣтѣ. Здоровые нервы его были, однако, очень подвижны и воспріимчивы. Это выражалось даже въ томъ, какъ онъ слушалъ доклады или читалъ дѣла, обреченный хоть на время на нѣкоторое бездѣйствіе. Онъ не могъ сидѣть и слушать или читать спокойно, а двигался въ своемъ креслѣ, постоянно мѣняя позу,—ерошилъ себѣ волосы, теребилъ бороду, безсознательно бормоталъ отрывки изъ стиховъ или курныкалъ какой-нибудь мотивъ, при чемъ пальцы его нервно двигались, иногда мимически подбирая какіе-то аккорды, а глаза—если это былъ докладъ—мягко и разсѣянно блуждали по комнатѣ. Но вотъ докладъ, сдѣланный съ точностью и обстоятельностью, которыхъ онъ безусловно требовалъ, оконченъ или дѣло имъ просмотрѣно, и лицо его принимаетъ сосредоточенное выраженіе, глаза смотрятъ пристально и серьезно, и вдумчивый выводъ, въ которомъ ничего не опущено и не забыто, смѣняетъ внѣшніе признаки нервной разсѣянности.

Всѣмъ интересующійся—меломанъ и театралъ, умѣвшій глубоко и сознательно наслаждаться искусствомъ,—вѣчно занятый пополненіемъ своихъ собраній, Ровинскій оставлялъ, однако, все это, если служебный долгъ требовалъ отъ него особаго напряженія въ одномъ направленіи. Тогда онъ спозаранку являлся къ себѣ въ прокурорскій кабинетъ, запирался въ немъ и лишь на минутку прерывалъ свою, всегда быструю и содержательную работу, чтобы съѣсть принесенный имъ съ собою, завернутый въ бумагѣ, простой завтракъ или послать сторожа въ знаменитый—увы! исчезнувшій нынѣ,—Сундучный рядъ за закускою или пирожками. Съ усталымъ лицомъ,

но бодрый и веселый, выходилъ онъ, окончивъ свою задачу, въ канцелярію, и любилъ отдохнуть, усѣвшись на столъ, и мѣрно качая ногою, въ болтовнѣ со своими молодыми сослуживцами «de rebus gestis et aliis», пересыпая свои разсказы и разспросы острыми словцами, мѣткими сравненіями и цѣлыми эпизодами комическаго свойства изъ пережитаго. «Ну, довольно,—прерывалъ онъ, наконецъ, свою бесѣду,—прощайте, господа; посмотрите-ка, что я тамъ въ кабинетѣ на листочкахъ «навараксалъ», да приведите это въ порядокъ,—кажется, выйдетъ ладно...»

Въ служебной работѣ, да, вѣроятно, и во всякой другой, у него не было систематической равномѣрности и усидчивости нашихъ западныхъ сосѣдей. Иногда на него находило утомленіе,—такъ сказать, пресыщеніе однообразною работою. Его начинало тянуть въ деревенское уединеніе, поближе къ природѣ, которую онъ любилъ и умѣлъ чувствовать. Тогда онъ удалялся въ старый Сѣтунскій станъ, близъ Москвы, на берегъ рѣчки Сѣтуни, въ свой маленькій «хуторъ», хранившій для него освѣжающія и успокоивающія впечатлѣнія. Тамъ, запершись отъ всѣхъ, кромѣ самыхъ близкихъ друзей, отдыхалъ онъ за своими, дорогими ему, гравюрами, слушалъ любимый имъ далекій звонъ московскихъ колоколовъ, сажалъ цвѣты или изготовлялъ фейерверки. И въ садоводствѣ, и въ пиротехникѣ онъ былъ опытный знатокъ. Такой отдыхъ продолжался недѣлю, десять дней... Если необходимость разрѣшенія и подписи неотложныхъ бумагъ заставляли нарушить его уединеніе, то это приходилось дѣлать съ большимъ сожалѣніемъ. «Подписалъ?»—спрашивали въ канцеляріи у возвратившагося съ Сѣтуни курьера, носившаго историческую фамилію Пугачева. «Подписали, да только бранятся...»—«А что онъ дѣлаетъ?»—«Да до обѣда цвѣты сажали, — а послѣ обѣда ракеты набивали... очень были все время заняты...» Но отдыхъ быстро проходилъ, освѣженныя и обновленныя силы возвращались съ прежнею и даже большею энергіею—и работа снова закипала.

Съ переходомъ въ Сенатъ тревожныя впечатлѣнія отвѣтственной службы прошли для Ровинскаго—и временный отдыхъ на Сѣтуни оказалось возможнымъ замѣнить долговременными и дальними путешествіями. Обыкновенно уже съ Пасхи начиналъ онъ готовиться къ большому странствію и при первой возможности уѣзжалъ на поиски новаго матеріала для своихъ собраній и новыхъ впечатлѣній и свѣдѣній для своего пытливаго, вѣчно молодого ума. Съ 1870 г. онъ объѣздилъ всю Европу до отдаленныхъ и мало посѣщаемыхъ ея уголковъ, побывалъ въ Египтѣ, Марокко и Алжирѣ, посѣтилъ Іерусалимъ, былъ въ Индіи, на Цейлонѣ и Явѣ, въ Китаѣ и Японіи. Послѣднее отдаленное его путешествіе, уже въ преклонномъ возрастѣ, совершено имъ въ Туркестанъ, Хиву и Бухару. Его «Народныя картинки» содержатъ въ себѣ массу интереснѣйшихъ личныхъ замѣчаній, сравненій и указаній, вынесенныхъ отовсюду, гдѣ онъ побывалъ. Сопряженный съ сенаторствомъ переѣздъ въ Петербургъ не измѣнилъ привычекъ стараго москвича. На вопросъ, какимъ образомъ освоится онъ съ холоднымъ, туманнымъ и прямолинейнымъ Петербургомъ послѣ своихъ любимыхъ московскихъ урочищъ и переулковъ, онъ отвѣчалъ: «да я и здѣсь себѣ Москву устрою»,—и, дѣйствительно, поскитавшись по квартирамъ казармоподобныхъ домовъ Петровскаго «парадиза», онъ устроился въ отдаленномъ концѣ 4-й линіи Васильевскаго Острова, въ собственномъ домикѣ-особнякѣ, утонув-

шемъ въ глубинѣ небольшого сада, и здѣсь прожилъ, въ буквальномъ смыслѣ заваленный книгами и папками съ гравюрами, окруженный своими драгоцѣнными изданіями и лично взрощенными цвѣтами, до самой своей кончины.

Невидимый и недоступный для случайныхъ или офиціальныхъ посѣтителей, но радушный и привѣтливый хозяинъ для тѣхъ, кого онъ любилъ и кого приводилъ къ нему дѣйствительный интересъ къ его личности или трудамъ, Ровинскій оставался и у «Василія на Островѣ» тѣмъ же простымъ и сердечнымъ человѣкомъ, какимъ привыкли знать его сослуживцы, какимъ всегда знала его Москва. Постоянно работая, отдавая свой трудъ и время на службу правосудію и искусству, онъ никогда не выдвигался впередъ и менѣе всего помышлялъ о своемъ санѣ и заслугахъ. Онъ скромно умалчивалъ о царственномъ вниманіи къ его работамъ по исторіи искусства, неоднократно и непосредственно, въ личной бесѣдѣ, проявленномъ императоромъ Александромъ III,—и никогда не хотѣлъ играть никакой офиціальной роли, скромно и безшумно исполняя свой служебный долгъ, но всегда и во всемъ упорно охраняя самостоятельность своей нравственной личности. Онъ осуществлялъ своимъ житейскимъ поведеніемъ глубокія слова Флобера (письма 1877 г.:) «Quand on est quelqu'un — pourquoi vouloir être quelque chose?» Такъ достигъ онъ почтенной старости. Несмотря на этотъ возрастъ, сопряженный для многихъ съ развитіемъ суетнаго, почти ребяческаго тщеславія и съ нравственнымъ «склерозомъ» чувствъ и движеній сердца,—онъ могъ спокойно выдержать опытъ, предлагаемый Гейне, говорившимъ, что «человѣкъ въ разгарѣ дѣятельности подобенъ солнцу: чтобы имѣть о немъ вѣрное понятіе, надо видѣть его при восходѣ и при закатѣ».

Когда этотъ закатъ сталъ быстро надвигаться, сослуживцы Ровинскаго,—сенаторы Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, въ которомъ онъ проработалъ 24 года, поднесли ему переплетенный въ старомъ русскомъ вкусѣ адресъ. Въ немъ, по поводу пятидесятилѣтія службы Ровинскаго, говорилось о неустанномъ его трудолюбіи, безграничной любви къ родинѣ и наукѣ, о тепломъ и свѣтломъ его взглядѣ на людей, на бѣдныхъ, несчастныхъ и даже впавшихъ въ преступленіе. И это были не обычныя, юбилейныя фразы,—тѣмъ болѣе, что Ровинскій, предвидя возможность празднованія своего юбилея, «убѣжалъ» за границу и тщательно скрывалъ свое тамъ мѣстопребываніе,—и не тѣ «приподнятыя» слова, которыя, по обычаю, говорятся «октавой выше» противъ истины всякому юбиляру, при чемъ ни онъ, ни говорящіе сами имъ не вѣрятъ. Въ словахъ, написанныхъ многолѣтними свидѣтелями его труда, заключалась истинная оцѣнка человѣка, котораго удобнѣе и точнѣе можно было разсмотрѣть именно «на закатѣ». Въ томъ же адресѣ выражалось Ровинскому его товарищами горячее пожеланіе еще многихъ лѣтъ жизни—«намъ и потомству въ назиданіе». Въ этомъ пожеланіи невольно сказывалось и тревожное опасеніе. Тяжелый недугъ уже два года держалъ его въ своихъ тискахъ, то усиливаясь, сопровождаемый мучительными болями, то «отпуская» на время. Онъ вынудилъ Ровинскаго прервать свои неутомимыя ежегодныя путешествія,—свелъ живыя краски здоровья съ его поблѣднѣвшаго и похудѣвшаго лица, окончательно засыпалъ сѣдиною его бороду и длинныя порѣдѣвшія кудри, придававшія ему такой патріархальный видъ,—заставилъ потускнѣть полные ума и жизни прекрасные голубые глаза... Взглядъ этихъ глазъ чаще и чаще сталъ пріобрѣтать то особое выраженіе,

которое бываетъ свойственно хорошимъ старикамъ, со спокойною совѣстью доживающимъ полезную жизнь. Онъ казался какъ будто устремленнымъ не на находящіеся предъ нимъ предметы, а куда-то вдаль, *туда*, на *тотъ берегъ*.

Ровинскій, очевидно, готовился вступить на этотъ берегъ. Это сказывалось не въ одной его наружноссти, но и въ меланхолическихъ нотахъ бесѣдъ, которыя онъ сталъ любить, по окончаніи засѣданія, вести съ наиболѣе близкими ему сослуживцами, отдаваясь преимущественно воспоминаніямъ прошлаго. Его уже давно тяготило пребываніе въ обществѣ, и онъ сокращалъ его до самой крайней возможности, сидя по цѣлымъ недѣлямъ дома. Узкая практичность многихъ изъ современныхъ, претендующихъ на развитіе и образованность, людей,—отсутствіе твердыхъ убѣжденій и рисовка бездушными взглядами, искусственно воспринятыми ради житейскихъ удобствъ, и, наконецъ, такъ часто наблюдаемое исчезновеніе нравственныхъ идеаловъ въ туманной мглѣ современности,—пугали и огорчали старика, оскорбляя его лучшія упованія. Онъ все болѣе и болѣе замыкался въ себя. «Да! все сижу дома,—сказалъ онъ зимою 1895 г. своему старому сослуживцу по губернской прокуратурѣ, —да и что ходить въ люди: вонъ ихъ сколько, хотя въ сажень складывай, а куда какъ трудно найти между ними *человѣка*»...

Напротивъ, сердце его лежало къ старымъ, пережитымъ годамъ. Оно на нихъ отдыхало. «Il faut,—говоритъ Гонкуръ,—que le passé nous revienne au coeur,—le passé, qui ne revient que dans l'esprit est un passé mort». Для Ровинскаго это прошлое не было мертвымъ, и въ своихъ разсказахъ онъ возвращался съ любовью къ эпохѣ честной служебной борьбы и творческой работы, оживляясь и какъ бы молодѣя при этомъ. Когда я попытался, въ 1892 г., оживить предъ слушателями публичныхъ лекцій въ пользу голодающихъ забытую личность доктора Гааза, Ровинскій сказалъ мнѣ при первой затѣмъ встрѣчѣ: «а знаете, батюшка, какъ вы меня на старости лѣтъ растревожили съ Ѳедоромъ Петровичемъ (Гаазомъ)? Прочелъ я отчетъ о лекціи въ газетѣ—и такъ живо вспомнилось мнѣ прошлое и всѣ эти люди, какъ живые... такая грусть взяла за душу, что я, сидя одинъ, даже заплакалъ»... Такъ же тепло вспоминалъ онъ время подготовки судебной реформы и первыхъ лѣтъ ея осуществленія. Когда я—одинъ изъ его молодыхъ сослуживцевъ этой эпохи—затруднялся принять отъ него въ подарокъ драгоцѣнное изданіе фототипій съ офортовъ Рембрандта и просилъ замѣнить его «Перовымъ», Ровинскій писалъ мнѣ, 24 -го декабря 1894 года: «Перова я подарю вамъ съ большимъ удовольствіемъ, но и Рембрандта назадъ не возьму. Отказомъ вашимъ вы меня просто обидите; кому же, какъ не вамъ, дорогому и *неизмѣнившемуся* товарищу изъ давнихъ и *самыхъ свѣтлыхъ лѣтъ* нашей жизни, подарить мнѣ такую вещь, тѣмъ болѣе, что вы оцѣните, сколько кропотливаго труда положено на нее»...

Въ этихъ краткихъ словахъ—характеристика отношенія Ровинскаго къ настоящему и къ своему прошлому. Но, страдая физически и оглядываясь съ грустью назадъ, онъ не терялъ энергіи и никогда не уклонялся отъ исполненія своихъ обязанностей. Его привлекательная, невольно останавливавшая на себѣ вниманіе фигура появлялась во всѣхъ засѣданіяхъ, гдѣ ему надлежало по службѣ присутствовать, и онъ продолжалъ вносить въ обсужденіе дѣлъ всю силу своего богатаго опытомъ и знаніемъ жизни,

ума. Ядовитое слово Бисмарка: «eine beurlaubte Leiche», столь вѣрное и нравственно, и физически по отношенію ко многимъ, было совершенно не примѣнимо къ нему. Даже добродушный юморъ не покидалъ его въ минуты свободы отъ болевыхъ ощущеній. Онъ заключилъ только-что приведенное письмо милою шуткою въ формѣ кассаціонной резолюціи: «въ виду всѣхъ этихъ доводовъ и не усматривая въ дѣйствіяхъ моихъ нарушенія 130 и 170 ст. уст. угол. суд., прошу позволить оставить вашъ отзывъ *безъ послѣдствій*, а мнѣ попрежнему называться человѣкомъ, сердечно вамъ преданнымъ»...

Между тѣмъ «тотъ берегъ» приближался. Ровинскій могъ вступить на него безмятежно. Онъ оставлялъ своей родинѣ богатое наслѣдство знанія и труда; знавшимъ его—свѣтлый, привлекательный образъ. Онъ и вступилъ на него 11-го іюня 1895 г., близъ Франкфурта на-Майнѣ, въ городкѣ Вильдунгенѣ, гдѣ ему сдѣлали операцію камнедробленія. Операція отлично удалась, но, снѣдаемый жаждою дѣятельности, торопясь ѣхать въ Парижъ, чтобы заняться офортами Ванъ-Остада, онъ не поберегся, простудился—и болѣзнь быстро сдѣлала свое дѣло. Въ біографіи гравера Уткина онъ самъ говоритъ: «Для Уткина трудъ составлялъ первую потребность въ жизни,—до послѣднихъ дней не выпускалъ онъ рѣзца изъ старческихъ рукъ своихъ: ровно за недѣлю предъ смертью, поработавъ надъ «Св. Семействомъ», онъ сошелъ внизъ къ ученику своему Лебедеву и, отирая потъ съ лица своего, радостно сказалъ ему: «Какъ хорошо отдохнуть, поработавши»!—Эти же самыя слова вполнѣ можно примѣнить и къ нему самому. Пріѣхавъ въ маѣ въ Вильдунгенъ, онъ писалъ П. А. Ефремову незадолго до смерти: «О себѣ скажу, что совсѣмъ выправился, и потому не очень кручинюсь, что докторъ заболѣлъ. Можетъ-быть, и безъ его инструмента еще на годъ обойдусь. *Работа* моя съ Остадомъ идетъ успѣшно; отсюда въ Парижъ и Лондонъ на *работу*, и пробуду тамъ 18—26 дней».

«Работа, работа и работа!—восклицаетъ въ краткой замѣткѣ о Ровинскомъ П. А. Ефремовъ («Русскія Вѣдомости»):—и это въ 70 лѣтъ! Честный, неутомимый труженикъ! Невольно слеза дрожитъ на рѣсницѣ при мысли, что ты теперь успокоился такъ неожиданно и для дѣла, и для себя, и для всѣхъ, знавшихъ и любившихъ тебя за твою добрую душу и отзывчивое сердце!»

Гробъ съ прахомъ усопшаго былъ отправленъ въ Москву для погребенія на погостѣ у Спаса-на-Сѣтуни, но по ироніи судьбы, такъ часто преслѣдующей не только живыхъ, но даже и умершихъ замѣчательныхъ людей русскихъ, его встрѣтилъ цѣлый рядъ желѣзнодорожныхъ, таможенныхъ и полицейскихъ недоразумѣній и формальностей, такъ что для Ровинскаго посмертное возвращеніе на горячо любимую имъ родину совершилось съ великими затрудненіями. А любовь эта выразилась и въ его завѣщательныхъ распоряженіяхъ. Собраніе оригинальныхъ гравюръ Рембрандта, которое онъ пополнялъ въ теченіе всей своей жизни, и которое, безъ всякаго преувеличенія, можетъ быть поставлено въ ряду съ самыми полными собраніями офортовъ этого великаго мастера, онъ просилъ Государя Императора принять для императорскаго Эрмитажа; городу Москвѣ, для храненія въ Румянцевскомъ музеѣ, завѣщалъ онъ свое собраніе русскихъ портретовъ, гравюръ и народныхъ картинокъ; императорской Публичной библіотекѣ—оставилъ собраніе до 50.000 иностранныхъ портретовъ и полный (свой личный)

экземпляръ всѣхъ своихъ изданій; Академіи художествъ—собраніе мѣдныхъ гравированныхъ досокъ и иностранныхъ гравюръ, училищу правовѣдѣнія—всю свою научную библіотеку. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ учредилъ премію съ капитала въ 40.000 р. для выдачи, попеременно, за лучшія сочиненія по художественной археологіи и за лучшую картину, которая затѣмъ должна быть, въ пользу автора, воспроизведена рѣзцомъ на $^1/_3$ часть выдаваемой преміи—и оставилъ 26.000 р. на устройство и содержаніе первоначальныхъ народныхъ школъ. Наконецъ, свой хуторъ на Сѣтуни онъ завѣщалъ московскому университету, съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ съ него ежегодно выдавалась премія за лучшее иллюстрированное научное сочиненіе для народнаго употребленія...

Такъ богато одарилъ свою родину этотъ человѣкъ, лично себѣ во всемъ отказывавшій и мало заботившійся о томъ, *какъ жить*, потому что чуткою душою нашелъ и уразумѣлъ—*зачѣмъ жить*... Весь его трудъ и вся его дѣятельность были направлены на развитіе въ русскомъ обществѣ и народѣ правосознанія и историческаго самосознанія,—на служеніе искусству увѣковѣченіемъ произведеній великихъ его мастеровъ.

Прахъ этого выдающагося человѣка почиваетъ у Спаса на-Сѣтуни, гдѣ издали привѣтно сіяютъ золотыя главы Москвы, той Москвы, въ которой бьется и переливается, какъ въ сердцѣ страны, коренная жизнь русская, столь любимая и понятая покойнымъ. Хочется думать, что эта жизнь будетъ становиться все свѣтлѣе и шире, — хочется, обратясь къ его могилѣ, сказать, въ благодарномъ воспоминаніи: «ты былъ прежде всего *человѣкомъ*,—ты послужилъ родинѣ всѣми силами души,—ты вѣрилъ горячо въ духовныя силы своего народа, ты умѣлъ даже въ падшемъ различать черты брата... Почивай же съ миромъ,—почивай, *братъ нашъ!*»...

Сергѣй Ивановичъ Зарудный.

(1821—1887).

Имя *Сергѣя Ивановича Зарудного*,—родившагося 17 марта 1821 года въ небогатой украинской семьѣ, проживавшей въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, связано съ двумя величайшими преобразованіями царствованія Александра Второго. Человѣкъ труда и выдающихся дарованій, обладавшій глубокими и *животворными* юридическими познаніями, онъ принялъ дѣятельное участіе въ работахъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и былъ однимъ изъ главныхъ и восторженныхъ творцовъ Судебныхъ Уставовъ 1864-го года.

Между отдѣльнымъ человѣческимъ организмомъ и общественнымъ тѣломъ есть много общаго—и одни и тѣ же явленія въ нихъ приводятъ къ одинаковымъ результатамъ. Часто одностороннее развитіе ихъ силъ принимается за избытокъ послѣднихъ, отсутствіе высшихъ духовныхъ запросовъ—за душевное равновѣсіе. Но приходятъ удары судьбы, и сила оказывается слабостью, а духъ — безпомощнымъ и неудовлетвореннымъ. Такимъ ударомъ была для Россіи крымская война. Вмѣсто повелительнаго отношенія къ внутреннему устройству сосѣдей, Россіи пришлось кровью погибшихъ на развалинахъ Севастополя сыновъ своихъ расписаться въ несостоятельности своего гражданскаго быта. Отъ такихъ ударовъ можетъ погибнуть дряхлый народъ, но молодой и полный силъ возрождается къ новой жизни. Это возрожденіе не могло, однако, итти отъ народа или отъ лучшихъ людей общества: народъ терпѣлъ и смутно ждалъ, лучшіе люди могли лишь надѣяться и желать. Нужно было *хотѣть*, а могъ хотѣть и захотѣлъ твердо и великодушно монархъ, которому дано было довершить начатое Великимъ Петромъ дѣло преобразованія страны изъ обширной вотчины въ государство. Петръ собралъ, по его словамъ, *разсыпанную храмину* и выдвинулъ организованное имъ государство въ Европу, давъ ему вліятельный голосъ въ ея дѣлахъ. Но пока у насъ господствовало крѣпостное право и безсудіе, государство не имѣло права назваться европейскимъ. Освобожденіе

отъ этихъ темныхъ сторонъ быта было совершено волею Государя, которому пришлось встрѣтить массу затрудненій и препятствій и совершить свое дѣло, прямодушно отказавшись отъ нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ взглядовъ, среди противорѣчивыхъ вліяній, среди заботъ о приведеніи въ порядокъ завѣщанной ему «разстроенной команды»... Слова манифеста 19 февраля 1861 г. о свободномъ трудѣ вмѣсто принудительнаго, о *правахъ* сельскаго населенія, которое знало однѣ лишь безграничныя *обязанности*, о человѣческомъ достоинствѣ во всѣхъ и каждомъ—открывали новую и свѣтлую страницу русской исторіи.

Стоитъ сравнить Россію при восшествіи на престолъ императора Александра II съ тѣмъ, чѣмъ въ своемъ внутреннемъ строѣ она была при его кончинѣ, чтобы видѣть все величіе его дѣла. Тѣми, кто еще помнитъ, пятидесятые годы, никогда не забудется рѣзкій контрастъ между живою вещью, рабомъ, не имѣющимъ ни правъ, ни личности, ни собственности—и лично-свободнымъ земледѣльцемъ-собственникомъ; между приказнымъ устарѣлаго торжища правосудія и присяжнымъ засѣдателемъ гласнаго суда, за приговоромъ котораго не слѣдуетъ болѣе позорное тѣлесное наказаніе; между почти на всю жизнь оторваннымъ отъ семьи и родины солдатомъ, носившимъ званіе, въ которое можно было «разжаловывать» и «сдавать», и краткосрочнымъ новобранцемъ, котораго общая воинская повинность призываетъ изъ всѣхъ слоевъ общества; между безконтрольнымъ административнымъ хозяйничаньемъ и общественнымъ хозяйствомъ... Контрастъ этотъ явился, какъ живое осуществленіе желаній лучшихъ и не всегда многочисленныхъ людей земли русской, желаній раздѣленныхъ и властно осуществленныхъ.... Поэтому многимъ изъ присутствовавшихъ при открытіи въ 1898 г. памятника въ Москвѣ, когда при громѣ пушекъ, возвѣщавшемъ не истребленіе, а сопровождавшемъ мечты о мирѣ, и при звонѣ кремлевскихъ колоколовъ пала завѣса со статуи незабвеннаго Царя, живо вспомнились годы его реформъ, и исторія его царствованія представилась не какъ внѣшняя цѣпь событій, а именно какъ откровеніе общечеловѣческихъ идей.

Приведеніе въ исполненіе высокихъ намѣреній Государя требовало сподвижниковъ ему и сотрудниковъ, которые приступили бы къ этому со страхомъ и вѣрою, со *страхомъ* за свою нравственную отвѣтственность передъ родиной и съ *вѣрою* въ духовныя силы своего народа. Они должны были дѣйствовать, не думая о себѣ и зная, что солнце той зари, загорѣться которой они помогли, взойдетъ только послѣ ихъ упорнаго и безкорыстнаго труда и, быть-можетъ, даже не надъ ними.

Однимъ изъ такихъ людей былъ *Сергѣй Ивановичъ Зарудный*, и въ этомъ его особенное право на благодарное воспоминаніе. Проведя тяжелое въ матеріальномъ отношеніи отрочество, одиноко проживая въ Харьковѣ съ 14-лѣтняго возраста, онъ мечталъ о поступленіи въ морской кадетскій корпусъ, чувствуя призваніе къ морской службѣ. Но этому помѣшали разныя обстоятельства. Окончивъ курсъ кандидатомъ математики въ Харьковскомъ университетѣ и пріѣхавъ въ Петербургъ, чтобы поступить въ Пулковскую обсерваторію, онъ оказался въ гражданской службѣ, гдѣ пришлось испытывать не морскія, а самыя сухопутныя бури и, быть-можетъ, вспоминать извѣстную остроту великаго князя Михаила Павловича о смущеніи знамени-

таго астронома, увидѣвшаго въ свитѣ посѣтившаго Пулковскую обсерваторію Николая I «много звѣздъ не на своемъ мѣстѣ». Природа и жизнь разно одарили Заруднаго. Первая дала ему горячую южную кровь, мѣткій малороссійскій юморъ, чрезвычайную способность къ работѣ, воспріимчивое и впечатлительное сердце и ненасытную жажду дѣятельности; вторая создала на его жизненномъ пути рядъ контрастовъ между его личными свойствами и дѣйствительностью, дала ему узнать въ широкой мѣрѣ иронію судьбы и въ небольшую чашу исполненныхъ намѣреній влила достаточную для отравы счастія каплю.

Юридическая служба Заруднаго началась въ 1843-мъ году, въ Департаментѣ Министерства Юстиціи. Скромная должность помощника столоначальника, конечно, никогда не дала бы возможность выработаться серьезному правовѣду изъ математика. Но, къ счастію, какъ разъ въ это время графъ Блудовъ, стоявшій во главѣ II-го отдѣленія Собственной Е. В. Канцеляріи, рѣшилъ заняться пересмотромъ нашего гражданскаго процесса и обратился къ министру юстиціи графу Панину, прося доставить отзывы о недостаткахъ нашихъ судопроизводственныхъ правилъ со стороны предсѣдателей гражданскихъ палатъ и губернскихъ прокуроровъ. Всѣ эти отзывы, машинально воспринимаемые и передаваемые по назначенію начальствующими лицами, стали проходить чрезъ руки очень заинтересовавшагося ими Заруднаго. Онъ сталъ изучать нашъ тогдашній процессъ съ его *отрицательной*, т.-е. самой [illegible]ной его стороны, и это изученіе, въ связи съ домашнимъ чтеніемъ историко-юридическихъ трудовъ Рейтца и Неволина, выработало правовое чувство и тонкій критическій анализъ будущаго судебно-законодательнаго дѣятеля, которому не довелось ни слушать блестящія лекціи Кавелина и глубокія чтенія Мейера, ни имѣть счастіе наслаждаться художественнымъ начертаніемъ античныхъ гражданскихъ институтовъ въ яркомъ изложеніи московскаго профессора Н. И. Крылова. Поѣздки за границу, преимущественно во Францію, ознакомили его съ жизнью въ правосудіи и съ правосудіемъ въ жизни. Въ новую свою, съ 1849-го года, дѣятельность—юрисконсульта консультаціи Министерства Юстиціи—Зарудный внесъ первыя попытки примѣнить къ разбору дѣлъ начала широкаго, историко-догматическаго толкованія закона.

Между тѣмъ отзывы губернскихъ юристовъ продолжали поступать къ Блудову. Они не могли привести къ какимъ-либо дѣйствительнымъ результатамъ. Не имѣя въ виду опредѣленной и твердо поставленной цѣли, для которой требовались эти отзывы, авторы ихъ ограничивались *полуправдою*, которая, къ тому же, вывѣтривалась въ разлагающей атмосферѣ *условныхъ* понятій и выраженій петербургскихъ канцелярій. Самъ Блудовъ—прекрасный знатокъ русскаго слова, образованный юристъ и искусный кодификаторъ—былъ человѣкомъ нерѣшительнымъ, задававшимъ себѣ, по поводу дѣлъ, требовавшихъ дѣятельнаго почина, гамлетовскіе вопросы. Съ годами эти свойства его усиливались... Онъ предпочиталъ осторожно наблюдать жизнь, не спѣшилъ отвѣтами на ея запросы и, глубоко понимая, какъ видно изъ собственныхъ его «афоризмовъ», все несовершенство окружающаго его судебнаго и законодательнаго строя, называлъ себя «развалиною недостроеннаго зданія». Поэтому, даже и послѣ извѣстной негодующей резолюціи Императора Николая въ 1847 году «о непомѣрной медленности» по дѣлу

Баташевыхъ, длившемуся 20 лѣтъ (дѣло о пропажѣ изъ московскаго уѣзднаго казначейства *мѣдной монеты на 115 тысячъ* производилось еще дольше—21 годъ...), онъ полагалъ возможнымъ ограничиться въ дѣлѣ оздоровленія гражданскаго правосудія лишь частичными *улучшеніями*. Только впослѣдствіи, путемъ долгихъ размышленій, пришелъ онъ къ мнѣнію о возможности положить въ основаніе этого оздоровленія *начала, отличныя* отъ прежнихъ, и, наконецъ, высказалъ убѣжденіе, что эти начала должны не только отличаться отъ существующихъ, но и быть имъ прямо *противоположны*...

Однако даже и проектируемыя Блудовымъ улучшенія встрѣчали рѣзкій и упорный отпоръ со стороны министра юстиціи, графа В. Н. Панина, человѣка высокаго образованія, но отрѣшеннаго отъ жизни на своемъ бюрократическомъ Олимпѣ и совершенно чуждаго всякому живому почину. За 23 года его управленія министерствомъ не было предпринято ни одного серьезнаго улучшенія порученнаго ему дѣла, и дѣятельность министра выражалась, главнымъ образомъ, въ трудно объяснимыхъ и совершенно произвольныхъ перемѣщеніяхъ подчиненныхъ ему губернскихъ чиновъ и въ настойчивомъ поддержаніи въ судебномъ строѣ того направленія, которое Гёте характеризуетъ словами: «die richtende gefühllose Menschheit». Поэтому даже и противъ такихъ предлагаемыхъ Блудовымъ *улучшеній*, какъ порученіе доклада дѣла вмѣсто секретаря одному изъ членовъ судебнаго мѣста, уничтоженіе пустого и лицемѣрнаго обряда рукоприкладства, уменьшеніе судебныхъ инстанцій съ трехъ на двѣ и сокращеніе частныхъ производствъ, чрезвычайно тормозившихъ ходъ дѣла и часто возвращавшихъ его, чрезъ нѣсколько лѣтъ, къ первоисточнику—графъ Панинъ отвѣчалъ, съ особымъ канцелярскимъ паѳосомъ, рѣшительнымъ *нѣтъ!* Увидѣвъ чрезъ нѣсколько лѣтъ всю безплодность переписки съ министромъ юстиціи и «неразрѣшимость ихъ разномыслій», Блудовъ рѣшился прибѣгнуть къ учрежденію, въ 1852-мъ году, особаго комитета «для обсужденія предположенныхъ измѣненій гражданскаго процесса», дѣлопроизводителемъ котораго былъ назначенъ Зарудный.

Человѣку впечатлительному и воспріимчивому, узнавшему жизнь не только въ департаментскихъ стѣнахъ, но и за границею, и въ глухой русской провинціи,—видѣвшему, какова она въ мертвящихъ условіяхъ русской дѣйствительности и какою *могла бы быть*, Зарудному пришлось много перечувствовать и перестрадать отъ участія въ томъ «кипѣньи въ дѣйствіи пустомъ», изъ котораго съ большою тратою времени и крайними усиліями медлительно рождалось частичное улучшеніе... Не бывши никогда ни любителемъ, ни умѣлымъ техникомъ въ дѣлѣ отписокъ и бумажныхъ турнировъ, Зарудный интересовался не войною *словъ*, а войною *идей*, и съ большимъ трудомъ склонялъ къ послѣдней комитетъ, главною рабочею силою котораго онъ сдѣлался. Ему приходилось, кромѣ того, бороться въ лицѣ графа Панина съ обычною у насъ косностью по вопросамъ, лично не задѣвающимъ чувствительно тѣхъ, кто призванъ ихъ разрабатывать. Эта косность выразилась съ особою силою въ томъ, что — когда были исчерпаны и опровергнуты всѣ возраженія по существу противъ улучшеній — былъ настойчиво возбужденъ вопросъ, не лучше ли, не осторожнѣе ли попробовать, въ видѣ ни къ чему не обязывающаго опыта, приложить улучшенія къ небольшому и ограниченному пространству, напримѣръ къ С.-Петербургской губерніи?

Такъ шло дѣло до начала царствованія Александра II. Властное пожеланіе: «правда и милость да царствуетъ въ судахъ», высказанное въ манифестѣ новаго Государя, было въ сущности равносильно словамъ: «да будетъ судъ!»... Оно вывело работы по судебной части съ тропинки улучшеній на широкій путь преобразованій и влило энергію въ графа Блудова, который, отказавшись отъ прежней нерѣшительности и колебаній во взглядахъ, далъ ходъ способностямъ и смѣлому почину Заруднаго. Назначенный въ 1857-мъ году помощникомъ статсъ-секретаря департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, Зарудный существенно повліялъ на составленіе въ 1860-мъ году записки графа Блудова, сопровождавшей рядъ внесенныхъ имъ проектовъ, гдѣ твердо и убѣжденно были намѣчены вполнѣ отличныя отъ прежнихъ начала судоустройства. Необходимыми элементами правильной судебной организаціи были признаны — освобожденіе судовъ отъ всякаго вмѣшательства властей административныхъ и устройство адвокатуры, о которой въ предшествующіе годы нельзя было и заикаться, такъ какъ типическими ея представителями, по интересному удостовѣренію одного изъ близкихъ друзей Заруднаго, Н. М. Колмакова («Русская старина» 1886 г.), считались Мирабо, Маратъ и Робеспьеръ (хотя адвокатомъ въ дѣйствительности былъ только послѣдній). Въ выработкѣ всѣхъ этихъ проектовъ Зарудный, побывавшій въ 1858 г. въ специальной юридической командировкѣ за [illegible], принялъ дѣятельное то явное, то невидное, но ощутимое, участіе. Въ разгарѣ его работъ въ этомъ отношеніи, въ 1859-мъ г., онъ составилъ одиннадцать записокъ, касавшихся жизненныхъ вопросовъ будущаго устройства судебной части: учрежденія, согласно указаніямъ нашей исторіи и здравой доктрины права, *единаго кассаціоннаго* суда, введенія *мировой юстиціи*, установленія *охранительнаго судопроизводства* и созданія сословія *присяжныхъ повѣренныхъ*, при чемъ, по мнѣнію Джаншіева, самые термины: «охранительный» и «повѣренный» придуманы Зарудным. Къ этому же времени относится его монографія: «Объ отдѣленіи вопросовъ *факта* отъ вопросовъ *права*», въ которой онъ, съ замѣчательною тонкостью и съ употребленіемъ строго математическихъ пріемовъ, разработалъ начала, неточное усвоеніе которыхъ составляетъ до сихъ поръ одно изъ самыхъ больныхъ и уязвимыхъ мѣстъ нашей судебной практики. Тогда же написана Заруднымъ—статья «Объ изслѣдованіи системы русскихъ гражданскихъ законовъ» и рядъ всесторонниxъ записокъ о состязательномъ началѣ.

Такимъ образомъ трудами его постепенно создавался очеркъ новаго судебнаго строя. Начертывая его, Зарудный руководился тѣмъ довѣріемъ къ людямъ и любовью къ своему народу, которыя, несмотря ни на что, одушевляли его до гробовой доски. «Противу изложенныхъ основаній,— писалъ онъ,—можетъ быть, между прочимъ, представлено возраженіе: *хорошо, да не во время*. Противъ этого *софизма*, который сдѣлалъ много зла на свѣтѣ, можно сказать одно только: если основанія правильны, то они и благовременны. Трудно думать, *чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были не приготовлены и не зрѣлы для хорошаго*. Правильное устройство судебныхъ учрежденій составляетъ вопросъ самый настоятельный для Россіи; притомъ же правильный законъ никогда не сдѣлаетъ зла; можетъ-быть, по какимъ-либо обстоятельствамъ и даже по самому свойству закона *новаго* онъ не будетъ нѣкоторое время исполняемъ согласно съ точнымъ его разумомъ, но

гораздо вѣроятнѣе, что онъ тотчасъ пуститъ глубоко свои корни и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія народа».

Было, однако, одно коренное препятствіе для существеннаго преобразованія судебнаго строя въ Россіи: новый судъ тамъ, гдѣ три четверти населенія подчинялось личной расправѣ и не имѣло никакихъ имущественныхъ правъ, былъ бы лишь заплатой на ветхомъ рубищѣ. Другая великая реформа должна была совершиться ранѣе преобразованія суда. Къ ней былъ пріобщенъ Зарудный, въ качествѣ помощника государственнаго секретаря Буткова. Будучи облеченъ званіемъ статсъ-секретаря департамента законовъ, онъ получилъ назначеніе быть членомъ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Эта комиссія подготовила институтъ мировыхъ посредниковъ, оставившій такія свѣтлыя и безупречныя воспоминанія и помогшій правильному и спокойному введенію крестьянской реформы. Между членами ея находились Н. И. Стояновскій, В. А. Арцимовичъ, К. К. Гротъ и М. Е. Салтыковъ-Щедринъ.

Знаменитыя редакціонныя комиссіи окончили въ 1860 году свой незабвенный трудъ, подвергшійся ожесточенной критикѣ. Въ правящихъ сферахъ и въ обществѣ циркулировали, съ надеждою на вліяніе и окончательное воздѣйствіе, записки, преимущественно направленныя противъ освобожденія съ *землею*, въ которомъ, не безъ основанія, видѣли безповоротное прекращеніе крѣпостного права, тогда какъ при освобожденіи *безъ земли* крѣпостное право въ видѣ батрачества могло бы, выгнанное въ одну дверь, скоро войти въ другую, лишь въ другой окраскѣ и внѣшнихъ условіяхъ. По сущности главнѣйшихъ изъ этихъ записокъ ихъ можно было раздѣлить на *ироническія*, доводившія ad absurdum начала освобожденія и предлагавшія *всю землю* помѣщиковъ отдать крестьянамъ,—*устрашительныя*, въ которыхъ, въ силу какой-то непонятной логики, по поводу надѣла говорилось о «народной Немезидѣ съ обнаженнымъ мечемъ»—и *сентиментальныя*, въ родѣ той, въ которой предлагалось освобождать людей отъ крѣпостной зависимости постепенно, послѣ ряда предварительныхъ испытаній, въ видѣ *награды за благонравіе*. Но мысль Государя была уже твердо направлена на довершеніе величайшаго изъ дѣлъ его жизни. 26-го января 1861 г., въ соединенномъ засѣданіи Комитета Министровъ и Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, состоявшемся подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, говоря о необходимости освобожденія крестьянъ, онъ выразился, что не только желаетъ этого, но требуетъ и повелѣваетъ, а 28-го января въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта произнесъ обширную, богатую историческими данными, трогательную и вмѣстѣ твердую рѣчь, въ которой выразилъ непреклонную волю объ окончаніи дѣла, безъ затяжекъ и отсрочекъ, съ улучшеніями не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Указывая на историческій ходъ возникновенія и развитія крѣпостного права, Государь сказалъ, что самодержавная власть, установившая крѣпостное право, должна его и упразднить, и, приглашая своихъ ближайшихъ совѣтниковъ откинуть личные интересы и взгляды и дѣйствовать исключительно, какъ государственные сановники, призывалъ на предстоящій имъ трудъ благословеніе Божіе. Передающимъ это благословеніе своей странѣ представляется онъ и на своемъ памятникѣ въ Москвѣ, съ простертою рукою и приподнятою головою, на которой нерѣдко шапка Мономаха прикрывала терновый вѣнецъ...

Зарудный имѣлъ счастіе быть докладчикомъ въ этомъ и во всѣхъ послѣдующихъ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. Первоначально въ нихъ обнаружилось опасное для благопріятнаго исхода дѣла раздѣленіе голосовъ. Многіе высказались за отсрочку рѣшенія еще на шесть мѣсяцевъ; затѣмъ большинство стало поддаваться соблазну подчинить освобожденіе не безотлагательному требованію закона, а «добровольному соглашенію». При этомъ мнѣніи, однако, осталось лишь 15 голосовъ; 17 высказались за полное принятіе проекта Положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 13—за «дополнительную провѣрку» расчетовъ, сдѣланныхъ Редакціонными Коммиссіями, а семь голосовъ были поданы условно, такъ какъ подававшіе были, повидимому, по образному выраженію XVI вѣка, «духомъ перегибательны». Наконецъ, изъ разнородныхъ элементовъ, послѣ ежедневныхъ засѣданій подъ предсѣдательствомъ гр. Блудова, образовалось окончательное большинство въ 37 голосовъ. 16-го февраля законодательная работа была окончена. 18-го февраля Государственный Секретарь Бутковъ повезъ къ Государю «Положеніе», въ надеждѣ присутствовать при торжественной минутѣ, когда три небольшихъ слова: «быть по сему» зазвучатъ, какъ благовѣстъ, въ сердцахъ 20-ти милліоновъ людей. Ему не удалось, однако, лично присутствовать при начертаніи этихъ словъ. Есть минуты—рѣдкія минуты въ жизни—когда душа человѣка, выражаясь въ исполненіи своего высокаго долга, чуждается проникновенія посторонняго взора въ ея отчетъ предъ Богомъ. Такія минуты должны быть и у верховнаго законодателя...

«Положеніе» было возвращено лишь на другой день, въ знаменательный день 19 февраля, вмѣстѣ съ подписаннымъ Государемъ манифестомъ *о свободномъ* трудѣ. Воспоминаніе объ участіи въ работахъ по освобожденію крестьянъ всю жизнь согрѣвало Зарудназо. Онъ съ восхищеніемъ говорилъ объ этомъ времени, съ гордостью носилъ свою золотую медаль на александровской лентѣ и былъ усерднымъ гостемъ обѣдовъ 19-го февраля, на которые собирались съ каждымъ годомъ рѣдѣвшіе сотрудники Царя въ этомъ великомъ дѣлѣ. Не даромъ Бутковъ, извѣщая его о томъ, что Государь «счелъ священнымъ долгомъ искренно благодарить государственнаго секретаря и всѣхъ его помощниковъ» за добросовѣстные и неутомимые труды по дѣлу освобожденія крестьянъ, добавилъ отъ себя, что особенно радуется возможности сообщить объ этомъ ему, «какъ одному изъ *дѣятельнѣйшихъ* участниковъ въ работѣ».

Освобожденіемъ крестьянъ было положено прочное основаніе для судебной реформы. Оно открыло широкіе горизонты и дало работамъ для совершенія послѣдней рѣшительное движеніе впередъ къ ясно сознанной цѣли. Этимъ воспользовался Зарудный: въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ его докладовъ Государственный Совѣтъ призналъ бывшіе въ его разсмотрѣніи проекты преобразованія судебной части подлежащими переработкѣ и извлеченію изъ нихъ *общихъ началъ* для дальнѣйшихъ трудовъ. Налагая руку на собственныя упорныя и многолѣтнія работы и убѣдивъ гр. Блудова и Буткова въ необходимости признать ихъ несоотвѣтствующими нуждамъ времени, когда необходимо проложить «новый курсъ», Зарудный дѣйствовалъ, какъ истинный государственный человѣкъ, ревнующій не о собственномъ самолюбіи и о непогрѣшимости своихъ *прежнихъ* трудовъ, а объ удовлетвореніи насущной общественной потребности во всю мѣру возможнаго. Согласно его предпо-

ложеніямъ состоялись доклады графа Блудова о передачѣ дѣла судебной реформы въ вѣдѣніе Государственной Канцеляріи и (въ январѣ 1862-го года) новаго предсѣдателя Государственнаго Совѣта, князя Гагарина, и о начертаніи основныхъ началъ судебной реформы, согласно *указаніямъ науки* и опыта *европейскихъ государствъ*, съ разрѣшеніемъ привлечь къ работамъ юристовъ-спеціалистовъ. Первый камень къ возведенію величественнаго зданія Судебныхъ Уставовъ былъ положенъ — и душою, страстною и неустанною, всего дѣла сталъ Зарудный. Закипѣла работа, при дружномъ содѣйствіи приглашенныхъ имъ знающихъ и энергичныхъ людей—Буцковскаго, Плавскаго, Побѣдоносцева, Ровинскаго и Стояновскаго. Пришлось, такъ сказать, выжать сокъ изъ прежнихъ проектовъ, объединить лучшее изъ намѣченнаго общею связующею мыслью и приготовить серьезныя опроверженія на обычныя у насъ возраженія противъ всякаго новаго дѣла, предпринимаемаго не только «для виду». Эти возраженія извѣстны: сначала говорится, что *хорошо бы*, да *средствъ* на это нѣтъ, а когда отысканы или указаны источники для послѣднихъ — то говорится обыкновенно, что *людей* нѣтъ! Зарудный шагъ за шагомъ, словесно и письменно опровергалъ эти возраженія. Онъ несъ на себѣ огромную работу радостно, не чувствуя ни усталости, ни сомнѣнія въ ея счастливомъ исходѣ. Онъ докладывалъ, совѣщался, спорилъ, убѣждалъ, горячился, писалъ и разработывалъ въ особыхъ запискахъ рядъ главнѣйшихъ, коренныхъ основаній реформы... Черезъ три мѣсяца непрерывной работы *основныя положенія*, сопровождаемыя подробными соображеніями, были готовы, затѣмъ доложены, при участіи Заруднаго, какъ статсъ-секретаря, Государственному Совѣту, утверждены Государемъ 24 сентября 1862-го года и распубликованы во всеобщее свѣдѣніе, вызвавъ оживленную работу юридической мысли, призываемой на творческую дѣятельность.

Среди благотворныхъ новшествъ, намѣчавшихъ общія черты *настоящаго суда* со всѣми свойственными ему атрибутами, въ основныхъ положеніяхъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимало учрежденіе *суда присяжныхъ*. Графъ Блудовъ былъ рѣшительнымъ противникомъ этой формы суда для Россіи. Взгляды его на несвоевременность введенія суда *чрезъ* присяжныхъ изложены въ моемъ очеркѣ дѣятельности Д. А. Ровинскаго; тамъ же приведены и практическія, почерпнутыя изъ поучительнаго опыта жизни, возраженія послѣдняго Блудову, встрѣчавшему, однако, поддержку въ нѣкоторыхъ ученыхъ работахъ, проникнутыхъ пессимизмомъ по отношенію къ правовому чувству русскаго народа, и во мнѣніи авторитетнѣйшихъ представителей старой судебной практики. Такимъ былъ, между прочимъ, извѣстный сенаторъ Карніолинъ-Пинскій, впослѣдствіи первый предсѣдатель нашего уголовнаго кассаціоннаго суда. «Присяжныхъ, присяжныхъ и присяжныхъ! писалъ онъ — вотъ крики, съ нѣкотораго времени летящіе со всѣхъ сторонъ нашего дорогого отечества. Во всѣхъ этихъ крикахъ мало смысла, хотя много увлеченія и еще болѣе подражанія. Закричалъ одинъ, какъ не заревѣть другому?! Разсудительные люди не кричатъ, они увѣрены, что все доброе и полезное насъ не минуетъ, а блестящаго, но *сомнительнаго* — хотя бы и не бывало»... Нельзя, впрочемъ, отрицать, что въ учрежденіи суда присяжныхъ была сторона, немного тревожившая тѣхъ, кому было дорого правильное осуществленіе новаго судебнаго устройства на практикѣ. Кромѣ чувства долга и добросовѣстности, отъ людей, призываемыхъ помогать отпра-

вленію правосудія, и даже играть въ немъ рѣшительную роль, требовалось извѣстное, стоявшее, въ виду недавнихъ общественныхъ условій подъ вопросительнымъ знакомъ, развитіе гражданскаго чувства и пониманія. Присяжныхъ желали, ихъ ждали... Это вѣрно, хотя и рѣзко, изобразилъ Карніолинъ-Пинскій. Въ нихъ хотѣлось вѣрить заранѣе. Присяжный засѣдатель былъ дорогъ всякому, съ сочувствіемъ думавшему о новомъ судѣ. Подобно Татьянѣ въ письмѣ къ Онѣгину, русское развитое общество того времени могло сказать этому еще не появившемуся на сцену присяжному: «незримый — ты мнѣ былъ ужъ милъ»... Но невольное сомнѣніе закрадывалось въ душу. Этотъ незримый и невѣдомый теоретическій присяжный долженъ былъ облечься, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ реальный образъ простолюдина, всего нѣсколько лѣтъ назадъ освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости,—въ образъ того мужика, котораго незадолго предъ тѣмъ Тургеневъ, устами одного изъ своихъ героевъ, назвалъ «таинственнымъ незнакомцемъ...» И что же? Теперь, почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ, можно сказать, что этотъ таинственный незнакомецъ оправдалъ оказанное ему довѣріе и не посрамилъ ни здраваго смысла, ни нравственнаго чувства русскаго народа. Безпристрастная исторія нашего суда присяжныхъ показываетъ въ какія тяжкія, неблагопріятныя условія былъ онъ у насъ поставленъ, какъ долгіе годы онъ оставался безъ призора и ухода, какъ его недостатки не исправлялись любовно и рачительно, а предоставлялись злорадно или близоруко дальнѣйшему саморазвитію. Историкъ этого суда долженъ будетъ признать, что между приговорами, которые ставились въ вину присяжнымъ, были такіе, съ которыми трудно согласиться, но не было почти ни одного, который, зная данное дѣло, нельзя было бы понять и объяснить себѣ... Когда, въ 1895-мъ году, особое совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, внимательно и всесторонне разсмотрѣло всѣ дѣйствительные и мнимые недостатки нашего суда присяжныхъ, оно было вынуждено признать, что это судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія и обреченный не отходить въ область преданій, а упрочиться въ нашей жизни. Русскій присяжный засѣдатель, особливо изъ крестьянъ— а таковыхъ огромное большинство, — относящійся къ своему дѣлу, какъ къ служенію совѣсти, кладущій зачастую призывную повѣстку, сулящую ему тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія, *за образа*—честно и стойко вынесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому подвергъ его законодатель.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ нужно было имѣть большую и непоколебимую вѣру въ духовныя свойства и нравственныя силы русскаго народа, чтобы рѣшиться предоставить ему, съ первыхъ же шаговъ обновленной судебной дѣятельности, наиболѣе важное по своимъ послѣдствіямъ участіе въ ней. Значеніе этой рѣшимости увеличивалось еще и тѣмъ, что стоявшіе за судъ присяжныхъ должны были впервые *насадить* его, а не *возродить* только, ибо выборные *цѣловальники* XVI вѣка при судѣ воеводъ и намѣстниковъ были давно забыты, а *сословные засѣдатели* старыхъ судовъ ничего общаго съ присяжными засѣдателями не имѣли.

Вращаясь въ законодательной средѣ, гдѣ еще такъ недавно говорить о судѣ присяжныхъ считалось совершенно недозволительнымъ, Зарудный понималъ, что рядомъ съ ссылками Блудова на правовую неподготовленность

простого русскаго человѣка, не умѣющаго будто бы отличать *законъ* отъ *приказанія начальства, правосудіе* — отъ *помилованія* и *преступника* — отъ *несчастнаго,* существуетъ мнѣніе, стоящее на совсѣмъ другой почвѣ и съ неменьшею силою направленное противъ призванія къ дѣлу суда представителей общественной совѣсти. «Судъ присяжныхъ — говорили представители этого мнѣнія — есть учрежденіе политическое и по своему происхожденію, и по своему характеру. Онъ — одно изъ звеньевъ въ цѣлой цѣпи государственныхъ учрежденій *западнаго* образца, не имѣющихъ ничего общаго съ *самодержавнымъ строемъ* Россіи». Такой взглядъ, повидимому опиравшійся на исторію, могъ стать могущественнымъ средствомъ въ рукахъ противниковъ суда присяжныхъ, ибо указывалъ на будущую опасность отъ введенія этого суда не только для правильнаго отправленія правосудія, но и для цѣлесообразнаго устройства и дѣйствія всего государственнаго организма, построеннаго на абсолютно монархическихъ началахъ. Предоставивъ, поэтому, Ровинскому спорить съ гр. Блудовымъ о способности русскаго народа выдѣлить изъ себя судей о *виновности* на ряду съ казенными судьями о *наказуемости,* Зарудный, въ двухъ замѣчательныхъ трудахъ — «Общія соображенія о составѣ суда уголовнаго» и «О спеціальныхъ присяжныхъ для особаго рода дѣлъ въ Англіи, Франціи и Италіи» — предпринялъ умѣлый и рѣшительный походъ противъ мнѣнія о политическомъ характерѣ суда присяжныхъ въ Россіи. Утверждая, что для соотвѣтствія дѣйствій уголовнаго суда цѣлямъ справедливости онъ долженъ имѣть два состава — постоянный (коронные судьи) и перемѣнный (выборные изъ всѣхъ слоевъ общества на краткіе сроки) — Зарудный указывалъ, что правосудіе въ широкомъ смыслѣ требуетъ не только твердости и непреклонности въ рѣшеніяхъ, но и глубокаго знанія всѣхъ мелочей обыденной жизни и снисходительности къ неизбѣжнымъ слабостямъ человѣка. Поэтому, опираясь, между прочимъ, на авторитетъ извѣстнаго ученаго криминалиста Миттермайера, онъ доказывалъ, что въ такой постановкѣ суда нѣтъ ничего противнаго началамъ монархическаго правленія. Прослѣдивъ развитіе суда присяжныхъ въ Западной Европѣ и измѣненіе взглядовъ на него въ наукѣ и въ средѣ самихъ правительствъ, Зарудный окончательно опредѣлялъ эту форму суда, какъ *лучшій судебный методъ,* какъ лучшее средство въ рукахъ правительства, независимо отъ формы правленія, ограждать себя отъ нравственной отвѣтственности за ошибки зависимыхъ отъ него служебно судей, впавшихъ въ рутину и равнодушіе. Мысли Заруднаго, изложенныя въ особыхъ запискахъ, нашли себѣ видное и вліятельное мѣсто въ соображеніяхъ Государственной Канцеляріи. Судъ присяжныхъ, освѣщенный съ разныхъ сторонъ Зарүднымъ и Ровинскимъ, не встрѣтилъ серьезныхъ возраженій при окончательномъ обсужденіи основныхъ положеній въ Государственномъ Совѣтѣ — и былъ, такимъ образомъ, заложенъ въ фундаментъ Судебныхъ Уставовъ. Этимъ было выражено довѣріе къ русскому народу, построенное на признаніи зрѣлости его ума и воспріимчивости его совѣсти. Въ этомъ великая заслуга тѣхъ, чьими трудами создались Судебные Уставы. Она не должна быть забыта исторіей нашего гражданскаго развитія; несмотря ни на какіе, временные и случайные недочеты суда присяжныхъ, она даетъ людямъ, подобнымъ Зарудному и Ровинскому, право стоять на ряду съ дѣятелями великаго дѣла освобожденія крестьянъ.

Опубликованныя, по мысли и почину Заруднаго, во всеобщее свѣдѣніе «Основныя Положенія» поступили затѣмъ—вызвавъ массу цѣнныхъ и оригинальныхъ замѣчаній со стороны юристовъ-практиковъ со всѣхъ концовъ Россіи,—для дальнѣйшаго развитія въ образованную подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Буткова Комиссію, состоявшую изъ трехъ отдѣленій, съ 27 членами.

Въ отдѣленіи *гражданскаго* судопроизводства предсѣдателемъ былъ Зарудный, уголовнаго судопроизводства — Буцковскій, судоустройства — Плавскій. Хотя Зарудный офиціально завѣдывалъ однимъ лишь гражданскимъ отдѣленіемъ комиссіи, но его живой умъ, сообщительность и горячій интересъ ко всему, что касалось судебной реформы, вовлекали его въ участіе въ работахъ другихъ отдѣленій. При томъ всѣ три отдѣленія собирались въ общія собранія. За время существованія комиссій послѣднихъ было 21, а засѣданій отдѣленія, которымъ руководилъ Зарудный—91. На него же возложенъ былъ Бутковымъ и докладъ работъ комиссіи въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. «Хотя работа въ комиссіи и была раздѣлена,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ сотрудниковъ (Шубинъ-Поздѣевъ),—но направленіе всѣхъ отдѣловъ всецѣло принадлежало Зарудному. Вездѣ была его иниціатива—и въ приглашеніи дѣятелей, и въ направленіи работъ. Составъ комиссіи разросся до громадныхъ размѣровъ: были привлечены всѣ лучшія силы почти изъ всѣхъ вѣдомствъ, преимущественно судебнаго, и со всѣхъ концовъ Россіи. Кромѣ постоянныхъ членовъ, въ трудахъ и совѣщаніяхъ принимали участіе и лица посторонния по разнымъ спеціальностямъ, начиная отъ профессоровъ университета и кончая полицейскими чинами. Было написано и напечатано множество матеріаловъ и проектовъ по всѣмъ частямъ; работы обсуждались въ частныхъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ, исправлялись, передѣлывались, вновь печатались и обсуждались въ цѣлыхъ отдѣлахъ комиссіи и т. д. Для засѣданій не щадили ни времени, ни трудовъ; работающіе собирались и днемъ, и по вечерамъ. Споровъ было множество. Выступали ораторы всякаго рода—и скромные, и задорные, и уклончивые. *Душою всего дѣла былъ и оставался* постоянно Зарудный. Самъ онъ работалъ болѣе всѣхъ, цѣлыя ночи проводилъ весьма часто за работою, которую никогда не откладывалъ». Благодаря неустанной и одушевленной работѣ комиссіи, въ одиннадцать мѣсяцевъ создались *Судебные Уставы*, представлявшіе по своей формѣ и содержанію, по стройности частей и единству руководящей мысли, величайшую изъ русскихъ законодательныхъ работъ XIX вѣка. 20 ноября 1864-го года эти Уставы были Высочайше утверждены и вслѣдъ затѣмъ обнародованы при указѣ, возвѣщавшемъ о дарованіи русской землѣ суда скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ и о возвышеніи судебной власти предоставленіемъ ей надлежащей самостоятельности для утвержденія въ народѣ уваженія къ закону, безъ котораго невозможно общественное благосостояніе.

22 ноября Государственный Секретарь Бутковъ, препровождая Зарудному *первый* отпечатанный экземпляръ Судебныхъ Уставовъ, сдѣлалъ на немъ слѣдующую надпись: «Этотъ экземпляръ вручается Сергѣю Ивановичу Зарудному, какъ лицу, которому новая судебная реформа въ Россіи болѣе другихъ обязана своимъ существованіемъ. Онъ занимался этимъ дѣломъ со времени поступленія въ Государственный Совѣтъ первыхъ проектовъ II-го отдѣ-

ленія и *велъ все дѣло до его конца.* Онъ участвовалъ въ работахъ по составленію основныхъ положеній, руководилъ работами по уставу гражданскаго судопроизводства, дѣятельно занимался при обсужденіи всѣхъ другихъ проектовъ. При такихъ его трудахъ, цѣлью коихъ было одно—искреннее желаніе совершить всю реформу, столь необходимую для пользы Россіи,—конечно первый отпечатанный экземпляръ по праву долженъ принадлежать Сергѣю Ивановичу». Получивъ эту книгу, — на которую едва ли кто-нибудь изъ привѣтствовавшихъ ея появленіе можетъ смотрѣть безъ воспоминанія о свѣтломъ времени, полномъ надеждъ, любви къ прекрасному дѣлу и вѣры въ то, что хорошія учрежденія создадутъ и хорошихъ людей на службу правосудію,—Зарудный не успокоился на лаврахъ. Онъ, повидимому, зналъ, что мы на Руси сдѣланы изъ глины, которая быстро нагрѣвается, но жаръ хранитъ недолго и скоро остываетъ,—что мы не любимъ традицій и воспоминаній, а предпочитаемъ жить настоящимъ днемъ. Поэтому онъ хотѣлъ закрѣпить сдѣланное съ такимъ одушевленнымъ трудомъ. Имъ составлены три собранія матеріаловъ по судебному преобразованію, въ 74 томахъ каждое, представляющія драгоцѣнный историко-юридическій памятникъ, въ который, между прочимъ, вошли восемь его обширныхъ записокъ по разнообразнымъ вопросамъ судопроизводства и судоустройства и три сдѣланныхъ имъ большихъ перевода иностранныхъ процессуальныхъ законовъ. Имъ изданы затѣмъ Судебные Уставы съ комментаріями, т. е. съ разсужденіями, на которыхъ они основаны. Это—трудъ въ своемъ родѣ научный, не говоря уже о его значеніи для юристовъ-практиковъ. Со страницъ его вѣетъ тѣмъ духомъ, которымъ были проникнуты составители Судебныхъ Уставовъ, въ средѣ которыхъ Зарудный игралъ такую выдающуюся роль.

Совершить законодательную работу—еще не значитъ ее осуществить на практикѣ, особенно, если встрѣчаются неблагопріятныя для нея теченія. Поэтому участнику большой законодательной работы можетъ предстоять: или стоять на стражѣ своего труда, ревниво охраняя его отъ законодательной ломки и порчи, или же итти его осуществлять на практикѣ въ житейскомъ приложеніи. Судьба не судила Зарудному ни того, ни другого. Новая судебная практика, какъ всякое новое дѣло, вызвала различныя тренія и шероховатости, и хотя Верховная воля признавала Судебные Уставы согласными съ строемъ Россіи, но во многихъ случаяхъ нравы общества—неуловимые и упорные, сложившіеся подъ вліяніемъ заразы крѣпостныхъ отношеній—вызывали страстныя нареканія при каждомъ щекотливомъ соприкосновеніи съ новымъ порядкомъ вещей, при каждой невольной ошибкѣ и промахѣ его служителей. И въ печати, и въ правящихъ сферахъ стали раздаваться вліятельные протестующіе голоса и началось обратное теченіе. Зарудный, почуявъ опасность для нѣкоторыхъ частей своего возлюбленнаго труда, забилъ тревогу. Но годы предшествующей работы не могли способствовать укрѣпленію его нервовъ. Онъ былъ страстенъ въ спорахъ, рѣзокъ въ отзывахъ, его юморъ принималъ иногда острый характеръ. Привыкнувъ играть на своемъ посту вліятельную роль, онъ крайне настойчиво проводилъ свои взгляды, *навязывая ихъ*, какъ выражались его вліятельные противники. Роль простого докладчика и редактора не удовлетворяла его живую натуру. У него не было *мнѣній*, дружелюбный обмѣнъ которыхъ никого не задѣваетъ. Его мнѣнія проходили черезъ его сердце, оставляя въ

немъ неизгладимый слѣдъ, и становились *убѣжденіями*, объ *обмѣнѣ* ко-
торыхъ говорить было бы какъ-то странно. При томъ онъ не обращалъ ни-
какого вниманія на личности, а имѣлъ въ виду любимое дѣло, которое по-
глощастъ отдѣльное лицо. Все это складывало взглядъ на него, какъ на не-
уживчиваго, тягостнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что въ совѣщаніяхъ, полныхъ
безучастнаго спокойствія, онъ высказывался съ обычною рѣзкостью и даже
нетерпимостью (не даромъ былъ онъ авторомъ ядовито-остроумнаго «письма опыт-
наго чиновника младшему собрату», напечатаннаго уже послѣ его смерти
въ «Русской Старинѣ»), не обращая никакого вниманія на столь обычныя
у насъ соображенія о томъ — *ловко ли? удобно ли? не преждевременно ли?*

1-го января 1869 г. онъ получилъ повышеніе и былъ назначенъ сена-
торомъ. Повышеніе было вполнѣ въ порядкѣ вещей, такъ какъ всегда за-
служенные статсъ-секретари переходили въ Сенатъ; но лично для Заруднаго
это повышеніе было сопряжено съ невозможностью продолжать, по своему
умѣнію и разумѣнію, охранять Судебные Уставы отъ измѣненій на законо-
дательной почвѣ. Зато, повидимому, открывался широкій просторъ для служ-
бы имъ, въ ихъ практическомъ осуществленіи, для занятія кассаціонною
дѣятельностью. Но и тутъ судьба отнеслась къ нему иронически. Онъ, одинъ
изъ творцовъ новыхъ судовъ, вбивавшій въ ихъ организацію каждый гвоз-
дикъ съ любовью, горячій защитникъ чистаго состязательнаго начала и вну-
тренняго убѣжденія по дѣламъ уголовнымъ, съ 1843 г. критиковавшій обвет-
шалые суды съ ихъ отсутствіемъ истиннаго состязательнаго начала и фор-
мальною теоріею доказательствъ,—онъ былъ назначенъ присутствовать въ *ста-
ромъ* судебномъ департаментѣ Сената и въ *старомъ* общемъ собраніи. Онъ
хотѣлъ даже подать въ отставку, но, вѣроятно, семейныя соображенія не
давали для этого возможности, да и надежда его не покидала. Не даромъ
каждый годъ, въ теченіе долгаго времени, онъ собиралъ у себя въ день из-
данія Судебныхъ Уставовъ, 20 ноября, друзей и знакомыхъ и радостно
праздновалъ его, считая себя, среди *новыхъ* судебныхъ дѣятелей, *своимъ* по
праву. Но годы шли, кружокъ друзей и его лично, и Судебныхъ Уставовъ
вообще, рѣдѣлъ, мѣнялись люди и взгляды. То, что было для него горя-
чимъ воспоминаніемъ души, становилось для вновь выступившихъ на сцену
равнодушно слушаемымъ разсказомъ о почти безразличныхъ событіяхъ, скуч-
нымъ повѣствованіемъ о разбитыхъ жизнью непрактическихъ иллюзіяхъ. Онъ
воевалъ противъ 2-й части XV тома, возставалъ противъ примѣненія формаль-
ной мѣрки къ дѣламъ, гдѣ живой человѣкъ, живущій гдѣ-то далеко, погре-
бенъ подъ ворохомъ бумагъ канцелярскаго производства,—ратовалъ противъ
безконечной волокиты частныхъ производствъ по гражданскимъ дѣламъ,—спо-
рилъ, горячился, трепеталъ, какъ рыба, вытащенная на берегъ. Въ дѣлахъ
общаго собранія Сената сохранился рядъ его *особыхъ мнѣній*, которыми онъ
старался внести въ рѣшенія возможно большій просторъ началу внутренняго
убѣжденія въ оцѣнкѣ доказательствъ, желая, въ то же время, по собствен-
ному признанію, создать въ этихъ рѣшеніяхъ слогъ средній между *старою* ка-
зуистикою и *новымъ* краснорѣчіемъ, между старою *преднамѣренною* кратко-
стью и *новымъ* многословіемъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зорко слѣдилъ за дѣ-
ятельностью преобразованнаго суда и, чутко относясь ко всему, что касалось
суда присяжныхъ, тревожился по поводу неблагопріятныхъ для его суще-
ствованія слуховъ, горячо привѣтствуя всѣ печатныя и письменныя попытки

его защитить. «Съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшу сердечно поблагодарить васъ за записку въ защиту суда присяжныхъ,—писалъ онъ мнѣ въ 1877 году, прочитавъ мое представленіе министру юстиціи графу Палену:—по богатству собранныхъ матеріаловъ и вѣрности выводовъ эта записка доставила мнѣ полнѣйшее наслажденіе и возвратила меня на минуту въ то свѣтлое настроеніе духа, которое, въ свое время, было присуще большинству трудящихся по этому вопросу».

Но все это не удовлетворяло его кипучую натуру. Душа его жаждала широкой дѣятельности, про которую можно было бы сказать ему словами поэта: «иныя ждутъ тебя страданья, другихъ восторговъ глубина». Ища забвенья въ литературно-юридическихъ трудахъ, онъ уже въ 1869-мъ году издалъ обширную работу подъ названіемъ: «Гражданское Уложеніе Итальянскаго королевства и Русскіе Гражданскіе законы», а въ 1870 г.—такую же работу «О торговыхъ законахъ Италіи и Россіи». Въ 1873 г. для Московскаго Юридическаго Общества онъ составилъ докладъ «о необходимости полнаго изданія гражданскихъ законовъ 1857 г. и о согласованіи ихъ съ послѣдующими узаконеніями». Зная въ совершенствѣ итальянскій языкъ, онъ издалъ переводъ избранныхъ стихотвореній Лермонтова, Майкова, Кольцова и Жемчужникова, съ предисловіемъ извѣстнаго Анжело де-Губернатиса, подъ названіемъ: «Fiori della poesia russa». Кромѣ того, онъ перевелъ по-итальянски стихотворенія Пушкина «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», слова котораго «ma io non voglio, fratelli, morir, mi preme vivere, pensar e sofrir»—такъ соотвѣтствовали его жаждѣ творческой и живой дѣятельности.

Самыми замѣчательными трудами этого періода его уже надломленной жизни являются переводы сочиненія Беккаріи «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» и Дантовскаго «Ада». Было бы ошибкою думать, что это только переводы, превосходные по точности и красотѣ языка, о чистотѣ котораго онъ всегда очень заботился. Въ каждомъ изъ нихъ онъ отозвался на историко-правовые и бытовые вопросы нашей общественной жизни, въ каждомъ изъ нихъ на ряду съ искуснымъ переводчикомъ выступаетъ мыслитель-юристъ и страдающій внутренно человѣкъ... Посвященный памяти его сотрудника по созиданію Судебныхъ Уставовъ, Н. А. Буцковскаго, первый переводъ названъ «матеріалами для разработки сравнительнаго изученія теоріи и практики уголовнаго законодательства». Онъ содержитъ въ себѣ блистательное и подробное доказательство непосредственнаго вліянія на проектъ «обряда криминальнаго суда» въ знаменитомъ «Наказѣ» Екатерины II сочиненія Беккаріи, который желалъ горячимъ словомъ убѣжденія и строго математическимъ изложеніемъ своихъ мыслей «защищать общечеловѣческія права и требованія непобѣдимой истины и тѣмъ спасти отъ ужасовъ и мученій смерти, хотя бы одну несчастную жертву жестокости и невѣжества, одинаково безпощадныхъ» (§ 1 введенія въ трактатъ). Переводъ снабженъ Зарунымъ обширными примѣчаніями, объясненіями и приложеніями, дающими возможность съ одной стороны прослѣдить отраженіе и развитіе на страницахъ Судебныхъ Уставовъ возвышенныхъ началъ, провозглашенныхъ Беккаріею, а съ другой—увидѣть ясно отсталость, непригодность и бездушную черствость тѣхъ пріемовъ нашего стараго судопроизводства, примѣнять которые, вопреки всему своему душевному складу, былъ безсердечно призванъ Зарудный. Второй переводъ, посвященный бывшему министру Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнину, пред-

ставляетъ оригинальную передачу безсмертнаго творенія великаго поэта, котораго справедливо называютъ «центральнымъ человѣкомъ среднихъ вѣковъ». Предъ каждой пѣснью «Ада» Зарудныmъ помѣщено *толкованіе*, богатое историческими данными и остроумными замѣчаніями, и *эпиграфы*, иногда очень своеобразные и отзывавшіеся на злобу дня. Особенно оригинальна составленная имъ «лѣстница наказаній», существующихъ въ Дантовомъ Аду. Юристъ сказался и въ прекрасныхъ толкованіяхъ понятія о законѣ, и въ доказательствахъ, что въ Дантовомъ Аду грѣшниковъ караютъ не за то, что они *сдѣлали на землѣ*, а за то, чѣмъ они *сами сдѣлались*. Во всѣхъ примѣчаніяхъ и въ особенности въ предисловіи звучитъ грустная нота жажды покоя и скорби по угасающимъ силамъ, которымъ нѣтъ ни выхода, ни простора. Онъ называетъ большія способности *великимъ* и *ужаснымъ даромъ* природы и думаетъ, что Дантъ иносказательно хотѣлъ изобразить адъ *на землѣ*. Въ особенно подробной и горячей по языку разработкѣ главъ, касающихся людей *съ зарытымъ въ землю талантомъ* и *людей безъ убѣжденій*, сказывается тягостное вліяніе на Заруднаго среды, въ которой онъ былъ обреченъ вращаться въ послѣдніе годы жизни, среды, по отношенію къ которой онъ, къ сожалѣнію, былъ лишенъ возможности исполнить совѣтъ поэта: «взглянуть и пройти мимо»...

Несмотря на такое мрачное настроеніе, Зарудный занимался переводомъ съ любовью и въ особенно торжественной обстановкѣ своего рабочаго кабинета читывалъ его взволнованнымъ голосомъ немногимъ друзьямъ.

Переводъ «Ада» былъ послѣднимъ трудомъ Зарударнаго. Судьба нанесла ему предпослѣдній ироническій ударъ. Онъ пріобщился, наконецъ, къ новому, созданному Судебными Уставами, Сенату, но не въ качествѣ сочлена, а въ качествѣ обвиняемаго. Находя непримѣнимымъ къ условіямъ деревенской жизни и къ ея интересамъ циркулярный указъ соединеннаго присутствія Сената о *ежедневномъ разборѣ* мировыми судьями дѣлъ, Зарудный убѣдилъ Купянскій мировой съѣздъ, гдѣ онъ былъ почетнымъ судьей, пріостановиться исполненіемъ уже разосланнаго судьямъ указа и представить на основаніи I тома Свода Законовъ о встрѣченномъ затрудненіи Сенату. Представленіе было встрѣчено сурово, и съѣзду, во всемъ его составѣ, было объявлено отъ Сената дисциплинарное замѣчаніе. Это крайне тяжело подѣйствовало на Зарударнаго, который оказался невольнымъ виновникомъ кары, постигшей его, довѣрившихся его авторитету, товарищей. А затѣмъ подошли недуги и стала издали грозить смерть. Зарудный могъ ее встрѣтить спокойно. Онъ не зарылъ по доброй волѣ свой талантъ въ землю, а служилъ родной землѣ всѣми силами ума и сердца, покуда имѣлъ возможность. Но душа его была измучена безплодными порывами къ широкой дѣятельности и уколами его убѣжденіямъ, когда общество стало охладѣвать къ тому, что было ему такъ дорого... Поэтому для него въ рукахъ смерти, по выраженію Баратынскаго, «была олива мира, а не губящая коса». Въ концѣ 1887 г. его повезли въ Ниццу, куда его манили небо и солнце, но новая—и на этотъ разъ послѣдняя—иронія судьбы послала ему 18-го декабря кончину въ вагонѣ, за нѣсколько верстъ до Ниццы, когда вдали уже засинѣло южное, теплое и ласкающее море...

Николай Ивановичъ Стояновскій.

(1820—1900).

I.

Въ каждомъ серьезномъ преобразованіи, глубоко затрогивающемъ важнѣйшія условія общественнаго быта, подмѣчаются обыкновенно три послѣдовательныхъ періода—подготовленія, осуществленія и организаціи. Сообразно съ этимъ и дѣятели, связавшіе свое имя или свой трудъ съ тѣмъ или другимъ преобразованіемъ, могутъ принадлежать одному изъ этихъ періодовъ, или нѣсколькимъ, или, наконецъ, всѣмъ. Изъ нихъ *подготовители* сознаютъ раньше и яснѣе другихъ общественную и нравственную потребность преобразованія и являются носителями идеи, положенной въ его основаніе; *осуществители* представляютъ изъ себя одушевленныхъ этою идеею работниковъ, а *организаторы*, вводя преобразованіе въ жизнь, укрѣпляя въ ней его корни и охраняя его молодые побѣги знающею и любящею рукою, бываютъ пестунами новаго дѣла и виновниками его успѣха. При естественномъ и правильномъ ходѣ преобразованія обыкновенно одни и тѣ же лица выступаютъ во всѣхъ трехъ роляхъ, создавая и духъ, и плоть, и самую жизнеспособность новаго, пришедшаго на смѣну старому, строя. Однако не всегда бываетъ такъ, и разные періоды преобразованія знаютъ и разныхъ людей, нерѣдко рѣзко отличныхъ между собою въ своемъ отношеніи къ его движущимъ началамъ и къ его практическому примѣненію. Въ особенности это отличіе и даже прямая противоположность проявляются при сравненіи подготовителей съ организаторами. Такой ходъ преобразованія долженъ быть признанъ неправильнымъ. Но многія изъ коренныхъ преобразованій нашего общественнаго быта въ шестидесятыхъ годахъ не шли правильнымъ ходомъ. Достаточно вспомнить, что дѣло организаціи и практическаго примѣненія отмѣны крѣпостного права не осталось не только въ рукахъ взлелѣявшихъ эту отмѣну Николая Милютина, Юрія Самарина и князя Черкасскаго, но

даже и въ рукахъ Ланского, и продолженіе работъ по регулированію новыхъ отношеній и по устройству вызванныхъ ими учрежденій подчинено было руководительству Валуева, при чемъ красивые обороты его изящной и многословной рѣчи не могли, конечно, замѣнить собою душевную теплоту и любовь къ «святому дѣлу» тѣхъ, кто, по выраженію Некрасова, «ковалъ» его.

Но бываютъ счастливцы, участвующіе въ преобразованіи, идущемъ правильнымъ ходомъ. Они осуществляютъ въ словѣ закона то, что назрѣло въ ихъ сердцѣ и сознаніи, и дѣятельно слѣдятъ за приложеніемъ этого закона къ жизни. Такимъ *счастливцемъ* былъ Николай Ивановичъ Стояновскій. Онъ былъ не только участникомъ судебной реформы, но прошелъ всѣ ея стадіи, и какія бы грустныя мысли ни приходили ему подчасъ впослѣдствіи, онъ все-таки съ благодарностью могъ отнестись къ судьбѣ за все, что она дала ему сдѣлать въ концѣ пятидесятыхъ и въ шестидесятые годы.

Родившійся въ 1820 году въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, Стояновскій вступилъ въ служебную жизнь, вмѣстѣ со вторымъ выпускомъ воспитанниковъ недавно учрежденнаго Училища правовѣдѣнія, въ 1841 г. Товарищами и соратниками его, на первыхъ шагахъ, были такіе люди, какъ В. А. Арцимовичъ, поэтъ Алексѣй Жемчужниковъ, В. Д. Философовъ, А. Н. Шаховъ, М. В. Полѣновъ, П. А. Зубовъ. Но если они представляли собою отрадную въ нравственномъ отношеніи среду, то область дѣятельности, въ которую приходилось вступить этимъ молодымъ юристамъ, ничего утѣшительнаго собою не являла. *Уголовный судъ* существовалъ для *немногихъ* и за *немногое*. Лишь крайнія нарушенія условій общежитія, въ которыхъ предписанія закона сливались съ велѣніями заповѣдей, да и то не всѣхъ, влекли за собою общій для всѣхъ судъ. Все остальное, для цѣлой массы населенія, вѣдалось усмотрѣніемъ начальства, спеціальными судами по вѣдомствамъ и, въ особенности, помѣщиками и чинами полиціи, причемъ зачастую понятіе о судебномъ *разбирательствѣ* замѣнялось понятіемъ *о расправѣ*. Послѣднее понятіе было въ особенности приложимо ко взысканіямъ, основаннымъ на правахъ, вытекавшихъ изъ крѣпостной зависимости. Лишь въ случаяхъ совершенія крѣпостными важнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, владѣлецъ «душъ» обязанъ былъ безусловно обращаться къ общему суду, въ лицѣ уѣзднаго суда и уголовной палаты. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, когда крѣпостному приписывалась вина противъ помѣщика, его семейства и управляющаго, его крестьянъ и дворовыхъ — или даже постороннихъ, обратившихся къ заступничеству помѣщика,—существовало право безконтрольнаго домашняго наказанія безъ суда. Если вина представлялась особо важною, или мѣры домашняго исправленія оказывались мало успѣшными, то провинившіеся отсылались, на основаніи 335 и 337 ст. XIV т. С. З. (по изданію 1842 г.) въ смирительные и рабочіе дома, а также и въ арестантскія роты, на срокъ, до 1846 г. самимъ владѣльцемъ опредѣляемый. Если же помѣщику или, до 1854 г., его управляющему это наказаніе казалось слишкомъ малымъ, то они имѣли право отдавать несовершеннолѣтнихъ отъ 8 до 17 лѣтъ въ кантонисты, а болѣе взрослыхъ сдавать въ рекруты или препровождать въ распоряженіе губернскаго правленія, которое, подъ условіемъ принятія помѣщикомъ на себя нѣкоторыхъ матеріальныхъ обязательствъ, «не входя ни въ какое розысканіе о причинахъ его негодованія», ссылало представленнаго въ Сибирь, въ сопровожденіи жены и дѣтей, не

Николай Ивановичъ Стояновскій.

достигшихъ—мальчики 5 лѣтъ, дѣвочки 10 лѣтъ. Можно себѣ представить, въ какихъ формахъ и по какимъ поводамъ могъ твориться этотъ домашнiй судъ, или, лучше сказать, это домашнее безсудье въ тѣхъ случаяхъ, когда личное человѣколюбiе и мягкость, а также экономичекiя соображенiя не ставили преградъ гнѣву и произволу. Говоря, въ 1880 г., въ рѣчи своей «о задачахъ кодификацiи» о великомъ дѣлѣ Царя-Освободителя, Стояновскiй сказалъ, между прочимъ:

«Въ 1841 году, въ уголовныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената были собираемы свѣдѣнiя о дѣлахъ по обвиненiю крестьянъ въ убiйствѣ ихъ помѣщиковъ и оказалось, что въ одной изъ западныхъ губернiй, дѣла которой производились въ моемъ столѣ, въ теченiе двухъ-трехъ лѣтъ, было одиннадцать убiйствъ. Положенiе 19 февраля прекратило этотъ ужасный самосудъ крестьянъ надъ ихъ судьями-помѣщиками, уничтоживъ поводы къ нему, т. е. тѣ безобразныя явленiя, которыя на оффицiальномъ языкѣ назывались жестокимъ обращенiемъ».

Такимъ образомъ и тутъ жизнь представляла осуществленiе извѣстнаго изреченiя Тьера «l'injustice n'est pas stérile: elle a aussi des enfants—et ils sont dignes d'elle».

Ближайшiй къ городскому населенiю судъ представлялъ собою по большей части квартальный надзиратель и его ближайшее, непосредственное начальство. Имъ учинялось разбирательство по маловажнымъ дѣламъ, впослѣдствiи переданнымъ вѣдѣнiю мировыхъ судей. Гоголь, а за нимъ и другiе писатели сохранили для потомства типическiе образы представителей этой своеобразной административной юстицiи. Въ Москвѣ—такой представитель, въ лицѣ квартальнаго надзирателя, именовался на неофицiальномъ языкѣ комиссаромъ, и И. Ѳ. Горбуновъ, со свойственнымъ ему наблюдательнымъ юморомъ, ярко изобразилъ отношенiе къ нему общества, приведя слѣдующiя строки изъ одной, будто бы, старинной рукописи: «Не Богъ сотворилъ комиссара, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненную всякiя скверны во еже прицѣплятися и обирати всякую душу христiанскую».

Личный составъ общихъ судовъ и способы рѣшенiя дѣлъ достаточно вразумительно, хотя и кратко, охарактеризованы въ упомянутой рѣчи Стояновскимъ. «Общiе суды,—говорилъ онъ,—по закону считались коллегiальными, но самъ законъ допускалъ такой составъ присутствiя (въ магистратахъ и ратушахъ), въ которомъ всѣ судьи были неграмотные, и возлагалъ на секретаря отвѣтственность за правильное изложенiе даннаго такими судьями, по доложеннымъ имъ дѣламъ, рѣшенiя. Въ дѣйствительности дѣла почти никогда не докладывались, не только въ магистратахъ, но и въ уѣздныхъ судахъ, гдѣ также большая часть членовъ были или неграмотные, или малограмотные. Въ судахъ второй степени, гдѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, дѣла обыкновенно рѣшались безъ доклада, однимъ товарищемъ предсѣдателя—единственнымъ членомъ, назначаемымъ отъ правительства,—всѣ прочiе члены, за исключенiемъ иногда предсѣдателя, только подписывали заготовленное рѣшенiе участи подсудимаго, котораго ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ. Несмотря на такой составъ суда и на такой порядокъ постановленiй приговора, законъ (до 1846 года), предоставляя суду рѣшать вопросы о виновности и о наказанiи обвиненныхъ, не опредѣлялъ ни высшаго предѣла числа лѣтъ

каторжной работы и другихъ высшихъ наказаній, ни числа ударовъ кнутомъ или плетью, почему и случалось, что въ двухъ дѣлахъ о преступленіяхъ, совершенно тождественныхъ, однимъ приговоромъ назначалось пять ударовъ, а другимъ—шестьдесятъ ударовъ кнутомъ. До изданія въ 1833 году Свода Законовъ, случалось, что въ основаніе приговора приводились такіе указы и Высочайшія повелѣнія, которыхъ никогда не существовало».—И высшій судъ —Сенатъ—тоже не былъ богатъ людьми широко образованными и, въ особенности, юристами. Знаменитая «практическая опытность» въ дѣлахъ, т. е. рутинная и въ то же время изворотливая техника, замѣняла собою правовыя понятія о духѣ и о цѣляхъ закона. Достаточно сказать, что, когда Стояновскій и его товарищи поступили, въ 1841 г., на службу въ петербургскіе департаменты Сената, коихъ было семь, не считая двухъ общихъ собраній, имѣвшихъ свои канцеляріи, то на весь наличный составъ Сената оказалось только *шесть* человѣкъ, получившихъ высшее образованіе. Главная пружина дѣятельности общихъ судовъ,—секретарь, чрезвычайно вліявшій на исходъ дѣла, отличался, по большей части, отъ «начертаннаго бѣсомъ комиссара», лишь бо́льшимъ внѣшнимъ достоинствомъ манеръ, да навыкомъ въ законахъ и умѣлою готовностью «подбирать ихъ—масть къ масти», о чемъ ему укорительно, но безсильно, напоминалъ указъ Петра Великаго, вставленный въ зерцало.

Канцелярская тайна, безчисленныя отписки и допускаемая самимъ закономъ плодовитость въ возбужденіи частныхъ производствъ, возвращавшихъ дѣло почти что къ его первоисточнику— влекли за собою *волокиту*, достигавшую иногда до поразительныхъ размѣровъ. Такія дѣла, какъ дѣло Баташевыхъ, вызвавшее благотворную по своимъ послѣдствіямъ резолюцію Императора Николая Павловича о «медленности непомѣрной», были вовсе не рѣдки. Осенью 1857 года въ завѣдываніе Стояновскаго, по должности оберъ-прокурора 2 отдѣленія 6-го департамента, было передано изъ общаго собранія московскихъ департаментовъ Сената дѣло о пропажѣ изъ московскаго уѣзднаго казначейства *мѣдной монеты на 115 тысячъ*, обнаруженной въ 1844 году,—дѣло, дождавшееся, вслѣдствіе жалобъ привлеченныхъ къ отвѣтственности откупщиковъ и возникновенія различныхъ частныхъ производствъ, своего окончанія лишь въ 1865 году, т. е. производившееся *21 годъ*.

Наконецъ, господствовавшая въ практикѣ и строго оберегаемая закономъ теорія *формальныхъ доказательствъ*, внося элементъ бездушнаго механизма въ работу судьи, создавала уголовный судъ *безсильный*, въ рядѣ случаевъ, покарать дѣйствительно виновнаго, но *достаточно могущественный*, чтобы разбить существованіе человѣка посредствомъ сліянія возбужденія преслѣдованія съ преданіемъ суду,—и, оставивъ его *въ подозрѣніи*, заставить его болѣзненно переживать стыдъ, который ни разъяснить, ни сбросить съ себя нельзя. Неменьшіе недостатки накладывали густую тѣнь на дѣятельность *суда гражданскаго*, имѣвшаго еще и ту особенность, что проигравшій тяжбу подвергался штрафу, распредѣляемому въ извѣстной части между судьями и доходившему иногда до $^1/_5$ стоимости спорнаго имущества.

Постоянно соприкасаясь, по роду своей службы въ Сенатѣ (помощникъ секретаря и секретарь V департамента, оберъ-секретарь I департа-

мента), съ различными проявленіями тогдашняго судебнаго устройства, Стояновскій могъ оцѣнить ихъ по достоинству—и, рядомъ съ отвращеніемъ къ ихъ темнымъ сторонамъ, долженъ былъ ощутить въ тепломъ сердцѣ и воспитать въ живомъ и дѣятельномъ умѣ жажду иного порядка вещей. Но думать о немедленной возможности преобразованія русскаго суда—было немыслимо. Этотъ судъ былъ органически связанъ со всѣмъ дореформеннымъ бытомъ Россіи и, въ особенности, съ крѣпостнымъ строемъ общества. Предъ переустройствомъ послѣдняго отступала даже громадная энергія самодержца, искренно желавшаго снять съ милліоновъ своего народа иго, которое, по своимъ нравственнымъ послѣдствіямъ, было, во всякомъ случаѣ, хуже монгольскаго. Поэтому и объ иныхъ формахъ и пріемахъ суда можно было только мечтать, прибѣгая лишь къ временнымъ улучшеніямъ, съ трудомъ пробивавшимъ себѣ дорогу среди постоянной возможности ухудшенія. Къ такимъ улучшеніямъ относилось учрежденіе спеціальной юридической школы—Училища правовѣдѣнія, которое должно было вливать въ суды, понемногу, изъ году въ годъ, контингентъ молодыхъ, образованныхъ и добросовѣстныхъ юристовъ. Ихъ ждали практическія условія работы, существенно отличныя отъ сообщаемыхъ имъ теоретическихъ основъ отправленія правосудія. Необходимо было *осмыслить* ихъ будущую дѣятельность, дать имъ *руководящую нить* среди извилинъ и узкихъ путей тайны, канцеляризма и формальныхъ доказательствъ. Съ этой точки зрѣнія преподаваніе практики уголовнаго судопроизводства, предпринятое съ ясно сознанною цѣлью воздѣйствовать на молодое поколѣніе юристовъ, могло принести глубокую пользу. Скупое слово закона, допускавшее черствое и одностороннее примѣненіе, должно было быть освѣщено живымъ и проницательнымъ толкованіемъ.

Стояновскій пошелъ по этому пути и въ 1847 г. былъ назначенъ преподавателемъ практическаго уголовнаго судопроизводства въ Училищѣ правовѣдѣнія. Къ этой каѳедрѣ онъ въ 1850 г., будучи оберъ-секретаремъ I общаго собранія Сената, присоединилъ и каѳедру гражданскаго практическаго судопроизводства. Несомнѣнно, что служба въ Сенатѣ давала ему богатый матеріалъ для примѣровъ и толкованій при чтеніи лекцій и что, поборовшись съ какимъ-нибудь извращеніемъ цѣлей и пріемовъ правосудія въ стѣнахъ Сената, онъ приносилъ на свои лекціи указанія, какъ избѣгать возникновенія подобныхъ явленій на практикѣ. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось добыть записокъ по его лекціямъ—и ихъ, вѣроятно, теперь уже ни у кого не существуетъ. Но осталось составленное Стояновскимъ печатное *«практическое руководство къ русскому уголовному судопроизводству»* въ двухъ частяхъ. Оно представляетъ собою общее очертаніе одного изъ его курсовъ, дающее возможность судить о томъ, въ какомъ направленіи и какими практическами толкованіями сопровождалъ онъ систематическое изложеніе статей Свода Законовъ. Появленію этого курса въ печати предшествовали совершенно неожиданныя затрудненія. Цензоръ нашелъ эту книгу *излишнею*. Этотъ микроскопическій калифъ Омаръ повторилъ смущенному автору мнѣніе своего знаменитаго предшественника о Коранѣ и Александрійской библіотекѣ. «Если, сказалъ онъ Стояновскому, въ вашемъ руководствѣ приведено то, что изложено въ Сводѣ Законовъ, то зачѣмъ оно? а если въ немъ содержится то, чего нѣтъ въ Сводѣ—то оно безполезно, а слѣдовательно, и не

нужно». Только черезъ годъ заступничество главноуправляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ спасло книгу, на полнотѣ содержанія которой, безъ всякаго сомнѣнія, отразился этотъ годъ «состоянія въ сильномъ подозрѣніи». И тѣмъ не менѣе, книга эта, для своего времени, да и для всего послѣдовавшаго пятнадцатилѣтія (первое изданіе въ 1850 г.—второе въ 1857 г.)—явилась и весьма полезною, и поучительною. Прежде всего, это было первое систематическое, практическое руководство для дѣятелей уголовнаго суда. Стояновскій въ рѣчи, произнесенной въ юридическомъ обществѣ въ 1880 г., насчитывалъ шесть практическихъ руководствъ, появившихся до его книги, но самъ признавалъ, что они представляли лишь сжатую перепечатку статей 2 ч. XV тома Свода Законовъ.

Мнѣ извѣстны еще два сочиненія, въ которыхъ сдѣлана попытка самостоятельно изложить практическія указанія для производства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Первое — очень оригинальное—появилось въ 1808 году и носитъ названіе *«Судебнаго дѣйствія, происходившаго въ благородномъ пансіонѣ, учрежденномъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, во время годичнаго испытанія юношества, обучающагося въ ономъ Россійскому практическому законоискусству, подъ руководствомъ коллежскаго совѣтника Захарія Горюшкина»*. На заглавномъ листѣ объясняется, что дѣйствіе отправляется въ уѣздномъ судѣ, представленномъ «въ залѣ благороднаго пансіона, въ видѣ судебнаго мѣста убранной, по собраніи въ оную господъ: ректора и прочихъ, ученое сословіе составляющихъ, и знаменитыхъ посѣтителей обоего пола». Процессъ изложенъ со всѣми подробностями, въ видѣ разговоровъ и судебныхъ дѣйствій участвующихъ лицъ, носящихъ названія—уѣзднаго судьи, засѣдателей, стряпчаго, секретаря, протоколиста, канцеляристовъ, копіистовъ, повытчиковъ и пр. Начинается изложеніе хода дѣла описаніемъ того, какъ входитъ старшій засѣдатель и, отвѣтивъ на поклонъ вставшихъ: младшаго засѣдателя, секретаря и протоколиста, а также сдѣлавъ младшему «приличную учтивость», открываетъ засѣданіе рѣчью, въ которой, между прочимъ, говоритъ: «та страна скоро приближится къ погибели, въ которой граждане общею ревностью не стремятся ко взаимному благу, въ которой допускаютъ, чтобы порокъ торжествовалъ надъ добродѣтелью,—но сколь счастливо то государство, гдѣ правосудіе поставляютъ выше всего! Товарищи! видя, какое несравненное благо проистекаетъ отъ правосудія, захотимъ ли нарушить законы и сдѣлаться недостойными сынами своего отечества?»—«Такъ, милостивые государи, отвѣчаетъ на эту рѣчь младшій засѣдатель, первый долгъ нашъ—оказывать правосудіе; да не совратимся мы съ священнѣйшаго пути его, да будутъ вѣрны вѣсы Ѳемиды въ рукахъ нашихъ—и тогда будетъ невинность благословлять насъ!»—«Что можетъ быть пріятнѣе сей должности, прибавляетъ старшій засѣдатель,—что можетъ быть восхитительнѣе мысли—дѣлать людей счастливыми и доставлять благосостояніе своему отечеству...» и т. д. въ томъ же родѣ. Трудно представить себѣ, насколько практической пользы оказало это «судебное дѣйствіе» на будущихъ уѣздныхъ судей и засѣдателей, но можно смѣло утверждать, что если бы, гораздо позже 1808 года, дѣйствительные уѣздные судьи, нарисованные Гоголемъ, и засѣдатели, описанные И. С. Аксаковымъ, прочли это « открытіе засѣданія», они были бы, какъ выражались въ XVIII столѣтіи, «весьма изумлены». Второе сочиненіе этого

рода—*«Опытъ краткаго руководства для произведенія слѣдствій»*, изданное въ 1833 г. приставомъ уголовныхъ дѣлъ при Московской уголовной палатѣ Орловымъ, съ многозначительнымъ эпиграфомъ «въ чемъ застану — въ томъ и сужду»—достаточно характеризуется, какъ по содержанію, такъ и по степени критическаго анализа существующихъ постановленій, слѣдующимъ *вступленіемъ:* «уголовные законы наши, опредѣляя преступленіе и наказаніе за оныя въ духѣ человѣколюбія, соединеннаго съ истинною справедливостью, предписываютъ лишь нѣкоторыя различія относительно лица преступника».

Книга Стояновскаго, отвѣчавшая, въ виду сказаннаго, насущной потребности, представляетъ стройное и тщательно систематизированное цѣлое. Въ авторѣ виденъ не только опытный законовѣдъ, но и заботливый руководитель своихъ читателей на первыхъ шагахъ ихъ практической дѣятельности. Онъ знаетъ, съ какимъ явнымъ несочувствіемъ относились въ его время къ молодымъ людямъ съ высшимъ образованіемъ, поступавшимъ на службу, вліятельные чины всякаго рода канцелярій, съ какимъ недоброжелательствомъ относились къ нимъ низшіе чины. Имъ давали ироническую кличку «учэный», стараясь поймать и изобличить этого «учэнаго» въ грубомъ незнаніи разныхъ бюрократическихъ условностей и канцелярскихъ формъ и обрядовъ... Поэтому, въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги, въ примѣчаніяхъ и въ приложенныхъ формахъ, Стояновскій старается точно разъяснить смыслъ и взаимное отношеніе различныхъ терминовъ и оборотовъ, усвоенныхъ въ оффиціальной перепискѣ, чтобы оградить вступающую на службу молодежь отъ горделивыхъ упрековъ и ехидныхъ пересмѣшекъ «дьяковъ, въ приказахъ посѣдѣлыхъ».—Но, ограждая первую, авторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушаетъ ей и общія начала, которыми должна быть проникнута ея дѣятельность. Въ эпоху формальнаго отношенія къ судебному дѣлу, онъ даетъ слѣдователю такія указанія, которыя не потеряли бы своей умѣстности и въ наше время. «Всѣ дѣйствія слѣдователя, — говоритъ онъ — должны быть направлены къ достиженію цѣли слѣдствія, состоящей въ томъ, чтобы — а) изыскать, б) получить, в) представить къ дѣлу и г) сохранить—всѣ свѣдѣнія, нужныя судьѣ для произнесенія правильнаго приговора о преступленіи и преступникѣ. Для достиженія этой цѣли необходимы: желаніе открыть истину, умѣніе и власть. Обязанности слѣдователя такъ важны и исполненіе ихъ такъ трудно, что онѣ требуютъ всей добросовѣстности, всего стремленія къ правдѣ, всей дѣятельности, къ какой только способенъ человѣкъ. Одного желанія открыть истину — недостаточно, желаніе это можетъ осуществиться только въ томъ случаѣ, когда слѣдователю будетъ помогать *знаніе* того, что необходимо для полноты слѣдствія — и *умѣніе* достигать до цѣли слѣдствія *тѣми способами*, которые законъ дозволяетъ или предписываетъ употреблять для обнаруженія преступленій».

Теорія формальныхъ доказательствъ не могла не смущать своею *узкостью* Стояновскаго, но еще болѣе должно было его тревожить существовавшее на практикѣ *расширеніе* понятій, выдвигаемыхъ этою теоріею по отношенію къ русскому быту, которое, въ концѣ концовъ, вело къ еще большему стѣсненію дѣятельности слѣдователя въ выборѣ доказательствъ, чѣмъ даже предустановленное формально смотрѣвшимъ закономъ. Поэтому нашему автору «руководства», косвенно характеризуя современное ему судопроизводство, приходилось довольно подробно объяснять, что напр., запрещеніе закона допрашивать

подъ присягою, — каковой обрядъ только и придавалъ, на основ. 1198 ст. XV тома, силу доказательства показанію — свидѣтельствующихъ по *слуху отъ другихъ*, нельзя принимать съ буквальною строгостью (т. е. оставлять въ дѣлѣ лишь старинныхъ «видоковъ», выбрасывая изъ него «послуховъ») и что слѣдуетъ отличать людей, говорящихъ по общему слуху, т. е. молвѣ, отъ удостовѣряющихъ, что кто-либо разсказывалъ имъ объ обстоятельствахъ, относящихся къ составу преступленія. Такъ, ему представлялось необходимымъ указать, что знаменитые «явные прелюбодѣи», устраняемые отъ свидѣтельства, должны быть признаны таковыми духовнымъ судомъ, а не общественнымъ мнѣніемъ или личнымъ убѣжденіемъ слѣдователя;—что для установленія «небытія у исповѣди и Святого Причастія» не нужно производить изслѣдованія, а слѣдуетъ руководиться показаніемъ самого свидѣтеля; — что нельзя считать не только новопріѣзжаго, но всякаго, даже осѣдлаго въ Россіи, иностранца человѣкомъ непригоднымъ для присяжнаго показанія наравнѣ съ убійцами, прелюбодѣями, людьми, портившими тайно межевые знаки, отчужденными отъ церкви и ею проклятыми, — только потому, что «поведеніе его неизвѣстно». Наконецъ, Стояновскій долженъ былъ разъяснить, что *прикосновенныя* къ преступленію лица точно обозначены въ уложеніи о наказаніяхъ, и объявленіе ихъ таковыми, со всѣми его послѣдствіями, не зависитъ отъ личныхъ взглядовъ и усердія слѣдователя. Всѣ эти комментаріи очень поучительны. Они рисуютъ, между прочимъ, *въ какихъ* рукахъ находилась слѣдственная часть и *какъ* понималось, очевидно, многими, опредѣленіе объективной пригодности важнѣйшаго изъ доказательствъ — свидѣтельскаго показанія.

II.

Преподавательская дѣятельность Стояновскаго продолжалась семь лѣтъ. Въ 1854 г. онъ былъ переведенъ на три года въ Москву, гдѣ исправлялъ должность оберъ-прокурора VI и VIII департаментовъ и общаго собранія. Изъ дѣловой переписки съ нимъ министра юстиціи за это время видно, что на трудовую энергію его возлагались большія надежды для освобожденія московскихъ департаментовъ Сената отъ «залежей» въ дѣлахъ, рядъ которыхъ былъ спеціально порученъ его завѣдыванію. Въ 1857 г. онъ вернулся въ Петербургъ въ качествѣ герольдмейстера. И его многосторонняя служба, и его преподавательская дѣятельность, заставлявшая его отъ конкретныхъ обстоятельствъ производившихся у него дѣлъ подниматься въ область общихъ вопросовъ, наболѣвшихъ и настойчиво требовавшихъ своего разрѣшенія,— были хорошею школою для поприща болѣе широкаго, чѣмъ то, которое встрѣтило его въ Петербургѣ. Очистительная жертва Россіи—Севастополь—наполнялъ сердца не только гордостью совершенныхъ въ немъ подвиговъ, но и упованіемъ, что его омытыя кровью развалины послужатъ краснорѣчивымъ указаніемъ на невозможность прежнихъ «глиняныхъ» порядковъ. Въ воздухѣ вѣяло преобразованіями, нужны были умѣлые рабочіе для новыхъ построекъ, знающіе, *что именно* надо срыть и расчистить. И къ *герольдмейстеру* Стояновскому, какъ и къ Зарудному, можно было обратить слова поэта: «иныя ждутъ тебя страданья,—другихъ восторговъ—глубина». Въ 1859 году началось, по замѣчательному выраженію Я. И. Ростовцева, «созданіе русскаго народа». Были

образованы редакціонные комитеты, и созданы «комиссіи для начертанія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ—и о слѣдственной полиціи». Въ нихъ былъ назначенъ членомъ Стояновскій. Онъ оказался среди счастливцевъ, не только приложившихъ руку къ великому дѣлу, но и поставленныхъ такъ, что имъ приходилось каждый день воочію созерцать разгоравшуюся зарю освобожденія, въ то время, когда внизу и даже вокругъ всѣ еще находились въ полумракѣ ожиданія. Приступивъ къ занятіямъ въ сентябрѣ 1859 г., Стояновскій съ жаромъ и любовію принялся за нихъ, обративъ особое вниманіе на преобразованіе слѣдственной части. Помимо участія въ общей работѣ, на немъ лежала прямая нравственная обязанность, завѣщанная годами предшествующаго служебнаго опыта. Она вытекала изъ необходимости создать самостоятельный судебный органъ для производства слѣдствій, свободный отъ заблужденій и невѣжества прежняго времени и поставленный въ условія, благодаря которымъ постоянный произволъ и жестокость обращались бы въ рѣдкое и легко пресѣкаемое злоупотребленіе. Онъ самъ, впослѣдствіи, въ рѣчи о задачахъ кодификаціи пояснилъ на примѣрѣ, до чего могли доходить тогдашнія злоупотребленія. «Въ 1855 году—говорилъ онъ, — составъ судовъ значительно улучшился, но производители слѣдствія остались тѣ же; въ этомъ году, въ VI-мъ департаментѣ Сената, гдѣ я былъ тогда оберъ-прокуроромъ, производилось, по Высочайшему повелѣнію, слѣдствіе о виновныхъ въ составленіи, на трехъ страницахъ, протокола о собственномъ признаніи государственнаго крестьянина въ убійствѣ жены, которая, черезъ годъ послѣ наказанія подсудимаго плетьми и ссылки его въ каторжныя работы, оказалась живущею въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, гдѣ жилъ ея мужъ. Протоколъ этотъ былъ подписанъ чернилами разныхъ цвѣтовъ, семью должностными лицами, составляющими временное отдѣленіе земскаго суда, въ томъ числѣ исправникомъ, становымъ приставомъ, уѣзднымъ стряпчимъ, депутатомъ со стороны государственныхъ имуществъ и священникомъ, увѣщевавшимъ подсудимаго. Оказалось, что протоколъ написанъ письмоводителемъ станового пристава и ложенъ отъ перваго слова до послѣдняго». Чтобы освѣтить особое значеніе подобныхъ случаевъ—надо припомнить, что при обвиненіяхъ даже въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, подсудимый получалъ право добиваться правосудія въ Сенатѣ не ранѣе, какъ *послѣ* исполненія надъ нимъ приговора и прибытія на мѣсто ссылки.

Не меньшихъ размѣровъ было и юридическое невѣжество, выражавшееся хотя бы въ названіяхъ дѣлъ, показывавшихъ, какое ясное понятіе отдавали себѣ иногда производители первоначальнаго изслѣдованія о составѣ преступленія и *какъ* опредѣляли они его родъ и видъ. Не говоря уже о сдѣлавшихся классическими заголовкахъ, въ родѣ: «о найденныхъ въ лѣсу костяхъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ, повидимому солдатскихъ» (по причинѣ найденной между ними форменной пуговицы) или «о подложномъ присвоеніи крестьянскому мальчику Василію женскаго пола», я позволю себѣ привести названія полицейскихъ дознаній, лично мною разсмотрѣнныхъ уже въ 1870 г. при ревизіи слѣдственной части въ Казанской губерніи:— «о кладнушкѣ, усмотрѣнной на Волгѣ» (дѣло объ убійствѣ, съ четырьмя обвиняемыми; кладнушка—палубная лодка съ мачтою), «о публичномъ произнесеніи крестьяниномъ N.N. похвальныхъ словъ»,—«объ угрозахъ дворянина N.N. учинить надъ собою рѣзьбу»,—«о *дракѣ* со взломомъ», «объ учиненіи

мѣщанскому старостѣ кулаками буйства на лицѣ» и т. д. При delicta carnis эти названія были еще болѣе характерны.

Благодаря Стояновскому, принявшему весь трудъ на себя, чрезъ 10 мѣсяцевъ не только были выработаны, проведены въ законодательномъ порядкѣ, но и утверждены (8 іюня 1860 г.): *Учрежденіе судебныхъ слѣдователей, Наказъ судебн. слѣдователямъ* и *Наказъ полиціи о производствѣ дознаній*. Коренныя начала этихъ узаконеній, изложенныхъ точнымъ и сжатымъ языкомъ, сводились къ тому, что по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, къ обязанности полицейскихъ и другихъ, не принадлежащихъ къ судебному вѣдомству должностныхъ лицъ, было отнесено только первоначальное изысканіе и раскрытіе тѣхъ существенныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ вести къ заключенію, что въ изслѣдуемомъ происшествіи заключается преступленіе или проступокъ (Учрежд. ст. 9); все остальное изслѣдованіе возлагалось на членовъ уѣзднаго суда (ст. 2), именуемыхъ судебными слѣдователями (ст. 1), получившихъ высшее или среднее образованіе и отличившихся опытностью въ уголовныхъ дѣлахъ и добросовѣстностью (ст. 3). Они давали законное направленіе слѣдствію, но право прекращенія, пріостановки или измѣненія направленія принадлежало исключительно суду (ст. 18). Какъ слышатся въ этомъ будущія постановленія Судебныхъ Уставовъ! Личность заподозрѣннаго, бывшаго дотолѣ предметомъ произвольныхъ дѣйствій, получала свои законныя права. Онъ былъ огражденъ рядомъ постановленій о контролѣ надъ лишеніемъ его свободы (наказъ ст. 86 и др); правомъ присутствія при осмотрахъ и обыскахъ (ст. 45 и 56); обязанностью слѣдователя охранять его тайны (ст. 63). Вмѣстѣ съ тѣмъ ограждались и интересы правосудія. Установлена провѣрка техническихъ изслѣдованій по дѣлу и актовъ осмотра,—прочтеніе актовъ допроса важныхъ свидѣтелей и сознающагося обвиняемаго при нихъ же и не менѣе, какъ при двухъ свидѣтеляхъ (ст. 83 и 105). Установлялась *внутренняя дисциплина* слѣдствія—введеніемъ протоколовъ судебныхъ дѣйствій, мотивированныхъ постановленій о распоряженіяхъ слѣдователя и внесеніемъ всего происшедшаго и предпринятаго въ *общую дневную записку*, излагающую весь ходъ слѣдствія съ точнымъ обозначеніемъ времени (ст. 17 и 22). Наконецъ, и Учрежденіе, и Наказъ предусматриваютъ свойственныя людямъ увлеченія и возможность односторонняго, ошибочнаго взгляда ихъ, при вѣрѣ въ свою непогрѣшимость, и стараются, въ рядѣ указаній, напоминать слѣдователямъ о необходимости своевременнаго, т. е. не слишкомъ поздняго или не слишкомъ поспѣшнаго привлеченія заподозрѣннаго въ качествѣ обвиняемаго.

Стояновскій какъ бы предугадывалъ одинъ изъ важныхъ недостатковъ, которымъ страдаетъ иногда, къ великому сожалѣнію, наше современное слѣдствіе. Или слѣдователь, увѣровалъ въ правильность своего взгляда и, что еще хуже, «чутья» и неточно измѣривъ силу и значеніе представляющихся ему уликъ—восклицать: «эврика! эврика!» и спѣшитъ привлечь въ качествѣ обвиняемаго человѣка, о которомъ, затѣмъ, приходится прекращать слѣдствіе, оставляющее въ обществѣ все-таки тяжкое для освобожденнаго отъ преслѣдованія воспоминаніе, нравственный вредъ котораго можетъ быть неисчислимъ;—или же, считая себя особаго рода тактикомъ и стратегомъ, слѣдователь *переполняетъ* разрастающее въ нѣсколько томовъ слѣдствіе разными данными и, давно имѣя право и даже *обязанный* привлечь обвиняемаго, не трогаетъ

его, производя свои дѣйствія безъ него лишая его законнаго присутствія при своихъ дѣйствіяхъ, отдавзя его мучительноту сознанію, что о немъ что-то такое, невѣдомое ему производится. Привлеченіе дѣлается уже тогда, когда такое *гипертрофированное* слѣдствіе въ сущности закончено и заподозрѣнный подавленъ и неожиданностью узнаннаго имъ и невозможностью представить своевременныя опроверженія тотчасъ послѣ полученія слѣдователемъ тѣхъ или другихъ данныхъ. Такое неправильное и противорѣчащее нормальнымъ условіямъ правосудія *сознательно запоздалое* привлеченіе иногда еще усугубляется тѣмъ, что, вслѣдствіе погони за характеристиками, за изслѣваніемъ не преступленія, а всей личности предполагаемаго преступника въ его житейской обстановкѣ—въ дѣло широкою волною вливаются показанія и сообщенія, не имѣющія отношенія ни къ составу преступленія, ни къ тѣмъ свойствамъ обвиняемаго, которыя вызвали движущія побужденія его дѣянія. Къ *незаконному* любопытству слѣдователя жадно прислушивается *нездоровое* любопытство толпы, и самое судебное разбирательство, подъ вліяніемъ того и другого, можетъ грозить обратиться въ непредусмотрѣнное закономъ нравственное мучительство. Нашъ кассаціонный судъ началъ бороться съ этимъ явленіемъ въ рѣшеніи по громкому дѣлу Палемъ, обвинявшейся въ убійствѣ студента Довнара. Нельзя не пожелать его дальнѣйшимъ рѣшеніямъ въ этомъ направленіи непреклонной и настойчивой послѣдовательности, отъ которой онъ, однако, отступилъ въ 1900 году по дѣлу графини نиродъ, представляющему яркій образчикъ именно такого незаконнаго любопытства слѣдователя.

Добросовѣстное увлеченіе и односторонніе пути изслѣдованія, даже и безъ всякаго личнаго желанія слѣдователя отличиться, а лишь въ надеждѣ на успѣхъ правосудія въ борьбѣ съ хитростью и ловкостью нарушителя закона, свойственны единоличному образу дѣйствій, причемъ, по свойству этихъ дѣйствій, совѣщаніе съ кѣмъ-либо едва ли возможно. Это озабочивало Стояновскаго, и онъ ввелъ въ 13 и 15 ст. Учрежденія—для производства слѣдствій въ особенно важныхъ случаяхъ *слѣдственныя коммиссіи*, назначаемыя судебными мѣстами. Участвуя въ качествѣ лица прокурорскаго надзора во введеніи судебной реформы въ Харьковскомъ и Казанскомъ судебныхъ округахъ, я имѣлъ случай ознакомиться со многими слѣдствіями, произведенными *старыми* судебными слѣдователями. Въ томъ числѣ было и произведенное слѣдственною коммиссіею очень сложное, обширное дѣло о поддѣлкѣ серій въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ, надѣлавшее большого шума, окончательно рѣшенное старыми судами и возобновленное Государственнымъ Совѣтомъ уже послѣ введенія новаго суда. И я могу удостовѣрить, что Наказъ 1860 года, при добросовѣстномъ его примѣненіи, былъ надежнымъ и прочнымъ орудіемъ для изслѣдованія преступленія безъ ущерба интересамъ закона и безъ напраснаго вреда интересамъ личности. Этотъ Наказъ — результатъ усиленныхъ трудовъ Стояновскаго—былъ преддверіемъ къ уставу уголовнаго судопроизводства 1864 г. Имъ было положено начало дѣятельности *созидающей* въ великой творческой работѣ русскаго судебнаго преобразованія. Наказъ былъ не только *практическая мѣра* для своего времени, не только цѣнный историческій *памятникъ* по отношенію къ прошлому, но и своего рода *завѣтъ* для будущаго. Онъ знаменовалъ собою проведенную въ 1860 г. границу, за которую возвращаться нельзя, не рискуя, пошатнувъ

все зданіе уголовнаго процесса, очутиться снова въ тѣхъ дебряхъ, среди которыхъ блуждала, въ теченіе многихъ лѣтъ, изнывая, потребность общества въ *дѣйствительномъ правосудіи*, подъ видомъ заботы о которомъ, въ недавніе уже годы, министромъ юстиціи Муравьевымъ, предлагались снова преобразованія весьма сомнительнаго свойства...

III.

Такъ началъ Стояновскій свою дѣятельность въ области *осуществленія* тѣхъ реформъ, необходимость которыхъ давно сложилась и окрѣпла въ душѣ его и его соратниковъ. Назначенный 6 января 1861 года статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта по департаменту духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, онъ сталъ въ непосредственныя отношенія съ Бутковымъ, практическому уму котораго, энергіи и умѣнію привлекать къ работѣ соотвѣтствующихъ людей столь много обязана Россія въ дѣлѣ судебнаго преобразованія. Говоря о Ровинскомъ и Зарудномъ, я подробно излагалъ, какъ возникали и сложились Судебные Уставы. Не стану повторять этого, но напомню только, что первоначальныя «предначертанія» по уголовному и гражданскому судопроизводству не сходились между собою въ основныхъ, руководящихъ положеніяхъ, и что правила судоустройства не были согласованы ни съ тѣми, ни съ другими. Все грозило затянуться или явиться въ качествѣ работы, въ которой личному усмотрѣнію отдѣльныхъ вѣдомствъ могло быть отведено чрезмѣрное мѣсто. Нужно было властное указаніе на непреложную необходимость объединенія всѣхъ работъ подъ эгидою «основныхъ началъ», проникнутыхъ однимъ духомъ—и твердое начертаніе хода разсмотрѣнія работъ въ самомъ Государственномъ Совѣтѣ. Это было достигнуто превосходнымъ докладомъ Государю, въ октябрѣ 1861 года, докладомъ, съ ближайшихъ послѣдствій котораго собственно и начинается судебная реформа. Заслуги Буткова не должны быть забыты историкомъ нашего гражданскаго развитія. «Не подлежитъ никакому сомнѣнію,— говорилъ Стояновскій въ рѣчи, произнесенной въ годовомъ собраніи петербургскаго юридическаго общества въ 1882 г.,—что безъ энергической настойчивости Буткова и его умѣнья устранять препятствія, неоднократно встрѣчавшіяся при разсмотрѣніи новыхъ началъ, внесенныхъ въ Судебные Уставы,—утвержденіе ихъ въ томъ видѣ, какъ оно состоялось, и обращеніе къ исполненію могло бы значительно замедлиться».

Дѣятельнымъ сотрудникомъ Буткова во всемъ, что касалось трудовъ по Уставамъ, сталъ и авторъ «Наказа судебнымъ слѣдователямъ», работая въ то же время, въ качествѣ члена въ комиссіяхъ: объ отмѣнѣ винныхъ откуповъ и о частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ по залогу недвижимыхъ имуществъ. Но черезъ годъ судьба поставила его въ другое положеніе. Изъ *сотрудника* онъ сдѣлался *критикомъ*. Въ ноябрѣ 1862 г. Стояновскій былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи и продолжалъ, рука объ руку съ Д. Н. Замятнинымъ, работать все для тѣхъ же Судебныхъ Уставовъ. Однако, характеръ работы былъ другой: нужно было представить въ Государственный Совѣтъ отзывы и замѣчанія министра юстиціи на проекты, составленные комиссіей. Важность этихъ отзывовъ самихъ по себѣ усугублялась еще и тѣмъ, что, соглашаясь съ какими-либо изъ предлагаемыхъ мѣръ или съ тѣмъ

или другимъ устройствомъ или порядкомъ, министръ юстиціи принималъ на себя прямую обязанность осуществить ихъ на практикѣ. Иными словами, соглашаясь на то, *что* надо сдѣлать, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ быть увѣренъ, что знаетъ, *какъ* и *какими средствами* это сдѣлать. А для послѣдняго, рядомъ съ обсужденіемъ работъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта, нужно было заранѣе готовиться къ трудной и отвѣтственной задачѣ введенія Судебныхъ Уставовъ и подготовлять для этого нравственную и матеріальную почву.

Отношенія между Замятнинымъ и Стояновскимъ были самыя желательныя. Высоко цѣня своего ближайшаго помощника, вѣря ему вполнѣ, Замятнинъ поставилъ Стояновскаго въ положеніе дѣятельной и авторитетной силы во всемъ, что касалось будущихъ Судебныхъ Уставовъ. Не думая о возможности быть «затемненнымъ» своимъ блестящимъ по опыту и трудоспособности товарищемъ, горячо вѣруя въ способность и готовность русскаго народа къ воспріятію улучшенныхъ и требующихъ самодѣятельности формъ суда, цѣня побужденія своихъ сотрудниковъ и со спокойной твердостью отдаваясь несшей его волнѣ необходимыхъ преобразованій, Замятнинъ сослужилъ большую службу судебному дѣлу. «Человѣкъ мира», по выраженію Стояновскаго, онъ умѣлъ отстаивать собирательную работу своихъ помощниковъ и чувствовать въ своемъ благородномъ сердцѣ біеніе ихъ сердецъ, исполненныхъ упованія на обновленіе родины.

Для обсужденія и составленія замѣчаній на проектѣ комиссіи по начертанію Судебныхъ Уставовъ, Замятнинымъ было образовано особое совѣщаніе, гдѣ первую скрипку игралъ Стояновскій. Совѣщаніе собиралось въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, по три раза въ недѣлю, по вечерамъ, работая каждый разъ по шести часовъ. Редактировалъ всѣ отзывы и замѣчанія Стояновскій. А сдѣлано ихъ было 1160, причемъ нѣкоторые были весьма обширны. Для поддержанія выраженныхъ въ нихъ мнѣній и для представленія объясненій и соображеній по дѣлу о судебной реформѣ, Стояновскому 19-го февраля 1864 года было поручено участвовать въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. Это порученіе указываетъ, какое значеніе труду и личности своего товарища въ дѣлѣ судебнаго преобразованія придавалъ Д. Н. Замятнинъ. Было бы излишнимъ утомлять читателей подробною оцѣнкою и характеристикою замѣчаній и отзывовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Стояновскаго. Достаточно сказать, что общій ихъ характеръ можетъ быть опредѣленъ словами: *любящая осторожность*. Два главныхъ дѣятеля комиссіи о преобразованіи судебной части—Зарудный и Буцковскій внесли въ свою работу и глубокій трудъ, и сердечную теплоту. Ихъ заслуги въ этомъ отношеніи велики и прочны. Но живая впечатлительность искрящагося ума перваго изъ нихъ и нѣкоторая теоретическая прямолинейность второго иногда ложились въ основаніе взглядовъ, хотя и возвышенныхъ, но возможность успѣшнаго и немедленнаго осуществленія которыхъ въ жизни опровергалась массою практическихъ матеріаловъ, стекавшихся къ Министерству Юстиціи, между прочимъ, и отъ такихъ хорошо освѣдомленныхъ лицъ, каковыми были губернскіе прокуроры. Конечно: «тьмы *низкихъ* истинъ намъ дороже—насъ *возвышающій* обманъ», но для успѣха законодательныхъ работъ—наряду со стремленіемъ къ возвышеннымъ цѣлямъ, не надо забывать и печальной дѣйствительности богатой «низкими истинами». Это тоже своего рода *девіація компаса*, съ кото-

рою долженъ считаться опытный мореплаватель. Объ этихъ сторонахъ будущаго приложенія къ жизни новыхъ учрежденій и напоминала въ отзывахъ министра юстиціи Государственному Совѣту любящая осторожность Стояновскаго.

Періодъ *осуществленія* судебнаго преобразованія окончился въ незабвенный день 20-го ноября 1864 г. Стояновскій могъ съ удовлетвореннымъ чувствомъ смотрѣть на эти годы незнавшаго устали и плодотворнаго труда. Какъ энергическій и вѣрный работникъ, постигшій высокій замыселъ строителя, онъ всѣми силами души и знанія участвовалъ въ возведеніи величаваго зданія Судебныхъ Уставовъ. Когда оно воздвигалось—скороспѣлые и невѣжественные порицатели стали находить, что въ новый храмъ правосудія внесены чуждыя прежнему культу изображенія иновѣрныхъ божествъ. Да! это такъ... Эти божества назывались—равноправностью, уваженіемъ къ человѣческому достоинству, гласностью, открытою защитою, независимостью судей и т. д. Такъ было и въ римскомъ Пантеонѣ. И его гармоническія мраморныя стѣны принимали въ свои нѣдра изображенія, свойственныя чуждымъ суровому Риму культамъ,—и къ этимъ стѣнамъ, искажая ихъ классическую красоту, пристраивались впослѣдствіи рѣжущія глазъ башенки... Но ихъ потомъ сняли—и чудный куполъ, съ яркимъ круглымъ отверстіемъ въ синее небо, по-прежнему наполняетъ душу вошедшаго благодарнымъ восхищеніемъ предъ строителемъ храма. То же будетъ и со зданіемъ Судебныхъ Уставовъ, пока основныя ихъ начала будутъ неприкосновенны. Пускай внутри зданія, за время его существованія, кое-что передвинуто и сломано, а внѣ его—кое-что и пристроено—оно все еще хранитъ въ себѣ глубокую мысль строителя—и чрезъ его куполъ, сведенный надъ его основами, все еще свѣтитъ голубое небо высокихъ идеаловъ!..

Второй періодъ преобразованія — осуществленіе подготовленнаго— былъ завершенъ. Начался третій—*организація дѣла на практикѣ*. И въ немъ Стояновскому пришлось играть хотя и не бросавшуюся въ глаза, но важную и существенную роль. Нужно было избрать мѣста для отправленія новаго суда,—выработать способы и порядокъ перехода отъ стараго къ новому и, главное, намѣтить и выбрать новыхъ дѣятелей. Для осмотра мѣстъ, гдѣ можно помѣстить новыя судебныя учрежденія въ Москвѣ, Стояновскій ѣздилъ въ «Бѣлокаменную» и тщательно занимался вопросами объ условіяхъ приспособленія стараго помѣщенія Сената, устроеннаго высоко-талантливымъ Казаковымъ, къ потребностямъ новыхъ судовъ. Онъ же распорядился объ очисткѣ и приведеніи въ блестящій видъ величественной круглой залы этого зданія, обращенной распоряженіями Аракчеева въ состояніе «мерзости запустѣнія». На немъ же лежали и главныя хлопоты по переговорамъ и изслѣдованіямъ, касавшимся избранія зданія судебныхъ установленій въ Петербургѣ, причемъ приходилось переходить отъ одного проекта къ другому, входя въ сложные архитектурные и финансовые разсчеты. Не менѣе важны были мѣры по подготовкѣ почвы для примѣненія Судебныхъ Уставовъ. Если прослѣдить за законодательными работами министерства юстиціи, получившими затѣмъ, установленнымъ порядкомъ, Высочайшее утвержденіе, то нельзя не замѣтить, что всѣ руководящіе дѣятели этого министерства, въ теченіи полутора лѣтъ, прошедшихъ отъ изданія Уставовъ до ихъ введенія, были проникнуты постоянною мыслью о новомъ дѣлѣ и заботою облегчить житейскія условія и

обстановку, въ которыхъ ему придется возникнуть на Руси. Не разъ было замѣчаемо, что взоръ женщины, готовящейся быть матерью, всегда обращенъ въ какую-то, видимую лишь ей, таинственную область, гдѣ постепенно разгорается огонекъ вновь зажженной жизни. Такой внутренній взоръ, заботливый и тревожный, радостный и внимательный устремляло центральное управленіе министерства юстиціи, во главѣ съ Замятнинымъ и Стояновскимъ, на постепенное развитіе и ростъ порученнаго имъ дѣла претворенія чудной книги закона въ житейскую дѣйствительность. Поэтому, почти всѣ мѣры, проводимыя министерствомъ, сводились къ одному—къ предстоящему введенію Судебныхъ Уставовъ. Надлежало хоть немного пріучить общество, да и самихъ судей, къ гласности и устности производства—и вотъ появляются, сопровождаемые рядомъ циркулярныхъ разъясненій, законы 11-го и 28-го октября 1865 г. о допущеніи публики въ судебныя мѣста стараго устройства и о разрѣшеніи ей присутствовать при докладахъ вообще и при объясненіяхъ сторонъ въ дѣлахъ гражданскихъ; желательно было развить въ обществѣ правильный взглядъ на адвокатовъ, какъ на необходимыхъ участниковъ состязательнаго процесса, въ которыхъ уже невозможно было видѣть старыхъ «строчилъ» и «подъячихъ»— и 22-го февраля 1866 года является Высочайшее повелѣніе о сохраненіи за камеръ-юнкерами и камергерами придворнаго званія при поступленіи ихъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ; нельзя было ставить судъ въ ложное и недостойное положеніе при объявленіи приговоровъ о смягченіи, на осн. 3 п. ст. 166 уложенія, уголовныхъ наказаній иновѣрцамъ, принявшимъ во время суда православную или вообще христіанскую вѣру — и 24-го марта 1866 г. этотъ пунктъ, допускавшій оффиціальную сдѣлку съ преступникомъ во имя увеличенія вѣрующихъ посредствомъ угрозы каторгою и поселеніемъ,—былъ отмѣненъ; наконецъ, необходимо установить внутренній распорядокъ въ судахъ и вмѣстѣ указать путь, коимъ этотъ распорядокъ, видоизмѣненный жизнью и сведенный къ единству, можетъ воспріять силу закона — и 15-го марта 1866 года издаются соотвѣтствующія правила о внутреннемъ устройствѣ судовъ и о порядкѣ изданія общаго наказа. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ отживающемъ порядкѣ, покуда онъ еще не умеръ, желательно было поставить въ наиболѣе благопріятныя условія все лучшее — и поэтому 7-го марта 1866 года старый губернскій прокуроръ — прекрасная и, къ сожалѣнію, до крайности съуженная впослѣдствіи должность—освобождается отъ массы излишнихъ и формально исполняемыхъ занятій, съ расширеніемъ области его полезной и вліятельной дѣятельности. Во всѣхъ представленіяхъ по этимъ вопросамъ чувствуется направляющая рука Стояновскаго, а иногда слышится и его личный слогъ...

Но самое важное—были назначенія. Въ нихъ и принялъ самое живое и внимательное участіе Стояновскій. Необходимость самаго тщательнаго выбора заставляла его стоять за первоначальное открытіе только двухъ судебныхъ округовъ—Петербургскаго и Московскаго. Онъ боялся, что для открытія новыхъ судовъ сразу по всей Россіи, какъ того горячо желалъ Зарудный, не хватитъ подходящихъ людей, а неподходящіе уронятъ новое дѣло. Чтобы видѣть, съ какимъ вниманіемъ и разборомъ были произведены первыя назначенія, достаточно назвать первыхъ кассаціонныхъ сенаторовъ—Виктора Антоновича Арцимовича, Зубова, Буцковскаго, Любощинскаго, перваго уголовнаго кассаціоннаго оберъ-прокурора Ковалевскаго, первыхъ старшихъ предсѣдателей

палатъ—Гольтгоера и Полѣнова,—первыхъ предсѣдателей столичныхъ судовъ, —Мотовилова и Люминарскаго, столь чтимаго москвичами, звѣроподобная наружность котораго не застилала чистой души настоящаго судьи, «судьи отъ головы до ногъ», какъ сказалъ бы о немъ король Лиръ. Въ числѣ вновь назначенныхъ на должности товарищей прокуроровъ и членовъ суда было не мало людей, неизмѣнно украшавшихъ собою судебное сословіе. Нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи принесли съ собою на высшіе посты государственнаго служенія тѣ же чувства и понятія, которыя заставили Стояновскаго, во время оно, указать на нихъ Замятнину. Эти указанія были основаны не на мертвящемъ цензѣ выслуги, а на животворящемъ духѣ, на любви къ новому дѣлу, на житейскомъ опытѣ избираемыхъ. Замѣчательно, что оба первоприсутствующіе кассаціонныхъ департаментовъ—не были юристами по образованію. Карніолинъ-Пинскій окончилъ курсъ въ педагогическомъ институтѣ, Башуцкій—въ пажескомъ корпусѣ. Но они глубоко понимали важность возложенной на нихъ трудной задачи и, въ виду недалекой уже могилы, приложили всѣ уцѣлѣвшія свои силы, чтобы выполнить ее съ честью для новаго суда. Такъ явилась обширная и стройная группа судебныхъ дѣятелей, восторженно преданныхъ служенію дѣлу правосудія и новымъ началамъ, обезпечивающимъ послѣднее. Эта группа, учительница ближайшихъ послѣдующихъ поколѣній, выросла тамъ, гдѣ еще недавно было «мѣсто пусто, мѣсто безводно, мѣсто безплодно»...—Судебные Уставы создали, какъ типъ, *судью-человѣка;* первые дѣятели дали этому типу живое воплощеніе. Въ этомъ ихъ незабвенная заслуга,—и если теперь приходится слышать, что подъ вліяніемъ разныхъ причинъ среди представителей судебнаго вѣдомства начинаютъ появляться ремесленники судебной профессіи, безразличные въ выборѣ, вѣдомства чиновники и диллетанты, чуждые духу и строгимъ требованіямъ Судебныхъ Уставовъ, то съ этимъ явленіемъ надлежитъ бороться путемъ терапіи и профилактики, но унывать не слѣдуетъ: прошлое свѣтлыхъ годовъ судебной реформы говоритъ намъ, что въ Россіи возможны настоящіе судебные дѣятели, что они еще отчасти есть, что они были — и, слѣдовательно. снова могутъ возродиться!

IV.

Какъ и слѣдовало ожидать, судебная реформа не могла быть всѣмъ пріятною, хотя ожиданіе ее вовсе не возбудило въ комъ-либо, — быть можетъ, кромѣ обреченныхъ на исчезновеніе разнаго рода «приказныхъ» и старыхъ ходатаевъ,—такого чувства раздраженія, безсильной злобы и унынія, какъ ожиданіе освобожденія крестьянъ, которое даже извѣстный московскій генералъ-губернагоръ графъ Закревскій называлъ «задуманною въ Петербургѣ глупостью». Но когда послѣднее свершилось — примиреніе съ безповоротностью новаго уклада общественнаго быта наступило скоро. Иначе обстояло съ реформою суда. Старый судъ былъ такъ нехорошъ и такъ давалъ себя чувстововать всѣми своими непривлекательными сторонами, что огромное большинство привѣтствовало его постепенное упраздненіе. Но то, что его замѣнило, столь привлекательное въ повѣствованіяхъ, въ журнальныхъ

статьяхъ и въ объясненіяхъ прикосновенныхъ къ новому дѣлу лицъ, оказалось при практическомъ съ нимъ знакомствѣ для многихъ довольно непріятнымъ. Однихъ изъ отдѣльныхъ лицъ, «потерпѣвшихъ отъ новаго суда», возмущала гласность производства, столь интересная по отношенію къ *другимъ* и столь нежелательная по отношенію *къ себѣ;* — другимъ трудно было переварить равноправность не на словахъ, а на дѣлѣ; — третьи не могли взять въ толкъ кассаціи; многихъ, наконецъ, раздражало то, что «судейскіе», еще недавно столь услужливые, въ лицѣ разнообразныхъ секретарей и коммисаровъ, допускавшіе брезгливо-фамильярное съ собою обращеніе — стали «что-то такое и себѣ воображать» и все подводить подъ несносное иго «ихнихъ законовъ» и т. д. Недовольны были чиновники разныхъ вѣдомствъ особыми правами и преимуществами судей и тѣмъ, что за такую же службу, какую несутъ и другіе, они получаютъ гораздо бо̀льшее, за исключеніемъ лишь акцизныхъ чиновъ, вознагражденіе... Зависть, облеченная въ разныя формы, не хотѣла, а быть можетъ, и не могла понять, что между работою мыслящаго и способнаго чувствовать судьи и работою столоначальниковъ разныхъ ранговъ — была громадная разница въ нравственной тяжести необходимыхъ сомнѣній при рѣшеніи матеріальной или личной судьбы человѣка. Явное преобладаніе нервныхъ заболѣваній и опаснаго переутомленія среди лицъ судебнаго вѣдомства, давно уже отмѣченное авторитетными врачами, съ грустной осязательностью доказало существованіе этой разницы, а учрежденіе благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства дало возможность оцѣнить чрезмѣрность судебныхъ окладовъ, нынѣ едва обезпечивающихъ семьи многихъ отъ нищеты... На почвѣ этого недовольства и выросла та своеобразная бухгалтерія, которая состояла въ томъ, что въ *активъ* новыхъ судовъ, не смотря на весь ихъ трудъ и дѣятельную пользу, не писалось ничего, — но въ *пассивъ* со злорадною поспѣшностью заносилась каждая ошибка, каждый промахъ, столь неизбѣжные въ новомъ дѣлѣ. Въ то время, когда выводы изъ такого добросовѣстнаго счета оказывали свое неизбѣжное вліяніе, министерство юстиціи изнемогало отъ массы связанной въ введеніемъ Уставовъ работы, для которой наличныя его трудовыя силы не были усилены. Достаточно сказать, что законодательному отдѣленію министерства, въ его обычномъ составѣ, пришлось, кромѣ множества текущихъ дѣлъ, безотлагательно приступить къ составленію *временныхъ* правилъ для младшихъ и старшихъ натаріусовъ и правилъ для производства дѣлъ опекунскихъ, межевыхъ, о нестостоятельности и объ утвержденіи духовныхъ завѣщаній. Невольные и мелочные недостатки спѣшной работы находили суровыхъ и безпощадныхъ порицателей. Все это, вмѣстѣ взятое, создало вокругъ главныхъ дѣятелей министерства юстиціи атмосферу неуловимаго недовольства, а убѣжденная защита дѣятельности судовъ и самыхъ Судебныхъ Уставовъ отъ поспѣшныхъ и продиктованныхъ недоброжелательствомъ заплатъ и перекроекъ — составила имъ репутацію неудобной неуступчивости. 1-го января 1867 г. дѣятельность Стояновскаго по организаціи судебнаго преобразованія прекратились. Онъ былъ назначенъ сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента. Черезъ четыре съ половиною мѣсяца ушелъ со своего поста и Замятнинъ. Дѣло дальнѣйшаго распространенія и примѣненія Судебныхъ Уставовъ было передано въ другія руки, не оправдавшія, однако, тайныхъ вожделѣній ненавистниковъ новаго судебнаго строя и не

разъ — впослѣдствіи, чрезъ много лѣтъ — прямодушно обращавшіяся къ убѣжденной и горячей поддержкѣ основныхъ началъ этихъ самыхъ Уставовъ...

Для человѣка, привыкшаго непосредственно влiять на условія общественнаго склада, дѣйствуя единолично, на свой собственный страхъ, и «вкладываться» въ ту или другую работу по искреннему къ ней влеченію,— переходъ въ коллегію всегда бываетъ тяжелъ и сопровождается, первое время, незамѣтнымъ для окружающихъ, но чувствительнымъ для перешедшаго душевнымъ настроеніемъ. Изъ области разумной смѣлости, скорой осуществимости, непосредственнаго проникновенія въ сущность вопроса и личной нравственной отвѣтственности за то или другое разрѣшеніе его — приходится обратиться къ раздѣленію труда, къ безличности его результатовъ, къ необходимости подчасъ дѣлиться тѣмъ, что выстрадано сердцемъ, съ лѣнивымъ или равнодушнымъ мышленіемъ коллегъ, растворяя въ немъ и обезцвѣчивая свою любовь къ дѣлу, свое негодованіе или свое ощущеніе стыда... Приходится или идти со всѣми, не стѣсняя себя высказаннымъ взглядомъ, или же погрузиться въ потокъ безцѣльныхъ и безплодныхъ «особыхъ мнѣній», который впадаетъ въ рѣку забвенія... Судьба была, однако, и въ этомъ случаѣ благосклонна къ Стояновскому. Кассаціонный судъ, только что тогда образованный, можетъ имѣть въ своей коллегіальной дѣятельности живыя и привлекательныя стороны. На немъ лежитъ не только разъяснить законъ, но и бдительно слѣдить за нарушеніеми процессуальнаго порядка, твердо устанавливая для оцѣнки ихъ одни и тѣ же основанія безотносительно къ лицамъ, въ нихъ повиннымъ, къ мѣстнымъ и временнымъ условіямъ... Въ этомъ должна состоять его *священная обязанность* предъ роднымъ правосудіемъ, неисполненіе или лицемѣрное исполненіе которой лишаетъ этотъ судъ его высокаго значенія. Но въ то время роль кассаціоннаго сената была еще и творческая, въ настоящемъ смыслѣ слова. Надо было пріучить новые суды къ правильности трояcharacteristicого отношенія — къ людямъ, къ понятіямъ и къ законамъ. Слѣдовало установить — властно и внушительно какъ должны держать себя судьи по отношенію къ сторонамъ, свидѣтелямъ, подсудимымъ, — указать все нежелательное въ пріемахъ судебныхъ преній, — выяснить сложныя понятія о составѣ преступленій и степеняхъ участія въ нихъ — и, наконецъ, подавая примѣръ изслѣдованій духа и разума закона, побѣдить въ судьяхъ унаслѣдованный изъ прежнихъ временъ суевѣрный страхъ предъ проникновеніемъ въ *мысль* законодателя. Для дѣятельнаго и отзывчиваго человѣка работа въ такой коллегіи, особенно при ея тогдашней малочисленности, представляла много содержательнаго. Первые шаги Стояновскаго на новомъ поприщѣ были очень скромны. Первую половину 1867 года онъ, очевидно, приглядывался и присматривался, занимаясь, преимущественно, дѣлами, близкими ему по прежней службѣ и, такъ сказать, муждувѣдомственными, т.-е. дѣлами о многообразныхъ пререканіяхъ и о нарушеніяхъ уставовъ казенныхъ управленій. Но со второй половины 1867 года и весь 1868 годъ онъ начинаетъ докладывать и писать рѣшенія по дѣламъ первостепенной важности, внося въ изложеніе послѣднихъ свой простой, чуждый юридической сухости и канцелярской рутины языкъ и соображенія, почерпнутыя изъ серьезнаго знанія жизни. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣшеній занимаютъ болѣе печатнаго листа мелкаго шрифта—

и каждое содержитъ руководящія разъясненія. Такъ изъ области *уголовнаго права*—онъ опредѣляетъ и характеризуетъ сущность и отличительныя черты грабежа (д. Рогожскаго кладбища), вооруженной кражи (д. Захарова и Андреева) и шайки (д. Рябинина), различіе поддѣлки кредитныхъ бумагъ механическимъ и ручнымъ способомъ (д. Яковлева и Шемберга), значеніе присутственной камеры (д. Гаврилова), различіе повторенія и совокупности преступленій (д. Колошевскаго) и значеніе конфискаціи, какъ уголовнаго наказанія;—въ области *уголовнаго процесса* онъ выясняетъ отношеніе суда и сторонъ къ личности свидѣтелей во время судебнаго слѣдствія и преній (д. Ситскаго), отношенія между прокуроромъ и предсѣдателемъ на судѣ (д. Михѣева), ставитъ въ опредѣленныя границы допросъ обвиняемаго (д. Хотева) и объявителя о преступленіи, котораго первое время иногда смѣшивали съ гражданскимъ истцомъ (д. Федосѣева),—даетъ первыя руководящія начала для постановки вопросовъ (д. Бильбасова) и разъясняетъ характеръ преюдиціальныхъ вопросовъ, возникающихъ по 27 ст. уст. угол. суд.—Наконецъ, по вопросамъ о *нравственныхъ условіяхъ дѣятельности* судей онъ является авторомъ двухъ очень важныхъ рѣшеній—объ отношеніи повѣреннаго къ незаконному порученію довѣрителя (д. Кольрейфа) и объ адвокатской этикѣ (д. Богданова). Всего написано имъ въ первые два года бытности сенаторомъ-докладчикомъ 310 рѣшеній. Дальнѣйшая дѣятельность Стояновскаго, назначеннаго въ январѣ 1872 г. первоприсутствующимъ уголовнаго кассаціоннаго департамента и въ январѣ 1875 г. — членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ, по характеру этой службы, трудно подчиняется точной провѣркѣ, но за ея несомнѣнную полезность и почтенный трудовой характеръ ручается, помимо воспоминаній очевидцевъ, цѣлый рядъ—если можно такъ выразиться—нравственныхъ уликъ. Къ послѣднимъ относятся—всегдашняя цѣльность и неизмѣнчивость отношенія его къ кореннымъ вопросамъ законодательства и управленія, неоднократно выраженная имъ—человѣкомъ, у котораго слово не противорѣчило дѣлу—въ различныхъ внѣслужебныхъ обстоятельствахъ; — искреннее уваженіе сотоварищей и сослуживцевъ и важныя порученія, на него возлагавшіяся. Изъ этихъ послѣднихъ достаточно упомянуть объ участіи его въ *качествѣ члена* въ особыхъ комиссіяхъ: о преобразованіи тюремной части,—о введеніи мировыхъ установленій въ Прибалтійскомъ краѣ,—о законахъ объ укрѣпленіи правъ на недвижимыя имущества—и о выясненіи отвѣтственности высшихъ чиновъ министерства путей сообщенія въ дѣлѣ крушенія императорскаго поѣзда 17-го октября 1888 г. и опредѣленіи дальнѣйшаго направленія этого дѣла—и *въ качествѣ предсѣдателя* — въ особыхъ комиссіяхъ: о преобразованіи канцеляріи по принятію прошеній на Высочайшее имя,—о преобразованіи межевой части,—о проектахъ устава о векселяхъ и устава вотчиннаго—и въ редакціонной комиссіи для начертанія проекта гражданскаго уложенія. Сюда же относится и призваніе его въ 1884 г. на высокій постъ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ.

Наконецъ, характеръ и свойства дѣятельности Стояновскаго *внутри* служебнаго круга въ значительной мѣрѣ опредѣляются и тѣмъ, что онъ дѣлалъ *внѣ* этого круга. А тутъ мы находимъ живое отношеніе ко всему живому, энергію, не умаляемую даже преклоннымъ возрастомъ, интересъ къ разнообразнѣйшимъ общеполезнымъ начинаніямъ, къ наукѣ и искусству,

сердечную отзывчивость къ людямъ и безкорыстное желаніе содѣйствовать всему, чѣмъ обусловливается подъемъ общественнаго развитія. Мы встрѣчаемъ его въ русскомъ музыкальномъ обществѣ, въ славянскомъ и въ археологическомъ, гдѣ онъ дѣлаетъ докладъ объ А. Н. Оленинѣ. Онъ—почетный мировой судья Воронежскаго и Чигиринскаго уѣздовъ и города С.-Петербурга,—онъ озабоченъ участью малолѣтнихъ преступниковъ и устройствомъ патроната надъ отбывшими тюремное заключеніе,—онъ членъ Человѣколюбиваго общества и совѣта Училища правовѣдѣнія. Онъ сотрудникъ «Русской Старины» и «Православнаго обозрѣнія», куда сообщаетъ интереснѣйшія письма изъ архива Оленина,—между прочимъ, письма московскаго митрополита Филарета съ толкованіемъ псалмовъ. Наконецъ, онъ кладетъ основаніе правовѣдской кассѣ и 15 лѣтъ состоитъ предсѣдателемъ комитета кассы, лично заботясь объ успѣшной дѣятельности этого добраго товарищескаго учрежденія, хлопоча о страждущихъ и осиротѣлыхъ и вообще о всемъ томъ, чего нельзя достигнуть одними денежными пособіями. Этого всего слишкомъ много для одного человѣка, скажутъ намъ. Можетъ быть... Не всякій умѣетъ сознать и сказать, вмѣстѣ съ тѣмъ же Филаретомъ, что «небольшая и уменьшаемая временемъ мѣра силъ моихъ много тѣснѣе мѣры моихъ обязанностей». Живому и дѣятельному человѣку свойственно слишкомъ полагаться на свои силы и, думая о томъ, что хочешь сдѣлать для *другихъ*, забывать о томъ, что совершаешь *съ собою*. In magnis voluisse sat est!

Упоминая съ уваженіемъ о разнообразной дѣятельности Стояновскаго, слѣдуетъ особенно остановиться на его отношеніи къ *Юридическому обществу*, при Петербургскомъ Университетѣ. Судебные Уставы широко раскрыли свои двери наукѣ. Находя питательный матеріалъ для своихъ изслѣдованій въ большой практикѣ новыхъ судебныхъ учрежденій, наука, весьма чуждая судамъ до 1864 г., во многихъ случаяхъ должна была явиться руководительницею и помощницею судебнымъ дѣятелямъ, то освѣщая имъ спорные вопросы права, то указывая, какъ далекій маякъ, путь въ темныхъ вопросахъ и т. п. Сознаніе необходимости взаимодѣйствія науки и практики настолько созрѣло въ С.-Петербургѣ къ 1877 году, что явилась необходимость отъ небольшого юридическаго кружка, собиравшагося у В. Д. Спасовича, перейдти къ основанію большого юридическаго общества при университетѣ съ подробно разработаннымъ уставомъ. Однимъ изъ учредителей послѣдняго и первымъ, въ теченіе 18 лѣтъ, предсѣдателемъ его—былъ Стояновскій, отдавшійся новому учрежденію, столь важному для правового и даже нравственнаго развитія нашего общества, съ сердечною любовью. Все время его предсѣдательства ознаменовано самымъ дѣятельнымъ участіемъ его въ дѣлахъ общества. Не было ни одного серьезнаго и затрогивающаго общіе вопросы матеріальнаго права и процесса доклада, на которомъ не появлялся бы Стояновскій, внимательно слушая, вызывая своими замѣчаніями обмѣнъ мнѣній и самъ участвуя въ преніяхъ. Мнѣ вспоминается, напримѣръ, его живѣйшее участіе въ преніяхъ по моимъ докладамъ въ 1879 г. объ условіяхъ дѣятельности русскаго суда присяжныхъ и въ 1882 г.—о закрытіи дверей судебныхъ засѣданій. Предсѣдательствуя въ общихъ собраніяхъ,—что было подчасъ не легко, напр., при обсужденіи лѣстницы наказаній, проектированной составителями новаго уголовнаго уложенія—онъ ввелъ прекрасный обычай творить поминки—и не

только по скончавшимся членамъ общества, но и вообще по усопшимъ, такъ или иначе вліявшимъ на правовое общественное развитіе. Онъ сознавалъ, что черты живущихъ,—почти всюду, а подъ нашимъ унылымъ небомъ въ особенности,— рѣдко бываютъ совершенно опредѣленны и ясны до самаго конца. Къ сожалѣнію и удивленію, эта неясность особенно грозитъ неожиданностями наблюдателю *конца жизни* наблюдаемаго, когда, казалось бы, мелочные и призрачные интересы существованія должны отходить на заднiй планъ, въ виду приближенія смерти.... Бываютъ случаи, когда тутъ то и выступаетъ вдругъ поспѣшное и ничѣмъ не вызванное раскаяніе въ своемъ прошломъ и нерѣдко безплодное, хотя и многостороннее отрицаніе его;—когда живой дотолѣ человѣкъ, имѣвшій идеалы и непереступаемыя правила, вдругъ впадаетъ въ бездушный педантизмъ;—когда тусклые лучи земныхъ отличій, жадно ожидаемыхъ у края недалекой уже могилы, заставляютъ померкнуть лучи души, еще недавно казавшейся мало доступною житейской суетѣ.... И выходитъ такъ, что вмѣсто ощущенія горя о потерѣ спутника, который по словамъ поэта, животворилъ намъ свѣтъ — приходится сознаться себѣ, въ глубинѣ души, что «изъ равнодушныхъ устъ услышалъ смерти вѣсть я—и равнодушно ей внималъ я...» Тѣмъ дороже люди, въ законченныхъ нравственныхъ чертахъ которыхъ, уже запечатлѣнныхъ смертью навсегда, можно почерпать и утѣшеніе, и ободреніе, и поучительный примѣръ. Поэтому, общественное воспоминаніе о такихъ людяхъ есть своего рода «культъ духовныхъ предковъ», который долженъ быть присущъ всякому, кто серьезно относится къ жизни и вѣритъ въ необходимость ея нравственнаго улучшенія. Самъ Стояновскій сказалъ въ 1882 г., въ годовомъ собраніи общества проникнутую теплымъ чувствомъ рѣчь, посвященную памяти Буткова и Замятнина. Въ ней же онъ обратился съ умиленною благодарностью къ страдальческой тѣни Освободителя русскаго народа отъ «черной неправды» стараго суда и напомнилъ сіяющій дѣятельною добротою и наивно-трогательною вѣрою въ возможность *вѣчнаго мира* образъ недавно предъ тѣмъ скончавшагося принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. По его же почину была послана въ Москву, въ 1880 г., отъ общества депутація съ адресомъ по поводу открытія памятника Пушкину. Наконецъ, подъ его предсѣдательствомъ, сказаны мною въ общемъ собраніи общества рѣчи — о Достоевскомъ, какъ о криминалистѣ — на другой день послѣ его похоронъ, о скончавшемся— С. Ф. Христіановичѣ, и одна общая поминальная рѣчь объ Е. И. Утинѣ, А. А. Марковѣ, В. А. Арцимовичѣ, А. М. Унковскомъ, П. Я. Александровѣ и П. Я. Левенсонѣ, Затѣмъ цѣлый вечеръ, проникнутый однимъ скорбнымъ настроеніемъ, былъ посвященъ пяти рѣчамъ въ память безвременно сошедшаго въ могилу А. Д. Градовскаго.

Открывая годовыя собранія общества, Стояновскій не разъ привѣтствовалъ начатыя за годъ большія законодательныя работы и намѣчалъ пути для необходимыхъ преобразованій. Мысль его постоянно возращалась къ реформамъ Александра II,—онъ тревожно слѣдилъ, какъ старый римскій консулъ, ne quid detrimentum capiat по отношенію къ дорогимъ ему Судебнымъ Уставамъ. Онъ ревниво, быть можетъ, даже слишкомъ ревниво, охранялъ ихъ даже въ нѣдрахъ самого юридическаго общества. Извѣстно, что судъ присяжныхъ у насъ, послѣ его введенія, былъ оставленъ не только безъ заботливаго ухода, но и безъ всякаго призора. О мѣрахъ къ устраненію

невыгодныхъ для него условій, о необходимыхъ улучшеніяхъ въ его организаціи и въ обстановкѣ его дѣйствія у насъ вопроса не возбуждалось. А между тѣмъ нареканія на этотъ судъ—«судъ улицы»—росли и свивались въ зловѣщій клубокъ. Вскорѣ послѣ открытія общества я заявилъ Совѣту, что хочу сдѣлать докладъ, въ которомъ собираюсь откровенно указать на недочеты въ устройствѣ нашего суда присяжныхъ и на необходимость разумныхъ и безотлагательныхъ мѣръ къ ихъ устраненію. Стояновскій былъ очень встревоженъ этимъ. Онъ пріѣхалъ просить меня отказаться отъ моего намѣренія. «Теперь не такое время, говорилъ онъ... Пока враги новаго суда нападаютъ на судъ присяжныхъ—это ничего, имъ вѣрятъ лишь вполовину,—но когда въ средѣ юридическаго общества раздастся голосъ опытнаго человѣка, говорящаго о недостаткахъ этого суда, никто не станетъ вдумываться, что о нихъ говорится изъ любви къ этой прекрасной формѣ суда и изъ желанія ее упрочить. Подхватятъ лишь указанія на недостатки и станутъ ихъ при всякомъ случаѣ эксплуатировать». Я спорилъ съ нимъ, но, видя его опасенія и довѣряя его житейской опытности,—уступилъ. Лишь чрезъ три года Стояновскій призналъ, что настало время защищать судъ присяжныхъ тѣмъ способомъ, который еще недавно казался ему опаснымъ. Празднованіе двадцатипятилѣтія введенія «взятыхъ подъ сомнѣніе» Судебныхъ Уставовъ весною 1891 г. прошло лишь въ частныхъ кружкахъ и притомъ очень блѣдно и глухо. Не было и въ Обществѣ сказано слова въ память великаго событія, совершившагося четверть вѣка назадъ. Это, повидимому, очень огорчало Стояновскаго. Но надо было видѣть, какъ радостно заблестѣли его глаза, и какъ горячо пожалъ онъ мнѣ руку, когда я предложилъ сказать въ годовомъ собраніи 1892 г. рѣчь о *зданіяхъ* для судовъ во Франціи и въ Россіи — и на недоумѣвающій, по поводу такой узкой темы, взглядъ Стояновскаго, сказалъ: «вѣдь говоря о зданіяхъ, нельзя же не коснуться и того, что въ нихъ—и въ особенности у насъ — происходило 25 лѣтъ назадъ.......»

Предметъ тревогъ Стояновскаго составляла и несогласованность отдѣльныхъ однородныхъ статей, разбросанныхъ по разнымъ томамъ Свода Законовъ и иногда касающихся очень существенныхъ вопросовъ. Для примѣра онъ указывалъ, въ рѣчи 1880 г. на одинъ весьма важный недосмотръ, замѣчаемый въ II, IX и XII т. Св. Зак. по изд. 1876 г., относительно женщинъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній по дѣламъ, подсуднымъ волостному суду. Объ этихъ изъятіяхъ говорилось въ *восьми* мѣстахъ различно,—и ни въ одномъ изъ нихъ не заключается полнаго и вѣрнаго изложенія дѣйствующихъ законовъ. Такъ, о лицахъ женскаго пола, которыя именнымъ указомъ 17 апрѣля 1863 г. вовсе изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, въ особомъ приложеніи къ IX тому свода законовъ сказано, что отъ тѣлесныхъ наказаній изъяты только нѣкоторыя крестьянки и дворовыя женскаго пола, въ томъ примѣчаніи подробно указанныя, а во II томѣ учр. губерн. въ примѣчаніи 2 къ 2178 ст. объяснено, что волостной судъ не вправѣ приговаривать къ тѣлесному наказанію лицъ женскаго пола; но ни въ первой, ни въ послѣдней статьяхъ не указано ни закона 17 апрѣля 1863 г., ни приложенія къ 30 ст. улож. о нак. Вслѣдствіе этого недосмотра, около 20 милліоновъ женщинъ (въ томъ числѣ и беременныя женщины, еще закономъ 1839 г. освобожденныя отъ тѣлеснаго наказанія) подвергались опас-

ности быть наказанными тѣлесно, такъ какъ волостные судьи, вѣроятно, не знаютъ не только того, что примѣчаніе въ ст. II тома составлено, въ этомъ отношеніи, правильнѣе примѣчанія къ статьѣ IX тома, но даже и того, что во II томѣ есть такое примѣчаніе, и что болѣе полное исчисленіе лицъ, изъятыхъ отъ тѣлестныхъ наказаній, находится только въ уложеніи о наказаніяхъ. Расширеніе области изъятій отъ тѣлеснаго наказанія до полнаго его уничтоженія было его всегдашнею завѣтною мыслью. Еще въ 1865 г., по его представленію, во время короткаго управленія имъ Министерствомъ Юстиціи, въ число изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній включены были всѣ, получившіе медаль «за спасеніе погибавшихъ». Вотъ почему возбуждало въ немъ такое смущеніе упущеніе, носящее обыкновенно названіе «кодификаціоннаго недосмотра». Не менѣе тревожило его и странствованіе Судебныхъ Уставовъ по Своду Законовъ, окончившееся тѣмъ, что эти Уставы, какъ особая, столь цѣнная всѣмъ видѣвшимъ ея появленіе, книга, перестали въ 1876 году существовать, причемъ учрежденіе судебныхъ установленій попало во II томъ и въ III томъ,—уст. угол. суд. въ XV, уставъ гражд. суд. во 2 часть X тома и т. д. Онъ понималъ, что расчлененіе Уставовъ по разнымъ томамъ Свода, обращеніе ихъ изъ цикладовъ въ спорады, облегчаетъ возможность коснуться ихъ отдѣльныхъ статей, подъ предлогомъ ихъ согласованія съ чуждыми имъ сосѣдями и притомъ даже не въ порядкѣ законодательномъ, а кодификаціонномъ. Практика очень скоро показала, что опасенія Стояновскаго не были лишены основаній—и онъ съ истинною радостью привѣтствовалъ послѣдовавшее въ 1884 году собраніе подвергшихся «разсортировкѣ» частей Уставовъ въ одно цѣлое, тщательно провѣренное особою комиссіею и получившее названіе «Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II».

V.

Дѣятельность Стояновскаго была оцѣнена Юридическимъ обществомъ при петербургскомъ университетѣ. Его всегда окружало теплое уваженіе; большинство къ нему прислушивалось съ вниманіемъ, встрѣчало его съ съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Когда насталъ день пятидесятилѣтія его «доблестнаго и разносторонняго» служебнаго труда, Совѣтъ Юридическаго общества, предъ которымъ «съ особою силою и ясностью ожило представленіе о заслугахъ Стояновскаго для русскаго правосознанія и правовѣдѣнія», привѣтствовалъ его адресомъ, въ которомъ, указывая на то, что Юридическое общество «привыкло видѣть въ своемъ неутомимомъ предсѣдателѣ яркій образъ государственнаго дѣятеля, проникнутаго глубокимъ уваженіемъ къ наукѣ, всестороннимъ пониманіемъ потребностей правовой жизни народа и теплымъ, сердечнымъ отношеніемъ къ людямъ», выражалъ пожеланіе, чтобы Стояновскій еще долгіе годы стоялъ во главѣ общества «съ неизсякающею бодростью своего духа и неугасающею теплотою своего благороднаго сердца». Черезъ четыре года—въ 1896 г., начавшій уставать отъ своихъ разнородныхъ занятій, Стояновскій, направившій и укрѣпившій Юридическое общество, рѣшилъ оставить предсѣдательскій постъ. «Съ грустью

и съ глубокой благодарностью за все сдѣланное» встрѣтивъ это рѣшеніе, Совѣтъ въ своемъ адресѣ говорилъ объ утѣшающей Общество надеждѣ, что «нравственно бывшій предсѣдатель будетъ съ нимъ неразлученъ, и что труды и усилія Общества всегда найдутъ у него сочувственный и ободряющій отголосокъ». Эта надежда не обманула Общество. Стояновскій не отдѣлился отъ него и продолжалъ живѣйшимъ образомъ интересоваться всѣмъ, что въ немъ дѣлалось. На всѣхъ серьезныхъ засѣданіяхъ, какъ бы отяготительны для его преклоннаго возраста они ни были своею продолжительностью,—онъ присутствовалъ неизмѣнно. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за ходомъ засѣданія по поводу принципіальныхъ нападокъ на судъ присяжныхъ, исходившихъ, къ сожалѣнію, отъ лицъ судебнаго вѣдомства. Пришелъ онъ принять участіе въ чествованіи моей длинною рѣчью, въ тягостной обычной тѣснотѣ годовыхъ засѣданій, памяти К. К. Грота, своего товарища по отмѣнѣ откупной системы;—задумчивый и погруженный въ воспоминанія «о битвахъ, гдѣ вмѣстѣ рубились они», сидѣлъ онъ въ торжественныхъ засѣданіяхъ, посвященныхъ товарищамъ счастливѣйшихъ лѣтъ его жизни—Д. А. Ровинскому и С. М. Зарудному.

Въ засѣданіяхъ общества привыкли видѣть его плотную фигуру, съ добрымъ лицомъ, обрамленнымъ снизу, по старому обычаю, полоскою сѣдыхъ волосъ,—съ небольшими, живыми, слегка улыбающими глазами. Къ нему, растроганному и смущенному, обратились единодушныя, горячія и благодарныя привѣтствія въ вечеръ празднованія тридцатипятилѣтія изданія Судебныхъ Уставовъ. Въ немъ чествовали живое воплощеніе благородной службы благу родины и *истинной славѣ* своего монарха,—чествовали живой, краснорѣчивый въ своемъ скромномъ молчаніи памятникъ незабываемой, неповторяемой годины!....

Годы все-таки взяли свое. Въ январѣ 1897 годя Стояновскій просилъ объ освобожденіи его отъ обязанностей предсѣдателя департамента и перешелъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Но былъ, однако, одинъ трудъ, которому онъ отдавался съ прежнею горячностью. Составленіе *гражданскаго уложенія* всецѣло наполняло его дѣловое существованіе, было предметомъ его заботъ, тревогъ, упованій и подчасъ горестныхъ ощущеній.... Сердечно слѣдя за сложною работою своихъ ближайшихъ сотоварищей по подъятому труду первостепенной важности, — участливо заботясь о сотрудникахъ, онъ вложилъ въ это дѣло весь остатокъ своей энергіи. Но ему не пришлось вступить въ обѣтованную землю. Смерть остановила его почти у самой границы. Смерть привела съ собою и критику постройки, подведенной подъ крышу подъ руководствомъ Стояновскаго. Но этимъ не надо смущаться. Сложный трудъ такого размѣра не можетъ быть безупреченъ во всѣхъ частяхъ. Надо помнить, что въ данномъ случаѣ ему еще предстоитъ серьезнѣйшій пересмотръ, причемъ возможно видоизмѣненіе и отдѣльныхъ частей и даже ихъ именованій. Притомъ «la critique est aisée», да и въ сущности она составляетъ своего рода честь, которая можетъ быть оказана большому труду. Отсутствіе ея не всегда обозначаетъ «*нечего* критиковать», а очень часто—«*не стоитъ* критиковать». Оцѣнивая то, что сдѣлано комиссіею по гражданскому уложенію, не надо только забывать, что обновленіе, систематизація и упорядоченіе гражданскихъ правоотношеній—дѣло трудное, особливо когда надо отдѣлить то, что вытекаетъ изъ требова-

ній науки и изъ народнаго правового сознанія — отъ историческихъ наслоеній, вызванныхъ временными причинами церковнаго, экономическаго или политическаго характера, которыя уже давно прошли, а слѣды ихъ остались, мертвя жизнь и втискивая ея явленія на прокрустово ложе потерявшаго свое оправданіе закона. Для большихъ работъ законодательнаго характера критика даже необходима. Ихъ достоинство и жизнеспособность могутъ въ значительной степени опредѣляться спокойнымъ ожиданіемъ и встрѣчею серьезнаго и строгаго разбора. Но пусть онъ будетъ справедливъ и не односторонен, пусть оцѣниваетъ почву и условія труда и его руководящую мысль не обращая исключительно вниманія на одни недостатки. Иначе можетъ случиться, что придется повторить упрекъ поэта - юриста: «ты разглядѣлъ на солнцѣ пятна—и проглядѣлъ его лучи»...

Стояновскій сознавалъ, конечно, что имѣя около 80 лѣтъ отъ роду, трудно разсчитывать дождаться полнаго закрѣпленія своего труда въ опредѣлительномъ словѣ закона. Поэтому онъ спѣшилъ выдѣлить изъ этого труда, хотя бы съ ущербомъ для его цѣльности, такую часть, которая отвѣчала бы назрѣвшей и насущной потребности жизни. Онъ желалъ провести въ законодательномъ порядкѣ, независимо отъ проекта уложенія, какъ самостоятельную работу—«*правила о разрѣшеніи раздѣльнаго жительства супруговъ*», составленныя по его плану въ 1898 г. Нужно ли говорить о необходимости такихъ правилъ наряду съ законами о разводѣ? Повседневныя печальныя явленія семейной жизни—вопіютъ объ этомъ. Необходимо установленіе порядка, по которому разложившійся въ самой сердцевинѣ союзъ, ложно носящій святое названіе семьи—могъ бы, въ силу закона, а не по снисхожденію къ горю и несчастью, быть видоизмѣняемъ такъ, чтобы не окружать неповинныхъ дѣтей развращающими ихъ картинами и не быть источникомъ нерѣдкихъ преступленій и безысходнаго, мрачнаго отчаянія. Этой необходимости отвѣчали «правила» Стояновскаго, принятыя въ существенныхъ своихъ чертахъ лишь чрезъ пятнадцать лѣтъ, 7-го марта 1914 года уже преобразованнымъ Государственнымъ Совѣтомъ. Не входя въ ихъ разборъ, достаточно сказать, что по смыслу перваго параграфа ихъ — судъ разрѣшаетъ отдѣльное жительство супругу, если совмѣстная жизнь представляется *невыносимою*, вслѣдствіе жестокаго обращенія съ нимъ или съ дѣтьми другого супруга, нанесенія имъ тяжкихъ оскорбленій,—его сифилитической болѣзни, развратной жизни, постояннаго пьянства или безразсуднаго и разорительнаго для семьи мотовства. Самые больные вопросы практики—о томъ, у кого должны остаться дѣти? кто имѣетъ при разлукѣ супруговъ, попеченіе о личности ихъ и родительскую надъ ними власть?—кто и на какомъ основаніи участвуетъ въ содержаніи дѣтей?—какъ опредѣляются права на свиданія съ ними? и т. п., составляютъ предметъ точныхъ и ясныхъ постановленій проекта этихъ правилъ. Стояновскій горячо и даже болѣзненно принималъ ихъ къ сердцу. Ему такъ хотѣлось видѣть ихъ проведенными въ жизнь! Этого ему не удалось дождаться,—но правила эти составили его нравственное завѣщаніе нашему законодательству, которое, своимъ возстановленіемъ legitmatio per subsequens matrimonium и законами объ усыновленіи и узаконеніи дѣтей, вступило на свѣтлый путь упорядоченія и оздоровленія коренныхъ началъ дѣйствительной, а не фиктивной только семьи......

Такъ завершалъ свою долгую, трудовую жизнь Николай Ивановичъ. Онъ бодро относился къ явленіямъ быстро текущей жизни, интересовался ея представителями и выразителями, — раздѣлялъ мысли и чувства тѣхъ изъ нихъ, которые казались ему лучшими... Но надо думать, что порою ему бывало тяжело и, въ тиши уединенія, привѣтливое выраженіе его крупныхъ губъ смѣнялось грустною улыбкою. Почти всѣ товарищи его, вступившіе вмѣстѣ съ нимъ въ общественную жизнь, ушли отъ нея. Изъ 19 человѣкъ уцѣлѣлъ лишь мастистый поэтъ Жемчужниковъ, да два товарища, оставившіе службу. Современное поколѣніе дѣятелей на разныхъ поприщахъ не имѣло съ нимъ общихъ воспоминаній о пережитомъ, о связанныхъ съ нимъ страданіяхъ и восторгахъ. Нѣкоторымъ изъ наиболѣе молодыхъ этого поколѣнія — прошлое, бывшее для Николая Ивановича дорогою и свято хранимою въ сердцѣ *дѣйствительностью*, представлялось лишь смутною *справкою*, иногда ничего не говорившею ихъ практическому уму и не менѣе практическому сердцу. Онъ, постоянно окруженный во внѣшней жизни, становился одинокъ въ жизни внутренней. Быть можетъ, вслѣдствіе этого онъ, уставая и напрягая свои силы, не отказывался отъ участія въ засѣданіяхъ разныхъ обществъ и благотворительныхъ собраній, въ концертахъ и т. п. Смерть супруги еще усилила это одиночество... Тѣ, кому было мало знакомо его прошлое, кто не давалъ себѣ труда вглядѣться въ него ближе, подчасъ находили, что онъ въ послѣдніе годы слишкомъ много говоритъ и этимъ запутываетъ и отдаляетъ разрѣшеніе различныхъ законодательныхъ вопросовъ. Другіе начинали считать его «мертвымъ среди живыхъ». Третьимъ казалось, что уваженіе къ этому человѣку, никогда не игравшему въ свою долгую жизнь первой и выдающейся роли, было преувеличено... Что сказать на все это? — Первый упрекъ, съ внѣшней стороны, не всегда былъ несправедливъ. Но не приходилось ли иногда наблюдать у этого сановника послѣ учиненной имъ истомы слушателей и путаницы въ дѣлѣ, — выраженія сознательнаго удовольствія въ лукаво и вмѣстѣ добродушно смѣющихся глазахъ? Онъ былъ старикъ, умудренный опытомъ, — а «старость ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ». Опытъ научилъ его не смѣшивать бодрое оживленіе организма, подъ вліяніемъ усиленнаго кровообращенія, съ болѣзненнымъ подъемомъ температуры; онъ же научилъ его и тому, что въ организмахъ сложныхъ, преслѣдующихъ цѣли общественныя и служебныя, дѣйствуютъ тѣ же явленія, какъ и въ организмѣ физическомъ. Ему могло иногда казаться, что предъ нимъ раскрывается результатъ не здороваго обмѣна веществъ, а лихорадочнаго процесса. По мудрому житейскому совѣту «Zeit gewonnen—alles gewonnenn», онъ пробовалъ, своеобразно и не безъ ущерба лично для себя, задержать ходъ послѣдняго процесса.—На то, что онъ былъ «мертвый» — можно сказать, что «не всякій живъ, кто дышетъ, — но и не всякій мертвъ въ гробу». Многое множество людей, испытывшихъ на себѣ его безконечную снисходительность, сѣявшую вокругъ себя добро безъ счету и безъ рѣчи о немъ,—могли бы свидѣтельствовать о томъ, умерла ли лучшая сторона въ этомъ человѣкѣ до того времени, когда позвалъ его къ себѣ Вѣчный Судія... Почему онъ не игралъ *первой* и главенствующей роли? Да потому, что такая роль, какъ, впрочемъ, и всякая другая, зависитъ не отъ одного *личнаго* желанія и способности къ ней,—и тѣ, кто былъ недоволенъ *второю*

ролью Стояновскаго, забываютъ, что именно въ умѣніи просто, безъ притязаній, не выставляясь впередъ, съ любовью не къ себѣ, а къ дѣлу — играть эту вторую роль, радуясь чужому успѣху и содѣйствуя ему, — состояло одно изъ его прекрасныхъ и трогательныхъ свойствъ. Такъ его и понимали всѣ знавшіе, а потому и цѣнившіе его. И въ день основанія воспитавшаго его Училища и 6 декабря, въ день святителя Николая, его окружало такое неподдѣльное и нѣжное уваженіе множества людей, занимавшихъ самое разнообразное общественное положеніе, что невольно чувствовалось, что этотъ второй—все-таки одинъ изъ *первыхъ* въ ихъ сердцѣ и что онъ выслужилъ себѣ право смотрѣть назадъ безъ краски въ лицѣ,— смотрѣть впередъ, на неизбѣжный конецъ, безъ смущенья и трепета...

Остается сказать о его послѣднихъ дняхъ. 8 августа, въ теплое лѣтнее утро «глухого сезона», небольшая группа сослуживцевъ и друзей и депутація отъ столичныхъ мировыхъ судей встрѣтили на Николаевскомъ вокзалѣ вагонъ съ гробомъ почившаго вдалекѣ отъ родины Николая Ивановича и проводили его останки до церкви и мѣста послѣдняго упокоенія въ Александро-Невской лаврѣ.

У отверстой могилы не было произнесено громкихъ рѣчей, не было пролито показныхъ слезъ. Ее засыпали молча, и она не «утопала въ массѣ вѣнковъ»... Всѣ безмолвно, въ тихой задумчивости, постояли, пока гробъ не скрылся отъ взоровъ — и медленно, безшумно разошлись. Разошлись, унося въ душѣ привлекательный образъ человѣка, горячо любившаго родину, желавшаго ей прочнаго счастія, вѣрившаго въ ея духовныя силы и всю жизнь работавшаго на пути развитія въ ней справедливости и чувства законности. Не даромъ пришлось и положить его, далекаго странника, въ родную землю недалеко отъ двухъ могилъ, на одной изъ которыхъ написано «Сперанскій», а на другой начертаны безсмертные звуки лежащаго въ ней Глинки: «Славься! славься — святая Русь!»

Смерть подошла къ Николаю Ивановичу въ бретанскомъ городкѣ Saint Lunaire, незамѣтно, и ея объятія были легки и скоротечны. Его, еще недавно бодро посѣтившаго Парижъ, тянуло домой, къ дѣлу. «Скучно, хотѣлось бы къ мѣсту»... говорилъ онъ сыну — и 22 іюля днемъ тихо заснулъ въ креслахъ... навсегда. Его любимые съ дней юности часы, съ которыми онъ никогда не разставался, ставя ихъ во время работы передъ собою—показывали десять минутъ четвертаго. Немедленно вслѣдъ затѣмъ они перестали идти, какъ будто жизнь отлетѣла и отъ нихъ. Богъ заводитъ въ груди человѣка особые часы, называемые сердцемъ, идущіе неровно, трепетно, а иногда съ усиліемъ и болью, но безъ остановки, пока не разовьется до конца пружина жизни, или внѣшній ударъ внезапно не разобьетъ ихъ. Между этими часами— и обыкновенными, когда они неразлучны съ человѣкомъ всю его дѣятельную жизнь, — есть невидимыя связь — и въ памяти сердца остается, то, что говорили стрѣлки на циферблатѣ въ горестные или радостные моменты жизни. Неразлучный спутникъ Стояновскаго — его часы — показывали ему многіе памятные для него моменты. На нихъ смотрѣлъ онъ въ понятномъ волненіи предъ первой своею лекціею, 63 года назадъ; — ихъ стрѣлки, вѣроятно, не разъ хотѣлъ бы онъ остановить, чтобы еще продлить засѣданіе совѣщанія у Замятнина объ уставахъ, о Судебныхъ Уставахъ! На эти часы, конечно,

глядѣлъ онъ, ожидая вмѣстѣ съ Замятнинымъ, за три дня до открытія новыхъ судовъ въ Петербургѣ, пріѣзда Государя, пожелавшаго ознакомиться съ ихъ устройствомъ и помѣщеніемъ и сказавшаго растроганнымъ исполнителямъ своей великой мысли: «въ добрый часъ, — начинайте благое дѣло!» Съ ними справлялся онъ, боясь не опоздать на самое открытіе, въ свѣтлый весенній день, когда съ горельефа, украшающаго ворота стараго арсенала на Литейной, спала завѣса, и впервые заблистали слова «правда и милость да царствуетъ въ судахъ», слова, получившія съ этого дня возможность обратиться и въ дѣло... Съ тѣхъ поръ прошло много, много лѣтъ. Такихъ отрадныхъ для усталаго сердца Николая Ивановича минутъ часамъ отмѣчать уже не приходилось и не предстояло. И когда, наконецъ, *ходъ* этого сердца замедлился и затихъ — прекратили свое *біеніе* и часы...

Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ.

(1805—1881 г.).

I.

Дмитрію Николаевичу Замятнину выпало на долю участвовать въ возникновеніи Судебныхъ Уставовъ, вводить судебную реформу въ петербургскомъ и московскомъ округахъ и быть первымъ министромъ юстиціи преобразованнаго судебнаго строя Россіи. Онъ выполнилъ эту отвѣтственную, трудную и высокую роль съ прямодушнымъ усердіемъ, ставившимъ на первый планъ жизненные интересы правосудія и благо родины. Не шумный и показной, но искренній и надежный другъ пересозданія нашего внутренняго быта, начатаго упраздненіемъ крѣпостного права, Замятнинъ приложилъ свою трудовую силу и свое разумѣніе къ тому, чтобы второй шагъ на этомъ пути—устройство суда на новыхъ началахъ — совершился успѣшно и твердо. Его не всегда видная, подчасъ стѣсненная бюрократическими условіями служебнаго положенія и лишенная яркой *личной* окраски, дѣятельность была, однако, существенно необходима для упроченія новаго дѣла. Поэтому его имя должно по праву занять почетное мѣсто въ ряду именъ главнѣйшихъ дѣятелей судебнаго преобразованія.

Родившійся въ 1805 году въ помѣщичьей семьѣ Нижегородской губерніи и окончившій съ отличіемъ курсъ въ 1823 г., Замятнинъ, не представляя характеристическихъ личныхъ особенностей, которыя могли бы его рѣзко выдѣлить среди окружающей обстановки, вынесъ и пронесъ черезъ всю жизнь симпатичныя типическія свойства стараго Царскосельскаго лицеиста. Ему пришлось провести молодость и зрѣлые годы въ эпоху, когда свыше преобладало стремленіе все сравнять и подвести въ отношеніи духовныхъ запросовъ и потребностей подъ одну мѣрку. На его дѣятельности за это время не могли не отразиться нѣкоторая безразличность и отсутствіе оригинальности, свойственныя пережитому имъ періоду русской общественной исто-

ріи. До назначенія его въ октябрѣ 1862-го года министромъ юстиціи, за все время занятій его при Сперанскомъ во второмъ отдѣленіи собственной Его Величества Канцеляріи и службы, съ 1840-го года, герольдмейстеромъ, членомъ Консультаціи, оберъ - прокуроромъ гражданскихъ департаментовъ Сената, и наконецъ, сенаторомъ, трудно указать какой-либо особо-выдающійся фактъ, если не считать постояннаго пребыванія на стражѣ противъ взяточничества и злоупотребленій, разъѣдавшихъ, при помощи знаменитой «приказной волокиты», наши судебныя учрежденія снизу до верху.... И частная, и служебная жизнь его текли гладко и спокойно, безъ грозныхъ бурь и мятежныхъ тревогъ, оставляя впечатлѣніе ровнаго, прохладнаго дня, безъ дождя и безъ зноя, за которымъ постепенно должны придти сумерки и ночь, приносящая съ собою, законною чредой, обычное спокойствіе, но не выстраданный отдыхъ. А между тѣмъ въ великое слово «судебная реформа», связанное съ однимъ изъ чистѣйшихъ и благороднѣйшихъ моментовъ русскаго общественнаго развитія,—имя Замятнина входитъ, какъ неразрывный кусокъ мозаики и должно вспоминаться съ чувствомъ благодарности.

По существу своему глубоко честный, не особенно склонный къ почину, но ясный и здравый умомъ, онъ долго, хотя и не непосредственно, созерцалъ ту Русь, которая была «въ судахъ черна неправдой черной»—и раскалялся сердцемъ противъ вопіющаго неправосудія, прикрытаго формальною законностью, съ которымъ ему приходилось постоянно встрѣчаться въ нѣдрахъ своихъ канцелярій и департаментовъ. Когда повѣяло новымъ духомъ и вокругъ него заговорили о возможности и необходимости реформы, онъ чуткой совѣстью почувствовалъ, на чьей сторонѣ правда, и, не взирая на вліятельныя предостереженія изъ среды «умѣренности и аккуратности», рѣшительно склонился на сторону смѣлыхъ проводителей въ нашъ судъ широкихъ началъ новой жизни. Онъ нашелъ въ своей душѣ такое же довѣріе къ составителямъ Судебныхъ Уставовъ, какое они питали къ русскому народу, вѣруя въ его нравственныя силы,—и повѣривъ, остался вѣренъ до конца, не смотря ни на что и не смущаясь разными шероховатостями перваго времени новой судебной практики, которыя раздувались врагами обновленнаго суда и вмѣнялись ему самому чуть не въ уголовныя преступленія. Въ этомъ состоитъ его *главная заслуга*, какъ Министра Юстиціи. Она не была единственною. Будучи вѣренъ судебной реформѣ «im grossen und ganzen», онъ, въ виду пройденной имъ дореформенной процессуальной школы, не былъ знатокомъ нѣкоторыхъ частностей и техническихъ подробностей новыхъ судебныхъ порядковъ. Сознавая, однако, что на частностяхъ можно проиграть главное и потрясти цѣлое, давъ слишкомъ острое оружіе противникамъ, онъ, являясь представителемъ юстиціи предъ монархомъ и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, прямо и откровенно просилъ въ трудные годы судебной реформы помощи, совѣта и указаній у счастливо сгруппированныхъ имъ около себя честныхъ и способныхъ дѣятелей, подчиненныхъ и сотрудниковъ. Далекій отъ ложнаго самолюбія и не боясь уронить свое достоинство государственнаго сановника, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ давалъ своимъ врагамъ, ожесточавшимся на проявляемое имъ знаніе подробностей, поводъ злобно говорить, что онъ «даетъ себя начинять департаментскимъ либераламъ». Въ этомъ умаленіи своего министерскаго *я*, въ этой готовности *учиться*, какъ *надо служить* дѣлу, благому значенію котораго *вѣришь*—состояла его *вторая заслуга*.

Министръ юстиціи
Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ.

Памятникомъ направленія, въ которомъ дѣйствовало при выработкѣ судебной реформы Министерство Юстиціи подъ руководствомъ Замятнина, является обширное собраніе «замѣчаній министра юстиціи», представленныхъ въ комиссію по составленію Уставовъ и бывшихъ въ разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта. Въ этихъ замѣчаніяхъ онъ не только является поклонникомъ выборнаго начала и сочувствующимъ учрежденію суда присяжныхъ и адвокатуры, организованной на широкихъ началахъ самоуправленія и самовосполненія, но выступаетъ съ рядомъ практическихъ замѣчаній. Непринятіе нѣкоторыхъ изъ нихъ было впослѣдствіи осуждено самою жизнью. Благодаря замѣчаніямъ Замятнина, проникнутымъ довѣріемъ къ выборнымъ судьямъ, мировая подсудность гражданскихъ дѣлъ была поднята со *ста* рублей до *пятисотъ* и мировые судьи избавлены отъ необходимости исполнять разныя мелкія, не соотвѣтствующія достоинству ихъ званія, порученія Окружного Суда. При помощи этихъ замѣчаній защитникъ признанъ необходимымъ *во всѣхъ* уголовныхъ дѣлахъ, подсудныхъ общимъ судамъ, а не въ исключительныхъ только случаяхъ, какъ предполагалось первоначально,—и установлена значительно ограничивающая возможность произвольныхъ взглядовъ слѣдователя, постепенность въ мѣрахъ пресѣченія способовъ уклоненія отъ суда и слѣдствія. Озабочиваясь успѣхомъ предварительныхъ слѣдствій и находя, что онъ иногда обезпечивается нѣкоторою гласностью допросовъ и изслѣдованій, Замятнинъ предлагалъ разрѣшить слѣдователю допускать присутствіе при своихъ дѣйствіяхъ публики во всѣхъ случаяхъ, когда это не можетъ повредить истинѣ. На такой смѣлый, какъ казалось Государственному Совѣту, шагъ послѣдній не могъ рѣшиться, какъ не рѣшился — къ величайшему и трудно поправимому ущербу для быстроты и доступности правосудія въ высшемъ, въ порядкѣ инстанцій, судѣ—и на принятіе предлагаемаго Замятнинымъ перечня *существенныхъ* кассаціонныхъ нарушеній, заключавшаго въ себѣ 29 случаевъ для гражданскаго и 24 для уголовнаго процессовъ. Явись у Государственнаго Совѣта эта рѣшимость, наша кассаціонная практика пошла бы по иному и, безъ сомнѣнія, болѣе плодотворному по своей справедливости пути.

Для новаго суда нужны были живыя личныя силы. Замятнинъ обратилъ особое вниманіе на личный составъ судебныхъ учрежденій при введеніи судебной реформы. Для ея правильнаго осуществленія всего важнѣе были назначенія на вновь учрежденныя должности. Нужно было въ «мѣха новые» влить и «вино новое». Со времени изданія Судебныхъ Уставовъ было сдѣлано все возможное, чтобы создать контингентъ надлежащихъ лицъ. Законодательство, кружки юристовъ и литература дѣйствовали, въ этомъ отношеніи, дружно и въ одномъ направленіи. Усиленіе окладовъ и штатовъ, а также измѣненіе условій судебной службы должны были привлечь въ судебное вѣдомство новыя силы и вернуть въ него ушедшія. Богатое анекдотическими воспоминаніями управленіе министерствомъ юстиціи въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ мало-по-малу заставило многихъ полезныхъ дѣятелей покинуть это министерство. Значительная ихъ часть перешла въ вѣдомство, въ которомъ, не смотря на его спеціальный характеръ, раньше всѣхъ пробудилась жизнь, вызванная разгромомъ сопровождавшимъ крымскую войну. Они пріютились подъ крыломъ великаго князя Константина Николаевича, въ морскомъ министерствѣ. Учрежденіе судебныхъ установленій гарантировало

этихъ отщепенцевъ противъ случайныхъ настроенiй начальства и противъ любимыхъ графомъ Панинымъ внезапныхъ служебныхъ перемѣщенiй «отъ финскихъ хладныхъ скалъ» въ «пламенную Колхиду» и наоборотъ, а новые штаты давали возможность жить въ скромномъ довольствѣ. Поэтому Замятнинъ настаивалъ на удержанiи проектированныхъ комиссiею окладовъ. Онъ не безъ основанiя боялся, что лучшiе изъ тѣхъ, кого застанетъ въ судебномъ вѣдомствѣ реформа, при условiи сохраненiя старыхъ, скудныхъ окладовъ уйдутъ въ присяжные повѣренные. Необходимость увеличить содержанiе была, по мнѣнiю Замятнина, такъ настоятельна, что если, какъ писалъ онъ, по какимъ-либо соображенiямъ признано будетъ необходимымъ уменьшить оклады и отмѣнить прибавки, *то лучше отказаться отъ судебной реформы*, лучше остановиться приведенiемъ ея въ исполненiе, чѣмъ съ самаго начала дать ей ложное направленiе, поставить ее въ невыгодныя условiя и отказаться отъ тѣхъ благихъ послѣдствiй, которыхъ по справедливости можно ожидать отъ предначертанныхъ Уставовъ. Его крайне озабочивала необходимость поддержанiя и соблюденiя равновѣсiя между судебнымъ сословiемъ и нарождавшеюся адвокатурою. «Если оклады содержанiя будутъ уменьшены—заявлялъ онъ — то равновѣсiе это нарушится, бòльшая часть даровитыхъ и знающихъ личностей поступитъ въ присяжные повѣренные; конечно, такимъ образомъ у насъ весьма скоро образуется обширное сословiе присяжныхъ повѣренныхъ и станетъ сильнымъ, но *сильнымъ насчетъ судебнаго сословiя и въ ущербъ ему*. Судебное вѣдомство будетъ обезсилено переходами лучшихъ своихъ представителей въ другiя вѣдомства и въ присяжные повѣренные. При ежедневныхъ столкновенiяхъ въ судебныхъ пренiяхъ по дѣламъ, часто сопряженнымъ съ весьма важными государственными интересами, судебное вѣдомство вынуждено будетъ противопоставлять присяжнымъ повѣреннымъ не только не вполнѣ опытныхъ, но иногда и бездарныхъ представителей». Даже въ самой несмѣняемости судей видѣлъ онъ опасность, если съ нею не будетъ соединено нѣкоторое обезпеченiе матерiальнаго положенiя судьи. «Если судебное вѣдомство — заключалъ онъ свои соображенiя, представленныя Государственному Совѣту,—не будетъ въ состоянiи привлечь и удержать способныхъ и честныхъ дѣятелей, то несмѣняемость судей принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы, и со стороны правительства даже опасно будетъ предоставить обширный кругъ дѣятельности, огромную власть и ввѣрить охраненiе важнѣйшихъ интересовъ государства такимъ людямъ, большинство которыхъ остается въ судебномъ вѣдомствѣ только потому, что не нашло себѣ другихъ лучшихъ мѣстъ».

Отъ назначенiй зависѣлъ успѣхъ дѣла, прочность его постановки и его, такъ сказать, репутацiя. Трудность выбора, требовавшаго большого «respice finem», усиливалась еще и тѣмъ, что для назначенiя на живыя, требующiя самодѣятельности и въ то же время отвѣтственныя должности по судебному вѣдомству нельзя было установить общихъ, ко всѣмъ примѣнимыхъ нормъ. Въ рядѣ должностей по казеннымъ управленiямъ, напримѣръ, требовались лишь честность и трудолюбiе, да простая житейская уживчивость; остальное опредѣлялось буквою закона, инструкцiями и уставами. Для вновь создаваемыхъ должностей этого было мало—съ этимъ однимъ было опасно пускаться въ путь. Въ отправленiе ихъ вносился элементъ способности, солидарности взглядовъ, свободно и безъ предварительныхъ

указаній осуществляемой, и заботливой преданности къ общему дѣлу. Именно— *общему дѣлу*. Говорить о солидарности въ общемъ дѣлѣ взысканія недоимокъ или отдачи въ аренду казенныхъ оброчныхъ статей было бы нѣсколько странно—говорить объ общемъ дѣлѣ отправленія правосудія было не только вполнѣ понятно, но и необходимо. Нужно было призвать на новое поприще не *чиновниковъ*, а *дѣятелей*.... Личность, со всѣми своими нравственными и духовными особенностями, стояла при этомъ выборѣ на первомъ планѣ. А личность нельзя втиснуть въ точно опредѣленныя рамки—она выходитъ изъ изъ нихъ и за нихъ. Если бы для живого дѣла, отражающаго на себѣ самыя многоразличныя явленія жизни, установить исполнителей «общеутвержденнаго образца», такіе исполнители внесли бы въ жизнь дыханіе смерти. Общія условія, которымъ долженъ былъ удовлетворять новый судебный дѣятель, во всякомъ случаѣ сводились къ тому, что онъ долженъ *знать* дѣло—для самаго дѣла, умѣть *дерзать*, не ожидая указаній и наставленій, а развивая свою дѣятельность съ сознаніемъ несомой отвѣтственности, и наконецъ, обладать *тактомъ* для упроченія тѣхъ началъ, которымъ онъ служитъ,—не говоря уже о нравственной безупречности и трудолюбіи. И эти свойства требовались не отъ отдѣльныхъ единицъ, каковыми и при старомъ порядкѣ являлись люди въ родѣ Пущина, «освятившаго» — по словамъ Пушкина—избранный имъ «санъ» надворнаго судьи, Ивана Аксакова, Ровинскаго и др., а отъ массы «званыхъ и избранныхъ». Министръ Юстиціи, въ вопросѣ выбора на новыя должности, держалъ въ рукахъ высокіе, завидные и вмѣстѣ съ тѣмъ нелегкіе дары и долженъ былъ ихъ передать въ достойныя руки........

Излишне перечислять первыя назначенія. Каждый кому памятно введеніе судебной реформы, кто имѣлъ счастіе участвовать въ открытіи новыхъ судовъ, помнитъ почтенныя имена ихъ главныхъ дѣятелей и произноситъ ихъ съ сердечнымъ чувствомъ. Увы! огромнаго большинства изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ.... Но они продолжаютъ жить въ душѣ нынѣ старыхъ судебныхъ дѣятелей тогдашняго молодого суда, — въ душѣ, которая по отношенію къ нимъ «элизіумъ тѣней», какъ выражался Тютчевъ. Явилась обширная и стройная группа судебныхъ дѣятелей, восторженно преданныхъ служенію правосудію и новымъ началамъ, обезпечивающимъ послѣднее. И въ этихъ назначеніяхъ, при чемъ Замятнинъ прислушивался къ житейскому опыту и мудрымъ указаніямъ своего товарища Стояновскаго, его третья *заслуга*.

II.

Помочь создать новыя судебныя учрежденія и намѣтить достойный личный персоналъ — еще не значило сдѣлать все нужное для осуществленія реформы. Необходимо было найти и приличныя для нихъ, могущія быть удобно приспособленными зданія. Исторія такихъ зданій на Западѣ представляетъ иногда поучительныя страницы, особенно во Франціи, Англіи и Бельгіи. Поэтому можно сдѣлать маленькое отступленіе отъ главнаго предмета настоящаго очерка, чтобы показать *какими* воспоминаніями бываетъ богата такая исторія.

Съ различныхъ точекъ зрѣнія можно смотрѣть на всякое выдающееся зданіе, особливо если оно предназначено служить осуществленію той или другой общественной потребности. Можно подходить къ нему съ требованіями практической техники и цѣлесообразности; можно искать въ немъ эстетическаго, художественнаго удовлетворенія—и съ этой точки зрѣнія вслушиваться въ эту «музыку камней». Можно искать въ немъ выраженія идеи, проникавшей и строителя, и общественную среду, выраженіемъ настроенія которой онъ явился. Въ этомъ отношеніи стоитъ вспомнить вліяніе религіознаго міросозерцанія на архитектуру храмовъ, вспомнить то, какъ идеи объ отношеніи къ Божеству и вліяніе природы на мистическія воззрѣнія человѣка отражались на постройкѣ зданія для культа. «Греческая религія низводила Олимпъ на землю,—христіано-германская поднимала землю до небесъ—говоритъ Шерръ;—греческій храмъ любовно льнулъ къ землѣ, германскій устремлялся своими острыми сводами на небо, словно окаменѣвшее стремленіе въ высь, а башни его возвышались въ воздухѣ, будто каменные лучи благоговѣнія». Наконецъ можно искать въ такихъ зданіяхъ историческихъ воспоминаній, искать мертваго глагола изъ давно прошедшаго времени. Въ этомъ именно смыслѣ называетъ Викторъ Гюго общественныя зданія и храмы «каменными страницами исторіи». Ихъ можно бы, пожалуй, назвать и путевыми столбами по дорогѣ человѣческой культуры и развитія. Достаточно сравнить хотя бы нашъ старинный острогъ, обнесенный частоколомъ, мрачный, грязный и пропитанный міазмами, съ домомъ предварительнаго заключенія или со срочною тюрьмою въ Петербургѣ,— или сопоставить зданіе московскихъ судебныхъ мѣстъ съ помѣщеніемъ старой Управы благочинія или Уголовной палаты, съ ихъ знаменитымъ, по арестантскимъ пѣснямъ, «губернскимъ калидоромъ»—чтобы увидѣть, какъ далеко шагнули, даже въ своемъ внѣшнемъ устройствѣ, за послѣдніе 50 лѣтъ и тюрьмы, и судъ. То же можно сказать о больницахъ, школахъ.

Желаніе вглядѣться въ эти «каменныя страницы исторіи» давно вызываетъ особыя изслѣдованія. Нѣкоторыя изъ нихъ посвящаются и зданіямъ судебныхъ мѣстъ, затрогивая кстати и ихъ внутреннюю жизнь. Есть обстоятельныя историко-бытовыя описанія Вестминстера и судовъ, въ немъ помѣщенныхъ; появились такія же описанія Palais de Justice въ Парижѣ. Еще въ концѣ 70-хъ годовъ совѣтникъ апелляціоннаго суда въ Парижѣ Charles Desmazes (авторъ замѣчательной исторіи судебной медицины во Франціи) издалъ рядъ сочиненій, въ которыхъ говоритъ объ исторіи Palais de Justice («La magistrature française», «Le baillage du Palais», «La Sainte Chapelle»), а въ началѣ девяностыхъ годовъ вышелъ объемистый, роскошно изданный томъ—«Le Palais de Justice. Son monde et ses moeurs».

Достовѣрная исторія парижскаго Palais de Justice восходитъ къ самому началу среднихъ вѣковъ. Можно бы сказать, что она еще древнѣе, такъ какъ при раскопкахъ на мѣстѣ обнаруженныхъ старыхъ построекъ были находимы монеты и медали римскихъ императоровъ, отъ Августа до Константина, что даетъ поводъ предполагать нахожденіе въ этомъ мѣстѣ дворца проконсула Галліи, такъ что сохранившіеся донынѣ въ Парижѣ остатки Термъ, быть можетъ, составляли лишь одну изъ отдѣльно выстроенныхъ принадлежностей этого дворца. Въ этомъ отношеніи, несмотря на многія изслѣдованія, ничего, однако, опредѣленнаго не выяснено и мнѣніе нѣкоторыхъ истори-

ковъ стараго Парижа о томъ, что теперешняя «Святая Часовня» (La Sainte Chapelle) построена на мѣстѣ, гдѣ стоялъ когда-то храмъ Меркурія, не находитъ себѣ фактическаго подтвержденія. Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что въ этомъ самомъ мѣстѣ, на островѣ между рукавами Сены, обитали уже короли изъ династіи Меровинговъ. У Григорія Турскаго есть описаніе роскошныхъ, по тогдашнему времени, лавокъ и торговыхъ помѣщеній, обрамлявшихъ улицу, которая вела къ нынѣшнему входу въ Palais de Justice съ той стороны, гдѣ потомъ былъ воздвигнутъ соборъ Парижской Богоматери.

При Каролингахъ дворцовыя помѣщенія Меровинговъ были заброшены, и въ эту смутную и тревожную эпоху пришли въ запустѣніе; но Капетинги снова прочно осѣли на этомъ мѣстѣ, сдѣлавъ изъ него свою резиденцію. Съ тѣхъ поръ постройки, получившія названіе le Nouveau Palais были возобновлены и расширены, сдѣлавшись надолго любимымъ мѣстопребываніемъ королей. Но старый французскій король былъ живымъ носителемъ правосудія. Онъ творилъ судъ и правду всюду, гдѣ пребывалъ. Поэтому le Nouveau Palais дѣлается постояннымъ мѣстомъ отправленія правосудія. Въ немъ живетъ король, и сначала онъ самъ лично, а потомъ, тутъ же, подъ его надзоромъ, возлѣ него, довѣренныя имъ лица—творятъ судъ. При Людовикѣ Святомъ, въ 1248 г., Palais пріобрѣтаетъ свое лучшее украшеніе, представляющее одну изъ величайшихъ драгоцѣнностей чистѣйшей готической архитектуры—la sainte Chapelle. Эта часовня, по мысли святого короля, была предназначена составлять собою нѣчто вродѣ огромнаго каменнаго ковчега для храненія въ немъ сокровищницы съ терновымъ вѣнцомъ Спасителя, который былъ поднесенъ французскому королю Балдуиномъ II, королемъ Кипра и Іерусалима, въ возмѣщеніе уплаченныхъ за него венеціанцамъ долговъ. Филиппъ Красивый расширилъ постройки дворца и устроилъ знаменитую большую залу громадныхъ размѣровъ съ огромнымъ мраморнымъ столомъ въ одномъ изъ ея концовъ, на которомъ совершались впослѣдствіи различныя торжества.

По мѣрѣ развитія значенія и вліянія парижскаго парламента, тоже имѣвшаго свое пребываніе въ зданіяхъ, совокупность которыхъ называлась le Palais, короли начали тяготиться этимъ сосѣдствомъ и стали уединяться во дворцы, построенные ими исключительно для ихъ собственнаго пребыванія. Поэтому, съ конца XIV вѣка, короли уже рѣдко, и то лишь временно, живутъ въ Palais. Послѣдній король, прожившій тамъ довольно долго, былъ Францискъ I, предъ походомъ въ Италію; послѣднее семейное торжество королевскаго дома, отпразднованное въ Palais, была свадьба Франциска II съ Маріей Стюартъ. Затѣмъ парламентъ сдѣлался единственнымъ и могущественнымъ обладателемъ всего Palais, заведя и расширивъ въ немъ свое собственное, весьма разнообразное и оригинальное хозяйство. Цѣлый маленькій городокъ выросъ вокругъ и между старыми зданіями Palais. Магазины, которымъ удивлялся Григорій Турскій, постепенно вторглись внутрь ограды и завладѣли, за исключеніемъ нѣсколькихъ площадокъ, всѣми оставшимися свободными мѣстами. Тутъ же помѣстились и различные поставщики для парламента, который имѣлъ своихъ каретниковъ, слесарей, столяровъ, маляровъ и т. п. Между ними находился и поставщикъ свѣжей травы, такъ какъ, по старому обычаю, съ весны до осени полъ помѣщеній парламента долженъ былъ быть усыпанъ свѣжей травой. Судебная власть, принадле-

жавшая парламенту, вызвала иное, чѣмъ прежде, назначенiе для нѣкоторыхъ изъ дворцовыхъ построекъ; такимъ образомъ одна изъ башенъ сдѣлалась тюрьмою для важныхъ государственныхъ преступниковъ, а старыя дворцовыя кухни были обращены въ мѣсто содержанiя обвиняемыхъ, число которыхъ иногда было очень велико. Нижняя площадка лѣстницы дворца, со стороны Notre-Dame de Paris, сдѣлалась мѣстомъ клейменiя осужденныхъ преступниковъ и истребленiя разнообразныхъ и многочисленныхъ еретическихъ и зловредныхъ сочиненiй, осужденныхъ парламентомъ на сожженiе рукою палача. Судебная, законодательная и торговая жизнь кипѣла внутри ограды, построенной старыми французскими королями. Къ теченiю этой жизни по временамъ примѣшивалась дѣятельность своеобразной корпорацiи судейскихъ клерковъ, носившей названiе la Basoche. Учрежденная въ 1303 году, эта корпорацiя присвоила себѣ особыя права и власть, съ которыми приходилось считаться даже самому парламенту. Les basochiens представляли пестрое сборище, связанное оригинальнымъ регламентомъ, издававшее свои эдикты, избиравшее своего короля и оказывавшее иногда на нѣкоторые вопросы внутренняго и судебнаго управленiя чувствительное влiянiе. Излюбленное дѣтище парижанъ, эта корпорацiя, несмотря на разныя стѣснительныя противъ нея мѣры, принимаемыя королями и парламентомъ, просуществовала до самой революцiи. Въ первое воскресенье каждаго мая она, становясь полнымъ хозяиномъ Palais de Justice, сажала на майскомъ дворѣ традицiонное деревцо, выкопанное въ лѣсу Бонди, и давала въ большой залѣ, на мраморномъ столѣ, представленiе, во время котораго въ юмористической формѣ изображались и осмѣивались дѣйствiя парламента, а иногда и короля.

Съ 1618 года Palais de Justice сталъ опустошаться частыми пожарами, среди которыхъ погибла большая зала и былъ раздробленъ въ куски знаменитый мраморный столъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка начались внутреннiя перестройки въ Palais de Justice и освобожденiе его отъ постороннихъ дѣлу юстицiи и законодательства наростовъ. Предпринятыя по плану архитектора Демезона перестройки заставили изгнать торжниковъ изъ храма правосудiя, и Palais de Justice былъ освобожденъ отъ многочисленныхъ магазиновъ, прогулка среди которыхъ въ опредѣленные часы составляла одно изъ модныхъ удовольствiй тогдашней знати. Были пощажены однѣ лишь книжныя лавки, просуществовавшiя до 1835 года.

Революцiя пощадила зданiе Palais de Justice и ни въ чемъ не коснулась его устройства, замѣнивши лишь въ прiемной залѣ для публики бюстъ Людовика XV бюстомъ Марата. Иначе, однако, отнеслась она къ несравненному памятнику готики, заключенному въ стѣнахъ Palais de Justice. La Sainte Chapelle была объявлена нацiональною собственностью и назначена въ продажу. За неявкою покупателей директорiя устроила въ ней складъ муки, а консульство приказало помѣстить въ ней старые судебные архивы, причемъ для того, чтобы было виднѣе внутри, были сняты въ окнахъ и пропали затѣмъ нижнiе ряды драгоцѣннѣйшихъ росписныхъ стеколъ XIII вѣка. Въ 1835 г., по проекту архитектора Гюйо, была предпринята коренная перестройка и реставрацiя Palais de Justice. Смѣта была исчислена въ 3.600,000 франковъ; но когда было приступлено къ колоссальнымъ работамъ сломки и сноса всѣхъ мелкихъ зданiй и частныхъ построекъ, облѣплявшихъ Palais

de Justice изнутри и снаружи, какъ грибы могучее дерево,—тогда эту смѣту постигла обычная участь почти всѣхъ предварительныхъ смѣтъ, и въ 1870 году, когда подъ руководствомъ знаменитаго Віолье ле-Дюка завершилась реставрація всего зданія, расходъ составлялъ уже 35.000,000 франковъ. При этихъ работахъ пришлось расширить и дать другое направленіе улицамъ Іерусалимской и Назаретской и для этого пожертвовать домами, въ которыхъ родились Буало и Вольтеръ. Новому суду, очищающемуся даже отъ внѣшнихъ остатковъ стараго порядка, пришлось принести въ жертву мѣсто рожденія того, кто такъ горячо, съ такою ѣдкою логикою и убійственною ироніею наносилъ отживавшимъ судебнымъ порядкамъ могущественные и разрушительные удары. Но вслѣдъ за обновленіемъ, зданіе Palais de Justice постигло новое несчастіе: его задѣли въ 1871 году предсмертныя конвульсіи коммуны, и безумно-лаконическій приказъ ея прокурора Рауля Риго: «Faites flamber Finances!» былъ распространенъ и на Palais de Justice. Значительная часть его и въ особенности обширная и прекрасная Salle des pas perdus обратились въ обгорѣлыя развалины. Пришлось начать постройку снова и только въ девяностыхъ годахъ она доведена до полнаго конца.

Бѣглый обзоръ современныхъ помѣщеній Palais de Justice тотчасъ-же указываетъ, что это мѣсто имѣетъ старую и громкую исторію. Эта исторія не заслоняется новѣйшими перестройками и приспособленіями, она смотритъ изо всѣхъ угловъ и заявляетъ о себѣ на каждомъ шагу старинными произведеніями искусства и то грозными, то трогательными воспоминаніями. Когда начинается дѣловой день въ Palais de Justice, судебный приставъ провозглашаетъ, вмѣсто нашего: «Судъ идетъ! приглашаю встать»—«Le tribunal, messieurs, chapeaux bas!» Одинъ изъ изслѣдователей французской судебной старины говоритъ, что посѣтителю, вступающему впервые въ зданіе Palais de Justice можно сказать, подражая этому возгласу: «L'histoire, monsieur, chapeau bas!» Да, можно сказать — и съ полнымъ основаніемъ...

Современный Palais de Justice имѣетъ два входа: одинъ подъ красивымъ портикомъ со стороны Place Dofine, другой со стороны Boulevard du Palais, съ превосходною темною чугунною рѣшеткою, увѣнчанною роскошными золотыми украшеніями. Войдя въ него и поднявшись по старой парламентской лѣстницѣ, посѣтитель попадаетъ въ огромную Salle des pas perdus, цѣлый день наполненную пестрою, озабоченною и дѣловитою толпой, среди которой выдѣляются адвокаты своимъ своеобразнымъ черным ъ костюмомъ. Въ этой залѣ стоятъ двѣ статуи — Малерба и Беррье. Мужественный, самоотверженный и краснорѣчивый защитникъ Людовика XVI изваянъ въ томъ возрастѣ, когда, послѣ долгой судебной службы, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, онъ, презирая опасность, явился «faire son héroique debut au barreau» въ защиту подсудимаго Людовика Капета. Статуя Беррье полна жизни и движенія. Опершись лѣвой рукой на рѣшетку, прижимая правую къ сердцу и приподнявъ изящную голову съ благороднымъ и одушевленнымъ лицомъ, великій ораторъ говоритъ одну изъ тѣхъ рѣчей, въ которыхъ не знаешь чему больше удивляться: глубинѣ-ли содержанія, красотѣ ли формы. Тутъ, же, въ одномъ изъ угловъ Salle des pas perdus, есть живое напоминаніе о гораздо болѣе отдаленныхъ временахъ. Не-

большая витая лѣстница ведетъ въ старинную залу Людовика XI, отъ тяжелыхъ сводовъ и переплетающихся аркадъ которой, теряющихся, въ таинственномъ полусвѣтѣ, такъ и вѣетъ XIII вѣкомъ. Вообще искусство сильно и достойно представлено въ Palais de Justice. Такъ, галерея, ведущая въ кассаціонный судъ, называемая галереей Людовика Святого, отдѣлана во вкусѣ XIII столѣтія и ея росписныя окна проливаютъ разнородный свѣтъ на раскрашенную статую короля, изображеннаго творящимъ судъ подъ сѣнью дуба; а въ роскошной залѣ этого суда находится огромная аллегорическая картина извѣстнаго Поля Бодри «Прославленіе закона». Въ преддверіи залы суда присяжныхъ поставлены мраморные бюсты законодателей — Карла Великаго, Людовика Святого, Филиппа-Августа и Наполеона I. Въ самомъ залѣ, украшенномъ рѣзьбою по дереву и дорогой лѣпною работою, на потолкѣ, кистью Бонна изображена Юстиція между Преступленіемъ и Невинностью, а за кресломъ предсѣдателя помѣщается большое Распятіе, нарисованное тѣмъ же художникомъ. Но наибольшую художественную драгоцѣнность Palais de Justice составляетъ старинная картина, находящаяся за кресломъ предсѣдателя въ залѣ апелляціоннаго суда и называемая: Le retable du Palais de Justice. Она была заказана Людовикомъ XI въ 1476 г. и приписывается Ванъ-Дейку или Мемлингу, основателямъ голландской школы. По бокамъ изображеннаго на ней Распятія нарисованы: Богоматерь, св. Анна, Іоаннъ Креститель, св. Людовикъ — слѣва, и св. Діонисій, Карлъ Великій, Іоаннъ Богословъ — справа; сзади нихъ пейзажъ изображаетъ Іерусалимъ, Лувръ въ концѣ XV вѣка и Palais de Justice того же времени. Съ этой картины исторія заглядываетъ въ современность и сливается съ нею въ томъ, что осталось неизмѣннымъ.

Едва ли нужно описывать удобство и цѣлесообразность настоящихъ помѣщеній для судовъ разныхъ наименованій, заключающихся въ Palais de Justice, вмѣстѣ съ различными другими служебными помѣщеніями, библіотеками, комнатами совѣщаній и т. п. Почтительное уваженіе, которымъ во Франціи всегда и при всякомъ образѣ правленія было окружено отправленіе правосудія, сказывается здѣсь воочію. Можно только выразить нѣкоторые сомнѣніе въ томъ—находится ли излишекъ позолоты и лѣпныхъ украшеній въ соотвѣтствіи съ строгою, внушительною простотою, которою должна отличаться внѣшняя обстановка суда?.

Обходя зданіе Palais de Justice вокругъ, выйдя противъ Notre-Dame, на берегу Сены приходится встрѣтить старинную башню, la tour de l'Horloge, построенную Людовикомъ Святымъ. На ней находятся первые общественные часы Парижа, устроенные Филиппомъ Красивымъ и реставрированные Генрихомъ III, увѣнчавшимъ ихъ французскимъ и польскимъ гербами. Милосердіе и Юстиція поддерживаютъ циферблатъ, подъ которымъ сдѣлана подпись: «Machina quae bis sex tam juste dividit horas, Justitiam servare monet legesque tueri». Далѣе, по берегу Сены идутъ: la tour de César и la tour d'Argent, а между ними, въ фасадѣ старинная трехъэтажнаго зданія, открывается входъ въ знаменитую Консьержери. Внутри эта тюрьма представляетъ собою двѣ части: старую и новую, причемъ новая, т. е. рядъ одиночныхъ келій, построенныхъ по новѣйшей системѣ, постепенно и неотвратимо поглощаетъ старую часть, переполненную историческими воспоминаніями. И какими трагическими воспоминаніями! Всту-

пая въ уцѣлѣвшую, хотя и очень видоизмѣненную часть старой Консьержери, невольно хочется сказать съ поэтомъ:

«О сколько здѣсь надеждъ разбитыхъ,
И тщетныхъ жертвъ, и силъ сердитыхъ,
И темныхъ пронеслося дѣлъ!..»

Новая тюрьма поглотила уже кельи, въ которыхъ содержались жирондисты и Дантонъ; лишь въ женскомъ отдѣленіи ея сохранились комнаты, гдѣ были заключены m-me Elisabeth и Шарлота Корде. Церковь взяла подъ свою защиту келью многострадальной Маріи-Антуанеты, но въ ней почти ничего не осталось, напоминающаго несчастную дочь Маріи-Терезіи, кромѣ маленькаго Распятія, помѣщеннаго надъ окномъ. Въ комнатѣ этой устроена въ настоящее время скромная часовня, стѣны которой пришлось выкрасить темной масляной краской, во избѣжаніе тѣхъ надписей, которыми туристы хотятъ связать свои ничтожныя имена съ мѣстами, гдѣ разыгрывались историческія событія. Пришлось унести изъ этой комнаты и кресло королевы, чтобы спасти его остатки отъ тѣхъ же туристовъ, безсмысленно вырѣзавшихъ изъ него кусочки себѣ на память. По многознаменательной ироніи судьбы, рядомъ съ комнатою Маріи-Антуанеты, находится келья Робеспьера, гдѣ онъ содержался въ короткій промежутокъ между тою казнью, которой ему не удалось себя подвергнуть самому, и тою, которую произвела такъ недавно еще столь послушная ему гильотина. Тутъ же рядомъ большая комната, тоже обращенная въ часовню, гдѣ содержались жирондисты въ ночь передъ казнью, съ 29 на 30 октября 1793 года. Изъ нея выходъ на дворъ, на которомъ собирались приговоренные революціоннымъ трибуналомъ предъ отправленіемъ на эшафотъ и гдѣ были соединены въ послѣдній разъ вмѣстѣ жирондисты. Въ послѣднее время этому двору, бывшему свидѣтелемъ предсмертныхъ прощаній многихъ замѣчательныхъ людей, выпала совсѣмъ иная роль: на немъ содержались извозчики, приговоренные, за грубое обращеніе съ сѣдоками, къ аресту на двадцать четыре часа...

Консьержери сообщается съ одной стороны съ мѣстомъ временнаго содержанія арестованныхъ въ департаментѣ Сены преступниковъ, называемымъ *депо*, въ которомъ помѣщается особое учрежденіе — le petit parquet, устроенное для первоначальнаго изслѣдованія и сортировки преступленій по подсудности, а также помѣщеніе Service antropométrique, распадающееся на Service d'identification,— d'antropométrie и de photographie judiciaires. Низкій и мрачный корридоръ, сдавленный тяжелыми сводами, ведетъ изъ депо въ помѣщеніе судовъ и въ маленькую временную тюрьму, куда переводятся обвиняемые къ часу разбирательства ихъ дѣла, носящую характеристическое названіе мышеловки, la souricière.

Таково зданіе Palais de Justice и его краткая исторія.

Въ этихъ стѣнахъ прошла и проходитъ долгая и содержательная исторія французской магистратуры: здѣсь дѣйствовали виднѣйшіе ея представители. Имена Дагессо, Малерба, Туре́, Бонжана невольно приходятъ на память, когда находишься въ зданіи, гдѣ протекла ихъ обильная трудомъ, знаніемъ и живымъ чувствомъ долга жизнь. Эти люди, такъ сказать, срослись со своимъ дѣломъ и не покидали его, несмотря ни на что. Давая гордый отвѣтъ: «la cour rend des arrêts et pas des services...», они умѣли являться

стойкими стражами и слугами тѣхъ учрежденій, которымъ отдана была ихъ глубокая мысль и краснорѣчивое слово. Они служили этимъ учрежденіямъ до конца, — нерѣдко вопреки чувству самосохраненія. Достаточно припомнить президента кассаціоннаго суда Бонжана, этого premier magistrat de France, который отказался удалиться въ Версаль, когда, въ маѣ 1871 г., вспыхнуло возстаніе коммуны,—и остался на своемъ посту, покуда не былъ взятъ коммунарами въ качествѣ заложника и разстрѣлянъ при наступленіи на Парижъ правительственныхъ войскъ.

Французская магистратура, хотя и не замкнутая, но тѣсно сплоченная, сложилась вѣками и не имѣла ничего подобнаго себѣ въ остальной Европѣ. «En Europe il y avait des juges, en France seulement il y avait des magistrats», говоритъ Фюстель де-Куланжъ. Судейское званіе составило не должность, а нравственное наслѣдіе послѣдовательныхъ поколѣній французской магистратуры. Оно переходило отъ отца къ сыну и связывало общими традиціями, преданіями и сознаніемъ своего общественнаго достоинства прадѣда съ правнукомъ. На ряду съ родовымъ дворянствомъ возникло и развилось другое, имѣвшее свою исторію и свои завѣты. Noblesse de robe считало въ своихъ рядахъ семьи, почти всѣ члены которыхъ, въ теченіе многихъ лѣтъ посвящали себя судебной службѣ. Одна фамилія Мопу дала, съ 1626 года, судебному сословію пятьдесятъ человѣкъ судей разныхъ наименованій.

Несмотря на всѣ политическія перемѣны, судебное сословіе во Франціи и до сихъ поръ представляетъ нѣчто цѣльное, устойчивое и авторитетное. Поэтому и ежегодное начало своей обычной дѣятельности послѣ лѣтняго отдыха оно обставляетъ особою торжественностью. Предъ открытіемъ осеннихъ засѣданій члены всѣхъ судовъ, отправляющихъ правосудіе въ Palais de Justice, прокурорскій надзоръ и адвокатура идутъ церемоніально, въ своихъ красныхъ (у членовъ кассаціоннаго суда — съ горностаемъ) и черныхъ мантіяхъ и шапкахъ (беретахъ) въ «святую часовню». Архіепископъ парижскій служитъ обѣдню, la messe rouge, подъ пѣніе изысканнаго хора и музыку органа, и даетъ свое благословеніе на наступающій судебный годъ. Въ томъ же торжественномъ, іерархическомъ порядкѣ, со старшими по званію судьями впереди, шествіе направляется въ залу кассаціоннаго суда, гдѣ, въ присутствіи «хранителя печати» (министра юстиціи), открывается особое засѣданіе, l'audience solenelle de rentrée. Президентъ кассаціоннаго суда предоставляетъ слово оберъ-прокурору, а тотъ проситъ разрѣшенія передать его прокурору палаты (Avocat général), который и говоритъ обыкновенно рѣчь о комъ-нибудь изъ славныхъ предшественниковъ нынѣшнихъ судей, поминаетъ въ краткомъ некрологѣ умершихъ за годъ членовъ судебной корпораціи и оканчиваетъ бѣглымъ обзоромъ дѣятельность судовъ и адвокатуры. При этомъ кресла умершихъ за годъ членовъ кассаціоннаго суда остаются незанятыми: трогательный обычай заставляетъ считать ихъ еще нѣкоторое время присутствующими среди товарищей и дѣлящими ихъ постоянный трудъ и рѣдкія радости... Засѣданіе оканчивается присягою членовъ совѣта адвокатовъ, грандіозная зала пустѣетъ — и ежедневная рабочая жизнь Palais de Justice вступаетъ въ свои права.

Исторія нашихъ судебныхъ мѣстъ въ столицахъ не представляетъ подобія только-что разсказанной. Она отрывочнѣе, короче, блѣднѣе. Отъ

Ворота зданія Московскихъ судебныхъ установленій.

допетровскихъ приказовъ не осталось и слѣда; ничего достопамятнаго не представляютъ и зданія присутственныхъ мѣстъ стараго устройства. Въ Петербургѣ красивое, хотя и неудобное по внутреннему расположенію зданіе присутственныхъ мѣстъ на Адмиралтейской площади съ половины семидесятыхъ годовъ отдано подъ помѣщеніе квартиры и управленія градоначальника, а въ Москвѣ безобразное, тяжелой безвкусной архитектуры такое же зданіе у Воскресенскихъ воротъ, при которомъ одно время помѣщалась и долговая тюрьма, называемая въ просторѣчіи «ямою», сломано и на его мѣстѣ красуется, выдержанное въ старомъ русскомъ стилѣ, зданіе Думы. При томъ въ этихъ зданіяхъ помѣщались не одни судебныя мѣста. Поэтому исторія судебныхъ зданій начинается у насъ собственно со введеніемъ судебной реформы въ 1866 году. Нѣкоторые изъ современниковъ еще помнятъ, какъ эти зданія получили свое настоящее назначеніе, какъ зародилась въ нихъ внутренняя судебная жизнь, молчаливыми свидѣтелями которой сдѣлались эти старыя стѣны.

Вопросъ о помѣщеніи для новыхъ судовъ (Судебной Палаты и Окружного Суда) въ Москвѣ разрѣшился безъ особыхъ затрудненій. Громадное, величественное сенатское зданіе, возвышающееся въ Кремлѣ и смотрящее чрезъ его зубчатыя стѣны на Красную площадь, заключало въ себѣ VI, VII и VIII-й департаменты Сената и давало пріютъ нѣсколькимъ учрежденіямъ придворно-хозяйственнаго характера. Но старые судебные департаменты Сената были обречены на постепенное и при томъ довольно скорое упраздненіе. Ихъ права, въ ряду высшихъ государственныхъ учрежденій, должны были перейти къ кассаціоннымъ департаментамъ; ихъ функціи, какъ высшей апелляціонной инстанціи — къ Судебнымъ Палатамъ. Прежнее право ревизіи приговоровъ высшихъ судебныхъ мѣстъ умирало, и вмѣсто него являлась невѣдомая дотолѣ, чуждая нашему законодательству кассація. Чѣмъ шире разливалась судебныя реформа по Руси, тѣмъ слабѣе становилось біеніе самого сердца стараго судебнаго строя — судебныхъ департаментовъ Сената, тѣмъ болѣе суживался раіонъ, въ которомъ чувствовалось это біеніе. Поэтому именно въ этомъ зданіи, какъ законные и полные жизни наслѣдники, и должны были помѣститься новые суды, тѣмъ болѣе, что придворное вѣдомство охотно очищало занимаемыя имъ въ немъ помѣщенія.

Московское сенатское зданіе было выстроено по чертежамъ архитектора Козакова, человѣка чрезвычайно талантливаго. Оно было заложено 7-го іюня 1776 года, именно съ цѣлью помѣстить въ немъ Сенатъ, который ютился до тѣхъ поръ въ особомъ отдѣленіи Потѣшнаго дворца. Постройка обошлась въ 760 т. р. с., какъ видно изъ мраморныхъ досокъ, поставленныхъ по бокамъ входныхъ воротъ и изготовленныхъ въ 1790 году «человѣкомъ цесарской націи» Іоганомъ Лиме. Къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній о ходѣ работъ по сооруженію этого зданія, соединяющаго монументальное величіе съ изяществомъ, болѣе не существуетъ. Документы, заключавшіе ихъ, сгорѣли во время нашествія Наполеона въ 1812 году. Достовѣрно, однако, что для постройки сенатскаго зданія были снесены многія строенія, хранившія на себѣ слѣды сѣдой старины. Еще въ началѣ XVIII вѣка на мѣстѣ, надъ которымъ теперь гордо высится легкій и смѣлый куполъ знаменитой круглой залы или ротонды, находились: конюшенный дворъ Чудова монастыря, церковь Космы и Даміана, церковь св. Петра митрополита,

сооруженная царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, домъ бояръ князей Трубецкихъ и Родіона Стрѣшнева и, наконецъ, подворье Симонова монастыря, на которомъ «ставили» пріѣзжихъ лицъ духовнаго званія, которымъ приходилось видѣться съ царемъ. На этомъ подворьѣ былъ въ теченіе нѣкотораго времени поставленъ и знаменитый протопопъ Аввакумъ, возвращенный изъ первой своей ссылки. Онъ самъ повѣствуетъ присущимъ ему яркимъ, своеобразнымъ языкомъ, въ своемъ «житіи» объ этомъ краткомъ періодѣ возвращенія къ нему милости тишайшаго царя. — «Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: «здорово-ли де протопопъ живешь? еще де видѣться Богъ велѣлъ...» И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! а впредь, что повелитъ Богъ». Онъ-же миленькой вздохнулъ да и пошелъ куда ему надобѣ; и иное кое-что было, да что много говорить? прошло уже то. Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ, и въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: «благослови де и помолися о мнѣ»; и шапку въ иную пору мурманку снимаючи, съ головы уронилъ, ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ, тогда и вси бояра послѣ него — челомъ да челомъ...»

Главнымъ украшеніемъ сенатскаго зданія служитъ, безъ сомнѣнія, круглая зала, съ двойнымъ кольцомъ оконъ и величественнымъ, гармонически сведеннымъ, смѣлымъ куполомъ. Преданіе говоритъ, что куполъ этотъ, при его окончаніи, возбуждалъ тревожныя сомнѣнія въ помощникахъ Козакова. Но увѣренный въ себѣ, преданный дѣлу и знающій его, строитель приказалъ наложить на вершину купола (гдѣ затѣмъ была помѣщена бронзовая статуя Георгія Побѣдоносца, а нынѣ стоитъ традиціонное изображеніе закона) особую тяжесть и, ставъ на нее, велѣлъ отнять лѣса̀, подпиравшіе сводъ... Внутренность залы, съ ея рядомъ изящныхъ колоннъ коринѳскаго ордена, съ горельефами, изображающими важнѣйшія событія изъ царствованія Екатерины II, съ бѣлыми лѣпными украшеніями на свѣтло-голубомъ фонѣ производитъ превосходное впечатлѣніе. Чѣмъ-то могучимъ и вмѣстѣ радостнымъ вѣетъ отъ этихъ строгихъ линій и тонкихъ закругленій, залитыхъ свѣтомъ...

Круглой залѣ пришлось, однако, испытать въ свое время тяжелую участь. И съ нею произошло тоже, что съ Sainte Chapelle въ Парижѣ, только въ роли конвента и директоріи здѣсь выступилъ графъ Аракчеевъ. По его докладу, красивѣйшая зала Москвы была отдана подъ помѣщеніе архива инспекторскаго департамента военнаго министерства. Архивъ этотъ «въѣхалъ» въ залу въ 1819 г. и загромоздилъ ее шкапами и тюками старыхъ дѣлъ. Когда въ 1865 г. вспомнили о томъ, что большая зала могла бы имѣть другое назначеніе, она оказалась въ самомъ печальномъ видѣ. Сырость пестрила стѣны, покрытыя пылью и плѣсенью, оконныя рамы разсохлись, многія лѣпныя украшенія были повреждены, во всѣхъ углахъ валялась затканная паутиною масса всякой дряни и рвани, веревокъ, поломанной мебели и т. п. — и однѣ лишь горы слежавшихся и затхлыхъ дѣлъ о прохожденіи безвѣстными дѣятелями ихъ безвѣстной службы возвышались среди коринѳскихъ колоннъ, заслоняя собою скульптурныя изображенія, напоминавшія «Екатерининскую славу...»

Ворота зданія Петербургскихъ судебныхъ установленій.

Въ задачу отысканія и приспособленія зданій подъ новые суды въ Москвѣ и Петербургѣ Замятнинъ вложилъ много любви и труда. Онъ образовалъ для Москвы особую комиссію, которая принялась за коренную чистку, ремонтъ и передѣлку стараго сенатскаго зданія, такъ что ко времени открытія, въ концѣ апрѣля 1866 г. новыхъ судовъ въ Москвѣ, послѣднее представляло уже рядъ прекрасныхъ, свѣтлыхъ и обширныхъ помѣщеній для размѣщенія Судебной Палаты и Окружного Суда съ принадлежащими къ нимъ учрежденіями. Реставрированная большая зала — или, какъ ее называютъ, ротонда — не получила особаго назначенія, но въ ней, по временамъ, разбираются съ присяжными сложныя и многолюдныя, въ смыслѣ свидѣтелей и подсудимыхъ, дѣла.

Гораздо труднѣе было устроить помѣщеніе для судебныхъ мѣстъ въ Петербургѣ. Замятнинъ былъ въ большомъ затрудненіи въ этомъ отношеніи. Надо было не только найти подходящее по объему, мѣсту и расположенію зданіе, но и преодолѣть различныя финансовыя затрудненія. Изъ всеподданнѣйшаго доклада его отъ 7 апрѣля 1866 года видно, что при поискахъ зданія для судебныхъ мѣстъ одно предложеніе смѣняло другое. Думали воспользоваться зданіемъ святѣйшаго Синода, пріискавъ для послѣдняго другое помѣщеніе и помѣстивъ новые суды въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Сенатомъ; предполагали занять часть адмиралтейства; было, наконецъ, предположеніе войти въ соглашеніе съ военнымъ вѣдомствомъ объ уступкѣ Михайловскаго инженернаго замка. Всѣ эти планы оказались неудобоисполнимыми по многимъ причинамъ. Министерство юстиціи остановилось на мысли устроить судебныя мѣста въ зданіи присутственныхъ мѣстъ на Адмиралтейской площади. При ближайшемъ изученіи этого вопроса оказалось, однако, что помѣщеніе здѣсь, тѣсное и неудобное, Окружного Суда и одного лишь департамента Судебной Палаты потребовало бы огромнаго безвозвратнаго расхода. Это было бы убыточно, да и кромѣ того, повидимому, самая мысль водворить новый судъ въ зданіи, съ которымъ у населенія соединялось представленіе о Надворномъ судѣ и Уголовной палатѣ, не особенно улыбалась Замятнину, который съ горячею настойчивостью стремился ввести новый *во всѣхъ отношеніяхъ* судъ. Не находя подходящихъ помѣщеній, онъ рѣшился на героическій, въ своемъ родѣ, шагъ. Онъ рѣшился пожертвовать зданіемъ Министерства Юстиціи и генералъ-прокурорскимъ домомъ, въ которомъ самъ жилъ. Примѣрная смѣта передѣлокъ, однако, вскорѣ убѣдила его, что для приспособленія этихъ зданій и на наемъ помѣщеній для Министерства Юстиціи потребуется громадный расходъ, на который, конечно, не согласится чуждый увлеченіямъ и крѣпко сидѣвшій на казеннымъ сундукѣ министръ финансовъ Рейтернъ. Тогда явилась новая комбинація. Военное Министерство уступало зданіе стараго арсенала, со всѣми къ нему пристройками, на такихъ условіяхъ, что безвозвратный расходъ составлялъ всего 115 т. р. с. Военный министръ Д. А. Милютинъ, относившійся съ большимъ сочувствіемъ къ реформѣ суда, согласился разсрочить платежъ этой суммы на десять лѣтъ — и со стороны финансоваго вѣдомства возраженій не предвидѣлось. На этомъ Замятнинъ и остановился.

Старый арсеналъ — довольно мрачное зданіе, съ толстыми стѣнами, глубокими амбразурами оконъ и обширными непріютными, подъ сводами,

комнатами и залами, отъ которыхъ вѣяло холодомъ, — выстроенъ на мѣстѣ, гдѣ при Петрѣ Великомъ стояли пороховыя мельницы, а затѣмъ былъ устроенъ пушечный дворъ. Постройки Петровскаго времени къ царствованію Екатерины II пришли въ разрушеніе и были разобраны. Образовавшійся пустырь императрица подарила Григорію Орлову, который выстроилъ въ 1775-мъ году на этомъ мѣстѣ арсеналъ, пожертвованный имъ государству и получившій со временемъ названіе *стараго*. Зданіе было освящено въ 1776-мъ году. Тогда же въ главной его залѣ поставлена изваянная въ Римѣ, по заказу князя Потемкина, мраморная статуя императрицы и вдѣлана въ стѣну на лѣстницѣ доска темнаго мрамора съ надписью: «Въ пользу артиллеріи арсеналъ сей соорудилъ собственнымъ иждивеніемъ генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Орловъ, лѣта 1776».

Старый арсеналъ былъ содержимъ въ образцовомъ порядкѣ: военное вѣдомство очистило его очень быстро. Но все-таки перестройка потребовалась громадная и при томъ капитальная. Достаточно замѣтить, что арсеналъ не отапливался, не имѣя печей. Неустанная работа, однако, закипѣла, поощряемая министромъ и руководимая съ большою энергіею и любовью къ дѣлу архитекторомъ Шмидтомъ. Въ немъ судебная реформа нашла *своего* человѣка. Изучивъ устройство судебныхъ мѣстъ на Западѣ, онъ умѣло и скоро преобразилъ все внутреннее расположеніе арсенала, пристроивъ двѣ залы для засѣданій, сдѣлавъ значительныя сбереженія противъ первоначальной смѣты и потребовавъ за планы и за трудъ скромное вознагражденіе всего лишь въ 1900 р. с. Къ веснѣ 1866 г., въ концѣ Литейной улицы, среди группы зданій военнаго характера, съ грознымъ рядомъ старинныхъ пушекъ предъ однимъ изъ нихъ, оказалось зданіе мирнаго, гражданскаго назначенія, готовое принять въ свои нѣдра давно возвѣщенный и жданный новый судъ. Старинныя пушки грозно уставили на него, съ противоположной стороны улицы, свои жерла, но общій сочувственный интересъ виталъ надъ нимъ. Первое изъ вѣдомствъ, офиціально признавшее новое назначеніе храмины, сооруженной «въ пользу артиллеріи», было министерство почтъ и телеграфовъ. Управляющій этимъ министерствомъ уже 16 іюля 1865 г. просилъ Замятнина объ уступкѣ въ зданіи будущихъ судебныхъ установленій помѣщенія для учрежденія станціи городского (тогда только-что вводимаго) телеграфа, что было бы «сообразно съ требованіями новой реформы гражданскаго суда» и за что телеграфное управленіе принимало на себя устройство, въ одномъ изъ оконъ, выходящихъ на Литейную, изохроническихъ часовъ съ пулковскимъ регуляторомъ, существовавшихъ до XX столѣтія. Заботясь объ украшеніи зданія, Замятнинъ просилъ Государя разрѣшить оставить во владѣніи новаго суда статую Екатерины, а 1 декабря 1865 г. поднесъ на Высочайшее утвержденіе рисунокъ горельефа надъ воротами зданія судебныхъ установленій, изображающаго судъ Соломона, съ надписью: «Правда и милость да царствуетъ въ судахъ».

Съ годами въ московской круглой залѣ и въ петербургской залѣ для публики изъ глубины полутемныхъ нишъ выдѣлился, въ своей величавой простотѣ, образъ создателя новаго суда, изваянный изъ мрамора, на средства тѣхъ, кому онъ указалъ новые пути для служенія правосудію. Когда утихаетъ трудовой и суетливый судебный день и зданіе суда пустѣетъ и замолкаетъ,— этотъ незабвенный образъ еще сильнѣе выдѣляется своею бѣлизною

Памятникъ Императору Александру II
въ круглой залѣ
Московскаго Окружнаго Суда.

въ надвигающемся мракѣ, подобно молчаливому стражу учрежденій, возникшихъ по его великодушному почину.......

Въ теченіе 1865-го года Замятнинъ посѣтилъ многіе изъ городовъ въ предназначенныхъ къ открытію судебныхъ округахъ и тамъ, путемъ личныхъ бесѣдъ съ представителями мѣстнаго общества и властями, разъяснилъ всѣ вопросы по устройству новыхъ судовъ, вызвавъ со стороны собесѣдниковъ, тронутыхъ его простымъ обращеніемъ и свѣтлыми взглядами на будущее судебнаго дѣла, рядъ пожертвованій на меблировку и внутреннее убранство судовъ, значительно облегчившихъ расходы казны. Въ концѣ 1865 года, на отчетѣ министра юстиціи о подготовительныхъ распоряженіяхъ къ осуществленію судебной реформы въ 1866 году рукою Государя было написано: «*Искренно благодарю за все, что уже исполнено. Да будетъ благословеніе Божіе и на всѣхъ будущихъ нашихъ начинаніяхъ для благоденствія и силы Россіи*».

III.

14 апрѣля 1866 года Императоръ Александръ II, въ сопровожденіи Замятнина, посѣтилъ помѣщеніе новыхъ судебныхъ учрежденій въ зданіи стараго арсенала. Послѣ подробнаго осмотра, Государь, обращаясь къ вновь назначеннымъ чинамъ судебнаго вѣдомства, выразилъ надежду, что они оправдаютъ оказанное имъ довѣріе, и сказалъ: «*Итакъ въ добрый часъ, начинайте благое дѣло!*» Дѣло, которое самъ верховный устроитель его назвалъ благимъ, было начато 16 апрѣля. Въ этотъ день помѣщенія Суда и Судебной Палаты были освящены, и тогда же въ большомъ залѣ для засѣданій съ съ присяжными былъ установленъ образъ съ лампадою, пожертвованный воспитанниками Училища правовѣдѣнія. Вслѣдъ затѣмъ въ зданіи Сената было открыто первое общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ. Настоящее торжество происходило на другой день, 17-го апрѣля, въ день рожденія Государя. Около часу дня съ горельефа надъ воротами стараго арсенала была снята завѣса, и слова «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ» впервые заблистали своими золотыми буквами надъ входомъ въ новый судъ. Въ ворота съ этой надписью проѣхали и прошли покойный принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, этотъ просвѣщенный дѣятель на подкладкѣ неисчерпаемой доброты, митрополитъ, послы англійскій и французскій и всѣ тѣ, кому служебное положеніе или принадлежность къ составу новыхъ судовъ давали возможность попасть на открытіе. Всѣ были оживлены,— все блистало новизною.

Новизна слышалась и въ рѣчи Замятнина, обращенной къ новымъ судебнымъ дѣятелямъ. Это не была обыкновенная, казенная рѣчь, риторическія фигуры которой, звучно разсѣкая воздухъ, не трогаютъ сердца, не шевелятъ мысли. Въ ней чувствовалось сознаніе значенія переживаемой минуты и слышалось ясное опредѣленіе обязанностей, создаваемыхъ новымъ положеніемъ. Упомянувъ, что Царь-Освободитель, даровавшій крестьянамъ свободу отъ крѣпостной зависимости и слившій затѣмъ отдѣльныя сословія въ одну общую земскую семью, совершаетъ новый подвигъ своей благотворной дѣятельности, даруя судебнымъ установленіямъ полную самостоятельность, министръ указывалъ на великія обязанности и отвѣтственность, возлагаемыя этимъ на судебное вѣдомство. «Никому уже говорилъ онъ —не

будетъ права ссылаться, въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній, ни на несовершенства порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство новые уставы, составляющіе послѣднее слово юридической науки, — ни на недостатки законовъ о доказательствахъ, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставляется голосу совѣсти». — Рѣчь кончилась мольбою: да даруетъ Господь каждому, въ предѣлахъ возлагаемыхъ на него обязанностей, силу неуклонно, въ чистотѣ помысловъ и дѣйствій, съ пользою для отечества стремиться къ выполненію великихъ предначертаній монарха и ожиданій Россіи. Въ рѣчи Замятнина были не только прочувствованныя, но и красивыя мѣста. «*Завязывая свои глаза*—сказалъ онъ судьямъ, — предъ всякими посторонними и внѣшними вліяніями, вы тѣмъ полнѣе *раскроете внутреннія очи совѣсти* и тѣмъ безпристрастнѣе будете взвѣшивать правоту или неправоту подлежащихъ вашему обсужденію требованій и дѣяній»....

23 апрѣля Замятнинымъ открыты московскія судебныя установленія, при чемъ въ рѣчи, имъ сказанной, особое вниманіе было обращено на разъясненіе значенія должности мирового судьи, изъ которой онъ приглашалъ слушателей сдѣлать общими усиліями «краеугольный камень гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда».

Вотъ какъ было впервые влито въ новые судебные мѣха новое судебное вино. Тѣ, кто пережилъ это время и первые мѣсяцы, непосредственно за нимъ слѣдовавшіе, не могутъ ихъ забыть. Довѣріе къ своимъ силамъ, свѣтлый взглядъ на будущее, убѣжденіе въ томъ, что введенный порядокъ представляется образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ,—одушевляло всѣхъ первыхъ дѣятелей новаго суда. Новой дѣятельности были отдаваемы всѣ силы безкорыстно и не безъ личныхъ жертвъ, ибо были люди, оставлявшіе и болѣе обезпеченныя служебныя положенія, чтобы только принадлежать къ судебному вѣдомству. Вице-директоры шли въ члены Палаты, губернаторы—въ предсѣдатели Окружного Суда. Первое время никто, впрочемъ, и не смотрѣлъ на занятіе новыхъ должностей, какъ на обычную, рядовую службу. Это была дѣятельность, задача, призваніе. Это была *первая любовь*. Такая любовь существуетъ не только въ личной жизни человѣка, но и въ общественной его жизни; и тутъ, и тамъ она, войдя *первою* въ сердце, *послѣднею* выходитъ изъ памяти.... Это была первая общественная любовь для многихъ..... И какія бы недоумѣнія, испытанія и разочарованія въ себѣ и въ другихъ ни принесла впослѣдствіи жизнь—чувство, одинаково охватившее въ тѣ незабвенные дни и молодого, начинающаго дѣятеля, и человѣка зрѣлаго, призванныхъ къ новой, неизвѣданной и отвѣтственной судебной службѣ,—навѣрное, не забылось ими и издалека свѣтитъ ихъ душѣ и грѣетъ ее.... Современное молодое поколѣніе не извѣдало этого чувства; для него «судебное вѣдомство» есть одно изъ ряда вѣдомствъ, въ двери котораго можно постучаться, вступая въ служебную жизнь,—и только. То горделивое увлеченіе, съ которымъ относились тогда новые судебные дѣятели къ своему дѣлу, то иногда преувеличенное мнѣніе, которое они имѣли о значеніи своего служебнаго положенія, вызываютъ теперь, когда яркая пестрота первоначальныхъ красокъ смѣнилась сѣрымъ колоритомъ будничной жизни, невольную улыбку. Но не иронія видится въ ней, а невольное сожалѣніе о томъ, что «тьмы низкихъ истинъ» такъ скоро и прочно смѣнили «насъ возвышающій обманъ».......

Нечего и говорить, какъ интересовали всѣхъ первые шаги новыхъ судовъ. Ихъ ждали съ понятнымъ нетерпѣніемъ. Первый уголовный процессъ въ Петербургѣ, разбиравшійся 14 іюня, безъ присяжныхъ, привлекъ массу публики. Дѣло было не сложное. Молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго Люстихъ, недовольный рѣзкимъ и рѣшительнымъ отказомъ одного изъ судебныхъ слѣдователей города Петербурга въ предъявленіи ему слѣдственнаго производства,—написалъ ему письмо, въ которомъ, совѣтуя быть болѣе вѣжливымъ съ приходящими, прибавлялъ: «Времена чиновниковъ-громовержцевъ прошли». Обвинителемъ по дѣлу выступилъ прокуроръ Окружного Суда Шрейберъ, одинъ изъ усердныхъ и трудолюбивыхъ молодыхъ сотрудниковъ Замятнина. *Первая* обвинительная рѣчь, сказанная на Руси, отличалась большой сдержанностью и дѣловитостью. Въ ней не было напускного паѳоса французскихъ обвиненій—и это было хорошимъ признакомъ, такъ какъ съ этой стороны нашему зарождающемуся судебному краснорѣчію могла грозить серьезная опасность. Взятая въ самомъ началѣ невѣрная нота могла затѣмъ вызвать цѣлый рядъ фальшивыхъ созвучій. Дѣло прошло очень гладко и стройно. Были, конечно, нѣкоторыя, на теперешній, умудренный опытомъ и изученіемъ, взглядъ странности. Судъ поставилъ на свое разрѣшеніе, между прочимъ, отдѣльный вопросъ (!) о томъ, есть ли въ дѣлѣ увеличивающія вину подсудимаго обстоятельства. Горячій судебный слѣдователь, много послуживъ на разныхъ должностяхъ судебному дѣлу, умеръ въ 1889 году внезапно, въ полномъ разгарѣ своей дѣятельности, а почтенный неоднократный предсѣдатель совѣта петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, на головѣ котораго обильно бѣлѣютъ серебряныя нити, вѣроятно, съ незлобивою улыбкою вспоминаетъ то время, когда, явившись *первымъ подсудимымъ* по Судебнымъ Уставамъ, онъ такъ волновался, что просилъ разрѣшенія *читать* свою защитительную рѣчь......

Засѣданія съ присяжными открылись, 26 и 28 іюля, дѣломъ Родіонова, обвинявшагося въ кражѣ со взломомъ, и дѣломъ Маркова, обвинявшагося, какъ значилось въ объявленіи о дѣлѣ,—«въ способствованіи неизвѣстному человѣку въ снятіи полости съ саней». Защитникомъ по второму выступилъ В. Д. Спасовичъ. Предсѣдательствующій товарищъ предсѣдателя Панафидинъ не совладалъ, однако, со своей задачею. Засѣданіе тянулось долго, съ томительными перерывами и остановками, носившими характеръ нѣкоторой суетливой безпомощности и растерянности. Общее впечатлѣніе получилось неудовлетворительное и грозило повториться въ рядѣ дѣлъ, такъ какъ, въ виду вакантнаго времени предсѣдательство по дѣламъ съ присяжными должно было оставаться въ однѣхъ и тѣхъ же неумѣлыхъ рукахъ. По закону одинъ предсѣдатель могъ замѣстить своего товарища, но предсѣдатель этотъ былъ въ отпуску, больной, внѣ Петербурга. Едва, однако, разнеслась вѣсть, что дѣла съ присяжными ведутся безъ надлежащаго склада и лада, предсѣдатель—Мотовиловъ—бросилъ все и появился въ судѣ. Занимавшись прежде постоянно гражданскою частью (онъ былъ до своего новаго назначенія предсѣдателемъ петербургской гражданской палаты), онъ сѣлъ въ уголовное отдѣленіе и взялъ колеблющееся дѣло въ свои энергичныя руки. Природный ясный умъ, упорный трудъ и—главное- горячая любовь къ дѣлу помогли ему. Засѣданія съ присяжными пошли правильно, съ необходимою для судебнаго механизма точностью.

Имя Георгія Николаевича не должно быть забыто историкомъ судебной реформы. Послѣдній можетъ съ глубокимъ уваженіемъ остановиться предъ его портретомъ, повѣшеннымъ послѣ его ранней смерти въ залѣ общихъ собраній Окружного Суда. Человѣкъ еще молодой, съ энергичнымъ и красивымъ лицомъ, холерикъ по темпераменту, онъ всецѣло отдался новой своей дѣятельности. Задача на первомъ предсѣдателѣ перваго по мѣсту и по времени Окружного Суда въ Россіи—лежала громадная. Она была трудна не только по своей сложности, но и по своей новизнѣ.

Въ Москвѣ первое засѣданіе суда открылось 21-го іюня, по дѣламъ о бродягахъ. Наплывъ публики былъ такъ силенъ, что пришлось установить билеты для посѣщенія залы судебныхъ засѣданій. Засѣданіе прошло хорошо, хотя не безъ нѣкоторыхъ странныхъ для современнаго юриста-практика особенностей. Предсѣдательствующій требовалъ отъ «непомнящихъ родства» объясненій, были ли они и гдѣ у исповѣди, и вступалъ въ длинныя и неоднократныя пренія съ защитникомъ одного изъ бродягъ по вопросу о томъ, что такое бродяжничество и въ чемъ именно заключается составъ этого преступленія. Первое засѣданіе съ присяжными, 24-го августа, по дѣлу Тимофѣева, обвиняемаго въ кражѣ со взломомъ, прошло гораздо лучше петербургскаго. Судебныя пренія, какъ и въ Петербургѣ, были свободны отъ громкихъ фразъ и стремленій разжалобить или ожесточить присяжныхъ; они отличались простотою и дѣловитостью, но страдали чрезмѣрными отступленіями въ область судопроизводства и различныхъ теоретическихъ соображеній. Это придавало имъ нѣкоторый педагогическій характеръ. Такъ, присяжнымъ объясняли ходъ и значеніе разныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, или пространно говорили имъ о значеніи права собственности и необходимости его огражденія, а также о «величайшемъ на свѣтѣ благѣ» — жизни, которую никто не имѣетъ право отнимать, и т. п.

Но если засѣданія съ присяжными начались въ московскомъ судѣ успѣшнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, зато вскорѣ въ одномъ изъ такихъ засѣданій произошла ошибка, которая долго потомъ приводила въ смущеніе участвовавшихъ въ ней и многочисленныхъ присутствовавшихъ, которые сначала находили, что все произошло именно такъ, какъ надлежитъ. По дѣлу объ убійствѣ, товарищъ прокурора впервые въ новой судебной практикѣ воспользовался своимъ правомъ отказаться отъ обвиненія, заявивъ о томъ, на основаніи 740 ст. уст. угол. суд., суду «по совѣсти». Судъ выслушалъ этотъ отказъ и—объявилъ, безъ дальнихъ околичностей, подсудимыхъ отъ суда свободными!

Говоря о московскихъ судебныхъ установленіяхъ перваго времени реформы, нельзя не вспомнить и о типической личности перваго предсѣдателя московскаго Окружного Суда. Высокій, плотный, съ массивными чертами лица и насупленными бровями, говорившій громкимъ голосомъ, покойный Елисѣй Елисѣевичъ Люминарскій («два раза Елисѣй!» какъ, будто бы, назвалъ его одинъ вліятельный сановникъ) былъ настоящій судья, «судья отъ головы до ногъ», всецѣло преданный дѣлу (и какъ истый москвичъ—своей Москвѣ), безпристрастный, независимый, недоступный ни ласкѣ, ни давленію, и несмотря на свою суровую наружность—добрый и сострадательный. Общее уваженіе и довѣріе окружали его при жизни, облегчая ему его трудную задачу устроителя новаго суда,—общее сожалѣніе проводило его въ могилу.

Въ наибольшее непосредственное и ежедневное соприкосновеніе съ обществомъ приходилъ мировой судъ. Онъ сталъ сразу популяренъ, и черезъ мѣсяцъ послѣ введенія реформы, сокращенное названіе «мировой» стало звучать въ народѣ, какъ нѣчто давно знакомое. Первое время камеры мировыхъ судей были полны посѣтителей. Сюда приходили знакомиться съ новымъ судомъ въ его простѣйшемъ, наиболѣе доступномъ видѣ. Переходъ отъ канцелярій квартала и отъ Управы благочинія, гдѣ чинилось еще такъ недавно судебно-полицейское разбирательство, къ присутствію мирового судьи—былъ слишкомъ осязателенъ. Здѣсь въ дѣйствительности совершался судъ скорый, а личности первыхъ мировыхъ судей, среди которыхъ встрѣчаются носители именъ, пріобрѣвшихъ впослѣдствіи почетъ на болѣе широкомъ поприщѣ, служили ручательствомъ, что это судъ не только скорый, но и правый и милостивый. Были, конечно, и въ сферѣ мировой юстиціи промахи и увлеченія. Не всегда ясно разграничивалась подсудность дѣлъ; смущали преюдиціальные вопросы; наконецъ, вино новой власти бросалось нѣкоторымъ, впрочемъ, весьма немногимъ, въ голову. Но на ряду съ этими единичными явленіями, общее направленіе мировыхъ судей перваго избранія сразу сдѣлало ихъ камеры не только мѣстомъ отправленія доступнаго народу правосудія, но и школою порядочности и уваженія къ человѣческому достоинству. Веденіе дѣла у нѣкоторыхъ судей достигло виртуозности. Особенно выдѣлялся въ Петербургѣ покойный Оскаръ Ильичъ Квистъ. Его камера была мѣстомъ, куда ходили учиться и смотрѣть, *какъ* надо разбирать дѣла. Этотъ маленькій, живой, глубоко-просвѣщенный человѣкъ, съ умнымъ и проницательнымъ взглядомъ и лукавою усмѣшкою, заложилъ въ качествѣ предсѣдателя, подобно Мотовилову и Люминарскому, нравственный и дѣловой фундаментъ мирового съѣзда, устройство котораго не разъ потомъ признавалось образцовымъ. Многіе изъ первыхъ дѣятелей мирового суда въ Петербургѣ достигли впослѣдствіи высокихъ степеней въ судебной іерархіи, но нѣтъ сомнѣнія, что время ихъ службы въ 1866 году въ скромной должности «мирового» должно представляться имъ по полнотѣ сопряженной съ нею дѣятельности и по сознанію приносимой наглядно и ежедневно пользы—счастливымъ временемъ. Между ними находились, между прочимъ, будущій оберъ-прокуроръ Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената Н. А. Неклюдовъ и будущій Старшій Предсѣдатель Варшавской Судебной Палаты при введеніи судебной реформы въ Царствѣ Польскомъ, Сенаторъ Н. Н. Герардъ.

На вершинѣ новой судебной пирамиды былъ учрежденъ кассаціонный судъ. Далекая отъ непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью дѣятельность его интересовала исключительно юристовъ, изъ которыхъ многимъ было, однако, трудно, въ представленіяхъ своихъ о ней, «совлечь съ себя ветхаго Адама», т.-е. устранить мысль о существѣ дѣла, совершенно чуждую идеѣ кассаціоннаго производства. Поэтому юристами первыя рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ Сената ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ. Нужно ли говорить, какъ успѣшна, назидательна и содержательна была именно первоначальная дѣятельность нашего кассаціоннаго суда? Для этого стоитъ лишь просмотрѣть рѣшенія за 1866 годъ. Особенно богаты были различными важными разъясненіями новаго судопроизводственнаго порядка рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента. Пройдя чрезъ коллегію, гдѣ засѣдалъ

Н. А. Буцковскій, такъ много поработавшій надъ Судебными Уставами, и гдѣ предсѣдательствовалъ В. А. Арцимовичъ, почтеннымъ сѣдинамъ котораго всегда отдавалась дань уваженія всѣми, кому дороги представители широкаго и стойкаго правосудія,—рѣшенія эти установляли и закрѣпляли начала новаго процесса. Тогда, въ первое время своего существованія, кассаціонный судъ нашъ уподоблялся римскому претору: онъ не только «jus dixit», но и «jus fecit». Особенно трудная роль выпала на долю первыхъ оберъ-прокуроровъ. Имъ приходилось, учась самимъ въ совершенно новомъ дѣлѣ, учить другихъ и учить при томъ авторитетно. Почти всѣ главнѣйшіе вопросы новаго судебнаго производства, всѣ недоразумѣнія по разграниченію областей уголовнаго и гражданскаго права разработаны и раздѣлены въ ихъ заключеніяхъ. Не надо забывать, что у насъ устроили совсѣмъ новое судебное учрежденіе, не имѣвшее никакихъ корней въ старомъ порядкѣ, и дали этому учрежденію задачу, требующую и громаднаго отвлеченія мысли въ область коренныхъ юридическихъ понятій, и большой вдумчивости. Но нашлись, однако, дѣятели, оказавшіеся «настоящими людьми на настоящемъ мѣстѣ», какъ говоритъ англійская поговорка.

Лучшимъ примѣромъ этого послужилъ первый первоприсутствующій уголовнаго кассаціоннаго департамента—сенаторъ Михаилъ Матвѣевичъ Карніолинъ-Пинскій. Суровый и прямолинейный юристъ, родившійся въ 1794 году, онъ недовѣрчиво относился ко многимъ сторонамъ судебной реформы, когда она еще была «im Werden». Назначеніе на самый высшій постъ судебной іерархіи (онъ былъ и первоприсутствующимъ общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ) застало Карніолина-Пинскаго на краю могилы. Трудовая и исполненная тревогъ личнаго и семейнаго характера жизнь его догорала. Красивая, несмотря на годы, фигура его согнулась, прекрасное, точно изваянное, хотя и жесткое въ своихъ чертахъ, лицо, обрамленное сѣдыми кудрями, осунулось и поблѣднѣло—и онъ уже не въ силахъ былъ участвовать въ засѣданіяхъ Сената, замѣняемый постоянно В. А. Арцимовичемъ. Но въ сентябрѣ 1866 г. въ уголовномъ департаментѣ должно было слушаться, въ качествѣ первой инстанціи и при томъ съ присяжными засѣдателями, дѣло бывшаго директора хозяйственнаго департамента при Святѣйшемъ Синодѣ, тайнаго совѣтника Гаевскаго и его сообщника Яковлева, обвинявшихся въ растратахъ и подлогахъ. Дѣло это имѣло по отношенію къ Сенату огромное значеніе. Оно должно было быть проведено образцово, «безъ сучка и задоринки», однимъ словомъ такъ, чтобы суды, наставлять и направлять которые призванъ кассаціонный судъ, не имѣли повода ему сказать: «врачу — исцѣлися самъ!» Карніолинъ-Пинскій въ буквальномъ смыслѣ взялъ одръ свой и пошелъ на новую дѣятельность, куда его призывалъ служебный долгъ. Снѣдаемый болѣзнью, онъ былъ привезенъ 15-го сентября въ Сенатъ и подъ руки введенъ на лѣстницу. Но въ залѣ засѣданія въ немъ проснулся опытный юристъ, понявшій—и, быть можетъ, въ душѣ полюбившій—новую, неизвѣданную еще форму суда. Засѣданіе длилось 12 часовъ, съ небольшими перерывами и было ведено во всѣхъ отношеніяхъ образцово. Обвинялъ М. Е. Ковалевскій. Руководящее напутствіе присяжнымъ, сказанное Пинскимъ, было исполнено безпристрастія и въ то же время было чуждо той безцвѣтности, которою думаютъ у насъ иногда замѣнить объективность изложенія. «Помните, сказалъ онъ въ заклю-

ченіе присяжнымъ, что вы призваны творить судъ, а не угнетать....» Когда въ своей рѣчи защитникъ одного изъ подсудимыхъ, увлекшись характеристикою другого изъ нихъ, началъ говорить, что свидѣтельскія показанія, рисующія его человѣкомъ честнымъ и порядочнымъ, не соотвѣтствуютъ тому, что было на самомъ дѣлѣ, Пинскій остановилъ его, сказавъ: «Едва ли прилично укорять подсудимаго..... Говоря о немъ, какъ о человѣкѣ осужденномъ, вы забываете, что судъ еще не произнесъ своего приговора»... Чтенія отчета о засѣданіи по дѣлу Гаевскаго производитъ даже и теперь, несмотря на выработавшуюся технику судебнаго производства, впечатлѣніе живого и чрезвычайно достойнаго веденія дѣла. Нельзя, однако, не отмѣтить одного серьезнаго отступленія отъ Уставовъ, хотя и правильнаго по мысли и вполнѣ соотвѣтствующаго западному, болѣе старому и выработанному процессу, — но все-таки отступленія. При той роли, которую игралъ Ковалевскій въ Сенатѣ, и при отсутствіи съ его стороны какихъ-либо заявленій, надо думать, что это было безсознательное отступленіе, основанное на воспоминаніи о томъ, что *предполагалось* сдѣлать при составленіи Уставовъ. Вопросы были поставлены Сенатомъ, подвергнуты обсужденію сторонъ и вручены присяжнымъ — *послѣ* заключительнаго слова первоприсутствующаго.

Въ первыхъ шагахъ новыхъ судовъ была сторона, которая не только интересовала, но и немного тревожила всѣхъ , кому было дорого правильное осуществленіе Судебныхъ Уставовъ на практикѣ. Кромѣ чувства долга, трудолюбія и добросовѣстности, отъ людей, призываемыхъ помогать отправленію правосудія, а иногда даже играть въ немъ рѣшительную роль,— требовались не только еще особыя способности, но и извѣстное, стоявшее въ виду недавнихъ общественныхъ условій подъ вопросительнымъ знакомъ, развитіе гражданскаго чувства и пониманія. Какъ пойдутъ судебныя пренія? Появятся ли люди, способные къ сдержанному жару словесной борьбы, къ тому, чтобы «словомъ твердо править», и вообще даже къ тому, чтобы владѣть этимъ словомъ для судебной борьбы.

Едва ли нужно напоминать о томъ, какъ быстро и съ какимъ запасомъ неожиданныхъ силъ появились у насъ, въ первые же мѣсяцы реформы, судебные ораторы. Безъ всякой школы, безъ организованной подготовки, со всѣхъ сторонъ выступили на судебную арену люди, не только умѣвшіе владѣть словомъ, но и, въ большинствѣ, талантливые.

Стараго губернскаго прокурора, за немногими блестящими исключеніями, пассивнаго, могущаго ничего не дѣлать, ибо дѣлать все, что онъ долженъ, невозможно,—дѣятельность котораго иногда не оставляла никакого слѣда или воспоминанія («а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, говоритъ Чичиковъ, встрѣтивъ похороны прокурора, такъ на повѣрку у тебя всего только и было, что густыя брови!»)—замѣнила, со введеніемъ Судебныхъ Уставовъ, прокуратура дѣятельная. Раіонъ ея дѣйствій сдѣлался меньше, но она стала играть роль махового колеса въ машинѣ уголовнаго суда. Для этого надо было не только работать, но и умѣть отстоять свою работу, а это вызвало появленіе способныхъ обвинителей.

Введеніе реформы отразилось и на сословіи повѣренныхъ. Старая проторенная дорожка съ задняго крыльца должна была «порасти травой забвенья», и двери суда широко раскрывались лишь предъ адвокатомъ новой фор-

маціи. Въ эти двери вошли немедленно люди ума и знаній и не только съ чистымъ, но и иногда съ завиднымъ прошлымъ. Въ нихъ вошли молодые оберъ-секретари Сената, и профессора, и лучшіе представители эмбріональной адвокатуры, состоявшей уже при коммерческихъ судахъ, и почтенный дѣятель крестьянскаго освобожденія Унковскій и т. д.

Въ томъ же 1866 году въ Москвѣ проявились два судебныхъ оратора большой силы. Одинъ, назначенный въ прокуратуру изъ провинціальныхъ губернскихъ стряпчихъ, скромный, блѣдноликій, молчаливый, съ непокорными волосами и бородой, — вдругъ выросъ на обвинительной трибунѣ, и изъ устъ его полилась рѣчь, скованная съ непревзойденною съ тѣхъ поръ суровою красотою. Кто слышалъ, въ свое время, ровный, металлическій голосъ Громницкаго, кто вдумался въ его неотразимые и въ то же время простые, повидимому, доводы, обнимавшіе другъ друга, какъ звенья неразрывной цѣпи, тотъ не забудетъ обвинителя по всѣмъ большимъ дѣламъ первыхъ лѣтъ московскаго суда. Недаромъ на огромномъ процессѣ Матова и другихъ фальшивыхъ монетчиковъ, присяжные, выслушавъ его рѣчь и возраженія 19-ти защитниковъ, просили его, чрезъ своего старшину, не утруждать себя отвѣтомъ...

Посѣтитель московскаго суда того времени, конечно, не забылъ также и начинающаго кандидата съ родовымъ именемъ и блестящимъ образованіемъ, котораго природа щедро надѣлила дарами, необходимыми для защитника; онъ вспомнитъ, быть-можетъ, неслыханный восторгъ присутствующихъ послѣ защитительной рѣчи князя А. И. Урусова по дѣлу Волоховой, обвинявшейся въ убійствѣ мужа, — рѣчи, сломившей силою чувства и тонкостью разбора уликъ, тяжкое и серьезное обвиненіе.... Но не одни таланты проявила тогда, при самомъ своемъ возникновеніи, московская адвокатура. Ея организація въ духѣ порядка и нравственной дисциплины была въ значительной степени дѣломъ памятнаго Москвѣ покойнаго М. И. Доброхотова, и съ первыхъ дней въ ея рядахъ засіялъ кроткимъ свѣтомъ человѣчный, глубоко ученый и благородный—давно умершій—Я. И. Любимцевъ.

Нужно ли говорить о сразу выдѣлившихся въ то время корифеяхъ петербургской адвокатуры — о К. К. Арсеньевѣ и В. Д. Спасовичѣ? Кто изъ близкихъ судебному дѣлу не знаетъ ихъ, не помнитъ ихъ на расцвѣтѣ и въ расцвѣтѣ ихъ дѣятельности? *Одного* — съ его глубокими, знаніями, изяществомъ пріемовъ и поучительною чистотою въ исполненіи своихъ обязанностей, талантливое и быстрое слово котораго лилось, какъ рѣка, блистая прозрачностью своихъ струй и неслышно ломая въ своемъ неотвратимомъ теченіи преграды противника, — и *другого* — съ рѣзкимъ, угловатымъ жестомъ, неправильными удареніями надъ непослушными, но вѣскими словами, съ сочностью красокъ и всегда оригинальнымъ, вдумчивымъ и научнымъ освѣщеніемъ предмета...

IV.

Замятнину пришлось быть министромъ юстиціи при реформированномъ судѣ лишь годъ. Судебное преобразованіе имѣло цѣлью удалить рѣшительнымъ образомъ изъ русскаго общественнаго организма застарѣлую опухоль подьяческаго и приказнаго суда, мѣшавшую правильному удовлетворенію

одной изъ его насущныхъ потребностей. Но опухоль внѣдрилась глубоко; вокругъ нея и въ ней образовался прочный круговоротъ нездоровыхъ соковъ. Удаленіе не могло произойти безъ тягостныхъ ощущеній, малодушной боязни и даже боли. Въ то время, какъ здоровыя клѣтки свѣжей ткани начинали свою творческую работу, обнаженное мѣсто ныло и горѣло. Отсюда протесты и вопли противъ рѣшенія хирурговъ и противъ сознательно исполнявшаго свое дѣло оператора, протесты поспѣшные, нетерпѣливые, находившіе себѣ поддержку въ той «жаждѣ сомнѣнія» во всемъ и всѣхъ, которая такъ свойственна нашему общественному складу. Недаромъ Некрасовъ указывалъ на «зловѣщій тактъ», съ которымъ мы «сторожимъ неудачу» и замѣчаемъ «облачко надъ фактомъ»... Такъ было и съ первыми шагами новаго суда. Въ его отношеніяхъ къ окружающимъ областямъ, къ общественнымъ кругамъ и къ отдѣльнымъ личностямъ многіе охотно допускали *новое*, но только подъ условіемъ, чтобы, съ точки зрѣнія формъ, оно совершалось *по-старому*. Поэтому ко вновь созданнымъ учрежденіямъ и ихъ представителямъ предъявлены были самыя чрезмѣрныя требованія непогрѣшимости не только по существу, но и по формѣ, не только въ ходѣ дѣлъ, но и въ обиходѣ взаимоотношеній. Отсутствіе опыта стало признаваться ошибкою, неизбѣжныя разногласія — тенденціозностью, дѣйствительные, хотя и естественные въ новомъ дѣлѣ, промахи — преступленіями...

Все это отразилось на Замятнинѣ. Глубоко опечаленный разлукой со своимъ цѣннымъ помощникомъ и товарищемъ не только по служебному званію, но и по дѣйствительному сотрудничеству въ дѣлѣ судебной реформы, Н. И. Стояновскимъ, получившимъ другое назначеніе, Замятнинъ увидѣлъ, что дни его, какъ министра юстиціи, сочтены. Но онъ не сдѣлалъ никакой постыдной уступки навѣтамъ противниковъ, чтобы только остаться. Напротивъ, въ своемъ отчетѣ о дѣятельности новыхъ судовъ, опубликованномъ въ мартѣ 1867 года, онъ торжественно, въ простыхъ и проникнутыхъ сознаніемъ долга словахъ, призналъ, что мировой институтъ вызвалъ заслуженное къ себѣ довѣріе, что работа общихъ судебныхъ установленій оказалась благотворною, что присяжные засѣдатели вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды и что, наконецъ, необходимымъ для достиженія единства въ отправленіи правосудія пособіемъ послужила дѣятельность присяжныхъ повѣренныхъ. Одновременно съ представленіемъ такого отчета, онъ исходатайствовалъ повелѣніе объ открытіи новаго обширнаго судебнаго округа — Харьковскаго. Упорнымъ нежеланіемъ итти на компромиссы и полнымъ отрицаніемъ необходимости какихъ-либо видоизмѣненій только-что совершеннаго преобразованія, Замятнинъ ускорялъ свою окончательную отставку, сопряженную для него, человѣка съ недостаточными матеріальными средствами, съ немалыми ущербами. Она и послѣдовала 16 апрѣля 1867 года.

Замятнинъ покинулъ свой постъ съ горечью, но безъ озлобленія. Старый, вѣрный слуга своего Государя, онъ такимъ и остался, — но остался вѣренъ и дѣлу, которому судьба дала ему счастье послужить. Онъ оказался сдѣланнымъ изъ огнеупорной глины: накалялся медленно, но жаръ хранилъ долго и прочно. Въ новой сферѣ своего служенія — законодательно-совѣщательной — онъ не былъ ораторомъ, и роль горячаго бойца за Су-

дебные Уставы не вытекала изъ его мирнаго и спокойнаго характера, но онъ стойко и безповоротно стоялъ на ихъ сторонѣ, и его голосъ всегда принадлежалъ тому, что онъ научился любить во дни своего министерскаго служенія. Проекты разныхъ «улучшеній» въ Уставахъ его очень тревожили, вызывая въ немъ «упрямое» недовѣріе къ ихъ благимъ послѣдствіямъ, и мнѣ по личному опыту извѣстно, что онъ искалъ случая получить подробныя разъясненія сквозящей изъ нихъ опасности. Въ особенности, словомъ и дѣломъ, шелъ онъ противъ обобщенія отдѣльныхъ *случаевъ* въ цѣлое *явленіе* и въ тревожныя для судебнаго законодательства времена имѣлъ рѣдкую смѣлость настойчиво утверждать, что ожесточенныя нападки на судъ присяжныхъ засѣдателей и на магистратуру вообще, по поводу какого-либо исключительнаго дѣла, несправедливы и односторонни, и что нельзя ломать цѣлыхъ учрежденій изъ-за одного или двухъ «непріятныхъ» рѣшеній.

Всю послѣдующую за 1867-мъ годомъ жизнь онъ живо интересовался ходомъ судебнаго дѣла, радостно привѣтствовалъ распространеніе судебной реформы по лицу русской земли, сочувствовалъ успѣхамъ судебныхъ дѣятелей, скорбѣлъ о постигавшихъ ихъ невзгодахъ и никогда не разрывалъ нравственной съ ними связи. Всѣ, кто его зналъ, отвѣчали ему тѣмъ же, горячо привѣтствуя его въ день 50-лѣтняго юбилея и основавъ въ Петербургской колоніи малолѣтнихъ преступниковъ домикъ имени Д. Н. Замятнина. Къ суду онъ до конца дней сохранилъ глубокое уваженіе и бывалъ доволенъ, когда ему удавалось выразить это чувство внѣшнимъ образомъ. Уже на склонѣ дней, часто прихварывая, онъ ни за что не хотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ сановника не являться въ засѣданіе суда въ качествѣ свидѣтеля по двумъ завѣщаніямъ и по одному дѣлу, гдѣ была сдѣлана на него ссылка, а требовать допроса на дому. Стѣны суда, когда-то имъ торжественно открытаго, какъ «равнаго для всѣхъ», увидѣли снова почтеннаго и величаваго старика, пришедшаго исполнить свой долгъ наравнѣ со всѣми. Недаромъ послѣдній циркуляръ его по судебному вѣдомству требовалъ отъ подчиненныхъ ему чиновъ прокуратуры *вставанія* при обращеніяхъ къ суду, какъ необходимаго признака подобающаго послѣднему уваженія. Предписаніе это было впослѣдствіи отмѣнено, и представителямъ государственнаго обвиненія предоставлено объясняться съ судомъ *сидя*, но упроченный этимъ предписаніемъ прекрасный обычай существуетъ, кажется, до сихъ поръ.

Отличный семьянинъ, радушный хозяинъ и интересный собесѣдникъ въ частной своей жизни, Замятнинъ до конца дней сохранилъ привлекательный обликъ. Высокій, прямой, съ красивою сѣдою головой, твердою походкой и ясною рѣчью, онъ умѣлъ соединять въ себѣ свѣжесть духа съ бодростью тѣла, ведя очень скромную жизнь и много, несмотря на преклонные годы, ходя пѣшкомъ. 19 октября 1881 года, «въ тотъ день, какъ празднуетъ Лицей свою святую годовщину» — послѣ обѣда въ средѣ товарищей по мѣсту воспитанія, онъ неожиданно и тихо скончался...

Николай Андреевичъ Буцковскій.

(1811—1873).

Среди дѣятелей и осуществителей судебной реформы видное мѣсто надлежало математикамъ по образованію. *Сергѣй Ивановичъ Зарудный*, вложившій всю свою живую и страстную душу въ дѣло преобразованія нашего судебнаго строя, былъ кандитатомъ физико-математическаго факультета; популярный столичный мировой судья перваго избранія, теоретическій и практическій истолкователь Судебныхъ Уставовъ и блестящій оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента, *Николай Адріановичъ Неклюдовъ*, оставившій по себѣ яркую память въ судебномъ вѣдомствѣ, началъ свое высшее образованіе по математическому факультету, такъ же, какъ и его ближайшій преемникъ по послѣдней должности. Точно такъ же математикомъ, и при томъ практикомъ, былъ и *Николай Андреевичъ Буцковскій*—одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей при выработкѣ Судебныхъ Уставовъ и при первоначальномъ приложеніи ихъ къ русской жизни.

Воспитанникъ главнаго инженернаго училища, офицеръ петербургской инженерной команды съ 1833-го года, затѣмъ учитель математики и бухгалтеріи въ гатчинскомъ сиротскомъ Институтѣ, *Буцковскій* лишь 28 лѣтъ отъ роду выступилъ на юридическое поприще въ скромной роли помощника столоначальника департамента Министерства Юстиціи. Пытливый умъ и жажда знанія заставили его погрузиться въ изученіе иностранной юридической литературы и съ помощью ея увидѣть всѣ недостатки нашего судебнаго сооруженія, оскорбившіе, прежде всего, его математически развитый умъ, а затѣмъ и справедливое сердце. Занявъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, постъ оберъ-прокурора одного изъ московскихъ департаментовъ Сената, доставшійся ему по праву необыкновеннаго трудолюбія и выдающихся способностей, онъ явился на немъ во всеоружіи пониманія косности и отсталости нашего процесса и умѣнья вносить въ его мертвящія формальныя рамки струю дѣйствительнаго правосудія. Ему пришлось пробыть въ этой должности до начала шестидесятыхъ годовъ, когда пробудившаяся общественная мысль и просвѣщенный починъ правительства поставили на очередь необходимость снабдить выходившій изъ рабства народъ судомъ скорымъ и равнымъ для всѣхъ и оградить его отъ жестокихъ и позорящихъ человѣческое достоинство тѣлесныхъ наказаній. Въ 1861-мъ году онъ, къ прискорбію любившихъ его подчиненныхъ и сослу-

живцевъ, былъ вызванъ въ Петербургъ и прикомандированъ къ государственной канцеляріи для работъ по судебному преобразованію и для участія въ комитетѣ по обсужденію вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Въ комиссіи, составлявшей Судебные Уставы, онъ занялъ мѣсто предсѣдателя уголовнаго отдѣленія. Его усиленнымъ трудамъ мы обязаны точною и сжатою редакціею статей устава уголовнаго судопроизводства, почти всецѣло усвоенной Государственнымъ Совѣтомъ. Принимая оживленное участіе въ спорахъ по выработкѣ тѣхъ или другихъ положеній новаго процессуальнаго порядка, Буцковскій взялъ на себя роль безпристрастнаго историка всѣхъ преній и изложилъ ихъ окончательные результаты въ блестяще составленной объяснительной запискѣ къ проекту устава уголовнаго судопроизводства. Эта записка не только представляетъ замѣчательный историко-юридическій трудъ, но до сихъ поръ не утратила значенія и какъ превосходное изложеніе различныхъ точекъ зрѣнія на сущность процессуальныхъ пріемовъ и ихъ внутренній смыслъ. Она служитъ также показателемъ свѣтлаго настроенія, исполненнаго довѣрія къ живой воспріимчивости и способностямъ русскаго народа,—настроенія, которымъ были проникнуты, даже расходясь въ частностяхъ, тѣ, кому выпала счастливая доля работать надъ судебнымъ законодательствомъ съ вѣрою, что указанія на его улучшенія дѣйствительно войдутъ въ жизнь, а не прозвучатъ лишь какъ vox clamantis in deserto... Записка представляетъ цѣлыя обширныя разсужденія, съ богатыми ссылками на иностранныя законодательства и судебную практику. Таковы, напр., всѣ замѣчанія о различныхъ сторонахъ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, о перечисленіи существенныхъ поводовъ къ отмѣнѣ рѣшеній и по вопросу объ autorité de la chose jugée, при чемъ въ основаніе 16 ст. проекта (21 и 22 устава уголовнаго судопр.) было положено совершенно новое у насъ начало незыблемости окончательныхъ, вошедшихъ въ законную силу, оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ. Съ высоты научныхъ и теоретическихъ соображеній Буцковскій въ этой объяснительной запискѣ подчасъ спускается въ область практическихъ условій, обстановки русской жизни и рядомъ доводовъ, почерпнутыхъ въ дѣйствительности, подкрѣпляетъ ту или другую статью проекта. Особаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ разсужденія о представленіи мировому судьѣ возбуждать уголовныя дѣла по непосредственно имъ усмотрѣннымъ преступленіямъ.

Изъ записки видно, что Буцковскій не всегда бывалъ въ большинствѣ, но его не одержавшіе верхъ взгляды очень характеризуютъ его направленіе. Такъ, напримѣръ, отводя прокурорскому надзору серьезную роль и не уменьшая его законной сферы вліянія, Буцковскій хотѣлъ, съ одной стороны, воспользоваться юридическою подготовкою чиновъ этого надзора, а съ другой стороны, опасался ихъ давленія на слѣдователей и судей, могущаго стѣснить ихъ необходимую самостоятельность. Поэтому онъ предлагалъ вложить въ уста товарища прокурора, дающаго заключенія въ съѣздѣ мировыхъ судей, не мнѣніе о винѣ или невиновности подсудимаго, но нѣчто въ родѣ предсѣдательскаго руководящаго напутствія, въ которомъ юристъ по профессіи долженъ «объяснять силу доказательствъ и указывать на относящіеся къ дѣлу законы». На ряду съ этимъ, ссылаясь на французское ministère public, онъ не находилъ основаній, чтобы во всѣхъ случаяхъ,

Николай Андреевичъ Буцковскій.

кромѣ лишенія обвиняемаго свободы, *находящійся на мѣстѣ* слѣдователь исполнялъ *всѣ* требованія *отсутствующаго* прокурора, знакомаго, въ большинствѣ случаевъ, съ дѣломъ только по бумагамъ, и потому предлагалъ предоставить слѣдователю представлять суду о неосновательныхъ, по его мнѣнію, требованіяхъ прокурора, не исполняя ихъ. Этотъ взглядъ не былъ, однако, раздѣленъ Государственнымъ Совѣтомъ, и всякое *повторенное* требованіе прокурора, кромѣ относящагося ко взятію подъ стражу, нынѣ для слѣдователя обязательно. Широко вводя защиту обвиняемаго и подсудимаго въ процессуальныя правила, Буцковскій признавалъ желательною защиту на предварительномъ слѣдствіи, предоставивъ слѣдователю лишь устранять недобросовѣстныхъ защитниковъ, входящихъ въ стачку съ обвиняемымъ для вовлеченія органовъ правосудія въ заблужденіе. «Слѣдователь—писалъ онъ—долженъ смотрѣть на обвинителя и на защитника обвиняемаго, какъ на сотрудниковъ своихъ во всестороннемъ изысканіи истины. Едва ли сколько-нибудь добросовѣстный слѣдователь станетъ препятствовать избранію обвиняемымъ защитника или дозволитъ себѣ устранить избраннаго защитника безъ основательныхъ причинъ, тѣмъ болѣе, что всѣ дѣйствія его будутъ подлежать контролю и суда, и цѣлаго общества, отъ вниманія котораго, при дѣйствіи гласности, не ускользнетъ ни одно недобросовѣстное дѣйствіе судьи». Положеніе обвиняемаго на судѣ, при отсутствіи опытнаго защитника, не могущаго состязаться съ техникомъ-юристомъ въ лицѣ прокурора, справедливо заботило Буцковскаго, желавшаго, чтобы судъ присяжныхъ «всегда служилъ исключительно на пользу правосудія». Поэтому онъ предлагалъ, хотя и безплодно, постановить, что, если избранный подсудимымъ защитникъ по дѣлу, подлежащему суду присяжныхъ, окажется не имѣющимъ надлежащихъ свѣдѣній для правильной защиты, то предсѣдатель суда, не устраняя его, назначаетъ подсудимому другого защитника отъ суда. Заботясь о гарантіяхъ личной свободы, Буцковскій явился горячимъ противникомъ тѣхъ членовъ комиссіи, которые желали упразднить предположенія первоначальнаго проекта о правѣ прокуроровъ и судей освобождать изъ-подъ стражи неправильно заключенныхъ, изъ опасенія, что это внесетъ путаницу въ ходъ дѣла. «Подъ вліяніемъ вѣковыхъ злоупотребленій—писалъ онъ—задержаніе частныхъ лицъ внѣ законнаго порядка сдѣлалось у насъ обыденнымъ явленіемъ, не возбуждающимъ ни особеннаго ропота, ни особеннаго негодованія. До сей поры правомъ личнаго задержанія пользовались не только всякая власть и всякое начальство, но и частныя лица, занимавшія *выгодное* положеніе въ обществѣ. Судебная реформа должна положить предѣлъ подобному произволу. Поэтому въ законѣ слѣдуетъ выразить это *положительно*»... Наконецъ, онъ упорно стоялъ на единствѣ кассаціонной власти, глубоко понимая и народный взглядъ на Сенатъ, согласно которому послѣдній, со временъ Петра Великаго, долженъ являться представителемъ «нелицемѣрнаго правосудія»,—и ту правовую и нравственную смуту, которую должно внести и вноситъ представленіе о якобы авторитетномъ толкованіи закона многими учрежденіями сразу... «Отправленіе правосудія въ государствѣ,—писалъ онъ,—какъ своего рода *священнодѣйствіе*, должно быть всюду одинаково. Всѣ органы суда должны дѣйствовать подъ надзоромъ одной и нераздѣльной власти верховнаго судилища. Только при такомъ единствѣ толкованія закона, судебная док-

трина можетъ сдѣлаться достояніемъ каждаго, и въ нашей русской жизни установится тотъ духъ законности, при которомъ только и можемъ мы ожидать общественнаго благоустройства и *настоящаго, а не мнимаго* прогресса».

Съ особою яркостью сказалась гуманная логика Буцковскаго въ его мнѣніи о *публичности наказаній*. Обрядъ всенародной перевозки осужденнаго на площадь, для выслушанія приговора у позорнаго столба, представлялся ему безплодною и безцѣльною жестокостью, утрачивающею всякое значеніе со введеніемъ публичности и торжественности обрядовъ производства суда. Составляя только окончаніе той драмы, которая происходила на судѣ публично,—говорилъ онъ,—обрядъ позорной казни представитъ народу одно праздное зрѣлище, безъ всякаго поучительнаго значенія. Мало того, послѣ потери своего устрашающаго характера, обрядъ этотъ можетъ подѣйствовать даже вредно на массу народонаселенія, представляя ей позоръ какъ бы единственнымъ наказаніемъ за тяжкія злодѣянія».—«Конечно,—продолжаетъ онъ,—чѣмъ менѣе подавлено въ осужденномъ нравственное чувство, чѣмъ менѣе онъ преступникъ по ремеслу, тѣмъ положеніе его, при исполненіи обряда казни, будетъ мучительнѣе. Но для тѣхъ осужденныхъ, которые при совершеніи своихъ преступленій или руководились одними животными побужденіями или успѣли убить въ себѣ всякое нравственное чувство, позорный обрядъ не имѣетъ никакого значенія. Такимъ образомъ этотъ обрядъ отягощаетъ участь только тѣхъ осужденныхъ, которыхъ нравственныя силы будутъ и безъ того глубоко потрясены публичнымъ изслѣдованіемъ на судѣ ихъ вины и для которыхъ, такимъ образомъ, вопреки справедливости, наказаніе окажется болѣе чувствительнымъ». Доводы эти не могли, однако, убѣдить Государственный Совѣтъ, и обрядъ публичной казни для лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія продолжалъ существовать до восьмидесятыхъ годовъ, когда, наконецъ, была вполнѣ признана его тягостная ненужность и карательная безцѣльность.

Особое вниманіе посвятилъ Буцковскій краеугольному камню новаго устройства уголовнаго суда—присяжнымъ засѣдателямъ. Въ особой запискѣ, представленной въ комиссію, онъ присоединился къ Ровинскому и Зарудному, но со своей собственной, самостоятельной точки зрѣнія. Ровинскій разсматривалъ вопросъ о введеніи суда присяжныхъ со стороны народной психологіи и условій быта, Зарудный—со стороны политическаго характера этого учрежденія и допустимости его при строго монархическомъ строѣ; Буцковскій сталъ на точку зрѣнія историческую. Исходя изъ положенія, что судъ присяжныхъ есть лишь спеціальное проявленіе *суда выборнаго*, и противополагая этотъ судъ, съ его воспріимчивостью и житейскою опытностью, суду равнодушныхъ къ судьбѣ подсудимаго, закопавшихся въ бумагахъ, *назначенныхъ* судей-техниковъ, вставляющихъ всевозможные случаи въ заранѣе опредѣленныя рамки отвлеченныхъ понятій, онъ указывалъ на господство выборнаго начала во всей до-Петровской исторіи. Въ *судныхъ мужахъ*, въ *губныхъ старостахъ*, въ *цѣловальникахъ*, введенныхъ Иваномъ Грознымъ въ видѣ общаго учрежденія, онъ видѣлъ стремленіе верховной власти развить въ общинахъ начатки самоуправленія и народнаго суда. Любовью народа къ своему суду «по совѣсти» и оцѣнкою стремленія правительства къ его сохраненію и развитію объяснилъ онъ доброе отношеніе народа къ памяти жестокаго царя. Даже и въ новомъ, бюрократическомъ

періодѣ нашей исторіи онъ отмѣчалъ провозвѣстниковъ присяжныхъ засѣдателей не въ лишенныхъ значенія и судебнаго достоинства сословныхъ засѣдателяхъ, а въ правѣ мѣщанскихъ обществъ судить своихъ порочныхъ членовъ и въ призывѣ, согласно своду законовъ 1857 года, двѣнадцати лицъ для рѣшенія вопроса о членовредительствѣ. Считая, затѣмъ, что цѣль правосудія достигается раздѣленіемъ между независимыми другъ отъ друга судами задачъ опредѣленія виновности подсудимаго и назначенія ему наказанія, Буцковскій рядомъ глубоко взвѣшенныхъ доводовъ доказывалъ, что это раздѣленіе всего лучше можетъ быть достигнуто учрежденіемъ суда присяжныхъ. Отдѣленіе вопросовъ факта и права, по мнѣнію его, не налагая тяжкихъ испытаній на чувство судей существа дѣла, даетъ имъ возможность руководиться исключительно голосомъ правды и очевидностью, а судьямъ, налагающимъ наказаніе, даетъ возможность спокойно примѣнять законную кару къ установленной виновности, слѣдуя лишь своему долгу и побужденію справедливаго человѣколюбія. Если главная цѣль уголовнаго суда есть примѣненіе кары къ основанной на здравомъ сужденіи оцѣнкѣ дѣйствій и побужденій подсудимаго, то,—какъ писалъ Буцковскій,—надо признать, что *наглядная непосредственность сужденія во многихъ случаяхъ вѣрнѣе ученыхъ и тонкихъ анализовъ*. А это сужденіе составляетъ принадлежность выборныхъ по жребію изъ всѣхъ слоевъ общества судей, которые, въ качествѣ присяжныхъ, являются лучшими примирителями *требованій правды съ дѣйствительною жизнью*.

Въ формулярномъ спискѣ Буцковскаго значится, что, когда работы по составленію Судебныхъ Уставовъ были закончены, и Государь «принялъ съ особымъ благоволеніемъ» поднесенные ему Бутковымъ труды комиссіи, то послѣдній счелъ своею обязанностью указать на Буцковскаго, какъ на одного изъ *главныхъ* при этихъ трудахъ дѣятелей. Этотъ дѣятель не считалъ, однако, свою задачу исчерпанною. Онъ находилъ необходимымъ ознакомиться на практикѣ съ пріемами приложенія тѣхъ общихъ началъ, которыя онъ проводилъ и защищалъ съ такою любовью и мудрымъ достоинствомъ,— и затѣмъ наставить будущихъ русскихъ судебныхъ работниковъ на трудолюбиво проложенный путь новыхъ учрежденій и невѣдомой дотолѣ сложной самодѣятельности. Въ 1864-мъ году онъ совершилъ заграничную поѣздку, посвященную посѣщенію западно-европейскихъ судовъ и практическому изученію господствующихъ въ нихъ порядковъ. Вернувшись, онъ вмѣстѣ со званіемъ сенатора получилъ назначеніе въ комиссію «о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ». Работая въ ней и въ Сенатѣ, Буцковскій выпустилъ рядъ изданій, касавшихся новыхъ судебныхъ порядковъ въ ихъ главныхъ основаніяхъ и въ существенныхъ условіяхъ и требованіяхъ. Такъ появились его сочиненія: *«Очеркъ кассаціоннаго порядка по Судебнымъ Уставамъ 1864 года»*, въ которомъ съ ясностью и простотою глубокаго знанія былъ освѣщенъ и разработанъ одинъ изъ труднѣйшихъ и совершенно новыхъ отдѣловъ обновленнаго судебнаго законодательства; *«О приговорахъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей»* и *«О дѣятельности прокурорскаго надзора вслѣдствіе отдѣленія судебной власти отъ обвинительной»*. Эти книги до сихъ поръ представляютъ богатый запасъ свѣдѣній и коренныхъ положеній, показывающихъ объемъ и направленіе мысли законодателя, замѣнившаго подьяческій, бумажный строй суда

и равнодушное «читалъ» стараго губернскаго прокурора живымъ и нравственно отвѣтственнымъ словомъ прокурора—публичнаго представителя обвиняющей стороны въ процессѣ.

1-го января 1866 года Буцковскій былъ назначенъ присутствовать въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ. *Осуществленіе* пришло на смѣну *созидательнаго* труда, *изученія* и *наученія*. Кассаціонный судъ былъ учрежденъ на вершинѣ новой судебной постройки, и будущая дѣятельность его интересовала главнымъ образомъ юристовъ, которыми первыя рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ. Между тѣмъ въ своей внутренней дѣятельности и задачахъ кассаціонный судъ, только-что образованный, имѣлъ живыя и привлекательныя стороны. На немъ лежали не только разъясненіе закона, но и бдительный надзоръ за нарушеніями процессуальнаго порядка. Твердо устанавливая для оцѣнки послѣднихъ одни тѣ же основанія, безотносительно къ лицамъ, въ нихъ повиннымъ, къ мѣстнымъ и временнымъ условіямъ, этотъ судъ исполнялъ свою *священную обязанность* предъ роднымъ правосудіемъ. Неисполненіе или лицемѣрное исполненіе этой обязанности, иногда проскальзывавшее въ «отдѣленскихъ» рѣшеніяхъ позднѣйшихъ лѣтъ кассаціоннаго суда, кореннымъ образомъ извращаетъ дѣятельность всего судебнаго механизма. Но въ первые годы судебной реформы Сенату приходилось участвовать не только въ толкованіи закона, но и въ *творческой правовой дѣятельности* въ полномъ смыслѣ слова. Надо было разрѣшить рядъ вопросовъ не только юридическаго, но и этическаго характера, не только разъяснить сложныя понятія о составѣ многихъ преступленій по степенямъ участія, но и установить «правила вѣры и образъ кротости» для новыхъ дѣятелей, обрисовавъ яркими чертами *ихъ поведеніе* и поставивъ «повелительныя грани» ихъ возможному произволу. Наконецъ, предстояло на собственныхъ рѣшеніяхъ показать примѣръ широкаго и и вдумчиваго толкованія закона, далекаго и отъ автоматическаго приложенія, и отъ смѣшенія понятій о lege lata и lege ferenda.

О томъ, какъ успѣшна, назидательна и содержательна была первоначальная дѣятельность уголовнаго кассаціоннаго департамента, главнымъ руководителемъ и авторитетнымъ совѣтникомъ въ которой явился Буцковскій, говорить едва ли нужно. Рѣшенія первыхъ трехъ лѣтъ существованія русскаго уголовнаго кассаціоннаго суда разъяснили, упрочили и надолго закрѣпили въ практическомъ примѣненіи начала новаго процесса. За это время назрѣли и новые вопросы, требовавшіе обстоятельнаго уясненія и толкованія, отчасти потому, что, при всемъ совершенствѣ Судебныхъ Уставовъ, они не были ими предусмотрѣны, какъ не выдвинутые жизнью, отчасти и потому, что они были намѣчены лишь въ общихъ чертахъ, въ надеждѣ, что судебная практика, не стѣсненная предустановленными взглядами, сама ихъ выработаетъ въ подробностяхъ. Такимъ, напримѣръ, представилось положеніе, выраженное въ 27 ст. устава уголовнаго судопроизводства, въ силу которой суду уголовному должно предшествовать рѣшеніе суда гражданскаго во всѣхъ случаяхъ, когда для опредѣленія преступности дѣянія надо рѣшить вопросы о правахъ состоянія, о правѣ собственности на недвижимое имущество или о свойствѣ несостоятельности обвиняемаго. Очевидно, что жизнь должна была въ своихъ многоразличныхъ проявленіяхъ выдвинуть еще не мало случаевъ, гдѣ необходимо такое предварительное гражданское

рѣшеніе. И, дѣйствительно, при дѣятельномъ участіи и тонкомъ юридическомъ анализѣ Буцковскаго, выяснился рядъ такихъ случаевъ, потребовавшихъ подробнаго разбора и указаній со стороны кассаціоннаго суда. Имъ посвятилъ Буцковскій не только множество рѣшеній, но и цѣлое изслѣдованіе: *«Объ основаніяхъ кассаціонной практики по вопросамъ предсудимымъ»*.

Точно такъ же необходимымъ оказалось разъяснить, въ послѣдовательномъ рядѣ рѣшеній, тѣ свойства нарушенія обязательствъ по гражданскимъ сдѣлкамъ, которыя даютъ обиженному право обратиться къ защитѣ суда уголовнаго. Научную и практическую разработку этихъ трудныхъ вопросовъ, въ которыхъ виновный, по образному выраженію Спасовича, «ходитъ по *опушкѣ* между гражданской неправдой и уголовнымъ дѣяніемъ», предпринялъ Буцковскій въ изслѣдованіи: *«О возбужденіи уголовнаго преслѣдованія по гражданскимъ сдѣлкамъ»*.

Наконецъ, и въ руководящихъ рѣшеніяхъ и въ юридическихъ статьяхъ, онъ выяснилъ неопредѣленное и разнообразно усвоиваемое понятіе о *самоуправствѣ*, подавшее поводъ къ массѣ недоразумѣній и ошибочныхъ судебныхъ рѣшеній, и изложилъ цѣльное и подробное ученіе *о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ*, разобравъ исключительные поводы, по которымъ вошедшій въ силу уголовный приговоръ, несмотря на свою незыблемость, можетъ и долженъ быть, въ интересахъ высшей справедливости, отмѣненъ,—и подробно начертавъ порядокъ этого возобновленія, лишь намѣченный Судебными Уставами.

За два дня до своей кончины, 25 сентября 1873-го года, онъ окончательно изготовилъ сборникъ всѣхъ своихъ статей, дополненныхъ и видоизмѣненныхъ сообразно указаніямъ опыта. Этотъ сборникъ, составляющій какъ бы завѣщаніе его судебнымъ дѣятелямъ, вышелъ въ 1874-мъ году подъ названіемъ: *«Очерки судебныхъ порядковъ по Уставамъ 20 Ноября 1864 года»*.

Но завѣщатель былъ не только юристомъ и честнымъ гражданиномъ своей родины: онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, добрымъ, чуткимъ къ людскому несчастію человѣкомъ. «Трудясь», по собственнымъ его словамъ, «неустанно всю жизнь и отказываясь отъ всякой прихотливой роскоши», онъ «постоянно утѣшалъ себя тѣмъ, что оставитъ по себѣ память не только въ посильныхъ трудахъ своихъ, но и въ устройствѣ какого-нибудь благотворительнаго учрежденія, соотвѣтствующаго его дѣятельности». Поэтому, какъ бы чувствуя вѣяніе близкой смерти, ровно за четыре мѣсяца до своей кончины, онъ составилъ завѣщаніе, по которому почти всѣ сдѣланныя имъ сбереженія изъ трудового своего содержанія, въ количествѣ 50,000 р., завѣщалъ Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ при петербургской Судебной Палатѣ для составленія благотворительнаго фонда съ цѣлью первоначальнаго пособія тѣмъ по суду оправданнымъ, которыхъ невинность окажется очевидною, а также и тѣмъ осужденнымъ, которые впали въ преступленіе по несчастному для нихъ стеченію обстоятельствъ, при чемъ своевременная помощь можетъ оказаться спасительнымъ средствомъ къ обращенію ихъ на путь честной жизни.

Такъ гармонически закончилъ свою жизнь этотъ трудолюбивый пахарь на нивѣ общественнаго блага. Онъ сошелъ въ могилу со спокойнымъ сознаніемъ исполненнаго предъ родиною долга, но безъ гордыни, а съ тревожною мыслью о возможности ошибокъ въ дѣлѣ человѣческаго правосудія и о необходимости ихъ посильнаго и любовнаго исправленія...

Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій.

(1830—1884).

Старинный украинскій родъ Ковалевскихъ, къ которому принадлежалъ *Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій*,—родившійся въ 1830-мъ году,—далъ русскому обществу нѣсколькихъ дѣятелей, выдающихся по уму и твердости, по нравственной цѣльности характера и глубокой любви къ родинѣ. Отецъ Ковалевскаго, горный инженеръ Евграфъ Петровичъ, — гуманный и широкій во взглядахъ попечитель московскаго учебнаго округа, — былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ эпоху былого возрожденія нашего университетскаго преподаванія и серьезной постановки вопроса о народномъ образованіи. Братъ его, Егоръ Петровичъ, извѣстный путешественникъ, дипломатъ и писатель, былъ однимъ изъ основателей и первымъ предсѣдателемъ литературнаго фонда. Двоюроднымъ братомъ Михаилу Евграфовичу приходился поэтъ и художественный критикъ Павелъ Михайловичъ Ковалевскій, а родной братъ его, сенаторъ Евгеній Евграфовичъ, оставилъ по себѣ добрую и почтенную память, какъ юристъ и человѣкъ.

Окончивъ курсъ въ Училищѣ правовѣдѣнія въ 1849-мъ году, М. Е. Ковалевскій поступилъ на судебную службу и не оставлялъ ея до самыхъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Судьба благопріятствовала будущему первому уголовному кассаціонному оберъ - прокурору. Она не заперла его съ первыхъ же шаговъ въ стѣны отвлеченныхъ отъ дѣйствительной жизни и ея потребностей канцелярій и дала пищу его наблюдательному, самостоятельному уму. Въ концѣ 1850-го года онъ былъ назначенъ младшимъ чиновникомъ при ревизовавшемъ Западную Сибирь по гражданской части генералъ-адъютантѣ Анненковѣ. Ревизіи, подобныя этой, и вообще сенаторскія ревизіи того времени были для молодыхъ людей, сопровождавшихъ ревизора, снабженнаго по закону обширными полномочіями, лучшею практическою школою, которая воспитывала въ нихъ уваженіе къ закону, состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ и сознаніе необходимости осуществленія

тѣхъ или другихъ мѣръ для блага народа, изученнаго не по книгамъ, а на дѣлѣ и на мѣстѣ.

Послѣ участія въ ревизіи въ Западной Сибири, обогатившаго Ковалевскаго знакомствомъ со многими сторонами русской дѣйствительности, сослужившимъ ему не разъ добрую службу въ трезвомъ его отношеніи къ разнымъ теоретическимъ перекраиваньямъ жизни, которыя исходили изъ бюрократическихъ салоновъ, онъ снова вступилъ въ дѣятельную судебную службу. Сначала товарищъ предсѣдателя петербургской палаты гражданскаго суда, потомъ, по выборамъ дворянства, предсѣдатель палаты уголовнаго суда и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣстный судья, т.-е. предсѣдатель особаго оригинальнаго учрежденія, созданнаго Екатериной II и разсматривавшаго гражданскіе споры по просьбѣ обѣихъ сторонъ и имущественныя недоразумѣнія между родителями и дѣтьми — Ковалевскій составилъ себѣ уважаемое имя. Внося «духъ живъ» въ обветшавшія формы отживавшаго процесса, онъ умѣлъ, согласно наставленію великой государыни, руководствоваться въ своей судебной дѣятельности «человѣколюбіемъ, почтеніемъ къ особѣ ближняго и отвращеніемъ отъ угнетенія».

Когда повѣяло судебною реформою, онъ былъ призванъ въ среду составителей Судебныхъ Уставовъ. Объяснительная записка къ проекту устава уголовнаго судопроизводства, редактированная Буцковскимъ, содержитъ въ себѣ много слѣдовъ дѣятельнаго и продуманнаго участія Ковалевскаго въ усиліяхъ облагородить и возвысить русскій судъ, поставивъ его въ условія, необходимыя для обращенія формальной *расправы* въ сознательное отправленіе *правосудія*. Когда реформа была введена, Ковалевскій, уже занимавшій должности оберъ-прокурора V-го и IV департаментовъ Сената, былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ вновь образованнаго уголовнаго кассаціоннаго департамента. Работа его въ этомъ важномъ и совершенно новомъ званіи была, внѣ всякаго сомнѣнія, наиболѣе плодотворною, блестящею и отрадною для него самого страницею его полезной трудовой жизни. Въ ней онъ проявилъ искреннее и энергичное служеніе тѣмъ началамъ, выработкѣ которыхъ, вмѣстѣ съ Буцковскимъ, онъ такъ много способствовалъ при составленіи устава уголовнаго судопроизводства. Общіе, идеальные принципы правосудія оставались неизмѣнными и при Судебныхъ Уставахъ 1864-го года, но условія и пріемы достиженія этого правосудія въ его настоящемъ, а не искаженномъ и сдавленномъ видѣ, существенно измѣнились. Среди новыхъ учрежденій кассаціонный судъ представлялъ нѣчто новое, небывалое, совершенно незнакомое. А между тѣмъ этому суду надлежало стать руководителемъ, наставникомъ и *судьею* молодыхъ судебныхъ учрежденій, — приходилось сдѣлаться камертономъ всего новаго судебнаго строя. Нужно было, учась самому, учить другихъ, — созидаясь самому, слѣдить за постепеннымъ укладомъ дѣятельности цѣлаго ряда подчиненныхъ мѣстъ. Это была задача трудная, щекотливая и отвѣтственная предъ будущими судьбами судебнаго дѣла.

Ковалевскій внесъ въ свою долю исполненія этой задачи весь свой систематическій умъ и способность ясно, просто и доступно распутывать самые сложные юридическіе вопросы. Его первыя заключенія глубоки по содержанію, богаты настоящимъ знаніемъ и превосходны по изложенію. Настойчивый трудъ, вѣра въ живучесть и жизнеспособность новыхъ учрежденій

и строгій нравственный и юридическій критерій сказались въ этихъ заключеніяхъ. Въ нихъ, съ авторитетомъ большого знанія и въ блестящей, хотя и сжатой по изложенію формѣ, указывалась высота требованій, предъявляемыхъ высшимъ судилищемъ къ дѣятелямъ судебной практики, давались указанія, которыя разъясняли массу недоумѣній и затрудненій въ новомъ дѣлѣ. Всѣ главнѣйшіе вопросы уголовнаго судопроизводства были поставлены и публично разрѣшены этими заключеніями, и то, что теперь начинающему судебному дѣятелю можетъ казаться азбукою уголовнаго процесса, ибо оно вошло въ плоть и кровь послѣдняго, было выработано и установлено заключеніями Ковалевскаго и рѣшеніями Буцковскаго.

Начало семидесятыхъ годовъ застало Ковалевскаго сенаторомъ. Онъ не ограничился одною служебною дѣятельностью. Въ концѣ 1871-го года возникли близъ Петербурга, за пороховыми заводами, земледѣльческая колонія и ремесленный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Въ созданіе этого учрежденія Ковалевскій вложилъ массу труда, хлопотъ, затратъ и самой горячей любви. Онъ принималъ непосредственное, живое участіе въ устройствѣ колоніи, въ ея горестяхъ и радостяхъ. Библіотека, мастерскія, отдѣльные домики и величавая въ своей простотѣ церковь — все это устроено подъ его руководствомъ и надзоромъ. Колонія, гдѣ его всѣ знали, любили и относились къ нему довѣрчиво, долго была предметомъ его постоянной заботы, мѣстомъ его отдыха и любимымъ его дѣтищемъ. Въ свободное время онъ проводилъ тамъ цѣлые дни, изучалъ характеры отдѣльныхъ «колонистовъ», вводилъ и обсуждалъ разныя педагогическія и хозяйственныя мѣры. Когда въ колоніи устраивался на праздникахъ домашній театръ или какое-нибудь развлеченіе для дѣтей, — сдержанный и съ виду холодный судебный сановникъ, окруженный шумливою толпою воспитанниковъ колоніи, радовался дѣтскою радостью и бывалъ счастливъ, когда кто-либо пріѣзжалъ ее съ нимъ раздѣлить. Какъ съ выработкою Судебныхъ Уставовъ и съ началомъ кассаціонной практики неразрывно связано его имя, такъ неразрывно связано оно и съ первыми шагами благородной дѣятельности русскаго общества по исправленію тѣхъ несчастныхъ, къ которымъ, благодаря темнымъ условіямъ ихъ дѣтской жизни, уже успѣло привиться преступленіе.

Въ 1880 г., когда во главѣ внутренняго управленія былъ поставленъ графъ Лорисъ-Меликовъ, Ковалевскій получилъ, входившее въ общую систему провѣрки мѣстныхъ условій общественнаго быта, порученіе обревизовать Казанскую и Костромскую губерніи. Окруженный тщательно избранными рабочими силами, онъ началъ ревизію съ Казанской губерніи, какъ съ мѣстности, давно нуждавшейся въ свѣжемъ взглядѣ опытнаго и безпристрастнаго дѣятеля, вслѣдствіе особыхъ этнографическихъ условій и «административныхъ» и религіозныхъ усложненій тягостнаго свойства. Обдуманная и спокойная энергія его дѣйствій вызвала замѣну ревизіи Костромской губерніи ревизіею губерніи Уфимской и Оренбургскаго края. Результатомъ послѣдней явилось обнаруженіе извѣстныхъ хищеній въ дѣлѣ раздачи земель и лѣсовъ въ жадныя руки чиновныхъ и нечиновныхъ даровыхъ пріобрѣтателей.

Во время ревизіи Ковалевскій былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ. Вернувшись въ Петербургъ, богатый новыми наблюденіями, онъ принялъ дѣятельное участіе въ безвременно по-

гибшей, такъ называемой Кахановской, комиссіи, которая должна была сдѣлать, при участіи созванныхъ свѣдущихъ людей, общіе выводы изъ всего выясненнаго сенаторскими ревизіями. Со вступленіемъ въ составъ высшаго законодательнаго учрежденія, онъ получилъ бо̀льшую возможность приложить къ дѣлу свое правовое развитіе и плоды трудовыхъ думъ. Живыя чувства долга и любви къ родинѣ, проникавшія его, давали право надѣяться, что не разъ, правдиво и внушительно раздастся его спокойное, вѣское слово въ вопросахъ первостепенной важности... Но 31 января 1884-го года грозный и неотвратимый призывъ сказалъ ему: «пора!» — и онъ ушелъ изъ жизни, несмотря на то, что въ сердцѣ знавшихъ его болѣзненно звучало горькое слово: «рано!»

Дмитрій Николаевичъ Набоковъ.

(1829—1904).

Глубокое преобразованіе нашего общественнаго быта и вліяющихъ на его развитіе учрежденій, вызванное преобразованіями императора Александра II, отразилось на задачахъ лицъ, призванныхъ проводить эти преобразованія ьъ жизнь. Оно отразилось и на оцѣнкѣ ихъ дѣятельности. Работа министровъ и направленіе, въ которомъ она производится, сдѣлались яснѣе и доступнѣе общему вниманію. Вмѣстѣ съ тѣмъ самый объемъ этой работы значительно увеличился. Достаточно припомнить всѣ сложные вопросы, возникавшіе изъ освобожденія крестьянъ и новаго устройства сельскаго быта, изъ земскаго и городского самоуправленія, изъ примѣненія общей воинской повинности, изъ измѣнившихся условій экономической жизни народа, изъ переселенческаго движенія и т. п., чтобы понять, что русскимъ министрамъ дореформеннаго времени, вѣроятно, и не снилось усложненіе ихъ дѣятельности до такихъ размѣровъ. Тамъ, гдѣ министръ первой половины XIX вѣка имѣлъ лишь самый отдаленный и рѣдко проявляемый надзоръ надъ огромною областью отношеній, вытекавшихъ изъ крѣпостного права и регулируемыхъ усмотрѣніемъ «пятидесяти тысячъ полицiймейстеровъ» въ лицѣ помѣщиковъ,— министру второй половины вѣка приходилось, съ шестидесятыхъ годовъ, проявлять себя, свои взгляды, свою заботливость и организаторскую дѣятельность рядомъ распоряженій, касающихся *всего* населенія и идущихъ по ступенямъ все расширяющейся сверху внизъ административной лѣстницы. Произвольныя, построенныя на соображеніяхъ чисто личнаго свойства, приказанія частнаго владѣльца при старыхъ условіяхъ крестьянскаго быта не привлекали, будучи обычнымъ явленіемъ, ничьего особеннаго вниманія, за исключеніемъ случаевъ крайнихъ злоупотребленій властью надъ «душами»; — закономѣрность и цѣлесообразность дѣйствій министра въ области вновь слагающихся отношеній живо интересовали всѣхъ серьезно мыслящихъ людей. Сама власть шла навстрѣчу этому пытливому вниманію. Опубликованіе во всеобщее свѣдѣніе, въ 1862 году, въ первый разъ бюджета, дававшее возможность сдѣлать анализъ и синтезъ дѣятельности министра финансовъ, было въ этомъ отношеніи знаменательнымъ шагомъ.

Дмитрій Николаевичъ Набоковъ.

Однако, по условіямъ нашего политическаго недавняго строя, далеко не весь матеріалъ для правильной оцѣнки характера и значенія дѣятельности того или другого министра бывалъ извѣстенъ вполнѣ. Значительная часть наиболѣе важной работы министра прежняго времени, выражающая собою его отношеніе къ запросамъ, потребностямъ и упованіямъ жизни, проходила въ кабинетныхъ докладахъ и негласныхъ преніяхъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Отчеты министровъ и этихъ учрежденій доступны немногимъ, да и ихъ сжатые и отшлифованные окончательные выводы не даютъ ясной и осязательной картины всей внутренней, такъ сказать, боевой стороны дѣятельности тѣхъ, кто представлялъ отчетъ. Не даютъ въ этомъ отношеніи опредѣленныхъ указаній и выработанные при участіи того или другого министра законы, скупое слово которыхъ покрываетъ собою всю предшествующую безгласную и безвѣстную борьбу, тревоги, уступки и торжество отдѣльныхъ членовъ нашихъ законодательныхъ совѣщаній. Вслѣдствіе этого, говоря о дѣятельности и личности сошедшаго со сцены министра стараго порядка, приходится зачастую имѣть дѣло съ непровѣренными, смутно или слишкомъ поспѣшно сложившимися представленіями, если только эта личность не выразилась во всей совокупности своихъ дѣйствій и своемъ пониманіи лежащихъ на русскомъ министрѣ задачъ съ особою яркостью и выпуклостью, какъ, напримѣръ, два, столь противоположныхъ по направленію, человѣка, — графъ Милютинъ или графъ Толстой. Поэтому, говоря о министрѣ, ушедшемъ съ арены дѣятельной государственной жизни много лѣтъ назадъ, для справедливой оцѣнки его труда и стремленій необходимо уяснить себѣ условія и обстановку, въ которыхъ происходила его дѣятельность.

Вполнѣ естественно, что у насъ особенное напряженіе вниманія и связанной съ нимъ критики — подчасъ близорукой и несправедливой — вызывали реформы крестьянская и судебная. Онѣ слишкомъ близко касались жизни и задѣвали, прямо или косвенно, имущественные интересы, бытовыя привычки и душевныя наклонности множества лицъ. Но отношеніе къ нимъ было разное. Освобожденіе крестьянъ, муки рожденія котораго продолжались полвѣка, — оставляло главную массу недовольныхъ и обиженныхъ позади себя; — судебному преобразованію уже послѣ его осуществленія было суждено съ каждымъ своимъ шагомъ впередъ встрѣчать новые ряды тайныхъ враговъ и явныхъ противниковъ, по большей части весьма развязныхъ въ пріемахъ своего злорѣчія. Когда свершилось упраздненіе крѣпостного права, рѣдко кто на различныхъ ступеняхъ службы или въ печати рѣшался, хотя бы уклончиво и двусмысленно, отрицать нравственныя и правовыя основанія реформы, или дерзалъ, лукаво прикрываясь необходимостью осторожности, съ тревожнымъ соболѣзнованіемъ рисовать «пагубныя послѣдствія» великаго государственнаго дѣла. Недовольство многихъ на смѣлое возбужденіе и энергическое окончаніе этого дѣла размѣнялось, въ виду неизбѣжной безповоротности его рѣшенія, на явную ненависть къ памяти и личности его незабвенныхъ дѣятелей — Ростовцева и Николая Милютина, сдѣлавшихся мишенью для клеветъ и обвиненій. Но когда и послѣдній, услужливо снабженный зловѣщею кличкою «краснаго», — быть можетъ, за то, что *не утратилъ способности краснѣть*,— сошелъ со сцены, а положеніе 19 февраля 1861 года было окончательно введено въ дѣйствіе —

почти всѣ примирились съ новымъ порядкомъ. Поэтому ретроспективные вздохи и коварные проекты возсозданія вотчинной власти, усердно разрабатываемые въ газетѣ «Вѣсть», не находили себѣ серьезнаго отголоска и исчезали безслѣдно, уподобляясь брызгамъ воды на раскаленную поверхность, которая тѣмъ сильнѣе шипитъ, чѣмъ скорѣе улетучивается въ видѣ пара.

Иначе было съ судебною реформою. Старый судъ былъ слишкомъ нехорошъ, чтобы упраздненіе его не привѣтствовалось огромнымъ большинствомъ. По поводу его уничтоженія почти некому было скорбѣть о своихъ нарушенныхъ интересахъ. Не только не было наличности damnum emergens, но и lucrum cessans касался лишь интересовъ и выгодъ темныхъ дѣльцовъ на низшихъ и среднихъ ступеняхъ судебной службы. Объ ихъ судьбѣ не жалѣли, о необходимыхъ встрѣчахъ съ ними вспоминали съ отвращеніемъ. Но и новый судъ при ближайшемъ, практическомъ знакомствѣ съ нимъ для многихъ оказался довольно непріятнымъ. Явилась своеобразная группа *потерпѣвшихъ отъ новаго суда*, разраставшаяся все больше и больше и, пользуясь обстоятельствами времени, вопіявшая все громче и громче. Я уже говорилъ, что однихъ изъ этой группы возмущала гласность производства, очень интересная и заманчивая по отношенію *къ другимъ* и столь подчасъ нежелательная по отношенію *къ себѣ*, — другіе не могли переварить равноправности предъ судомъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ, — третьихъ, по разнымъ причинамъ, раздражало то, что недавнихъ невидныхъ чиновниковъ, допускавшихъ съ собою фамильярно-брезгливое обращеніе, замѣнили люди, получавшіе по тому времени, сравнительно хорошее содержаніе и «что-то такое о себѣ воображавшіе» и т. д.

Реакція противъ Судебныхъ Уставовъ проявилась не сразу, не въ видѣ строго обдуманнаго противъ нихъ похода. Началась партизанская война, болѣе истощающая, чѣмъ открытый бой. У Судебныхъ Уставовъ, какъ цѣлаго, рѣдко являлись безусловные и прямые противники, такъ какъ порицать начала, положенныя въ ихъ основаніе, или проповѣдывать возвращеніе къ старымъ судебнымъ порядкамъ было бы уже слишкомъ зазорно. Но примѣненіе этихъ началъ къ окружающему быту, придача имъ плоти и крови въ практической жизни — вызывали и вызываютъ горячія нападенія и воззванія къ рѣшительнымъ мѣропріятіямъ. Сначала эти нападенія не представляли ничего систематическаго и строились болѣе на отдѣльныхъ, конкретныхъ случаяхъ, представляемыхъ въ одностороннемъ освѣщеніи, встрѣчая зачастую рѣзкую отповѣдь на столбцахъ печати, среди дѣятелей которой Катковъ заявилъ себя горячимъ и убѣжденнымъ защитникомъ Судебныхъ Уставовъ съ самаго ихъ появленія на свѣтъ. Но уже къ концу семидесятыхъ годовъ картина перемѣнилась. Вмѣсто выраженія огорченія и негодованія по поводу «прискорбныхъ случаевъ» стали вопіять объ «органическомъ явленіи», — въ нареканіяхъ на судебное вѣдомство проявилась опредѣленная и обдуманная тактика — и вліятельный проконсулъ московской печати, во всей силѣ своего публицистическаго дарованія, перешелъ въ станъ хулителей съ обычною страстностью, свойственною убѣжденнымъ отступникамъ отъ прежнихъ вѣрованій. Тогда-то возникла своеобразная бухгалтерія, по которой въ *пассивъ* новыхъ судебныхъ учрежденій преувеличенно крупнымъ шрифтомъ стали вписываться малѣйшіе промахи, ошибки и неизбѣж-

ные во всякомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ недостатки, а въ *активъ* — ровно ничего не писалось, несмотря на блестящіе и невозможные при прежнемъ судебномъ строѣ примѣры истиннаго и нелицемѣрнаго правосудія. Неожиданный исходъ нѣкоторыхъ процессовъ, не удовлетворившій оптимистическимъ ожиданіямъ, далъ поводъ начать кричать «Hannibal ante portas!» и ядовитые въ своей умышленной несправедливости эпитеты — «судебная республика», «судъ улицы» и «антиправительствующій Сенатъ» — были наклеены дрожащими отъ гнѣвнаго волненія руками, какъ ярлыкъ, на трудовую и столь часто самоотверженную дѣятельность обновленнаго русскаго суда.

Все это указывало, что Судебнымъ Уставамъ начинаетъ грозить серьезная опасность. Всякому, не ослѣпленному доктринерскимъ самодовольствомъ, наблюдателю становилось ясно, что «die schönen Tage in Aranjuez sind nun zu Ende» — и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, настало время разобраться во всѣхъ нареканіяхъ на порядки, созданные Судебными Уставами. Благодушное пренебреженіе указаніями на слабыя ихъ стороны, указаніями страстными и преувеличенными, становилось недостойнымъ той цѣли, которой призваны служить эти Уставы. Имъ нечего было бояться критики — и *добросовѣстная* критика не могла и не можетъ имъ повредить. Она никогда не коснется ихъ основныхъ началъ уже потому, что не можетъ же она опираться на другія начала, осужденныя и юридическимъ развитіемъ и исторіею страны. Она можетъ только указывать на неправильныя формы, въ которыя вылились эти начала. Но на этой почвѣ, при условіи безпристрастнаго разбора всѣхъ существующихъ данныхъ, споръ и изслѣдованіе могли быть только полезны. Судебные Уставы выработаны не для пустого пространства. Жизнь ихъ вызвала, — къ жизни они и примѣняются. Считать ихъ какою-то окаменѣлостью, застывшею въ своей неподвижности, — считать ихъ за нѣчто непогрѣшимое и стоящее на мѣстѣ, когда жизнь уходитъ впередъ, — невозможно. Періодъ нареканій противъ Уставовъ выработалъ уже въ первое десятилѣтіе ихъ существованія два крайнихъ типа: — къ одному принадлежали люди, готовые «съ легкимъ сердцемъ» и крайнею близорукостью перекроить Уставы вдоль и поперекъ, не отличая и не умѣя отличать въ нихъ существенное отъ внѣшняго и не сознавая, что часто такъ называемое «измѣненіе» равносильно уничтоженію; къ другому надо отнести *ортодоксовъ*, полагавшихъ, что они дѣйствительно охраняютъ дорогія имъ учрежденія, защищая каждую запятую въ Уставахъ, становясь на охрану чуть не ихъ опечатокъ и упорно отворачиваясь отъ реальныхъ проявленій примѣненія этихъ Уставовъ, не желая ни слышать о нихъ, ни вглядываться въ нихъ. Если представители перваго типа были далеко не безвредны по практическимъ результатамъ, которыми при благопріятныхъ обстоятельствахъ сопровождались опыты надъ измѣненіемъ Судебныхъ Уставовъ, зато представители второго, несмотря на симпатичность своихъ побужденій, были болѣе чѣмъ плохіе защитники этихъ же Уставовъ. Высокомѣрное отношеніе къ тому, чѣмъ можетъ быть иногда силенъ противникъ, и нежеланіе сознать и изучить свои, легко исправимыя, слабыя стороны — всегда и во всякой борьбѣ оказывало вредныя услуги.

Нельзя было отрицать, что по прошествіи первыхъ 15-ти лѣтъ судебныя учрежденія наши стали не совсѣмъ тѣмъ, что ожидалось отъ нихъ при вве-

деніи Уставовъ. Кое-что въ нихъ слишкомъ скоро обветшало, а иное приняло совсѣмъ нежеланныя формы. Личный составъ ихъ былъ уже не тотъ, исполненный энергіи и горделивой вѣры въ свое дѣло, составъ шестидесятыхъ годовъ. Кое-гдѣ въ новые мѣха просочилось старое вино, — многіе устали, утратили свѣжесть взглядовъ, — органическая связь между отдѣльными учрежденіями ослабѣла, рутина понемногу стала усаживаться на мѣстѣ живого дѣла и образъ судебнаго дѣятеля началъ мало-по-малу затемняться образомъ судейскаго чиновника. Этихъ явленій отрицать было нельзя и съ ними было необходимо считаться...

Съ другой стороны, съ теченіемъ времени оказалось, что обстановка, въ которой должны дѣйствовать новые суды, часто не согласуется съ началами, которыя они должны примѣнять, — что существуютъ условія дѣятельности, не предусмотрѣнныя составителями Уставовъ, но отражающіяся на ней весьма рельефно, — что многое намѣчено въ слишкомъ общихъ чертахъ, а иногда проведено черезчуръ теоретично и рѣзко, вопреки требованіямъ жизни, — что, наконецъ, мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ придана слишкомъ большая свобода воздѣйствія на практическое примѣненіе Судебныхъ Уставовъ. Обнаруженіе небольшихъ недостатковъ и недосмотровъ было вполнѣ естественно въ громадномъ зданіи, созданномъ судебною реформою. Самая незначительность ихъ блестящимъ образомъ доказывала, какъ хороша, какъ прочна вся работа въ цѣломъ...

При такомъ положеніи вещей былъ назначенъ министромъ юстиціи *Дмитрій Николаевичъ Набоковъ*. Правовѣдъ одного изъ первыхъ выпусковъ, — товарищъ людей, оставившихъ почетныя имена, Д. Н. Набоковъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, сдѣлался сотрудникомъ великаго князя Константина Николаевича въ его управленіи морскимъ вѣдомствомъ. Изъ этого вѣдомства, подъ вліяніемъ великаго князя, при пробужденіи Россіи отъ мертвящаго сна, завершеннаго кровавою очистительною жертвою въ Севастополѣ, прежде всего повѣяло дыханіемъ жизни и энергическимъ исканіемъ путей къ лучшему будущему. Поэтому быть многолѣтнимъ сотрудникомъ великаго князя, чей образъ давно пора вызвать къ свѣту во всей нравственной красотѣ его служенія благу родины, значило быть сопричастникомъ тѣхъ возвышенныхъ мыслей и глубокой вѣры въ душевныя силы русскаго народа, которыми были проникнуты великодушныя начинанія Царя-Освободителя. Такимъ сотрудникомъ-сопричастникомъ и былъ покойный Набоковъ. Единство взглядовъ и направленія, существовавшее между нимъ и великимъ княземъ, сказалось съ очевидностью въ томъ, что, когда послѣдній былъ назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго въ цѣляхъ умиротворенія волнующагося края и явился проводникомъ примирительной политики, къ сожалѣнію, не оцѣненной крайними партіями, онъ пригласилъ съ собою Набокова.

Введеніе Судебныхъ Уставовъ, столь многимъ обязанныхъ великому князю и его ближайшимъ сотрудникамъ, съ горячей настойчивостью поднявшимъ вопросъ о преобразованіи судебной части и въ своемъ вѣдомствѣ, вызвало назначеніе Д. Н. Набокова въ число членовъ только-что образованнаго гражданскаго кассаціоннаго департамента.

Набокову пришлось, такимъ образомъ, участвовать въ первыхъ шагахъ практическаго осуществленія судебнаго преобразованія, посильной охранѣ

коренныхъ началъ котораго онъ сталъ, по прошествіи двѣнадцати лѣтъ, служить въ качествѣ министра юстиціи. Въ Сенатѣ онъ пробылъ, однако, недолго, но и въ послѣдовавшее затѣмъ начальствованіе имъ канцеляріею по дѣламъ Царства Польскаго, посвященное работамъ по органическому переустройству гражданскаго его строя на началахъ, завѣщанныхъ другимъ сотрудникомъ великаго князя Константина Николаевича, Николаемъ Милютинымъ, Набоковъ не оставался чуждъ судебной реформѣ. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ обсужденіи и осуществленіи мѣръ для введенія послѣдней въ Царствѣ Польскомъ въ 1876 году, когда еще и Западный и Прибалтійскій край пользовались дарами устарѣлаго судебнаго устройства и сомнительнаго правосудія.

Въ тяжелое время суждено ему было занять постъ министра юстиціи. Пришлось считаться съ возбужденнымъ ожесточенными нападеніями недовѣріемъ свыше и съ вкоренившимся у насъ обычаемъ лѣчить *кажущіяся болѣзненными* бытовыя явленія законодательными лѣкарствами, предлагаемыми съ тревожною поспѣшностью, послѣ ряда лѣтъ апатіи и невниманія къ требованіямъ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было прямодушно пойти на исправленіе того, что было задумано слишкомъ теоретически и оказывалось практически неприложимымъ или нецѣлесообразнымъ. Это нужно было сдѣлать прежде всего для успѣха самого судебнаго дѣла. Наконецъ,— и это должно было стать одною изъ главныхъ заботъ, — слѣдовало, отстаивая со спокойною твердостью основныя начала Уставовъ — гласность, устность, непосредственность и свободу внутренняго убѣжденія судьи, неразрывно связанную съ его самостоятельностью, — и соглашаясь на мѣры, заключавшія въ себѣ частичныя видоизмѣненія, могущія быть обращенными въ улучшенія, — не дать судебнымъ работникамъ упасть духомъ предъ шумѣвшей вокругъ непогодою. Все это было дѣломъ труднымъ, требовавшимъ, среди ежедневныхъ заботъ сложнаго управленія и всякаго рода «безполезнаго тренія»,—которое, къ несчастію, существуетъ не въ одной только механикѣ,—напряженнаго вниманія и искренней любви къ истиннымъ задачамъ ввѣренной министру юстиціи отрасли государственной жизни. При этомъ было нужно добросовѣстно сочетать прямодушную защиту истины отъ вольныхъ и невольныхъ ея искаженій съ умѣньемъ сохранить въ монархѣ довѣріе къ чистотѣ своихъ побужденій.

Въ тревожные и смутные годы бытности Д. Н. Набокова министромъ можно было ожидать большого колебанія почвы подъ ногами Судебныхъ Уставовъ. Но, благодаря его направленію и душевнымъ свойствамъ, итогъ измѣненій и поправокъ въ великомъ памятникѣ законодательства Александра II—свелся лишь къ несомнѣнному и въ высшей степени необходимому улучшенію въ порядкѣ составленія и въ самомъ составѣ списковъ присяжныхъ засѣдателей, — къ весьма разумному ограниченію права отвода ихъ сторонами и къ учрежденію, въ составѣ Сената, высшаго дисциплинарнаго суда, призваннаго, въ опредѣленномъ порядкѣ, ограждать судебныя учрежденія отъ судей явно нерадивыхъ или, по внушаемому ихъ поступками неуваженію, недостойныхъ своего высокаго званія.

Составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей, намѣченное въ довольно общихъ чертахъ при начертаніи Судебныхъ Уставовъ, обратилось къ концу семидесятыхъ годовъ, вслѣдствіе недомолвокъ закона и отсутствія въ ко-

миссіяхъ по составленію списковъ лицъ, заинтересованныхъ въ хорошемъ составѣ присяжныхъ, въ безпризорное дѣло, практикуемое съ нашимъ обычнымъ «рукавоспустіемъ». Особое совѣщаніе, учрежденное, по докладу Набокова, въ составѣ Сената, съ приглашеніемъ членовъ - экспертовъ изъ судебныхъ практиковъ, признало, на основаніи многочисленныхъ и разнообразныхъ данныхъ, что временныя комиссіи для составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей во многихъ мѣстахъ вовсе не существуютъ, и что ихъ обязанности исполняются секретарями земскихъ управъ, письмоводителями уѣздныхъ предводителей дворянства или даже лицами вольнонаемными. При этомъ было обнаружено, что въ списки присяжныхъ нерѣдко помѣщаются, вопреки положительнымъ указаніямъ закона, не только люди, не состоящіе въ русскомъ подданствѣ, имѣющіе болѣе 70 лѣтъ отъ роду, не проживающіе въ уѣздѣ или подвергшіеся уголовнымъ наказаніямъ, но и слѣпые, глухіе, лишенные разсудка и даже давно умершіе. Кромѣ того, лица. принадлежащія къ сословіямъ дворянскому и купеческому, часто оказывались совершенно освобожденными отъ внесенія въ списки, такъ что во многихъ уѣздахъ въ составъ присяжныхъ входили исключительно мелкіе отставные чиновники и крестьяне. Наконецъ, имущественный цензъ, указанный въ учрежденіи судебныхъ установленій, почти никогда не приводился въ извѣстность, вслѣдствіе чего въ присяжные попадали люди, не владѣющіе имуществомъ, могущимъ обезпечить независимость и серьезность ихъ сужденія. Всѣ эти неправильности и упущенія, въ связи со стремленіемъ освобождать, по возможности, отъ исполненія присяжной повинности лицъ наиболѣе развитыхъ и образованныхъ, съ очевиднымъ вредомъ отражались на отправленіи правосудія по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, рѣшеніе которыхъ было предоставлено присяжнымъ засѣдателямъ.

Представленіемъ Набокова въ Государственный Совѣтъ въ 1883 году этому порядку вещей былъ положенъ предѣлъ. Въ составъ временныхъ комиссій, образуемыхъ дотолѣ изъ случайныхъ лицъ, были введены, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя или лицъ, замѣняющихъ его по закону, предсѣдатели уѣздной земской управы и съѣзда мировыхъ судей, городскіе головы, непремѣнные члены уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и мѣстные товарищи прокурора Окружного Суда. Самое количество присяжныхъ, вносимыхъ въ очередной списокъ, увеличено почти вдвое. Поле для выбора стало шире, а избиратели—надежнѣе и нравственно отвѣтственнѣе.

Для улучшенія состава присяжныхъ засѣдателей этого, однако, было мало. Имущественный цензъ, установленный для избранія въ присяжные закономъ, иногда вовсе не выражаетъ дѣйствительной состоятельности лица, которое, по разнымъ причинамъ, могло оказаться въ состояніи близкомъ къ нищетѣ. Еще съ конца шестидесятыхъ годовъ въ Министерства Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ стали поступать представленія различныхъ земствъ о необходимости установленія вознагражденія неимущимъ лицамъ, призываемымъ къ несенію обязанностей присяжныхъ засѣдателей. Нѣкоторыя земскія собранія даже прямо постановили о выдачѣ суточныхъ денегъ крестьянамъ, призываемымъ изъ окрестныхъ деревень въ уѣздные города для участія въ сессіи присяжныхъ засѣдателей. Дѣйствительно, положеніе присяжныхъ засѣдателей изъ крестьянъ оказывалось иногда крайне тягостнымъ.

Къ разнымъ удручающимъ ихъ проявленіямъ мѣстныхъ порядковъ, столь ярко описаннымъ Златовратскимъ въ его превосходномъ очеркѣ «Крестьяне—присяжные», присоединялась очень часто крайняя нужда. Представителямъ «общественной совѣсти» приходилось, проѣвъ въ городѣ свои послѣднія крохи, — чтобы «не отощать въ конецъ» или вовсе не «помереть съ голоду», наниматься чистить дворы, возить и пилить дрова, или просить подаянія не только по окончаніи сессіи, но и въ промежутки между слушаніемъ дѣлъ. Нѣкоторые суды, особенно на югѣ, бывали вынуждены прерывать сессію присяжныхъ на серединѣ и отпускать засѣдателей, оставшихся рѣшительно безъ куска хлѣба, домой для привоза или приноса скуднаго продовольствія себѣ и товарищамъ; въ Самарской губерніи бывали случаи заклада присяжными носильнаго платья, чтобы пропитаться. Поэтому въ рядѣ земскихъ ходатайствъ высказывалась мысль, что призывъ фактически неимущихъ крестьянъ на уголовныя сессіи можетъ поставить ихъ, противъ воли, въ необходимость прибѣгать для поддержанія своего существованія къ средствамъ, несовмѣстимымъ съ характеромъ и важностью ихъ судейскихъ обязанностей.

Эти справедливыя указанія ходатайствъ встрѣтили, однако, въ Петербургѣ неожиданный отпоръ. Въ подлежащихъ сферахъ было провозглашено, что установленіе вознагражденія неимущимъ присяжнымъ несовмѣстно съ характеромъ званія присяжнаго засѣдателя, которое есть не только личная *повинность*, возложенная на мѣстное населеніе по отправленію уголовнаго правосудія, но и предоставленное закономъ лицамъ, удовлетворяющимъ опредѣленнымъ условіямъ, *право* принимать участіе въ сужденіи важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ. Поэтому было найдено, что присутствіе въ средѣ присяжныхъ засѣдателей лицъ, не имѣющихъ даже средствъ къ пропитанію, представляется совершенно противорѣчащимъ тому положенію, которое при начертаніи Судебныхъ Уставовъ дано было этому учрежденію. При этомъ было забыто, что составители Судебныхъ Уставовъ, какъ разъ наоборотъ, признавали необходимость полученія присяжными вознагражденія изъ земскихъ сборовъ и лишь потому не ввели правилъ о порядкѣ опредѣленія этого вознагражденія въ учрежденіе судебныхъ установленій, что приведеніе такихъ опредѣленій въ дѣйствіе *несомнѣнно* относится къ предмету вѣдомства губернскихъ земскихъ собраній. Тѣмъ не менѣе, въ 1872 году состоялось опредѣленіе перваго департамента Сената о *воспрещеніи земству* какихъ-либо выдачъ присяжнымъ, «ибо земства могутъ заботиться исключительно о хозяйственныхъ трудахъ и пользахъ». Это формалистическое толкованіе, основанное на чуждыхъ русской жизни соображеніяхъ о томъ, что *тяжелая повинность* присяжныхъ всегда и при всѣхъ условіяхъ является, будто бы, ихъ *безвозмезднымъ правомъ*, было невѣрнымъ и по существу, такъ какъ на земствѣ лежали расходы на народное образованіе и на народное здравіе, а также выдача содержанія существовавшимъ еще тогда мировымъ судьямъ. Оно обрекало присяжныхъ изъ крестьянъ на произволъ ихъ бѣдности и сопряженныхъ съ нею искушеній. Къ сожалѣнію, этотъ бездушный теоретическій взглядъ нашелъ себѣ подтвержденіе въ 1874 и 1875 году и въ положеніяхъ Комитета Министровъ, основанныхъ на соглашеніи по вопросу о вознагражденіи присяжнымъ между Министерствами Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ.

Нужно ли говорить, что такой отрѣшенный отъ условій русской жизни взглядъ на *высокое право* быть присяжнымъ оказался, быть-можетъ, неожиданно для прямолинейно проводившихъ его, очень на руку противникамъ суда присяжныхъ, въ глазахъ которыхъ этотъ судъ сдѣлался не только «судомъ улицы», но еще вдобавокъ и «судомъ нищихъ»... При томъ нельзя отрицать и того, что случаи крайней нищеты присяжныхъ давали, очень впрочемъ рѣдкій, поводъ къ покушеніямъ подѣйствовать на нихъ подкупомъ. Но эти исключительныя, печальныя проявленія малодушія (всѣхъ дѣлъ о лихоимствѣ присяжныхъ, выражавшемся, главнымъ образомъ, *въ принятіи угощенія*, было съ 1879 года по 1892 годъ, т. е. за время дѣйствія составовъ присутствія комплектныхъ присяжныхъ засѣдателей, разрѣшившихъ 208.000 дѣлъ, всего *двадцать съ двадцатью восемью осужденными)* послужили въ свое время къ громкимъ заявленіямъ о продажности присяжныхъ, которымъ, съ разными причитаніями, «покиваніемъ» на старые суды и затаеннымъ злорадствомъ объявлялось: «tu quoque Brute!».

Набоковъ — какъ *человѣкъ* — отозвался сердцемъ на положеніе неимущихъ присяжныхъ, — какъ *государственный дѣятель* — понялъ, какую опасность для правосудія представляетъ отправленіе таковаго «впроголодь», и въ 1883 г. внесъ въ Государственный Совѣтъ проектъ о предоставленіи внесеннымъ въ общіе списки присяжныхъ засѣдателей *права требовать* отъ комиссій, составляющихъ списки, своего исключенія изъ послѣднихъ по неимѣнію средствъ для содержанія себя во время сессіи, удостовѣренному общественнымъ начальствомъ или мѣстнымъ мировымъ судьею. Особому присутствію комиссій по составленію очередныхъ списковъ при этомъ предполагалось разрѣшить освобождать неимущихъ присяжныхъ и по собственному усмотрѣнію, безъ ихъ о томъ просьбы. Такимъ путемъ изъ состава присяжныхъ устранялись не только лица, для которыхъ несеніе судейскихъ обязанностей обращалось, по бѣдности ихъ, въ «тяготу неудобоносимую», но и люди, бѣдность которыхъ, побуждающая ихъ вступать въ крайне зависимыя личныя отношенія къ работодателямъ, могла подвергнуть ихъ совѣсть различнаго рода соблазнамъ и давленіямъ со стороны «кормильцевъ» и «господъ» въ той или другой оболочкѣ. Намѣреніямъ Набокова, выраженнымъ въ представленіи его, однако, не суждено было осуществиться во время бытности его министромъ — и лишь въ 1887 году 82 статья учрежд. суд. установленій была дополнена указаніемъ на крайнюю бѣдность и нахожденіе въ услуженіи въ качествѣ домашней прислуги, какъ на причины, устраняющія возможность быть присяжнымъ засѣдателемъ. Дальнѣйшій шагъ впередъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ комиссіею для пересмотра законоположеній по судебной части, внесшей въ ст. 65 проекта учрежденія судебныхъ установленій, сверхъ поименованнаго въ 82 ст. дѣйствующаго учрежденія, пунктъ *седьмой* — о канцелярскихъ чиновникахъ и служителяхъ, а также вольнонаемныхъ писцахъ въ правительственныхъ и общественныхъ установленіяхъ.

Если, съ одной стороны, до проведенія Набоковымъ новаго закона о составѣ комиссій, цѣлыя серіи лицъ наиболѣе зажиточнаго и развитаго населенія устранялись, путемъ любезной забывчивости составителей общихъ списковъ, отъ исполненія *обязанностей* присяжныхъ засѣдателей, то, съ другой стороны, на судѣ зачастую практиковалось ни на чемъ, достойномъ уваженія, не основанное лишеніе *права* быть присяжнымъ. Обѣ стороны, по

ст. 656 уст. угол. суд., имѣли право отвести изъ тридцати присяжныхъ, подлежащихъ жеребью, двѣнадцать, безъ объясненія причинъ отвода, простымъ вычеркиваніемъ. Широкое пользованіе этимъ правомъ нерѣдко являлось осуществленіемъ несомнѣнно произвольныхъ взглядовъ, непровѣренныхъ симпатій, антипатій и побужденій, совершенно чуждыхъ идеѣ и цѣлямъ правосудія. Право широкаго отвода представителей общественной совѣсти отъ исполненія ихъ обязанности давало той или другой сторонѣ возможность вступать въ союзъ съ тѣми элементами въ составѣ присяжныхъ, которые являлись наименѣе желательными для правильнаго разрѣшенія дѣла. По дѣламъ, гдѣ требовался анализъ намѣреній подсудимаго, гдѣ мотивы преступленія были сложны и не выяснялись однимъ внѣшнимъ проявленіемъ нарушенія закона—обвинители, жаждавшіе прежде всего успѣха, не стѣснялись вступать въ союзъ съ наименѣе развитыми изъ присяжныхъ — и вычеркивали шестерыхъ представителей болѣе образованныхъ и развитыхъ слоевъ общества. То же самое, въ дѣлахъ о преступленіяхъ сложнаго состава, не укладывающагося въ простыя рамки заповѣдей «не убій» и «не укради», съ разнообразною и часто разнорѣчивою экспертизою — дѣлала защита. Такимъ образомъ составъ присутствій присяжныхъ засѣдателей образовывался искусственно и ad hoc съ устраненіемъ изъ него полезныхъ силъ и со введеніемъ въ него преобладанія безсознательно-односторонняго элемента. Кромѣ того, послѣ первыхъ дней сессіи, всматриваясь и вслушиваясь въ едва уловимые признаки отношенія того или другого присяжнаго къ исполненію имъ своего долга, представители сторонъ начинали упорно и настойчиво вычеркивать нѣкоторыхъ лицъ изъ списковъ, подвергая ихъ не только фактическому *лишенію права* быть засѣдателемъ, но заставляя ихъ безплодно терять время и нести на себѣ, въ теченіе значительнаго промежутка времени, иногда по нѣскольку разъ въ день, тяжесть произвольнаго и оскорбительнаго отчужденія отъ товарищей въ дѣлѣ отправленія правосудія, но безъ права уклоняться отъ разыгрываемой съ ихъ именемъ комедіи. Такое извращеніе взгляда на дѣйствительныя цѣли отвода присяжныхъ вызвало въ нѣкоторыхъ судебныхъ дѣятеляхъ попытки ограничить осуществленіе отвода только крайнею необходимостью. Такъ въ прокуратурѣ петербургскаго Окружного Суда, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, было принято, по моему почину и по общему соглашенію товарищей, вовсе не пользоваться правомъ отвода, за исключеніемъ случаевъ несомнѣнно удостовѣреннаго, предвзятаго и недобросовѣстнаго отношенія кого-либо изъ присяжныхъ къ торжественно принятой на себя обязанности «не оправдывать виновнаго и не осуждать невиннаго»...

Д. Н. Набоковъ рѣшился наложить руку на этотъ ненормальный порядокъ вещей, дававшій при томъ часто средство къ отсрочкѣ разбирательства для разсмотрѣнія дѣла другимъ, болѣе благопріятнымъ для отводящей стороны, составомъ присяжныхъ. Результатомъ его представленія въ Государственный Совѣтъ, съ интересной и подробной разработкой западно-европейскихъ постановленій объ отводѣ, явился законъ 12 іюня 1884 года, по которому число отводимыхъ присяжныхъ ограничено шестью, по трое для каждой стороны.

Учрежденіе высшаго дисциплинарнаго суда и предоставленіе ему, между прочимъ, права увольнять и перемѣщать судей по причинамъ, указаннымъ въ 295² ст. учр. судебныхъ установленій, послужило поводомъ къ

обвиненію Набокова въ нарушеніи начала судейской несмѣняемости. При этомъ обыкновенно указывалось на то, что составителями Судебныхъ Уставовъ допущено удаленіе судей отъ должности не иначе, какъ по приговорамъ уголовнаго суда, т. е. въ случаѣ признанія ихъ виновности въ преступленіяхъ по должности, влекущихъ за собою, согласно ст. 65 улож. о наказаніяхъ, исключеніе изъ службы, отрѣшеніе и удаленіе отъ должности. Но въ заслуживающей уваженія и искренняго сочувствія заботѣ объ охраненіи судейской несмѣняемости отъ колебанія ея основъ, забывалась дѣйствительная постановка несмѣняемости по Судебнымъ Уставамъ и ея истинная сущность. Статья 243 учр. суд. установл., опредѣляющая условія несмѣняемости, содержала въ себѣ указанія на 295 и 296 статьи того же учрежденія, а онѣ требуютъ удаленія отъ должности, въ дисциплинарномъ порядкѣ, судей, задержанныхъ за долги или объявленныхъ несостоятельными должниками, и допускаютъ такое же удаленіе по отношенію къ судьямъ, подвергнутымъ, въ уголовномъ порядкѣ, какому-либо взысканію или наказанію за преступленіе или проступокъ, не относящіеся къ службѣ. Такимъ образомъ не только виновность, влекущая за собой примѣненіе 1, 2 и 4 пунктовъ 65 ст. улож. о нак., но и *всякая*, признанная уголовнымъ судомъ, виновность можетъ, по мысли составителей Судебныхъ Уставовъ, служить основаніемъ къ увольненію судьи. Это увольненіе можетъ послѣдовать, говорили составители Уставовъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда виновность судьи явилась не послѣдствіемъ стеченія случайныхъ обстоятельствъ и когда оставленіе признаннаго виновнымъ на службѣ не можетъ не подѣйствовать неблагопріятно на судебную часть, подрывая въ обществѣ уваженіе и довѣріе къ судебнымъ чинамъ и распространяя дурной примѣръ. Но такой подрывъ довѣрія и уваженія, необходимыхъ для авторитетности и нравственной цѣнности дѣятельности судебнаго сословія, можетъ вызываться не одними дѣяніями, влекущими за собою судебную кару. Есть цѣлый рядъ многоразличныхъ поступковъ, надъ которыми не подымается мечъ уголовнаго правосудія, но которые, тѣмъ не менѣе, глубоко возмущаютъ нравственное чувство и могутъ вызывать въ людяхъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ судомъ, заслуженное презрѣніе къ тѣмъ или другимъ его представителямъ и недовѣріе къ чистотѣ ихъ побужденій при выработкѣ судебныхъ рѣшеній. Эти поступки, и взятые въ отдѣльности и разсматриваемые въ своей совокупности, какъ послѣдовательный образъ дѣйствій или нравственное поведеніе судьи, очень часто, будучи вполнѣ предосудительными, могутъ не заключать въ себѣ признаковъ уголовно-наказуемаго дѣянія. Область нравственности шире и глубже области грозящихъ карою предписаній. Въ ней нарушенія говорятъ болѣе возмущенному сердцу, чѣмъ холодному разсудку, грозятъ гораздо болѣе духовнымъ скрѣпамъ общества, чѣмъ внѣшнему порядку. Судью, который, напримѣръ, чрезъ подставныхъ лицъ участвуетъ въ корыстныхъ операціяхъ или самъ предлагаетъ себя подставнымъ лицомъ въ обходъ того или другого закона,—судью, который способствуетъ своими средствами учрежденію гласной кассы ссудъ, прикрывающей собою негласныя ростовщическія сдѣлки или извлекаетъ доходы изъ чужого безнравственнаго и постыднаго промысла, или, къ общему соблазну, пользуется щедрой благосклонностью богатой и чувственной старухи и вообще предается дѣятельности, направленной на развитіе въ обществѣ низменныхъ страстей, на насиліе надъ слабымъ и безпомощнымъ или на

неразборчивую и хищную наживу,—часто невозможно подвести подъ желѣзное иго уголовнаго закона. Его можетъ осуждать только возмущенное общественное мнѣніе. Но развѣ допустимо—тамъ, гдѣ этотъ послѣдній судъ справедливъ и основанъ на дѣйствительныхъ данныхъ,—оставлять въ рукахъ такого судьи отправленіе правосудія? «Врачу — исцѣлися самъ!» въ полной мѣрѣ примѣнимо и къ судьѣ. Частная жизнь его только дотолѣ должна быть недоступна постороннему вмѣшательству и оцѣнкѣ, доколѣ она, своими характерными чертами, не подрываетъ достоинства судьи въ его общественной дѣятельности. Поэтому общество должно быть ограждаемо отъ судей, которые, по образному выраженію В. Д. Спасовича, «ходятъ по опушкѣ» — между уголовною карой и безнаказанностью собственной душевной неопрятности. Его слѣдуетъ ограждать и отъ явно нерадивыхъ судей, относящихся пренебрежительно къ своимъ обязанностямъ, исполненіе которыхъ обращается ими въ ремесло, для себя ненавистное, а для другихъ—нерѣдко пагубное, ибо недобросовѣстное отношеніе судьи къ порученному ему дѣлу можетъ грозить непоправимыми послѣдствіями.

Опасность для правосудія можетъ, однако, исходить не изъ однихъ личныхъ свойствъ судьи. Она можетъ лежать *внѣ* судьи, вліяя роковымъ образомъ на спокойствіе рѣшенія и на его независимость отъ постороннихъ личныхъ соображеній. Приказаніе, идущее отъ имущихъ власть, и возможность удалить судью отъ его дѣла или вовсе лишить его привычной дѣятельности — и настойчивыя, вліятельныя внушенія — способны создать въ немъ постоянную тревогу за свое положеніе вообще, опасеніе послѣдствій своего *предстоящаго* рѣшенія и страхъ по поводу уже *состоявшагося*. Къ судьѣ слѣдуетъ предъявлять высокія требованія не только въ смыслѣ знанія и умѣнія, но и въ смыслѣ характера, но требовать отъ него героизма невозможно. Отсюда необходимость оградить его отъ условій, дающихъ основаніе къ развитію въ немъ малодушія и вынужденной угодливости. Отсюда *несмѣняемость* судьи, дающая честному, строго исполняющему свои обязанности, человѣку безупречнаго поведенія возможность спокойно и безтрепетно осуществлять свою судейскую дѣятельность. Положеніе, при которомъ судья, достойный своего званія, изучая дѣло, можетъ совершенно не помышлять о *своемъ* завтрашнемъ днѣ, а думать лишь о завтрашнемъ днѣ судимаго имъ обвиняемаго или разбираемыхъ имъ тяжущихся, положеніе, характеризуемое знаменитыми словами «la Cour rend des arrêts et pas des services» — есть одно изъ лучшихъ ручательствъ правильности судебныхъ рѣшеній, есть одно изъ самыхъ жизненныхъ условій дѣятельности *настоящаго* судьи. Поэтому истинный смыслъ несмѣняемости состоитъ — по отношенію къ судьѣ въ томъ, что онъ можетъ «спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ» и, примѣняя къ нимъ или къ ихъ спору законъ, руководиться только указаніями своего опыта, знанія и совѣсти, нисколько не задумываясь о послѣдствіяхъ постановленнаго рѣшенія или предпринятаго судебнаго дѣйствія для своего служебнаго положенія;—по отношенію къ обществу въ томъ, что при существованіи несмѣняемости оно не имѣетъ основаній видѣть въ дѣятельности судей исполненіе «токмо за страхъ, *но* не за совѣсть» чьихъ-либо личныхъ приказаній, продиктованныхъ преходящею «злобою дня» и чуждыми правосудію соображени.

Вотъ почему представленіе Д. Н. Набокова о передачѣ высшему дисциплинарному суду, сверхъ случаевъ, упомянутыхъ въ ст. 295 и 296 учр. суд. уст., и случаевъ, предусмотрѣнныхъ ст. 295 по редакціи 20 мая 1885 года, можно только съ большими натяжками считать направленнымъ противъ судейской несмѣняемости. Законъ, говорящій о многократныхъ служебныхъ упущеніяхъ, свидѣтельствующихъ о *явномъ* пренебреженіи судьи къ своимъ обязанностямъ или о несоотвѣтствіи его занимаемому имъ положенію,—говорящій о судьѣ, дозволившемъ себѣ такіе безнравственные или предосудительные поступки, которые несовмѣстны съ достоинствомъ судейскаго званія и, получивъ огласку, лишаютъ судью необходимаго довѣрія и уваженія — ничѣмъ не грозитъ судьѣ, сознающему важность несомыхъ имъ обязанностей. Несомнѣнно, что святое право творить судъ нелицепріятно и безтрепетно, внимая лишь голосу внутренняго убѣжденія и оставаясь на своемъ посту, пока не измѣнятъ силы и не настанетъ надобность въ заслуженномъ отдыхѣ, не есть право безвозмездное. За право быть справедливымъ къ другимъ надо платить строгимъ отношеніемъ къ себѣ и къ принятому на себя долгу, памятуя слова Цицерона: «нѣтъ момента въ жизни, свободнаго отъ долга, — въ соблюденіи послѣдняго состоитъ настоящая *честь*, — въ пренебреженіи къ нему — *позоръ*»... Судьѣ, *такимъ образомъ дѣйствій* отвѣчающему государству на обезпеченную ему несмѣняемость, законъ 20 мая 1885 года ничѣмъ не угрожаетъ; съ другой стороны, едва ли интересы общества, нуждающагося въ правосудіи и въ уваженіи къ его представителямъ, что-либо проиграютъ отъ того, что «рабъ лѣнивый и лукавый» по выслушаніи его объясненій высшею коллегіею, чуждою мѣстнымъ страстямъ и интересамъ, оставитъ запускаемую и оскверняемую имъ ниву.

Поэтому нѣтъ основаній ставить Д. Н. Набокову въ вину законъ 20 мая 1885 г., проведенный имъ въ эпоху самыхъ ожесточенныхъ нападеній на судейскую несмѣняемость въ ея истинномъ смыслѣ, когда ея полное и безусловное уничтоженіе, какъ вопіющаго, будто бы, противорѣчія нашему государственному строю, обратилось въ своего рода «Caeterum censeo Carthaginem esse delendam». По тому, что въ это время печаталось, можно судить о томъ, что говорилось, а печаталось, напр., что монархъ, давшій Россіи обновленный судъ и не поставившій, вмѣстѣ съ тѣмъ, судей въ зависимое и отвѣтственное положеніе предъ начальствомъ въ каждомъ ихъ рѣшеніи — былъ *злонамѣренно введенъ въ ошибку*, — что министръ юстиціи есть не болѣе, какъ безобидный экзекуторъ въ притворахъ храма Ѳемиды и дипломатическій агентъ судебнаго вѣдомства при россійскомъ дворѣ,— что доктрина о непререкаемости *окончательныхъ* судебныхъ рѣшеній *возмутительна* въ своей нелѣпости,—что судебный чинъ, негодный и неспособный, *но еще не зарѣзавшій человѣка*, неотвратимъ, какъ Божій гнѣвъ, и т. д. Министру приходилось дѣйствовать въ условіяхъ этого времени, сознавая, что на его, основанные на принципахъ и научныхъ построеніяхъ, доводы ему, при запальчивой поддержкѣ вліятельной печати, могутъ отвѣтить неразборчивыми примѣрами и громкими словами, возводя частные случаи въ общее явленіе, которому будетъ придана рѣзкая по формѣ и страстная по существу окраска. Конечно, можно было, не обращая вниманія на отдѣльныя нападенія и на преобладающее общее настроеніе, утверждать,

что «все обстоитъ благополучно». Въ такой роли было бы, быть можетъ, болѣе цѣльности, но въ ней проявилось бы упорное нежеланіе считаться съ житейскою дѣйствительностью, вмѣсто того, чтобы направить порожденные ею вопросы къ наиболѣе благополучному ихъ разрѣшенію. Политическая мудрость предписывала пойти навстрѣчу опасности, сознавъ уязвимость своей ахиллесовой пяты, установить прочно и добросовѣстно то, что можно уступить, и сказать: «дальше—ни шагу!» взявъ при этомъ у противниковъ то, что оправдывалось жизнью, и отвергнувъ то, отъ чего вѣяло тлѣніемъ и разложеніемъ. Иначе можно было съ большою вѣроятностью ожидать въ одинъ прекрасный день появленія властнаго требованія объ уничтоженіи несмѣняемости въ самомъ ея корнѣ и существѣ, требованія внезапнаго и предъявленнаго въ формахъ неотвратимыхъ... Уступкою, сдѣланною Набоковымъ, дано было удовлетвореніе всему, что было пріемлемаго, хотя и съ грустью, въ предпринятомъ противъ судебнаго вѣдомства походѣ, а все неразумное и ослѣпленное оставлено какъ тщетное пожеланіе. Ею было куплено сохраненіе начала несмѣняемости въ его точно опредѣленномъ очертаніи. При этомъ Набоковъ зналъ, что, отстаивая это начало въ упорныхъ и тягостныхъ спорахъ, онъ, въ то же время, даже достигнувъ своей цѣли, не встрѣтитъ сочувственнаго слова ни съ какой стороны. Людей, съ трогательною нѣжностью относившихся къ дѣвственнымъ формамъ Судебныхъ Уставовъ въ моментъ ихъ появленія въ русской жизни, огорчалъ новый наростъ на дорогомъ тѣлѣ, горестно свидѣтельствовавшій при томъ, что возможны случаи, когда судьи стоятъ не на высотѣ своего призванія. Противники основныхъ началъ Судебныхъ Уставовъ, помышлявшіе о серьезномъ законодательномъ членовредительствѣ, съ нескрываемымъ неудовольствіемъ и озлобленіемъ противъ Набокова смотрѣли на принятыя по его почину условія мира. Чувствуя, что у нихъ умѣлою рукою отнято оружіе, они обвиняли Набокова въ лукавствѣ и попустительствѣ, сознавая, что по его винѣ не удалось достигнуть того желаннаго мира, о которомъ еще Тацитъ говорилъ: «ubi solitudinem faciunt — pacem apellant»...

Во времена министерской дѣятельности Набокова еще на большое пространство Россіи распространялась высшая юрисдикція старыхъ департаментовъ Сената, дѣйствовавшихъ по обветшалому порядку, освященному временемъ, но чуждому пріемамъ судебнаго разсмотрѣнія, введеннымъ Уставами. Уваженіе къ почтенному Петровскому учрежденію, сумѣвшему, въ теченіе почти двухъ вѣковъ, стать понятнымъ народу, какъ *центральное* прибѣжище ищущихъ справедливости противъ *мѣстной* неправды, вынуждало относиться къ его преобразованію очень осторожно и съ осмотрительной медлительностью. Но Набоковъ считалъ, однако, необходимымъ внести новыя начала въ тѣ сенатскія производства, которыя наиболѣе въ нихъ нуждались. Такими были производства по судебнымъ дѣламъ. Въ 1883 году имъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ проектъ раздѣленія предметовъ вѣдомства между первымъ и вторымъ общими собраніями старыхъ департаментовъ Сената, при чемъ установлено разграниченіе подсудности и подвѣдомственности между дѣлами судебными и межевыми, съ одной стороны, и дѣлами административными или требующими разъясненія закона для общаго руководства, съ другой. Находя, что съ измѣненіемъ круга вѣдомства общаго собранія, вѣдающаго дѣла судебныя и межевыя, оно

является учрежденіемъ чисто судебнымъ, Набоковъ предлагалъ примѣнить къ разсмотрѣнію въ немъ дѣлъ порядокъ, установленный для новыхъ судебныхъ учрежденій. Отсюда вытекали предположенія объ окончательномъ разрѣшеніи дѣлъ по большинству голосовъ, о дѣятельной роли оберъ-прокурора и лицъ, его замѣняющихъ въ судебномъ засѣданіи, выражающейся въ предъявленіи имъ, по выслушаніи сторонъ, заключенія по существу дѣла, и, наконецъ, объ устраненіи какихъ-либо изъятій изъ правилъ, постановленныхъ по предмету публичности засѣданій для новыхъ судебныхъ учрежденій. Эти предположенія нашли себѣ выраженіе въ законѣ 25 февраля 1885 года.

Гласности судебнаго производства, признанной въ 1864 году при обсужденіи Государственнымъ Совѣтомъ Судебныхъ Уставовъ одною изъ лучшихъ гарантій правильности судебныхъ дѣйствій и однимъ изъ главныхъ условій довѣрія къ суду, Набоковымъ всегда придавалось большое значеніе. Знавшіе его, конечно, помнятъ, съ какою нескрываемою тревогою за судьбу одного изъ лучшихъ достояній судебной реформы относился Набоковъ — тогда уже не министръ — къ возможному исходу обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ представленія новаго министра юстиціи — Манасеина, отъ 3 мая 1886 года, о пересмотрѣ 620 — 624 ст. уст. угол. суд. въ смыслѣ чрезвычайнаго расширенія случаевъ и поводовъ къ ограниченію публичности засѣданій. Послѣдующая практика кассаціоннаго суда оправдала, въ извѣстной мѣрѣ, его опасенія, показавъ, какъ неправильно, произвольно и *услужливо* могутъ быть иногда примѣняемы судами столь растяжимыя и неопредѣленныя понятія, каково, напримѣръ, «огражденіе достоинства государственной власти»...

Всегда привѣтливый и откровенный, Набоковъ вызывалъ во всѣхъ судебныхъ дѣятеляхъ, имѣвшихъ непосредственныя съ нимъ сношенія, отрадное сознаніе ихъ взаимной съ нимъ служебной солидарности. Умѣнье оцѣнить по достоинству тяжелыя условія судебной работы, сердечно радоваться ея успѣху и входить съ деликатнымъ пониманіемъ въ затруднительныя, нравственныя и матеріальныя обстоятельства подчиненныхъ и сослуживцевъ по общему дѣлу — невольно привязывали къ нему, давая возможность видѣть, какъ изъ-за офиціальной оболочки министра сквозитъ сердечный человѣкъ, знающій, сколь часто тяжело бываетъ бремя жизни, и понимающій поэтому, что «stricte justice n'est pas justice — justice set équité», какъ говорила, по свидѣтельству Николая Тургенева, великая Екатерина. Склонный охотно выслушивать доводы о «смягчающихъ обстоятельствахъ», даже и при необходимости твердо проявить въ нѣкоторыхъ случаяхъ свою власть, Д. Н. Набоковъ не останавливался предъ опасеніемъ неизбѣжныхъ личныхъ непріятностей или тягостныхъ объясненій при принятіи мѣръ, нужныхъ, по его искреннему и долго созрѣвавшему убѣжденію, для пользы судебнаго дѣла. Такимъ же образомъ настойчиво и безбоязненно, съ увѣренностью въ лучшихъ свойствахъ человѣческой природы, и принимая во вниманіе исключительно интересы судебнаго дѣла, дѣйствовалъ онъ тогда, когда оказывалось нужнымъ защитить оклеветаннаго или поставить «настоящаго человѣка на настоящее мѣсто» — the right man of the right place... Онъ трогательно гордился дарованіями представителей своего вѣдомства и охотно прислушивался къ ихъ голосу въ бесѣдахъ

по важнѣйшимъ вопросамъ, возникавшимъ за его вермя. Не называя живущихъ еще, достаточно припомнить сдѣланную имъ оцѣнку способностей и свѣдѣній Николая Адріановича Неклюдова и высокое уваженіе, съ которымъ онъ относился къ Михаилу Евграфовичу Ковалевскому, одному изъ выдающихся дѣятелей первыхъ дней Судебныхъ Уставовъ.

Поѣздка его по Россіи въ 1884 году для ревизіи судебныхъ учрежденій сплотила вокругъ него провинціальныхъ судебныхъ тружениковъ, поднявъ ихъ энергію и укрѣпивъ въ нихъ вѣру въ значеніе своего званія. Выводамъ изъ впечатлѣній этой поѣздки, о которой онъ любилъ вспоминать съ особымъ чувствомъ, была посвящена его рѣчь въ Москвѣ въ круглой залѣ судебныхъ установленій. Въ этой рѣчи, указывая на то, что дѣятельность судовъ происходитъ на виду у всѣхъ, «въ стеклянномъ ульѣ», Набоковъ съ достоинствомъ твердаго убѣжденія торжественно опровергалъ «нападки и общія нареканія на судебное вѣдомство» и тѣмъ, конечно, вызвалъ взрывъ ихъ противъ себя лично. «Неужели министру требовалось проѣхаться по округамъ для повѣрки сужденій о судахъ?» — писалъ негодующій Катковъ. «Неужели посидѣть на дѣлѣ Свиридова къ Кіевѣ, послушать рѣчи прокурора и защитника, посмотрѣть, какъ сидятъ на своихъ мѣстахъ присяжные засѣдатели... значитъ въ чемъ - либо убѣдиться или разубѣдиться? Безъ всякаго объѣзда ясно, что въ государствѣ, которое хочетъ жить, не можетъ быть двухъ самодержавій!..» восклицалъ тотъ самый публицистъ, который возмущался въ 1867 году возможностью приглашенія губернаторами предсѣдателей судовъ для объясненій по дѣламъ службы, находя, что это значило бы «вовлекать новыя учрежденія въ старую колею», и приглашая «правительство и общество соревновать въ заботахъ о томъ, чтобы въ новое судебное устройство не прокралось чего-либо въ ущербъ его достоинству и самостоятельности»...

Но не одному судебному устройству, ограждая его и направляя его дѣятелей, послужилъ Д. Н. Набоковъ.

Его имя связано съ пересмотромъ нашихъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ. По его докладу учреждены въ 1881 и 1882 годахъ комиссіи для составленія проектовъ уголовнаго и гражданскаго уложенія. Къ обновленію нашего законодательства онъ относился съ живымъ интересомъ, слѣдя, между прочимъ, и за тѣмъ, какъ принимаются и толкуются практически юристами главнѣйшія изъ намѣченныхъ первоначальными проектами положеній. Несмотря на массу своихъ служебныхъ обязанностей, онъ нашелъ время и возможность присутствовать въ засѣданіи петербургскаго юридическаго Общества,—котораго былъ съ 1882 года почетнымъ членомъ,— когда было приступлено къ обсужденію первой главы общей части проекта уголовнаго уложенія.

При немъ, наконецъ, былъ окончательно разрѣшенъ сложный и спорный вопросъ о введеніи въ нашемъ Западномъ краѣ суда присяжныхъ, и открыты виленскій и кіевскій судебные округа.

Оставивъ, въ концѣ 1885 года, управленіе министерствомъ юстиціи, Набоковъ не нрерывалъ живой, сочувственной связи съ его дѣятелями. Его сердечно огорчали нѣкоторыя изъ существенныхъ измѣненій въ Уставахъ, прошедшіе почти тотчасъ вслѣдъ за его уходомъ, — онъ горячо привѣтствовалъ всякое благое начинаніе въ оставшемся ему близкимъ вѣдомствѣ.

Въ послѣдній разъ увидѣлъ онъ себя окруженнымъ судебною семьею въ Москвѣ, въ 1898 году, за обѣдомъ, на который сошлись его старые сослуживцы, съѣхавшіеся къ открытію памятника незабвенному создателю новаго суда... Затѣмъ годы и недуги стали брать свое—и смерть положила 15 марта 1904 г. конецъ долгимъ страданіямъ.— «Что же, однако, сдѣлалъ Набоковъ?» спросятъ насъ, быть можетъ. «Гдѣ слѣды его созидательной работы, гдѣ его побѣды и завоеванія въ области судебнаго устройства?»— На это можно отвѣтить указаніемъ, что не только въ военномъ дѣлѣ, но и въ гражданской, мирной съ виду, дѣятельности бываютъ времена, когда нечего думать о завоеваніяхъ и покореніяхъ. Если ожесточенный непріятель силенъ числомъ, разнороднымъ оружіемъ и средствами разрушенія, то приходится иногда переживать долгую и трудную осаду, замыкаясь въ тѣсные окопы, сплотившись около цитадели и не растрачивая силъ на безполезныя и даже пагубныя для осажденныхъ вылазки. Такую осаду пришлось выдержать Набокову за время его министерства, и, уходя съ своего поста, онъ имѣлъ право сказать, что *отсиживался* стойко и съ терпѣливымъ достоинствомъ, не пожертвовавъ ничѣмъ существеннымъ, оберегая честь и спокойствіе воинства, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ. Будущій историкъ русскаго судебнаго дѣла увидитъ яснѣе, чѣмъ современники, какъ трудна была задача, выпавшая на долю третьяго «министра по Судебнымъ Уставамъ», сколько тяжелыхъ нравственныхъ испытаній долженъ онъ былъ пережить—и воздастъ ему справедливое.......

Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ.

(1820—1893).

Развертывая утромъ свою газету, житель большого города невольно ищетъ, съ болѣзненнымъ и, быть можетъ, втайнѣ радостнымъ за самого себя любопытствомъ, черныхъ рамокъ съ объявленіями о кончинѣ, объявленіями, которыя говорятъ скупымъ и условнымъ языкомъ о только-что оконченномъ страданіи отшедшихъ, объ остромъ горѣ или тихой печали оставшихся. Внѣшнее однообразіе этихъ рамокъ сглаживаетъ глубокое внутреннее разнообразіе отдѣльныхъ случаевъ. Изъ-за него не слышится «надгробное рыданіе», не видится живой образъ того, кто нашелъ, наконецъ, недостижимый на землѣ, вѣчный покой. Вѣсть о новой смерти является для всѣхъ, не принадлежащихъ къ небольшому кружку близкихъ умершаго, исходящею «изъ равнодушныхъ устъ», и ей «внимаютъ равнодушно», спѣша обратиться къ другимъ новостямъ и къ злобамъ дня.

По временамъ, однако, въ черныхъ рамкахъ стоитъ имя, громко и горестно звучащее для большого круга людей, близкихъ и далекихъ, знающихъ усопшаго лично или только по наслышкѣ. Тогда не хочется вѣрить глазамъ, хочется думать что это *не тотъ*, а кто-нибудь другой, однофамилецъ, можетъ-быть, и сжатое скорбью, взволнованное сердце, вызывая съ особою яркостью представленіе и воспоминаніе о *живомъ* лишь усугубляетъ этимъ силу и значеніе сознанія, что онъ мертвъ, что онъ утраченъ навсегда.....

Къ такимъ именамъ принадлежало имя *Виктора Антоновича Арцимовича,* скончавшагося 2-го марта 1893 года.

На офиціальномъ языкѣ обычныхъ некрологовъ въ его лицѣ опочилъ сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, кавалеръ ордена св. Владиміра 1-й степени, заслуженный и опытный, по разнообразному прохожденію службы, сановникъ. Но для тѣхъ, кто его зналъ,—а знали его многіе,—такой характеристики недостаточно. Она ничего не говоритъ о его яркой, самобытной, выдающейся личности. «Человѣкъ онъ былъ!» — и этого

«званія» онъ достоинъ прежде всего и независимо отъ своего служебнаго положенія. Человѣкъ въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ слова, человѣкъ въ трудѣ и въ отдыхѣ, въ отзывчивости и терпимости, въ упорствѣ и горячности, въ словѣ и въ дѣлѣ.....

Онъ зналъ Россію съ разныхъ сторонъ,—знаніемъ живымъ, а не кабинетнымъ. Будучи правовѣдомъ второго выпуска (1841 г.), онъ началъ трудовую жизнь въ тяжелыя времена, когда отправленіе правосудія обращалось, въ большинствѣ случаевъ, въ траги-комедію безсудья, когда «вино власти», бросавшееся то тутъ, то тамъ въ голову мѣстныхъ властей, вызывало крайнюю необходимость суровыхъ сенаторскихъ ревизій, и когда надо всѣмъ общественнымъ строемъ тяготѣло крѣпостное право, извращая нравственныя понятія и ставя въ основу хозяйства бездушно-принудительный трудъ покупаемой, продаваемой и обмѣниваемой «души», поставленной въ условія рабскаго существованія. Недолго шелъ онъ по торной дорогѣ службы въ канцеляріяхъ Сената и скоро сдѣлался энергическимъ участникомъ сенаторскихъ ревизій. Для молодыхъ людей, сопровождавшихъ сенаторовъ, эти ревизіи были лучшею практическою школою, которая воспитывала въ нихъ уваженіе къ закону, состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ и сознаніе необходимости и условій осуществленія тѣхъ или другихъ мѣръ для блага народа. Впечатлительная горячность молодежи и житейскій опытъ сенатора соединялись въ одномъ общемъ трудѣ, результаты котораго всегда оставляли благодарное воспоминаніе въ населеніи. Съ 1842 по 1845 годъ Арцимовичъ участвовалъ въ сенаторскихъ ревизіяхъ Орловской и Калужской губерній и таганрогскаго градоначальства, завѣдуя разнообразными отраслями дѣлъ, а въ 1851 году уѣхалъ, сопровождая генералъ-адъютанта Анненкова, въ Западную Сибирь для надѣлавшей въ свое время много благотворнаго шума ревизіи управленія нашимъ «золотымъ дномъ», во тьмѣ и молчаніи котораго ютилось не одно золото.... Съ 1854 года онъ дѣлается тобольскимъ губернаторомъ. Служба въ далекомъ краѣ, при безлюдьѣ и громадныхъ пространствахъ, была трудная и—въ виду значенія Тобольска, какъ узла, связывавшаго въ то время въ себѣ всѣ нити и пути ссылки—очень отвѣтственная. Здѣсь, однако, Арцимовичъ проявилъ себя впервые, какъ горячій и настойчивый боецъ противъ того, что Ламартинъ называетъ «la cruauté froide d'un système faux», и имѣлъ возможность, еще сравнительно молодымъ человѣкомъ, доказать свои административныя способности и осуществить на практикѣ совѣтъ князя В. А. Вяземскаго о проявленіи власти *«сильной, но не досадливой»*. При томъ Арцимовичъ имѣлъ свойство привлекать къ себѣ людей и выбирать себѣ добрыхъ и надежныхъ помощниковъ. Онъ обладалъ не только знаніемъ *людей* вообще, но, что весьма важно для государственнаго человѣка, знаніемъ *личностей* и умѣніемъ призывать ихъ къ совмѣстному труду. Это особенно сильно сказалось черезъ нѣсколько лѣтъ, когда онъ оставилъ Тобольскъ, сопровождаемый общимъ сочувствіемъ, отголоски котораго радовали его до самой смерти.

Освобожденіе крестьянъ, въ подготовительныхъ работахъ къ которому онъ участвовалъ, призвало его къ новой, болѣе трудной, дѣятельности. Судьба какъ будто хотѣла ему сказать словами поэта: «иныя ждутъ тебя страданья—другихъ восторговъ глубина». Занявъ постъ калужскаго губернатора при самомъ введеніи въ дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 г. и весь отдавшись

Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ.

правосудному и нелицемѣрному осуществленію послѣдняго, онъ испыталъ не мало нравственныхъ страданій, вызванныхъ злобою поражаемыхъ въ своихъ своекорыстныхъ расчетахъ крупныхъ представителей стараго уклада, ихъ клеветами, инсинуаціями, ихъ явными и тайными жалобами. Но онъ спокойно несъ данное ему врагами его общественной дѣятельности—личныхъ у него не было—прозвище «краснаго», сознавая себя преданнымъ и безкорыстнымъ слугою своей родины и вѣрнымъ истолкователемъ высокихъ намѣреній Государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на ряду съ лучшими людьми того времени, онъ, конечно, испыталъ и внутренніе восторги удовлетворенной въ стремленіи къ къ добру души, когда видѣлъ стойкую и дружную работу своихъ, имъ воодушевленныхъ, сотрудниковъ на только - что вспаханной почвѣ гражданской жизни народа.

Новое дѣло требовало самоотверженнаго труда и чистыхъ побужденій, и на зовъ Арцимовича собрался обширный кругъ молодыхъ людей, пошедшихъ въ непремѣнные члены и мировые посредники. Имъ также приходилось переживать многое отъ «вольнаго и невольнаго» непониманія окружающею средою новыхъ условій быта, отъ глухой вражды и отъ явныхъ клеветъ, но двери, сердце и глубокія думы губернатора были имъ всегда открыты. Поддерживая ихъ внутренно указаніемъ на величіе дѣла, осуществляемаго по великодушной волѣ монарха, онъ внѣшнимъ образомъ служилъ имъ опорою всѣмъ своимъ авторитетомъ и личнымъ починомъ. Онъ самъ любилъ вспоминать это время, — время, когда онъ жилъ всею полнотою своихъ силъ, согрѣвая и оживляя другихъ, — какъ лучшее въ своей жизни. Скорбная вѣсть о его кончинѣ, дойдя до живущихъ въ провинціальной глуши или, напротивъ, высоко ушедшихъ по служебной лѣстницѣ калужскихъ соратниковъ его, конечно, не одного изъ нихъ заставила понурить голову и умилиться при воспоминаніи о годахъ благороднѣйшей работы, когда приходилось дѣлить съ усопшимъ надежды и укоры, радости и недоброжелательное отчужденіе.... Короткое сенаторство въ Москвѣ, замѣнившее калужское губернаторство, вскорѣ было прервано призывомъ къ труднѣйшей и сложной задачѣ участія въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ Царства Польскаго, которыя преобразовывались подъ утихавшій шумъ бурнаго волненія, вызваннаго возстаніемъ.

Не мало тяжелыхъ минутъ пережилъ Арцимовичъ въ Варшавѣ. Слѣдуя призыву Жуковскаго, рекомендовавшаго «на небѣ, простертомъ надъ двумя, соединенными подъ единою властью, народами, поставить свѣтлую радугу союза», онъ не удовлетворялъ крайнимъ взглядамъ ни въ ту, ни въ другую сторону и находилъ утѣшеніе лишь во внутреннемъ сознаніи и въ нѣдрахъ любящей семьи.

Открытіе новыхъ судовъ было связано съ новымъ родомъ дѣятельности Арцимовича. Все, что было и есть въ новыхъ судебныхъ порядкахъ живого и жизненнаго, нашло горячій отголосокъ въ душѣ покойнаго. Никогда не любившій канцелярскаго производства и даже относившійся къ нему съ нѣкоторою брезгливостью, новый кассаціонный сенаторъ привѣтствовалъ *живого человѣка*, который, въ лицѣ тяжущагося или подсудимаго, поднимался изъ-подъ вороха бумагъ, подъ которыми его погребалъ старый судъ, и становился лицомъ къ лицу предъ судьею, руководящимся не безжизненною формальною схемою для сужденія, а свободнымъ убѣжденіемъ совѣсти.

Но новые порядки нуждались въ упроченiи, въ разъясненiи, а новые дѣятели—въ руководительствѣ. Въ этомъ состояла первоначальная и чрезвычайно трудная задача кассацiоннаго суда. Ее выполнили первые сенаторы и первые оберъ-прокуроры — и въ исторiи реформъ Александра II-го почтенныя имена Буцковскаго, Ковалевскаго и др. не должны умереть. Не можетъ быть забыто и имя Арцимовича, несшаго на себѣ такъ часто и подолгу трудъ предсѣдателя нашего уголовнаго кассацiоннаго суда и оставившаго слѣдъ своихъ широкихъ взглядовъ, справедливости и уваженiя къ личности человѣка на массѣ рѣшенiй, въ коихъ онъ участвовалъ въ теченiе 16-ти лѣтъ.

Внося въ сухiя рамки кассацiонной практики жизненные взгляды и употребляя всѣ силы, чтобы не дать *формѣ* и *обряду* заслонить собою стоящаго за ними живого человѣка, Арцимовичъ осуществлялъ въ своей работѣ извѣстное, но, къ несчастью, мало примѣняемое, по малодушiю однихъ и умственной неповоротливости другихъ, изреченiе: «Scire leges non hoc est verba eorum tenere, sed vim et potestatem».

Его не удовлетворяла, однако, дѣятельность кассацiоннаго судьи, особливо когда работа вошла въ болѣе узкое, обыденное русло, когда приходилось уже не строить новое, а разъяснять лишь, насколько въ томъ или другомъ дѣлѣ отступлено отъ установленныхъ уже правилъ. Знанiе внутренняго строя и быта Россiи въ ихъ дѣйствительномъ осуществленiи и окраскѣ, воспоминанiя объ осязательной по результатамъ и оставившей добрую память дѣятельности въ Калугѣ, глубокая вдумчивость въ государственные вопросы, любовь обращаться мыслью къ общему и цѣльному, а не къ детальному, мѣстному и условному— влекли его къ другой работѣ. Это былъ человѣкъ, не умѣвшiй съ удобствомъ помѣщать свои чувства и мышленiе въ тѣсныя рамки конкретнаго случая. Онъ сейчасъ же восходилъ отъ этого случая къ общимъ положенiямъ, къ основнымъ условiямъ общежитiя, къ вѣчнымъ потребностямъ человѣческаго духа. Складъ его ума и характера требовалъ широкихъ взмаховъ кисти,—возможности, какъ говорятъ французы, «tailler en plein drap». Мелкая мозаичная работа, съ забвенiемъ о ея назначенiи, размѣрахъ и значенiи въ общей картинѣ, — не находила въ немъ живого сочувствiя. Судьба дала ему слишкомъ большiя и сильныя крылья—и клѣтка *конкретнаго случая* давила его и стѣсняла его широкiй полетъ въ область общихъ началъ и принципiальныхъ взглядовъ.

Разностороння и гораздо болѣе широкая сфера дѣятельности перваго департамента Сената, которому, между прочимъ, принадлежитъ, по выраженiю закона, «высшiй надзоръ въ порядкѣ управленiя и исполненiя, обнародованiе законовъ, охраненiе правъ различныхъ сословiй и попеченiе о средствахъ къ прекращенiю всякихъ противозаконныхъ дѣйствiй во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ»—гораздо болѣе была по душѣ покойному, и ей отдался онъ съ 1880 г. со свойственною ему энергiею. Двѣнадцать лѣтъ стоялъ онъ во главѣ этого учрежденiя, будучи въ немъ старшимъ сенаторомъ, отдавая такимъ образомъ послѣднiе годы своей трудовой и тревожной жизни упорной работѣ по сложнымъ вопросамъ, касающимся весьма чувствительнымъ образомъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ нашего общественнаго быта, и потому всегда носящихъ въ себѣ зерно споровъ и разногласiй. Эта борьба мнѣнiй была не академическая, въ которой все сводится къ болѣе или менѣе успѣшной дiалектикѣ,—она отражается тотчасъ же, въ своемъ окончатель-

номъ результатѣ, на жизни населенія, производя въ ней подчасъ измѣненія годами сложившихся отношеній и сопровождаясь въ разныхъ ея областяхъ многоразличными развѣтвленіями разъ установленнаго взгляда или толкованія. Въ этой борьбѣ трудно участвовать съ олимпійскою безстрастностью. Арцимовичъ и не былъ никогда такимъ олимпійцемъ, а, ставъ на сторону того, что казалось ему правымъ или полезнымъ, боролся упорно, настойчиво и неуступчиво, нерѣдко осуществляя старую поговорку «etiamsi omnes—ego non!» Но годы брали свое, здоровье умалялось, подтачиваемыя давнимъ недугомъ силы стараго слуги государства слабѣли—и въ началѣ 1893 года Арцимовичъ стоялъ на порогѣ къ отдыху въ менѣе трудовой и болѣе спокойной обстановкѣ общаго собранія Сената. Но онъ его не переступилъ. Смерть стала на этомъ порогѣ и замѣнила для него временный отдыхъ вѣчнымъ. Можно, впрочемъ, сказать, что едва ли бы онъ сжился съ такимъ отдыхомъ.

Стоило взглянуть на его фигуру, чтобы убѣдиться, что *такіе* люди не отдыхаютъ. Жизнь сламываетъ ихъ, не давъ имъ умалиться въ проявленіяхъ своей энергіи, внутренней силы и «роптанья вѣчнаго души». Большого роста, крѣпко и коренасто сложенный, давно уже повсюду, гдѣ онъ ни появлялся, Арцимовичъ привлекалъ общее вниманіе своимъ величавымъ видомъ, звучнымъ голосомъ, въ которомъ часто слышались ноты глубокаго чувства и, въ особенности, своею чудесною головою, обрамленною бѣлоснѣжными сѣдинами. Эти сѣдые волосы, эти «остатки пѣны, покрывающей море послѣ бури», придавали покойному особую красоту и какъ-то особенно выдѣляли его изъ толпы, вызывая инстинктивное уваженіе къ этому «Монблану судебнаго вѣдомства», какъ его назвалъ кто-то.... Но не въ нихъ была его внѣшняя привлекательность. Давно уже кѣмъ-то сказано, что лица людей похожи на жилища: по инымъ видно, что внутри сыро и холодно. Не холодомъ, однако, вѣяло отъ *этого* лица. Въ добрыхъ живыхъ глазахъ, съ глубокимъ, то нѣжнымъ, то проницательнымъ взглядомъ, свѣтилась теплота всепонимающей и прощающей души, а въ улыбкѣ крупнаго рта сквозили то добродушная иронія, то привѣтливость человѣка благовоспитаннаго на старый,—увы!—теперь забываемый ладъ.

Онъ бывалъ, говорятъ, тяжелъ и угловатъ въ спорахъ; у нѣкоторыхъ по его адресу проскальзывалъ даже упрекъ въ односторонности, въ тенденціозности. Но этотъ упрекъ вовсе не былъ заслуженъ. Односторонность дурна, когда она умышленна,—тенденціозность возмущаетъ, когда она не вытекаетъ изъ убѣжденія. Человѣкъ цѣльный, смѣлый и прямой, Арцимовичъ, увѣровавъ въ справедливость подсказаннаго ему опытомъ и совѣстью взгляда и найдя справедливое, по его искреннему убѣжденію, примѣненіе этого взгляда къ данному вопросу, уже не сворачивалъ съ дороги, а шумно, громкимъ словомъ и рѣшительнымъ жестомъ, заявлялъ о томъ, что, по его мнѣнію, нужно и неизбѣжно. Тѣ, кто видалъ его часто и близко, въ частномъ быту, знаютъ, что въ его мнѣніяхъ съ оттѣнкомъ шутливаго пессимизма не было мѣста узкимъ партійнымъ, религіознымъ, племеннымъ или мѣстнымъ взглядамъ, и что если бы, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь мимолетныхъ причинъ, въ немъ и шевельнулись на мгновеніе такіе взгляды—они сейчасъ же потонули бы въ широко-разлитомъ въ его душѣ чувствѣ любви и состраданія къ людямъ *вообще*, безъ всякихъ заслонокъ и перегородокъ.

Быть можетъ, упрекъ въ угловатости, при той живости, которую онъ вносилъ въ споры,—отчасти и справедливъ. Но эта черта покойнаго только можетъ дорисовывать его образъ, ибо его — такимъ, какимъ онъ былъ и живетъ въ памяти его знавшихъ,—нельзя представить себѣ вкрадчивымъ и мягкимъ въ защитѣ своихъ убѣжденій. Да и недостатокъ ли такая угловатость? «Крупная скала, смѣло выдвинувшаяся въ море,— говоритъ румынская королева (Карменъ Сильва)—становится всегда съ каждымъ годомъ угловатѣе,—зато булыжникъ все закругляется». При томъ, никогда не измѣняя своимъ убѣжденіямъ ради временныхъ земныхъ выгодъ, онъ безтрепетно смотрѣлъ впередъ, по *ту сторону* смерти, оберегая свой душевный обликъ. Тамъ, гдѣ такъ часто ссылка на дѣтей и на семью приводится въ извиненіе постыдной уступчивости или полезной *для себя* услужливости, онъ думалъ объ оставленіи въ наслѣдство чистаго, ничѣмъ не затронутаго имени. «Вы забываете: *у меня есть дѣти!*» сказалъ онъ однажды на авторитетное предложеніе отказаться отъ своего мнѣнія, шедшаго въ разрѣзъ съ *желательнымъ* рѣшеніемъ сплотившагося и подавляющаго большинства...

Нравственныя свойства Арцимовича были оцѣнены тѣми, кому дороги лучшіе интересы нашего общества: въ день его 50-лѣтняго юбилея, 17-го іюля 1891 года, С.-Петербургская Городская Дума постановила его привѣтствовать особымъ адресомъ, а въ далекій Карлсбадъ, гдѣ онъ лѣчился, полетѣли телеграммы и письма съ искренними и нелицемѣрными поздравленіями. Московское Юридическое Общество съ тою чуткостью, которая была ему свойственна, помянуло въ своемъ привѣтѣ *подвижническую* дѣятельность Арцимовича въ великую эпоху освобожденія крестьянъ. «Для меня, какъ и для многихъ другихъ,—писалъ ему К. К. Арсеньевъ,—Вы всегда служили образцомъ исполненія долга, въ высшемъ смыслѣ этого слова; Ваше расположеніе было для меня ободреніемъ и поддержкою». Выражая желаніе, чтобы Арцимовичъ былъ, наконецъ, поставленъ въ такое положеніе, которое соотвѣтствовало бы вполнѣ его умственнымъ и нравственнымъ силамъ, нашъ извѣстный публицистъ замѣтилъ: «наше несчастье заключается, между прочимъ, именно въ томъ, что нашими судьбами слишкомъ рѣдко управляютъ тѣ, которые больше всего къ тому призваны и способны»..... Сослуживцы Арцимовича по Сенату прислали ему коллективную телеграмму, въ которой говорилось, что его жизнь «est un modèle d'énergie infatigable et de travail constant pour le triomphe de la loi et de la justice», а одинъ изъ нихъ (пишущій эти строки) обратился къ нему со слѣдующимъ письмомъ: «на далекомъ Сѣверѣ, почти у полюса, въ области преобладанія тьмы надъ свѣтомъ, есть островъ, объятый студеными водами. На немъ возноситъ къ небу свою, покрытую вѣчнымъ снѣгомъ, главу величавая гора, затвердѣвшая въ борьбѣ со стихіями.... Но не холодомъ и мракомъ вѣетъ отъ нея. По дивному устроенію природы неугасимый огонь кипитъ въ ея нѣдрахъ и рвется наружу, согрѣвая все, что къ ней приближается, и далеко разливая свой свѣтъ среди непроглядной полярной ночи. На этотъ свѣтъ устремляетъ свой взоръ заблудившійся путникъ, ободренный надеждою; на него, какъ на маякъ, указывающій вѣрную и прямую дорогу, смотритъ усталый и обезсиленный кормчій.... Есть люди, подобные этой горѣ. Они умѣютъ согрѣть своимъ внутреннимъ огнемъ приблизившееся къ нимъ сердце и до конца своихъ дней, ропща и негодуя, горятъ чистымъ пламенемъ любви къ

правдѣ, справедливости и человѣчеству. Ихъ покрытая снѣгомъ жизни глава зритъ шире и дальше окружающихъ—и видитъ недоступные имъ горизонты, а годы мчатся надъ нею, оставляя лишь физическій, но не нравственный слѣдъ.... Вы, дорогой юбиляръ, принадлежите къ такимъ рѣдкимъ, очень рѣдкимъ людямъ. Съ начала многотруднаго служенія Вашего обществу прошло пятьдесятъ лѣтъ, и не мало честныхъ сердецъ порадуется сегодня тому, что Вы живете и дѣйствуете, и обратится къ судьбѣ съ настойчивою мольбою продлить Ваши дни! Позвольте же одному изъ самыхъ младшихъ по общественной службѣ учениковъ, а нынѣ товарищей Вашихъ, давно согрѣваемому Вашимъ душевнымъ огнемъ, отъ всего сердца присоединиться къ этой радости и къ этимъ мольбамъ»....

Въ частной жизни Арцимовичъ отличался чрезвычайною привлекательностью. Его отношенія къ людямъ были отмѣчены всегда утонченною любезностью, и, когда онъ бывалъ въ духѣ, въ средѣ симпатичныхъ ему людей, онъ вносилъ въ разговоръ особое оживленіе своими безобидными шутками и простодушнымъ юморомъ. Житейскія испытанія, неизбѣжныя разочарованія и надвинувшаяся старость—онъ умеръ 73-хъ лѣтъ отъ роду—нисколько не отражались на его нравственномъ складѣ. Онъ до конца оставался молодъ душою, ясенъ и свѣтелъ умомъ, терпимъ и снисходителенъ къ людямъ. Нужны были особенно рѣзкіе факты душевной неприглядности, непонятные даже его многоизвѣдавшимъ уму и сердцу, чтобы въ его добрыхъ глазахъ промелькнула тѣнь суровости, и съ устъ сорвалось его обычное, въ подобныхъ случаяхъ, презрительное слово: «людишки!...» Интересуясь всѣмъ, на все отзываясь, онъ много читалъ, преимущественно по исторіи, и любилъ литературную бесѣду. Почва для этой любви была подготовлена издавна, ибо онъ былъ женатъ на А. М. Жемчужниковой, сестрѣ извѣстнаго поэта, участвовавшаго когда-то, вмѣстѣ со своими братьями и графомъ Алексѣемъ Толстымъ, въ созданіи «Козьмы Пруткова». Не играя въ карты, рѣдко бывая въ обществѣ и почти никогда въ театрѣ, Арцимовичъ имѣлъ, однако, мало свободнаго времени. Онъ отдавалъ его заботамъ о близкихъ и о нуждающихся. Послѣднимъ онъ помогалъ, чѣмъ только могъ. Съ особою чуткостью отзывался онъ тѣмъ, кому былъ нуженъ его совѣтъ, участіе, нравственная поддержка. Всѣ трогательныя свойства души его сказывались тогда съ особою силою. «Когда темнѣетъ во дворѣ—усиливаютъ свѣтъ въ домѣ»,—сказалъ кому-то удрученному знаменитый русскій духовный ораторъ. Если кто-нибудь изъ знавшихъ Арцимовича, тревожимый сгустившеюся вокругъ него житейской тьмою, стучался въ дверь его душевнаго дома—онъ тотчасъ же, радостно и заботливо, усиливалъ внутри этого дома огонь чтобы отогрѣть, ободрить, направить...

Не хотѣлось вѣрить, что красивая, мощная фигура этого человѣка исчезла изъ нашего небогатаго цѣльными людьми обихода, что она не появится болѣе и въ любимомъ имъ уголкѣ, въ имѣніи близь Люцина—Рунтортѣ, гдѣ все было насаждено и взлелѣяно его руками и гдѣ безъ него станетъ одѣваться весеннимъ цвѣтомъ описанная Жемчужниковымъ («Цвѣтущая старость») его любимая старая яблоня:

Полюбоваться старымъ другомъ
Подходитъ къ ней сѣдой старикъ,
Но въ немъ, въ отпоръ его недугамъ,
Духовныхъ силъ запасъ великъ...

Недуги взяли, однако, верхъ, и изможденное ими тѣло успокоилось послѣ тяжкихъ страданій, среди цвѣтовъ и волнъ кадильнаго дыма, съ выраженіемъ спокойствія и тайны на исхудаломъ лицѣ. Но «запасъ духовныхъ силъ» не истощился. Онъ не могъ не отразиться на всѣхъ, кого онъ любилъ, кто имѣлъ счастіе встрѣтить его на своемъ жизненномъ пути, и кому онъ долженъ быть примѣромъ стойкаго служенія добру и справедливости. Искреннія слезы были пролиты у его гроба, и каждый изъ многочисленныхъ вѣнковъ, которыми густо обросло подножіе этого гроба, говорилъ о томъ, *что* потеряли въ покойномъ не только его близкіе и друзья, но и цѣлыя служебныя и общественныя группы. *«Человѣколюбивому стражу закона»*—гласила надпись на роскошномъ серебряномъ вѣнкѣ отъ сенаторовъ; *«Отцу сиротъ»* — говорилось въ надписи на лентахъ вѣнка, положеннаго чьею-то благодарною рукою. Въ этихъ двухъ надписяхъ—весь Арцимовичъ, весь смыслъ его служебной и частной дѣятельности! Лица всякаго званія, отъ стоящихъ на высшихъ ступеняхъ служебной лѣстницы до безвѣстныхъ людей, которыхъ соединяло съ памятью умершаго какое-нибудь, лишь имъ однимъ извѣстное, доброе его дѣло, сошлись въ переполненной народомъ церкви св. Екатерины, на Невскомъ, подъ торжественные звуки «Dies irae, dies illa».... и проводили затѣмъ останки его на далекое Выборгское кладбище.... Тамъ въ умиленномъ молчаніи, безъ всякихъ лишнихъ рѣчей, съ увлаженными глазами, въ виду осиротѣлой семьи покойнаго, долго стояли, подъ свѣжимъ дыханіемъ едва начинающей пробуждаться природы, надъ отверстою могилой друзья того, чей прахъ медленно опускался и навсегда исчезъ подъ землей. Послѣдній зимній вѣтеръ шумно колебалъ надъ ними деревья, а первые лучи весенняго солнца въ то же время ярко свѣтили и грѣли... Такъ это бывало и въ жизни покойнаго: онъ также умѣлъ свѣтить окружавшимъ его и грѣть ихъ, несмотря на шумъ и холодъ своихъ житейскихъ непогодъ......

Георгій Николаевичъ Мотовиловъ.

(1834—1880).

28-го октября 1880 года русское судебное вѣдомство понесло тяжкую и неожиданную утрату. Въ этотъ день въ Подольской губерніи скончался, на 46 году отъ рожденія, сенаторъ Георгій Николаевичъ Мотовиловъ, отъ сложнаго страданія сердца и легкихъ. Онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, когда его многолѣтняя опытность, его знанія и испытанная, неизмѣнная любовь къ новымъ судебнымъ учрежденіямъ дѣлали изъ него особенно дорогого для нихъ друга, потеря котораго болѣзненно отозвалась въ сердцѣ всѣхъ, кому были близки лучшія надежды и лучшія воспоминанія новаго судебнаго дѣла.

Происходя изъ старинной фамиліи, владѣвшей небольшимъ имѣніемъ въ Симбирской губерніи, Мотовиловъ воспитывался сначала дома, а потомъ поступилъ въ Училище правовѣдѣнія. По окончаніи въ 1853 году курса, онъ вступилъ на службу въ 4-й департаментъ Сената и въ этой практической школѣ многихъ нашихъ цивилистовъ пробылъ въ разныхъ должностяхъ до 1858 года, когда былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при товарищѣ министра юстиціи. Черезъ годъ, въ 1859 г., онъ сдѣлался товарищемъ предсѣдателя 1-го департамента петербургской Гражданской Палаты, въ 1862 году временно исправлялъ должность товарища предсѣдателя Коммерческаго Суда, а въ 1863 году по выборамъ дворянства утвержденъ предсѣдателемъ петербургской Гражданской Палаты.

Въ 1866 году, 17-го апрѣля, были открыты новыя судебныя учрежденія въ Петербургѣ и предсѣдателемъ Окружного Суда былъ назначенъ Мотовиловъ. Выборъ этотъ былъ весьма удаченъ. Во главѣ *перваго* по мѣсту и времени Окружного Суда въ Россіи ставился человѣкъ, полный силъ и энергіи, опытный юристъ и, главное, одинъ изъ участниковъ въ составленіи Судебныхъ Уставовъ, къ трудамъ по которымъ онъ нерѣдко призывался въ предшествующіе годы. Работа, которая ему предстояла, была трудна и по своей сложности, и по своей новизнѣ. Устройство обширнаго Окружного Суда, предназначеннаго для отправленія правосудія на новыхъ, необычныхъ

началахъ, требовало многихъ усилій и труда упорнаго. Нужно было установить главныя начала внутренней администраціи Суда, устроить и регламентировать обширную кассовую часть, составить знающій и способный примѣнять правильно новые порядки служебный персоналъ и, наконецъ, дать толчокъ дѣламъ, въ разсмотрѣніе которыхъ вносилось множество новыхъ еще неизвѣданныхъ пріемовъ. Все это, главнымъ образомъ, лежало на обязанности предсѣдателя. Мотовиловъ вышелъ изъ этого труднаго положенія съ честью, заложивъ нравственный и матеріальный фундаментъ того зданія, которое было потомъ достроено его ближайшимъ преемникомъ П. И. Шамшинымъ, съ такимъ умѣньемъ, любовью къ дѣлу и тщаніемъ во всѣхъ подробностяхъ. Трудами этихъ двухъ почтенныхъ судебныхъ дѣятелей создалось все хорошее въ петербургскомъ Окружномъ Судѣ, и если впослѣдствіи приходилось иногда встрѣчаться съ нѣкоторыми слабыми сторонами въ его организаціи, то стоило лишь отбить грубую штукатурку, наложенную послѣ, чтобы ярко выступилъ прекрасный рисунокъ, сдѣланный Шамшинымъ на грунтѣ, приготовленномъ Мотовиловымъ.

Мотовилову приходилось работать и подавать практическіе примѣры не только въ знакомой и близкой ему области гражданскаго суда, но и въ области совершенно новой и для него дѣятельности по дѣламъ уголовнымъ,— приходилось учиться самому. Когда открылись первыя засѣданія съ присяжными, на нихъ съ особою яркостью отразились новость дѣла, своеобразность пріемовъ обвинительно-состязательнаго процесса и отсутствіе практически-подготовленныхъ дѣятелей. Засѣданія эти были неудачны, тянулись долго и вяло и велись безъ твердо установленнаго плана. Ведшій ихъ товарищъ предсѣдателя, привыкшій къ кабинетной работѣ и къ занятіямъ въ замкнутыхъ «присутствіяхъ», повидимому, растерялся, встрѣтясь лицомъ къ лицу съ живыми явленіями публичнаго процесса. Судебныя засѣданія постоянно прерывались для справокъ и соображеній, сторонамъ предлагалось высказаться по предметамъ, не подлежащимъ ихъ вѣдѣнію, и въ видѣ *вопросовъ* возбуждалось многое изъ того, что въ сущности было непререкаемымъ правиломъ. Это производило неблагопріятное впечатлѣніе. Тогда Мотовиловъ, цивилистъ по спеціальности, принялъ, прервавъ свой отпускъ, веденіе этихъ дѣлъ на себя. Цѣлый мѣсяцъ предсѣдательствовалъ онъ съ присяжными, въ глубокомъ сознаніи того, что отъ первыхъ шаговъ суда присяжныхъ зависитъ многое въ прочности этого учрежденія, — и выказалъ столько умѣнія, пониманія существа новыхъ порядковъ и знанія, что поставилъ дѣло сразу на правильный путь.

Онъ оставался предсѣдателемъ суда около двухъ лѣтъ, а въ мартѣ 1868 г. былъ назначенъ прокуроромъ Судебной Палаты въ Москву. По складу ума и характера его болѣе привлекала спокойная дѣятельность гражданскаго судьи, да и привычка жить въ Петербургѣ привязывала его къ этому городу. Несмотря на это, онъ съ особою энергіею принялся за новую дѣятельность, сознавая, какъ нужны были въ это время созиданія новыхъ судебныхъ порядковъ во всѣхъ отрасляхъ судебной дѣятельности стойкіе и упорные работники,—бодрые сердцемъ и сильные трудомъ служилые люди. Въ іюлѣ 1870 г. Мотовиловъ былъ переведенъ прокуроромъ Судебной Палаты въ Петербургъ, а въ ноябрѣ назначенъ предсѣдателемъ департамента Судебной Палаты, гдѣ онъ могъ снова вернуться къ занятіямъ

Георгій Николаевичъ Мотовиловъ.

гражданскими дѣлами, въ которыя онъ всегда вносилъ неоспоримый авторитетъ глубокаго знанія. Въ мартѣ 1872 года онъ былъ назначенъ сенаторомъ гражданскаго департамента, а съ 1878 г. членомъ соединеннаго присутствія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ Сената. Высокому назначенію этого учрежденія быть высшею инстанціею для надзора за правильностью дѣйствій судебныхъ учрежденій вполнѣ соотвѣтствовало присутствіе въ немъ Г. Н. Мотовилова. Ему на практикѣ, по личному опыту и личному труду, было извѣстно положеніе нашихъ судовъ, прокуратуры и слѣдственного института, и, оцѣнивая ихъ дѣятельность, онъ могъ являться и являлся не однимъ примѣнителемъ закона съ формальной его стороны, а лицомъ, знакомымъ съ живыми условіями дѣятельности этихъ учрежденій на практикѣ. Горячій сторонникъ новыхъ судебныхъ учрежденій, онъ ревниво оберегалъ ихъ прочность и достоинство и отъ мѣръ, которыя могли бы поколебать эту прочность, и отъ людей, которые своими неправильными служебными дѣйствіями могли уронить это достоинство. Принявъ участіе въ зарожденіи новыхъ учрежденій, отдавъ на служеніе имъ много лѣтъ своей жизни, онъ въ послѣдніе свои годы былъ призванъ охранять эти, дорогія ему, учрежденія отъ порчи и ошибокъ и вносилъ въ эту дѣятельность ту душевную теплоту и ту стойкость взглядовъ, которые животворятъ и укрѣпляютъ всякое дѣло.

Смерть похитила его слишкомъ рано, и вѣсть о его кончинѣ была встрѣчена общимъ, неподдѣльнымъ сожалѣніемъ. Всѣ, кто зналъ о его дѣятельности, почувствовали, что однимъ благороднымъ дѣятелемъ стало меньше, всѣ, кто зналъ его лично, почувствовали, сверхъ того, что стало меньше однимъ истинно добрымъ, безупречнымъ человѣкомъ.

Потеря Мотовилова для петербургскаго Окружного Суда была личною потерей. Онъ принадлежалъ до послѣднихъ дней жизни этому суду не менѣе, чѣмъ мѣсту своей окончательной дѣятельности. Есть люди, для которыхъ учрежденія, съ коими связана ихъ дѣятельность, суть не болѣе, какъ станція на пути дальнѣйшаго служебнаго движенія. Оставлено учрежденіе — покинута эта станція — и его нерѣдко забываютъ или относятся къ нему равнодушно, какъ къ чему-то далекому и чужому... Но не всѣ таковы. Есть и такіе, для которыхъ учрежденіе, которому отданы лучшія силы и лучшіе годы, является дорогимъ и незабвеннымъ, является мѣстомъ роднымъ, съ которымъ невольно дѣлятся его радости и его тревоги, которое не выходитъ изъ памяти, потому что не выходитъ изъ разъ принадлежавшаго ему сердца. Образуется взаимная связь, прочная и сознательная, не разрушаемая, а укрѣпляемая временемъ. Такую связь, такое участіе мы встрѣчали когда-то у профессоровъ и большинства слушателей по отношенію къ мѣсту ихъ высшаго образованія, къ ихъ alma mater. То же должно существовать и между судьею и судомъ, которому онъ служилъ сознательно и честно.

Мотовиловъ принадлежалъ къ людямъ послѣдняго рода. Онъ никогда не разрывалъ и не ослаблялъ своей связи съ судомъ, въ который вступилъ въ трудныя и серьезныя времена. Ему приходилось имѣть дѣло съ «мѣхами новыми и виномъ новымъ», приходилось не только созидать, но и создавать, вырабатывая самый матеріалъ для созиданія. Онъ, въ дѣлѣ устройства перваго Окружного Суда въ Россіи, былъ не только строителемъ, но и чернорабочимъ. Эту трудную работу приходилось совершать при томъ въ обстановкѣ недобро-

желательства со стороны отживавшихъ формъ общественной и судебной жизни. Внѣшнія затрудненія возникали постоянно, на каждомъ шагу. Нужно было имѣть много такта, самообладанія, вѣры въ свое дѣло и любви къ своему призванію, чтобы не устрашиться осложненій и безъ того не легкой задачи, чтобы не поколебаться духомъ и не поступиться чѣмъ-нибудь существеннымъ при первомъ приложеніи къ жизни основъ новой судебной дѣятельности.

Это было трудное время. Но это было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и хорошее время. Хорошее—*внутри суда*. Не многимъ уже памятна та вѣра въ будущее судебныхъ учрежденій, то сознаніе высокой общественной задачи новаго суда, та любовь къ дѣлу и та строгость къ самимъ себѣ, которыми отличались первые дѣятели новыхъ учрежденій. И этотъ внутренній складъ установился въ петербургскомъ Судѣ, на первыхъ порахъ въ значительной степени подъ вліяніемъ Мотовилова, который поддерживалъ и развивалъ его своимъ словомъ и своимъ дѣломъ, своимъ примѣромъ и своимъ горячимъ участіемъ къ новой дѣятельности.

Мнѣ отрадно вспомнить, съ какимъ тревожнымъ участіемъ относился покойный къ тѣмъ изъ состава нашего Суда, которымъ пришлось вступить въ періодъ нареканій и суроваго недоброжелательства по поводу уголовнаго процесса, надѣлавшаго въ 1878 году много, долго не утихавшаго, шума. Не мнѣ, во всякомъ случаѣ, разбирать справедливость этихъ нареканій, но я могу засвидѣтельствовать, что Мотовиловъ не раздѣлялъ ихъ и удивлялся тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись суду, дѣйствующему при участіи и помощи представителей общественной совѣсти. Онъ приходилъ со словомъ ободренія — и въ тяжелыя минуты, переживаемыя тѣми, къ кому онъ обращалъ это ободреніе,—прямодушное слово *настоящаго* судьи было не малымъ утѣшеніемъ. Это былъ человѣкъ рѣдкой искренности, имѣвшій полное право избрать девизомъ знаменитое германское изреченіе: «Wahrheit gegen Feind und Freund!» Его подчасъ суровый видъ не обманывалъ никого изъ имѣвшихъ къ нему отношеніе. Изъ-за него сквозили глубокая любовь къ дѣлу и нѣжное участіе къ его работникамъ. И сколько людей, къ которымъ иногда Георгій Николаевичъ относился съ строгою требовательностью, бывало впослѣдствіи растрогано, вспоминая его участіе къ ихъ горю, къ ихъ житейскимъ скорбямъ... вспоминая широкую помощь, которую оказывалъ имъ въ тяжелыя минуты этотъ суровый по внѣшности человѣкъ....

Иванъ Ивановичъ Шамшинъ.

(1836—1912).

Съ каждымъ годомъ сходятъ въ могилу послѣдніе *сотрудники* Александра II въ его обновлявшихъ Россію реформахъ. Не такъ давно угасла лампада жизни одного изъ наиболѣе выдающихся изъ нихъ—графа Милютина—въ далекомъ уединеніи мерцавшая тихимъ свѣтомъ далекихъ и возвышенныхъ воспоминаній. Быстро рѣдѣютъ и ряды ближайшихъ *осуществителей* этихъ реформъ, тѣхъ, кто пережилъ незабвенные дни ихъ провозглашенія и участвовалъ въ ихъ житейской реализаціи, при чемъ, по выраженію поэта, «каждый гвоздикъ вбивался съ любовью». Уходятъ, одинъ за другимъ, представители призванія и носители преданій — и уступаютъ мѣсто представителямъ профессіи и служебной «злобы дня».

Въ залѣ засѣданій общаго собранія Государственнаго Совѣта въ Маріинскомъ дворцѣ предъ глазами присутствующихъ находится вдѣланная въ стѣну знаменитая картина Рѣпина, представляющая старый Государственный Совѣтъ въ день его столѣтія. Мастерскою кистью художника, какъ живые, изображены члены этого отошедшаго въ область исторіи законосовѣщательнаго учрежденія. И скольхихъ изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ! Осталась едва ли седьмая часть, такъ что картина эта — своего рода «memento mori!» для нынѣшняго состава «обновленнаго» Совѣта. На ней помѣщены, между прочимъ, сидящіе рядомъ два члена, имена которыхъ тѣсно связаны съ первыми и свѣтлыми годами судебной реформы. На нихъ когда-то указывало общественное мнѣніе свѣдущихъ круговъ, какъ на достойныхъ быть проводниками въ жизнь тѣхъ возвышенныхъ началъ истиннаго правосудія, обусловленнаго независимостью и человѣчностью, которыми были проникнуты Судебные Уставы. Они оправдали возлагавшіяся на нихъ упованія и оставили въ исторіи новаго русскаго суда глубокій и яркій слѣдъ.

Ихъ звали—*Андрей Александровичъ Сабуровъ* и *Иванъ Ивановичъ Шамшинъ.* Товарищи по Лицейскому выпуску 1857 года, они вступили въ дѣловую дѣятельность въ тѣ годы, когда надъ привыкшей къ мертвящему безмолвію и безсудію родиной пронесся благовѣстъ великихъ реформъ Александра II,— и каждый изъ нихъ принесъ въ осуществленіе новыхъ пріемовъ правосудія всю свою энергію, знанія и замѣчательную трудоспособность.

Одного изъ нихъ уже нѣтъ... 4-го января 1912 г. окончилъ свою трудовую жизнь И. И. Шамшинъ. Онъ прошелъ разнообразное служебное поприще и былъ до постигшаго его тяжелаго недуга виднымъ дѣятелемъ Государственной Канцеляріи въ качествѣ статсъ-секретаря, членомъ Опекунскаго совѣта, сенаторомъ и управляющимъ межевою частью, но особенно блестящую стадію его служебнаго пути составляло, безъ сомнѣнія, пребываніе его въ дѣйствующей арміи судебнаго вѣдомства въ качествѣ товарища предсѣдателя и предсѣдателя петербургскаго Окружного Суда. Здѣсь проявилъ онъ замѣчательный организаторскій талантъ, умѣнье сплотить воедино людей разнообразныхъ способностей и темпераментовъ и направить всѣ дѣйствія сложнаго и чувствительнаго въ своихъ функціяхъ организма столичнаго Окружного Суда къ одной цѣли.

Безспорно, что, въ виду условій мѣста и времени, онъ былъ самымъ выдающимся изъ предсѣдателей этого суда, какъ по трудности своей задачи, такъ и по блестящему ея выполненію. Ему пришлось многое организовать вновь и при томъ въ такое время, когда первоначальный восторгъ предъ судебной реформой постепенно началъ смѣняться недовѣріемъ высшихъ сферъ и нападками со стороны. Печальныя воспоминанія, грустныя преданія и тяжелый опытъ, вынесенные обществомъ изъ стараго суда, начали выцвѣтать и забываться, а новый судъ, пришедшій ему на смѣну, сталъ подвергаться суровой критикѣ по правиламъ своеобразной бухгалтеріи, въ силу которыхъ въ пассивъ новыхъ учрежденій вносились, не безъ злорадства, невольные промахи и неизбѣжныя въ новомъ дѣлѣ ошибки, а въ активъ умышленно не вписывалось ничего. Это положеніе вещей требовало отъ предсѣдателя столичнаго суда особой чуткости и зоркости: ne quid detrimenti justitia capiat!

Шамшинъ сдѣлался одновременно стражемъ внѣшней независимости и внутренней самостоятельности суда среди недоброжелательныхъ теченій и хранителемъ внутренняго въ судѣ порядка, поддерживаемаго имъ съ настойчивымъ и строгимъ вниманіемъ къ нуждамъ и къ упущеніямъ личнаго состава.

При немъ въ Окружномъ Судѣ создалась своего рода школа судейскаго достоинства и служебнаго долга. Неся трудныя и сложныя административныя обязанности предсѣдателя, направляя дѣятельность общаго собранія, входя во все и твердою рукою держа руль ввѣреннаго ему корабля, онъ находилъ время и для веденія засѣданій по большимъ уголовнымъ дѣламъ. Тутъ проявлялъ онъ себя, какъ образцовый судья-руководитель присяжныхъ засѣдателей и при томъ въ то время, когда еще совершенно не были выработаны пріемы и содержаніе предсѣдательскаго напутствія присяжнымъ. Тогдашнимъ судебнымъ дѣятелямъ памятно, напримѣръ, искусное и въ то же время безупречное веденіе имъ дѣла объ убійствѣ австрійскаго военнаго агента графа Аренберга, — дѣла, по которому онъ отстоялъ нормальную подсудность суду гражданскаго вѣдомства противъ угодливаго намѣренія торопливо предать виновныхъ, безъ законнаго къ тому основанія, военному суду. Стойкій защитникъ правъ, начертанныхъ Судебными Уставами, онъ не поступался ими никогда и ни при какихъ условіяхъ, и я, многолѣтній, въ качествѣ прокурора Окружного Суда, свидѣтель его дѣятельности, не могу припомнить ни одного случая, въ которомъ Иванъ Ивановичъ отступилъ отъ намѣченнаго имъ себѣ пути и пошелъ на уступки и ласковыя приспособленія, которыя обыкновенно кончаются униженіемъ

и разрушеніемъ того, во имя сохраненія чего они были предприняты. Между судебными дѣятелями бывали такіе, преданные любимому дѣлу люди, которымъ казалось, что, поступаясь частью своихъ правъ въ виду настойчивыхъ, а иногда и прямо дерзкихъ домогательствъ со стороны тѣхъ, кому эти права стояли поперекъ горла,—они спасаютъ самый принципъ послѣднихъ. Но они горько ошибались. L'appétit vient en mangeant—и одна за другою являлись новыя претензіи и требованія, съ ссылками на то, что уже уступлено,—и оказывалось, въ концѣ концовъ, что не только принципъ подрубленъ подъ самый корень, но утрачено и личное достоинство самого „спасателя принципа". Такіе примѣры бывали не только въ судебной области, но и въ болѣе широкой—законодательной. Шамшинъ, въ званіи предсѣдателя Суда, былъ постоянно на-сторожѣ—одинаково чуткій и къ „чреватому послѣдствіями" создавшемуся положенію и къ мелочамъ, казавшимся со стороны обыденностью. Отъ его зоркаго взгляда не ускользали ни внѣшнія опасности, ни нежелательныя внутреннія явленія, которыя могли обратиться въ привычку и укорениться. Когда—черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ оставленія имъ петербургскаго Суда,—я былъ, въ свою очередь, назначенъ предсѣдателемъ того же Суда, я нашелъ, что многое изъ того, что онъ оставилъ устроеннымъ и заведеннымъ правильно, съ любовью и цѣлесообразно, пришло въ небрежныхъ, хотя и самонадѣянныхъ рукахъ, въ упадокъ и нуждалось въ ремонтѣ. Но то, что сдѣлали Мотовиловъ и Шамшинъ, было все-таки прочно, и, когда пришлось отбивать грубый слой наложенной послѣ нихъ известки, старыя фрески стали выступать въ прежней строгой обдуманности линій.

Труды Шамшина по межевому вѣдомству заслуживаютъ особой, спеціальной оцѣнки по своей сложности и по одушевлявшему ихъ единству взгляда, строго проводимому и въ общемъ направленіи и въ частностяхъ исполненія. И въ сенатской дѣятельности Шамшина былъ особо выдающійся періодъ. Когда, въ 1880 году, по почину графа Лорисъ-Меликова, предприняты были четыре сенаторскихъ ревизіи ряда губерній по всѣмъ частямъ гражданскаго управленія, онъ былъ назначенъ ревизующимъ сенаторомъ въ Самарскую и Саратовскую губерніи и здѣсь проработалъ, окруженный тщательно избранными сотрудниками, между которыми находились К. К. Арсеньевъ и И. Л. Горемыкинъ, цѣлый годъ. Собранные имъ матеріалы и его ревизіонный отчетъ представляютъ всестороннюю картину свѣтлыхъ точекъ и темныхъ сторонъ нашего мѣстнаго управленія. Для свѣдущихъ людей, которыхъ рѣшено было созвать для обсужденія результатовъ ревизій, онъ подготовилъ драгоцѣнныя по своему значенію и источнику данныя. Къ несчастью, обстоятельства сложились такъ, что работа ревизующихъ сенаторовъ, какъ и многое, чреватое пользою для родины, у насъ обратилась въ совершенно безплодную трату силъ и труда. Послѣ ухода Лорисъ-Меликова, Кахановская комиссія, куда были переданы эти ревизіи, проволочивъ нѣкоторое время свое безнадежное существованіе, была закрыта, и работы, возбуждавшія столь много упованій и одновременно съ ними столько своекорыстныхъ опасеній, были переданы въ архивъ министерства графа Д. А. Толстого. Requiescant in pace!..

По свойствамъ и условіямъ своимъ дѣятельность члена стараго Государственнаго Совѣта, связаннаго формальнымъ обязательствомъ не разглашать ни своихъ, ни чужихъ мнѣній, была неуловима для посторонняго взгляда, но изъ того, что все-таки извѣстно о роли, которую игралъ въ Совѣтѣ

Шамшинъ, можно съ достовѣрностью заключить, что онъ и тутъ являлся поборникомъ закономѣрности и правового порядка. Недаромъ при преобразованіи Верховнаго уголовнаго суда, которому подсудны нынѣ исключительно преступныя дѣянія высшихъ чиновъ управленія, онъ былъ назначенъ первымъ его предсѣдателемъ. Положеніе такихъ поборниковъ было трудное: въ ихъ задачу почти не входило за послѣднія десятилѣтія творчество н о в а г о, и въ значительной степени она состояла въ искусномъ отбитіи попытокъ разрушенія того с т а р а г о, что было дорого въ свѣтломъ прошломъ, и что озарило своими лучами разгаръ ихъ молодой дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ Шамшинъ, какъ и нѣкоторые другіе его сотоварищи по законосовѣщательной дѣятельности, могутъ быть названы по отношенію къ ,,великимъ реформамъ'' упорными консерваторами. Но постоянное пребываніе въ оборонительной позиціи дѣйствуетъ тяжело. Напрягая, нерѣдко безплодно, духовныя силы и заставляя ихъ истощаться въ напрасныхъ треніяхъ, оно вліяетъ разрушительно и на силы физическія. Мало послѣднихъ поэтому принесъ Иванъ Ивановичъ въ обновленный Государственный Совѣтъ, и убыль ихъ становилась съ каждымъ днемъ замѣтнѣе. Но его умственныя силы остались нетронутыми, несмотря на тяжелый недугъ: онъ попрежнему всѣмъ интересовался, переживалъ заочно все происходящее въ нашей Верхней Палатѣ, умѣлъ глубоко скорбѣть и живо радоваться по поводу различныхъ общественныхъ явленій и съ любящей тревогой обращалъ свой угасающій взоръ къ дорогой ему родинѣ...

Поэтъ Тютчевъ сказалъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній: «душа моя— Элизіумъ тѣней». Такой же Элизіумъ существуетъ, конечно, у немногихъ, очень немногихъ уцѣлѣвшихъ въ жизни ветерановъ, которые въ отношеніи реформъ шестидесятыхъ годовъ были, выражаясь словами *Слова о полку Игореви*, «подъ шеломы взлелѣяни, конецъ копія вскормлены». И въ Элизіумѣ тѣхъ, кого такъ вскормила и повила Ѳемида, — занимаетъ почетное мѣсто тѣнь Шамшина...

Николай Николаевичъ Мясоѣдовъ.

Первоприсутствующій Гражданскаго кассаціоннаго департамента, Николай Николаевичъ Мясоѣдовъ, скончавшійся въ 1910 году, былъ не только глубоко знающимъ юристомъ, съ удивительною, «двужильною»,—по народному выраженію—трудоспособностью, но и выдающеюся личностью во многихъ другихъ отношеніяхъ. Питомецъ московскаго университета и одинъ изъ немногихъ остававшихся ветерановъ судебной реформы 1866 года, онъ пребывалъ вѣренъ ея завѣтамъ до конца, внося въ свою дѣятельность пониманіе духа Судебныхъ Уставовъ, а не одной ихъ, столь нерѣдко и напрасно измѣняемой, буквы. Отзывчивый на запросы жизни, чуткій къ немощамъ и чаяніямъ нуждающихся въ правосудіи, онъ умѣлъ укладывать отвѣтъ на все это въ вырабатываемыя имъ рѣшенія. Въ узкія рамки цивилистическихъ разсужденій онъ вводилъ не только живое, но и жизнеспособное содержаніе. Его безпристрастіе и истинная справедливость, чуждая предуставленныхъ формальныхъ взглядовъ, — были всѣми признаны. О немъ говорили: «хоть и проиграешь дѣло, но не обидно: судилъ Мясоѣдовъ, значитъ рѣшеніе правильно...» И въ законодательныхъ работахъ, когда ему приходилось въ нихъ участвовать, онъ держался широкихъ и смѣлыхъ взглядовъ. Такъ, въ вопросѣ о преобразованіи адвокатуры онъ рѣшительно высказывался за предоставленіе женщинамъ права быть защитниками и повѣренными въ дѣлахъ. Въ печальной памяти комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Муравьева онъ былъ стойкимъ заступникомъ за этотъ памятникъ великихъ реформъ Александра II, который былъ во многихъ своихъ частяхъ услужливо и беззастѣнчиво подвергаемъ существенному искаженію подъ видомъ исправленія. Онъ былъ также однимъ изъ *трехъ* изъ числа *двадцати двухъ* членовъ комиссіи, которые не нашли въ себѣ достаточной податливости, чтобы согласиться на лишеніе будущихъ участковыхъ (нынѣ мировыхъ) судей права судейской несмѣняемости и связанной съ нею самостоятельности.

Не одна практическая юриспруденція интересовала Мясоѣдова. Занявъ по праву и общему признанію выдающійся постъ первоприсутствующаго гражданскаго кассаціоннаго департамента и высоко держа знамя судьи, онъ не былъ, однако, узкимъ спеціалистомъ. Его привлекала къ себѣ литература во всѣхъ

ея видахъ; его вниманіе останавливали на себѣ вопросы русскаго языка и этимологіи и, наконецъ, онъ былъ страстно и талантливо преданъ музыкѣ. Можно было часами слушать его блестящія импровизаціи... Онъ написалъ нѣсколько изящныхъ романсовъ и большую музыкальную картину «На Волгѣ», — былъ незамѣнимымъ сотрудникомъ для мелодекламаціи, которою занимался и самъ, а исполненіе имъ классическихъ вещей было проникнуто глубиною пониманія и оригинальностью въ передачѣ.

Заботливый семьянинъ и вѣрный другъ своихъ друзей, онъ былъ преисполненъ безграничною готовностью помогать всѣмъ, кому могъ, «не взирая на лица», какъ въ отношеніи тѣхъ, кто въ немъ нуждался, такъ и въ отношеніи тѣхъ, кого онъ, не жалѣя времени и своего спокойствія, шелъ просить за другихъ. Онъ зналъ, что его часто встрѣтятъ — худо скрываемое неудовольствіе, нетерпѣливое посматриваніе на часы или плохо замаскированный отказъ. Но это его не останавливало, и можно съ твердостью сказать, что не только въ околоткахъ, гдѣ онъ проживалъ, дѣлаясь вскорѣ послѣ своего поселенія въ нихъ популярнымъ человѣкомъ, но и въ разныхъ другихъ уголкахъ Петербурга и русской провинціи вѣсть о его кончинѣ вызвала горькое чувство и благодарную память о человѣкѣ, который умѣлъ дѣлать добро и былъ способенъ встрепенуться при первой вѣсти объ общественномъ бѣдствіи и притти на помощь неустанными хлопотами, трудомъ, настойчивостью. Болѣе десятка тысячъ собралъ онъ концертами въ Пензѣ и Саратовѣ въ пользу голодающихъ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Его отзывчивая душа съ особой любовью относилась къ дѣтямъ. Въ ней самой было много хорошаго, дѣтскаго. Отрадно было смотрѣть на его радостное лицо во время ежегодно устраиваемой имъ въ послѣдніе годы въ Сенатѣ елки для дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ и сторожей.

Въ обычныхъ у насъ трафаретныхъ некрологахъ о немъ должно было быть сказано, что онъ «достигъ званія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и имѣлъ всѣ ордена до Александра Невскаго включительно». Но не это надо отмѣтить въ немъ. Претендентовъ на такіе—и только на такіе—некрологи у насъ достаточно, но у многихъ ли изъ нихъ можно подмѣтить ту милую и сердечную простоту, которою отличался покойный? Онъ какъ бы стѣснялся своего высокаго званія и забывалъ о немъ при всякомъ удобномъ случаѣ, отличаясь необыкновенною скромностью въ своемъ нарядѣ и обиходѣ. Однажды, ѣдучи на имперіалѣ конки, онъ долго слушалъ брань своего сосѣда въ чуйкѣ противъ Судебной Палаты за ея будто бы несправедливое рѣшеніе, очень для него обидное. — А въ чемъ ваше дѣло? — спросилъ Мясоѣдовъ. — Да вамъ-то что! — отвѣтила раздражительно чуйка: — вѣдь вы не можете помочь! — Отчего же? — сказалъ Мясоѣдовъ: — если вы подадите кассаціонную жалобу, я могу обратить вниманіе на ваше дѣло: можетъ-быть, вы и правы.—Это какъ же вы можете обратить вниманіе? — недовѣрчиво спросилъ собесѣдникъ. — Я—сенаторъ... Сенаторъ?!—воскликнутъ тотъ, оглядѣвъ Мясоѣдова съ ногъ до головы, язвительно засмѣялся и, презрительно сказавъ: «акуратъ!» плюнулъ и отвернулся. Мнѣ пришлось быть въ концертѣ, который въ послѣдній годъ своей жизни давала, впавшая въ бѣдность, когда-то извѣстная пѣвица Дарья Михайловна Леонова. Ей трудно было справляться со своей задачей. Ея голосъ старчески дребезжалъ... А аккомпаніаторъ былъ неумѣлый или неопытный и еще болѣе затруднялъ ее. Мясоѣдовъ сидѣлъ въ первомъ ряду

и нервно двигался. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ, шагнулъ на невысокую эстраду, шепнулъ что-то аккомпаніатору, сѣлъ вмѣсто него за рояль и весь вечеръ придавалъ бодрости и силы бѣдной женщинѣ. Въ его добромъ сердцѣ въ эти минуты, очевидно, не прозвучали излюбленныя слова многихъ изъ нашихъ сановниковъ: «Ловко ли? удобно ли?»

Высокаго роста, съ порывистыми движеніями, съ нервной непосѣдливостью, съ крупными, рѣзкими чертами лица восточнаго типа, съ отрывистою рѣчью, прерываемою легкимъ заиканіемъ, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, въ которомъ не только большой запасъ, но даже избытокъ физическихъ силъ. Тяжелыя житейскія испытанія и многолѣтняя неустанная работа подорвали эти силы гораздо раньше, чѣмъ можно было ожидать, но въ памяти тѣхъ, кто имѣлъ случай узнать Мясоѣдова ближе, его оригинальный, симпатичный образъ не изгладится никогда.

Мировые судьи.

(Изъ воспоминаній).

Я уже говорилъ выше, что, когда была введена судебная реформа—сначала въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ послѣдовательно въ петербургскомъ, московскомъ и харьковскомъ судебныхъ округахъ—въ наибольшее, непосредственное и ежедневное соприкосновеніе съ обществомъ пришелъ мировой судъ. Онъ сразу пріобрѣлъ популярность въ народѣ, и, черезъ мѣсяцъ послѣ введенія реформы, сокращенное названіе «мировой» стало звучать, какъ нѣчто давно знакомое, привычное, вошедшее въ плоть и кровь бытовой жизни и въ то же время внушающее къ себѣ невольное почтеніе. Первое время камеры мировыхъ судей были полны посѣтителями, приходившими знакомиться съ новымъ судомъ въ его простѣйшемъ, наиболѣе доступномъ видѣ. Переходъ отъ канцеляріи квартала и отъ управы благочинія, гдѣ чинилось еще такъ недавно судебно-полицейское разбирательство, къ присутствію мирового судьи былъ слишкомъ осязателенъ. Въ кварталѣ — широко господствовало весьма рѣшительное, а до отмѣны тѣлесныхъ наказаній и весьма осязательное усмотрѣніе того до-реформеннаго полицейскаго чиновника, о которомъ не безъ основанія говорилось въ раскольничьей рукописи, якобы открытой И. Ѳ. Горбуновымъ: «не Богъ его сотвори, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненную всякія скверны, во еже прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую». Въ Управѣ, въ царствѣ волокиты и «просительской тоски» — чувствовалось, что этотъ ближайшій судъ для многихъ изъ своихъ представителей и для ютившихся около него паразитовъ былъ «доходнымъ мѣстомъ». Наоборотъ, у «мирового» въ дѣйствительности совершался судъ скорый, а личныя свойства первыхъ судей служили ручательствомъ, что онъ не только скорый, но и правый въ предѣлахъ человѣческаго разумѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ милостивый.

Были, конечно, и въ сферѣ мировой юстиціи промахи. Не всегда ясно разграничивалась подсудность дѣлъ, смущали предсудимые вопросы гражданскаго права,—далеко не всѣ судьи получили юридическое образованіе. Но ихъ промахи тонули въ общемъ дружномъ и радостномъ подъемѣ духа, съ которымъ первые судьи, подобно первымъ мировымъ посредникамъ, при-

нялись за новое дѣло, видя въ немъ не простую службу, но занятіе, облагораживающее жизнь и дающее ей особую цѣну. Бывали и случаи, когда вино новой власти бросалось нѣкоторымъ, немногимъ, впрочемъ, въ голову. Эти случаи имѣли свою комическую сторону, но существенно отличались отъ тѣхъ превышеній власти, соединенныхъ съ грубымъ насиліемъ и надменной вѣрой въ свою безнаказанность, которыми ознаменовали свою дѣятельность, особенно при примѣненіи пресловутой 61-ой статьи Положенія, нѣкоторые земскіе начальники, въ родѣ извѣстнаго «кандидата безправія», харьковскаго земскаго начальника Протопопова. У мировыхъ судей это вытекало скорѣе изъ чрезмѣрнаго усердія въ отправленіи своихъ обязанностей, границы которыхъ были неясно понимаемы. Такъ въ Петербургѣ одинъ мировой судья, устроившій, вопреки господствовавшей у его товарищей строгой простотѣ обстановки, надъ своимъ судейскимъ мѣстомъ нѣчто въ родѣ балдахина изъ краснаго сукна, вообразилъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ огнегасительнымъ тактикомъ и стратегомъ и, надѣвъ цѣпь, сталъ распоряжаться на пожарѣ въ своемъ участкѣ и отдавать приказанія пожарнымъ. А другой, возвращаясь въ лѣтнюю бѣлую ночь изъ Новой Деревни въ томъ настроеніи, когда «счастливые часовъ не наблюдаютъ», и найдя Троицкій мостъ разведеннымъ ранѣе, чѣмъ, по его мнѣнію, слѣдовало, надѣлъ цѣпь и требовалъ его наведенія. Судебная Палата, однако, тотчасъ же охладила пылъ этихъ носителей мировой цѣпи некстати.

Но на ряду съ этими единичными явленіями общее направленіе мировыхъ судей сдѣлало ихъ камеры не только мѣстомъ отправленія доступнаго народу правосудія, но и школою порядочности и уваженія къ человѣческому достоинству. Мѣстный обыватель увидѣлъ очень скоро, что стародавняя поговорка: «бойся не суда, а судьи», теряетъ свое значеніе правила житейской мудрости. Онъ научился замѣнять страхъ передъ судьей, не чуждый иногда затаеннаго презрѣнія, совсѣмъ другимъ чувствомъ. Иногда это отсутствіе страха выражалось въ довольно своеобразныхъ формахъ, нашедшихъ себѣ выраженіе въ легендарномъ, но въ общемъ весьма правдоподобномъ разсказѣ о мѣщанинѣ, который своимъ буйствомъ приводилъ въ смятеніе и ужасъ своихъ домашнихъ и сосѣдей, но умѣлъ устраивать свои дѣла съ мѣстнымъ полицейскимъ судомъ такъ, что всегда выходилъ сухъ изъ воды. Когда, вѣрный своимъ привычкамъ, онъ однажды получилъ повѣстку о явкѣ уже къ *мировому судьѣ*, онъ задумался, загрустилъ, сталъ сумраченъ, трезвъ и тревожно-ласковъ съ окружающими; наканунѣ засѣданія сходилъ въ баню, а въ самый день сбѣгалъ поставить свѣчку въ часовню, надѣлъ чистое бѣлье и слезно простился съ домашними, которые въ свою очередь плакали,—все ему простивъ и забывъ,—и съ трепетомъ ждали его возвращенія отъ невѣдомаго «мирового». Онъ не приходилъ цѣлый день и лишь къ ночи явился домой «пьянѣе вина» и съ шумной радостью объявилъ: «мировой! мировой! я думалъ и невѣсть что̀, сколько страху натерпѣлся, думалъ—съѣстъ онъ меня, а онъ, мировой-то вашъ, на цѣпи сидитъ, да и говоритъ все такъ по-хорошему! Вотъ онъ какой, мировой-то!..» Особенной виртуозностью и дѣловымъ блескомъ отличались засѣданія у мирового судьи *Оскара Ильича Квиста*, который былъ затѣмъ выдающимся предсѣдателемъ петербургскаго мирового Съѣзда. Но, несомнѣнно, лучшимъ укра-

шеніемъ петербургскаго мирового института былъ *Николай Адріановичъ Неклюдовъ.* Заваленный массою дѣлъ (въ его участокъ входила, между прочимъ, Сѣнная площадь), онъ умѣлъ въ ихъ разбирательство вносить глубокое знаніе жизненныхъ условій и вдумчивое пониманіе и толкованіе законовъ. Подражать ему было трудно, до того онъ былъ своеобразенъ и поразительно работоспособенъ, но учиться у него было въ высшей степени полезно. Пестрота разнообразныхъ явленій жизни, ожидающихъ его судейскаго слова, не затемняла предъ его взоромъ общихъ основныхъ началъ и строгой системы новаго процесса. Это выразилось съ особенной силой и успѣхомъ въ его превосходномъ «*Руководствѣ для мировыхъ судей*», гдѣ научные комментаріи и разъясненія, не утратившіе своей цѣны и до сихъ поръ, чередуются съ бытовыми картинками, живо отражающими на себѣ правовые взгляды и этическія понятія разнородныхъ обывателей столицы. А между тѣмъ Неклюдовъ не былъ юристомъ по образованію: онъ былъ математикъ по факультету, какъ и нѣкоторые изъ выдающихся дѣятелей судебной реформы, напримѣръ, С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій и другіе. Но онъ блистательно выдержалъ экзаменъ на кандидата правъ, а магистерская диссертація его «*Уголовно-статистическіе этюды*» была первымъ вполнѣ самостоятельнымъ трудомъ изъ этой области въ русской научной литературѣ. Издатель и редакторъ переводовъ сочиненій философскаго характера (между прочимъ, «*Огюстъ Контъ и Положительная философія*» Льюиса и Милля, съ пропитаннымъ тонкой иронiей надъ духовной цензурой предисловіемъ, якобы *опровергающимъ* взгляды Конта и позитивистовъ на вопросы вѣры)— и переводчикъ учебника уголовнаго права Бернера, снабдившій эту книгу столь обширными дополненіями и примѣчаніями, что нѣкоторые острили, называя ее учебникомъ Неклюдова, дополненнымъ Бернеромъ,—Неклюдовъ сразу занялъ видное мѣсто среди русскихъ ученыхъ криминалистовъ, такъ что переходъ его изъ мировыхъ судей въ старшіе юрисконсульты Министерства Юстиціи былъ вполнѣ естественнымъ. Работая въ послѣдней должности, онъ написалъ четыре тома особенной части уголовнаго права, носящіе печать его оригинальнаго, идущаго своимъ путемъ ума и изобилующіе язвительными замѣчаніями по поводу противорѣчивыхъ и не всегда продуманныхъ кассаціонныхъ рѣшеній. По благодушной ироніи судьбы онъ сдѣлался въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ оберъ-прокуроромъ того самаго департамента Сената, который плодилъ эти рѣшенія, не всегда заботясь объ ихъ согласованіи. Неклюдовъ поднялъ это званіе на большую высоту и былъ первымъ (послѣ М. Е. Ковалевскаго, 1866—1869) оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, къ заключеніямъ котораго стали прислушиваться, не всегда, впрочемъ, съ ними соглашаясь, общая печать и широкіе общественные круги.

За столомъ оберъ-прокурора, на каѳедрѣ Военно-Юридической академіи, въ многочисленныхъ комиссіяхъ и комитетахъ, въ засѣданіяхъ юридическаго общества онъ всегда останавливалъ на себѣ общее вниманіе. Очень худощавый и до крайности нервный, съ острыми чертами одухотвореннаго лица и горящими темными глазами, имѣвшими въ себѣ что-то орлиное, онъ страстно отдавался всякому дѣлу,—оригинальный въ языкѣ, рѣзкій въ выраженіяхъ и иногда совершенно неожиданный и необычный въ своихъ выводахъ. Во всей его повадкѣ сказывалась огромная умственная сила и темпераментъ горя-

Сверху — слѣва направо:

Николай Адріановичъ Неклюдовъ; Дмитрій Васильевичъ Стасовъ.

Внизу — слѣва направо:

Михаилъ Ѳедоровичъ Громницкій; Александръ Львовичъ Боровиковскій.

чаго бойца, который въ пылу словесной битвы сыпалъ удары направо и налѣво, задѣвая при этомъ иногда своихъ союзниковъ и единомышленниковъ. Въ немъ видѣлся будущій трибунъ и вождь политической партіи, одаренный для этого всѣмъ необходимымъ и, между прочимъ, умѣньемъ легко и свободно внушать окружающимъ безусловное къ себѣ довѣріе. Но онъ не дожилъ до того времени, когда можно было приложить свои силы и способности на широкомъ поприщѣ общественной дѣятельности. Вторая половина его жизни прошла въ тяжелое и удушливое время, и онъ оказался въ положеніи орла, вынужденнаго летать въ полусвѣтѣ низкаго и узкаго корридора, не имѣя возможности развернуть свои крылья во всю ихъ мощь, и въ послѣдніе годы довольно часто не расправляя ихъ, а подгибая, въ надеждѣ вырваться на жадно-желаемый просторъ. Отсюда вытекали печальные подчасъ служебные и правовые компромиссы, которые должны были дорого обходиться его гордому сердцу. Утомленное неустаннымъ трудомъ и внутренней неудовлетворенностью, оно, наконецъ, не выдержало, и онъ умеръ, въ званіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ, отъ разрыва сердца на казенной квартирѣ, въ домѣ бывшаго III-го Отдѣленія, «въ зданіи у Цѣпного моста», быть-можетъ, на самой границѣ той обѣтованной земли, вступивъ въ которую, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, онъ могъ бы, наконецъ, искушенный знаніемъ жизни, начать широкій и смѣлый полетъ, проводя взгляды, которые съ лихвою искупили бы его временную и вынужденную въ нѣкоторыхъ случаяхъ уступчивость... Во время поминокъ по немъ въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ В. Д. Спасовичъ въ своей рѣчи не безъ жестокой ироніи сравнилъ его съ тѣми гигантами, которые, напрягши сильные мускулы, поддерживаютъ... маленькій балконъ передъ входомъ въ Эрмитажъ. Но можно ли это ставить въ вину *ему* и не слѣдуетъ ли скорѣй скорбѣть о томъ, что одному изъ талантливѣйшихъ русскихъ людей приходилось тратить свои силы на работу, имъ несвойственную и ихъ недостойную? Балконъ, конечно, былъ маленькій, тѣсный и часто даже совершенно ненужный, но гигантъ оставался гигантомъ, и не его вина, что онъ не могъ приложить свою духовную и трудовую силу къ чему-нибудь бо̀льшему, ибо этого бо̀льшаго въ обиходѣ не оказывалось. Но въ глазахъ тѣхъ, кто зналъ Неклюдова, кто помнитъ его трудъ на пользу науки и мировой юстиціи, кто любовался его умомъ и зналъ про порывы его добраго, великодушнаго сердца, его энергическій и вмѣстѣ грустный образъ неизмѣнно всплываетъ въ памяти объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, который и родился и умеръ слишкомъ рано.

Въ первые мѣсяцы послѣ введенія мирового суда въ Петербургѣ я иногда заходилъ въ ближайшую къ моему обиталищу камеру мирового судьи Тизделя въ Стремянной улицѣ и даже раза два исполнялъ совершенно случайно у него роль переводчика. Одинъ разъ это было въ засѣданіи по дѣлу по обвиненію француженки-хозяйки кондитерской Crampon въ нарушеніи санитарныхъ правилъ. Тиздель, воспитанникъ бывшаго Дворянскаго полка, высокій и молодцоватый старикъ, хотѣлъ ограничиться объявленіемъ ей предостереженія, но она по-русски не понимала, и Тиздель добродушно обратился къ публикѣ съ вопросомъ, не найдется ли кого-нибудь, кто можетъ перевести это слово, такъ какъ онъ его тоже не знаетъ. Всѣ переглянулись и молчали, но, вѣроятно, по моему лицу онъ замѣтилъ, что я ищу это

слово, и воскликнулъ: «молодой человѣкъ, пожалуйте сюда къ столу!» а затѣмъ вполголоса спросилъ меня: «какъ?»—«Кажется—avertissement», отвѣчалъ я ему тихо. Онъ записалъ слово на бумажкѣ, поблагодарилъ меня и затѣмъ написалъ и торжественно произнесъ резолюцію, переведя ее съ грѣхомъ пополамъ на смѣсь французскаго съ нижегородскимъ и многозначительно повторивъ два раза слово «avertissement». Съ тѣхъ поръ онъ привѣтствовалъ меня, какъ знакомаго, и однажды разсказалъ мнѣ оригинальный случай, показывавшій, какой живой интересъ возбуждало къ себѣ разбирательство у мировыхъ судей. Два молодыхъ человѣка, желая на себѣ испытать впечатлѣніе разбирательства у мирового судьи, согласились принести одинъ противъ другого жалобу съ фиктивнымъ обвиненіемъ въ словесной обидѣ, будто бы въ оскорбленіи бранными словами на улицѣ, съ тѣмъ, что обиженный передъ постановленіемъ приговора заявитъ, что онъ прощаетъ обидчика, и дѣло прекратится. Все произошло какъ по писаному, но — не помню хорошенько — или молодые люди обнаружили свой замыселъ слишкомъ большой веселостью, или же Тиздель узналъ о немъ изъ какого-нибудь источника, но только, выслушавъ торжественное заявленіе потерпѣвшаго о томъ, что онъ прощаетъ оскорбителя своей чести, Тиздель, вѣроятно, тоже съ трудомъ скрывая улыбку, объявилъ, что онъ прекращаетъ дѣло объ оскорбленіи, но изъ заявленія обвинителя и признанія подсудимаго усматриваетъ ссору на улицѣ и нарушеніе общественной тишины (ст. 38 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями) и привлекаетъ ихъ обоихъ къ отвѣтственности, откладывая разбирательство дѣла до слѣдующаго засѣданія. «Вы можете себѣ представить,—сказалъ мнѣ Тиздель,—какъ вытянулись лица у этихъ господъ, вздумавшихъ разыграть судебную комедію. Они совсѣмъ растерялись, смотрѣли другъ на друга вопросительно и не знали, что̀ начать. По окончаніи засѣданія я, снявъ цѣпь, отозвалъ ихъ въ сторону и сказалъ имъ: «судомъ шутить не слѣдуетъ: это—забава опасная. А теперь идите съ миромъ: я не стану васъ судить, но помните, чѣмъ вы рисковали».

Первая моя активная встрѣча съ мировымъ судомъ произошла въ Харьковѣ, послѣ открытія тамъ новыхъ судебныхъ учрежденій, осенью 1867-го года. Я былъ назначенъ первоначально исполнять обязанности товарища прокурора Окружного Суда по двумъ уѣздамъ Харьковской губерніи — Валковскому и Богодуховскому. Разъ въ мѣсяцъ выѣзжалъ я на перекладной изъ Харькова въ Валки, куда пріѣзжалъ обыкновенно къ ночи, если только не было распутицы, и немедленно садился за дѣла, которыя должны были слушаться на другой день въ засѣданіи, продолжавшемся обыкновенно до вечера. Слѣдующій затѣмъ день я посвящалъ просмотру дѣлъ у слѣдователя и посѣщенію арестантскихъ помѣщеній, а затѣмъ выѣзжалъ въ Богодуховъ, гдѣ повторялось то же самое. Иногда это происходило наоборотъ, и я сначала отправлялся въ Богодуховъ, а потомъ уже въ Валки. Валки въ то время были маленькимъ городкомъ съ пятью тысячами жителей, лишеннымъ всякой оригинальной физіономіи. Его скорѣе можно было принять за большое село, если бы не обычный тюремный замокъ, сравнительно большое каменное зданіе, выкрашенное желтой краской, да домъ уѣздной земской

управы и красивый особнякъ предсѣдателя мирового съѣзда А. Р. Шидловскаго. Поѣздки въ Валки лѣтомъ и позднею осенью были довольно утомительны вслѣдствіе палящихъ лучей лѣтняго солнца и непролазной осенней грязи, когда пятьдесятъ съ чѣмъ-то верстъ приходилось ѣхать иногда около сутокъ, увязая колесами въ липкомъ черноземѣ и ночуя на неопрятныхъ клеенчатыхъ диванахъ маленькихъ станцій, а иногда лѣтомъ проводя, сверхъ того, долгіе часы томительнаго ожиданія на этихъ же станціяхъ во время Ильинской ярмарки въ Полтавѣ, вслѣдствіе недостатка въ лошадяхъ. Но зато весною дорога представляла картины, полныя невыразимой прелести украинской природы, когда всѣ фруктовыя деревья быстро одѣвались цвѣтами, надъ вспаханной землей явственно струился живительный воздухъ, и раздавалось несмолкаемое пѣніе жаворонковъ. А ночью, надъ дышащей тепломъ землей, раскидывался необъятный темно-синій сводъ съ дрожащимъ блескомъ яркихъ звѣздъ, и то тутъ, то тамъ горѣли костры остановившихся у дороги чумаковъ. Трудно бывало оторвать глаза отъ этой картины, пока, наконецъ, усталость не заставляла улечься въ сѣно на днѣ перекладной телѣжки и заснуть, несмотря на тряску и толчки, крѣпкимъ молодымъ сномъ. Теперь это пространство пролетаетъ менѣе, чѣмъ въ два часа времени, поѣздъ желѣзной дороги, снабженный плацкартами и спальными мѣстами, но едва ли молодому судебному дѣятелю, сидящему въ душномъ вагонѣ, приходится испытывать то полное мысли и чувства настроеніе, которое возбуждало въ мое время неудобное и одинокое странствованіе по этимъ самымъ мѣстамъ на перекладной, при чемъ приходилось наталкиваться совершенно неожиданно на поэтическія картины дѣйствительности. Одну изъ нихъ я живо помню до сихъ поръ. Часовъ въ шесть утра, въ іюльскій день, когда еще было не очень жарко, встрѣтивъ «Ильинскую» задержку въ лошадяхъ, я отправился бродить по селу и, услышавъ что-то въ родѣ музыки и пѣнія, пошелъ по направленію звуковъ къ небольшой группѣ тополей сзади милыхъ малороссійскихъ бѣлыхъ хатъ. За ними, на полѣнницѣ длинныхъ дровъ, сидѣли два слѣпца-кобзаря и съ ними мальчикъ, ихъ водившій. Они играли и пѣли тѣ украинскія рапсодіи, которыми такъ плѣнялъ впослѣдствіи любителей Остапъ Вересай. А кругомъ стояли, задумчиво понуривъ головы, старые хохлы въ высокихъ чоботахъ и рубахахъ съ прямымъ отложнымъ бѣлымъ воротникомъ, опираясь на свои «кіи». Пѣсни кобзарей звучали торжественной грустью, и эти поминки по быломъ, среди разгорающагося дня, при сосредоточенномъ вниманіи слушателей, производили глубокое впечатлѣніе. Не хотѣлось уходить, не хотѣлось оторваться отъ этой трогательной картины, казавшейся какимъ-то сномъ изъ далекаго, далекаго прошлаго...

Предсѣдательствовалъ въ Съѣздѣ и имѣлъ на судей большое вліяніе Александръ Романовичъ Шидловскій, — олицетворенное трудолюбіе, педантизмъ и корректность. Человѣкъ одинокій и богатый, онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ сказать, застегнутъ на всѣ пуговицы, и не только чуждъ обычной въ то время провинціальной фамильярности, но, совершенно наоборотъ, отъ его утонченной вѣжливости вѣяло холодомъ. Дѣло онъ велъ прекрасно и пользовался общимъ уваженіемъ, хотя его обычные послѣ засѣданія обѣды для участниковъ съѣзда тяготили всѣхъ своей торжественно-натянутой обстановкой и чопорной любезностью хозяина. Изъ мировыхъ

судей мнѣ наиболѣе памятенъ Николай Васильевичъ Почтеновъ, свѣдущій хозяинъ и весьма образованный человѣкъ. Онъ вносилъ въ нѣсколько формальное отношеніе членовъ Съѣзда къ разбиравшимся дѣламъ живую струю впечатлительной души, не чуждой, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ большой односторонности. Но въ общемъ дѣло правосудія было поставлено хорошо, и мѣстные жители относились къ Съѣзду съ довѣріемъ. Я имѣлъ случай не разъ въ этомъ убѣдиться во время бесѣдъ со многими изъ публики, наполнявшей залу засѣданій, подходившими ко мнѣ во время совѣщаній судей за совѣтами и указаніями, въ которыхъ я никогда не отказывалъ, считая, что это — одна изъ важныхъ нравственныхъ обязанностей товарища прокурора, предъявляющаго заключенія въ мировомъ Съѣздѣ.

Спокойныя и дружелюбныя отношенія мирового Съѣзда ко мнѣ, однако, были однажды нарушены довольно оригинальнымъ образомъ. У А. Р. Шидловскаго былъ братъ, генералъ-лейтенантъ Михаилъ Романовичъ, имѣвшій званіе почетнаго мирового судьи по Валковскому уѣзду и занимавшій должность тульскаго губернатора. Злые языки говорили, что нѣкоторыя его черты не ускользнули отъ проницательной наблюдательности Салтыкова-Щедрина, бывшаго въ Тулѣ предсѣдателемъ казенной палаты, и нашли себѣ мрачно-юмористическій отголосокъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ знаменитаго сатирика. Иногда онъ пріѣзжалъ къ брату въ Валки и принималъ участіе въ засѣданіяхъ мирового Съѣзда, при чемъ братъ уступалъ ему предсѣдательство. Картина засѣданія немедленно измѣнялась: оно велось tambour battant, съ окриками на тяжущихся и повѣренныхъ и съ начальственнымъ тономъ по отношенію къ судьямъ. Въ 1868 году мнѣ впервые пришлось давать заключеніе на Съѣздѣ подъ предсѣдательствомъ М. Р. Шидловскаго. Публичному засѣданію предшествовало распорядительное, во время котораго я не согласился съ его мнѣніемъ по какому-то процессуальному вопросу. Онъ сурово посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Удивляюсь, что такихъ молодыхъ людей (мнѣ не было тогда 24 лѣтъ) назначаютъ товарищами прокурора». На выраженное мною шутливое сожалѣніе, что министръ юстиціи сдѣлалъ очевидную ошибку, назначая меня, и на увѣреніе, что я съ каждымъ днемъ стараюсь исправиться отъ моего недостатка, онъ рѣзко отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, товарищу прокурора на съѣздѣ дѣлать нечего: судьи и безъ него знаютъ, какъ рѣшать дѣла, и ихъ нечего учить. «Вѣроятно, — сказалъ я, — составители Судебныхъ Уставовъ впали въ эту ошибку, полагая, что не вездѣ предсѣдателями съѣзда будутъ столь энергическія и свѣдущія лица, какъ ваше превосходительство». Шидловскій смѣрилъ меня съ головы до ногъ негодующимъ взоромъ, и мнѣ стало ясно, что намъ не миновать столкновеній. Какъ нарочно, по первому же уголовному дѣлу, которое слушалось въ публичномъ засѣданіи, новый непремѣнный членъ Съѣзда — по забывчивости или незнанію — не вызвалъ свидѣтелей, указанныхъ еще у мирового судьи и о допросѣ которыхъ ходатайствовалъ апелляторъ. Нашъ грозный предсѣдатель повелъ дѣло безъ дальнихъ церемоній и тотчасъ послѣ доклада, нетерпѣливо выслушавъ подсудимаго, потребовалъ моего заключенія. «Полагаю дѣло отложить слушаніемъ и вызвать свидѣтелей. — Ваше заключеніе по существу? — Я затрудняюсь его дать, такъ какъ для него нѣтъ достаточнаго матеріала. Подсудимый имѣетъ право

на основанiи ст. 159 У. У. С. просить о вызовѣ указанныхъ имъ мировому судьѣ свидѣтелей. Неисполненiе этой просьбы есть существенный поводъ къ отмѣнѣ приговора въ кассацiонномъ порядкѣ. — Это уже наше дѣло, а вы *должны* дать заключенiе по существу. — Я *долженъ* дѣйствовать сообразно съ закономъ, а такъ какъ на основанiи закона Съѣздъ обязанъ отложить дѣло для выслушанiя свидѣтелей, то я считаю несогласнымъ съ достоинствомъ носимаго мною званiя давать заключенiе по невполнѣ выясненнымъ обстоятельствамъ дѣла и при томъ такое, отъ котораго мнѣ при вторичномъ разбирательствѣ, быть-можетъ, пришлось бы отказаться, какъ отъ лишеннаго основанiя. — «Такъ вы отказываетесь дать заключенiе? — Да! — Рѣшительно? — Я не могъ удержаться отъ улыбки и сказалъ: Рѣшительно и безусловно. — «Очень хорошо-съ, очень хорошо!» —почти закричалъ Шидловскiй и, порывисто вставъ, удалился съ судьями въ совѣщательную комнату. Черезъ десять минутъ они вышли, и Шидловскiй, посмотрѣвъ на меня внушительно и строго, провозгласилъ резолюцiю: «дѣло слушанiемъ отложить, свидѣтелей вызвать, а объ отказѣ товарища прокурора дать заключенiе сообщить прокурору Окружного Суда». Какъ на грѣхъ, по слѣдующему дѣлу была допущена такая же неправильность непремѣннымъ членомъ, и я снова отказался дать заключенiе по существу. — «Вы опять!» съ негодующимъ изумленiемъ спросилъ Шидловскiй. — «Да, ваше превосходительство, опять!» — «Очень хорошо-съ!» — и вынесенная черезъ двѣ минуты резолюцiя гласила объ отсрочкѣ слушанiя дѣла и о вызовѣ свидѣтелей, но съ прибавкой: «а о поступкѣ товарища прокурора довести до свѣдѣнiя прокурора Судебной Палаты, прося къ слушанiю сихъ дѣлъ командировать другое лицо». Въ концѣ засѣданiя оказалось и третье такое дѣло, и мои дѣйствiя, вѣроятно, были бы переданы уже прямо министру юстицiи, но повѣренный жалобщика, очевидно, напуганный надвигавшейся бурей, поспѣшилъ заявить, что отъ вызова свидѣтелей отказывается. — «Что? что? и вы туда же?!» — закричалъ на него гнѣвный предсѣдатель, не сообразивъ его заявленiя. — «Я говорю, что я отказываюсь», — пролепеталъ опѣшенный повѣренный. «А-а! и прекрасно дѣлаете, и очень хорошо, что не затягиваете засѣданiя по пустякамъ!» — и въ мою сторону послѣдовалъ взглядъ укоризненный и вмѣстѣ торжествующiй. — «Вамъ опять не угодно будетъ дать заключенiе?»— Нѣтъ, на этотъ разъ я его обязанъ дать. — «Наконецъ-то!» воскликнулъ Шидловскiй — и вынесъ резолюцiю, согласную съ моимъ заключенiемъ. Наше разногласiе въ судебномъ засѣданiи очень взволновало скудное новостями уѣздное общество и было предметомъ многихъ легендарныхъ разсказовъ. Нечего и говорить, что «поступокъ» мой былъ признанъ совершено правильнымъ и что я продолжалъ давать заключенiя на Съѣздѣ въ Валкахъ. Но съ М. Р. Шидловскимъ мнѣ снова пришлось войти въ пререканiя уже въ качествѣ прокурора петербургскаго Окружного Суда и при томъ на аренѣ гораздо большаго общественнаго значенiя.

По неисповѣдимымъ судьбамъ русскаго печатнаго слова генералъ Шидловскiй — сколько мнѣ извѣстно совершенно чуждый литературѣ — былъ въ 1871 году назначенъ начальникомъ Главнаго управленiя по дѣламъ печати. Въ iюлѣ 1871 года, занимая должность прокурора петербургскаго Окружного суда, я получилъ сообщенiе петербургскаго цензурнаго комитета съ требованiемъ возбужденiя уголовнаго преслѣдованiя противъ редактора юмори-

стическаго журнала «Искра» по обвиненію его въ кощунствѣ, выразившемся въ напечатаніи въ теченіе истекшихъ четырехъ мѣсяцевъ двухъ стихотвореній кощунственнаго содержанія. Комитетъ сообщалъ, что обращается ко мнѣ съ такимъ, очевидно, запоздалымъ, требованіемъ, по указанію «высшаго начальства», и что, хотя статья 182 Улож. о наказ., карающая за кощунство, и не можетъ примѣняться буквально къ поступку редактора, такъ какъ въ ней говорится о язвительныхъ насмѣшкахъ надъ обрядами церкви, къ каковымъ нельзя отнести употребленныхъ «Искрою» выраженій, но что преслѣдованіе представляется необходимымъ для поддержанія принципа недозволительности кощунственныхъ выходокъ вообще. Въ присланныхъ комитетомъ нумерахъ «Искры», въ это время едва влачившей свое существованіе, были помѣщены два весьма слабыхъ по формѣ стихотворенія, въ одномъ изъ которыхъ горячіе поклонники только-что возникшаго ученія о непогрѣшимости папы взывали къ Господу о сохраненіи свѣтской власти римскаго первосвященника и о недопущеніи перенесенія столицы Италіи въ Римъ, призывая въ молитвенныхъ возгласахъ всѣ муки ада на итальянское правительство, состоящее «изъ супостатовъ и чадъ ереси, дерзающихъ взять въ десницу жезлъ свѣтской власти»; а въ другомъ, очевидно навѣянномъ недавнею франко-прусскою войною, говорилось, что духъ старины и обскурантизма воскресъ изъ праха и возобновилъ вѣкъ Скалозуба, и что, благодаря этому, опять вошелъ въ свои права милитаризмъ,—высшей доктриной во главѣ всѣхъ наукъ стала пушка, а общимъ идеаломъ—нѣмецкій капралъ, — при чемъ эти утвержденія оканчивались возгласомъ: «Воистину воскресъ»! Нужна была особая и предвзятая односторонность взгляда, чтобы въ этой грубоватой дани злобѣ дня усмотрѣть поруганіе обрядовъ христіанской вѣры. Поэтому я представилъ министру юстиціи, согласно закону о печати 1866 года, о томъ, что не считаю возможнымъ возбудить преслѣдованіе противъ «Искры», такъ какъ судъ и обвинительная власть должны имѣть дѣло съ конкретнымъ преступленіемъ, точно обозначеннымъ въ законѣ, и въ задачу послѣдней не входитъ привлеченіе кого-либо къ отвѣтственности безъ фактическихъ основаній, а лишь для поддержанія принципа недозволительности тѣхъ или другихъ выходокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я указывалъ на то, что подобный образъ дѣйствій неминуемо повлечетъ за собою оправдательный приговоръ и обратитъ, путемъ судебнаго разбирательства, вниманіе общества на легковѣсныя въ сущности стихотворенія, конечно, давно уже позабытыя немногочисленными читателями мало распространеннаго и давно утратившаго прежнее значеніе журнала. Копію съ моего представленія я послалъ въ цензурный комитетъ. Черезъ нѣкоторое время прокуроръ Судебной Палаты В. А. Половцовъ разсказалъ мнѣ, что при свиданіи съ начальникомъ Главнаго управленія по дѣламъ печати ему пришлось выслушать самыя ожесточенныя нападенія на меня со стороны генерала Шидловскаго, который доказывалъ ему, что я обязанъ начать преслѣдованіе, *не разсуждая*, и сказалъ въ заключеніе: «вашъ прокуроръ— не прокуроръ, а нигилистъ!»—«Вы, я думаю, не ожидали подобной оцѣнки?»— спросилъ меня, смѣясь, Половцовъ. — «Напротивъ, — отвѣтилъ я, — именно ничего другого я не ожидалъ»—и я разсказалъ исторію валковскаго столкновенія и памятныхъ мнѣ словъ: «вы опять?!».

Мировой Съѣздъ въ Богодуховѣ имѣлъ иной характеръ, чѣмъ въ Валкахъ. Онъ былъ гораздо хуже обставленъ матеріально и вообще, повидимому, какъ и всѣ новыя судебныя учрежденія, былъ не по вкусу вліятельнымъ мѣстнымъ заправиламъ. О скучной торжественности валковскаго гостепріимства тутъ не было и рѣчи, а обстановка судебныхъ засѣданій была болѣе чѣмъ скудная, и зимой приходилось засѣдать почти что въ полутьмѣ. Особенно это сказывалось во время выѣздныхъ сессій Окружного Суда. Но составъ мировыхъ судей былъ нѣсколько другой, чѣмъ въ Валкахъ. Въ общемъ это были люди болѣе молодые, живые и воспріимчивые, да и дѣла въ этомъ уѣздѣ были болѣе сложныя и разнообразныя. Здѣсь мнѣ пришлось первый разъ въ жизни выступить публично, въ качествѣ товарища прокурора, въ началѣ января 1868 года. Наканунѣ публичнаго засѣданія было распорядительное, въ которое собрались всѣ почетные и участковые судьи. Всѣ очень интересовались новымъ дѣломъ и установленіемъ правилъ внутренняго распорядка, которыя должны были составить предметъ особаго наказа. Въ числѣ присутствовавшихъ былъ почетный мировой судья Сливицкій, старикъ съ широкимъ румянымъ лицомъ, густыми украинскими усами и шапкою сѣдыхъ курчавыхъ волосъ надъ добродушными, старческими, выцвѣтшими глазами. Онъ былъ одѣтъ въ какой-то казакинъ надъ широчайшими брюками верблюжьяго сукна, и отъ всей его фигуры такъ и вѣяло Гоголевскимъ Миргородомъ. Онъ смотрѣлъ на худенькаго и очень моложаваго товарища прокурора, которому приходилось давать рядъ разъясненій по разнымъ вопросамъ, не съ высокомѣрнымъ удивленіемъ генерала Шидловскаго, но съ добродушнымъ изумленіемъ человѣка, любознательно вглядывающагося въ нѣчто, дотолѣ имъ невиданное. Онъ сопровождалъ мои заключенія одобрительными возгласами и жестами и по временамъ торжествующе смотрѣлъ на остальныхъ судей, когда они соглашались съ моими мнѣніями. Въ концѣ совѣщанія онъ всталъ съ своего мѣста, тяжелыми шагами подошелъ ко мнѣ и совершенно неожиданно погладилъ меня широкой и теплой ладонью по головѣ, какъ гладятъ маленькихъ дѣтей. Въ этомъ жестѣ было столько нѣжнаго сочувствія, что онъ меня совершенно растрогалъ. Но — увы! — я не могъ предвидѣть, предвѣстіемъ чего служило это наивное выраженіе симпатіи. На другой день въ первое публичное засѣданіе съѣзда мировыхъ судей богохранимаго Богодуховскаго уѣзда собрались всѣ представители мѣстнаго «общества», и съѣхались окрестные помѣщики. Въ небольшой залѣ засѣданія яблоку негдѣ было упасть; были дамы и офицеры квартировавшаго въ городѣ 11-го одесскаго уланскаго полка. Первымъ разбиралось дѣло по обвиненію нѣсколькихъ парубковъ въ кражѣ яблоковъ и хомутовъ изъ конюшни и погреба хозяина постоялаго двора. Товарищу прокурора было отведено мѣсто за особымъ столикомъ, въ сторонѣ отъ судейскаго стола, за которымъ съ краю, ближе всѣхъ, спиною ко мнѣ сидѣлъ Сливицкій, замѣнившій свой просторный казакинъ широко расходившимся на могучей груди старымъ дворянскимъ мундиромъ съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, чуть не до ушей. Предсѣдатель, отставной военный, Бискупскій, велъ засѣданіе весьма толково, но вдругъ между допросомъ двухъ свидѣтелей Сливицкій громко и наставительно сказалъ, обращаясь къ подсудимымъ и къ публикѣ: «Э-э-эхъ! ну, яблоки—это уже Богъ проститъ, а вотъ хомутъ—это нехорошо». Я встревоженно взглянулъ на предсѣдателя, и тотъ, конечно,

понявъ всю неумѣстность высказыванія судьей до окончанія публичнаго разбора дѣла своего мнѣнія и при томъ въ такой своеобразной формѣ, сказалъ на ухо сосѣду нѣсколько словъ. Сосѣдъ сдѣлалъ то же самое по отношенію къ своему сосѣду, и такъ оно и пошло, покуда послѣдній изъ числа сидѣвшихъ рядомъ лицъ не наклонился къ уху Сливицкаго, благодушно разглядывавшаго публику и что-то прошепталъ ему. «А!—возгласилъ тотъ,—нельзя? Ну, не буду, виноватъ, не буду... А только яблоки — вѣдь это сущіе пустяки!» Наконецъ, настало время выслушать заключеніе товарища прокурора. «Господинъ товарищъ прокурора,—обратился ко мнѣ предсѣдатель, — не угодно ли вамъ дать заключеніе по настоящему дѣлу?» Всѣ взоры обратились на меня, и въ залѣ наступила мертвая тишина. Я понялъ въ эту минуту, что значитъ нѣмецкое выраженіе: «man hört wie die Wolken ziehen». Сердце мое сжалось и затѣмъ забилось около самаго горла, руки похолодѣли и сдѣлались влажными... Я всталъ, но нѣсколько секундъ, показавшихся мнѣ часами, не могъ отъ волненія сказать ни одного слова. Наконецъ, я все-таки овладѣлъ собою и только-что почувствовалъ себя въ состояніи говорить, какъ Сливицкій повернулся на своемъ мѣстѣ лицомъ ко мнѣ, положилъ руки на колѣни, озарился широчайшей улыбкой и, устремивъ на меня умильный взоръ, сказалъ нѣжно-поощрительнымъ тономъ: «а ну! а ну! послушаемъ, послушаемъ!» Этимъ онъ меня окончательно выбилъ изъ сѣдла, и я снова потерялъ способность говорить. Но затѣмъ все вошло въ свою колею.

Между богодуховскими судьями былъ одинъ, теплое воспоминаніе о которомъ живетъ въ моей душѣ. *Иванъ Ивановичъ Каразинъ,* племянникъ знаменитаго основателя харьковскаго Университета, соединялъ въ себѣ съ любящею простотою русскаго сердца чрезвычайно рѣдкую у насъ настойчивость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и упорство въ трудѣ. Эти цѣли были — благо родной земли, этотъ трудъ былъ посвященъ культурѣ и въ смыслѣ творчества и въ смыслѣ борьбы съ бытовыми невзгодами. Подъ его красивой, мужественной наружностью и мягкимъ, связаннымъ съ незлобивымъ юморомъ, обращеніемъ скрывались черты настоящаго піонера цивилизаціи. Его вѣчно тревожили мысли объ улучшеніяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, о борьбѣ съ пожарами, объ удобной, дешевой замѣнѣ соломенныхъ «стрѣхъ» огнеупорными черепичными крышами, — а все свободное отъ этихъ тревогъ и семейныхъ заботъ время онъ посвятилъ на устройство и дальнѣйшее разведеніе въ своемъ имѣніи, близъ заштатнаго города Краснокутска, огромнаго и образцоваго ботаническаго и помологическаго сада. Кто видѣлъ этотъ садъ, гдѣ были акклиматизированы самыя разнообразныя и рѣдчайшія растенія, собранныя и расположенныя съ систематической красотой, — кому пришлось употребить нѣсколько часовъ на то, чтобы обойти этотъ очаровательный оазисъ среди степей, — и кто припомнилъ при этомъ, что все это есть дѣло самоотверженнаго и безкорыстнаго труда одного человѣка, тотъ не могъ не преклониться предъ почтеннымъ старцемъ, пышная черная борода котораго съ годами побѣлѣла и стройный станъ согнулся, но въ чьихъ глазахъ свѣтился огонь молодой энергіи и того «въ человѣцѣхъ благоволенія», которое такъ украшаетъ богатую трудомъ и чистую старость. Мы встрѣтились съ нимъ черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ того, какъ работали вмѣстѣ въ Мировомъ Съѣздѣ, и воспоминанія того далекаго и счастливаго

времени взволновали насъ обоихъ... И отъ Судебныхъ Уставовъ, которымъ въ то время служили мы оба съ беззавѣтной вѣрою въ ихъ прочность, и отъ земскихъ учрежденій, на службѣ которыхъ провелъ много лѣтъ Каразинъ, мало осталось не искалѣченнаго и не измятаго. Но Каразинъ не падалъ духомъ и среди пустыни безлюдья и обычнаго безправія продолжалъ черпать утѣшеніе въ золотыхъ снахъ шестидесятыхъ годовъ, хотя иногда и на него находили минуты горькаго разочарованія. «Я только-что вернулся въ Основянцы, — писалъ онъ мнѣ 2 іюля 1901 года, — пріѣхалъ измученный душою и разбитый, но начинаю возстановляться живительнымъ воздухомъ; право, для сосредоточенной, покойной жизни лучшаго искать не надо, ежели бы столь многое кругомъ и сверху не отравляло существованія. Какъ ни стараешься примириться съ неизбѣжнымъ, въ концѣ концовъ беретъ злость, досада и желаніе бросить все и уйти куда-нибудь въ глушь, въ лѣса или горы, гдѣ и голоса человѣческаго не было бы слышно. Чего стоитъ одна безконтрольная отдача честныхъ и работающихъ людей въ руки плутократовъ. Я такъ возмущенъ тѣмъ, что слышалъ и видѣлъ въ городѣ, что не могу спокойно не только говорить, но и думать объ этомъ! Неужели все, что̀ только имѣетъ возможность дѣлать зло этой несчастной Россіи, можетъ его дѣлать безпрепятственно? Ну, какъ же не противно жить среди всего этого разврата? И просто не на чемъ отдохнуть! Ну, развѣ не возмутительно постановленіе московскаго общества трезвости о Толстомъ? И это въ XX столѣтіи... И гдѣ же? Въ Москвѣ, промышленномъ и интеллигентномъ центрѣ Россіи?!...»

Черезъ два года послѣ этого слабое здоровье и лѣта взяли свое. Негодующее сердце Каразина успокоилось. Онъ лежитъ теперь въ уютномъ уголкѣ своего сада, гдѣ надъ мѣстомъ вѣчнаго покоя для малоизвѣстнаго труженика родной культуры тихо шумятъ и качаютъ вершинами взлелѣянныя имъ деревья.

Харьковскій городской Мировой Съѣздъ, имѣвшій прекрасное собственное помѣщеніе, былъ лучшимъ, по отношенію къ порученному ему дѣлу, изъ всѣхъ видѣнныхъ мною съѣздовъ. И составъ участковыхъ судей, и проникнутое сознаніемъ долга отношеніе къ своему званію многихъ изъ судей почетныхъ, и прекрасные предсѣдатели — все соединилось, чтобы создать изъ этого Съѣзда не только мѣсто отправленія истиннаго правосудія, но и своего рода школу для нравственнаго и правового развитія мѣстнаго населенія. Благодаря этому, въ мое время, засѣданія Съѣзда, бывавшія по вечерамъ два раза въ недѣлю, посѣщались публикой съ неменьшимъ интересомъ, чѣмъ засѣданія Окружного Суда. Мнѣ пришлось давать въ этомъ Съѣздѣ заключенія въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ и не разъ возвращаться поздно вечеромъ домой въ приподнятомъ настроеніи духа, которое вызывалось сознаніемъ, что дорогое сердцу дѣло мировой юстиціи идетъ не только успѣшно и цѣлесообразно, но по большей части, на самый строгій взглядъ, «безъ сучка и задоринки». Оставляя Харьковъ при переходѣ на службу въ Петербургъ, я съ наибольшею скорбью разставался именно съ этимъ Съѣздомъ, и до сихъ поръ скромный письменный приборъ — подарокъ мировыхъ судей, — поставленный на моемъ столикѣ въ день послѣднихъ заключеній, вызываетъ во мнѣ теплыя и ничѣмъ не омраченныя воспоминанія. Въ мое время предсѣдателями были Алексѣй Дмитріевичъ *Чепелкинъ*,

впослѣдствіи городской голова города Харькова, и профессоръ Даніилъ Михайловичъ *Деларю*. Первый изъ нихъ, бывшій откупной дѣятель, умѣлъ искренно «совлечь съ себя ветхаго Адама» и съ увлеченіемъ отдаться безкорыстной и безупречной общественной дѣятельности, въ которую вносилъ свой бодрый и живой темпераментъ; второй отличался огромнымъ трудолюбіемъ и, никогда не забывая, что онъ только primus inter pares, пріобрѣлъ большой авторитетъ между судьями. При мысли о харьковскомъ Съѣздѣ передо мною проходитъ рядъ именъ почетныхъ судей, вызывавшихъ въ ближайшихъ къ нимъ современникахъ чувство глубокаго уваженія. Таковъ былъ Владиміръ Акимовичъ *Кочетовъ*, бывшій ректоръ Университета, человѣкъ выдающагося душевнаго благородства, отдавшій много времени, труда и сердечныхъ заботъ попеченію о малолѣтнихъ преступникахъ. Таковы были: ректоръ Университета *Щелковъ* и мудрый и вмѣстѣ съ тѣмъ горячій земскій дѣятель— Егоръ Степановичъ *Гордѣенко*, извѣстный своею непреклонной борьбою съ злоупотребленіями и хищническими инстинктами Поляковскаго желѣзнодорожнаго строительства. Таковъ былъ, наконецъ, незабвенный докторъ *Франковскій*, во многихъ отношеніяхъ напоминавшій собою доктора Гааза. Никого изъ нихъ ужъ нѣтъ въ живыхъ, но я, ихъ старый и младшій по лѣтамъ сослуживецъ, оглядывая свой пройденный *почти пятидесятилѣтній судебный* путь, благодарю судьбу за встрѣчу и общеніе съ ними и за это готовъ ей искренно простить тяжелыя минуты, пережитыя отъ встрѣчъ и вынужденнаго общенія съ людьми другого сорта.

Конечно, въ семьѣ было не безъ урода, но такихъ было мало. Нося званіе почетныхъ судей, они являлись въ засѣданія только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, когда имъ казалось, что ихъ голосъ можетъ дать торжество тому, что̀ они, въ своемъ ослѣпленіи или близорукости, считали судебной правдой. Изъ нѣсколькихъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, подобныхъ случаевъ мнѣ особенно памятенъ одинъ. Въ Харьковѣ завелась нѣкая дочь полковника Полѣшко, принявшая на себя любезное посредничество между такъ называемыми «мышиными жеребчиками» изъ поживших достаточныхъ людей и несчастными дѣвочками, едва перешедшими тотъ четырнадцатилѣтній возрастъ, послѣ котораго пользованіе ихъ невѣжествомъ, легкомысліемъ или зависимостью для плотскаго сближенія переставало, по закону, носить грозное названіе «растлѣнія». Когда ея изящно обставленный притонъ былъ обнаруженъ, она предстала предъ мировымъ судьей по обвиненію въ сводничествѣ и была приговорена къ высшей мѣрѣ наказанія, т.-е. къ мѣсяцу ареста. Но почтенная дѣятельница, услугами которой многіе не считали предосудительнымъ пользоваться, не сложила оружія. Она обратилась къ услугамъ молодого, талантливаго юриста, начинавшаго свою адвокатскую карьеру и ставшаго на ту опасную для защитника дорогу, на которой руководящей нитью служитъ не вопросъ о томъ, *что* защищать, а лишь о томъ, *какъ* защищать. Она распространила вмѣстѣ съ тѣмъ между встревоженными посѣтителями своего мирнаго убѣжища слухъ о томъ, что, въ случаѣ утвержденія приговора мирового судьи, она будетъ такъ оскорблена этой несправедливостью, что покинетъ навсегда городъ, гдѣ ее не умѣли цѣнить. Слухъ этотъ возымѣлъ свое дѣйствіе, и въ день засѣданія въ публикѣ и даже за судейскимъ столомъ оказались необычные посѣтители, настроенные сочувственно къ бѣдной женщинѣ, которую «преслѣдуютъ»,

возводя на нее раздутое обвиненіе, основанное на показаніяхъ четырехъ «дѣвчонокъ», которыя едва ли сами понимаютъ, что̀ говорятъ. Защитникъ госпожи Полѣшко въ порывѣ наемнаго краснорѣчія, котораго онъ самъ — къ чести его надо сказать—впослѣдствіи стыдился, въ длинной рѣчи доказывалъ, что подсудимая служила потребности, предъявляемой самимъ обществомъ, и что поэтому общество не имѣетъ права ее осуждать. Въ это время уже начиналъ входить въ употребленіе недостойный пріемъ, состоящій въ приведеніи, въ качествѣ рѣшительнаго и окончательнаго аргумента, святыхъ словъ Спасителя, приплетаемыхъ къ дѣлу съ явнымъ извращеніемъ ихъ дѣйствительнаго смысла. Такой пріемъ достигъ своего апогея въ знаменитомъ процессѣ Струсберга и въ другомъ тоже громкомъ процессѣ, гдѣ защитникъ, оправдывая подсудимую — женщину, къ которой примѣнимы были слова Пушкинскаго импровизатора: «la regina an aveva molti» — обвинявшуюся въ покушеніи на предумышленное убійство жены своего любовника, вернувшейся подъ супружескій кровъ по призыву мужа, — просилъ присяжныхъ поступить по примѣру Христа, который сказалъ грѣшницѣ: «прощаются тебѣ грѣхи твои мнози, зане возлюбила много», лукаво примѣняя слово «много» тамъ, гдѣ дозволительно было бы сказать лишь слово «многихъ». И рѣчь свою по дѣлу Полѣшко защитникъ окончилъ обращеніемъ къ судьямъ, прося у нихъ оправданія подсудимой и напоминая имъ слова Христа: «пусть тотъ, кто менѣе грѣшенъ, чѣмъ она, броситъ въ нее первый камень». Пришлось въ заключеніи по дѣлу сказать, что время, когда предъ строгимъ и нелицепріятнымъ судомъ сводни будетъ сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ виновное общество, еще не наступило, и что приходится примѣнять законъ, карающій, къ сожалѣнію, непростительно слабо, людей, ввергающихъ въ погибель незрѣлую юность, по точному его смыслу и въ условіяхъ современности. А относительно цитаты изъ Евангелія я долженъ былъ напомнить Съѣзду, что приведенныя защитникомъ слова Искупителя относились къ блудницѣ, а не къ сводницѣ, и что ихъ умѣстно было бы привести лишь въ томъ случаѣ, если бы, по какому-либо заблужденію правосудія, здѣсь судились несчастныя жертвы госпожи Полѣшко — и указать защитнику, что цитировать мѣста изъ священной и вѣчной книги надо, по крайней мѣрѣ, съ такою же точностью, какъ кассаціонныя рѣшенія, и что къ настоящему дѣлу относятся совсѣмъ другія, грозныя слова: «невозможно соблазну не притти въ міръ, но горе тѣмъ, черезъ кого онъ приходитъ» и «аще кто изъ васъ соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ, да обѣсится жерновъ о̀сельный на выи его и потонетъ въ пучинѣ морской». Съѣздъ согласился съ моимъ заключеніемъ, и госпожа Полѣшко, отбывъ свой арестъ въ такъ-называемомъ «Петиномъ домѣ», покинула Харьковъ.

Мнѣ вспоминается характерный эпизодъ по другому дѣлу, гдѣ предъ Съѣздомъ предстало нѣсколько студентовъ, проявившихъ свое нетрезвое молодечество въ излюбленномъ въ старые годы видѣ буйства, называвшемся «разбитіемъ дома терпимости». Мировой судья не раздѣлилъ проводимой передъ нимъ, а впослѣдствіи и въ Съѣздѣ, теоріи сентиментальнаго попустительства отвратительному проявленію насилія во имя лицемѣрнаго сочувствія въ этомъ случаѣ къ молодежи, въ которой, будто бы, «кровь кипитъ и силъ избытокъ». Въ засѣданіи Съѣзда было много учащихся молодыхъ людей. Въ заключеніи своемъ я поддерживалъ довольно строгій приговоръ миро-

вого судьи и, въ виду приведенныхъ выше возраженій противъ него, сказалъ нѣсколько словъ суроваго осужденія по адресу героевъ подобныхъ безчинствъ, позорящихъ званіе студента. Въ публикѣ послышался ропотъ неудовольствія, и, когда судьи ушли совѣщаться, а мнѣ пришлось пробираться сквозь тѣсную толпу къ моему маленькому кабинетику въ помѣщеніи съѣзда, я почувствовалъ толчокъ локтемъ въ бокъ. Я остановился и сказалъ, не оборачиваясь въ сторону, откуда исходилъ этотъ толчокъ, сопровождавшійся дальнѣйшимъ грубымъ нажатіемъ: «И вамъ не стыдно?» Локотъ опустился, и надъ ухомъ моимъ прозвучали сказанныя вполголоса слова: «ради Бога, не оборачивайтесь: мнѣ, дѣйствительно, стыдно». И затѣмъ какая-то фигура двинулась впереди меня и, говоря: «господа, пропустите! пропустите, господа!»—стала плечами раздвигать толпу, занятую взволнованнымъ разговоромъ, и, открывъ мнѣ дорогу до дверей, къ которымъ я направлялся, не оборачиваясь затерялась въ публикѣ.

Между мировыми судьями перваго трехлѣтія были люди, боявшіеся ошибки въ новомъ и нравственно-отвѣтственномъ дѣлѣ и поэтому иногда проявлявшіе мало собственнаго почина и не всегда достаточную критику по отношенію къ полицейскимъ и административнымъ актамъ въ дѣлахъ, гдѣ таковые клались въ основу обвиненія. Но Съѣздъ, куда поступали такія дѣла, вносилъ въ ихъ разсмотрѣніе свѣжую мысль и широкое толкованіе закона, и приговоры его, по крайней мѣрѣ, за первое трехлѣтіе, были по большей части образцовыми по разработкѣ и проникавшему ихъ духу истинной справедливости. Задачи мировой юстиціи въ это время были очень важны и сложны. Возникшій вмѣсто полицейской расправы новый судъ въ лицѣ «мирового» долженъ былъ подчасъ уподобляться римскому претору, который и jus dicit, и jus facit. Это было тѣмъ труднѣе, что кассаціонная практика была еще очень мало развита. Надо было не только пріучать народъ, пребывавшій цѣлые вѣка въ туманѣ безсудья, къ правовымъ понятіямъ и процессуальнымъ формамъ, но и дѣлать это такъ, чтобы внушать къ себѣ довѣріе. И харьковскій мировой судъ исполнялъ эту задачу съ очевиднымъ успѣхомъ, хотя, конечно, бывали случаи, гдѣ юридическая правда рѣшеній въ головѣ тяжущагося или обвиняемаго никакъ не могла примириться съ тѣмъ, что̀ ему казалось житейской правдой. Пріѣхавъ въ Харьковъ, я услышалъ ходячій анекдотическій разсказъ объ одномъ изъ первыхъ засѣданій Съѣзда почти тотчасъ вслѣдъ за его открытіемъ, когда пришлось разсматривать апелляціонную жалобу городского пастуха (чабана) на приговоръ мирового судьи, присудившаго его къ штрафу въ десять рублей за оскорбленіе одного изъ подпасковъ, названнаго имъ дуракомъ («дурнымъ») и котораго, очевидно, кто-то подучилъ пожаловаться на старика. Разсказывали, что представшій предъ судьями высокій и типическій старый малороссъ никакъ не могъ понять, въ чемъ его обвиняютъ, говоря, что назвалъ бы парубка разумнымъ, если бы онъ былъ такимъ, но такъ какъ онъ дуракъ, то онъ и сказалъ ему: «Тю! дурный». Онъ былъ такъ увѣренъ въ своей житейской правотѣ, что, когда съѣздъ вынесъ обвинительный приговоръ, смягчивъ ему штрафъ до самой низшей мѣры, то онъ изумленно спросилъ предсѣдателя по-малороссійски: «Такъ мнѣ же и платить? да за что?» — «За то, что вы обругали». — «Нѣтъ, я его не ругалъ, а я только сказалъ, что̀ онъ «дурный». Да вѣдь онъ дуракъ какъ есть,

какъ же его называть?» — «Не повторяйте этихъ оскорбленій, — сказалъ предсѣдатель: — можете идти: дѣло кончено». — Старикъ переступилъ съ ноги на ногу, помолчалъ и потомъ съ лукавой улыбкой, будто бы, спросилъ: «а позвольте узнать: если неразумнаго человѣка, совсѣмъ какъ есть неразумнаго, назвать разумнымъ, за это ничего не будетъ? и платить ничего не треба?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, низко поклонился Съѣзду, почтительно сказавъ: «Ну, спасибо вамъ, разумные панове судьи, что вы меня, «дурного», научили».

Перейдя въ 1871 году въ Петербургъ изъ Казани на должность прокурора Окружного Суда, я засталъ составъ мировыхъ судей второго трехлѣтія, но, занятый своими сложными обязанностями, мало имѣлъ случая входить съ ними въ личныя отношенія. Въ общемъ составъ продолжалъ быть очень хорошимъ, но мои личныя знакомства ограничивались лишь нѣсколькими почетными мировыми судьями этого времени (Лихачевымъ, Квистомъ и др.) и двумя участковыми — моимъ товарищемъ по университету и впослѣдствіи предсѣдателемъ мирового съѣзда К.—и Александромъ Ивановичемъ *Барановскимъ*. Лихорадочно-подвижный идеалистъ, съ чистой и нѣжной душой, довѣрчивый и подчасъ наивный, какъ дитя, Барановскій былъ *иногда* немалымъ путаникомъ въ дѣлахъ, но очень часто, разрѣшая ихъ болѣе по естеству, чѣмъ по закону, являлся безсознательно тѣмъ, чѣмъ былъ впослѣдствіи во Франціи прославленный за то же самое французскій президентъ суда въ Château Thierry Magnaud. Замѣчательно, что при этомъ онъ считалъ себя глубокимъ житейскимъ практикомъ и знатокомъ Судебныхъ Уставовъ, понимаемыхъ имъ нерѣдко весьма своеобразно. Но эти недостатки искупались высокой прямотой характера, всегда безусловно благородными побужденіями и горячею любовью къ общественной дѣятельности. Онъ очень дорожилъ правомъ мирового судьи самому усматривать проступки и возбуждать преслѣдованія,—правомъ, которымъ у насъ начинаютъ все менѣе и менѣе пользоваться, предпочитая «спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ» и ожидать, что полиція усмотритъ, что̀ слѣдуетъ, и составитъ надлежащій протоколъ. Между тѣмъ такое право въ отношеніи нарушеній общественной нравственности и всякаго рода безстыдства даетъ судьѣ въ руки драгоцѣнное оружіе моральнаго воздѣйствія. Въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ мы были еще далеки отъ нынѣшнихъ—необузданной вакханаліи безвозбраннаго исполненія грязныхъ жестовъ и картинъ на сценѣ и на экранѣ кинематографа,—всевозможнаго оголенія подъ лицемѣрнымъ флагомъ поклоненія красотѣ,—двусмысленныхъ объявленій въ газетахъ,—теоріи и методики разврата въ quasi-медицинскихъ книгахъ и безчестной порнографіи, дерзающей себя именовать литературой. Но кое-что въ этомъ родѣ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, существовало и тогда и пробовало свить себѣ гнѣздо въ увеселительныхъ театрахъ Берга и «Буффъ». Въ первомъ изъ нихъ подвизалась, грубо возбуждая чувственные инстинкты, французская безголосая куплетистка Луиза Филиппо. Не довольствуясь мало завидными лаврами, она стала выводить на сцену свою одиннадцатилѣтнюю племянницу, Викторію Филиппо, и бѣдный ребенокъ началъ пѣть тѣ же куплеты, какъ и тетка, и выдѣлывать своимъ худенькимъ, несложившимся тѣльцемъ тѣ же движенія, какъ она. Часть публики возмущалась, а часть находила особый смакъ въ противоположности эротической мимики съ невинными дѣтскими глазами и тонкимъ голос-

комъ, дѣлавшимъ заученныя интонаціи и паузы, быть-можетъ, въ непониманіи ихъ истиннаго смысла. Когда товарищъ прокурора Безродный вполнѣ подтвердилъ дошедшіе до меня въ этомъ отношеніи слухи и указалъ свидѣтелей, я вызвалъ къ себѣ мѣстнаго участковаго пристава и въ краткихъ, но вразумительныхъ словахъ объяснилъ ему, что при первомъ повтореніи подобнаго представленія со стороны Викторіи Филиппо я возбужу противъ ея тетки и Берга обвиненіе по 993 ст. Улож. о наказ., говорящей о развращеніи малолѣтнихъ, а о его служебномъ попустительствѣ сообщу градоначальнику Трепову. Это возымѣло надлежащее дѣйствіе, и дѣвочка перестала канканировать на сценѣ, но зато «тетушка» Луиза Филиппо и другая шансонетная пѣвица Бланшъ-Гандонъ на сценѣ театра «Буффъ» «поддали пару». Зайдя въ этотъ театръ, А. И. Барановскій былъ справедливо возмущенъ поведеніемъ и костюмомъ этихъ госпожъ и возбудилъ противъ нихъ преслѣдованіе по 43 ст. Улож. о наказ. за безстыдныя, соединенныя съ соблазномъ для другихъ, дѣйствія. «Если,—говорилось въ приговорѣ судьи, присуждавшемъ «артистокъ» къ штрафамъ въ 100 и 50 р., — публичныя народныя зрѣлища, дѣйствующія только на грубые инстинкты человѣческой природы, какъ, напримѣръ, кровавыя зрѣлища борьбы людей и животныхъ, не должны допускаться въ благоустроенномъ обществѣ, то тѣмъ менѣе могутъ быть терпимы такія зрѣлища, въ которыхъ мужчина и женщина низводятся на степень животныхъ, публично проявляющихъ только грубый инстинктъ половыхъ стремленій». Противъ Барановскаго въ разныхъ клубахъ и мелкой прессѣ былъ поднятъ цѣлый походъ. Его осыпали насмѣшками и рисовали на него каррикатуры. Но мировой Съѣздъ и кассаціонный Сенатъ поддержали судью, имѣвшаго смѣлость проявить властное негодованіе противъ вреднаго безстыдства. Домашнія обстоятельства заставили его въ концѣ семидесятыхъ годовъ переселиться въ Москву, и тревожные годы, проведенные имъ въ обстановкѣ, далекой отъ скромной, но богатой внутреннимъ содержаніемъ дѣятельности мирового судьи, конечно, не дали ему того нравственнаго удовлетворенія, которое доставляла покинутая судейская служба, вспоминаемая имъ до конца дней съ любовью и сожалѣніемъ.

Въ 1877 году, расходясь съ министромъ юстиціи графомъ Паленомъ, при всемъ уваженіи къ его личнымъ свойствамъ, въ нѣкоторыхъ существенныхъ взглядахъ, а также до крайности тяготясь службой въ центральномъ управленіи Министерства Юстиціи и тоскуя по работѣ въ дѣйствующей судебной арміи, я вознамѣрился баллотироваться въ столичные участковые мировые судьи и для этого пріобрѣлъ себѣ — случайно по весьма дешевой цѣнѣ — необходимый цензъ въ отдаленныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи. Вслѣдъ затѣмъ, однако, измѣненіе внутренней организаціи кассаціоннаго Сената (раздѣленіе на отдѣленія), связанное съ особымъ увеличеніемъ числа сенаторовъ, вызвало сильное движеніе въ судебномъ вѣдомствѣ, и мнѣ было предложено мѣсто прокурора харьковской Судебной Палаты. Отчасти по соображеніямъ, которыя заставляли меня думать объ уходѣ въ мировые судьи, а также и въ виду моихъ педагогическихъ занятій (лекціи уголовнаго судопроизводства въ Училищѣ правовѣдѣнія) и весьма цѣнимой мною близости къ тогдашнему кружку «Вѣстника Европы», гдѣ я постоянно встрѣчался съ Гончаровымъ, Кавелинымъ, Пыпинымъ и Спасовичемъ, а иногда и съ Тургеневымъ—я отказал-

ся отъ предложеннаго мнѣ поста въ прокуратурѣ, указавъ, что моимъ наклонностямъ болѣе соотвѣтствовало бы званіе судьи. Тогда мнѣ было предложено занять должность предсѣдателя петербургскаго Окружного Суда, которая должна была сдѣлаться вакантной черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Возможность стать предсѣдателемъ суда, при которомъ я такъ долго состоялъ прокуроромъ, и не покидать при томъ Петербурга, улыбалась мнѣ до крайности, и мысль объ участковомъ мировомъ судьѣ была оставлена. Но у меня оставался цензъ—1.200 десятинъ гдѣ-то «въ мѣстѣ пустѣ, въ мѣстѣ безплоднѣ, мѣстѣ безводнѣ», и я рѣшился баллотироваться въ почетные мировые судьи города Петербурга.

Вслѣдъ за избраніемъ меня въ столичные почетные судьи, я былъ избранъ почетнымъ судьею по Петербургскому уѣзду и по Петергофскому уѣзду съ городомъ Кронштадтомъ, такъ что, съ точки зрѣнія упомянутаго выше буйнаго обывателя, сидѣлъ сразу на трехъ цѣпяхъ. Первое же засѣданіе петербургскаго Съѣзда, распорядительное, о направленіи дѣлъ по жалобамъ на мировыхъ судей въ дисциплинарномъ порядкѣ, связано для меня съ довольно тяжелымъ воспоминаніемъ. Между участковыми судьями былъ мировой судья *Трофимовъ*, пользовавшійся большой популярностью. Крупный старикъ воинственнаго вида, съ сѣдой курчавой головой и большими усами, въ товарищескомъ кругу онъ былъ неоцѣненнымъ разсказчикомъ и оживленнымъ собесѣдникомъ на обѣдахъ, во время которыхъ декламировалъ довольно нескладные стихи собственнаго сочиненія, приличные случаю. Ходили слухи, что онъ держитъ себя чрезвычайно развязно въ судебномъ засѣданіи, шутитъ надъ свидѣтелями и подсудимыми, даетъ имъ наставленія изъ области житейской философіи и читаетъ нотаціи — и этимъ очень увеселяетъ собирающуюся въ большомъ количествѣ въ его камеру публику. Слухи эти проникали нерѣдко и въ печать, при чемъ мелкая пресса, не стѣсняясь, называла разбирательство у Трофимова «балаганомъ». Но жалобъ на такой образъ его дѣйствій не поступало, предсѣдатели же мирового Съѣзда, повидимому, сами не желали возбуждать вопроса о странномъ поведеніи Трофимова, и за его камерой все болѣе и болѣе укрѣплялась репутація увеселительнаго мѣста. Наконецъ, однако, поступила и жалоба со стороны одного болгарина, при разбирательствѣ дѣла о которомъ Трофимовъ неумѣстно и довольно рѣзко прошелся на счетъ «братьевъ-славянъ», за которыхъ, по его мнѣнію, не стоило вести войну съ Турціей. Въ засѣданіи Съѣзда, старикъ откровенно сознался въ томъ, что у него сорвалось съ языка лишнее, и, понуривъ сѣдую голову, вышелъ изъ залы совѣщанія, гдѣ долженъ былъ разрѣшиться вопросъ о возбужденіи противъ него дисциплинарнаго производства. Старые судьи, товарищи Трофимова по нѣсколькимъ трехлѣтіямъ, стали его выгораживать, доказывая, что «предостереженіе» оскорбитъ старика, столь преданнаго своему дѣлу, и пожалуй заставитъ уйти со службы, что̀ было бы большой потерей для мировой юстиціи Петербурга. Они не отрицали неумѣстности того, что̀ говорилъ болгарину Трофимовъ, но стояли на томъ, что отъ неумѣстности далеко до грубости или неприличія, и что для стараго и опытнаго судьи уже одна необходимость приносить передъ товарищами повинную есть достаточное наказаніе. Я не могъ раздѣлить такого взгляда, находя, что чрезмѣрная снисходительность къ дисциплинарнымъ нарушеніямъ со стороны судей можетъ легко и неза-

мѣтно обратиться въ попустительство, которое грубо нарушитъ довѣріе, питаемое составителями Судебныхъ Уставовъ именно къ суду товарищей, призванныхъ общими силами охранять достоинство представляемаго ими учрежденія. Указывая на то, что жалоба болгарина лишь подтверждаетъ ходячіе слухи и сложившееся представленіе о томъ, чтò происходитъ въ камерѣ Трофимова, я находилъ, что оставленіе Съѣздомъ жалобы безъ послѣдствій можетъ дать словоохотливому судьѣ основаніе для дальнѣйшихъ выходокъ въ томъ же родѣ. Поэтому я горячо поддерживалъ меньшинство съѣзда, признававшее необходимость возбужденія дисциплинарнаго производства. Мой maiden speech убѣдилъ нѣкоторыхъ изъ большинства и въ томъ числѣ предсѣдателя. Старикъ, приглашенный для участія въ дальнѣйшихъ дѣлахъ и узнавшій, конечно, чѣмъ рѣшено его дѣло, занялъ свое мѣсто, сконфуженный и удрученный. Установленнымъ порядкомъ онъ получилъ предостереженіе.

Черезъ годъ на мою долю выпало обревизованіе его дѣлопроизводства, къ которому я приступилъ съ непріятнымъ ожиданіемъ найти разные безпорядки и упущенія. Еще до разсмотрѣнія книгъ и производствъ я рѣшилъ нѣсколько разъ посѣтить камеру Трофимова въ качествѣ частнаго человѣка, садясь въ публикѣ, которой въ его обширной камерѣ всегда было очень много и среди которой онъ меня едва ли замѣчалъ. И что же? Вмѣсто прославленнаго балагана я увидѣлъ настоящее мировое, жизненное, чуждое бездушной формальности и равнодушной торопливости разбирательство. За судейскимъ столомъ сидѣлъ умный и трогательно-добрый человѣкъ, по-отечески журившій участвующихъ въ дѣлѣ и по-отечески входившій въ ихъ нужды и ихъ понимавшій. Не неумѣстной фамильярностью вѣяло отъ него, а той искренностью отношеній и выраженій, которыя были гораздо понятнѣе простымъ людямъ, выходившимъ предъ судейскій столъ, чѣмъ холодныя, сакраментальныя слова процессуальнаго закона. И отношеніе всѣхъ находившихся въ камерѣ къ Трофимову было особенное: между нимъ и ими чувствовалась живая связь и взаимное пониманіе. Даже словечки, которыя онъ «отпускалъ», пріобрѣтали въ его устахъ и въ этой обстановкѣ совсѣмъ особенный характеръ: они служили чуткимъ выраженіемъ чувствъ и настроенія присутствующихъ; въ нихъ, иногда въ своеобразной формѣ, выражался удовлетворяющій внутреннее чувство нравственный приговоръ надъ тѣмъ, чтò не умѣщалось въ узкія рамки юридическаго опредѣленія. И въ тонѣ и способѣ произнесенія Трофимовымъ его поученій и реприманд овъ не было ничего оскорбительнаго. Напротивъ, среди наполнявшаго мѣста для публики сѣраго люда порою проносилось полушопотомъ: «правильно!.. справедливо!.. это тэкъ!..» и т. п. А тотъ, кто вызвалъ «выходку» судьи, по большей части съ повиннымъ видомъ соглашался съ мировымъ судьей или добродушно раздѣлялъ сдержанный смѣхъ аудиторіи. По существу же всѣ дѣла, при разборѣ которыхъ я присутствовалъ, были рѣшены, по моему мнѣнію, вполнѣ правильно, и подъ каждымъ изъ этихъ рѣшеній я подписался бы обѣими руками. Не въ первый разъ увидѣлъ я при этомъ, какъ необходимо для того, чтобы судить о томъ, чтò происходитъ въ судебномъ засѣданіи, быть въ немъ самому и воочію познакомиться съ тѣми оттѣнками въ словахъ и дѣйствіяхъ участвующихъ лицъ, передать которые ни печать, ни обыкновенный разсказъ не въ состояніи. Мнѣ съ душевной болью вспоминалось, что я былъ

однимъ изъ главныхъ виновниковъ возбужденія дисциплинарнаго производства о Трофимовѣ, во время котораго этотъ истинный народный судья пережилъ, конечно, не мало тяжелыхъ минутъ. Послѣ третьяго или четвертаго посѣщенія его камеры съ пребываніемъ въ публикѣ, я въ перерывъ засѣданія пошелъ къ нему въ кабинетъ и, объявивъ о возложенной на меня задачѣ, сказалъ ему: «Александръ Ивановичъ, я уже четвертый разъ сижу въ вашей камерѣ и смотрю, какъ вы рѣшаете дѣла»... Старикъ вопросительно приподнялъ брови, пошевелилъ усами, и на лицѣ его появилось выраженіе ожиданія какихъ-нибудь критическихъ съ моей стороны замѣчаній... «Я пришелъ вамъ сказать, что мнѣ больно и стыдно вспомнить, что я настоялъ на дисциплинарномъ судѣ надъ вами: я не зналъ васъ и понималъ васъ слишкомъ формально. Теперь я вижу, какъ я ошибался»... Трофимовъ вдругъ покраснѣлъ, и глаза его наполнились слезами. «Голубчикъ! — воскликнулъ онъ—да что вы! да Богъ съ вами! да вѣдь я, дѣйствительно, иногда этакъ— знаете — за постромки заступаю! да что вы!» И онъ взволнованно подошелъ ко мнѣ вплотную и, прижавъ мою голову къ своей широкой груди, поцѣловалъ меня.

Года черезъ два онъ умеръ. Огромная толпа простыхъ людей проводила его до могилы на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Черезъ нѣсколько недѣль, бывши въ лаврѣ и посѣтивъ эту могилу, я нашелъ на ней нѣсколько дешевыхъ вѣнковъ изъ ельника и бумажныхъ цвѣтовъ — эту настоящую «лепту вдовицы», — а бѣлый крестъ надъ надписью оказался весь исписаннымъ вдоль и поперекъ различными надписями. «Добрый человѣкъ, тебя нельзя забыть», значилось на одной; «честный судья, другъ и учитель бѣдныхъ, спи спокойно!» говорилось въ другой...

Несмотря на обиліе дѣлъ, поступавшихъ въ петербургскій столичный Съѣздъ и на небольшое число столичныхъ мировыхъ судей, сравнительно съ тѣмъ, которое существуетъ нынѣ, засѣданія всѣхъ отдѣленій Съѣзда велись всегда въ образцовомъ порядкѣ и съ тѣмъ спокойнымъ достоинствомъ и вниманіемъ, которое довлѣетъ дѣлу правосудія. Этихъ свойствъ я, къ удивленію моему, не нашелъ въ засѣданіяхъ Tribunal de police correctionnelle въ Парижѣ. Особенно памятно мнѣ засѣданіе этого суда, при которомъ я присутствовалъ въ 1879 году. Въ полчаса было разсмотрѣно и рѣшено девять дѣлъ. Принималъ участіе въ ихъ разборѣ одинъ президентъ, съ крикливымъ словомъ и нетерпѣливыми движеніями. Подсудимые по разнымъ дѣламъ сидѣли рядомъ на длинной скамьѣ, сзади которой были двѣ двери. Въ одну ихъ вводилъ дежурный жандармъ, въ другую выводилъ. Судился крайній или крайняя изъ сидѣвшихъ, ближайшіе къ судейскому столу. По провозглашеніи резолюціи отворялись обѣ двери—осужденный уходилъ,—всѣ остальные подсудимые, не поднимаясь на ноги, а лишь довольно комично ритмически привставая, передвигались, и скамья принимала новаго обвиняемаго. За судейскимъ столомъ сидѣло два «совѣтника»; одинъ относился ко всему безучастно и, повидимому, дремалъ,—другой, нисколько не стѣсняясь, читалъ, держа прямо передъ собою, газету, по временамъ широко ее развертывая или перегибая. Прокуроръ, на молчаливое обращеніе къ нему президента, повторялъ одно неизмѣнное: «я ходатайствую» (je requiers). «Дѣло Матьё!—провозглашалъ президентъ:—Матье?—Здѣсь, господинъ президентъ!—отвѣчаетъ крайній на скамьѣ

подсудимыхъ. — Вы обвиняетесь въ нанесенiи удара полицейскому. Признаете ли себя виновнымъ? (plaidez-vous coupable ou non?) — Да помилуйте! это онъ меня ударилъ. — Молчать! это всегда у васъ — *васъ* бьетъ полицiя... (Taisez-vous! Ah, c'est toujours la police qui vous frappe). Есть свидѣтели? — Судебный приставъ отвѣчаетъ, что есть муниципальный сержантъ Андрiе.— Андрiе, подойдите! поднимите руку! вы клянетесь говорить правду, одну лишь правду... Опустите руку! *Онъ* васъ ударилъ? — Да, господинъ президентъ. — Можете итти. — Ну (обращаясь къ подсудимому), что̀ вы можете сказать въ свою защиту?—Да, помилуйте! вѣдь не я его, а онъ меня...— Хорошо! (смотритъ въ сторону прокурора, который повторяетъ свою неизмѣнную фразу) — судъ, выслушавъ... приговариваетъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы и къ судебнымъ издержкамъ. Уведите! (Faites sortir!)» — Подсудимый кланяется, исчезаетъ, и начинается новое дѣло, ведущееся тѣмъ же способомъ. Когда предсѣдатель, съ которымъ я познакомился во время перерыва засѣданiя, спросилъ о моемъ впечатлѣнiи, я не могъ скрыть отъ него, что такое отправленiе правосудiя представляется мнѣ черезчуръ поспѣшнымъ (trop expéditif). Онъ, разсмѣявшись, сказалъ мнѣ: «о! я знаю *ихъ* (je connais mon monde), и они *меня* знаютъ».

Я носилъ званiе почетнаго мирового судьи въ теченiе восьми лѣтъ и не разъ предсѣдательствовалъ въ одномъ изъ отдѣленiй столичнаго мирового Съѣзда. Но главная обязанность, связанная съ этимъ званiемъ и которая за все это время всецѣло лежала на мнѣ, было еженедѣльное, кромѣ лѣта, участiе въ освидѣтельствованiи сумасшедшихъ въ особомъ присутствiи Губернскаго Правленiя. Въ засѣданiяхъ уѣзднаго Съѣзда приходилось бывать рѣдко, обыкновенно въ лѣтнее время. Уѣзднымъ петербургскимъ Съѣздомъ я былъ избранъ предсѣдателемъ комиссiи по составленiю особаго наказа и тутъ имѣлъ случай ближе узнать прекраснаго судью и человѣка, Евгенiя Александровича *Шакѣева*, отчасти напоминавшаго своей судьбою Неклюдова и тоже не дожившаго до времени, когда его даръ слова и понимание общественныхъ интересовъ могли бы себѣ найти гораздо болѣе широкое примѣненiе. Оба Съѣзда — и петергофскiй и уѣздный петербургскiй— были составлены очень удачно, особенно послѣднiй. Будучи въ 1885 году назначенъ оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассацiоннаго департамента Сената, я нашелъ, что долженъ былъ сложить съ себя, по несовмѣстимости, званiе почетнаго мирового судьи. Впослѣдствiи эта несовмѣстимость была устранена изъ обихода, такъ какъ генералъ-прокуроръ Муравьевъ призналъ возможнымъ носить званiе почетнаго мирового судьи. Съ грустью разстался я съ мировыми учрежденiями, сохранивъ о нихъ самыя лучшiя воспоминанiя и искренно тронутый добрыми чувствами, высказанными мнѣ моими товарищами на прощанiе. По новой должности моей и затѣмъ по званiю сенатора черезъ мои руки прошло великое множество дѣлъ съ рѣшенiями и приговорами мировыхъ Съѣздовъ со всѣхъ концовъ Россiи, и они свидѣтельствовали, что im Grossen und Ganzen мировая юстицiя находилась въ Россiи въ добросовѣстныхъ рукахъ и исполняла свое предназначенiе. Конечно, встрѣчались промахи и ошибки, но они были немногочисленны, кассировать приговоры приходилось сравнительно рѣдко, и, если встрѣчалось завѣдомо узкое толкованiе или тенденцiозное примѣненiе закона, то эти рѣдкiе случаи имѣли мѣсто главнымъ

образомъ среди мировыхъ судей *по назначенію,* въ Польшѣ и Западномъ краѣ, по отношенію къ дѣламъ о штундистахъ и уніатахъ, или въ Прибалтійскомъ краѣ по примѣненію къ нѣмцамъ ст. 29 Уст. о нак., нал. мир. суд., гласящей о неисполненіи законныхъ распоряженій и требованій полиціи. Въ дѣлахъ перваго рода мировые судьи и Съѣзды подчинялись, къ сожалѣнію, властнымъ требованіямъ мѣстной администраціи и представителей православнаго вѣдомства, забывавшихъ про мечъ духовный и настойчиво взывавшихъ къ укрѣпленію господствующей церкви мечомъ свѣтскимъ въ рукахъ чиновъ полиціи и мировыхъ судей. Но и тутъ встрѣчались герои судейскаго долга. Таковъ былъ мировой судья Чигиринскаго уѣзда Кіевской губерніи, М. Ф. *Тетеря,* отказавшійся въ эпоху усиленнаго гоненія на штундистовъ осудить нѣсколькихъ человѣкъ, собравшихся помолиться надъ умершимъ штундистомъ, своимъ родственникомъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ полиція усматривала нарушеніе циркуляра генералъ-губернатора, воспретившаго штундистамъ—въ явное нарушеніе великодушнаго закона 3-го мая 1883 года—всякія молитвенныя собранія. Этотъ судья имѣлъ гражданское мужество признать распоряженіе графа Игнатьева лишеннымъ законнаго основанія, и Сенатъ, въ общемъ собраніи кассаціонныхъ и перваго департаментовъ, раздѣлилъ его взглядъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ такіе приговоры были результатомъ ложнаго взгляда на задачи мѣстныхъ мировыхъ судей, въ которыя, будто бы, входило не одно отправленіе нелицемѣрнаго правосудія, а и посильная руссификація, достигавшая, впрочемъ, совершенно обратныхъ результатовъ. Таково, напримѣръ, было дѣло о нѣсколькихъ врачахъ города Риги, обвинявшихся въ неисполненіи распоряженія губернатора о томъ, чтобы всѣ «торгово-промышленныя заведенія имѣли вывѣски на русскомъ языкѣ», при чемъ подъ понятіе этихъ вывѣсокъ не въ мѣру усердная полиція подводила дверныя дощечки врачей на нѣмецкомъ языкѣ и, сорвавъ ихъ или разбивъ, привлекала врачей къ отвѣтственности по 29 ст. Но, повторяю, эти дѣла были рѣдкими исключеніями, и, конечно, не они были причиной разразившейся внезапно въ 1889 году бури, которая смела съ лица русской земли, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ, мировыя судебныя учрежденія и обратила въ ничто ихъ многолѣтнюю работу по воспитанію народа въ чувствѣ законности. На опустошенной судебной нивѣ выросли земскіе начальники и распустились пышнымъ цвѣтомъ узаконеннаго произвола и смѣшенія понятій о личномъ распоряженіи и о судебномъ рѣшеніи. Въ широковѣщательной комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ, занимавшейся съ 1894 по 1900 годъ искаженіемъ ихъ основныхъ началъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, нѣкоторые члены пытались предложить вернуться къ упраздненнымъ мировымъ судьямъ, и даже министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ, устами своего товарища Неклюдова, выразилъ согласіе на отмѣну *судебной власти* земскихъ начальниковъ. Но предположенія эти встрѣтили категорическій и рѣшительный отпоръ со стороны предсѣдателя комиссіи, статсъ-секретаря Муравьева. Наивнымъ людямъ, мечтавшимъ въ «новизнѣ» предпринятой работы услышать свою «старину», было вразумительно объяснено, что возстановленіе мировыхъ судей «не входитъ въ виды правительства» и что вопросъ объ этомъ не будетъ даже допущенъ къ обсужденію.

Такимъ образомъ былъ закрѣпленъ *судебный* институтъ земскихъ начальниковъ, повидимому — къ счастію, только повидимому — на много лѣтъ,

такъ какъ предполагалось, что работа комиссіи должна облагодѣтельствовать Россію не на одно десятилѣтіе: нельзя же пересматривать Судебные Уставы для каждаго новаго министра юстиціи. Судебная власть, близкая къ народу и связанная при томъ, къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ, съ правомъ безконтрольнаго усмотрѣнія, осталась сосредоточенною надъ большею частью русскаго населенія въ рукахъ людей, иногда очень молодыхъ, возрастный и образовательный цензъ которыхъ былъ пониженъ до послѣднихъ предѣловъ, людей часто совершенно чуждыхъ данной мѣстности, назначаемыхъ не по выбору, а по представленію администраціи, ей подчиненныхъ и увольняемыхъ ея же простымъ распоряженіемъ. Правда, комиссія подъ руководствомъ статсъ-секретаря Муравьева проектировала для тѣхъ мѣстностей — въ Западномъ и Прибалтійскомъ краѣ, въ Польшѣ и т. д., — гдѣ не существовало еще земскихъ начальниковъ и на ряду съ ними жалкихъ обломковъ мирового института, называемыхъ городскими судьями,—должность участковаго судьи, съ огромной подсудностью и обязанностями по производству слѣдствій и по исполненію нотаріальныхъ дѣйствій, но судья этотъ во многихъ отношеніяхъ былъ поставленъ въ худшее положеніе, чѣмъ старый мировой судья. Достаточно сказать, что ему не было присвоено несмѣняемости, еще гораздо болѣе необходимой единоличному судьѣ, чѣмъ члену коллегіи. Былъ также проектированъ особый почетный судья, назначаемый министромъ юстиціи (а не утверждаемый Сенатомъ, какъ старый выборный почетный мировой судья) изъ всякаго званія людей, окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній и прослужившихъ три года на практическихъ судебныхъ должностяхъ. Земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ было, однако, предоставлено право представлять о назначеніи почетными судьями лицъ, обладающихъ извѣстнымъ цензомъ и кончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, если только они мѣстные *потомственные* дворяне. Но тамъ, гдѣ введены земскіе начальники, такіе судьи никакого отношенія къ мѣстному, близкому къ народу, суду не имѣли.

Вопросъ о несмѣняемости мѣстныхъ судей тянулся въ комиссіи три года, въ ежегодныхъ засѣданіяхъ разнаго состава. Обсужденіе его въ комиссіи оставило во мнѣ самыя тягостныя воспоминанія. Съ грустнымъ чувствомъ вспоминаю я покорную услужливость многихъ старыхъ судебныхъ дѣятелей, подчинившихся въ этомъ вопросѣ предуказанному настроенію—и въ особенности одного, причастнаго къ большимъ историческимъ событіямъ конца 70-хъ годовъ, судебнаго сановника, участвовавшаго во всѣхъ этихъ засѣданіяхъ и измѣнявшаго свой взглядъ по мѣрѣ того, какъ онъ повышался и украшался. Въ первомъ засѣданіи онъ ворчливо и угрюмо стоялъ за несмѣняемость и подписалъ особое мнѣніе, поданное мною въ защиту этого принципа; чрезъ годъ онъ уже молчалъ и не присоединялся ко мнѣ, а чрезъ годъ еще, въ окончательномъ, многолюдномъ, хотя и нарочито замкнутомъ засѣданіи, состоявшемъ изъ особо приглашенныхъ высокопоставленныхъ особъ, уже невнятно прорицалъ что-то противъ несмѣняемости и присоединился къ огромному большинству противъ пяти членовъ комиссіи, безплодно отстаивавшихъ эту необходимую принадлежность самостоятельныхъ судей въ томъ видѣ, какъ она существовала даже по ограничительному закону 1885 года. Здѣсь не мѣсто описывать это знаменательное засѣданіе

со всѣми его перипетіями, поучительными для будущаго историка судебной реформы, но надо надѣяться, что нынѣ возстановленные, въ законѣ о мѣстномъ судѣ, мировые судьи внесутъ большую законность въ отправленіе правосудія, чѣмъ ихъ предмѣстники. Это возрожденіе изъ пепла не застанетъ, конечно, въ живыхъ почти никого изъ тѣхъ первоначальныхъ дѣятелей мировой юстиціи, которые были преемственно связаны съ мировыми посредниками и многіе изъ которыхъ еще помнили то время, когда на русскомъ общественномъ горизонтѣ засіяли Судебные Уставы, разгоняя тьму безсудія и лихоимства. Быть можетъ, и мнѣ, съ болью въ сердцѣ созерцавшему постепенное изувѣченіе этихъ Уставовъ, не придется дожить до полнаго практическаго расцвѣтанія обновленнаго мирового института, но, привѣтствуя его уже теперь, я съ чувствомъ сердечнаго уваженія обращаюсь къ памяти ушедшихъ, съ которыми мнѣ пришлось работать въ мировыхъ учрежденіяхъ.

А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ.

(1851—1903 г.).

Двояко умираютъ люди, достойные остановить на себѣ общественное вниманіе. Одни, «насытясь днями», какъ говоритъ Священное Писаніе, уходятъ, «свершивъ въ предѣлѣ земномъ все земное», среди грустной увѣренности близкихъ въ неизбѣжности скораго конца долгаго спутника ихъ совмѣстнаго существованія. Они закатываются, какъ солнце—величественно, спокойно и медленно. Такъ закатился Яковъ Петровичъ Полонскій, во имя котораго основанъ былъ литературный кружокъ, въ которомъ Бобрищевъ-Пушкинъ былъ предсѣдателемъ. «Вотъ и я,—говорилъ 75-лѣтній И. А. Гончаровъ, гуляя со мной въ ясный вечеръ по Рижскому штранду,—жду себѣ такого же заката», и онъ показывалъ на пурпуровый шаръ, тихо поглощаемый моремъ. Послѣ такого заката на легкихъ облачкахъ мѣняющаго свои краски неба еще долго горитъ, все темнѣя, розовый отблескъ... Горитъ онъ и въ сердцахъ, утратившихъ почившаго.

Но бываетъ, что смерть налетитъ, какъ гроза, закрутитъ, какъ вихрь, ослѣпитъ и оглушитъ всѣхъ окружающихъ и, вырвавъ изъ ихъ среды любимаго человѣка, произведетъ впечатлѣніе громового удара. И темная свинцовая туча нависнетъ надъ ихъ сердцемъ. Такая туча надвинулась и на тѣхъ, кто цѣнилъ и любилъ покойнаго Бобрищева-Пушкина. Не хотѣлось вѣрить въ дѣйствительность этой тьмы, въ это внезапное сиротство дѣла правосудія и просвѣщенія, которому онъ такъ горячо служилъ. Такъ хотѣлось бы имѣть время и возможность прочно изобразить и удержать его образъ, припомнить всѣ его привлекательныя черты и вынести ихъ изъ опечаленнаго сердца на свѣтъ Божій...

Желая похвалить кого-либо изъ усопшихъ, обыкновенно говорятъ, что покойный былъ *умный и пріятный* человѣкъ. Но такая оцѣнка не только не достаточна, но и двусмысленна. Умъ, которымъ мы такъ поспѣшно и охотно всѣхъ надѣляемъ, есть не что иное, какъ оружіе въ житейской борьбѣ, одинаково пригодное и для хорошихъ и для дурныхъ цѣлей, подобно острому ножу, равно необходимому и въ мирномъ хозяйствѣ и для разбоя на большой дорогѣ. *Умный человѣкъ* есть человѣкъ лишь хорошо вооруженный и только.... Цѣнны побужденія его дѣйствій и сила, подвигающая его умъ на работу. Поэтому важны душевныя свойства человѣка, а не

I. Александръ Михайловичъ Бобрищевъ-Пушкинъ,
II. Алексѣй Алексѣевичъ Марковъ,
III. Сергѣй Ѳедоровичъ Морошкинъ и
IV. Присяжный повѣренный Алексѣй Михайловичъ Унковскій.

сила его ума сама по себѣ, безотносительно. Умный, но бездушный, безсердечный человѣкъ—есть человѣкъ нерѣдко вредный и всегда опасный. Точно такъ же и *пріятность* человѣка можетъ быть понимаема весьма различно. Иной пріятенъ внѣшнею ласковостью обращенія со всѣми безъ различія, — другой тѣмъ, что не кричитъ и не говоритъ дерзостей за картами,— третій тѣмъ, что имѣетъ похвальную привычку *иногда* отдавать взятыя взаймы деньги... Важно знать, что *дѣлалъ* и что *сдѣлалъ* для общества, для насажденія въ немъ лучшихъ чувствъ и мыслей, тотъ, кого оплакиваютъ.

Александръ Михайловичъ Бобрищевъ-Пушкинъ вездѣ — и въ службѣ, и въ печати, и въ литературно-художественномъ кружкѣ—служилъ идеямъ и интересамъ высшаго порядка. По службѣ его не было возможности замѣтить, чтобы онъ заботился о своемъ личномъ лучшемъ устройствѣ, и увлекательное для многихъ слово—*блестящая карьера*—было совсѣмъ непримѣнимо къ этому пятидесятилѣтнему идеалисту, съ любовью занимавшему въ концѣ своей трудовой жизни невидное, но отвѣтственное предъ совѣстью и предъ родиной мѣсто. Можно съ увѣренностью утверждать, что въ его богатой фантазіи, въ минуту раздумья о смерти, никогда не носилась обычная картина яркаго металлическаго гроба, окруженнаго не только тропическими растеніями, но и многочисленными табуретами со знаками отличія, столь наглядно говорящими о суетныхъ житейскихъ вожделѣніяхъ даже предъ лицомъ великой тайны всеуравнивающей смерти.

И въ печати онъ былъ любителемъ и служителемъ поэзіи и добрымъ рабочимъ на нивѣ научныхъ знаній, разрабатываемыхъ на потребу жизни. Было бы неумѣстно приводить отрывки изъ его стихотвореній, изъ его прекрасныхъ предсмертныхъ произведеній «Передъ разлукой» и «Октавы», но нельзя не вспомнить одного изъ нихъ—«Двѣ Психеи», — въ которомъ онъ рисуетъ свой идеалъ поэзіи не отвлеченной, не направленной исключительно на поклоненіе красотѣ, не парящей въ надзвѣздные міры, но сходящій на землю, какъ утѣшеніе и поддержка человѣку и какъ спасеніе его отъ печальной прозы жизни. Въ литературномъ кружкѣ имени Полонскаго произвелъ большое впечатлѣніе напечатанный затѣмъ въ «Вѣстникѣ Европы» его докладъ о Некрасовѣ, гдѣ онъ оттѣнялъ именно общественное служеніе «музы мести и печали» покойнаго поэта. Въ его стихахъ, въ послѣдніе дни, чуялась гнетущая его душу усталость отъ дѣловыхъ тревогъ и житейскихъ разочарованій, но онъ до конца жизни не опускалъ рукъ и не поникалъ безнадежно своей красивою, энергическою головой.

Знанію отдалъ онъ обильную дань любви и труда. При своихъ докладахъ и возраженіяхъ онъ расточалъ искры ума, разнородныхъ свѣдѣній и глубокой, вдумчивой мысли. Онъ сгоралъ жаждой знанія, впитывалъ въ себя его лучи и самъ свѣтился ими, дѣлясь пріобрѣтеннымъ въ мягкой, изящной формѣ, за которой чувствовалось богатство содержанія.

Двѣ области человѣческаго духа были его обѣтованной землею: *правосудіе* и *свобода совѣсти*. Первому онъ служилъ перомъ и словомъ, дѣломъ и трудомъ. Онъ глубоко постигъ, что судья тогда лишь справедливъ, а не жестокъ, тогда лишь мудръ, а не слѣпъ, когда подходитъ къ мрачному бытовому явленію, называемому преступленіемъ, не съ усталой холодностью застарѣлаго классификатора, а съ тревогой въ душѣ, съ пониманіемъ

условій жизни и съ звуками состраданія въ сердцѣ. Такими судьями, зачерпнутыми изъ всѣхъ слоевъ общества, какъ бы ковшемъ, являются присяжные засѣдатели,—лучшая изъ существующихъ формъ доступнаго человѣчеству устройства суда. Какъ бы ни нападало на нихъ самонадѣянное незнаніе, судящее лишь по внѣшнимъ единичнымъ явленіямъ, толкуемымъ односторонне, и какъ бы ни глумилось оно надъ приговорами, условія выработки которыхъ ему неизвѣстны и подчасъ непонятны, присяжные всегда составятъ предметъ изученія и сочувственнаго наблюденія для всѣхъ серьезныхъ людей, понимающихъ, что совершенства нѣтъ на землѣ, и что не ошибается лишь тотъ, кто *ничего* не дѣлаетъ.... Этому изученію и отдалъ свой многолѣтній трудъ Бобрищевъ-Пушкинъ. Изъ наблюденій надъ разнородными проявленіями суда присяжныхъ онъ сдѣлалъ богатые и широкіе выводы и вложилъ ихъ въ обширное сочиненіе подъ названіемъ: «*Эмпирическіе законы суда присяжныхъ*». Такой книги нѣтъ и на Западѣ, и мы можемъ по справедливости гордиться и ею и ея авторомъ.

Его служеніе свободѣ совѣсти должно быть предметомъ спеціальнаго трактата, но нельзя не указать, что въ одной изъ благороднѣйшихъ областей общественной жизни, въ области вѣротерпимости, имя Бобрищева-Пушкина не должно быть забыто. Русскій человѣкъ, въ сущности весьма равнодушный къ матеріальнымъ благамъ жизни и мало заботящійся о лучшемъ устройствѣ своего существованія на землѣ, тревожно и настойчиво ищетъ правды въ своемъ отношеніи къ Небу, взывая къ ней въ глубинѣ своей совѣсти и скитаясь за нею своей мыслью. Отсюда возможность заблужденій, отсюда появленіе раскола и разныхъ сектъ. Но простой народъ нашъ бродитъ въ полутьмѣ, чтобы не сказать болѣе. Ни заботливое слово пастыря, ни разумное указаніе рѣдкаго учителя не приходятъ къ нему на помощь въ должной и широкой мѣрѣ; его гнететъ суровая природа, вѣковыя суевѣрія и неясное пониманіе духа Писанія, такъ часто угашаемаго подъ мертвящею буквой. Отсюда дикія ученія и изувѣрство, проявляющіяся въ такихъ дѣйствіяхъ, съ которыми приходится бороться государству. Но отъ этихъ ученій до чистыхъ раціоналистическихъ воззрѣній въ расколѣ существуетъ цѣлая гамма, цѣлый спектръ отдѣльныхъ ересей, судить которыя одною мѣрою было бы неправосудно. Поэтому судья, который во всѣхъ многообразныхъ случаяхъ, относящихся къ проявленіямъ сектантства и расколоученія, будетъ механически примѣнять кару, не входя въ смыслъ и нравственную сторону ученія, въ которомъ родился или которымъ увлеченъ подсудимый, будетъ дѣйствовать, какъ автоматъ и съ механическимъ бездушіемъ. Чтобы правильно исполнять миссію судьи,—даже болѣе, чтобы примѣнять уголовный законъ согласно его цѣлямъ,—необходимо отдѣлять область вѣры, совѣсти и внутренняго убѣжденія отъ области вредныхъ дѣйствій и, не требуя человѣка къ суровому отвѣту за то, что онъ вѣритъ въ пути душевнаго спасенія такъ, а не иначе, подвергать его примѣненію закона лишь тогда, когда его поступки вредны для общественной нравственности или преступны сами по себѣ. Но какъ легко здѣсь впасть въ рутину! Какъ возможно ошибиться по лѣни ума, преувеличить отъ недостатка вниманія или изъ малодушнаго страха быть заподозрѣннымъ въ сочувствіи! И вотъ, желая по возможности устранить подобные случаи и защитить одно изъ величайшихъ благъ человѣка, свободу его совѣсти, Бобрищевъ-Пушкинъ, толкуя и разъ-

ясняя законъ въ судѣ и въ печати, несъ свое трудное служеніе, усыпанное терніями противорѣчія, непониманія и недовольства. Его книга «*Судъ и раскольники-сектанты*» останется навсегда руководствомъ для русскаго судьи, понимающаго, что онъ призванъ осуществлять истинное, а не формальное только правосудіе. Богатѣйшій фактическій и историческій матеріалъ, содержащійся въ ней, скованъ воедино ударами сердца, полнаго законнаго состраданія, сознающаго всю справедливость изреченія «qui n'est que juste—est cruel» и негодующаго на добровольцевъ фарисейства, успокаивающихъ то, что они называютъ своей совѣстью, словами «dura lex, sed lex!»...

Въ практической своей дѣятельности, главнымъ образомъ въ качествѣ предсѣдателя петербургскаго Окружного Суда, онъ оставался неизмѣнно вѣренъ великимъ началамъ Судебныхъ Уставовъ. Излюбленные, въ концѣ девяностыхъ годовъ, пріемы слѣдствія съ привлеченіемъ обвиняемаго въ самомъ концѣ, чтобы избѣжать его активной самозащиты, и съ искусственнымъ обращеніемъ полицейскихъ и секретныхъ документовъ въ слѣдственные акты, читаемые на судѣ, встрѣчали въ немъ горячій и тягостный для него по своимъ служебнымъ послѣдствіямъ отпоръ. Въ этомъ отношеніи онъ пережилъ много тревожныхъ минутъ одинокой борьбы.

Его дѣятельность, какъ предсѣдателя кружка имени Полонскаго, связанная съ массой хлопотъ, безпокойствъ, переговоровъ, примиренія чрезмѣрныхъ самолюбій и привлеченія новыхъ силъ, составляла для него, однако, отдыхъ отъ труда. Когда члены кружка, уставъ отъ обыденной работы, желая освѣжить свои впечатлѣнія или просто чему-нибудь научиться и развлечься музыкой и пѣніемъ, собирались вмѣстѣ, онъ встрѣчалъ ихъ живой, бодрый, привѣтливый, мужественно-красивый и съ ласковой улыбкой старался дать имъ унести изъ проведеннаго вечера доброе, примирительное, а иногда и возвышающее воспоминаніе. Труды и докуку черной работы онъ таилъ про себя, а другимъ давалъ чувствовать лишь симпатичную сторону исполненныхъ живого интереса вечернихъ бесѣдъ и собраній. Въ этомъ смыслѣ онъ дѣлалъ, что могъ, чтобы облегчить и украсить сѣрую будничную жизнь, чтобы помочь жить въ ея тоскливомъ и больномъ полусвѣтѣ. Онъ былъ поэтому настоящимъ «сотрудникомъ жизни» и осуществлялъ въ своей дѣятельности слова кн. Одоевскаго, сказавшаго, что «жизнь хорошаго человѣка есть *доброе дѣло* въ жизни другихъ людей».

Онъ скончался вдали отъ родины, въ чужой ему землѣ, неожиданно, одинокій и отданный судьбою на жертву холодной расчетливости и равнодушію, въ обстановкѣ рекламируемаго врачеванія, обращеннаго въ ремесло. Но прахъ его положенъ въ родную землю. Пускай же она ему будетъ легка! Онъ не зарылъ въ нее данныхъ ему Богомъ даровъ и служилъ ей ими насколько хватало силъ, чутко относясь къ человѣческому несчастію и поднимая, во всѣхъ своихъ трудахъ, взоры слушателя или читателя отъ злободневныхъ интересовъ въ высокую область справедливости и свободы безсмертнаго духа.

Михаилъ Өедоровичъ Губскій.

(1850—1901 г.)

5-го октября 1901 г., послѣ долгой и отнимавшей всякую надежду на благополучный исходъ болѣзни, скончался въ Петербургѣ товарищъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената, Михаилъ Өедоровичъ Губскій. Въ его лицѣ сошелъ безвременно—ему было всего 51 годъ—въ могилу человѣкъ обширной и разносторонней образованности, тонкаго, проницательнаго ума и прекрасныхъ душевныхъ свойствъ.

Воспитанникъ бывшаго Дерптскаго университета, онъ вынесъ оттуда серьезное уваженіе и неослабѣвающій интересъ къ наукѣ, отразившійся на его литературныхъ трудахъ, между которыми нельзя не отмѣтить статей о *смертной казни* и о *самоубійствѣ*, помѣщенныхъ въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза, въ замѣчательно сжатое изложеніе которыхъ авторъ умѣлъ вложить богатое содержаніе, явившееся результатомъ самостоятельнаго и вдумчиваго изученія разнообразныхъ и обширныхъ источниковъ. Товарищъ прокурора симбирскаго и затѣмъ московскаго Окружныхъ Судовъ, Губскій отдался въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ всецѣло работамъ по подготовкѣ введенія судебной реформы въ Прибалтійскомъ краѣ. Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ ревизовавшаго этотъ край сенатора Манасеина, Губскій умѣлъ соединить настойчивое стремленіе къ выясненію *отжившихъ* сторонъ мѣстныхъ учрежденій средневѣкового типа съ осторожнымъ отношеніемъ къ тому, что было *жизнеспособно* и являлось результатомъ и показателемъ культурнаго развитія мѣстнаго населенія. Искреннее стремленіе къ дѣйствительному правосудію, бывшее его отличительною чертою на всѣхъ ступеняхъ службы, нашло себѣ благодарное примѣненіе въ выработкѣ различныхъ мѣръ къ водворенію въ Прибалтійскомъ краѣ суда по Уставамъ 1864 года, чуждаго сословныхъ перегородокъ и односторонней окраски. Введеніе этого суда было настоящимъ шагомъ впередъ, однимъ изъ тѣхъ мирныхъ завоеваній, отъ которыхъ ничьи законные интересы не страдаютъ, а общее благо, несомнѣнно, выигрываетъ. Губскій отдался этому дѣлу съ любовью и энергіею, много и успѣшно трудясь при составленіи проектовъ о преобразованіи судебной части и крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ

въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и неоднократно, по порученію министра юстиціи, въ 1884—1890 гг. посѣщая Ригу, Ревель и Митаву для собранія различныхъ данныхъ и выясненія на мѣстѣ вопросовъ, связанныхъ съ распространеніемъ на эти губерніи Судебныхъ Уставовъ.

Обширное юридическое образованіе, прекрасное знаніе языковъ и критико-аналитическія способности ума покойнаго дѣлали его цѣннымъ наблюдателемъ и изслѣдователемъ вновь народившихся процессуальныхъ институтовъ Запада, къ слѣпому подражанію которымъ мы подчасъ бывали чрезмѣрно склонны. Этими качествами его объясняются двѣ поѣздки его—въ 1890 г.—для ознакомленія съ практическою дѣятельностью суда шеффеновъ, который близоруко и поспѣшно рекомендовался у насъ нѣкоторыми въ замѣну суда присяжныхъ,—и въ 1891 году для практическаго изученія результатовъ ряда процессуальныхъ реформъ, предпринятыхъ предъ этимъ въ Австріи.

Съ 1892 года онъ занялъ ту должность, на которой его застигла смерть. Здѣсь нашли себѣ примѣненіе не только его обширныя познанія въ разныхъ отрасляхъ мѣстнаго права Прибалтійскихъ губерній, но и его отзывчивое отношеніе къ людямъ и его тревожная забота объ охраненіи въ каждомъ поступавшемъ къ нему дѣлѣ незыблемыхъ и строгихъ интересовъ правосудія, которые подчасъ ускользаютъ отъ вниманія, затемняемые сложными фактическими данными дѣла. Кассаціонная дѣятельность, при всей ея необходимости, особливо въ связи съ судомъ присяжныхъ, не можетъ, при практическомъ своемъ осуществленіи и въ виду естественныхъ, житейскихъ свойствъ судей, совершенно отрѣшиться отъ нѣкотораго проникновенія въ существо дѣла, которое иногда можетъ дать возможность уяснить *бытовое значеніе* имѣющаго послѣдовать рѣшенія. Но здѣсь потребны величайшая осторожность и самая изощренная объективность, иначе можетъ возникнуть печальное извращеніе этой дѣятельности, состоящее въ производствѣ *кассаціоннаго* разрѣшенія дѣла *по существу*, при чемъ сложная, живая и непосредственная работа суда провѣряется и сводится на ничто на основаніи мертвыхъ и безцвѣтныхъ письменныхъ данныхъ. Губскій всегда боялся такого извращенія. Его многочисленныя, глубоко обдуманныя и строго обоснованныя заключенія въ Сенатѣ, нерѣдко блиставшія вспышками сдержаннаго остроумія, всегда носили на себѣ отпечатокъ *чистаго* кассаціоннаго разсмотрѣнія, покоящагося исключительно на правовыхъ понятіяхъ и установленныхъ закономъ гарантіяхъ правильнаго правосудія. Серьезно относясь къ соблюденію необходимыхъ рамокъ кассаціоннаго производства, онъ зато съ особымъ вниманіемъ, вооруженный теоретическимъ знаніемъ и практическимъ опытомъ, вступалъ въ область *толкованія закона*, внося въ это кропотливое трудолюбіе юриста и широкіе взгляды развитого и гуманнаго человѣка. Тѣ, кому приходилось работать сообща съ нимъ, не разъ, конечно, могутъ вспомнить, какимъ прекраснымъ помощникомъ въ разработкѣ кассаціонныхъ дѣлъ и вопросовъ былъ онъ,—какъ содержательны бывали его словесныя заключенія, всегда сжатыя, точныя и чуждыя неумѣстныхъ украшеній, и какъ полезны, въ своей оригинальной формѣ, бывали его письменныя замѣтки....

Чуждый житейскимъ и служебнымъ расчетамъ, простой и довѣрчивый, сохранившій черты «бурша» и готовый всегда на товарищескую услугу,—онъ

могъ иногда казаться человѣкомъ слабаго характера, но стоило возникнуть въ его дѣятельности или личной жизни вопросу, связанному съ тѣми или другими нравственными началами, какъ его внѣшняя мягкость уступала мѣсто беззавѣтному и безтрепетному слѣдованію тому, что онъ считалъ своимъ долгомъ. Конецъ трудовой и скромной жизни его былъ омраченъ болѣзнью, быстро подточившею его слабыя силы, уже надорванныя упорнымъ трудомъ и необходимостью прибѣгать къ литературному заработку. Губскій скончался, оставивъ вдовѣ и тремъ дѣтямъ, сверхъ безупречнаго имени, груду книгъ и—нѣсколько рублей, такъ что безъ немедленной, хотя и скудной помощи Министерства Юстиціи его было бы не на что похоронить. Тихо и почти незамѣтно сошелъ со сцены этой стойкій и знающій судебный дѣятель, вѣрный до могилы началамъ, вынесеннымъ изъ университета. Нѣкоторые изъ знавшихъ и любившихъ его, быть можетъ, даже пропустили объявленіе о его смерти, такъ какъ по правиламъ скромнаго *седьмого разряда* въ тарифѣ «бюро похоронныхъ процессій», по которому онъ былъ преданъ землѣ, полагается лишь однократное объявленіе въ газетѣ о кончинѣ и при томъ на послѣдней страницѣ... Миръ праху твоему, добрый, благородный человѣкъ! Въ «кладбищѣ памяти» тѣхъ, кому дороги столь любимые тобою Судебные Уставы и кто, встрѣтивъ тебя на жизненномъ пути, позналъ твою душу,—ты всегда будешь лежать въ *первомъ разрядѣ*......

Алексѣй Алексѣевичъ Марковъ.

(1850—1894 г.)

Среди работниковъ петербургскаго Юридическаго Общества, въ періодъ наиболѣе активной и оживленной дѣятельности послѣдняго, видное мѣсто занялъ *Алексѣй Алексѣевичъ Марковъ*. Не говоря уже о прекрасныхъ трудахъ его по проекту уголовнаго Уложенія, нельзя забыть ни его доклада въ 1883 году о нашемъ безприсяжномъ судѣ, ни доклада его въ 1890 году объ обжалованіи приговоровъ *оправданными* подсудимыми. Первый изъ нихъ былъ вызванъ пристрастными и односторонними нападеніями на дорогой ему судъ присяжныхъ. Защищая его, Марковъ пошелъ по новому пути: не споря противъ непродуманныхъ и поспѣшныхъ укоровъ, онъ обратился къ разсмотрѣнію того, чѣмъ хотѣли бы противники этого суда его замѣнить. «Хорошо, —сказалъ имъ онъ,—пусть этотъ судъ присяжныхъ, столь хулимый, дѣйствительно плохъ, но посмотримъ поближе на то, чѣмъ можете похвастать вы въ области суда безъ присяжныхъ», и пошелъ въ станъ противниковъ суда присяжныхъ для изученія и выводовъ. Уже раньше, въ 1881 году, въ докладѣ тогдашняго прокурора петербургской Судебной Палаты Муравьева о приговорахъ ихъ, состоявшихся въ засѣданіяхъ съ сословными представителями было указано на то, что эта форма суда почти не достигаетъ, несмотря на свою дороговизну, своей цѣли: увеличенія уголовной репрессіи. Марковъ обратился къ простому коронному суду, безъ всякихъ сословныхъ представителей, и показалъ, какою плохою замѣною суда присяжныхъ былъ бы онъ. Не закрывая глазъ на недостатки послѣдняго и не преувеличивая его достоинствъ, онъ настаивалъ прежде всего на томъ, чтобы этотъ судъ былъ поставленъ въ надлежащія условія дѣятельности и чтобы простые, изъ крестьянскаго сословія, присяжные, свято отправляющіе свои обязанности въ провинціи, часто голодая, холодая и нанимаясь въ промежутки между днями засѣданій на поденныя работы для своего пропитанія, получали хоть то маленькое обезпеченіе, которое имъ предлагалось многими земствами и которое было, на почвѣ бездушныхъ разсужденій формальнаго свойства о безвозмездномъ пользованіи ими своимъ *правомъ быть судьями*, отвергнуто первымъ департаментомъ Сената. Марковъ указывалъ на ту рутину, въ которую впадаетъ обыкновенно безприсяжный судъ, для котораго формы, имѣющія значеніе гарантій пра-

вильности отправленія правосудія, не имѣютъ значенія, который не призывается руководящимъ напутствіемъ предсѣдателя къ отдачѣ себѣ яснаго отчета о предлежащей ему, по каждому дѣлу, задачѣ и не представляетъ, по своему равнодушному отношенію къ работѣ сторонъ, какой-либо школы для выработки полезныхъ для правосудія условій и пріемовъ судебнаго состязанія.

Во второмъ своемъ обширномъ докладѣ Марковъ разработалъ совершенно новый и очень жизненный вопросъ. Исходя изъ столь часто присущей бывшему подсудимому необходимости и послѣ оправданія очиститься отъ тѣни, отъ пятна, брошенныхъ на него самымъ фактомъ преданія суду, или отъ тягостныхъ мотивовъ оправданія, Марковъ, подробно разобравъ всѣ возможные случаи допустимости обжалованія подсудимыми оправдательныхъ приговоровъ, указалъ на необходимость послѣдовательныхъ измѣненій самой формулы оправдательныхъ приговоровъ. Оба доклада въ свое время были напечатаны и составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу юридическую литературу по уголовному процессу и судоустройству.

Не менѣе полезна была практическая дѣятельность Маркова. Отдавшись ей тотчасъ по окончаніи курса въ Училищѣ правовѣдѣнія, въ свѣтлую эпоху первыхъ годовъ судебной реформы, Марковъ не зналъ въ ней ни утомленія, ни спокойствія. Онъ умѣлъ своимъ добросовѣстнымъ трудомъ и знаніемъ дѣла занять почтенное мѣсто между выдающимися дѣятелями петербургской прокуратуры въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, когда замѣчательные по своему ораторскому таланту товарищи прокурора, какъ, напримѣръ, Андреевскій, Жуковскій, Случевскій, Масловскій и другіе, имена которыхъ заблестѣли затѣмъ въ рядахъ авдокатуры и оберъ-прокуратуры, выступали по зауряднымъ дѣламъ, и когда заключенія въ гражданскихъ отдѣленіяхъ Окружного Суда предъявлялъ цивилистъ такой силы, какъ Боровиковскій. Въ особенности важна была дѣятельность Маркова по производству прокурорскихъ дознаній, которыми по смыслу Уставовъ и согласно установившейся тогда практикѣ, прокуратура лично провѣряла обстоятельства важнѣйшихъ дѣлъ, подлежащихъ ея вѣдѣнію. Такимъ образомъ Маркову пришлось играть весьма важную роль въ знаменитомъ процессѣ о поджогѣ паровой мельницы Овсянниковымъ. Это дѣло, вызвавшее особенное и страстное вниманіе общества, вмѣстѣ съ дѣломъ игуменьи Митрофаніи, было нагляднымъ доказательствомъ стойкаго исполненія чинами судебнаго вѣдомства высокаго завѣта «творить судъ, равный для всѣхъ». Въ половинѣ 70-хъ годовъ, несмотря на близившееся десятилѣтіе судебной реформы, для многихъ это послѣднее свойство суда еще представлялось чѣмъ-то не только ненормальнымъ, но и прямо необычайнымъ и вызывало обидное и насмѣшливое недовѣріе за границей. Наши западные сосѣди, съ лукавой усмѣшкой поглядывали въ нашу сторону, отказываясь вѣрить, чтобы въ «подкупной» (bestechbare) странѣ видное общественное положеніе или большое богатство не могли служить прочной и непреоборимой защитой противъ уголовнаго преслѣдованія, примѣнимаго только къ бѣднякамъ. «Изъ Петербурга пишутъ—иронически восклицалъ «Кладеррадачъ»,—что *двѣнадцатикратный* (zwoelffache) милліонеръ Овсянниковъ арестованъ. Непостижимо! Или у него вовсе нѣтъ 12 милліоновъ, или же мы на-дняхъ услышимъ, что *одиннадцатикратный* милліонеръ Овсянниковъ освобожденъ отъ преслѣдованія!»... Горечь этой оскорбительной

ироніи какъ будто еще усиливалась тѣмъ, что *въ прошломъ* за Овсянниковымъ было свыше десяти *судимостей* по дѣламъ, разсмотрѣннымъ низшими судами стараго устройства, изъ которыхъ онъ выходилъ съ самоувѣреннымъ торжествомъ, несмотря на то, что между ними находились и дѣла о побояхъ должностнымъ лицамъ. Судъ и присяжные свершили тяжелый трудъ по этому дѣлу съ честью, и хотя раздавались отдѣльные голоса, утверждавшіе, что Овсянниковъ осужденъ за свои прошлыя прегрѣшенія, а не за настоящее преступленіе, но, если припомнить, что дѣла о такихъ, совершаемыхъ втайнѣ и съ оглядкою преступленіяхъ, какъ поджогъ, не даютъ прямыхъ доказательствъ, особливо, когда обвиненіе сводится къ подстрекательству на поджогъ третьяго лица, и что въ разборѣ дѣла участвовали самыя блестящія силы защиты и обвиненія, то можно сказать, что въ предѣлахъ доступнаго человѣческому правосудію разумѣнія было совершено все возможное. Не даромъ, извѣстный глубиною своего ораторскаго таланта повѣренный гражданскаго истца по дѣлу отвѣтилъ на обращенный къ нему упрекъ въ неприведеніи прямыхъ доказательствъ, а лишь косвенныхъ уликъ, указаніемъ, что у него лишь черточки и штрихи, но изъ нихъ составляются очертанія, а изъ очертаній буквы и слоги, а изъ слоговъ цѣлое слово—и слово это *поджогъ!*.. Но когда этотъ поджогъ произошелъ, озаривъ громаднымъ заревомъ петербургское небо, то въ вызванномъ имъ пожарѣ было усмотрѣно полиціею лишь простое «происшествіе», подлежавшее, согласно ея сообщенію слѣдователю, погребенію подъ покровомъ 309 ст. уст. угол. суд. Задумавшись надъ неуловимыми причинами громаднаго пожара, я, занимая тогда должность прокурора петербургскаго Окружного Суда, поручилъ Маркову произвести на мѣстѣ *личное дознаніе*. Оно продолжалось нѣсколько дней. Марковъ отдался ему всецѣло и результатомъ его добросовѣстнаго и кропотливаго труда было возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ Овсянникова, при чемъ въ основаніе дальнѣйшей слѣдственной работы легло именно это дознаніе.

У всѣхъ сослуживцевъ Маркова въ памяти труды его въ кассаціонномъ Сенатѣ и его усиленная работа въ уголовномъ департаментѣ Палаты въ Варшавѣ, подорвавшая въ значительной мѣрѣ его силы. О трудолюбіи его и желаніи работать упорно на пользу судебнаго дѣла говорилъ и огромный, почти оконченный имъ, трудъ выдѣленія изъ океана кассаціонныхъ рѣшеній тѣхъ, въ которыхъ сказано Сенатомъ окончательное слово по вопросамъ права и судопроизводства. Какъ человѣкъ настойчиваго труда, какъ постоянный труженикъ юридической мысли, какъ добрый товарищъ и неоцѣнимый сотрудникъ, всегда оживленный и привѣтливый собесѣдникъ, всегда, повидимому, бодрый,—наконецъ какъ тонкій знатокъ искусства и сознательный, вдумчивый любитель природы, Марковъ заслуживалъ бы доброй памяти уже и въ томъ случаѣ, если бы только этимъ исчерпывалась его нравственная личность. Но смерть его раскрыла такія стороны въ его духовномъ существѣ, которыя показали, что онъ любилъ всѣмъ сердцемъ нѣчто большее, чѣмъ ежедневный служебный трудъ, и что нерѣдкія грустныя ноты въ его наружной веселости были вызваны тѣмъ, что эту свою любовь онъ принесъ въ жертву дѣлу, на службу которому онъ пошелъ, какъ безкорыстный, простой и непритязательный, но вѣрный своему долгу воинъ. Марковъ въ немногія минуты свободнаго распоряженія временемъ занимался, такъ сказать, урыв-

ками, живописью; но послѣ его смерти изъ его разбросанныхъ и недоконченныхъ произведеній и этюдовъ составилась цѣлая выставка, открытая для публики и вызвавшая со стороны знатоковъ признаніе въ покойномъ несомнѣннаго таланта и большихъ способностей къ живописи, не дошедшихъ до своего высшаго развитія лишь по недостатку времени для систематическихъ занятій. Оказалось, что подъ обличіемъ судебнаго работника таился горячій художникъ, понимавшій чуткою душою таинственное созвучіе красокъ. При жизни его, строгая и разборчивая редакція одного изъ большихъ нашихъ журналовъ помѣстила нѣсколько мелкихъ его стихотвореній и удачныхъ переводовъ изъ Гейне, составлявшихъ, повидимому, оставленную затѣмъ «пробу пера»; но когда онъ умеръ, то въ портфелѣ его оказалось свыше 300 стихотвореній, въ изящной формѣ которыхъ звучатъ меланхолическія ноты истинной поэзіи. Такимъ образомъ художественное его наслѣдіе рисуетъ его въ широкомъ и трогательномъ свѣтѣ. Онъ является типическимъ образцомъ тѣхъ людей, которые, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, безповоротно, и не боясь не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ жертвъ, пошли на службу новому судебному дѣлу, въ которомъ они видѣли залогъ развитія дорогой имъ родины и удовлетвореніе душевной потребности въ справедливости. Входя въ храмъ, гдѣ былъ алтарь той богини, которой они посвятили сознательно и довѣрчиво свою трудовую жизнь, не одинъ изъ нихъ сложилъ у его вратъ перо писателя, кисти художника, инструменты опытнаго изслѣдователя. Избранницѣ ихъ пришлось вести жизнь не особенно спокойную; она успѣла сильно постарѣть, морщины покрыли ея лицо и свѣтлый взглядъ ея подчасъ затуманивается... Но они остались вѣрны своему первому чувству, какъ остался ему вѣренъ Марковъ, хотя, быть можетъ, у многихъ дѣло не обошлось порою безъ невольнаго, подавленнаго вздоха о возможности иного склада своей жизни. Въ тѣхъ 300 стихотвореніяхъ, которыя самимъ Марковымъ, повидимому, не предназначались для печати, встрѣчаются мѣста, ярко рисующія его душевное состояніе и ту, невидимую для большинства, жертву, которую онъ приносилъ судебному дѣлу неуклонно и съ сознаніемъ долга.

Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ.

(1829—1907)

Пятьдесятъ лѣтъ литературной дѣятельности даютъ обыкновенно поводъ къ юбилею писателя, къ чествованію его просвѣтительной работы. Но и книга, не потерявшая и чрезъ много лѣтъ своего значенія, имѣетъ тоже своего рода право на юбилей, состоящій въ доброй памяти о ней и въ благодарномъ воспоминаніи о ея автсрѣ. Одна изъ такихъ книгъ появилась болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ. Она называлась «Учебникъ уголовнаго права», и авторомъ ея былъ Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ. Изданная во время полнаго, въ отношеніи ея предмета, безлюдья или вѣрнѣе—безкнижья, она, конечно, представляется теперь въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ неполной или устарѣлой, въ сравненіи съ подробнѣйшими руководствами Таганцева и Фойницкаго, въ сравненіи съ трудами Кистяковскаго, Сергѣевскаго, Чубинскаго, Неклюдова, Пустораслева и др. Но тогда, въ 1863 году, когда самыми выдающимися пособіями для изученіяуголовнаго права были сочиненія московскаго профессора С. И. Баршева «О мѣрѣ наказанія» (1840 г.) и «Общія начала теоріи и законодательствъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ» (1841 г.), въ которыхъ архаическіе взгляды на существенные вопросы вмѣненія и наказанія излагались съ педантизмомъ отрѣшеннаго отъ жизни кабинетнаго ученаго, книга Спасовича, составившаяся изъ его лекцій, представила собою свѣтлое и отрадное явленіе. На ней очень чувствовалось вліяніе Бернера, но цѣлые отдѣлы были обработаны самостоятельно, языкъ былъ образенъ и силенъ, картины ярки, а критическій разборъ Уложенія о наказаніяхъ 1845 г., составившій главу VII учебника, былъ первымъ и блестящимъ опытомъ серьезной критики законодательнаго сборника, который такъ повиненъ во многомъ, за что не всегда справедливо упрекали нашъ судъ,—и на смѣну которому послѣ долгихъ, томительныхъ ожиданій пришло новое Уголовное Уложеніе, до сихъ поръ однако не введенное въ дѣйствіе цѣликомъ.

Рядомъ съ подробнымъ и яркимъ изложеніемъ теорій наказанія, въ этой книгѣ были талантливыя страницы, посвященныя общимъ положеніямъ

уголовнаго права, исторіи и практическому осуществленію наказаній, полныя настойчиваго призыва къ справедливости, слагающейся изъ примиренія началъ общежительности и свободнаго самоопредѣленія воли, и къ отказу отъ тѣхъ карательныхъ мѣръ, которыя «безчеловѣчны, потому что не необходимы». Картины дряхлѣющаго Рима съ его системою жестокихъ мучительствъ, полемика съ защитниками смертной казни и художественно изложенная исторія англійской ссылки въ Австралію—составляютъ истинное украшеніе этого главнаго труда Спасовича, какъ юриста... Разсматриваемый объективно и внѣ современной ему «злобы дня», учебникъ Спасовича является замѣчательной работой, въ которой, изъ-подъ облика строгаго юриста и осторожнаго, съ нѣсколько консервативнымъ направленіемъ, политика, желающаго взаимодѣйствія между общественнымъ строемъ и почерпнутымъ изъ потребностей жизни уголовнымъ закономъ, сквозитъ художникъ-гуманистъ.

При мысли о книгѣ невольно вспоминается и ея авторъ.

Гимназистомъ VI-го класса пользовался я съ товарищами тогдашнимъ свободнымъ доступомъ въ университетскія аудиторіи и слушалъ, нерѣдко съ восторгомъ, образную и художественную рѣчь Костомарова, строгое и вмѣстѣ изящное изложеніе Стасюлевича и оригинальное, живое слово Спасовича, впервые ознакомившее насъ, юношей, съ философскими понятіями. Какъ сейчасъ вижу, затѣмъ, обширный залъ петербургской городской Думы, гдѣ читались въ 1862 году лекціи перваго свободнаго русскаго университета, гдѣ раздавалось вдохновенное слово Кавелина, и гдѣ на эстраду, на которой была поставлена каѳедра, по три раза въ недѣлю входилъ быстрою походкою человѣкъ въ очкахъ, съ коротко остриженною головою, энергическимъ лицомъ и живыми, пронзительными глазами, въ глубинѣ которыхъ горѣло пламя мысли и смѣлаго стремленія къ истинному знанію. Сложныя понятія о преступленіи и наказаніи развивались передъ внимательной и пестрой аудиторіей ярко и понятно, очень часто художественно и всегда съ той широтой, которая одна даетъ уголовному праву основаніе называться наукой, а не сборомъ теоретическихъ положеній, чуждыхъ жизни и подчасъ тяжелыхъ для совѣсти человѣка. Этотъ профессоръ былъ Спасовичъ.

Моему внутреннему взору представляется, какъ будто это было только вчера, яркій день ранней весны, когда солнце уже грѣло и заливало своимъ свѣтомъ и залу Думы, и молодыя, полныя надеждъ, лица, и когда за окномъ блистали, падая съ крыши, золотыя капли быстро тающаго снѣга... Такъ же таялъ въ тѣ дни снѣгъ, долго державшій подъ своей мертвой пеленой нашу родину, и грѣло только что взошедшее солнце незабвенныхъ 60-хъ годовъ. На порогѣ общественной жизни насъ готовились встрѣтить великія реформы, обновлявшія весь русскій бытъ, и голосъ нашихъ учителей звучалъ намъ, какъ призывъ и напутствіе для будущей дѣятельности, которой такъ радостно было посвятить, безъ расчета и корысти, всю свою жизнь. Время благородной мысли, восторженнаго чувства, горячей надежды на свѣтлое будущее и горделивой вѣры въ себя и въ духовныя силы русскаго народа,—время, когда всякій устыдился бы, даже тайно отъ всѣхъ, подумать про себя многое изъ того, что потомъ пришлось нерѣдко слышать не только въ беззастѣнчиво прорекаемыхъ громкихъ словахъ, но даже и въ печати,—время увлеченія незыблемостью принциповъ и отвращенія къ услужливости житей-

Присяжный повѣренный

Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ.

скихъ приспособленій,—это время связано для меня и для большинства моихъ товарищей по петербургскому университету съ воспоминаніемъ о чтеніяхъ Кавелина и Спасовича!

Но послѣднему не пришлось долго учительствовать, и уста его навсегда замолкли на каѳедрѣ. Учебникъ своею новизною и смѣлымъ выраженіемъ убѣжденій автора взволновалъ представителей рутинныхъ взглядовъ на уголовное право и вызвалъ въ печати нападки, далеко не всегда стоявшія на исключительно научной почвѣ. Быть можетъ, въ значительной степени онѣ содѣйствовали лишенію Спасовича, въ половинѣ шестидесядыхъ годовъ, каѳедры въ казанскомъ университетѣ. Представители схоластики въ уголовномъ правѣ на время стали полными хозяевами въ нѣкоторыхъ университетахъ и могли попрежнему пережевывать устарѣлыя «записки», не смущаемые никакими *новшествами*. Достаточно было ихъ послушать, чтобы понять заслугу чтеній Спасовича. Послѣ блестящаго и стройнаго изложенія имъ философскихъ системъ, тѣмъ болѣе дорогого, что каѳедра философіи въ университетахъ еще была закрыта, послѣ яркаго и безтрепетнаго анализа правовыхъ понятій и бытовыхъ явленій, въ старѣйшемъ русскомъ университетѣ приходилось слушать почти что диктовку устарѣлыхъ опредѣленій, пахнувшихъ Фейербахомъ и подкрѣпляемыхъ комическими примѣрами, въ родѣ указаній на генерала, лѣзущаго въ звѣздахъ и лентахъ въ подворотню, *конечно* для любовнаго свиданія, а не для кражи, какъ это было бы вполнѣ естественно предположить со стороны какого-нибудь оборванца,—или патетическими восклицаніями въ родѣ: «кому изъ васъ, господа, было бы пріятно лежать въ могилѣ рядомъ съ самоубійцей?!»

Затѣмъ пришлось встрѣтиться со Спасовичемъ черезъ нѣсколько лѣтъ, на службѣ Судебнымъ Уставамъ, которымъ онъ отдалъ свои лучшія силы. Вмѣстѣ со многими, теперь сошедшими со сцены, я былъ свидѣтелемъ его трудовъ и горячо привѣтствовалъ тѣ основы судебной этики, которыя закладывались имъ и въ судебныхъ преніяхъ и въ опредѣленіяхъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Въ числѣ многихъ и многіе годы я восхищался его оригинальными, непокорными словами, которыя онъ вбивалъ, какъ гвозди, въ точно соотвѣтствующія имъ понятія,—любовался его горячими жестами и чудесной архитектурой рѣчей, неотразимая логика которыхъ соперничала съ глубокою ихъ психологіей и указаніями долгаго и основаннаго на опытѣ житейскаго раздумья. Какъ часто приходилось представлять себѣ кого-либо, пришедшаго въ первый разъ послушать въ судѣ *знаменитаго Спасовича* и сначала удивленно вопрошающаго себя: «какъ? неужели это Спасовичъ? не можетъ быть...»; —говорящаго себѣ, затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ: «а вѣдь, пожалуй, это и онъ...» и восклицающаго, наконецъ, съ восторгомъ: «да, это онъ! онъ и никто другой!» На поприщѣ судебныхъ состязаній намъ пришлось поработать вмѣстѣ. Не разъ вѣсы побѣды, если только умѣстно говорить о побѣдѣ и пораженіи въ искреннемъ исканіи истины въ судебномъ дѣлѣ,—склонялись то на ту, то на другую сторону,—но, и побѣжденный и побѣдитель, я возвращался домой всегда и прежде всего благодарнымъ ученикомъ Спасовича. Изъ каждаго нашего состязанія я выносилъ поучительный и радостный примѣръ строго-нравственнаго отношенія къ пріемамъ и формамъ судебной борьбы и воспоминаніе о широкихъ горизонтахъ философскихъ, соціальныхъ и даже естественно-научныхъ знаній, которыя Влади-

міръ Даниловичъ такъ искусно умѣлъ открывать взору слушателя, сквозь лѣсную чащу фактическихъ данныхъ дѣла.

Выступая въ качествѣ защитника, а иногда и гражданскаго истца въ рядѣ выдающихся уголовныхъ дѣль, Спасовичъ являлся не только своеобразнымъ, глубокимъ и талантливымъ представителемъ адвокатуры, но и всею своею дѣятельностью на этомъ поприщѣ преподалъ достойные самаго внимательнаго изученія пріемы и способы, согласные съ непосредственными цѣлями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ общественными задачами авдокатуры. Изъ его рѣчей представляется возможнымъ вывести, въ извѣстной системѣ, его взгляды на теорію и практику дѣятельности судебнаго оратора. Такъ, выдѣляя изъ общаго *понятія о защитѣ ея задачи,* онъ находилъ, что, помогая суду заглянуть въ тайны души подсудимаго и изучить ея изгибы, защитникъ долженъ сказать въ пользу обвиняемаго все, чего послѣдній самъ не можетъ, не умѣетъ или не хочетъ сказать, не закрывая, однако, при этомъ глазъ на истину и не указывая голословно на вліяніе и воздѣйствіе среды, личностей или обстоятельствъ, безъ ихъ тщательнаго изученія и провѣрки и безъ сопоставленія личности искушаемаго со свойствами и пріемами искушенія. Даръ свободнаго слова предоставленъ адвокату для облегченія участи подсудимаго, и имъ не слѣдуетъ пользоваться для распространенія преступныхъ или противообщественныхъ идей. Изъ *видовъ* защиты, защита по соглашенію съ подсудимымъ менѣе свободна, чѣмъ защита по назначенію отъ суда, ибо приходится, по возможности, придерживаться системы оправданій обвиняемаго; но и тутъ защитникъ не можетъ быть слѣпымъ орудіемъ и долженъ проявлять *отвагу* своего званія въ названіи вещей по ихъ именамъ. Въ зависимости отъ *свойствъ обвиняемаго* защита можетъ выражаться или въ полномъ отождествленіи защитникомъ себя съ обвиняемымъ, въ особенности въ передачѣ его чувствъ, или же въ отдѣленіи себя отъ него и объективномъ къ нему отношеніи. По *политическимъ дѣламъ* защита должна быть свободна, при чемъ адвокатъ, и не будучи солидаренъ съ подсудимымъ, долженъ, однако, имѣть право высказать все возможное для оправданія или уменьшенія вины подсудимаго и для ослабленія невыгоднаго впечатлѣнія въ отношеніи чувствъ, руководившихъ послѣднимъ. Въ своихъ *пріемахъ* защита не должна давать увлечь себя неумѣстнымъ соображеніямъ о возможности надоѣсть или наскучить судьямъ, исчерпывая матеріалъ до конца и относясь не только къ фактамъ дѣла, но и къ источникамъ и причинамъ карательнаго закона со всестороннимъ изслѣдованіемъ; въ дѣлахъ, имѣющихъ предметомъ щекотливыя подробности, она должна рисовать не ихъ, а лишь общія начертанія предмета, подражая не детальной китайской живописи, а античной скульптурѣ.

Примѣняя эти общія правила въ свой практической дѣятельности, Спасовичъ облекалъ въ формы, выраженныя оригинальнымъ, не всегда правильнымъ, но всегда образнымъ, точнымъ и подчасъ очень острымъ языкомъ, глубокое, логически стройное и нерѣдко художественное содержаніе, давая, въ послѣднемъ отношеніи, то яркія очертанія, то мысль, неминуемо создающую, въ послѣдовательномъ своемъ развитіи, тотъ или другой образъ. Въ общемъ рѣчи его сжаты и сравнительно кратки; онъ говоритъ, какъ бы слѣдуя совѣту Кантý: «coll'arte di dir poco e di far pensare assai» (съ искусствомъ мало говорить, но много заставлять думать); при этомъ почти

всѣмъ его рѣчамъ присущъ научный пріемъ разбора и установленіе методовъ изслѣдованія спорныхъ обстоятельствъ и извѣстная *поучительность* на почвѣ обширныхъ и разностороннихъ знаній въ области естественныхъ и гуманитарныхъ наукъ, поднимающая защиту въ высшій порядокъ идей. Очень искусно споря противъ фактической стороны дѣла, но никогда не умаляя значенія и силы злого дѣянія, приписываемаго подсудимому, онъ обращалъ особое вниманіе на выясненіе вопросовъ о томъ, что за человѣкъ обвиняемый и подходитъ ли содѣянное имъ подъ то опредѣленіе закона, на которомъ настаиваетъ обвинитель. Отсюда блестящія и продуманныя *характеристики* и тонкій научный и житейскій разборъ уголовной *квалификаціи* дѣйствій подсудимаго. Характеристики Саши Большой (въ процессѣ объ убійствѣ фонъ-Зона), Островлевой, Нины Андреевской, Шомбергъ-Колонтая, Нечаева даютъ образы, прочно остающіеся въ памяти, благодаря своей психологической и жизненной правдивости. Тамъ, гдѣ Спасовичъ принужденъ былъ разбирать улики и доказательства отрицаемаго имъ событія преступленія, его ѣдкая критика, находчивыя и тонкія сопоставленія не оставляли ничего недоговореннымъ или обойденнымъ, неуклонно направляясь, въ видѣ обдуманныхъ поступательныхъ дѣйствій, отъ окружности къ центру дѣла, т.-е. къ личности обвиняемаго.

По *содержанію* своихъ рѣчей, Спасовичъ являлся не только защитникомъ въ данномъ дѣлѣ, но и *мыслителемъ*, для котораго частный случай служилъ поводомъ для поднятія общихъ вопросовъ и ихъ оцѣнки съ точки зрѣнія политика, моралиста и публициста. Его рѣчи часто представляли изъ себя, независимо отъ своего дѣлового содержанія, цѣлые отрывки изъ ученія объ обществѣ, объ уголовной политикѣ и о судебной этикѣ. Такъ, въ рядѣ литературныхъ процессовъ и дѣлъ о преступленіяхъ противъ церкви имъ разработанъ вопросъ о свободѣ совѣсти и вдумчиво очерчены отношенія между наукою и религіею, между догматическою и нравственною стороною послѣдней и между свободой исповѣданія и свободою изслѣдованія, между Добрымъ пастыремъ и Rex tremendae majestatis. Въ процессахъ Кронеберга и Любатовичъ онъ разсматривалъ вопросы о предѣлахъ карательной власти государства и о взаимодѣйствіи законовъ и нравовъ;—въ процессѣ, вызванномъ дуэлью Утина съ Жоховымъ, далъ изслѣдованіе о происхожденіи и внутреннемъ значеніи поединка;—въ многочисленныхъ дѣлахъ о преступленіяхъ печати выяснилъ вопросъ о свободѣ печатнаго слова и ея истинныхъ предѣлахъ, тщательно и впервые выдвигая тонкое различіе диффамаціи, клеветы и брани въ печати, совѣтуя судить клеветника по его поступкамъ, не производя изслѣдованій въ его душевной области, при чемъ пришлось бы иногда—«надѣвать калоши» и «вступать въ область сѣроворода»—и ставилъ въ величайшую заслугу автору и въ лучшую услугу литературы обществу—нравственное поднятіе читателя;—въ дѣлахъ, разбиравшихся предъ военно-окружнымъ судомъ, далъ опредѣленіе и анализъ различныхъ видовъ военной дисциплины и отношенія ихъ къ карательной дѣятельности государства—и, наконецъ, въ защитительныхъ рѣчахъ по политическимъ процессамъ, рѣчахъ, богатыхъ историко-бытовымъ анализомъ, онъ развивалъ строго проводимую имъ систему органическаго развитія государства, не отрицая значенія постепенной демократизаціи общества, но иронически относясь къ теоретическимъ взглядамъ, построеннымъ не на любви къ завѣтамъ истори-

ческаго прошлаго, а на радикальномъ разрывѣ и съ прошлымъ и съ настоящимъ, въ утопической надеждѣ на «золотой вѣкъ» будущаго, и указывалъ на важныя идейныя и практическія отличія пропаганды политической отъ пропаганды соціальной.

И на строго-юридической почвѣ, преимущественно въ своихъ рѣчахъ предъ кассаціоннымъ судомъ, Спасовичъ постоянно затрогивалъ общіе вопросы *о задачахъ и устройствѣ суда* и *о способахъ и выводахъ судебнаго изслѣдованія*. Блестящими доводами и картинами рисовалъ онъ опасность почвы, на которой предъ судомъ, обязаннымъ добиваться «сухой, но безсмертной истины», вырастаетъ, рядомъ съ историческимъ ислѣдованіемъ матеріала, «бурьянъ» поэтической легенды, опутывающей свободную дѣятельность ума у судей и сторонъ. Опредѣляя задачи суда, онъ напоминаетъ ему объ обязанности не творить законъ, а «ремонтировать» своими приговорами тѣ поврежденія, которыя въ немъ сдѣланы, какъ въ цементѣ, не дающемъ обществу распасться на свои составные атомы. Поэтому, признавая за кассаціоннымъ Сенатомъ роль пестуна и регулятора въ судебной сферѣ, Спасовичъ приглашаетъ его не возводить «свою собственную надстройку надъ зданіемъ, возведеннымъ Судебными Уставами».

Въ рѣчахъ его разсыпано множество цѣнныхъ замѣчаній о дѣятельности и организаціи суда присяжныхъ. Ко введенію этой формы суда въ Россіи онъ относился въ свое время съ недовѣріемъ. Въ публичныхъ лекціяхъ «о теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ», читанныхъ въ 1860 г. въ петербургскомъ университетѣ, онъ высказывалъ опасеніе, что нравственно-юридическое развитіе народа не подготовило его къ участію въ свободномъ, не стѣсняемомъ обязательными правилами сужденія, судѣ, и что отсутствіе привычки отличать законъ отъ требованія начальства, а также присущая русскому человѣку склонность видѣть въ преступникѣ «несчастнаго» могутъ вредно отразиться на правильномъ отправленіи правосудія. Жизнь и здравый смыслъ народа не подтвердили этихъ опасеній, и Спасовичъ, испытавъ русскихъ присяжныхъ засѣдателей на практикѣ, прямодушно и твердо сталъ на ихъ сторону, не впадая въ идеализацію. По справедливости признавая, что виною нѣкоторыхъ временныхъ недостатковъ этого суда у насъ—*условія*, въ которыя онъ поставленъ, онъ выступилъ защитникомъ его вообще противъ нападеній позитивно-антропологической школы (Тардъ, Гарофало и др)., въ лекціяхъ «о новыхъ направленіяхъ въ уголовномъ правѣ», читанныхъ въ Соляномъ городкѣ въ 1891 году. Въ Сенатскихъ рѣчахъ по дѣламъ Мельницкихъ, Островлевой и персидскаго принца Кейкубата, давая указанія на необходимыя улучшенія въ постановкѣ этого суда, которому надо «дать побольше довѣрія и поменьше власти», отмѣчая его «наставительный» характеръ и противополагая его суду коронному,—«законнику, витающему въ абстракціяхъ и не безпристрастному рѣшителю, тянущему всегда въ пользу государства, безъ негодованія и состраданія»,—Спасовичъ признавалъ, что при правильномъ устройствѣ суда *обязанности* людскія должны толковаться судомъ юристовъ, а *дѣянія* обсуждаться присяжными.

Значительная часть многихъ рѣчей Спасовича посвящена была вопросамъ *психофизіологіи* и содержала множество тонкихъ и обличающихъ обширную эрудицію замѣчаній и характеристикъ изъ области уголовной физіологіи и психологіи. Находя, что духовная культура выражается съ одной стороны

въ выработкѣ и преобладаніи мозга и нервной системы, а съ другой—въ возрастаніи идеомоторныхъ процессовъ, въ возможно большемъ разстояніи между внѣшнимъ раздраженіемъ и его неизмѣримо далекими результатами, при чемъ каждый результатъ является уже не *продуктомъ* первоначальнаго раздраженія, а *отвѣтомъ*, даннымъ всѣмъ характеромъ, всѣми пережитыми опытами и всѣми привычками мысли, чувствъ и дѣятельности, онъ съ особымъ вниманіемъ изслѣдовалъ чувствительный, мыслительный и волевой процессы въ человѣкѣ. «Идея безжизненна въ своемъ холодномъ состояніи,—говорилъ онъ:—ей нужно согрѣться чувствомъ, чтобы перейти въ живое дѣло». Сдѣланные имъ (въ особенности въ дѣлѣ Островлевой) анализы душевныхъ недуговъ, какъ болѣзней мышленія,—и разборъ ихъ отличія отъ болѣзней чувствъ и воли дали ему вполнѣ заслуженное право быть избраннымъ въ 1885 г. въ члены психіатрическаго общества при императорской военно-медицинской Академіи. Свобода воли, обусловливающая собою вмѣняемость, по мнѣнію Спасовича, выражается въ дѣйствіи трехъ главныхъ мотивовъ человѣческихъ дѣяній—страсти, ума (расчета) и нравственнаго чувства (совѣсти)—и наказаніе назначается за то, что одинъ изъ двухъ первыхъ мотивовъ оказался сильнѣе третьяго, за то, что страсть одолѣла умъ, или умъ наложилъ молчаніе на протестующую совѣсть. Критерій этотъ неприложимъ, однако, къ душевно-больнымъ, и мечъ правосудія опускается тамъ, гдѣ надъ человѣкомъ тяготѣетъ проклятіе природы.

Живая, энергическая рѣчь Спасовича, одинаково сильная въ синтезѣ и въ анализѣ, никогда не упускающая изъ виду подсудимаго, какъ «брата по человѣчеству», проникнутая разумнымъ снихожденіемъ къ увлеченіямъ молодого возраста, однако, безъ льстиваго попустительства, всегда производила впечатлѣніе на присяжныхъ и привлекла къ себѣ особое вниманіе суда. Если вдумчивость въ дѣло, изученіе его во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, отсутствіе напускного паѳоса и простотэ рѣчи, въ связи съ глубиною и богатствомъ ея содержанія, должны служить образцомъ и примѣромъ для лицъ, посвящающихъ себя адвокатурѣ, то такой образецъ данъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ судебною дѣятельностью Спасовича. Нужно ли говорить, затѣмъ, о его роли въ упроченіи и энергичномъ оживленіи того кружка юристовъ, которые собирались у него на квартирѣ за разработкой правовыхъ вопросовъ,—кружка, послужившаго ядромъ петербургскаго юридическаго Общества, того Общества, въ стѣнахъ котораго столько разъ раздавалось призывное слово Спасовича къ правильному устроенію правосудія и къ устроенію суда въ духѣ Судебныхъ Уставовъ.

Наконецъ, нельзя забыть всѣхъ художественныхъ наслажденій и отрадныхъ минутъ, вынесенныхъ каждымъ изъ участниковъ собраній *Шекспировскаго кружка*, куда приходилось уходить отъ тяжелыхъ впечатлѣній жизни для того, чтобы отдохнуть и забыться въ совмѣстной работѣ надъ изслѣдованіемъ вѣчныхъ началъ художественной правды и красоты. Члены этого кружка помнятъ до сихъ поръ многіе изъ создавшихся, благодаря энергіи и личному участію Спасовича, докладовъ, и мнѣ невольно рисуются тѣ вечера, когда почти сорокъ лѣтъ назадъ, мы переносили съ нимъ наши обычныя состязанія и на Шекспировскую почву, избравъ предметомъ ихъ «Макбета» и посвятивъ этой трагедіи рядъ рефератовъ и контръ-рефератовъ.

Вся дѣятельность этихъ кружковъ, — и правовая, и литературная — оживлялась и согрѣвалась имъ, который въ этомъ тонкомъ механизмѣ свободнаго мышленія былъ маховымъ колесомъ, приводившемъ все въ движеніе. Не останавливаясь передъ хлопотами, просьбами и трудами, онъ не давалъ развиться въ этихъ кружкахъ столь обычнымъ у насъ лѣни и апатіи. А когда эти послѣднія все-таки грозили забраться въ среду участниковъ, Спасовичъ, несмотря на многочисленныя занятія и на преклонные годы, съ тревожной настойчивостью «собиралъ», выражаясь словами великаго Петра, «разсыпанную храмину» и дѣлался въ ней снова дѣятельной силой и связующимъ ея центромъ.

Такія воспоминанія заставляютъ искренно сожалѣть о томъ, что на тускломъ петербургскомъ горизонтѣ навсегда исчезъ своеобразный духовный и физическій обликъ Спасовича и что больше не приходится знать, что въ одномъ изъ уголковъ суетнаго и холоднаго города почти по каждому общественному или научному вопросу бьется, какъ пульсъ, отзывчивая и чуткая душа этого человѣка.

Не слѣдуетъ ли, однако, по примѣру античнаго Рима, сказать по адресу Спасовича: «carmen famosum»? Недаромъ же современному перерожденію римскаго «позорящаго стиха» въ клевету и диффамацію онъ посвятилъ нѣсколько научныхъ трудовъ. Эту задачу въ свое время могли бы облегчить его многочисленные непріятели, ибо—къ чему скрывать?—у него ихъ было большое количество. Оно и не мудрено, такъ какъ онъ былъ всегда самимъ собою, чуждымъ слѣпого рабства передъ чужою мыслью, независимо относившимся ко всякаго рода инвентарямъ партійныхъ понятій и обязательному трафарету предустановленныхъ взглядовъ. Поэтому, напримѣръ, когда, считая себя полякомъ по происхожденію, вкусамъ и традиціямъ и прямодушно объ этомъ заявляя всюду, онъ увлекался своей любовью къ прошлому Польши, его тотчасъ же спѣшили упрекнуть въ томъ, что онъ отчуждается отъ всего русскаго. При этомъ нерѣдко прибавлялось: «не правъ ли былъ Катковъ, когда, характеризуя «ораторовъ петербургской Судебной Палаты» по Нечаевскому дѣлу, онъ, со свойственной ему силой выраженія, говорилъ о томъ, что только одинъ изъ нихъ—Спасовичъ—поднялся на вызываемую важностью дѣла высоту и окинулъ съ нея проницательнымъ взглядомъ условія и среду, изъ которыхъ вышли участники заговора, и прибавлялъ съ горечью: «но онъ говорилъ, какъ *чужой*». Однако, вглядѣвшись въ жизнь Спасовича въ Россіи, съ этимъ эпитетомъ нельзя согласиться. Не чужой русскому обществу былъ тотъ, кто сѣялъ сѣмена здоровой науки и критики, кто принялъ такое живое и сердечное участіе въ дѣлѣ развитія судебныхъ пріемовъ и идеаловъ,—не чужой былъ тотъ, кто заставлялъ своимъ живымъ словомъ биться сердца слушателей, кто неустанно, среди недовѣрія и глухихъ обвиненій, употреблялъ всѣ доступныя ему духовныя средства, чтобы развить, вмѣсто отчужденія, взаимное пониманіе и уваженіе въ двухъ родственныхъ славянскихъ племенахъ, которымъ суждено въ будущемъ итти къ обще-человѣческимъ цѣлямъ не только рука съ рукой, но и душа съ душою... Наконецъ, чужой Россіи развѣ тотъ, кто оставилъ *одиннадцать* томовъ своихъ печатныхъ трудовъ, изложенныхъ на русскомъ языкѣ, по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія? Извѣстно стихотвореніе Мицкевича, въ которомъ изображены двое юношей подъ однимъ плащомъ, соединенныхъ между собою связью сердца. Поэтъ

уподобляетъ ихъ двумъ скаламъ, склоненнымъ вершинами другъ къ другу, межъ тѣмъ какъ снизу ихъ навѣки раздѣлилъ потокъ. Когда-то казалось, что это такъ и есть, но въ послѣднее время не явились ли признаки того, что снѣгъ и ледъ вершинъ, подобно альпійскимъ ледникамъ, спускаются внизъ, и не только единичные люди, но и цѣлые слои населенія охватываются однимъ чувствомъ на почвѣ просвѣщенія и справедливости во взаимной оцѣнкѣ. Это выразилось ясно въ русско-польскихъ чествованіяхъ столѣтнихъ юбилеевъ Пушкина и Мицкевича. Надо желать, чтобы какъ можно скорѣе сдѣлалось яснымъ, что въ великолѣпномъ пророчествѣ польскаго поэта одно лишь мѣсто было ошибочно: потокъ высохъ, и обѣ скалы соединились, сохранивъ за собой всѣ свойства своей природы, но будучи связаны прочнымъ кварцемъ взаимнаго уваженія и золотой рудой любви къ ближнему. Для этого не мало и плодотворно поработалъ Спасовичъ.

Его упрекали въ томъ, что онъ всегда разбрасывался, никогда не отдаваясь всецѣло одному дѣлу — и въ мысляхъ и въ дѣйствіяхъ былъ непосѣдой, не создавъ кропотливымъ и усидчивымъ трудомъ чего-либо одного, большого и цѣльнаго. Да, пожалуй, это вѣрно... Но довольно въ жизни нашей узкихъ спеціалистовъ, достаточно исключительной принадлежности ко всякимъ офиціальнымъ и неофиціальнымъ вѣдомствамъ, накладывающей односторонній отпечатокъ на всю личность человѣка! Было нѣчто привлекательное въ этомъ Протеѣ—Спасовичѣ, когда онъ искалъ новыхъ впечатлѣній и воплощалъ ихъ въ оригинальныя мысли, гдѣ бы его ни приходилось встрѣтить: въ театрѣ, на выставкѣ картинъ, на публичной лекціи, на диспутѣ, въ судѣ, въ редакціи журнала, на товарищескомъ обѣдѣ или на похоронахъ хорошаго человѣка. Нельзя было не цѣнить эту его отзывчивость, эти черты его личности, потому что каждый его шагъ въ разнообразныхъ сферахъ духовной жизни былъ проникнутъ внутреннимъ смысломъ и всегда, такъ или иначе, направленъ къ пробужденію въ окружающихъ тѣхъ общихъ идей и представленій, въ которыхъ сказываются лучшія стороны людского духа и безъ которыхъ жизнь образованнаго человѣка была бы тяжелымъ бременемъ. Невольно вспоминается то уже приведенное выше мѣсто обвинительной рѣчи Владиміра Даниловича по дѣлу о поджогѣ мельницы Овсянникова, гдѣ на упрекъ защиты, что онъ строитъ всѣ свои выводы на однѣхъ косвенныхъ уликахъ, на чертахъ и черточкахъ онъ отвѣтилъ: «Ну, да! черты и черточки! Но, вѣдь, изъ нихъ складываются очертанія, а изъ очертаній буквы, а изъ буквъ слоги и изъ слоговъ возникаетъ слово, — и это слово: — *поджогъ!*»Такъ и про него его противникамъ можно сказать: «Ну, да! вы правы, все у него были черты и черточки, но изъ нихъ складывались понятія, а изъ понятій — цѣлое представленіе о человѣкѣ, и оно было представленіемъ *о служителѣ общественнаго развитія*»...

Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.

Жизнь прожить — не поле перейти, — говоритъ старая русская пословица. И, дѣйствительно, какъ бы заурядна ни была жизнь человѣка, но если онъ можетъ оглянуться на полвѣка своего сознательнаго существованія въ качествѣ взрослаго, то и въ послѣднемъ найдутся годы, періоды, дни и часы, которые все-таки заслуживаютъ нѣкотораго воспоминанія. Къ сожалѣнію, всеразрушающая рука времени не щадитъ не только физической оболочки, но и душевныхъ свойствъ большинства людей, изъ которыхъ, по выраженію Талейрана, «годы обыкновенно не дѣлаютъ мудрецовъ, а лишь старцевъ». При этомъ нерѣдко старѣющіеся люди не безъ умиленія привѣтствуютъ въ себѣ тотъ мимолетный подъемъ жизненной энергіи, который принято называть «второю молодостью», и никогда не обращаютъ нужнаго вниманія на явные и печальные признаки того, что справедливо назвать «вторымъ дѣтствомъ», ко всему относящимся съ эгоистическимъ благодушіемъ и стремленіемъ къ спокойствію во что бы то ни стало. Недаромъ Бѣлинскій, считая трудъ задачей всей жизни до гробовой доски, совѣтовалъ бояться преждевременной старости, первыми страшными предшественниками которой считалъ «довольство тѣмъ, что есть, безъ потребности въ томъ, чего нѣтъ, но безъ чего, однако, не для чего жить»—а также «примиреніе съ окружающей дѣйствительностью и терпимость къ посредственности». Цѣльность нравственнаго образа и послѣдовательность въ словѣ и въ дѣлѣ не составляютъ, какъ извѣстно, частаго явленія въ нашей жизни. Подъ вліяніемъ историко-бытовыхъ условій и при полномъ отсутствіи воспитанія личности, мы были всегда богаты людьми, мѣтко характеризуемыми въ русскихъ грамотахъ XVI столѣтія, какъ «духомъ перегибательные». Рѣдкій изъ нихъ могъ бы, безъ краски запоздалаго стыда, вспомнить завѣтъ великаго поэта: «fur die Träume seiner Jugend Achtung tragen wenn er Mann wird!» Такими людьми бываютъ не только лишенные всякихъ убѣжденій, угодливые искатели тѣхъ мѣстъ и положеній, гдѣ въ данное время и лишь на данное время, согласно поговоркѣ, «глубже и лучше», — но и убѣжденные отрицатели своего прошлаго, «сожигающіе то, чему поклонялись», и безъ оглядки рѣшительно переходящіе изъ *Савловъ* въ *Павлы* или, къ сожалѣнію, чаще всего, наоборотъ. Отсутствіе цѣльности и послѣдовательности, однако, сказывается не-

I.

II.

III.

IV.

I. Иванъ Ивановичъ Шамшинъ,
II. Яковъ Яковлевичъ Чемадуровъ—первый прокуроръ Петербургской Судебной Палаты.
III. Николай Николаевичъ Шрейберъ—первый прокуроръ Петербургскаго Окружнаго Суда.
IV. Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.

рѣдко и на людяхъ, за которыми есть долгіе годы сознательной дѣятельности въ строго выдержанномъ направленіи, и которые вдругъ «sans crier gare!» въ приступѣ малодушія, подъ вліяніемъ скоропреходящихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ или изъ суетнаго опасенія утраты житейскихъ удобствъ, кладутъ, иногда въ виду уже близкой могилы, крестъ на свое прошлое и идутъ туда, гдѣ ихъ встрѣчаютъ съ радостью, но принимаютъ безъ уваженія, восклицая имъ внутренно: «да воспляшетъ Исакій съ нами!»

Чѣмъ печальнѣе послѣднее явленіе, тѣмъ цѣннѣе возможность отмѣтить существованіе въ нашей общественной средѣ дѣятеля, оставшагося неизмѣнно и несмотря ни на что вѣрнымъ себѣ во всѣхъ фазисахъ своей жизни, отданной неуклонному служенію идеаламъ личной и общественной нравственности. Такимъ дѣятелемъ представляется *К. К. Арсеньевъ*. Родившійся 24 января 1837 г., онъ былъ младшимъ сыномъ извѣстнаго статистика и историка Константина Ивановича Арсеньева (1789 — 1865 г.), и если справедливо изреченіе, что «дитя — отецъ взрослаго», то нѣкоторыя черты дѣятельности Арсеньева должны были быть посѣяны еще въ его дѣтствѣ. Отецъ его былъ жертвою извѣстнаго разгрома петербургскаго университета, произведеннаго въ 1821 году Руничемъ, усмотрѣвшимъ «обдуманную систему невѣрія и правилъ зловредныхъ и разрушительныхъ въ отношеніи къ нравственности, образу мыслей и духу учащихся» въ томъ, что молодой профессоръ въ своихъ «Начертаніяхъ статистики» находилъ землю, воздѣланную вольными крестьянами, дающею обильнѣйшіе плоды противъ обработанной крѣпостными, считалъ гражданскую личную свободу истиннымъ источникомъ величія и совершенства всѣхъ родовъ промышленности и указывалъ на запутываніе въ сѣтяхъ ложнаго толкованія законовъ невинныхъ и неопытныхъ людей «знающими», руководящимися не безпристрастіемъ, а лихоимствомъ. Осужденіе крѣпостныхъ отношеній, безсудія и безправія, подмѣченное Руничемъ во мнѣніяхъ Арсеньева, безъ сомнѣнія, нашло себѣ мѣсто въ урокахъ, даваемыхъ послѣднимъ наслѣднику престола, будущему Александру II, отразившись и на его великихъ реформахъ. Этимъ же осужденіемъ проникнуты были и руководящія начала дѣятельности К. К. Арсеньева. Училище правовѣдѣнія, въ стѣнахъ котораго пробылъ молодой Арсеньевъ съ 1849 по 1855 годъ, не оставило въ немъ особенно теплыхъ воспоминаній. Черезъ тридцать лѣтъ по окончаніи курса («Русская Старина», 1886 г.), ему вспоминались, на общемъ тускломъ фонѣ рутиннаго преподаванія и формалистической дисциплины лишь два профессора, обладавшіе способностью оживлять свой предметъ, и выдѣлялся, возбуждая благодарное чувство, образъ П. Д. Калмыкова, всегда серьезнаго, почти мрачнаго, но изысканно-вѣжливаго и деликатнаго, поражавшаго сдержанно-страстнымъ отношеніемъ къ своему предмету (уголовному праву), выражавшимся во всемъ— въ голосѣ, тонѣ, образной рѣчи и паѳосѣ, съ которымъ онъ говорилъ объ излагаемыхъ имъ ученіяхъ или возставалъ противъ смертной казни, тѣлесныхъ наказаній и наложенія клеймъ, что было, по тогдашнимъ временамъ, не совсѣмъ безопасно для профессора. Весной 1855 г. молодой Арсеньевъ окончилъ курсъ и вступилъ въ общественную жизнь, подъ далекій гулъ Севастопольской канонады, въ которой уже слышался погребальный салютъ проникнутому удушливой и сгущенной тьмой крѣпостному строю государства. Хотя Иванъ Аксаковъ еще писалъ въ это время своему отцу, что «каждый

мыслящій русскій имѣетъ право на мученическій вѣнецъ», и спрашивалъ его: «чего можно ожидать отъ страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, гдѣ надо солгать, чтобы сказать правду, — надо поступить беззаконно, чтобъ поступить справедливо, — надо пройти всю процедуру обмановъ и мерзости, чтобы добиться необходимаго законнаго?» — но заря новой жизни въ другихъ условіяхъ уже чувствовалась. Первые годы дѣятельности прошли для Арсеньева въ службѣ по центральному управленію Министерства Юстиціи, въ участіи въ редактированіи основаннаго въ это время Журнала этого Министерства и въ мечтахъ о каѳедрѣ всеобщей исторіи въ университетѣ, для чего онъ готовился къ экзамену на кандидата историко-филологическаго факультета и слушалъ лекціи въ Боннѣ. Мечта эта, однако, не осуществилась, хотя Арсеньевъ къ ней возвращался не разъ. Невозможность остаться за границею необходимое время и журнальная работа, затягивавшая его по мѣрѣ расширенія горизонтовъ, задачъ и фактическихъ правъ печати, заставили его отказаться отъ мысли о каѳедрѣ. Результатомъ этого періода жизни его явился рядъ этюдовъ по политической экономіи и государственному праву, множество статей въ отдѣлѣ иностранной политики въ «Спб. Вѣдомостяхъ» Корша и переводъ «Исторіи французской революціи» Минье, съ предисловіемъ къ нему.

Всѣ эти труды отразили на себѣ громадную эрудицію, которою обладалъ авторъ, и ту точность и, такъ сказать, изящество анализа общественныхъ ученій и явленій, которыми затѣмъ неизмѣнно отличались его работы, написанныя всегда тѣмъ простымъ и убѣдительнымъ языкомъ, который свидѣтельствуетъ прежде всего о глубокой вдумчивости автора. Эти статьи особенно были цѣнны для выраженія общественнаго настроенія и той жажды обновленія, которыми была проникнута русская жизнь въ годы реформаторской дѣятельности Александра II, направленной къ рѣзкому измѣненію «устройства», съ такою горькою правдою обрисованнаго Ив. Аксаковымъ. Въ основѣ этого настроенія и этой жажды лежалъ идеалъ болѣе разумной и достойной личной и общественной жизни, средствами для достиженія котораго являлись — политическая свобода, вѣротерпимость въ истинномъ ея значеніи, отсутствіе стѣснительнаго произвола надъ полетомъ и выраженіемъ мысли и искреннее уваженіе къ человѣческой личности внѣ всякихъ племенныхъ или религіозныхъ «межевыхъ знаковъ»... *Идеалъ* раздѣляли многіе, *средства* съ полною ясностью сознавали не всѣ, но *вѣрность* служенію первому, по мѣрѣ замедленія преобразовательной дѣятельности правительства и замѣны ея застоемъ, а потомъ и рѣшительнымъ попятнымъ движеніемъ, сохранили очень немногіе. Но для Арсеньева все это составило неразрывное «principium movens» его духовнаго міра и его практическаго дѣйствованія. Изъ каждой страницы его многочисленныхъ произведеній звучитъ призывъ къ тѣмъ началамъ, безъ которыхъ жизнь общественнаго организма представляется ему медленнымъ разложеніемъ, ведущимъ къ смерти. Это отражается и на его публицистической аргументаціи: для него просвѣтительныя и общечеловѣческія основы общежитія не только не подлежатъ сомнѣнію, но и непоколебимы никакими внѣшними обстоятельствами. Все, что ихъ извращаетъ или затуманиваетъ правильную ихъ оцѣнку и пониманіе, — пройдетъ, *должно* пройти! Поэтому, вся его публицистическая дѣятельность, несмотря на его всегда уравновѣшенный тонъ и умѣренный языкъ, есть въ сущности во-

сторженное исповѣданіе непреложныхъ началахъ добра, справедливости и нравственной красоты. Если бы пришлось выбирать девизы для ея символической характеристики, то, конечно, «e pur se muove» и «Carthago delenda est» были бы самыми подходящими. Съ этой точки зрѣнія Арсеньевъ представляется оптимистомъ, при томъ весьма упорнымъ. Онъ былъ имъ, когда волна общественнаго настроенія несла его съ собою, онъ оставался имъ въ эпоху малодушныхъ сомнѣній и колебаній, онъ пребылъ твердъ въ своей вѣрѣ и тогда, когда кругъ людей, вѣрныхъ традиціямъ шестидесятыхъ годовъ, сталъ дѣлаться маленькимъ. Брезгливо уклоняясь отъ задора полемическихъ споровъ, Арсеньевъ не избѣгъ, однако, разнообразныхъ и всегда безпочвенныхъ нападеній въ печати. Между ними было, однако, одно, повторявшееся съ торжествомъ и съ «покиваніемъ главъ», которое было вполнѣ вѣрнымъ и имѣло значеніе, неожиданное для бросавшихъ его съ укоромъ. Да! Арсеньевъ всегда оставался *«прямолинейнымъ либераломъ»*. Въ проведеніи своихъ взглядовъ на основы гражданской свободы и на условія ея осуществленія онъ не допускалъ компромиссовъ и приспособленій, не признавая — ни чтобы цѣль могла оправдывать средства, ни чтобы желанный и свѣтлый исходъ могъ быть достигнутъ нечистыми способами. Нравственный компасъ въ его статьяхъ, рѣчахъ и другихъ работахъ постоянно и неуклонно показывалъ на сѣверъ въ то время, когда всѣ румбы смѣшались въ глазахъ у большинства и почти всѣ вопросы сводились къ тому, — какъ бы не выйти случайно изъ гавани, въ стоячей водѣ которой приходилось такъ уютно, безмятежно гнить, или какъ бы поскорѣе въ нее вернуться, если мимолетный вѣтеръ изъ нея вынесъ.

Основныя и руководящія начала каждаго научнаго и политическаго міровоззрѣнія — просты и несложны, и благо тому обществу, въ которомъ есть люди, умѣющіе указывать тѣмъ, кто постоянно вращается среди житейской путаницы понятій, противорѣчивыхъ настроеній и низменныхъ инстинктовъ, на ясный и прочный символъ своей вѣры въ лучшее будущее, неустанно отражая нападенія прозаической повседневности на то, что, по ихъ мнѣнію, должно быть общественнымъ идеаломъ. «Въ своей писательской дѣятельности — говорилъ Гёте Эккерману — я никогда не спрашивалъ, чего хочетъ обширная масса и какъ я удовлетворю ее; я всегда думалъ только о томъ, чтобы стать по возможности болѣе проницательнымъ и выражать то, что самъ призналъ за доброе и справедливое». Такъ поступалъ и «прямолинейный либералъ» Арсеньевъ, никогда не стараясь примѣняться къ господствующимъ вкусамъ и теченіямъ. Это его свойство нисколько не оправдывало и другого упрека, подчасъ дѣлаемаго ему даже людьми, далекими отъ отрицанія чистоты и возвышенности тѣхъ началъ, отъ которыхъ онъ отправлялся въ каждомъ своемъ трудѣ, — упрека въ *отрѣшеніи* отъ жизни и въ нѣкоторой утопичности своихъ взглядовъ, не желающихъ считаться съ могущественными, будто бы, факторами дѣйствительности. Глубокое знаніе исторіи, во всѣхъ ея видахъ, привело Арсеньева къ признанію, что послѣдніе факторы очень часто лишь кажутся прочными и неустранимыми. Предъ холоднымъ взоромъ исторіи постоянно повторяется стихъ Виргилія: «multa renascentur quae jam cecidere — cadentque quae sunt in honore...» и то, что сегодня считалось чуждымъ и навязываемымъ жизни, завтра оказывается ею-то именно и порожденнымъ, и властно требуемымъ. При поступательномъ движеніи

человѣчества впередъ, несмотря на отдѣльные періоды остановокъ и даже обращенія къ уже пройденнымъ этапамъ, тѣ, которые презрительно обзываютъ носителей пытливо смотрящей въ будущее мысли утопистами, похожи на людей, смотрящихъ назадъ съ задней площадки послѣдняго вагона въ поѣздѣ, не замѣчая, что и они мчатся впередъ, *но только задомъ*. Разбирая всегда съ чрезвычайной подробностью и обстоятельностью каждый представляющійся ему общественный вопросъ, Арсеньевъ, обладая удивительною памятью, снабжалъ свои выводы вѣскими доказательствами, почерпнутыми изъ исторіи и провѣреннаго житейскаго опыта, и всегда старался опровергнуть заранѣе всѣ возможныя возраженія или столь излюбленныя у насъ искаженія и подтасовку того, о чемъ идетъ рѣчь, какъ бы соглашаясь съ Кондильякомъ, что «quand on travaille sur les questions et connaissances humaines, on a plus d'erreurs à détruire que de vérités à établir». Вообще надо замѣтить, что трудно рѣшить — не являются ли «отрѣшенными отъ жизни» не тѣ, кто упорно стремится къ нравственному и политическому преобразованію человѣческаго быта, а тѣ, которые, въ своей духовной близорукости, считаютъ возможнымъ остановить ходъ исторіи и властно сказать ей— «до сихъ поръ!» Будущее, рано или поздно, покажетъ, насколько жизненно и жизнеспособно бываетъ то, что писатель рисуетъ, какъ достижимый идеалъ. Важно лишь, чтобы онъ былъ правдивъ съ самимъ собою и со своими читателями, чтобы онъ искренно считалъ за истину то, что онъ рисуетъ, какъ таковую. «Истину нельзя урѣзывать по дѣйствительности, — писалъ графъ Л. Н. Толстой Страхову, — ужъ пускай дѣйствительность устраивается по отношенію къ ней, какъ знаетъ и умѣетъ...»

Въ разнообразномъ примѣненіи своихъ духовныхъ силъ, Арсеньевъ является — *публицистомъ, критикомъ, юристомъ* и *общественнымъ дѣятелемъ*.

Когда было начато осуществленіе судебной реформы въ 1866 г., онъ поступилъ въ присяжные повѣренные округа петербургской Судебной Палаты и пробылъ въ этомъ званіи восемь лѣтъ, почти постоянно занимая мѣсто предсѣдателя Совѣта. Первые годы существованія у насъ адвокатуры ставили предъ лучшими представителями этого сословія обширную, трудную и нравственно отвѣтственную задачу. Имъ приходилось сразу стать между соблазномъ быстраго обогащенія и легко возбуждаемымъ недовѣріемъ непривычнаго къ новому учрежденію общества,—предъ необходимостью вырабатывать одновременно и пріемы адвокатской техники, и правила адвокатской этики. Между людьми, понявшими эту задачу и разрѣшившими ее такъ, «чтобы другимъ, на то глядучи, *повадно* было такъ дѣлать», безспорно первое мѣсто принадлежитъ Арсеньеву — и не только въ практической его дѣятельности, — какъ защитнику въ дѣлахъ уголовныхъ и повѣренному на судѣ гражданскомъ,—но и въ теоретическихъ основоположеніяхъ этой задачи, какъ руководителю занятій Совѣта и автору «*Замѣтокъ о русской адвокатурѣ* (Спб., 1875 г.)». Въ свою *личную* адвокатскую дѣятельность онъ внесъ глубокое благородство и чистоту пріемовъ и такое безусловное стремленіе къ изысканію и разъясненію прежде всего истины въ дѣлѣ, что свѣтлое воспоминаніе объ этомъ до сихъ поръ не изгладилось у тѣхъ, кто имѣлъ случай или обязанность состязаться съ нимъ въ судебныхъ преніяхъ или быть ихъ свидѣтелемъ. Полное спокойнаго достоинства отношеніе къ суду, къ свидѣтелямъ и экспертамъ во

время судебнаго засѣданія смѣнялось у него сдержаннымъ одушевленіемъ во время судебныхъ преній, при чемъ быстро льющаяся рѣчь (по отзывамъ стенографовъ, онъ говорилъ скорѣе всѣхъ другихъ судебныхъ ораторовъ) его чужда была всякихъ эффектовъ, но производила всегда сильное впечатлѣніе. Глубокія юридическія познанія его, изящная простота его пріемовъ и поучительная чистота въ исполненіи имъ своихъ адвокатскихъ обязанностей обращали судебныя засѣданія съ его участіемъ въ своего рода нравственное и вмѣстѣ съ тѣмъ часто богатое по научной разработкѣ юридическое поученіе. Недаромъ ему всегда приходилось, по старой французской поговоркѣ, — «avoir l'oreille du tribunal». Изустное слово всегда плодотворнѣе писаннаго: оно живитъ слушающаго и еще болѣе — говорящаго. Личный темпераментъ настойчиво и властно выражается въ способѣ говорить. «Parler—по вѣрному замѣчанію Анатоля Франса,—c'est se donner, — bien parler—c'est se donner généreusement et tout entier». И Арсеньевъ отдавался своимъ блестящимъ словомъ вполнѣ и нераздѣльно тому высокому, по назначенію своему, дѣлу, которому онъ служилъ. Прилагая къ исполненію своихъ обязанностей соединенную силу трудолюбія и самой строгой добросовѣстности, онъ далъ возможность *гласному* суду въ Петербургѣ, въ первые годы его существованія, явить примѣръ вполнѣ *устнаго* суда и при томъ по самымъ сложнымъ дѣламъ. Его участіе въ большихъ уголовныхъ процессахъ, разбиравшихся съ присяжными, дало впервые прокурорамъ, дорожившимъ, въ тѣ незабвенные для судебнаго вѣдомства годы, дѣйствительнымъ осуществленіемъ началъ устности и непосредственности въ изученіи и разработкѣ доказательствъ, возможность почти совершенно упразднить утомительное и безцвѣтное чтеніе протоколовъ осмотровъ, показаній отсутствующихъ свидѣтелей, различныхъ документовъ, писемъ и т. п., замѣнивъ это живымъ изложеніемъ лишь того, что прямо относилось къ дѣлу. Память и вниманіе Арсеньева, въ связи съ его отношеніемъ къ обязанностямъ защитника, обезпечивали вполнѣ вѣрность такого изложенія и имъ и его противникомъ по судебному состязанію. Быстрота въ производствѣ дѣла, исключавшая излишнюю утомляемость присяжныхъ, и взаимное уваженіе сторонъ—отъ этого только выигрывали, а существо дѣла становилось ярче и нагляднѣе.

Подъ его предсѣдательствомъ Совѣтъ стремился создать изъ адвокатуры общественную силу, достойную быть дополненіемъ и опорою магистратуры,— предъявилъ рядъ настойчивыхъ ходатайствъ объ исполненіи требованій Судебныхъ Уставовъ относительно организаціи *сословія* присяжныхъ повѣренныхъ,—боролся, какъ могъ, противъ введенія вреднаго и понижающаго правильное понятіе объ адвокатурѣ учрежденія *частныхъ повѣренныхъ* и выработалъ цѣлый рядъ постановленій, устанавливающихъ этическія требованія, тѣсно связанныя съ существомъ дѣятельности адвокатуры, какъ представительницы общественнаго служенія. Въ связи съ этимъ Совѣтъ, при дѣятельномъ участіи и трудѣ Арсеньева, опредѣлилъ свои судебныя и административныя функціи, объемъ своей подсудности и характеръ тѣхъ отдѣльныхъ поступковъ и цѣлаго поведенія, которые исключаютъ возможность пребыванія въ составѣ организованной адвокатуры лицъ, не соотвѣтствующихъ ея задачамъ или нравственному строю. За время пребыванія его въ составѣ Совѣта, *по нравственнымъ соображеніямъ* было отказано

въ пріемѣ въ присяжные повѣренные 24 лицамъ, но и по отношенію къ уже принятымъ въ сословіе Совѣтъ высказалъ, что самый фактъ принятія кого-либо въ присяжные повѣренные еще не накладываетъ на всѣ его предшествовавшія дѣянія «покровъ забвенія», — и, если впослѣдствіи откроется что-либо, бывшее неизвѣстнымъ Совѣту и возбуждающее основательное сомнѣніе въ добросовѣстности принятаго и въ правильномъ пониманіи имъ обязанностей своего званія, то на Совѣтѣ лежитъ долгъ удалить такое лицо изъ среды, съ которою оно нравственно не можетъ имѣть ничего общаго. «Замѣтки о русской адвокатурѣ» — не утратили своего значенія и цѣнности и до настоящаго времени. Онѣ содержатъ въ себѣ прочно мотивированныя указанія на такія реформы въ адвокатурѣ, которыя осуществлены лишь недавно и отчасти (напримѣръ, повсемѣстное открытіе Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ при всѣхъ Судебныхъ Палатахъ) или еще вовсе не осуществлены (напримѣръ, упраздненіе частной адвокатуры, уменьшеніе срока занятій для права быть присяжнымъ повѣреннымъ, безусловное требованіе отъ адвоката высшаго юридическаго образованія). Въ нихъ выставлены и развиты необходимые *устои* дѣятельности русскаго адвоката, съ богатыми справками изъ судебной жизни и организаціи адвокатуры въ Западной Европѣ и со ссылками на взгляды выдающихся иностранныхъ юристовъ-практиковъ. Ратуя за корпоративное устройство адвокатуры, доказывая, что *сословіе* присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ такое же преимущество предъ *совокупностью* частныхъ ходатаевъ, какъ органическое цѣлое предъ отдѣльными частицами, ничѣмъ не соединенными между собою, авторъ даетъ вѣрную и справедливую оцѣнку всѣмъ нападкамъ на «софистовъ XIX вѣка» и сатирическому надъ ними глумленію, предпринятымъ въ серединѣ семидесятыхъ годовъ въ забвеніи той постоянной и безкорыстной работы, которую, нерѣдко съ большимъ напряженіемъ силъ, приходилось и приходится нести русской адвокатурѣ, защищая подсудимыхъ по назначенію отъ суда въ огромномъ числѣ дѣлъ, между которыми политическіе процессы не могли не отражаться сильнѣйшимъ образомъ даже на здоровьѣ и нервахъ защитниковъ. Блестящею аргументаціею опровергаетъ онъ всѣ нареканія на якобы узурпаторскую власть, а въ сущности лишь самодѣятельность Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ (стоитъ указать въ этомъ отношеніи на мастерскую защиту права Совѣта подвергать ищущихъ званія практическому экзамену, противъ чего заявлялось, что такія испытанія незаконны, излишни, неприличны, унизительны и вредны),—твердо устанавливаетъ, какъ принципъ отвѣтственности адвоката предъ корпораціею, не потерю довѣрія въ какомъ-либо отдѣльномъ случаѣ, а потерю *права на довѣріе*,—разбираетъ множество сложныхъ вопросовъ адвокатской этики (между прочимъ, жгучій въ половинѣ семидесятыхъ годовъ вопросъ о дозволительности адвокату, подъ видомъ акціонера, выступать въ качествѣ оратора за большинство или меньшинство въ общихъ собраніяхъ акціонерныхъ обществъ), указывая условія, при которыхъ изъ адвокатовъ могутъ выработаться общественные дѣятели въ лучшемъ смыслѣ слова, а не риторы, софисты и говоруны, роняющіе авторитетъ судебнаго слова,—и, наконецъ, преподаетъ рядъ въ высшей степени важныхъ, — нынѣ, быть-можетъ, еще болѣе необходимыхъ, чѣмъ во время появленія въ свѣтъ «Замѣтокъ»,—правилъ о способахъ и пріемахъ веденія судебнаго состязанія. Проникнутыя возвышеннымъ взглядомъ на условія отправленія правосудія и преобладаніемъ нравственныхъ началъ, опи-

рающіяся на примѣры, взятые изъ вдумчиваго опыта восьмилѣтней дѣятельности, эти правила служатъ не только руководящимъ напутствіемъ лицамъ, посвящающимъ себя адвокатурѣ, но и практическимъ комментаріемъ къ Судебнымъ Уставамъ для всѣхъ, идущихъ на служеніе послѣднимъ. Приложенный къ «Замѣткамъ» обзоръ дѣятельности петербургскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ за восемь лѣтъ его существованія, послужившій драгоцѣннымъ матеріаломъ для трудовъ Васьковскаго, Макалинскаго и др. по изученію основъ дѣятельности русской адвокатуры, наглядно показываетъ— какая тѣсная связь существовала между взглядами Арсеньева — юриста-мыслителя и предсѣдателя центральнаго корпоративнаго органа.

Любя адвокатуру и стремясь упрочить въ сознаніи читателей взглядъ на нее, какъ *на общественное служеніе*,—въ рядѣ статей Арсеньевъ указывалъ на достоинства и недостатки иностранныхъ адвокатуръ («О современномъ состояніи французской адвокатуры», «Преобразованіе германской адвокатуры», «Французская адвокатура, ея сильныя и слабыя стороны»). Но и уголовный процессъ вообще привлекалъ его особое вниманіе. Его книги «*Преданіе суду и дальнѣйшій ходъ уголовнаго дѣла*» (1870 г.) и «*Судебное слѣдствіе*» (1871 г.), подъ скромнымъ названіемъ «практическихъ замѣтокъ», представляютъ собою первое по времени и чрезвычайно полезное до сихъ поръ— по ясности, послѣдовательности и твердости проводимыхъ въ немъ началъ истиннаго правосудія — руководство для всякаго судебнаго дѣятеля, которому покажется недостаточнымъ замкнуться въ тѣсный кругъ статей устава уголовнаго судопр., разъясняемыхъ краткими тезисами изъ кассаціонныхъ рѣшеній. Да и послѣднія рѣшенія встрѣтили въ немъ чуткаго и отзывчиваго толкователя. Внутренняя хроника «Вѣстника Европы» содержитъ множество отзывовъ и замѣчаній его по всѣмъ выдающимся вопросамъ уголовнаго процесса, возникавшимъ въ практикѣ нашего кассаціоннаго суда. И въ нихъ и въ книгахъ своихъ Арсеньевъ не является исключительно панегеристомъ Судебныхъ Уставовъ, ослѣпленно держащимся за каждую ихъ букву, за всякую въ нихъ «опечатку», нарушающую проникающій ихъ духъ или идущую въ разрѣзъ съ справедливыми требованіями жизни. Поэтому онъ зачастую, какъ и въ спеціальной области адвокатуры, предлагаетъ такія необходимыя улучшенія въ уголовномъ процессѣ, до которыхъ наше тяжкодумное законодательство не додумалось до сихъ поръ или которыя оно осуществило гораздо позднѣе и односторонне,—и горячо вооружается противъ мертвящаго примѣненія узкаго смысла статей Устава, въ забвеніи животворящаго ихъ духа уваженія къ человѣческому достоинству и милосердія. Заботой объ огражденіи обвиняемаго отъ ненужныхъ страданій, отъ празднаго и вмѣстѣ властнаго любопытства судебныхъ органовъ, дающаго пищу больной и злорадной любознательности толпы,—желаніемъ широкаго предоставленія ему защиты и средствъ оправданія,—убѣжденнымъ отстаиваніемъ дѣйствительной и ненарушимой, по произвольнымъ распоряженіямъ, *публичности* отправленія правосудія проникнуты проводимые Арсеньевымъ, настойчиво и неизмѣнно, взгляды. Ни одно изъ явленій судебной жизни, затрагивающее въ какомъ-либо отношеніи общественный интересъ, не пройдено имъ молчаніемъ, не будучи разобрано подробно и отмѣчено въ своей «девіаціи» отъ закона и нравственныхъ требованій Судебныхъ Уставовъ. Пріемамъ народившагося въ 1866 г. русскаго судебнаго краснорѣчія посвящено имъ

въ 1888 г. критическое изслѣдованіе, весьма цѣнное, особливо въ наше время, когда трудъ и ораторское саморазвитіе стали у насъ нерѣдко замѣняться развязнымъ усердіемъ и самолюбованіемъ, и когда забывается, что нравственный долгъ судебнаго оратора состоитъ прежде всего въ осторожномъ и умѣренномъ обращеніи со словомъ, дѣлая послѣднее слугою лишь глубокаго убѣжденія, а не красивой формы. Оставивъ адвокатуру въ 1874 году и сдѣлавшись товарищемъ оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента, Арсеньевъ, принявъ дѣятельное участіе въ 1880 году въ ревизіи сенаторомъ Шамшинымъ Саратовской и Самарской губерній, въ 1884 году вновь вступилъ на самый краткій срокъ въ присяжные повѣренные, чтобы поддерживать искъ города Петербурга къ обществу водопроводовъ, уклонявшемуся отъ устройства фильтра. Дѣло касалось существенныхъ интересовъ населенія и возбуждало оживленные споры въ общественныхъ и юридическихъ кружкахъ. Одержавъ вмѣстѣ съ М. М. Стасюлевичемъ побѣду, Арсеньевъ навсегда сошелъ съ арены практической судебной дѣятельности. Но ему пришлось еще послужить судебному дѣлу въ неоднократныхъ докладахъ своихъ въ петербургскомъ юридическомъ Обществѣ, гдѣ онъ долгое время былъ товарищемъ предсѣдателя, а также въ качествѣ члена комиссіи о пересмотрѣ законоположеній по судебной части, созванной статсъ-секретаремъ Муравьевымъ и очень быстро, вопреки первоначальному плану, обратившейся въ послушное орудіе для перестройки Судебныхъ Уставовъ въ смыслѣ искаженія ихъ *основныхъ началъ* съ внѣшнимъ улучшеніемъ нѣкоторыхъ *частичныхъ подробностей*. Въ этой комиссіи Арсеньевъ присоединилъ свой голосъ къ немногимъ сторонникамъ *старыхъ* Судебныхъ Уставовъ и, гдѣ могъ, поддержалъ ихъ своею эрудиціей и убѣдительнымъ словомъ въ защитѣ одного изъ благороднѣйшихъ пріобрѣтеній русской гражданственности,—перенеся затѣмъ эту поддержку на страницы «Внутренняго обозрѣнія» Вѣстника Европы. Здѣсь помѣстилъ онъ, между прочимъ, въ 1896 году горячую защиту суда присяжныхъ противъ развязныхъ и раздутыхъ нападеній на него, шедшихъ отъ лицъ судебнаго вѣдомства—гг. Дейтриха и сенатора Закревскаго, вдругъ ставшаго противникомъ этого суда въ забвеніи своего прежняго служенія ему перомъ и словомъ. Вѣское слово Арсеньева, безъ сомнѣнія, не осталось безъ вліянія на рѣшеніе комиссіи статсъ-секретаря Муравьева, состоявшееся, въ концѣ концовъ, въ пользу суда присяжныхъ.

Съ марта 1880 года Арсеньевъ дѣйствовалъ неизмѣнно и неустанно, въ качествѣ *публициста* въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, раздѣляя тревоги, упованія и «упрямство» редакціи «Вѣстника Европы», которая столько лѣтъ, каждый мѣсяцъ, клала свою темно-красную книжку, какъ маленькій кирпичъ, въ медленно и трудно воздвигаемое зданіе общественныхъ правъ и самосознанія. Ему главнымъ образомъ пришлось составлять «Внутреннее обозрѣніе» и значительную часть «Общественной хроники» въ тѣ годы, когда въ руководящихъ общественныхъ сферахъ и во вліятельныхъ органахъ печати великія реформы Александра II были провозглашены пагубнымъ заблужденіемъ съ его стороны, и когда цѣлью всѣхъ мѣропріятій и законодательныхъ актовъ рекомендовалось поставить усиленіе власти, какъ таковой, безъ всякихъ соображеній объ ея источникѣ и назначеніи. Въ эти именно времена началось у многихъ поспѣшное отреченіе отъ вынесенныхъ изъ шестидесятыхъ годовъ взглядовъ, сопровождаемое ироническимъ отношеніемъ къ послѣднимъ и услужливымъ

проведеніемъ въ жизнь учрежденій, заимствовавшихъ изъ времени реформъ лишь названіе или скорлупу, наполненную совершенно инымъ содержаніемъ. Можно было, конечно, въ виду крушенія того, что было дорого, отдаться спеціальнымъ изслѣдованіямъ, уйдя въ область искусства и критики или въ «даль временъ» и довольствуясь сознаніемъ, что не участвуешь въ походѣ противъ недавняго прошлаго и въ торжествахъ по поводу совершаемыхъ надъ нимъ «побѣдъ и одолѣній». Но Арсеньевъ всею своею работою въ «Вѣстникѣ Европы» показалъ, что стихъ поэта — «не иди въ станъ безвредныхъ, когда полезнымъ можешь быть» — для него не пустое слово. Не было общественнаго явленія или новаго закона, не было проекта или статьи, отражавшихъ на себѣ вѣяніе времени, которые не встрѣтили бы спокойной по тону и глубоко содержательной по смыслу критики и отповѣди съ его стороны. Какъ опытный хирургъ, не волнуясь и вѣруя въ вѣрность своего діагноза, разсѣкалъ онъ здоровыя по виду оболочки того, въ чемъ хотѣли видѣть salus rei publicae, и блестящій, острый ножъ его анализа обнаруживалъ подъ ними гнилыя мѣста и язвы своекорыстныхъ и грубыхъ побужденій или лицемѣрныхъ вожделѣній. Нѣтъ возможности перечислить въ краткомъ очеркѣ, хотя бы и въ общихъ чертахъ, тѣ вопросы, которыхъ онъ касался въ теченіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ, но можно съ полною увѣренностью сказать, что за это время многочисленные читатели «Вѣстника Европы» привыкли встрѣчать каждый мѣсяцъ въ его лицѣ испытаннаго друга, который разъяснитъ имъ многое въ пестрой и обманчивой дѣйствительности,—удержитъ ихъ отъ той распространенной у насъ *лѣни ума*, которая зоветъ къ примиренію со многимъ въ этой дѣйствительности по неохотѣ или непривычкѣ къ напряженному анализу, — поддержитъ своими неизмѣнными напоминаніями о вѣчныхъ требованіяхъ человѣческаго духа и справедливости sursum corda въ ихъ душѣ по отношенію къ вопросамъ свободы совѣсти и слова, земскаго и городского самоуправленія, справедливыхъ потребностей инородцевъ, народнаго хозяйства, просвѣщенія и законодательства. Обширныя его знанія, воспоминанія, вынесенныя изъ судебной дѣятельности, и данныя, собранныя при ревизіи, нашли здѣсь особенно плодотворное примѣненіе. Сознавая, что одно утвержденіе, хотя бы и весьма краснорѣчивое, не есть еще доказательство, онъ все, что утверждалъ, всегда подкрѣплялъ рядомъ доказательствъ, въ которыхъ исторія, статистика и политическія науки подаютъ другъ другу руку на защиту лучшихъ помысловъ и пріобрѣтеній человѣчества въ практическомъ ихъ примѣненіи къ Россіи. Нѣкоторыя статьи Арсеньева, бывшія вмѣстѣ съ тѣмъ предметомъ докладовъ въ юридическомъ Обществѣ (напр., «Вопросъ о сліяніи властей на низшей ступени государственнаго управленія»—въ 1886 и 1887 гг., «Сословное начало въ мѣстномъ самоуправленіи»—въ 1887 г.), представляютъ, помимо жизненнаго содержанія, своего рода историческія изслѣдованія, изъ которыхъ слышится не только справедливый голосъ судьи, но и вѣщій голосъ вдумывающагося въ будущее своей родины гражданина. Съ научными и историческими данными въ рукахъ выступалъ онъ противъ тѣхъ невѣжественныхъ и близорукихъ политиковъ, которые съ настойчивой самоувѣренностью думаютъ, что исторія начинается съ ними, и забываютъ прекрасное изреченіе Бисмарка о томъ, что разрушительные перевороты, глубоко потрясающіе общественный бытъ, почерпаютъ свою силу не въ отвергнутыхъ крайнихъ требова-

ніяхъ меньшинства, а въ неудовлетворенныхъ справедливыхъ желаніяхъ большинства.

Всестороннія изслѣдованія Арсеньева по отношенію къ свободѣ печати, между прочимъ и обширная статья — «*Русскіе законы о печати*», и настойчивые призывы къ замѣнѣ *истинною* вѣротерпимостью *формальной*, подставляемой на мѣсто свободы совѣсти, вошли въ составы двухъ изданныхъ имъ сборниковъ: «Законодательство о печати» (1904 г.) и «Свобода совѣсти и вѣротерпимость» (1905 г.). Первый изъ нихъ— систематическій обзоръ положенія печати, мѣръ къ ея «обузданію» и законовъ о ней за сорокъ восемь лѣтъ, считая съ 1855 г., снабженный богатыми справками о томъ, какъ, по выраженію Горація, «vexat censura columbas — dat veniam corvis». Онъ проникнутъ одною руководящею идеей, которую, до появленія сборника, авторъ стремился осуществить въ безплодныхъ, къ сожалѣнію, трудахъ избранной Академіей Наукъ комиссіи по разработкѣ вопроса объ облегченіи научной печати отъ цензурныхъ стѣсненій, — и уже послѣ появленія сборника — въ трудахъ совѣщанія, образованнаго подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Кобеко, вслѣдствіе извѣстнаго постановленія Комитета министровъ 12 декабря 1904 г., признавшаго положеніе русской печати во многихъ отношеніяхъ совершенно ненормальнымъ. Эта идея нашла себѣ выраженіе въ слѣдующемъ послѣсловіи къ сборнику: «Свобода печати, свобода совѣсти, личная неприкосновенность: вотъ три блага, потребность въ которыхъ чувствуется все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ растетъ въ ширь и глубь съ одной стороны уваженіе къ человѣку, къ его достоинству, къ его праву на самостоятельную мысль, съ другой — сознаніе солидарности между гражданами. Свобода печати играетъ такую же роль въ общественной жизни, какъ свѣтъ — въ жизни органическаго міра. Нарушая обманчивую тишину, приподнимая завѣсу, отдѣляя правду отъ лжи, реальное отъ кажущагося, проникая во всѣ концы страны и во всѣ сферы дѣятельности, она является незамѣнимымъ двигателемъ прогресса, неоцѣнимой охраной всякаго права, всякой другой свободы.—Второй сборникъ есть рядъ соединенныхъ общимъ направленіемъ статей по одному изъ самыхъ больныхъ вопросовъ русскаго государственнаго быта. Совокупность нашихъ законовъ и «ограждающихъ вѣру» постановленій, полицейскихъ распоряженій и даже судебныхъ приговоровъ, въ связи съ готовностью поставленнаго надъ церковью вѣдомства охотно и поспѣшно обращаться къ «мечу свѣтскому», оставляя «мечъ духовный» ржавѣть и покрываться паутиной формализма и рутины, еще недавно, до 17 апрѣля 1905 г., представляла собою и подчасъ представляетъ и теперь тяжелое иго надъ святѣйшими потребностями человѣческой души. Раскрѣпощеніе совѣсти подданныхъ русской державы столь же необходимо, какъ за 63 года назадъ было необходимо раскрѣпощеніе человѣческой личности. Но глашатаями этой необходимости были у насъ, по разнымъ и иногда прямо противоположнымъ побужденіямъ, немногіе. Рѣдко проникавшіе въ печать случаи насилія надъ совѣстью въ дѣлахъ вѣры, почти всегда лишенные настоящей оцѣнки, не у всѣхъ читателей вызывали краску жгучаго и вполнѣ заслуженнаго стыда. Однимъ изъ такихъ видныхъ и стойкихъ глашатаевъ являлся въ теченіе многихъ лѣтъ Арсеньевъ. Зорко слѣдя за всѣми явленіями въ «вѣдомствѣ» церкви, установляя правильные и широкіе взгляды на вѣро-

терпимость и свободу совѣсти и разоблачая софистическое лукавство «ревнителей», утверждающихъ, что допущеніе существованія инославныхъ храмовъ на улицахъ столицы государства, присоединившагося къ европейскому международному общенію, служитъ, будто бы, явнымъ доказательствомъ широкой вѣротерпимости его законодательства, онъ шагъ за шагомъ разбиралъ офиціальные отчеты объ успѣхахъ въ борьбѣ съ иновѣріемъ и инославіемъ, призрачность коихъ была затѣмъ установлена Комитетомъ министровъ. Указывая, съ фактами въ рукахъ, на ложность несправедливаго и насильственнаго пути, на который давно вступила и съ котораго упорно не желала сходить наша внутренняя политика по отношенію къ расколу и сектанству, онъ подвергалъ суровой критикѣ наши карательные законы, дававшіе опору бездушному судейскому формализму и заставлявшіе страдать душевно людей, которымъ формула «dura lex sed lex!» не приноситъ ни утѣшенія, ни успокоенія. Горячее сочувствіе къ тѣснимымъ за свои религіозныя убѣжденія сквозитъ во всѣхъ статьяхъ его о насажденіи и огражденіи вѣры административнымъ воздѣйствіемъ. Въ нихъ онъ даже нѣсколько измѣняетъ себѣ, и въ спокойный тонъ его полемики врываются подчасъ ноты возмущенія и негодованія. Въ своей защитѣ свободы совѣсти онъ — убѣжденный и «неисправимый» западникъ — явился союзникомъ старыхъ славянофиловъ, лучшіе изъ которыхъ находили, что «истинная церковь гнушается принужденнаго единства или вынужденнаго послушанія, ибо въ дѣлѣ вѣры такое единство есть ложь, а такое послушаніе есть смерть» (Хомяковъ), что «церковь немыслима внѣ свободной совѣсти, свободно воспріявшей свѣтъ любви и свободно приведенной въ свободный плѣнъ истины и любви» (Константинъ Аксаковъ), и утверждали, что «костеръ мученика — торжество вѣры; крестовый походъ — ея могила» (Хомяковъ). Но голосъ корифеевъ славянофильства не проникалъ въ широкіе круги общества и звучалъ лишь для немногихъ, статьи же «Внутренняго обозрѣнія», изъ которыхъ составился сборникъ Арсеньева, постоянно обращали вниманіе именно этихъ круговъ на пагубный недугъ въ нашемъ внутреннемъ организмѣ... Одна эта сторона дѣятельности его, даже если бы послѣдняя не заключала въ себѣ никакихъ другихъ видовъ служенія правосудію и нравственному развитію общества, заслуживала бы особаго признанія и уваженія.

Несмотря на объективный характеръ и вполнѣ спокойный тонъ статей Арсеньева и тщательное направленіе имъ неизбѣжной въ нѣкоторыхъ случаяхъ полемики на *взгляды*, а не на *личности* и, быть-можетъ, именно вслѣдствіе этого, статьи эти вызывали нерѣдко ожесточенныя нападенія на автора. Но это его не смущало. Онъ неизмѣнно, безъ малѣйшихъ отступленій и сдѣлокъ съ «независящими обстоятельствами», въ теченіе четверти вѣка продолжалъ свою проповѣдь обозрѣвателя общественной жизни родины. Онъ не смущался тѣмъ, что по временамъ его «прямолинейность» не нравилась большинству, зная изъ уроковъ исторіи, что пагубныя для народнаго блага болѣзни — не всегда тѣ, на которыя слышатся громкія жалобы, а часто тѣ, привычка къ которымъ даже устраняетъ желаніе исцѣленія. Поэтому онъ продолжалъ вѣрить, что настойчивыя, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, обращенія къ лучшимъ чувствамъ въ людяхъ не могутъ, не должны пройти безслѣдно. Вдумываясь во всю эту многолѣтнюю и трудную работу и вспоминая прекрасныя слова Чаннинга

о томъ, что бываютъ времена, когда лучшая услуга обществу состоитъ въ защитѣ великихъ принциповъ и спокойномъ провозглашеніи ихъ въ духѣ искренней любви къ людямъ и къ справедливости, нельзя не признать, что именно *такую* услугу оказалъ нашему обществу Арсеньевъ.

Жадная къ познаніямъ, воспріимчивая къ впечатлѣніямъ и неустанная въ проявленіи своей удивительной, не трогаемой временемъ, работоспособности — натура Арсеньева не могла удовлетвориться кабинетнымъ трудомъ мыслителя и публициста. Ей нужно было приложить къ живому дѣлу то, что выросло и наболѣло въ многолѣтней работѣ души. Отсюда жажда *общественной дѣятельности* и приступъ къ ней при первой возможности, съ начала 80-хъ годовъ, въ качествѣ гласнаго лужскаго земскаго собранія, гласнаго петербургскаго губернскаго земства, почетнаго мирового судьи и предсѣдателя мѣстнаго училищнаго совѣта. Земской службѣ онъ отдался съ увлеченіемъ, не жертвуя ею никакимъ другимъ многосложнымъ занятіямъ, изучая и разрабатывая мелкіе и дробные вопросы мѣстнаго самоуправленія и хозяйства съ тѣмъ же вниманіемъ, какое подмѣчается въ его отношеніи къ самымъ серьезнымъ судебнымъ процессамъ и къ обширнымъ и многозначительнымъ вопросамъ права, морали или политики. Какъ для юриста въ истинномъ смыслѣ слова, для него, конечно, не существовало во всѣхъ сферахъ его дѣятельности дѣлъ *важныхъ* и *неважныхъ*, обязанностей *серьезныхъ* и *несерьезныхъ*, а были лишь трудныя и легкія, выполняемыя съ совершенно одинакоеою добросовѣстностью и точностью. Глубокій интересъ къ земской дѣятельности и живое участіе къ ней Арсеньева оставили свой ясный слѣдъ въ статьѣ его «По поводу реформы земскихъ учрежденій», напечатанной въ 1888 г., когда, къ сожалѣнію, назрѣвало, осуществленное впослѣдствіи, преобразованіе ихъ въ бюрократическомъ смыслѣ. Картина дѣятельности и заслугъ русскихъ земскихъ установленій, нарисованная любящею рукою на фонѣ точныхъ данныхъ и заставляющая автора признать Положеніе 1 января 1864 г. однимъ изъ важнѣйшихъ актовъ царствованія Александра II, смѣняется въ ней безпристрастной оцѣнкою нападеній на эти учрежденія, провозглашенныя въ эпоху «реформы реформъ» ошибкою этого царствованія. Нападенія эти, однако, сдѣлали свое дѣло, и безсословное земство, въ которомъ *сознаніе права* на свободную отъ административной опеки дѣятельность, вызывало *чувство обязанности* и служило стимуломъ для плодотворной работы, обращено было въ сословное безвластное юридическое лицо, не причастное къ государственной жизни, подчиненное іерархической лѣстницѣ начальствъ, облеченное, въ лицѣ представителей своихъ исполнительныхъ функцій, въ вицъ-мундиръ, согрѣваемое лучами изъ капитула орденовъ и угрожаемое знаменитымъ третьимъ пунктомъ... Страницы, посвященныя борьбѣ противъ *такого* перерожденія земства, принадлежатъ къ лучшимъ публицистическимъ работамъ Арсеньева. Посвятивъ лучшіе годы жизни служенію Судебнымъ Уставамъ, Арсеньевъ продолжалъ имъ служить не только словомъ, но и дѣломъ и въ позднѣйшіе годы, когда возникали проекты, угрожавшіе ихъ цѣлости и чистотѣ. Когда руки, вскормленныя этими Уставами, дерзновенно поднялись на нихъ и, подъ предлогомъ *ремонта*, предприняли ихъ разрушеніе, отдавая слѣдствіе въ руки полиціи, оставляя ближайшій къ народу судъ въ распоряженіи земскихъ начальниковъ, уничтожая единство кассаціоннаго суда, не допуская несмѣ-

няемости мѣстныхъ судей, колебля безъ всякой нужды представленіе объ устойчивости суда присяжныхъ и низводя судью въ служебное положеніе обыкновеннаго чиновника, Арсеньевъ былъ призываемъ украсить своимъ *именемъ* Комиссію, въ которой разрабатывалась эта почтенная задача. Онъ принесъ въ нее, однако, не только свое имя, но и твердое исповѣданіе вѣры стараго судебнаго дѣятеля и тѣмъ облегчилъ и укрѣпилъ омраченную душу тѣхъ, къ сожалѣнію, немногихъ, которые оставались, безъ надежды на успѣхъ, вѣрны старому чувству ясныхъ дней первыхъ годовъ судебной реформы.

Когда среди неустанной работы наступилъ для Арсеньева день пятидесятилѣтія его общественно-литературной дѣятельности, почитатели его, вопреки и въ нарушеніе его всегдашней скромности, рѣшили почтить его особымъ торжествомъ, на призывъ къ которому откликнулись, забывая раздѣляющіе ихъ оттѣнки политическихъ убѣжденій и взглядовъ, весьма и весьма многіе. Предъ юбиляромъ, душевная бодрость котораго осталась нетронутой, несмотря на сѣдину и слѣды усталости на блѣдномъ лицѣ, предстали со своими привѣтствіями представители Академіи Наукъ и Разряда изящной словесности, петербургскаго и московскаго Университетовъ, губернскаго и лужскаго уѣзднаго земствъ, петербургской городской Думы, юридическаго и вольно-экономическаго Обществъ, столичнаго мирового Съѣзда и Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, литературнаго фонда и ряда просвѣтительно-благотворительныхъ обществъ, а также различныхъ журналовъ и изданій. Петербургскій университетъ возвелъ его въ степень доктора государственнаго права honoris causa, московскій выбралъ своимъ почетнымъ членомъ, а лужское уѣздное земство постановило открыть два училища имени юбиляра въ ознаменованіе его плодотворной дѣятельности въ своей средѣ. Во всѣхъ привѣтствіяхъ и адресахъ звучала одна безусловная нота уваженія къ личности и трудамъ Арсеньева и благодарное воспоминаніе о послѣднихъ. При словесныхъ привѣтствіяхъ, сынъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ создателей Судебныхъ Уставовъ, Сергѣя Ивановича Зарунднаго, высказалъ Арсеньеву «по праву представленія» сердечное привѣтствіе отъ своего давно умершаго отца, въ остроумной формѣ изобразивъ, какъ благодарилъ бы его послѣдній,—если бы могъ участвовать въ торжествѣ по поводу плодотворной дѣятельности юбиляра на почвѣ, созданной Судебными Уставами 1864 года. Ораторъ вспомнилъ, что на вечеръ, данный его отцомъ въ день *десятилѣтія* этихъ Уставовъ, были приглашены одни участники этой великой законодательной работы и, въ видѣ исключенія, лишь двое изъ сравнительно молодыхъ судебныхъ дѣятелей, въ которыхъ благородный участникъ судебной реформы видѣлъ товарищей по духу и практическихъ продолжателей своего дѣла. Это были Арсеньевъ и пишущій эти строки, тогда молодой прокуроръ петербургскаго Окружного Суда.

Александръ Львовичъ Боровиковскій.

(1844—1905).

Прошло почти десять лѣтъ со смерти *Александра Львовича Боровиковскаго*. Многіе изъ его сверстниковъ, знавшихъ его близко, ушли изъ жизни—и имя его начинаетъ, при нашемъ отсутствіи «вчерашняго дня», тускнѣть и забываться. А между тѣмъ, въ его лицѣ сошелъ въ могилу оригинальный и богато-одаренный человѣкъ, соединявшій съ живымъ пониманіемъ духа Судебныхъ Уставовъ 1864 г. вѣрное имъ служеніе словомъ и дѣломъ. Онъ былъ сотрудникомъ и помощникомъ многаго множества русскихъ цивилистовъ въ ихъ практической дѣятельности. Можно сказать, что безъ его помощи и руководства въ дремучемъ лѣсу нашихъ кассаціонныхъ рѣшеній не обходился за послѣднія 30 лѣтъ ни одинъ юристъ-практикъ, постоянно прибѣгая къ его «*Законамъ гражданскимъ*» и «*Уставу гражданскаго судопроизводства*», вдумываясь и вчитываясь въ ихъ богатые подстатейные тезисы. За нимъ, однако, не одна заслуга кропотливаго и усидчиваго труда, вложеннаго въ эти книги. Онъ былъ не только комментаторомъ и толкователемъ нашихъ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и остроумнымъ, проницательнымъ критикомъ нашего гражданскаго права и проектовъ его улучшенія, но онъ былъ настоящимъ судьею, отзывчивымъ на нужды и скорби практической жизни.

Все въ его натурѣ и дѣятельности стояло въ противорѣчіи съ узко-формальнымъ и подьяческимъ отношеніемъ къ живой дѣйствительности, къ ея условіямъ и запросамъ, и это, вмѣстѣ съ яркой логикой и прочнымъ знаніемъ, не могло не придавать его взглядамъ особой цѣны и вѣса. Читая написанныя имъ рѣшенія или тонкія критическія замѣтки, слушая его заключенія, приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ правда матеріальная, правда житейская выступала наружу, пробивая кору формальной и условной истины. При этомъ нельзя было съ обычной у насъ презрительной или снисходительной усмѣшкой сказать: «да, но какой же это юристъ?»—ибо это былъ настоящій, —«всамдѣлѣшный»—какъ говорятъ дѣти—юристъ, не только по праву службы, но и по праву опыта и знанія занимавшій должности члена Судебной Палаты, оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента и сенатора.

У насъ было время, когда звѣздами первой величины между цивилистами нерѣдко считались люди приказнаго склада, для которыхъ мертвыя правовыя схемы казались скрижалями завѣта, заставлявшими чаянія и упованія жизни смолкать предъ своимъ мертвымъ глаголомъ. Такого рода цивилистамъ, конечно, казалось, что не юридическія нормы должны расширяться и принимать въ себя жизнь, но что самую жизнь можно втиснуть, болѣзненно и насильственно, въ ихъ узкія рамки. Отсюда вытекали тѣ толкованія, которыя исходили отъ «духомъ хладныхъ скопцовъ» и, восхищая подобныхъ имъ, оставляли въ недоумѣніи здравомыслящихъ людей. Послѣднимъ трудно было забыть, что «не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка», и что слова одного изъ героевъ Щедрина: «по естеству тебѣ ѣсть хочется, а въ регламентахъ этого не написано—ну и попался!»—были остроумной шуткой, а не торжественно провозглашеннымъ мнѣніемъ патентованныхъ юристовъ. Противъ этой-то бездушной узкости и казуистичности всѣми силами своего ума и знанія вооружался Боровиковскій. Его замѣчательная книга—«Отчетъ судьи»,—лучше всего показываетъ, какъ далекъ онъ былъ отъ формальнаго отношенія къ праву. Особенно въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія III-ій томъ «Отчета судьи», названный авторомъ «Дѣла мужичьи».

Нигдѣ въ области гражданскаго права и процесса «summum jus» не обращается въ «summa injuria» такъ легко, какъ въ дѣлахъ сельскихъ обывателей, несвѣдующихъ въ законѣ, не отдающихъ себѣ яснаго отчета въ своихъ дѣйствительныхъ правахъ и обязанностяхъ и часто дѣлающихся жертвою корысти заугольныхъ адвокатовъ; нигдѣ такъ не противно справедливости безучастное положеніе судьи, который только разсматриваетъ представленныя сторонами доказательства и, «спокойно зря на правыхъ и виновныхъ», не снисходитъ въ своемъ олимпійскомъ величіи до разъясненія темному человѣку, какія доказательства отъ него требуются по существу дѣла и какимъ способомъ ихъ добыть. «Предметъ мужичьяго иска,—говоритъ Боровиковскій,—десятина-другая полевой земли или нѣсколько квадратныхъ саженъ земли усадебной; обычная цѣна иска—какіе-нибудь 150—200 р. «*Какіе-нибудь*»...—такъ говоримъ мы. А они, истцы и отвѣтчики, навѣрно, выражаются иначе: «цѣлые 150 р.», «цѣлые 200 р.!» Ничтожный клочекъ земли—тамъ все достояніе семьи: драгоцѣнная «батьковщина», либо пріобрѣтенія на «капиталъ», сколоченный многолѣтними трудами! «И дѣйствительно рѣдко въ крупныхъ процессахъ рѣшаются столь важные для сторонъ интересы, какъ здѣсь. Эти мелкіе «споры о правѣ гражданскомъ» вѣрнѣе было бы назвать «спорами о хлѣбѣ насущномъ»... Отмѣчая, что строгое примѣненіе правила 367-ой статьи Уст. Гр. Суд. о несобираніи судомъ самимъ ни въ какомъ случаѣ доказательствъ и справокъ—имѣетъ практическое удобство, состоящее въ томъ, что для безучастнаго слушанія состязанія сторонъ не нужно даже знать дѣло, а достаточно лишь имѣть терпѣливый нравъ, Боровиковскій восклицаетъ: «нѣтъ, судья, отличай *не желающаго* отъ *не умѣющаго* отстаивать свое право! Къ не желающему будь равнодушенъ, а не умѣющему помоги! Это—святая обязанность судьи. Этого требуетъ отъ судьи законъ,—тотъ самый законъ, который проникнутъ принципомъ состязательности гражданскаго процесса. Не навязывать судебной защиты не желающему—вотъ это состязательность; оставаться же безучастнымъ къ желающему, но не умѣющему защищаться—это не «состязательность», а неправосудіе. Правосудіе должно склоняться въ

пользу того, кто правъ, а не того, кто лучше говоритъ, кто смышленнѣе и хитрѣе». И въ подтвержденіе этого положенія онъ приводитъ рядъ примѣровъ. Человѣкъ пришелъ на судъ; противникъ говоритъ, а онъ молчитъ. Развѣ это непремѣнно молчаливое признаніе? Быть-можетъ, онъ молчитъ вовсе не потому, что сознаетъ правоту противника, а просто потому, что *не умѣетъ* говорить. «Подзовите его къ судейскому столу,—говоритъ Боровиковскій,—помогите оправиться отъ смущенія, предложите въ понятной для него формѣ вопросъ». Или простая женщина говоритъ слова, которыя можно счесть «признаніемъ»; но въ сущности она просто болтаетъ, не понимая смысла своихъ словъ. «Не лови ее на безсознательномъ словѣ,—совѣтуетъ Боровиковскій судьѣ,—а разспроси, растолкуй и, если по совѣсти убѣдишься, что это было не признаніе, а лишь болтовня бабья (быть можетъ, обусловленная смущеніемъ отъ обстановки судебнаго засѣданія), и что, когда «тяжущейся» объяснили нелѣпость ея словъ, она пришла въ ужасъ и отъ нихъ отрекается, закрой законы о признаніи: они отнюдь не желаютъ, чтобы эта баба была изловлена на глупомъ словѣ и изъ-за этого лишилась хлѣба насущнаго. Ты не исполнишь законъ, а оскорбишь его». Такъ относился Боровиковскій къ дѣламъ мужичьимъ.

Съ трогательной откровенностью, которою проникнута вся его прекрасная книга, онъ сознается, что несмотря на то, что дѣла мужичьи самыя легкія для доклада и изложенія рѣшеній, тѣмъ не менѣе, въ нихъ есть очень непріятная сторона, а именно—сомнѣніе въ правосудности постановленнаго рѣшенія, вслѣдствіе безсилія суда вполнѣ выяснить обстоятельства дѣла. «Ясно сознаешь,—говоритъ Боровиковскій,—что для выясненія истины тутъ нужны были бы совсѣмъ другіе пріемы, да и споръ надлежало бы рѣшить вовсе не тѣми нормами, какими обязанъ руководствоваться гражданскій судъ. Конечно, у насъ есть оправданіе: доказательства представлялись (либо не представлялись) въ порядкѣ, указанномъ Уставомъ; истецъ долженъ доказать свой искъ, отвѣтчикъ свои возраженія; недоказанное считается несуществующимъ; мы такъ и поступили, а затѣмъ къ установленнымъ, такимъ образомъ, фактамъ примѣнили законъ. И все-таки чувствуешь себя какъ бы невольнымъ пособникомъ какого-то грѣха»...

Во всѣхъ отдѣлахъ этой недостаточно оцѣненной и мало извѣстной у насъ книги—говоритъ ли авторъ о давности, о чиншевомъ правѣ, о третьихъ лицахъ въ процессѣ, о судѣ и семьѣ или, наконецъ, о законѣ и судейской совѣсти—въ его словахъ звучитъ участливое отношеніе къ человѣку и стараніе вложить въ дѣятельность судьи стремленіе къ истинному правосудію, а не къ формальному только его отправленію. Онъ даетъ глубокіе и вдумчивые совѣты по вопросамъ объ аналогіи и о толкованіи законовъ,—съ ироніей рисуетъ развившееся у насъ «скоросудіе», идущее въ разрѣзъ съ правильнымъ понятіемъ о скоромъ судѣ, и горой стоитъ за гласность суда, требуя соблюденія ея съ педантическою ортодоксальностью. «Я не сочувствую,—говоритъ онъ,—обычаю рѣшать дѣла, не выходя изъ комнаты, если нѣтъ ни сторонъ, ни публики. Когда въ церкви молящихся нѣтъ, служба совершается сполна, согласно съ церковнымъ Уставомъ. Трудно поставить точную границу между опущеніемъ пустыхъ формальностей и халатностью. Я бы счелъ желательною даже гласность совѣщанія судей. Говорятъ, тайна совѣщаній ограждаетъ свободу мнѣній судей; да, но у судей нѣтъ такой «сво-

боды» мнѣній, для проявленія которой нужно «удаленіе въ особую комнату». Судья обязанъ рѣшить дѣло сообразно установленнымъ фактамъ и велѣніямъ закона. Если бы было введено гласное совѣщаніе, судьи стѣснялись бы этимъ развѣ на первое время, съ непривычки. На первыхъ порахъ, я послѣ рѣшеній, постановленныхъ безъ публичнаго доклада, въ совѣщательной комнатѣ, испытывалъ смущеніе, которое уподобляю именно тому, какое испыталъ бы священникъ, если бы вмѣсто провозглашенія молитвы среди церкви, какъ требуется церковнымъ Уставомъ, онъ прочелъ молитву вполголоса, не выходя изъ алтаря и не облачаясь... Скоро я къ этому порядку привыкъ, и *тѣмъ хуже для меня!*»

Особенною содержательностью отличаются его работы объ участіи судебной власти въ семейныхъ дѣлахъ. Онъ признавалъ, что гражданскій законъ можетъ охранять лишь внѣшній миръ семьи, но не предписывать почтеніе и любовь, какъ это онъ дѣлаетъ. Въ семейной распрѣ гораздо полезнѣе помощь и посредничество нравственнаго авторитета родственника, друга, духовника, но обращеніе къ суду только еще пуще расшатываетъ семью. По образному выраженію Боровиковскаго, «исполнительный листъ является въ семью не вѣткой мира: онъ, напротивъ, закрѣпляетъ вражду казенной печатью!»—Въ распоряженіи судебной власти нѣтъ цемента, которымъ можно замѣнить единственную связующую супруговъ силу—любовь. «Замѣна любви принужденіемъ, замѣна священныхъ узъ брака веревочными путами явилась бы кощунственной каррикатурой. Судъ безсиленъ *присудить семьѣ счастье:* онъ долженъ ясно сознавать предѣлы той помощи, которую въ состояніи оказать». Свои взгляды на судъ и семью Боровиковскій подробно развилъ въ двухъ блестящихъ статьяхъ (1902 г.): *«Конституція семьи»* и *«Бракъ и разводъ»*, въ которыхъ подвергаетъ суровой и вмѣстѣ съ тѣмъ полной юмора критикѣ проектъ новаго гражданскаго Уложенія съ его стремленіемъ замѣнить въ семейномъ правѣ юридическія начала—педагогическими, дидактическими и экономическими соображеніями. На множество вопросовъ, гдѣ жизнь приходитъ въ столкновеніе съ буквой закона, отозвался онъ статьями, полными чуткой и жизненной критики, чуждой педантической авторитетности, но сильной внутреннимъ содержаніемъ. Таковы его статьи въ юридическихъ журналахъ: «О правѣ и фактѣ», «О семейномъ правѣ раскольниковъ», «О проектѣ устава объ опекахъ», «Объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ», «О правахъ женщинъ по литовскому статуту», «О существѣ дѣлъ» и, наконецъ, «О печатномъ листѣ», которая, вѣроятно, и послужила, въ свое время, поводомъ къ приглашенію его въ члены неудачной комиссіи о пересмотрѣ законовъ о печати подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко.

Мы оба встрѣтились въ жизни весьма еще молодыми людьми: я—товарищемъ прокурора харьковскаго Окружного Суда, онъ—начинающимъ адвокатомъ, но познакомились ближе и сошлись, когда я, назначенный прокуроромъ петербургскаго Окружного Суда, пригласилъ его, какъ талантливаго цивилиста, въ мои товарищи для дачи заключеній по гражданскимъ дѣламъ. Несмотря на то, что въ мое время (1871—1875 гг.) составъ гражданскихъ отдѣленій суда былъ превосходенъ по знаніямъ, опыту и талантливости большинства входившихъ въ нихъ товарищей предсѣдателя и членовъ,—Боровиковскій почти сразу пріобрѣлъ среди нихъ авторитетъ и уваженіе. Къ его блестящимъ заключеніямъ судъ сталъ прислушиваться съ необычнымъ по отношенію къ

выступленіямъ прокуратуры въ гражданскихъ дѣлахъ вниманіемъ, а самъ онъ сдѣлался въ юридическихъ и литературныхъ кругахъ популярнымъ человѣкомъ. Но самъ онъ относился къ себѣ съ большою скромностью. Назначеніе оберъ-прокуроромъ гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената, вполнѣ имъ заслуженное, очень его встревожило. «Я просто подавленъ смущеніемъ, писалъ онъ мнѣ 12 марта 1895 года,—достаточны ли мои силы и знанія для высокаго дѣла, на которое меня зовутъ; для меня въ этомъ отношеніи было *большимъ облегченіемъ* узнать, что *Вы* относитесь съ сердечнымъ сочувствіемъ къ павшему на меня выбору. Если и вы не считаете задачу превосходящею мои способности, то это поистинѣ окрыляетъ меня. Итакъ: да поможетъ мнѣ Богъ!»

Это былъ человѣкъ оригинальный во всемъ, съ живою и остроумной рѣчью, проникнутой милымъ малороссійскимъ юморомъ. Съ нимъ можно было не соглашаться въ нѣкоторыхъ вопросахъ, но никогда нельзя было не отдать справедливости самостоятельности и независимости его взглядовъ. Русскій человѣкъ во всемъ, начиная съ неравномѣрности работы подъ вліяніемъ настроеній и кончая нѣкоторою наружной небрежностью, онъ привлекалъ къ себѣ незлобивостью, отсутствіемъ всякой ходульности и умѣньемъ иногда искренно подсмѣиваться и надъ самимъ собою. Такимъ онъ былъ въ старые годы своихъ первыхъ шаговъ на судебномъ поприщѣ, такимъ остался и на каѳедрѣ новороссійскаго университета и во всей своей дальнѣйшей широкой служебной дѣятельности.

Будучи назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, онъ писалъ мнѣ въ ноябрѣ 1894 года: «Сегодня переѣзжаю на казенную квартиру. Я—на казенной квартирѣ! Дивны дѣла Твои, Господи! и во снѣ не снилось! Того и гляди окажусь смотрителемъ хлѣбнаго магазина. Конечно, не смотрителемъ, а *помощникомъ* смотрителя. Поздравьте меня: вчера, во время *невыносимой скуки* нашихъ «совѣщаній» по кодификаціи, мнѣ удалось заставить Кронида Малышева хохотать до слезъ. Вѣдь это больше, чѣмъ заставить бѣлаго медвѣдя плясать мазурку. Какъ видите, «я по службѣ счастливъ».

Онъ былъ не только выдающимся юристомъ, но и поэтомъ. Это его свойство оказалось еще въ его первомъ литературномъ трудѣ: «*О женской долѣ по малороссійскимъ пѣснямъ*», а многія его стихотворенія, не могшія попасть въ печать, ходили по рукамъ, доставляя истинное наслажденіе красотой стиха и сжатостью, а также сердечностью сквозившаго въ нихъ чувства. Между ними почти нѣтъ лирическихъ, но по поводу такъ называемыхъ «гражданскихъ мотивовъ» они являются зрѣлой сатирой или проникнуты трогательными образами. Онъ самъ иронизировалъ надъ этими мотивами, спрашивая себя:

«За свои стихотворенья
Ты куда же мнишь попасть:
Въ олимпійскія ль селенья?
Въ полицейскую ли часть?»

Онъ умеръ, однако, хотя и не молодымъ, но и не состарившимся человѣкомъ, внезапно, среди оживленной дѣятельности. Память о немъ будетъ долго жить среди знавшихъ его, а будущимъ слугамъ Судебныхъ Уставовъ

надо будетъ учиться у него умѣнью примирять толкованія холоднаго закона съ сострадательнымъ отношеніемъ къ условіямъ и тяжестямъ гражданскаго быта. Въ одномъ изъ своихъ шутливыхъ стихотвореній онъ сказалъ:

«Вчера гулялъ я по кладбищу
Читая надписи могилъ.
Двумъ-тремъ сказалъ: зачѣмъ ты умеръ?
А остальнымъ: зачѣмъ ты жилъ?»

Теперь и онъ лежитъ на кладбищѣ, но каждый, кто читалъ или зналъ его, не задастъ себѣ вопроса: зачѣмъ онъ жилъ? и въ наше, бѣдное людьми, время съ грустью, быть-можетъ, спроситъ: зачѣмъ онъ умеръ?

Сергѣй Ѳедоровичъ Морошкинъ.

(1844—1900).

Членъ гражданскаго департамента харьковской Судебной Палаты—*Сергѣй Ѳедоровичъ Морошкинъ*, былъ сыномъ извѣстнаго профессора московскаго университета, Ѳедора Лукича Морошкина, автора цѣнныхъ по глубинѣ и самостоятельности изслѣдованія трудовъ *«О владѣніи»* и *«Объ уложеніи Царя Алексѣя Михайловича»*. Отъ него сынъ унаслѣдовалъ строгую ясность правоваго мышленія и горячую вѣру въ духовныя силы русскаго народа. Загоравшаяся заря близкой судебной реформы опредѣлила жизненный путь молодого юриста. Окончивъ, въ 1865 году, курсъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ онъ имѣлъ завидную долю слушать римское право у Никиты Крылова, государственное право у Чичерина и русскую исторію у С. М. Соловьева, Морошкинъ, побывъ краткое время подъ начальствомъ Н. В. Калачова при московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, поступилъ въ канцелярію только-что открытаго московскаго Окружного Суда. Назначенный въ 1867 году товарищемъ прокурора въ Харьковъ, онъ вскорѣ оставилъ службу и посвятилъ себя, въ истинномъ и лучшемъ смыслѣ слова, адвокатурѣ. Смотря на нее, вмѣстѣ съ дѣятелями первыхъ лѣтъ ея существованія, какъ на необходимую и равнозначущую составную часть всего судебнаго механизма, и отдавая ей свои способности и знанія, онъ прежде всего руководился желаніемъ содѣйствовать общему развитію и нравственному подъему дорогого ему дѣла родного правосудія. Заработокъ никогда не составлялъ его цѣли и всегда стоялъ у него на самомъ заднемъ планѣ. Идеалистъ по природѣ, тщательно оберегавшій достоинство своей профессіи въ глазахъ общественнаго мнѣнія, Морошкинъ принадлежалъ къ тѣмъ адвокатамъ, духовный обликъ которыхъ составляетъ украшеніе исторіи русской адвокатуры. Достаточно, въ этомъ отношеніи, упомянуть имена Доброхотова и Любимцева въ Москвѣ и Арсеньева, Спасовича, Стасова и А. М. Унковскаго въ Петербургѣ, чтобы вызвать въ видѣвшихъ ихъ дѣятельность свѣтлое воспоминаніе о безупречныхъ судебныхъ дѣятеляхъ на общую пользу, чуждыхъ исключительно личныхъ расчетовъ и оставшихся вѣрными идеѣ общественнаго служенія, которое никогда не превращалось у нихъ въ безразличное ремесло, лишь облеченное въ блестящія формы.

Такимъ былъ и неизмѣнно оставался также и Морошкинъ. Съ первыхъ же его шаговъ на новомъ поприщѣ судъ привыкъ видѣть въ немъ не только «сторону», но и надежнаго сотрудника въ разрѣшеніи сложныхъ гражданскихъ процессовъ. Принятіе имъ на себя веденія того или другого дѣла всегда вызывало предположеніе, что оно должно быть правымъ съ юридической стороны,—вызывало увѣренность, что оно, во всякомъ случаѣ, правое со стороны нравственной. Крайняя разборчивость его въ принятіи дѣлъ не могла не отразиться на его матеріальномъ благосостояніи: онъ умеръ, нуждаясь въ небольшихъ средствахъ, которыхъ у него не было даже для необходимой поѣздки съ лѣчебною цѣлью. Почти двадцать лѣтъ работалъ онъ на адвокатскомъ поприщѣ, значительную часть этого времени нося званіе предсѣдателя Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ Харьковскаго округа. Мягкій и чрезвычайно деликатный въ личныхъ отношеніяхъ, настойчивый ревнитель и насадитель нравственныхъ требованій, которыя должны быть предъявляемы адвокату въ разныхъ областяхъ его работы, и упорный труженикъ по сословнымъ дѣламъ и вопросамъ, Морошкинъ пользовался общимъ и безусловнымъ уваженіемъ не только своихъ товарищей, но и всего личнаго состава мѣстныхъ судебныхъ учрежденій. Ближайшее ознакомленіе съ его личностью и дѣятельностью выяснило ту службу, которую, въ званіи предсѣдателя Совѣта, онъ сослужилъ судебному вѣдомству, и побудило министра юстиціи въ 1887 году предложить ему мѣсто члена Палаты.

Стремясь душою къ судейской дѣятельности, покойный отдался новой работѣ съ неутомимымъ рвеніемъ и исключительною добросовѣстностью въ исполненіи своихъ обязанностей, понимаемыхъ въ самомъ широкомъ ихъ значеніи. Выступавшія предъ Палатою стороны знали, что сидящій предъ ними апелляціонный судья, съ исхудалымъ, блѣднымъ лицомъ, слабымъ голосомъ, преждевременною сѣдиною и прекрасными голубыми глазами, изучилъ каждое изъ докладываемыхъ не только имъ, но и подъ его предсѣдательствомъ, дѣлъ до самыхъ мельчайшихъ подробностей, тщательно вдумался въ нихъ и жадно ищетъ одну только истину, насколько она можетъ быть доступна его чуткой совѣсти и спокойному, глубокому, вооруженному обширными познаніями уму. Прекрасный товарищъ, исполненный добрыхъ чувствъ къ людямъ и снисхожденія къ ихъ слабостямъ, онъ былъ всегда лишь неумолимо строгъ къ себѣ, вмѣняя въ ничто свой нравственный и служебный авторитетъ, созданный безупречнымъ исполненіемъ долга, отъ котораго онъ не отступилъ ни разу во всю свою тяжелую, трудовую жизнь. Отсюда проистекали его скромность и полное отсутствіе служебнаго честолюбія. Когда въ началѣ девяностыхъ годовъ возникъ вопросъ о назначеніи его предсѣдателемъ департамента Палаты, онъ, несмотря на стѣсненныя матеріальныя обстоятельства, въ которыхъ находился, рѣшительно отклонилъ отъ себя это назначеніе, находя, что въ Палатѣ есть болѣе его заслуженные люди, достойные этого повышенія.

Въ послѣдніе годы жизни здоровье его окончательно подломилось, грозными признаками давая знать о безусловной необходимости отдыха отъ непосильной работы, но на просьбы друзей, уговаривавшихъ его взять продолжительный отпускъ и уѣхать на югъ или за границу, онъ отвѣчалъ отказомъ, указывая и на то, что не считаетъ для себя нравственно-возможнымъ увеличить своимъ отсутствіемъ работу товарищей. А между тѣмъ силы его угасали со дня на день. Мысль о возможности наступленія «негодности для

работы», тяжко угнетая его, присоединила къ физическимъ страданіямъ и душевныя муки... Эта возможность представлялась ему равносильною смерти. Наконецъ, на 56 году жизни, смерть принесла ему тотъ отдыхъ, въ которомъ онъ себѣ такъ безжалостно отказывалъ. Въ его лицѣ ушелъ одинъ изъ благороднѣйшихъ служителей правосудія, съ благоговѣніемъ принявшій и свято исполнявшій завѣты незабвенныхъ создателей Судебныхъ Уставовъ. Смерть его оставила трудно замѣнимый пробѣлъ въ рабочихъ рядахъ судебной арміи и, безъ сомнѣнія, вызвала самыя искреннія сожалѣнія въ товарищахъ, сослуживцахъ и всѣхъ, кто встрѣтилъ на своемъ пути его чистый и нравственно высокій образъ. Но несравненно тяжелѣе отразилась его кончина на тѣхъ, кто зналъ его близко, кто прочувствовалъ всю цѣльность его личности, кто, не всегда, быть можетъ, раздѣляя его строго консервативные взгляды, не могъ не цѣнить ихъ искренности, не могъ не видѣть трогательной чистоты его намѣреній, не могъ не согрѣвать свою усталую душу неизсякающимъ тепломъ его любви къ родинѣ, его вѣры въ науку, его неизмѣнной надежды на окончательное торжество правды всюду и во всемъ. Сознаніе того, что нѣтъ болѣе на чредѣ своего жизненнаго служенія этого вѣрнаго друга, этого «человѣка, въ немъ же льсти не бысть», должно оставлять въ ихъ сердцѣ незаживающее больное мѣсто...

Князь А. И. Урусовъ и Ѳ. Н. Плевако.

(† 1900). († 1908).

Въ первые годы по введеніи судебной реформы въ петербургскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ,—блестяще опровергая унылыя предсказанія, что для новаго дѣла у насъ не найдется людей,—выдвинулись на первый планъ четыре выдающихся судебныхъ оратора. Это были Спасовичъ и Арсеньевъ въ Петербургѣ, Плевако и Урусовъ въ Москвѣ. Несмотря на отсутствіе предварительной технической подготовки, они проявили на собственномъ примѣрѣ всю даровитость славянской натуры и сразу стали въ уровень съ лучшими представителями западно-европейской адвокатуры. Трое изъ нихъ уже сошли со сцены, а послѣдній, К. К. Арсеньевъ, не выступаетъ болѣе въ судебныхъ засѣданіяхъ, отдавшись всецѣло общественной дѣятельности журналиста и публициста. *Ѳедоръ Никифоровичъ Плевако* замолкъ позднѣе другихъ, но желая помянуть его, невольно хочется попутно сопоставить съ нимъ князя *Александра Ивановича Урусова*.

Они не походили другъ на друга ни внѣшностью, ни душевнымъ складомъ, ни характерными особенностями и свойствами своихъ способностей. Крупное лицо *Урусова* съ ироническою складкою губъ и выраженіемъ нѣсколько высокомѣрной увѣренности въ себѣ не приковывало къ себѣ особаго вниманія. Это было одно изъ «славныхъ русскихъ лицъ», на которомъ, какъ и на всей фигурѣ Урусова, лежалъ отпечатокъ унаслѣдованнаго барства и многолѣтней культуры. Большее впечатлѣніе производилъ его голосъ, пріятный высокій баритонъ, которымъ звучала размѣренная, спокойная рѣчь его съ тонкими модуляціями. Въ его движеніяхъ и жестахъ сквозило, прежде всего, изысканное воспитаніе европейски-образованнаго человѣка. Даже иронія его, иногда жестокая и безпощадная, всегда облекалась въ форму особенной вѣжливости. Въ самомъ разгарѣ судебныхъ преній казалось, что онъ снисходитъ къ своему противнику и съ нѣкоторой брезгливостью разворачиваетъ и освѣщаетъ по-своему скорбныя или отталкивающія страницы дѣла.

Инымъ представлялся *Плевако*. Скуластое, угловатое лицо калмыцкаго типа съ широко разставленными глазами, съ непослушными прядями длинныхъ темныхъ волосъ могло бы назваться безобразнымъ, если бы его не освѣ-

щала внутренняя красота, сквозившая то въ общемъ одушевленномъ выраженіи, то въ доброй, львиной улыбкѣ, то въ огнѣ и блескѣ *говорящихъ* глазъ. Его движенія были неровны и подчасъ неловки; неладно сидѣлъ на немъ адвокатскій фракъ, а пришепетывающій голосъ шелъ, казалось, въ разрѣзъ съ его призваніемъ оратора. Но въ этомъ голосѣ звучали ноты такой силы и страсти, что онъ захватывалъ слушателя и покорялъ его себѣ. Противоположность барину-Урусову, Плевако во всей своей повадкѣ былъ демократъ-разночинецъ, познавшій родную жизнь во всѣхъ слояхъ русскаго общества,—способный, не теряя своего достоинства, подыматься до его верховъ и опускаться до его «дна»,—и тутъ и тамъ все понимая и всѣмъ понятный, всегда отзывчивый и простой. Онъ не «удостаивалъ» дѣла своимъ «просвѣщеннымъ вниманіемъ», подобно Урусову, а вторгался въ него, какъ на арену борьбы, расточая удары направо и налѣво, волнуясь, увлекаясь и вкладывая въ него чаянія своей мятежной души. И если въ Урусовѣ чувствовался прежде всего талантливый адвокатъ, точно опредѣлившій и измѣрившій поле судебной битвы, то въ Плевако, сквозь внѣшнее обличіе защитника, выступалъ трибунъ, для котораго дѣло было лишь поводомъ и которому мѣшала ограда конкретнаго случая, стѣснявшая взмахъ его крыльевъ со всей присущею имъ силой.

Различно было и проявленіе особенностей ихъ ораторскаго труда. Основнымъ свойствомъ судебныхъ рѣчей Урусова была выдающаяся разсудочность. Отсюда чрезвычайная логичность всѣхъ его построеній, тщательный анализъ даннаго случая съ тонкою провѣркой удѣльнаго вѣса каждой улики или доказательства, но вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе общихъ началъ и отвлеченныхъ положеній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ дополнялъ свою рѣчь какимъ-нибудь афоризмомъ или цитатой, какъ выводомъ изъ разбора обстоятельствъ дѣла, но почти никогда онъ не отправлялся отъ какихъ-либо теоретическихъ положеній нравственной или соціальной окраски. Его рѣчь даже въ области общихъ выводовъ можно было уподобить великолѣпному ballon captif, крѣпко привязанному къ фактической почвѣ дѣла. Но зато на этой почвѣ онъ былъ искусный мастеръ блестящихъ характеристикъ дѣйствующихъ лицъ и породившей ихъ общественной среды. Достаточно вспомнить чудесную картину гнилой и преступной обстановки, въ которой дѣйствовали въ Петербургѣ разные темные «проводители дѣлъ» въ офиціальныхъ сферахъ, изображенную имъ по дѣлу Гулакъ-Артемовской, или характеристику дружелюбно-взаимнаго неисполненія долга при ревизіи частнаго акціонернаго общества въ ущербъ довѣрчивымъ акціонерамъ, данную имъ въ дѣлѣ общества взаимнаго поземельнаго кредита. На ряду съ такими характеристиками блисталъ его живой и подчасъ ядовитый юморъ, благодаря которому предъ слушателями, какъ на экранѣ волшебнаго фонаря, трагическіе и мрачные образы смѣнялись картинками, заставлявшими невольно улыбнуться надъ человѣческою глупостью и непослѣдовательностью. Остроумныя выходки Урусова иногда кололи очень больно, хотя онъ всегда зналъ въ этомъ отношеніи чувство мѣры. Логика доказательствъ, ихъ генетическая связь увлекали его и оживляли его рѣчь. Онъ былъ поэтому иногда очень горячъ въ своихъ возраженіяхъ, хотя всегда умѣлъ соблюсти вкусъ и порядочность въ пріемахъ. Я помню, какъ въ роли обвинителя, возражая защитнику, усиленно напиравшему на безвыходность денежнаго положенія подсудимаго,

Князь Александръ Ивановичъ Урусовъ.

внушавшую ему мысль зарѣзать своего спутника, Урусовъ вдругъ, въ разгарѣ рѣчи, остановился, оборвавъ свои соображенія, замолкъ въ какомъ-то колебаніи — и перешелъ къ другой сторонѣ дѣла. Во время перерыва засѣданія, на мой вопросъ о томъ, что значила эта внезапная пауза? не почувствовалъ ли онъ себя дурно? — онъ отвѣчалъ; — «нѣтъ! не то, — но мнѣ вдругъ чрезвычайно захотѣлось сказать, что я совершенно согласенъ съ защитникомъ въ томъ, что подсудимому деньги были нужны до зарѣзу, — и я не сразу справился съ собою, что бы не допустить себя до этой неумѣстной игры словъ»...

Но если рѣчь Урусова плѣняла своей выработанной стройностью, то зато ярко художественныхъ образовъ въ ней было мало: онъ слишкомъ тщательно анатомировалъ дѣйствующихъ лицъ и самое событіе, подавшее поводъ къ процессу, и заботился о томъ, чтобы точно слѣдовать начертанному имъ заранѣе фарватеру. Изъ этого вытекала нѣкоторая схематичность, проглядывавшая почти во всѣхъ его рѣчахъ и почти не оставлявшая мѣста для яркихъ картинъ, остающихся въ памяти еще долго послѣ того, какъ красивая логическая постройка выводовъ и заключеній уже позабыта.

И совсѣмъ другимъ дышала рѣчь Плевако. Въ ней, какъ и въ рѣчахъ Спасовича, всегда надъ житейской обстановкой дѣла, съ его уликами и доказательствами, возвышались, какъ маякъ, общія начала, то освѣщая путь, то помогая его отыскивать. Стремленіе указать внутренній смыслъ того или иного явленія или житейскаго положенія заставляло Плевако брать краски изъ существующихъ поэтическихъ образовъ или картинъ, или рисовать ихъ самому съ тонкимъ художественнымъ чутьемъ и, одушевляясь ими, доходить до своеобразнаго лиризма, производившаго не только сильное, но иногда неотразимое впечатлѣніе. Въ его рѣчахъ не было мѣста юмору или ироніи, но часто, въ особенности, гдѣ дѣло шло объ общественномъ явленіи, слышался съ трудомъ сдерживаемый гнѣвъ или страстный призывъ къ негодованію. Вотъ одно изъ такихъ мѣстъ въ рѣчи по дѣлу игуменіи Митрофаніи: «Путникъ, идущій мимо высокихъ стѣнъ Владычнаго монастыря, ввѣреннаго нравственному руководительству этой женщины, набожно крестится на золотые кресты храмовъ и думаетъ, что идетъ мимо дома Божьяго, а въ этомъ домѣ утренній звонъ подымаетъ настоятельницу и ея слугъ не на молитву, а на темныя дѣла! Вмѣсто храма—биржа, вмѣсто молящагося люда—аферисты и скупщики поддѣльныхъ документовъ, вмѣсто молитвы—упражненіе въ составленіи вексельныхъ текстовъ, вмѣсто подвиговъ добра—приготовленіе къ лживымъ показаніямъ—вотъ что скрывалось за стѣнами. Выше, выше стройте стѣны ввѣренныхъ вамъ общинъ, чтобы міру было не видно дѣлъ, которыя вы творите подъ покровомъ рясы и обители!» Нѣкоторыя изъ его рѣчей блистаютъ не фейерверкомъ остроумія, а трещатъ и пылаютъ, какъ разгорѣвшійся костеръ. «Подсудимая скажетъ вамъ,—кончается та же рѣчь:—да, я о многомъ не знала, что оно противозаконно. Я женщина.—Вѣримъ, что многое, что написано въ книгахъ закона, вамъ невѣдомо. Но вѣдь въ этомъ же законѣ есть и такія правила, которыя давнымъ-давно приняты человѣчествомъ, какъ основы нравственнаго и правового порядка. Съ вершины дымящагося Синая сказано человѣчеству: «не укради»... вы не могли не знать этого, а что вы творите?—вы обираете до нищеты прибѣгнувшихъ къ вашей помощи. Съ вершины Синая сказано: «не лжесвидѣтель-

ствуй»,—а вы посылаете ввѣрившихъ вамъ свое спасеніе инокинь говорить неправду и губите ихъ совѣсть и доброе имя. Оттуда же запрещено всуе призывать имя Господне, а вы, призывая Его благословеніе на ваши подлоги и обманы, дерзаете хотѣть обмануть правосудіе и свалить съ себя вину на неповинныхъ. Нѣтъ, этого вамъ не удастся: наше правосудіе молодо и сильно, и чутка судейская совѣсть!»

Изъ этихъ свойствъ двухъ выдающихся московскихъ ораторовъ вытекало и отношеніе ихъ къ изученію дѣла. Урусовъ изучалъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ, систематически разлагая его обстоятельства на отдѣльныя группы по ихъ значенію и важности. Онъ любилъ составлять для себя особыя таблицы, на которыхъ въ концентрическихъ кругахъ бывали изображены улики и доказательства. Тому, кто видѣлъ такія таблицы предъ засѣданіемъ, было ясно, при слушаніи рѣчи Урусова, какъ онъ переходитъ въ своемъ анализѣ и опроверженіяхъ постепенно отъ периферіи къ центру обвиненія, какъ онъ накладываетъ на свое полотно сначала фонъ, потомъ легкіе контуры и затѣмъ постепенно усиливаетъ краски. Наоборотъ, напрасно было бы искать такой систематичности въ рѣчахъ Плевако. Въ построеніи ихъ никогда не чувствовалось предварительной подготовки и соразмѣрности частей. Видно было, что живой матеріалъ дѣла, развертывавшійся передъ нимъ въ судебномъ засѣданіи, вліялъ на его впечатлительность и заставлялъ лѣпить рѣчь дрожащими отъ волненія руками скульптора, которому хочется сразу передать свою мысль, пренебрегая отдѣлкою частей и по нѣсколько разъ возвращаясь къ тому, что ему кажется самымъ важнымъ въ его произведеніи. Не разъ приходилось замѣчать, что и въ ознакомленіе съ дѣлами онъ вносилъ ту же неравномѣрность и, отдавшись овладѣвшей имъ идеѣ защиты, недостаточно внимательно изучалъ, а иногда и вовсе не изучалъ подробностей. Его рѣчи по большей части носили на себѣ слѣдъ неподдѣльнаго вдохновенія. Оно овладѣвало имъ, вѣроятно, иногда совершенно неожиданно и для него самого. Въ эти минуты онъ былъ похожъ на тѣхъ русскихъ сектантовъ мистическихъ вѣроученій, которые во время своихъ радѣній вдругъ приходятъ въ экстазъ и объясняютъ это тѣмъ, что на нихъ «духъ накатилъ». Такъ «накатывало» и на Плевако. Мнѣ вспоминается защита имъ въ Сенатѣ бывшаго предсѣдателя одного изъ крупныхъ Судовъ, обвиняемаго въ преступномъ попустительствѣ растраты его непосредственнымъ подчиненнымъ денегъ, отпущенныхъ на ремонтъ зданія. Несчастный подсудимый, попавшій съ блестящаго судебнаго пути на скамью подсудимыхъ, убитый и опозоренный, постарѣвшій за два года на двадцать лѣтъ, сидѣлъ предъ сенаторами и сословными представителями, низко опустивъ свое исхудалое, пожелтѣвшее лицо. Во время перекрестнаго допроса обнаружилось, что защитникъ почти совсѣмъ не изучилъ дѣла, а, ограничившись однимъ обвинительнымъ актомъ, путалъ свидѣтелей и сбивался самъ. Но вотъ начались судебныя пренія. Обвинитель—товарищъ оберъ-прокурора—сказалъ сильную, обстоятельную рѣчь и закончилъ ее приглашеніемъ судей вспомнить, какъ высоко стоялъ подсудимый на ступеняхъ общественной лѣстницы и какъ низко онъ палъ, и, примѣняя къ нему заслуженную кару, не забыть, что «кому много дано, съ того много и спросится». Фактическая сторона рѣчи Плевако была, какъ и слѣдовало ожидать по перекрестному допросу, довольно слаба, но зато картина родной, благодушной распущенности, благодаря которой легкомысленная

довѣрчивость такъ часто переходитъ въ преступное пособничество, была превосходна. Заключая свою защиту, Плевако «нашелъ себя» и, вспомнивъ слова обвинителя, сказалъ голосомъ, идущимъ изъ души и въ душу: «вамъ говорятъ, что онъ высоко стоялъ и низко упалъ и во имя этого требуютъ строгой кары, потому что съ него должно «спроситься». Но, господа, вотъ онъ предъ вами, онъ, стоявшій такъ высоко! Посмотрите на него, подумайте о его разбившейся жизни—развѣ съ него уже не достаточно спрошено? Припомните, *что* ему пришлось перестрадать въ неизбѣжномъ ожиданіи этой скамьи и во время пребыванія на ней. Высоко стоялъ... низко упалъ... вѣдь это только начало и конецъ, а *что* было пережито *между* ними! Господа, будьте милосердны и справедливы и , вспоминая о высотѣ положенія и о томъ, какъ низко онъ упалъ, подумайте о *дугѣ паденія!*» Въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина говорится о поэтѣ: «Но лишь божественный глаголъ до слуха чуткаго коснется—душа поэта встрепенется, какъ пробудившійся орелъ». Но «божественный глаголъ» говоритъ сердцу чуткаго человѣка не одними словами красоты и любви: онъ будитъ въ немъ и чувство прощенія и милости. Такой голосъ, очевидно, прозвучалъ для Плевако и заставилъ его проснуться и встрепенуться. Надо было слышать его въ эти минуты, видѣть его жестъ, описавшій дугу, чтобы, по выраженію его преобразившагося отъ внутренняго восторга лица, понять, что на него «накатило»....

Различно было и отношеніе каждаго изъ нихъ къ великимъ благамъ судебной реформы. Для Урусова—западно-европейца въ душѣ—Судебные Уставы были сколкомъ и проявленіемъ одной изъ сторонъ дорогой его мечтамъ и еще не испытанной нами западной политической жизни, а судъ присяжныхъ являлся учрежденіемъ, предъ которымъ, за неимѣніемъ лучшаго, можно было проявить свой ораторскій талантъ и блескъ своего общаго образованія. Для Плевако—Судебные Уставы были священными вратами, чрезъ которыя въ общественнную жизнь входила пробужденная русская мысль и народное правосознаніе. Для него судъ присяжныхъ являлся не только чѣмъ то, напоминавшемъ старину, но и исходомъ для народнаго духа, призваннаго проявить себя въ вопросахъ совѣсти и въ защитѣ народнаго міровоззрѣнія на коренныя начала общественнаго уклада. Поэтому онъ гораздо больше, чѣмъ Урусовъ, изучалъ Судебные Уставы, вникая въ нравственное и историческое содержаніе ихъ отдѣльныхъ частей и разсыпая въ своихъ судебныхъ рѣчахъ и кассаціонныхъ аргументахъ глубокія по мысли, прекрасныя по формѣ, опредѣленія значенія и внутренняго смысла нашихъ процессуальныхъ институтовъ. Его взгляды и теоріи не всегда можно было раздѣлить: проза буквы закона иногда лишала возможности согласиться съ увлекательностью его положеній и съ его восторженными *надстройками* надъ Судебными Уставами. Не думаю, однако, чтобы ему можно было когда-либо сдѣлать упрекъ, обращенный мною однажды въ шутливой формѣ къ Урусову, и который онъ впослѣдствіи добродушно вспоминалъ въ своихъ письмахъ ко мнѣ. «Поменьше бы таблицъ, побольше бы Уставовъ»,—сказалъ я ему, предсѣдательствуя въ одномъ большомъ дѣлѣ и разсматривая въ перерывъ засѣданія его излюбленныя таблицы концентрическихъ круговъ. Теоретически ставя судъ присяжныхъ очень высоко, Урусовъ не вѣрилъ ни въ ихъ непогрѣшимость, ни въ свойственный имъ здравый смыслъ... Онъ допускалъ это лишь постольку, поскольку былъ согласенъ съ приговоромъ;

въ противномъ случаѣ въ рѣчахъ и кассаціонныхъ жалобахъ своихъ онъ неособенно скупился на ироническую критику не всегда удачныхъ по формѣ отвѣтовъ присяжныхъ на поставленные имъ вопросы. Да и въ рѣчахъ его довольно часто и не безъ пользы для дѣла звучало поученіе присяжнымъ, конечно, болѣе талантливое, чѣмъ то, которое давалось обыкновенно въ безцвѣтныхъ «руководящихъ напутствіяхъ» предсѣдателей. Въ его рѣчахъ къ присяжнымъ всегда сквозило широкое образованіе человѣка, знакомаго въ *главныхъ чертахъ* съ правовыми вопросами, который популяризировалъ свой взглядъ на дѣло въ цѣляхъ вліянія на собравшихся предъ нимъ случайныхъ людей, къ низшей степени разнообразнаго развитія которыхъ онъ искусно приноровлялъ изложеніе хода своего мышленія.

Инымъ было отношеніе къ присяжнымъ Плевако—отношеніе, если можно такъ выразиться, проникновенное и подчасъ умиленное. Для него они были указанные судьбою носители народной мудрости и правды. Онъ былъ далекъ отъ поученія ихъ и руководства ими. Не отдѣляя себя отъ нихъ, онъ входилъ своимъ могучимъ словомъ въ ихъ среду и сливался съ ними въ одномъ, имъ возбужденномъ, чувствѣ, а иногда и въ вѣковомъ міросозерцаніи.

Не похоже было у нихъ и начало ихъ судебной карьеры. Плевако сразу пошелъ на адвокатскую дѣятельность и пріобрѣталъ извѣстность понемногу. Урусовъ вначалѣ искалъ службы, готовъ былъ стать судебнымъ слѣдователемъ, и лишь счастливая судьба, въ лицѣ прокурора Судебной Палаты, убоявшагося его молодости и неопытности, не дала заглохнуть его силамъ въ провинціальной глуши и толкнула его въ адвокатуру. Но зато здѣсь его съ первыхъ же шаговъ ждалъ огромный, неслыханный дотолѣ, успѣхъ. Войдя въ залу судебнаго засѣданія московскаго Окружного Суда по дѣлу Мавры Волоховой, обвиняемой въ убійствѣ мужа, какъ скромный кандидатъ на судебныя должности, назначенный защищать,—онъ вышелъ изъ нея, сопровождаемый слезами и восторгомъ слушателей и сразу повитый славой, которая затѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, ему ни разу не измѣнила. Я былъ въ засѣданіи по этому дѣлу и видѣлъ, какъ лямка кандидатской службы, которую былъ обреченъ тянуть Урусовъ, сразу преобразилась въ побѣдный лавровый вѣнокъ. Не смотря на сильное обвиненіе, на искусно сопоставленныя улики и на трудность иного объясненія убійства, чѣмъ то, которое давалось въ обвинительномъ актѣ, Урусовъ восторжествовалъ на всѣхъ пунктахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ему приходилось во время его долгой адвокатской карьеры говорить рѣчи, не менѣе удачныя и, быть можетъ, гораздо болѣе обработанныя. Но конечно, никогда не производилъ онъ своимъ чарующимъ голосомъ, изящной простотою рѣчи, искренностью тона и силою критическаго анализа уликъ болѣе сильнаго впечатлѣнія. Имъ овладѣло вдохновеніе судебной борьбы, развитое и обостренное глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ дѣла. Это слышалось, это чувствовалось. Умное, но некрасивое лицо его, съ широкимъ носомъ, засвѣтилось внутреннею красотою, а сознаніе своей силы и вліянія на слушателей окрылило Урусова и рѣчь его летѣла, ширясь, развиваясь и блистая яркими вспышками находчивости и остроумія. Когда онъ кончилъ и судъ объявилъ перерывъ, публика довольно долго сидѣла тихо и молчаливо, какъ будто зачарованная. Прокуроръ не возражалъ, предсѣдательское слово было кратко, и присяжные недолго совѣщались, чтобы произнести оправдательный приго-

Присяжный повѣренный

Ѳедоръ Никифоровичъ Плевако.

воръ. Когда подсудимая была объявлена свободной, публика дала волю своему восторгу. Волохову окружили, давали ей деньги, поздравляли. На Урусова сыпались ласковыя слова, привѣты, къ нему протягивались руки, искавшія его рукопожатія, и я самъ видѣлъ простыхъ людей, цѣловавшихъ его руку. Вчерашній скромный аспирантъ на должность слѣдователя гдѣ нибудь въ медвѣжьемъ уголкѣ съ ея разъѣздами, ночевками въ волостныхъ правленіяхъ или у станового, съ ея невидимой кропотливой работой и однообразіемъ, со вскрытіями и осмотрами, не глядя ни на какую погоду, — сразу занялъ выдающееся — и на долго первое въ Москвѣ — мѣсто въ передовыхъ рядахъ русской адвокатуры, которая праздновала тогда свой медовый мѣсяцъ. Рѣчь Урусова по дѣлу Волоховой уподобилась звукамъ индійскаго гонга, которые ростутъ и усиливаются по мѣрѣ того, какъ расширяется объемъ ихъ волнообразнаго движенія. Впечатлѣніе отъ нея, вызываемыя ею мысли о невинности подсудимой и страстное желаніе ея оправданія, наростали все болѣе и болѣе во время судебной процедуры, слѣдовавшей за рѣчью, и накоплялись, какъ электрическій зарядъ въ огромной Лейденской банкѣ. Слова: «нѣтъ, не виновна!» — разрядили эту банку въ одномъ общемъ взрывѣ восторга и умиленія. На другой день весь городъ говорилъ объ успѣхѣ Урусова, дѣла одно другого интереснѣе посыпались, какъ изъ рога изобилія — и онъ сталъ часто выѣзжать въ провинцію для уголовныхъ защитъ. Изъ московскихъ его дѣлъ въ первые мѣсяцы его дѣятельности многимъ осталось памятнымъ дѣло о сопротивленіи и противодѣйствіи властямъ, по которому обвинялся кондитеръ Морозкинъ, не хотѣвшій допустить полицейскихъ чиновъ къ осмотру торговаго помѣщенія, который онъ считалъ не согласнымъ съ закономъ. Дѣло, въ сущности, сводилось къ оскорбленію на словахъ, но ему почему-то была предана суровая окраска и значеніе «признака времени», будто бы состоявшаго въ колебаніи авторитета власти. Урусовъ необыкновенно искусно воспользовался присущимъ ему юморомъ, — подъ мягкимъ по формѣ прикосновеніемъ котораго иногда чувствовалось острое жало, — чтобы обратить въ шутку грозныя очертанія обвиненія противъ Морозкина. Сказавъ въ самомъ приступѣ въ своей рѣчи: «господа присяжные! Такого-то числа въ Москвѣ случилось необыкновенное происшествіе: кондитеръ Морозкинъ арестовалъ почти всю московскую полицію!» и т. д. онъ продолжалъ все въ томъ-же строго выдержанномъ тонѣ и «l'accusation croûla malgré l'appoint du président», какъ было-бы сказано въ французскихъ судебныхъ отчетахъ. «L'appoint du président» встрѣчался въ это время впрочемъ очень рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ судьи относились съ особымъ вниманіемъ къ рѣчамъ Урусова и признавали, что талантъ имѣетъ право иногда расправить свои крылья за предѣлы условныхъ и формальныхъ рамокъ.

Люди разнаго склада, Урусовъ и Плевако встрѣтились черезъ нѣсколько лѣтъ въ Рязани на громкомъ процессѣ, гдѣ передъ присяжными предстали принадлежавшіе къ высшему мѣстному обществу полковникъ и его возлюбленная, употребившіе средство, чтобы погасить молодую жизнь, ими данную и обличавшую ихъ близость. Это былъ бой гигантовъ слова: защита одной противорѣчила защитѣ другого, такъ какъ обвиняемые складывали не только тяжесть своего поступка, но и побужденія къ нему другъ на друга. Трудно отдать преимущество въ этомъ состязаніи кому-либо изъ двухъ бойцовъ. Все, что могли

дать красота, блескъ и архитектурная гармонія изложенія и даже мало свойственный Урусову паѳосъ для того, чтобы «склонить непокорную выю обвиняемаго подъ желѣзное ярмо уголовнаго закона», все это было дано Урусовымъ. Все, что можно было взять изъ книги жизненной правды, изъ глубокой вдумчивости въ сложную игру любви и ненависти, страха и мщенія для того, чтобы повернуть съ удивительнымъ искусствомъ и заразительною искренностью возмущенное чувство въ другую сторону, было взято Плевако. Знакомство съ этимъ процессомъ слѣдовало бы рекомендовать всѣмъ начинающимъ судебнымъ ораторамъ: изъ рѣчей обоихъ противниковъ они могутъ увидѣть, какъ въ стремленіи къ тому, что кажется правдой, глубочайшая мысль должна сливаться съ простѣйшимъ словомъ,—какъ на судѣ надо говорить *все*, что нужно, и только то, *что* нужно, и научиться, что лучше *ничего* не сказать, чѣмъ сказать *ничего*.

Двѣ точки зрѣнія существуютъ на уголовную защиту. Она есть *общественное служеніе*,—говорятъ одни. Уголовный защитникъ долженъ быть, по словамъ Квинтиліана, «мужъ добрый, опытный въ словѣ», вооруженный знаніемъ и глубокой честностью, безкорыстный и независимый въ убѣжденіяхъ, стойкій и солидарный съ товарищами; онъ правозаступникъ, но не слуга своего кліента и не пособникъ ему въ стремленіи уйти отъ заслуженной кары правосудія; онъ другъ, онъ совѣтчикъ человѣка, который, по его мнѣнію, не виновенъ *вовсе* или вовсе не такъ и не въ томъ виновенъ, *какъ* и *въ чемъ* его обвиняютъ. Не будучи слугою кліента, онъ, однако, въ своемъ общественномъ служеніи—слуга государства, и эта роль почтенна, такъ какъ нѣтъ такого преступника и падшаго человѣка, въ которомъ безвозвратно былъ бы затемненъ человѣческій образъ и по отношенію къ которому было бы совершенно безполезно выслушать слово снисхожденія. Уголовный защитникъ — говорятъ другіе — есть производитель труда, представляющаго извѣстную цѣнность, оплачиваемаго въ зависимости отъ тяжести работы и способности работника. Какъ для врача въ его практической дѣятельности не можетъ быть дурныхъ и хорошихъ людей, заслуженныхъ и незаслуженныхъ болѣзней, а есть больные, страданія которыхъ надо облегчить, такъ и для защитника нѣтъ чистыхъ и грязныхъ, правыхъ и неправыхъ дѣлъ, а есть лишь даваемый обвиненіемъ поводъ противопоставить доводамъ прокурора всю силу и тонкость своей діалектики, служа ближайшимъ интересамъ кліента и не заглядывая на далекій горизонтъ общественнаго блага.

Каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія имѣетъ свои достоинства и спорныя стороны, и преобладаніе въ дѣятельности защитника той или другой оправдывается не только темпераментомъ и личными вкусами, но въ значительной степени задачами судебнаго состязанія. Элементъ общественнаго служенія преобладалъ въ дѣятельности Плевако. Онъ отдавалъ нерѣдко оружіе своего сильнаго слова на защиту «униженныхъ и оскорбленныхъ», на предстательство за бѣдныхъ, слабыхъ и темныхъ людей, нарушившихъ законъ по заблужденію или потому, что съ ними поступили хотя и легально, но «не по Божью». Достаточно вспомнить дѣло о расхищеніи капитала кіевскихъ старообрядцевъ или знаменитое дѣло Люторическихъ крестьянъ, выступленіе по которому Плевако было, по условіямъ и настроеніямъ того времени, своего рода гражданскимъ подвигомъ. Онъ являлся и въ роли обвинителя, когда за спиною отдѣльныхъ

личностей виднѣлся такой порядокъ вещей, которому въ интересахъ общественнаго добра надо было наносить, выражаясь словами Петра Великаго, «немилостивые побои». Таковы двѣ его рѣчи по дѣлу игуменіи Митрофаніи и въ особенности вторая, напоминающая широкую и быструю рѣку, уносящую возраженія противника, какъ брошенныя въ нее вѣтви. Урусовъ былъ скорѣе врачъ у постели больного, тотъ врачъ, который иногда, приложивъ все свое искусство къ лѣченію и достигнувъ блестящаго исцѣленія, едва ли особенно желаетъ продолженія отношеній личнаго знакомства съ вырваннымъ имъ изъ когтей болѣзни. Но ни одинъ изъ нихъ не подавалъ повода къ справедливой тревогѣ, которая возникаетъ въ тѣхъ, къ счастію, довольно рѣдкихъ случаяхъ, когда *защита преступника* обращается въ *оправданіе преступленія*, при чемъ потерпѣвшаго и виновнаго, искусно извращая перспективу дѣла, заставляютъ помѣняться ролями. Оба оратора также совершенно свободны были въ своей дѣятельности отъ упрека въ томъ, что они приносятъ дѣйствительные интересы обвиняемаго въ жертву эгоистическому желанію возбудить шумное вниманіе къ *своему* имени и человѣка, а иногда и самый судъ присяжныхъ обращаютъ въ средство для своихъ личныхъ рекламныхъ цѣлей. Не они искали громкихъ и сенсаціонныхъ дѣлъ: ихъ искали эти дѣла...

Свойства дарованія и пріемы работы Урусова были слишкомъ индивидуальны, чтобы создать ему учениковъ. Могли быть только подражатели, да и то, если бы судьба ихъ одарила и физически такъ же, какъ ихъ образецъ. Но подражать Плевако было, по моему мнѣнію, невозможно, какъ нельзя подражать вдохновенію. Такое подражаніе всегда звучало бы фальшиво и рѣзало бы ухо, не достигая сердца. Но учениковъ онъ создалъ въ смыслѣ умѣнья подниматься отъ частнаго къ общему и итти не только по прямой линіи логическихъ размышленій, но и къ окружности по всѣмъ радіусамъ бытового и общественнаго явленія во всей его цѣльности.

Такъ шли они—Урусовъ и Плевако,—раздѣляемые взглядами, пріемами и симпатіями, сходясь и расходясь, въ теченіе долгихъ лѣтъ съ достоинствомъ неся службу слову, которая привлекла ихъ къ себѣ на яркой зарѣ Судебныхъ Уставовъ и которой они остались вѣрны, когда для этихъ Уставовъ наступили сумерки, предвѣщавшія недалекую тьму. Урусовъ не дожилъ до начала перерожденія законодательнаго строя Россіи, и былъ лишенъ возможности воскликнуть вмѣстѣ съ Пушкинымъ, котораго онъ — тонкій критикъ—сознательно любилъ и изучалъ: «да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!» Да и вообще, несмотря на блестящій успѣхъ первыхъ шаговъ его дѣятельности, судьба не была милостива къ Урусову, и онъ много выстрадалъ въ жизни. Вынужденное бездѣйствіе, вслѣдствіе административной ссылки въ Венденъ въ самомъ разгарѣ блестящей дѣятельности, не могло не отразиться на его душевныхъ силахъ. Медленное завоеваніе прежняго положенія, при чемъ онъ долженъ былъ пройти искусъ пребыванія въ прокурорскомъ надзорѣ и сопряженную съ этимъ іерархическую подчиненность—стоило ему много. Когда онъ снова сдѣлался адвокатомъ, у него уже не было бодрыхъ молодыхъ силъ и подкупающей молодой отваги. Житейскій опытъ принесъ много разочарованій и ничего не далъ для дальнѣйшаго развитія таланта. Наставшая затѣмъ жизнь въ Москвѣ въ средѣ друзей и любимыхъ занятій литературой, искусствомъ, коллекціонерствомъ, устройствомъ своего home могла бы дать позабыть грустные года насильственнаго молчанія и

исканія исхода въ мелкой журнальной работѣ. Но медленно, безпощадно и неотвратимо подкрался недугъ и подточилъ его силы. Отнявъ устойчивость въ ногахъ и слухъ, онъ сжалъ его въ объятіяхъ жестокихъ мученій, заставлявшихъ этого человѣка, такъ любившаго жизнь, жадно ждать смерти, какъ «небытія». Нѣтъ сомнѣнія, что доживи онъ до нашихъ представительныхъ учрежденій, онъ занялъ бы въ нихъ видное мѣсто въ ряду прогрессивныхъ дѣятелей. Въ его рѣчахъ блистали бы умѣстныя и умныя цитаты, хорошо продуманные историческіе примѣры, тонкія и остроумныя сравненія,—стрѣлы его ироніи больно задѣвали бы тѣхъ, на кого онѣ направлялись, и веселили бы единомышленниковъ,—а по національнымъ и религіознымъ вопросамъ онъ, конечно, подымался бы на высоту общечеловѣческихъ началъ и гуманности. Въ его словахъ звучали бы подчасъ протестъ и сарказмъ Вольтера. Но едва ли ему довелось бы проявить большое вліяніе: политическое краснорѣчіе совсѣмъ не то, что краснорѣчіе судебное. Въ основаніи послѣдняго лежитъ необходимость доказывать и убѣждать, то-есть, иными словами, необходимость склонять слушателей присоединиться къ своему мнѣнію. Но политическій ораторъ немногаго достигнетъ, убѣждая и доказывая. У него та же задача, хотя и въ другихъ формахъ, какъ и у служителя искусства: онъ долженъ, по выраженію Жоржъ Зандъ, «montrer et émouvoir», то-есть освѣщать извѣстное явленіе всею силою своего слова и, умѣя уловить создающееся у большинства отношеніе къ этому явленію, придать ему дѣйствующее на чувство выраженіе. Ему слѣдуетъ связать воедино чувства, возбуждаемыя яркимъ образомъ, и дать имъ воплощеніе въ легкомъ по усвоенію, полновѣсномъ по содержанію словѣ.

Для этой роли былъ созданъ Плевако. Уже больной и слабый, онъ успѣлъ произвести впечатлѣніе своею рѣчью и уловить единодушное настроеніе Нижней Палаты своимъ предложеніемъ «выйти изъ рубашки ребенка и облечься въ тогу мужа». Политическая рѣчь должна представлять не мозаику, не поражающую тщательнымъ изображеніемъ картину, не изящную акварель, а рѣзкіе общіе контуры и Рембрандтовскую «свѣтотѣнь». Легкій, но неотлучный скептицизмъ мѣшалъ бы въ этомъ Урусову, и, наоборотъ, мнѣ думается, что когда нужно было бы передать слушателямъ свою горячую вѣру и зажечь пламя въ ихъ душахъ,—однимъ словомъ, когда нужно было бы явиться не вождемъ единомышленныхъ взглядовъ, но вождемъ сердецъ, Плевако былъ бы трудно замѣнимъ. Судьба замкнула его уста при первомъ шагѣ въ обѣтованную землю, открывшуюся передъ нимъ. Но уже и въ томъ, что она открылась его взору, для человѣка его поколѣнія было счастье. Русскій человѣкъ до мозга костей, неуравновѣшенный и размашистый по натурѣ, мало читавшій, но много думавшій, глубоко религіозный, знатокъ и любитель Писанія, онъ былъ типическимъ выразителемъ своей родины и москвичемъ «съ ногъ до головы». И въ то время, когда въ мечтахъ объ отдыхѣ у европейца-Урусова, толкователя и поклонника Флобера, мастерски говорившаго по-французски и съ успѣхомъ выступавшаго предъ Парижскимъ судомъ въ шапкѣ и тогѣ адвоката, вѣроятно, носились весело озаренныя солнцемъ Елисейскія поля Парижа, оживленные движеніемъ пестрой, изящной толпы, мысли Плевако неслись на Воробьевы горы, витали вокругъ старыхъ стѣнъ и башенъ Дѣвичьяго монастыря и упивались воспоминаніемъ о вечернемъ звонѣ «сорока сороковъ».

Ихъ обоихъ уже нѣтъ. Они ушли, оставивъ по себѣ яркую и живую память въ исторіи русской адвокатуры и въ тѣхъ, кто могъ лично въ нихъ вглядѣться и къ нимъ прислушаться. Мы живемъ въ сѣрое время; сѣрые, лишенные оригинальности, люди дѣйствуютъ вокругъ насъ и своею массой затираютъ немногихъ выдающихся людей. Но эта полоса должна пройти! Урусовъ и Плевако были для своихъ современниковъ людьми, показавшими, какія способности и силы можетъ заключать въ себѣ природа русскаго человѣка, когда для нихъ открытъ подходящій путь. Провидѣніе ведетъ нашу родину дорогою тяжелыхъ испытаній, но пути къ проявленію силъ и способностей по немногу всетаки расширяются. Поэтому должны, не могутъ не явиться новые ихъ носители! Они *были*, и хочется думать, что Тургеневскій Уваръ Ивановичъ, поигравъ перстами и задумчиво поглядѣвъ вдаль, скажетъ еще разъ: *«будутъ!»*